А.П. ПЕТРОВ. СУБСТАНЦИОНАЛЬНЫЙ МОНИЗМ КАК ДИАЛЕКТИКА МАТЕРИАЛЬНОГО И ИДЕАЛЬНОГО И ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ ПРИНЦИП САМОРАЗВИТИЯ РЕАЛЬНОСТИ

А.П. ПЕТРОВ

СУБСТАНЦИОНАЛЬНЫЙ МОНИЗМ КАК ДИАЛЕКТИКА МАТЕРИАЛЬНОГО И ИДЕАЛЬНОГО И ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ ПРИНЦИП САМОРАЗВИТИЯ РЕАЛЬНОСТИ

А.П. ПЕТРОВ

СУБСТАНЦИОНАЛЬНЫЙ МОНИЗМ КАК ДИАЛЕКТИКА МАТЕРИАЛЬНОГО И ИДЕАЛЬНОГО И ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ ПРИНЦИП САМОРАЗВИТИЯ РЕАЛЬНОСТИ

2-е издание, уточнённое и дополненное

Москва

ОНТОПринт
СДЕЛАНО - СКАЗАНО

2020

УДК 101.8
ББК 87.21
П30

Петров А. П.

П30 Субстанциональный монизм как диалектика материального и идеального и основополагающий принцип саморазвития реальности / А. П. Петров. — 2-е изд., уточн. и доп. — М. : Издательство «ОнтоПринт», 2020. – 486 с.

ISBN 978-5-00121-318-5

В монографии в понятиях гегелевской диалектической логики исследована идея субстанционального монизма, выдвинутая Спинозой, о субстанциональном единстве (тождестве) протяжённости и мышления (в современном представлении материального и идеального), которая дополнена идеей Гегеля о субъектности субстанции (т.е. о её самодвижении посредством возникновения, развития и разрешения внутренних противоречий, являющихся причиной и механизмом саморазвития субстанции), что позволило логическим путём прийти к понятию саморазвивающейся субстанции. Следует особо подчеркнуть, что большое (во многом определяющее) значение в понимании и развитии понятия идеального имели идеи Э.В. Ильенкова о сущности идеального.

УДК 101.8
ББК 87.21

ISBN 978-5-00121-318-5

© Петров А.П., 2018
© Петров А.П., 2020, с изменениями

Татьяне

ПРЕДИСЛОВИЕ

Главным предметом рассмотрения и анализа в книге является *принцип субстанционального монизма*, впервые заявленный Спинозой, заключающийся в *диалектическом тождестве* (неразрывности различённого) материальной и идеальной сторон (моментов) объективной действительности (у Спинозы протяжённости и мышления).

Почему монизм и почему диалектика?

Объяснение мира и всего его многообразия, исходящее из признания факта, что мир развивается по *единой логике*, а его многообразие объясняется модусами этой единой логики, позволяет надеяться на познаваемость мира и его бесчисленных проявлений, поскольку в этом случае сохраняется логическая взаимосвязь вещей мира и эта связь может быть понята. Из так понимаемого монизма и будем исходить в дальнейшем изложении.

В свою очередь, *логика развития*, о которой идёт речь, может быть *только такой логикой, которая объясняет мир и его движение, исходя исключительно из него самого*, без привлечения внешних миру причин, поскольку в последнем случае придётся объяснять и эту иную логику внешнего воздействия, а мы остаёмся на почве монизма.

Такой логикой и является *диалектика*, которая объясняет движение реальности исходя из её *внутренней* интенции, т.е. как *само-движение, само-развитие*, механизмом которого является *внутренняя противоречивость – диалектическая логика и есть всеобщая логика развития*, вернее само-развития, реальности.

При этом *диалектичность* понимается исключительно в духе Гегеля – *саморазвитие осуществляется посредством возникновения, развития и разрешения внутренних противоречий между сторонами, моментами одной сущности*. И эти стороны представляют собой тождество, поскольку они не только принадлежат одной сущности, но и неразрывно связаны отношением особого рода – взаимной рефлексией и потому каждая из сторон является «своим иным» другой, одна без другой не существует, невозможна.

Обе рассмотренные мировоззренческие установки – *монистичность и диалектичность мира* – являясь фундаментальными условиями его развития, естественным образом подводят к необходимости выяснения вопроса о том, что же, собственно, представляет собой та реальность, которая существует и само-развивается и каким образом это происходит.

Именно точка зрения *субстанционального единства материального и идеального*, единства, понимаемого не формально, не как безразличной друг к другу их рядоположенности при сохранении несовместимого различия, но единства, понимаемого сущностно, в *спинозовском* духе, т.е. как тождества, в котором материальное и идеальное являются атрибутами (сторонами, моментами) *одной сущности* (субстанции), причём сторонами, составляющими *диалектическое* единство, т.е. сторонами одновре-

менно и различёнными, и неразрывными в своём единстве, дополненная *гегелевской* идеей *саморазвития* посредством становления, движения и разрешения *внутренних* противоречий, позволила прийти к пониманию *идеи и механизма саморазвития всего сущего как саморазвития субстанциональных сущностей*, внутреннее противоречие которых представлено постоянно изменяющимся, движущимся противоречием их материальной и идеальной сторон.

Поводом к написанию данной книги послужила потребность в осмыслении с точки зрения диалектичности развития катастрофических для огромной страны и её народов событий, приведших к разрушению только ещё возникающего *цивилизационного образования нового типа*, целью движения которого было достижение возможности полного освобождения человека от отчуждения его деятельности и переход из «царства необходимости» в «царство свободы», т.е. к полностью свободному развитию. Вернее сказать, потребность, оставшаяся неудовлетворённой вследствие отсутствия разработанных методов применения диалектической логики к процессам реальности, а также непрояснённости многих вопросов в существующем аппарате диалектики (например, проблема соотношения материального и идеального, вопрос о *действительных* сторонах противоречия, о сути и соотношении внутренних и внешних противоречий и т.д.). По указанной причине и пришлось обратиться к исследованию фундаментальных проблем диалектики, понимаемой как способ *саморазвития* и бытия, и мышления и на этом основании логически выводить вытекающие из этого принципа положения, которые становятся основанием последующего анализа процессов реальности.

Говоря о противоречиях, следует отметить, что, казалось бы, коль скоро противоречия мышления (гносеологические противоречия) имеют основанием противоречия реальности (онтологические противоречия) и вторичны по отношению к ним, то последние и следовало бы понять в первую очередь, выяснив их источник, сущность, характер и ясно определив, что именно представляют собой стороны (моменты) противоречий реальности (онтологических), и затем уже исследовать их в сфере гносеологии, мышления. Но исследовательская мысль предшественников почти исключительно сосредоточилась на противоречиях мышления, гносеологических, объявляя, в лучшем случае, что они являются отражением противоречий реальности, онтологических и тождественны им, и полагая, что поскольку онтологические противоречия даны априори, то достаточно на них только указать. К сожалению, такое положение мало что добавляет к пониманию сущности онтологических противоречий – дуализм онтологического и гносеологического, бытия и мышления остаётся не только непреодолённым, но и консервируется в таком виде.

Однако, справедливости ради следует сказать, что ретроспективный взгляд приводит к пониманию того факта, что без предварительного исследования противоречий мышления, огромная заслуга в чём принадлежит Канту и его последователям, преждевременное обращение к анализу противоречий реальности (онтологических противоречий) вряд ли привело бы к положительному результату. Но тем актуальнее эта проблема ви-

дится сейчас. И эта проблема явно глубже и шире отмеченного разведения на разные полюсы онтологических и гносеологических противоречий – речь следует вести не только о преодолении отмеченного дуализма, но, главным образом, о выработке ясной мировоззренческой позиции (и формулировании основ теории), монистически объясняющей диалектическое отношение онтологического и гносеологического, бытия и мышления. *Монистически* – значит утверждающей их сугубую *тождественность*, *неразрывную связь* и, как следствие, *субстанциональное единство*. *Диалектически* – т.е. видящей их *раздельность в этом единстве* и, тем самым, постоянное взаимодействие друг с другом (или, что то же, противоречивость), влияние друг на друга, перетекание друг в друга и, в конечном итоге, *снятие* своего отношения (противоречия) в новом качестве, также имманентно противоречивом.

Задача в том, чтобы соединить в субстанциональном единстве онтологическое и гносеологическое, бытие и мышление, причём объяснено это субстанциональное единство должно быть гносеологически, но только как естественное следствие субстанциональности реальности.

В своих основных положениях мировоззренческие аспекты диалектики в данном исследовании основываются на идеях, высказанных ещё древними греками. Но краеугольными камнями являются идея Спинозы о *субстанциональном единстве* (тождестве) протяжённости и мышления (в современном представлении материального и идеального) и идея Гегеля о *субъектности субстанции*, т.е. о её *самодвижении* посредством возникновения, развития и разрешения *внутренних* противоречий, являющихся причиной и механизмом *саморазвития* субстанции. Следует особо подчеркнуть, что большое (во многом определяющее) значение в понимании сущности идеального и развитии понятия идеального имела работа Э.В. Ильенкова «Проблема идеального».[1]

В теоретическом разделе книги рассмотрены некоторые проблемы диалектики, понимаемой как саморазвитие и объективной реальности, и мышления. При этом саморазвивающаяся действительность рассматривается как субстанция, – саморазвивающаяся сущность, представляющая тождество материальной и идеальной её сторон, – движение которой осуществляется посредством возникновения, развития и разрешения внутренних противоречий. Логическим путём выявлена сущность идеального и характер противоречивого взаимодействия материального и идеального как сторон субстанции, тождество которых обосновывает принцип субстанционального монизма.

Теоретические выводы, полученные из исследования принципа субстанционального монизма, использованы при анализе во втором разделе книги некоторых вопросов «прикладного» характера, таких как проблема источника прибавочной стоимости при полном отсутствии живого труда (переменного капитала), неясность с тенденций нормы прибыли к понижению, неточность в определении источника ренты и другие. Затронуты также некоторые вопросы общественного развития, классовых отношений

[1] *Ильенков Э.В.* Проблема идеального // Логос, № 1. – М., 2009.

и сущности современного капитализма, а также проблемные стороны социалистических общественных отношений. Поскольку цель прикладного исследования была определена как проверка работоспособности выводов, полученных в теоретической части, то сам прикладной анализ местами имеет обзорный, не сказать конспективный, характер.

Логически обоснованный в теоретической части исследования принцип субстанционального монизма позволил дать объяснение проблемам, указанным выше, и по-новому взглянуть на некоторые вопросы общественного развития, тем самым доказав свой исследовательский и прогностический потенциал. Впрочем, решающее слово, как всегда, за социальной практикой.

В данном, втором, издании монографии сделаны уточнения как редакционного, так и смыслового характера и добавлены несколько глав.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРИНЦИПА СУБСТАНЦИОНАЛЬНОГО МОНИЗМА И НЕКОТОРЫЕ ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ

Постоянны только изменения.

В этом разделе по ряду принципиальных положений диалектики изложены выводы автора, полученные путём логического анализа и не всегда совпадающие с общепринятыми и преобладающими в среде людей, считающих себя приверженцами диалектического направления. Положения, отличающиеся от давно привычных и потому никем не оспариваемых, автор старается выводить логически, а не бездоказательно постулировать. По-новому интерпретированы некоторые моменты сущности субстанции, идеального, соотношения и взаимодействия материального и идеального и некоторые другие вопросы. Полученные результаты позволили создать методологический инструмент, с помощью которого затем проанализированы некоторые проблемные положения политэкономии и сделаны выводы, которые, как представляется, дают возможность по-иному взглянуть на некоторые её категории, а также объяснить имеющиеся спорные вопросы (раздел «Применение принципа субстанционального монизма в анализе некоторых политэкономических и общественных проблем»).

1. Диалектичность как саморазвитие

Первые принципы мировоззрения, получившего впоследствии наименование диалектического, были озвучены более двух с половиной тысяч лет назад. Не так уж и давно, учитывая возраст человека, но в глубокой дали, если сопоставить со скоростью нарастания современного знания. Знаменательно, что мысль древних философов, размышлявших о мире, едва ли не первой своей идеей сформулировала положение о всеобщем движении, пронизывающем сущее, а также первооснове, составляющей материальный фундамент движения, и причине движения – противоречии[1]. И совершенно неважно, что в новое время взгляды античных мыс-

[1] «…Естествоиспытатели полагают, что если бы во вселенной исчезли бы спор и вражда, то из-за согласия всех вещей между собой не только остановились бы небесные светила, но прекратилось бы всякое рождение и движение…» (*Плутарх*. Избранные жизнеописания. – М.: Изд-во «Правда», 1987. С 241). Из контекста можно сделать заключение, что воззрения, о которых говорит Плутарх, не

лителей иногда в интеллектуальной простоте называют наивными, их глубина оказалась неисчерпаемой, из этих корней выросло древо современной философии, разделившееся на ветви, на первый, поверхностный взгляд, относящиеся к совершенно разным породам, прежде всего материализм и идеализм.

Философы и писатели, обращавшиеся к диалектике, часто начинали с определения диалектики, ссылаясь на Сократа, что диалектика есть искусство спора, диалога. При этом в следовании букве сочинений о Сократе нередко совершенно игнорировался самый дух сократовского видения диалектики не как столкновения мнений *разных людей*, а как сопоставления *разных*, *противоположных мнений*, утверждений. В этом суть диалектики Сократа – *выведение истины из противоположных оснований*.

Но главная идея сократовской диалектики, любезно изложенной для нас Платоном, из которой вытекает всё её содержание, заключается в мысли, что всё есть движение и без движения ничего не существует.

«Первоначало… таково: всё есть движение, и кроме движения нет ничего…

Все разнообразие вещей возникает от взаимного общения и движения…

В согласии с природой вещей должно обозначать их в становлении, созидании, гибели и изменчивости».[1]

Причём движение понимается как категория качественно-количественная: «Итак, я утверждаю, что видов движения два: изменение и перемещение».[2]

Отметим, что этот основополагающий постулат, основываясь только на себе, т.е. не определяя источника и, главное, объекта движения, тем самым себя ограничивал и оставлял за пределами мышления гносеологическую проблему чрезвычайной важности – что же, собственно, движется и каким образом.

К слову сказать, от внимания Сократа не ускользнул и краеугольный диалектический принцип (хотя и интерпретированный с субъективной стороны) всеобщей взаимосвязи, единства мира, в котором всеобщее, особенное и единичное существуют только как целое: людей, способных «охватывать взглядом единое и множественное… называю я… диалектиками».[3]

Принципиальным и имевшим значительные перспективы достижением древних философов было признание, наряду с объективностью сферы материального, также и объективности сферы идеального («…признаешь, что какие-то идеи сами по себе, с одной стороны, и то, что им причастно, с другой, существуют раздельно? – Да, – ответил Сократ»[4]), но их разве-

---

были чем-то исключительным не только в его время (I-II век н.э.), но и значительно ранее.

[1] *Платон.* Соч. В 4 т. Т. 2. – Изд-во С.-Пб. ун-та, 2006. С. 251.

[2] Там же. С. 284.

[3] Там же. С. 211.

[4] Там же. С. 420.

дение на самоизолированные полюсы породило проблему гносеологической несовместимости (нетождественности) материального и идеального и, как следствие, невозможность объяснения возникновения мышления из бытия и сути их взаимодействия. В то же время в эмпирии, практике этой проблемы не было, бытие и мышление не только существовали, но и активно взаимодействовали, что породило противоречие в мышлении, являющееся источником непримиримых философских воззрений вплоть до нашего времени.

Древние греки очень тонко подметили своеобразную *тождественность* материального и идеального – у них материальное *выражало* (представляло) *свою сущность* в «своём» (или, как скажет несколько позже Гегель – в «своём другом (ином)») идеальном. В свою очередь, идеальное (идея) *оформлялось* в «своём» материальном, выступало в реальности как нечто, имеющее конкретную вещественную форму.

Мысль о взаимном соответствии (тождестве) материального и идеального, высказанная греками – как в довольно абстрактной форме платоновского дуализма[1], так и в форме аристотелевского движения к монизму[2], – оказалась очень глубокой и перспективной. Но отмеченная тождественность в представлении греков была формальной - фактически материальное и идеальное рассматривались как самостоятельные атрибуты реальности, их взаимное соответствие только декларировалось, не имея *внутреннего* механизма согласования, взаимосвязи.

Только через две тысячи лет была высказана мысль, вплотную подведшая к решению проблемы сосуществования материального и идеального. Спиноза первым из мыслителей решился соединить, казалось бы, несовместное: протяжённость и мышление едины, тождественны[3], *две*

---

[1] «У Платона мы находим не только примат идеи над материей, но все эти идеи образуют у него свой собственный мир со своими собственными законами и с их всемогущей и вездесущей значимостью». (*Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А.* Платон. Аристотель. – М.: Молодая гвардия, 2005. С. 81).

[2] «Вся основа аристотелизма в том и заключается, что Аристотель мыслит себе идею вещи не как-нибудь отдельно от вещи и не где-нибудь в другом месте, чем то, которое занимает данная вещь, но в самой же вещи …Самым главным для Аристотеля было именно пребывание идеи вещи в самой же вещи, функционирование идеи вещи внутри самой же вещи, то есть всякое отсутствие разрыва между тем и другим и отсутствие какого бы то ни было дуализма». (Там же. С. 300).

[3] Тождество здесь и далее понимается в следующей трактовке: «…тождество в диалектике вообще (в том числе и в гегелевской) вовсе не есть метафизическое “одно и то же”. Это всегда тождество различного, тождество противоположностей» (*Ильенков Э.В.* Вопрос о тождестве мышления и бытия в домарксистской философии // Диалектика – теория познания. Историко-философские очерки. – М., 1964. С. 22).

У Гегеля: «Понятие тождества — простая соотносящаяся с собой отрицательность…» (*Гегель Г.* Наука логики. В 3 т. Т. 2. - М.: Мысль, 1970. С. 33); «Так как все есть другое другого, как *своего* другого, то в этом заключается как раз их *тождество*» (*Гегель Г.* Соч. В 14 т. Т. 9. – М.: Партиздат, 1932. С. 251).

Т.о. диалектической тождественности одновременно имманентно различие и,

стороны (атрибуты) одной сути – субстанции.

«3. Под *субстанцией* я разумею то, что существует само в себе и представляется само через себя, т.е. то, представление чего не нуждается в представлении другой вещи, из которого оно должно было бы образоваться.

4. Под *атрибутом* я разумею то, что ум представляет в субстанции как составляющее её сущность.

5. Под *модусом* я разумею состояние субстанции, иными словами, то, что существует в другом и представляется через это другое.

6. Под *богом* я разумею существо абсолютно бесконечное, т.е. субстанцию, состоящую из бесконечно многих атрибутов, из которых каждый выражает вечную и бесконечную сущность»[1].

«Что касается атрибутов, из которых состоит бог, то они суть не что иное, как бесконечные субстанции, из коих каждая должна быть бесконечно совершенна. …Из всех этих бесконечных субстанций до сих пор нам известны лишь две по их собственной сущности, а именно: мышление и протяжённость. Все остальное, что обыкновенно приписывается богу, не атрибуты, но лишь определённые модусы…».[2]

Отметим, к слову, противоречие в определениях Спинозы: субстанцией является бог (см. п. 6) и субстанциями же являются его бесконечные атрибуты («Что касается атрибутов, из которых состоит бог, то они суть не что иное, как бесконечные субстанции»). Однако, в соответствии с п. 3 этого быть не может. Но это не упрёк Спинозе, а констатация факта – внутренне глубоко противоречив сам материал исследования, что внешне проявляется в форме логических противоречий.

Под собственно бытием Спиноза понимает реальное существование нечто: «…я под совершенством понимаю только реальность или бытие»,[3] «…я начинаю с бытия (сущего, существа — Ens), под которым я разумею все то, что при ясном и отчётливом восприятии необходимо существует или по крайней мере может существовать».[4]

При этом нечто может представлять собой как субстанцию, так и её атрибуты, модусы и акциденции, бытие которых проявляется с разной степенью реальности: «…например, я замечаю, что в субстанции содержится более реальности, чем в её модусах или акциденциях, и отсюда ясно познаю, что она содержит также более необходимое и более совершенное бытие, чем акциденции».[5]

В литературе при рассмотрении вопроса о соотношении бытия и мышления совершенно чётко указывается на их различие, правда без убеди-

---

как следствие, отрицательность, внутренняя противоречивость. Диалектическая тождественность есть *единство различённых* сторон, понимаемое как их неразрывность – одно без другого невозможно.

[1] *Спиноза Б.* Избранные произведения. В 2 т. Т. 1. - М., 1957. С. 361.

[2] Там же. С. 104.

[3] Там же. С. 208.

[4] Там же. С. 267.

[5] Там же. С. 208.

тельного объяснения сущности этого различия, и как-то скороговоркой говорится об их единстве, тождестве, которое вовсе никак не объясняется, а только декларируется. Причём объясняется это тождество сугубо внешним образом и сугубо эмпирически – поскольку фиксируется совместное наличие и бытия, и мышления, то, следовательно, тем самым они сосуществуют в единстве. Но такая точка зрения совершенно не устраняет их дуализма, а напротив, закрепляет его и как логическое, и как онтологическое противоречие. Априорное эмпиристское (а по сути, схоластическое) утверждение единства бытия и мышления решения не представляет. Это единство должно быть логически выведено из объективной действительности.

В этом пункте следует определиться с методом дальнейшего исследования. Поскольку мы априори стали на точку зрения диалектичности, т.е. самодвижения, саморазвития реальности, то это предполагает поиск причины самодвижения *внутри* движущейся реальности и потому методологическим основанием анализа необходимо является диалектика Гегеля, принимающая за причину самодвижения *внутреннюю* противоречивость бытия.

Вернёмся к идее Спинозы о субстанциональной тождественности протяжённости и мышления. При внешней логичности и последовательности постулаты Спинозы глубоко внутренне противоречивы, что и стало причиной ограниченности выводов, так и не раскрывших полностью сущность субстанции.

Субстанция Спинозы «представляется… через себя» и «не нуждается в представлении другой вещи». Условие «не через другое» может означать только то, что субстанция не ограничена, т.е. не определена. Но в таком случае она должны определять себя посредством себя же, а это возможно только если субстанция разделяется внутри себя, устанавливает т.о. внутреннюю границу и определяется через своё иное (напомним, мы следуем методу Гегеля). Но субстанция у Спинозы одновременно и неделима – налицо логическое противоречие, что одновременно предстаёт как постановка вопроса, который у Спинозы ответа не имеет, что и отмечал Гегель.[1]

Движение субстанции, которая понимается как *само*развивающаяся сущность, возможно только за счёт разворачивания внутренних определений, т.е. путём возникновения, развития и разрешения внутренних противоречий – вот суть диалектики развития (точнее, саморазвития) реальности и отражающего её мышления. На этом пути субстанция, определяя себя, уже на первом шаге получает свои саморазличения, которые далее разворачивают дальнейшие определения уже из себя самих. И здесь воз-

[1] «…У Спинозы субстанция и ее абсолютное единство имеют форму неподвижного единства, т. е. не опосредствующего себя с самим собой, — форму какой-то оцепенелости, в которой ещё не находится понятие отрицательного единства самости, субъективность» (*Гегель Г.* Наука логики. - Т. 1. С. 332). «…Субстанция определяется не как различающее само себя, не как субъект» (Там же. С. 480).

никает противоречие отнюдь не формального, а сущностного характера. Если вновь возникающие определения[1] обладают качеством субстанциональности, т.е. саморазвитием, то в соответствии с аксиомой Спинозы эти определения (саморазличения) субстанции должны быть полностью изолированы друг от друга, – «не через другое», – и, более того, от самой исходной субстанции. Но такая субстанция внутри себя распадается на бесчисленное множество безразличных, хуже того, абсолютно «не видящих» друг друга сущностей, что равнозначно абсолютной пустоте. Возникает и вопрос – как же быть с эмпирически наблюдаемой всеобщей связью вещей? Коль скоро мы придерживаемся точки зрения диалектики, то возводимые абстракции не должны находиться в вопиющем противоречии с реальностью. Но есть и другой барьер, внутренний, преодолеть который невозможно в силу условий, налагаемых принятыми аксиомами – самоопределение и саморазвитие субстанции *сущностно* не может осуществиться, пока действительны условия «не через другое» и неделимости субстанции.

Обращаясь к принципу всеобщей связи вещей (что признавал и Спиноза), следует согласиться с тем, что это необходимо означает, что каждая вещь, обладая самоопределением, одновременно опосредствуется другими вещами, связана с ними (соответственно и наши понятия о вещах также не могут быть изолированными, «чистыми» понятиями, но только связанными множеством опосредствований между собой). А это означает, что самоизолированной спинозовской субстанции не может быть вообще, что субстанция может существовать только как нечто, содержащее в себе бесчисленное множество других форм. Последнее Спинозой определяется как Природа в целом. Но тогда лишены смысла рассуждения о субстанциональности как о самоизолированности, это совершенно ненужное дополнение к принципу самоопределения, саморазвития. Определение Природы как единственной действительности, как саморазвивающейся субстанции («через самое себя») не нуждается в необходимости её отрицательного соотнесения с чем-то другим – «не через другое». Природа как *саморазвивающаяся* субстанция вполне самодостаточна.

Когда же мы начинаем рассматривать Природу-субстанцию изнутри, то применение принципа изолированности к саморазвивающимся внутрисубстанциональным формам делает невозможным движение как таковое, поскольку противоречит эмпирически наблюдаемому принципу всеобщей связи. Т.о. саморазвивающиеся формы Природы также выступают как субстанциональные формы, развивающиеся «через самое себя», и посредством внутри- и межсубстанциональных связей создающие своё бесконечное многообразие.

Субстанция Спинозы не только едина, но и единственна в боге. Из этого следует, что всё сущее может образоваться из субстанции только путём редуцирования простого из более сложного.

---

[1] Очевидно, следует уточнить, что речь идёт об определениях саморазвивающейся реальности, т.е. о её саморазличении, и определении т.о. себя через своё иное.

Но Спиноза допускает также обратное – возникновение сложного из более простого, однако применительно к его принципу «не через другое» это допущение есть не более чем формальность. Т.о. развитие, понимаемое как движение от простого к сложному, невозможно, по крайней мере, необъяснимо. Этим допущением Спиноза только слепо следует эмпирии – ведь надо как-то объяснить неопровержимый эмпирический факт возникновения сложного из простого.

Чтобы обойти противоречие, вызванное признанием единственности субстанции, что не даёт объяснения многообразию действительности, Спиноза вводит понятие модуса – эту искусственную добавку, призванную объяснить бесконечное многообразие реальности.

Эту же цель преследует и декларирование бесчисленного множества атрибутов, хотя сам Спиноза в состоянии назвать только существование[1], протяжённость и мышление (хотя, строго говоря, уже, собственно, в актуальности протяжённости и (или) мышления имманентно предполагается существование). Что и неудивительно – ограничив число объектов (вернее, субъектов) саморазвития одной субстанцией невозможно без внутренних противоречий вывести всё богатство форм природы.

Впрочем, такое самоограничение единственностью субстанции вполне объяснимо признанием бога – постулата, вызванного благоговением перед мощью и бесконечностью природы и призванного через гипотетическую бесконечность его атрибутов оправдать бесконечность сущего. Здесь Спиноза целиком во власти эмпирии. Следствием является признание единственности субстанции как саморазвивающегося субъекта в целом и отказ всем другим *объектам реальности* в саморазвитии, в *субъектности*.

И, главное, несмотря на провозглашение монистичности субстанции, – *единства* в ней протяжённости и мышления, – субстанция Спинозы, тем не менее, сугубо дуалистична (вернее, множественна): атрибуты не могут непосредственно взаимодействовать между собой, т.е. субстанция представляет собой смесь независимых компонентов, существующих раздельно, и атрибуты соотносятся только через бога.[2] Формально декларированное единство субстанции тут же разрушено утверждением независимости атрибутов. А это уже шаг назад, к Декарту.

«Вещь, которая определена к какому-либо действию, необходимо определена таким образом богом, а не определённая богом сама себя определить к действию не может»[3] – а это значит, что причина всех атрибутов, модусов, вещей – в боге. Т.о. атрибуты, модусы не могут быть непосредственной причиной других атрибутов и модусов, и как следствие

---

[1] «Субстанциальность заключает в себе необходимо существование» (*Спиноза Б.* Избранные произведения. Т. 1. С. 410). Объявляя существование *необходимым* Спиноза, тем самым, пусть и не прямо, а косвенно, причисляет его к атрибутам.

[2] Это отмечал ещё Гегель: «Атрибуты не находятся ни в какой *дальнейшей определенной связи*… с субстанцией и друг с другом, помимо той, что они выражают субстанцию всю целиком...» (*Гегель Г.* Наука логики. – Т. 1. С. 480).

[3] *Спиноза Б.* Избранные произведения. - Т. 1. С. 385.

невозможно последовательное причинно-следственное развитие – как таковые атрибуты, модусы (вообще все вещи) иллюзорны и имеют существование по видимости, поскольку всё опосредствуется только богом и через бога и самостоятельного существования не имеет. А в боге – через идеи: «…как идеи атрибутов бога, так и идеи отдельных вещей имеют своей производящей причиной не объекты (ideata) свои или воспринимаемые вещи, а самого бога, поскольку он есть вещь мыслящая».[1] Идеи существуют независимо от своих идеатов, объектов – они принадлежность бога. Т.о. мышление бога и в боге – главный атрибут, причина причин. Не спасает положения и признание, что «порядок и связь идей те же, что порядок и связь вещей»[2], которое остаётся декларативным заявлением.

Поскольку материальное и идеальное у Спинозы отождествляются через бога (даже если этот бог есть природа в целом, а не некий персонализированный демиург), постольку отождествление материального и идеального осуществляется *внешним* к ним способом – *через иное* (бога, природу). Но это означает, что проблема истинной тождественности как *одновременно* и раздельности, и неразрывности (различения и связи) – т.е. тождественности, определяемой *внутренними* факторами соотносящихся сторон - не решена, а отодвинута в сторону. Материальное и идеальное, опосредствованные богом-природой, по-прежнему дуалистичны – декларация их тождественности есть сугубо формальное утверждение, не подтверждаемое *сущностью* их взаимодействия. Потому и гипотеза Спинозы, что причина субстанции находится в ней самой, утверждением «через бога-природу», выносится вовне – т.е. *самодвижения* субстанции нет, а есть внешняя сила, направляющая движение.

Налицо глубоко лежащий неявный объективный идеализм Спинозы. Часто высказываемые мнения о материализме Спинозы, базирующиеся на выводе, что под именем бога он имеет в виду вполне материальное основание – субстанцию, природу, игнорируют вышеуказанное положение. Спиноза – пантеист, единство мира для него в боге, которого можно и обезличить, назвав природой. Атрибуты едины исключительно в богеприроде, который(ая) и есть субстанция, непостижимым образом всё в себе соединяющая.

Однако, нельзя не отметить того факта, что своей глубокой идеей единства протяжённости и мышления в одной субстанции Спиноза пытается уйти от дуализма материального и идеального, неустранимого как в рамках вульгарного материализма (по крайней мере материализма, не объясняющего исчерпывающе сущности идеального), так и идеализма, и утвердить идею *субстанционального монизма*. Это чрезвычайно важный момент, хотя и оценённый диалектической мыслью высоко, но, к сожалению, в полной мере не получивший развития.

Фундаментальную идею *диалектичности как саморазвития* объективно существующей реальности наиболее последовательно и полно развил Гегель, взявший за основу развития идеальное основание.

---

[1] Там же. С. 406.
[2] Там же. С. 407.

В отличие от Спинозы, не указавшего источника и механизма саморазвития субстанции (кроме мало что объясняющей ссылки на т.н. причину)[1], что и дало повод Гегелю упрекнуть Спинозу в том, что его субстанция не обладает самодвижением[2] и, по сути, мертва, сам Гегель источник движения – противоречие – утвердил основой развития и одним из краеугольных камней диалектики.

Принцип отрицательности, рефлексии, возведённый Гегелем в абсолют (и это можно утверждать вполне уверенно), стал тем золотым ключиком, который открыл тайну движения реальности.[3] Но это не абстрактная отрицательность, применяемая к чему угодно, а рефлексия субъекта развития в себя (само-отрицание), соотнесение отрицаемого с отрицанием, становление противоречия, взаимодействие сторон противоречия вплоть до его разрешения – снятия противоположностей в новом качестве (отрицание отрицания). А это уже положительный момент – снятие противоречия и сохранение результата движения в новой, более полной форме.[4]

В самом общем смысле *диалектичность* можно определить как *неразрывное единство взаимно-обусловленного разделённого* или, конкретнее, как тождество *различения* (отрицания) и *объединения* (снятия отрицания, отрицания отрицания), что с формальной стороны предстаёт как тождество – с одной стороны, дифференцированного (единичного и особенного) и, с другой стороны – целого (общего, всеобщего).

Принцип саморазвития, основанного на самоотрицании (на саморазли-

---

[1] Справедливости ради следует сказать, что идея противоречия всё же прозвучала у Спинозы, к сожалению мельком, по́ходя, не получив должного, соответствующего её значению, развития: «Если в одном и том же субъекте возбуждаются два противоположных действия, то или в обоих из них, или только в одном необходимо должно происходить изменение до тех пор, пока они не перестанут быть противоположными» (Там же. С. 591). Противоречие у Спинозы, как видим, не источник движения, а, скорее, помеха ему.

[2] Выше мы уже отмечали это.

[3] «Величие гегелевской *«Феноменологии»* и ее конечного результата — диалектики отрицательности как движущего и порождающего принципа — заключается… в том, что Гегель рассматривает самопорождение человека как процесс…» (*Маркс К., Энгельс Ф.* 2-е изд. Соч. В 50 т. Т. 42. – М., 1955. С. 158).

[4] «…Познание логического положения о том, что отрицательное равным образом и положительно или, иначе говоря, противоречащее себе не переходит в нуль, в абстрактное ничто, а по существу лишь в отрицание своего особенного содержания, или, другими словами, такое отрицание есть не отрицание всего, а отрицание определённой вещи, которая разрешает самое себя, стало быть, такое отрицание есть определённое отрицание и, следовательно, результат содержит по существу то, из чего он вытекает; это есть, собственно говоря, тавтология, ибо в противном случае он был бы чем-то непосредственным, а не результатом. Так как то, что получается в качестве результата, отрицание, есть определённое отрицание, то оно имеет некоторое содержание. Оно новое понятие, но более высокое, более богатое понятие, чем предыдущее, ибо оно обогатилось его отрицанием или противоположностью; оно, стало быть, содержит предыдущее понятие, но содержит больше, чем только его, и есть единство его и его противоположности» (*Гегель Г.* Наука логики. - Т. 1. С. 107-108).

чении), развитии и разрешении возникшего противоречия превращает развивающуюся реальность (у Гегеля идею) в *субъект* собственного движения, что дало Марксу повод для утверждения, что «деятельная сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом, но только абстрактно»[1].

Гегель в стремлении вывести всё сущее из одного начала совершенно верно выразил *дух, суть* идеи Спинозы о *монистичности* субъекта, находящегося в основании самодвижения. Но, возвеличив идею как высшую истину и исток сущего, он логически необходимо низвёл материю до дополнения к идее, до её вторичного проявления в вещественности, тем самым сведя все формы взаимодействия материального и идеального как источника всего богатства мира к формальному следствию из идеи. Найдя источник самодвижения объективной реальности, рассматриваемой им как идея, и подробно описав механизм его действия, Гегель в конце своего исследования остановился перед проблемой перехода идеального в материальное, только кратко заметив, что «сосредоточивая себя в непосредственность *бытия*, идея как *целокупность* в этой форме есть *природа*»[2], и оставив открытой проблему этого перехода, т.е. *взаимодействия* идеального и материального.

Глубокая гегелевская идея саморазвития как самоопределения субъекта развития через саморазличение (отрицание) и дальнейшее движение полученного противоречия и его разрешение (снятие сторон в новом качестве) повисла в воздухе, поскольку, признавая право субъектности только за идеальным и отказывая в этом материальному, Гегель тем самым разводил их на противоположные несовместимые полюсы. Дуализм снова встал непреодолимым препятствием на пути познания реальности как *единой* саморазвивающейся сущности.

Тем не менее, принцип *саморазвития посредством внутреннего противоречия*, логически безупречно исследованный Гегелем, оказался тем эликсиром, который оживил субстанцию Спинозы. Как увидим в дальнейшем, спинозовская субстанция, в которой материальное и идеальное предстают как стороны *внутреннего диалектического противоречия*, глубоко исследованного Гегелем, и тем самым отождествляются *действительно*, а не формально, способна к *само*-развитию и потому является *субъектом* собственного движения – в этой субстанции Спиноза и Гегель пожимают друг другу руки.

Материализм во всех его версиях также не даёт чёткого развёрнутого объяснения не только механизму взаимодействия материального и идеального[3], но и сущности идеального, без чего решение вопроса о субъекте саморазвития невозможно. Т.о. материализм, как и идеализм, в неявном виде несёт на себе печать дуалистичности со всеми вытекающими из этого обстоятельства последствиями. Все интерпретации понятия идеального

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* - Т. 3. С. 1.
[2] *Гегель Г.* Наука логики. - Т. 3. С. 310.
[3] Ссылка на практику как на такой механизм есть не более чем эмпирическое указание на явление, сущность которого так и не объяснена.

вращаются вокруг известной фразы Маркса[1] и замечания Ленина[2] и не проясняют вопроса. Хуже того, со временем рассуждения о проблеме соотношения материального и идеального всё более и более уклонялись от гносеологической направленности в психологическую проблематику. Такой редукционизм окончательно низвёл принципиальную гносеологическую проблему до уровня тривиальности (не сказать – философской пошлости). Исключением являются, едва ли не единственно, исследование Э.В. Ильенкова «Проблема идеального», а также интересные замечания к нему М.А. Лифшица в «Диалоге с Эвальдом Ильенковым». Но об этом речь впереди.

В качестве частного случая рассмотрим ещё взгляд на диалектику Э.В. Ильенкова: «Диалектика в том и состоит, что нельзя определить материю как таковую, её можно определить лишь через её противоположность и только тем путём, что одна из противоположностей фиксируется как исходная, а другая – как возникающая из неё»[3].

Разумеется, что это не трактовка Ильенковым диалектики как целого, а только акцент на одном моменте её, рассматривающем связь материи и мышления. И именно на этот момент, акцентируемый Ильенковым – только на *отрицательную* («лишь через её противоположность») связь материи (материального) и мышления (и шире – идеального) и обратим внимание.

С этим утверждением нельзя согласиться в полной мере. Э.В. Ильенков только фиксирует противоположность материи и мышления и, останавливаясь на этой отрицательной рефлексии, неожиданно обрывает ход рассуждений, не доводя отрицание до его *диалектического* завершения – отрицания отрицания, снятия в новом качестве, в положительном.

Если мы говорим о диалектике, то суть дела состоит не в том, чтобы делать акцент только на отрицании (в данном случае противопоставления материального и идеального), а в том, что *каждое отрицание также, в свою очередь, отрицается*, т.е. стороны противоречия снимаются, порождая новое качественное состояние, представляющее собой уже положительное. Такое положительное как результат снятия содержит в себе стороны исходного противоречия, но уже не как явность, а как имплицитность. Т.е. имплицитность, сохраняющую стороны исходного противоречия, но уже в другой форме.[4]

Такая диалектика предстаёт уже в качестве не просто *статического*

---

[1] «…Идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 23. С. 21).

[2] «Мысль о превращении идеального в реальное *глубока:* очень важна для истории» (*Ленин В.И.* ПСС. 5-е изд. - Т. 29. С. 104).

[3] *Ильенков Э.В.* Ленинская диалектика и метафизика позитивизма. М.: Политиздат, 1980. С. 33.

[4] Вспомним Гегеля: снятие «имеет в немецком языке двоякий смысл: оно означает сохранить, *удержать* и в то же время прекратить, *положить конец*» (*Гегель Г.* Наука логики. - Т. 1. С. 168).

отрицательного соотнесения противоположностей (причём, подчеркнём, противоположностей *взаимо*обусловленных), а в качестве *движения* (точнее, *само*движения), опосредствуемого отрицанием. Движения, идущего через отрицание к положительному, также в-себе внутренне противоречивому.

Теперь можно применить так понимаемую диалектичность к отмеченным Ильенковым противоположностям.

Диалектика как логика[1] *объективного мира* (логика материального) – это *действительное движение*, саморазвитие его посредством постоянного возникновения, развития и разрешения *внутренних* противоречий, что было отмечено ещё древними греками и нашло логическое объяснение в диалектической логике Гегеля.

Диалектика как логика *мышления* (логика идеального) – это *отражение* в мышлении диалектической логики мира (и, соответственно, его *само*движения). Причём отражение, понимаемое не как пассивная рефлексия, а как активная деятельность с предметами мышления и последующим воплощением результатов мышления в практике, в деятельности человека (о сущности отражения речь впереди). Только такая диалектичность мышления человека соответствует диалектически саморазвивающемуся объективному миру – движению может соответствовать только движение.

Эти логики материального (онтология) и идеального (гносеология) *неразрывны* в своей *раздельности* и как таковые они *тождественны* и тем самым составляют *единую* логику действительности. Это *две* стороны (момента) *единой* диалектики саморазвития, соответствующие *двум* сторонам *единой* действительности – материальному и идеальному. И это также диалектический момент.[2]

То понимание диалектичности, которое мы отметили у Ильенкова, в основе верное, но ещё не достаточное. Это определение ставит стороны в позицию только взаимного отрицания, но должно быть и снятие этого отрицания – их соединение, отождествление в новом качестве, в положи-

---

[1] Логика понимается как движение предмета (материального предмета *объективной реальности* либо идеального предмета *мышления*) во вполне определённой (а значит закономерной, т.е. логичной) последовательности, в котором (движении) каждое актуальное состояние предмета имеет основание (причину) в своём *собственном* предыдущем состоянии. При этом причина имеет своим источником внутреннюю противоречивость предмета и есть естественное следствие последней.

[2] «Раздвоение единого и познание противоречивых частей его… есть *суть* (одна из „сущностей", одна из основных, если не основная, особенностей или черт) диалектики… На эту сторону диалектики обычно… обращают недостаточно внимания: тождество противоположностей берётся как сумма *примеров*… а не как *закон познания (и* закон объективного мира)» (*Ленин В.И.* ПСС. - Т. 29. С. 316). В ленинской трактовке диалектики ясно видно понимание её сути («раздвоение единого и познание противоречивых частей его») как *всеобщего* принципа развития – и как диалектики *мышления* («закон познания»), и как диалектики развития *объективного мира* («закон объективного мира»).

тельном. Последнее и означает, что материальное и идеальное есть стороны *одной*, внутренне противоречивой реальности, понимаемой как субстанция и являющейся *субъектом* собственного *само*развития. Только таким путём может быть преодолён дуализм материального и идеального и обретено понимание диалектики как *всеобщей* логики развития, вернее, *само*развития субстанционального, единого материально-идеального мира.[1]

Говоря о диалектике, следует чётко акцентировать такой аспект диалектичности как распространение её действия на сферы и бытия, и мышления. Поскольку разногласия в этом вопросе среди сторонников диалектизма давно стали достоянием истории, и убеждение в том, что диалектичность движения есть сущность как бытия, реальности, так и мышления, его отражающего, и это факт, утверждаемый не только логически, но повсеместно подтверждаемый эмпирически, то сомнения в данном вопросе будут существенным отступлением назад и проявлением архаических взглядов.

Есть и другая сторона данного вопроса, а именно – разделение диалектики на т.н. объективную и субъективную. К объективной диалектике относят сферу бытия, онтоса, к субъективной – сферу мышления, отражения бытия в мышлении. Но коль скоро сторонники диалектики соглашаются, что обе сферы развиваются по одним и тем же диалектическим законам, то логично признать, что существует *общее – диалектичность как принцип саморазвития*, которому подвластны и онтологические, и мыслительные объекты и процессы, и *особенное* – способ (метод) действия с мыслительными объектами. Общее получает логическое развитие в особенном и переход общего в особенное и обратно (познание и практика) есть двунаправленный процесс их согласования, взаимодействия, отождествления.

Подводя итог можно сказать, что *диалектичность (диалектика)* есть:

- в широком смысле (как всеобщее) – способ саморазвития действительности, рассматриваемой в единстве (тождестве) её материальной и идеальной сторон. При этом саморазвитие осуществляется посредством возникновения, развития и разрешения *внутренних* противоречий объективной реальности, понимаемой как *субстанция*, в единстве её материальной и идеальной сторон;

- в узком смысле (как единичное и особенное) – способ (метод) постижения и изменения действительности человеком, тождественный её диалектической сути, что осуществляется посредством рефлексии (отражения) реальности в мышлении и действий мышления *со своими* предметами, а также последующей реализацией результатов мышления в практике. Т.о. *самодвижение мышления неразрывно связано с самодвижением*

[1] Отметим, к слову, что Ильенков ставит во взаимное соответствие материю и мышление – «…одна из противоположностей фиксируется как исходная, а другая – как возникающая из неё». Другими словами, мышление есть иное материи, что косвенно указывает на их внутренне обусловленную взаимосвязь и противоречивость – и как таковые они находятся в тождестве, в субстанциональном единстве, которое обладает *внутренним* потенциалом саморазвития.

реальности.

Определив фундаментальный принцип диалектики как саморазвитие посредством саморазличения (*само*-различения – поскольку различение осуществляется не внешним образом, а имманентно самому процессу движения), возникновения, как следствие этого акта, противоречия между возникшими сторонами (определениями), которое является источником и движущей силой развития, и его последующего разрешения (снятия сторон противоречия в новом качестве), следует рассмотреть подробно вопрос о собственно самодвижущейся реальности или, что то же самое, *субъекте* саморазвития.[1]

Но скажем прежде о том, что представляется главным, определяющим в диалектике Гегеля.

1.1. О сути дела «Науки логики»

Вклад Гегеля в исследование диалектического метода настолько велик и мысли, высказанные им, настолько глубоки, что имеет смысл, хотя бы в общих чертах, выделить в его труде главную идею, составляющую *суть* гегелевской диалектики.

Все логические построения Гегеля основаны всего на двух постулатах:

- всё сущее *само*развивается;

- причиной, источником и механизмом саморазвития является *внутреннее противоречие*, стороны которого тождественны (т.е. неразрывны в своём различии – одна без другой не имеет самостоятельного значения, более того, не существует).

Идея *само*развития выступает как *тотальность*, детерминирующая движение мысли Гегеля. Поэтому в фокусе его анализа находится не что-то конкретно представляемое, *не вещь*, *а процесс*, самодвижение как таковое – и это совершенно ясно просматривается при внимательном прочтении «Науки логики». Потому Гегель и не определяет вначале объект самодвижения как что-то конкретное – материальное, либо идеальное, – но как ещё полностью неопределённое – совершенно абстрактное «бытие» («Бытие, неопределенное непосредственное, есть на деле *ничто* и не более и не менее, как ничто»[2]).

И поскольку с самого начала это «бытие» или, что то же, «ничто» предстаёт как *внутренне противоречивое* и потому «беспокойное», то это беспокойство и становится потенциалом самодвижения «ничто» к его новому, также внутренне противоречивому, состоянию. Отмеченный потенциал есть следствие не просто некоторой неоднородности, которая возникает ввиду различия сторон противоречия, но исключительно в силу того, что *стороны противоречия в своей различности тождественны*, *неразрывны*, т.е. они внутренне *связаны отношением особого рода – рефлекси-*

[1] На данном этапе мы абстрагируемся от всех иных диалектических положений, развиваемых в теории диалектики, как имеющих подчинённый характер к изложенному основополагающему принципу и вытекающих из него.

[2] *Гегель Г.* Наука логики. - Т. 1. С. 140.

ей, отражением, представлением одного через другое и в другом. Это особое отношение, рефлексия, прочнейшим образом связывает рефлексирующее и рефлексируемое[1] в противоречивое взаимодействие. Противоречивое – поскольку стороны различны; взаимодействие – поскольку они внутренне *необходимо* связаны, неразрывны.

Но это противоречивое взаимодействие, которое по сути есть не что иное, как развитие, движение противоречия, возможно исключительно внутри некоего целого, объемлющего стороны противоречия. Только в рамках такого целого, называемого Гегелем *субстанцией*, возможно движение и разрешение противоречия, его *снятие* в новом, также противоречивом, состоянии.

«Если кажется, что одно такое акцидентальное выказывает власть над другим, то [на самом деле] оба их объемлет собой власть субстанции, которая как отрицательность полагает неодинаковое значение, определяя одно как преходящее, а другое — с другим содержанием и как возникающее, или первое — как переходящее в свою возможность, а второе — как переходящее при этом в действительность; субстанция вечно раздваивается на эти различия формы и содержания и вечно очищает себя от этой односторонности, но в самом этом очищении вновь определяет и раздваивается».[2]

В данном случае у Гегеля акцидентальное, акциденции – то, что «…*не имеют власти* (Macht) друг над другом»[3], т.е. независимы, нейтральны. Но стороны диалектического противоречия взаимодействуют в рамках целого, субстанции, детерминирующей их связь, и движение (разрешение) противоречия осуществляется как прехождение одной стороны и становление другой стороны, как движение от возможности к действительности.

В противоречивом взаимодействии рефлексирующее предстаёт, на первый взгляд, как активная сторона, как инициатор движения, рефлексируемое же как пассивная сторона. Рефлексирующее преходит, рефлексируемое становится – возможность переходит в действительность. Но, по сути, это движение сторон противоречия есть не что иное, как *движение целого* – субстанции – внутренняя противоречивость которой остаётся неизменной как принцип, в движении своём изменяя только форму внутреннего противоречия.

Осуществляя своё самодвижение гегелевское вначале никак не определённое «нечто», саморазличая (саморефлексируя) себя, предстаёт как наличное бытие, внутренне противоречивое и потому обладающее потенциалом самодвижения. «Нечто», оформившее себя как наличное бытие, является не только *объектом*, проходящем в своём развитии ряд состояний (форм), но одновременно и *субъектом* собственного самодвижения, а

---

[1] Гегель очень точно характеризует рефлексируемое как «своё другое», т.е. как то, что хотя и отличается от рефлексирующего, но, тем не менее, внутренне связано с ним, неотделимо.

[2] *Гегель Г.* Наука логики. - Т. 2. С. 206.

[3] Там же.

в таком качестве оно есть не что иное как *субстанция*, т.е. то, что саморазвивается в силу *внутренних* потенций, по *внутренним* причинам. Как таковая субстанция *субъектна*, самостоятельна в своём самодвижении, *диалектична* (самоотрицательна и одновременно самотождественна) *внутри* себя, имманентно. Иначе ни о каком *само*движении (*само*развитии) не может быть и речи.

Рассматривая гегелевский анализ процесса самодвижения как такового в целом, как единый, внутренне связанный процесс, осуществляющийся во вполне определённом порядке, по единой логике, нетрудно увидеть, что идея внутренней противоречивости как источника самодвижения позволяет *логически* последовательно вывести весь путь движения некой реальности, представленной вначале как неопределённое «нечто», до её полного оформления в завершённости саморазвития (у Гегеля в виде абсолютной идеи).

Анализируемый Гегелем путь саморазвития есть движение от простого наличия чего-то пока неопределённого, «нечто», которое представляет собой просто *существование* как таковое. Но вначале это существование ещё не есть *бытие*, понимаемое как процесс, движение. Только посредством саморефлексии, различив и тем самым определив (отграничив) себя и своё иное в этом отрицающем (ограничивающем) акте, «нечто» совершает первый шаг на диалектическом пути саморазвития и являет себя (становится) уже в форме *наличного бытия*, внутренне противоречивого.

Гегелевское наличное бытие знаменует собой выход существования, понимаемого как простое наличие чего-то аморфного, неопределённого, «естьствующего» (наличествующего, но не бытийствующего, ещё не движущегося) на сцену реальности, развития.

В дальнейшем самодвижении наличное бытие наполняется новыми определениями, качествами, вплоть до различения себя с количественной стороны и, наконец, во всех своих качественно-количественных определениях обретает *сущность* как свою внутреннюю характеристику, наполнение, содержание. И вся эта *само*-деятельность, *само*развитие происходит за счёт внутренней саморефлексии (внутреннего отражения), в каждом акте самодвижения воспроизводящей стороны противоречия, которые затем снимаются в новом, также внутренне противоречивом, качестве.

Сущность, рефлексируя уже самое себя, переходит на совершенно новый уровень саморазвития – это уровень *понятия* в гегелевском анализе или, другими словами, понимания себя, осознавания.

Но самодвижение субстанции этим шагом не завершается. Рефлексия уже понятия (сознания) завершается становлением понятия понятия, *абсолютной идеей* как снятием в себе всех ранее развитых определённостей. Понятие понятия – это уже *самосознание*[1] саморазвивающейся субстанции. Такая абсолютная идея есть *всеобщее*, как средоточие всего пути саморазвития.

[1] «Понятие, достигшее такого существования, которое само свободно, есть не что иное, как Я, или чистое самосознание» (*Гегель Г.* Наука логики. - Т. 3. С. 16).

Теперь, по Гегелю, абсолютная идея способна развернуть все свои определённости в реальности, в природе.

Суть гегелевской диалектики в том, что «нечто» (причём для понимания гегелевской мысли совершенно неважно, что именно представляет собой это «нечто» - материальное либо идеальное) *саморазвивается* от простого никак не оформленного существования этого «нечто» сначала до актуализации себя в наличном бытии, потом до оформления существования (сущности) и затем до осознания себя (понятия в гегелевской трактовке) и, далее, до возникновения *самосознания* (понятия понятия), содержащего в себе все определения пройденного пути и потому предстающего, по Гегелю, как абсолютная идея.[1]

И хотя было бы не только неосмотрительно, но и наивно для материалиста воспринимать все логические построения и выводы Гегеля некритически,[2] невозможно не признать, что идея *субстанционального диалектического саморазвития* есть самое ценное достижение гегелевской философии.[3]

Именно идея саморазвития посредством становления, развития и разрешения внутренних противоречий, т.е. диалектического саморазвития, и есть самая ценная мысль, которая проходит красной нитью через всю гегелевскую «Науку логики».

В таком саморазвитии имманентно представлено всё необходимое и всеобщее, неразрывная связь между частным и целым, тождество и различие сторон противоречия. В этом саморазвитии саморазвивающаяся сущность предстаёт одновременно и как *субъект*, и как *объект саморазвития*, т.е. как *субстанция*, активная деятельность которой направлена на самое себя, на осуществление *самодвижения*.

Тот факт, что Гегель исследовал саморазвитие в идеальных формах, есть то частное, которое никак не может опровергнуть общего – *истинности и самоценности идеи саморазвития* в её сущности. Именно последнее обстоятельство и позволило Ленину сказать, что «надо углубить познание материи до познания (до понятия) субстанции, чтобы найти причины явлений. …Действительное познание причины есть углубление по-

---

[1] «Замечательно, что вся глава об „абсолютной идее" почти ни словечка не говорит о боге (едва ли не один раз случайно вылезло „божеское" „понятие"), и кроме того – *это NB* – почти не содержит специфически *идеализма*, а главным своим предметом имеет *диалектический* метод. Итог и резюме, последнее слово и суть логики Гегеля есть *диалектический метод* – это крайне замечательно. И еще одно: в этом *самом идеалистическом* произведении Гегеля *всего меньше* идеализма, *всего больше* материализма. „Противоречиво", но факт!» (*Ленин В.И.* ПСС. – Т. 29. С. 215).

[2] «Логику Гегеля нельзя применять в данном ее виде; нельзя брать как данное. Из нее надо выбрать логические (гносеологические) оттенки, очистив от Ideenmystik; это еще большая работа» (Там же. С. 238).

[3] «Создание Гегелем логики становления явилось наивысшим достижением западной философии» (*Лосев А.Ф.* Дерзание духа. – М.: Политиздат, 1988. С. 134).

знания от внешности явлений к субстанции»[1] и сделать обобщающий вывод – «объективный (и ещё более абсолютный) идеализм зигзагом (и кувырком) подошёл вплотную к материализму, частью даже *превратился в него*».[2]

Интерпретируя идею саморазвития Гегеля и следуя его логическому анализу в материалистическом духе, т.е. поставив на место гегелевского «нечто» материю (объективную реальность), то, пройдя весь путь гегелевского анализа саморазвития «нечто», а в нашем случае косной материи, мы придём к тому результату, что материя в форме внутренне противоречивой саморазвивающейся сущности (субстанции), пройдя ряд форм (следует подчеркнуть – *субстанциональных* форм), в высшей форме своего саморазвития обретает самосознание (у Гегеля понятие понятия), что в реальном мире соответствует *становлению человека*.

Далее, у Гегеля абсолютная идея воплощает себя в реальности, в природе.[3] В нашем случае это следует понимать не идеалистически, а как движение человеческого познания к истине – как приход субъективного знания к совпадению с объективным миром, т.е. не мистически, а вполне гносеологически и, в итоге, материалистически.[4] Человек, используя знание (которое соответствует абсолютной идее Гегеля[5]), начинает создавать свой собственный мир, искусственную природу («вторую природу» по Энгельсу, ноосферу по Вернадскому).

Таким образом, цикл саморазвития материи, опосредствуясь человеком, обладающим самосознанием, завершается переходом к новому циклу – созданию уже самим человеком искусственной природы на основании знания.

В заключение стоит сказать несколько слов и о *диалектичности*, как она предстаёт в гегелевском понимании и изложении.

Это, во-первых, способ (метод) мышления, пользующийся *внутренней рефлексией мышления, отрицанием как определением* («отрицательное, которое оно имеет в самом себе; это составляет подлинно диалектическое»[6]).

Далее, *мыслить диалектически значит постигать противоположности как единое, тождественное, неразрывное в различии* («В этом диалектическом, как мы его берём здесь, и, следовательно, в постижении

---

[1] *Ленин В.И.* ПСС. – Т. 29. С. 142.

[2] Там же. С. 250.

[3] «…Полагая себя как абсолютное *единство* чистого понятия и его реальности и тем самым сосредоточивая себя в непосредственность *бытия*, идея как *целокупность* в этой форме есть *природа*» (*Гегель Г.* Наука логики. - Т. 3. С. 310).

[4] Это отмечал и Ленин: «Переход логической идеи к *природе*. Рукой подать к материализму. Прав был Энгельс, что система Гегеля перевернутый материализм» (*Ленин В.И.* ПСС. - Т. 29. С. 215).

[5] «…Дух познает идею как свою *абсолютную истину*, как истину, сущую в себе и для себя, – бесконечную идею, в которой процесс познания и действование уравнялись друг с другом и которая есть *абсолютное знание о самой себе*» (*Гегель Г.* Наука логики. - Т. 3. С. 215).

[6] Там же. Т. 1. С. 109.

противоположностей в их единстве, или, иначе говоря, в постижении положительного в отрицательном, состоит *спекулятивное*. Это важнейшая, но для ещё неискушённой, несвободной способности мышления труднейшая сторона»[1]).

Но признанием единства противоположностей диалектический процесс не заканчивается. Завершающей стадией его является *развитие и разрешение противоречия, его снятие в новом качестве* («Диалектикой же мы называем высшее разумное движение, в котором такие кажущиеся безусловно раздельными [моменты] переходят друг в друга благодаря самим себе, благодаря тому, что они суть, и предположение [об их раздельности] снимается. Диалектическая, имманентная природа самого бытия и ничто в том и состоит, что они своё единство — становление — обнаруживают как свою истину»[2]). Далее – новый цикл.

Второй, не менее (если не более) важный момент, неразрывно связанный с первым: весьма существенным (пожалуй, даже ключевым) положением гегелевской диалектики является признание Гегелем факта *тождественности предмета, внешнего мышлению, и самого диалектического мышления о предмете*: «он (диалектический метод. Прим. наше. – А.П.) не есть нечто отличное от своего предмета и содержания, ибо именно содержание внутри себя, *диалектика, которую он имеет в самом себе,* движет вперёд это содержание».[3] Тем самым Гегель утверждает *соответствие (тождественность) диалектически действующего мышления (субъективного) диалектически саморазвивающейся реальности (объективному)* – а иначе и невозможно истинное познание реальности.[4]

1.2. Об отрицании

Здесь необходимо сказать и о сущности столь важных гносеологических категорий (и одновременно внутрисубстанциональных феноменов) как отрицание и отрицание отрицания, поскольку именно процесс непрерывного *внутреннего* отрицания, т.е. *само*отрицания, находится в основании самодвижения субстанции.

Данная проблема в советской философии конца 70-х, начала 80-х годов прошлого века привлекала к себе довольно пристальное внимание, чему свидетельством сборники опубликованных выступлений.[5] В про-

---

[1] Там же. С. 110.
[2] Там же. С. 166.
[3] Там же. С. 108.
[4] Невозможно не упомянуть также концепцию диалектики А.Ф. Лосева, «реконструировавшего», по его словам, диалектику древних греков, выведшего её из платонизма и неоплатонизма, и которая, в основных её принципиальных положениях, тесно коррелирует с диалектикой Гегеля. (*Лосев А.Ф.* Античный космос и современная наука // Соч. В 9 т. Т. 1. – М., 1993. С. 61-306). Но разговор о диалектике Лосева – это отдельная серьёзная тема.
[5] Сборники: Диалектическое противоречие. – М.: Политиздат, 1979; Диалектика отрицания отрицания. – М.: Политиздат, 1983.

шедших дискуссиях проблемы отрицания и противоречия рассматривались достаточно подробно, но к какому-либо общему (а, главное, применимому в философской практике) результату участники обсуждения так и не пришли. Но по-иному и быть не могло, поскольку затронутые проблемы рассматривались предельно абстрактно, как узкий частный вопрос, вне связи с общей проблемой самодвижения и, главное, почти без упоминания (и, тем более, выяснения сущности) того, что, собственно, является субъектом самодвижения – субстанции.

И хотя авторы выступлений часто упоминали имя Гегеля, но трактовали они его идею *внутренней* отрицательности и противоречивости как механизма самодвижения сугубо формалистически – как некую застывшую в себе и неизменно повторяющуюся в следующих друг за другом циклах триадичность.[1] Пресловутая триадичность, – «тезис – антитезис – синтез», – являет собой не что иное, как совершенно абстрактную и довольно примитивную формулу, совершенно не проникающую в суть и не представляющую в истинном свете гегелевского *живого* самодвижения как такового. Сложнейшая игра противоречивого взаимодействия отрицаний и рефлексий сведена к формально-логической фразе – как следствие диалектика умерла.

При этом в ущерб гегелевскому *духу* понимания самодвижения совершенно игнорировалась суть отрицания как *внутренней* рефлексии (*само*рефлексии) и гиперболизировалась её внешнее выражение, форма, механистичность как самого отрицания, так и перехода от отрицания к отрицанию отрицания. Не мудрено, что на этом пути была высказана мысль и о том, что пресловутая триадичность может и не соблюдаться.[2] Что это как не полное непонимание мысли Гегеля? Ещё шаг в этом направлении и можно было бы отвергать диалектику как таковую.

Совершенно очевидно, что на пути исследования феномена отрицательности как некоего абстрактного, безразличного к условиям его протекания процесса и игнорирования сути того, *что* является субъектом самодвижения, истины не достичь.

Но прежде обратимся к Гегелю.

Вот что он говорит о становлении и прехождении бытия и ничто друг в друга: «Они не снимают друг друга, одно внешне не снимает другое, каждое из них снимает себя в себе самом (an sich selbst) и есть в самом себе (an ihm selbst) своя противоположность».[3]

Повторим – «каждое из них (из сторон противоречия. Прим. наше – А.П.) *снимает себя в себе самом и есть в самом себе своя противопо-*

---

[1] В указанных сборниках триадичность понимается как «необходимость в каждом законченном цикле развития мышления двух противоположных понятий и синтезирующей категории, выражающей их единство». (Диалектика отрицания отрицания. – С. 49).

[2] «…В ходе развития может обнаружиться не обязательно три, но и большее число звеньев, пока не будет осуществлено отрицание отрицания». (Диалектика отрицания отрицания. – С. 16).

[3] *Гегель Г.* Наука логики. - Т. 1. С. 167.

ложность (Выделено нами. – А.П.)».

Т.е. *каждая* сторона (момент) противоречия *внутри себя также противоречива* и это противоречие снимается в новом качестве, поскольку снятию подлежит *только* то, что *отрицает себя внутри себя*, т.е. противоречиво *внутри себя*.

Но каким образом *каждая* сторона становится *внутри себя* противоречивой? Только по причине наличия в диалектическом отношении феномена *рефлексии* – каждая из сторон *диалектического* (и только диалектического) противоречия рефлексирует другую и таком образом внутри *каждой* из сторон возникает внутренняя противоречивость себя и рефлектированного – «своего иного».

Только теперь каждая из сторон, содержащая внутри себя отрицание отрицания («себя» и «своё иное»), способна к дальнейшему движению – они *снимают себя* (*отрицают отрицание*) как внутренне противоречивые *в новом качестве*, а в их неразрывности обе стороны *как целое* также являют собой новое качество, снявшее в себе прежнее состояние. Т.о. в итоге обе стороны сняты в единстве: «Этот результат есть ставшее спокойной простотой единство бытия и ничто. Но спокойная простота есть *бытие*, однако бытие уже более не для себя, а бытие как определение целого».[1]

Ещё раз подчеркнём – отрицание и отрицание отрицания существуют не только как отношения между сторонами явно представленного диалектического противоречия, но и (и это главное) как отрицание и отрицание отрицания, возникающие (существующие) *одновременно в каждой из сторон* (моментов) этого противоречия. При этом отношение отрицания в каждой из сторон есть отношение между «собой» и «своим иным», которое является рефлексией *другой* (*иной*) стороны противоречия. «Своё» и «своё иное» *взаимно* отрицают друг друга и это отношение *внутреннего* отрицания (отрицания отрицания) есть потенциал движения противоречия отмеченных сторон к своему разрешению – происходит дальнейшее движение отрицание отрицания – *снятие*[2] внутреннего противоречия *каждой* из сторон в новом качестве и, как следствие, снятие противоречия *в целом* – возникает, *становится* (вспомним гегелевское становление) новое, также внутренне противоречивое, состояние.

Т.о. *каждая* сторона противоречия вследствие своей *внутренней* противоречивости *снимает сама себя* в новом качестве – вот суть самодвижения субстанции – и *только потому* тем самым и обе стороны *как целое, как субстанция*, снимают себя в новом качестве, также внутренне противоречивом. Именно так и происходит самодвижение в целом.

Поскольку стороны противоречия не только *изменили* себя («прекратили»), но и *сохранили* себя в *новом*, изменённом состоянии, то потенциал дальнейшего движения не исчерпан, он существует всегда, пока существуют стороны противоречия – движение, вернее *само*-движение, про-

[1] Там же. С. 167.

[2] Напомним, снятие, по Гегелю, означает не только «прекратить, положить конец», но и «сохранить, удержать».

должается.

Как видим, процесс движения отрицания (отрицание – отрицание отрицания – снятие) есть перманентный процесс внутренней саморефлексии (взаимной рефлексии сторон противоречия) сторон противоречия и перманентного снятия их внутренних отрицательностей в новом субстанциональном, также внутренне противоречивом, состоянии.

Забегая вперёд, скажем, что для целей практики, анализа реальности, в детализации движения отрицания, как оно описано выше, нет необходимости. Вполне достаточно рассматривать только внешне явленные стороны субстанционального противоречия – материальное и идеальное. Анализ сути феномена отрицания, сделанный выше, необходим для более глубокого понимания сути процессов самодвижения субстанции, представляющей тождество (неразрывность в различии) своих сторон (моментов).

2. Объективная реальность как субъект саморазвития

Стоя на точке зрения материализма, т.е. признавая существование самодостаточной объективной реальности, следует, и это совершенно очевидно, категориально определить эту реальность и уже из этого основания диалектически (т.е. как саморазвитие) выводить все последующие определения и отношения, конкретизирующие исходную абстракцию.

Таким основанием в диалектическом смысле может быть только самое общее определение, не отягощённое никакими дополнительными атрибутами, которые, в свою очередь потребуют собственного объяснения. Одновременно определение, о котором идёт речь, должно содержать в себе возможность саморазвития посредством саморазличения и возникновения т.о. *внутреннего* противоречия и дальнейшего движения возникшего противоречия, т.е. быть имманентно диалектическим.

Этим условиям не удовлетворяет общеизвестное ленинское определение материи[1], поскольку это скорее феноменологическое (не сказать эмпиристское) определение, в котором материя рассматривается преимущественно с гносеологической стороны, как категория мышления. Тем самым её онтологический статус хотя и не игнорируется, но остаётся внешним по отношению к мышлению, дуалистичность канонизируется с самого начала и впоследствии так и не преодолевается логическим путём и потому последующие заверения о тождестве бытия и мышления, как *логически* неподтверждённые, не имеющие *внутренней* логической связи, не объясняют сути этого тождества.

Саморазвитие материи как собственно объективной реальности, т.е. в онтологическом отношении, остаётся за рамками ленинского определения, поскольку его цель сугубо гносеологическая, что подчёркивает и сам Ленин – показать зависимость мышления от бытия, его вторичность по отношению к бытию.

[1] *Ленин В.И.* ПСС. - Т. 18. С. 131.

При всей важности вопроса о первичности он, в свою очередь, является вторичным по отношению к вопросу о том, *каким образом объективная реальность в её онтологическом статусе может быть субъектом саморазвития*, каковы причины и механизм саморазвития. Прежде вопроса о первичности бытия либо мышления следует ответить на вопрос о том, каким образом объективная реальность как действительность развивается до уровня осознания самой себя, до мышления. Это, собственно, и будет ответом на вопрос о первичности. Но для выяснения этого вопроса следует исследовать саму объективную реальность, а не её рефлексию в виде категории мышления, хотя и с помощью и мышления, и этой категории.

Материя в онтологическом отношении в ленинском определении дана как нечто внешнее по отношению к своему тождественному проявлению, мышлению, и развивающееся по неведомым имманентным законам. Она дана мышлению посредством чувств, т.е. посредством материального же, но на то, как из материального возникает идеальное, мышление, т.е. на саморазвитие материи, нет и намёка. Хотя описанное мышление и способно воспринимать материю посредством материального же (чувств), но это мышление вторично по отношению к материи только декларативно, эмпирически. Фактически оно столь же самостоятельно, как и противостоящая ей объективная реальность, это два противоположных полюса, тождественность которых ещё предстоит логически вывести.

Несмотря на всю отмеченную важность предельно чёткого решения вопроса о взаимодействии онтологического и гносеологического (первичности объективной реальности по отношению к мышлению) это решение не только не даёт ответа на вопрос почему и как онтологическое (объективная реальность) получает способность своего гносеологического осмысления (мышления), но не содержит и намёка на это решение. Впрочем, это понятно, Ленина этот вопрос в то время не интересовал, на повестке дня была политическая борьба, в которой философия была одним из видов оружия – в конечном итоге самым действенным оружием, что остаётся верным и поныне. Материалистическая позиция марксизма давала политике освобождения человека от эксплуатации научное обоснование и эту позицию надо было отстаивать, в том числе и с точки зрения философии.

Но вернёмся к объективной реальности. Итак, вопрос о возможности и причинах саморазвития объективной реальности сформулирован и надо дать на него ответ. Но какие же свойства, качества, атрибуты наличествуют у объективной реальности, которые делают её способной к саморазвитию? В дальнейшем анализе воспользуемся диалектическим методом, разработанным Гегелем, который объясняет саморазвитие как движение посредством возникновения, развития и разрешения *внутренних* противоречий.

Материя как объективная реальность в самом общем виде должна быть выражена, во-первых, в её существовании и, во-вторых, в её единственности – т.е. исключительно через саму себя. Совершенно очевидно, что на начальном этапе в качестве атрибутов материи не могут быть указаны

такие атрибуты, как декартовско-спинозовская протяжённость, либо т.н. вещественность[1], поскольку это категории, скорее, естественнонаучные, а не философские и в свою очередь требуют предварительного определения, на этом этапе невозможного. Ко всему прочему в этом случае будет иметь место логическая коллизия – определение общего (материи) посредством особенного (её предикатов), которое (особенное) в данном случае должно следовать из общего.

Самым первым и единственно возможным определением объективной реальности будет только указание на её *существование* как таковое безо всяких дополнительных атрибутов. Это есть существование в чистом виде как просто *данность* чего-то, нечто, что ещё не может быть определено никак иначе. Существование, данность этого нечто ещё не есть его *бытие*, которое следует рассматривать как *движение*, развитие пресловутого нечто, как его жизнь. Это просто его наличие, существование, данность, актуальность и ничего более. По сложившейся традиции назовём это нечто материей.

Поскольку ещё ничего (в нашем анализе), кроме упомянутой материи, нет, то такая материя дана только самой себе, она не ограничена ничем, кроме самой себя и в таком качестве дана себе *непосредственно*, не через что-то.

Итак, *материя* – это объективная реальность, предстающая как её простое наличие, существование, данность, актуальность. Такая материя дана только самой себе и как таковая она непосредственна. Особо подчеркнём эту *непосредственность*, это очень важный момент, как увидим.

Т.о. материя *реальна* (существует, наличествует), *объективна* (самотождественна, самодостаточна), *непосредственна* (дана только себе и не различает себя, не отчуждает себя от себя). Как таковая материя естьствует (наличествует, существует), но не бытийствует (не движется, не развивается).

В материи, как она определена выше, ещё не раскрыта способность, причина, в соответствии с которой из всеобщности материи возникают её особенность и единичность как *формы* материи. Материя, рассматриваемая сама по себе, статична, она не обладает внутренним источником самодвижения (а внешних быть не может – мы остаёмся на позициях диалектики) поскольку ещё не различает сама себя, и тем самым не ограничивает, не определяет себя. Такая материя ещё полностью в-себе, она не отчуждает себя от себя, не саморазличает своего иного и потому не имеет

[1] Понятие материи нельзя редуцировать к представлениям, характерным для взглядов Энгельса: «Вещество, материя есть не что иное, как совокупность веществ, из которой абстрагировано это понятие…» (*Маркс К.*, *Энгельс Ф.* Соч. - Т. 20. С. 550).

Материя – не абстракция из совокупного представления веществ, или вещественности как таковой – а есть (в гносеологическом отношении) всеобщее понятие, которое, напротив, в процессе конкретизации в форме особенного и единичного в рамках естественных наук оправдывает собой представления о вещественности и веществах.

интенции к движению. Материя сама по себе не имеет бытия, ибо статичное существование, просто наличествование чего-то ещё не есть бытие, представляющее собой движение, жизнь.

Форм материи не только пока нет, но и не может быть, поскольку нет причины её движения и, следовательно, самого движения как появления и развития форм. Материя как некая объективная реальность дана только себе, она непосредственна, т.к. пока нет отрицания, саморазличения. Материя – это предельная абстракция существования как такового, существования нечто, ещё совершенно не определённого, не поставленного в отрицание чему-то, не ограниченного и потому бесформенного.

Возможно поэтому, комментируя Гегеля, после его слов «субстанция обладает *действительностью* лишь как причина»,[1] Ленин уточняет: «с одной стороны, надо углубить познание материи до познания (до понятия) субстанции, чтобы найти причины явлений. С другой стороны, действительное познание причины есть углубление познания от внешности явлений к субстанции».[2]

В этом ленинском требовании возвышения понятия материи до понятия субстанции совершенно ясно просматривается, во-первых, спинозовское понимание субстанции как *монистического* основания всего сущего, имеющего причину своего движения в себе самом, и, во-вторых, гегелевское понятие субстанции как *субъекта* собственного движения.

В ленинском представлении субстанция не равнозначна материи, хотя без материи субстанции быть не может. Если следовать формулировке Ленина, то в самом общем виде *субстанция есть материя плюс некая причина её движения*. Движение, осуществляемое таким образом, т.е. за счёт внутренней причины, есть не что иное, как *само*движение, *само*развитие и потому субстанция *субъектна*.

Диалектика рассматривает в качестве причины движения *внутреннее противоречие*, каковым может быть только *саморазличение как отчуждение себя от себя*, как *выявление себя и своего иного как сторон противоречия*. Т.е. в материи предполагается имплицитное существование качества, которое делает материю потенциально способной к саморазличению и т.о. к самодвижению.

Не исключено, что подобными соображениями и вызвана загадочная ремарка Ленина, что «ощущение признается одним из свойств движущейся материи».[3]

И ещё: «в ясно выраженной форме ощущение связано только с высшими формами материи[4] (органическая материя), и «“в фундаменте самого здания материи” можно лишь предполагать существование способно-

[1] *Гегель Г.* Наука логики. - Т. 2. С. 209.
[2] *Ленин В.И.* ПСС. - Т. 18. С. 142-143.
[3] *Ленин В.И.* ПСС. - Т. 18. С. 41.
[4] Особо подчеркнём эти слова – «в *ясно выраженной* форме» и «с *высшими формами* материи» – впоследствии мы логическим путём придём к объяснению сущности феномена, о котором вскользь сказано в ленинском предположении.

сти, сходной с ощущением».[1]

Но что такое ощущение, как оно определено выше, в самой общей абстрактной форме, как не некое различение прежде единого на ощущающее и ощущаемое, т.е. возникновение взаимосвязанных (неразрывных, неотъемлемых) противоположностей и дальнейшее их взаимодействие в форме противоречия. Если ощущающее, как это можно предположить, есть материя, ибо ничего другого в наличии нет, то что же такое ощущаемое? Материя, данная самой себе непосредственно, ощущаемым быть не может, поскольку в этом случае нет ощущаемого, *иного*, того, что должно ощущаться.

Но это *иное* не может быть и чем-то посторонним материи и совершенно независимым от неё. *Материя и её иное с самого начала не могут не быть тождественными*, т.е. неразрывными, неотъемлемыми друг от друга, но одновременно и отличными друг от друга, разделёнными. Как таковые они есть противоположности, представляющие стороны, моменты противоречия, являющегося интенцией и потенцией движения.

Вопрос движения есть вопрос поиска причины движения, понимаемой диалектически – как вопрос о движущем внутреннем противоречии. Такое противоречие может быть следствием только саморазличения материи, её самоотчуждения, самоотрицания и возникновения т.о. противоположности материи – её *иного*, являющегося моментом материи, её *иной* стороной. Материя, отрицающая саму себя и становящаяся т.о. внутренне противоречивой, переходит в новое качество – из просто *есть* она начинает *быть*, превращается в субстанцию, саморазвивающуюся сущность.

Так что же такое *бытие* материи, её движение, развитие, жизнь? Признав диалектичность бытия как его движение посредством самоопределения и возникновения т.о. внутреннего противоречия и его дальнейшего развития и разрешения, применим этот принцип к полученному понятию материи.

Казалось бы, для возникновения в материи саморазличения, саморефлексии нет оснований. Но, признав наличие, актуальность, существование нечто, в нашем случае материи, в соответствии с принципом диалектичности следует признать и возможность существования несуществования, понимаемого как отрицание, противоположность, несуществование материи – её инаковость, аналог ничто, иного на языке Гегеля (меона, рассматриваемого также как иное, в диалектике А.Ф. Лосева).

Признав необходимость наличия *иного, тождественного материи*, т.е. неразрывно с ней связанного и одновременно отличного, противоположного, отрицающего, следует выявить также сущность и форму этого иного.

Материя, определённая выше как нечто неизменное, просто наличествующее, есть предельная абстракция. Но такая неизменяющаяся материя невозможна, уже сам факт существования некой объективной реальности одновременно свидетельствует также о том, что у этой реальности

[1] *Ленин В.И.* ПСС. - Т. 18, С, 39-40.

есть её иная сторона, представляющая «историю» её существования. Даже если мысленно предположить, что материя возникла мгновенно, то и в этом случае у этого процесса будет своя история – история этого мгновения. И эта история *неразрывно связана* с материей, *представлена* в ней, она есть *сторона процесса, создающего объективную реальность*, связывающего воедино свои стороны – материальную (данную, актуальную, статичную) и процессуальную (движущую, действующую, преходящую, активную).

Налицо тождественность (понимаемая, напомним, как единство и одновременно различие) сторон бытия – *материальной*, данной, актуальной и *не-материальной*, *представленной* в данном, актуальном, материальном как *процесс* возникновения и движения данной объективной реальности. В этом тождестве материя не просто *есть*, в ней как результате некоего процесса содержится в *снятом* виде и сам этот процесс.

Отныне это не прежняя материя в своей изначальной непосредственности, это *другая* материя, содержащая в себе также и процесс своего изменения, *снятый*, *представленный* в актуальности – т.е. *иное* как источник нового актуального состояния. Но это иное, как *снятый* процесс изменения, не есть материальное, поскольку оно не представлено явно, непосредственно – но только *опосредствованно* – через новую актуальную, наличную материальность. Это иное, процессуальное, *снятое*, представленное в материальном, есть не-материальное.

Теперь материя *определена со стороны процесса* своего изменения, движения, она *ограничена* этим процессом и одновременно своей новой актуальностью опосредствует, определяет этот процесс.

Отныне материя (непосредственное) и её иное, не-материя (опосредствованное) являются тождественными моментами одновременно и отрицающими, и определяющими друг друга.

Самоопределение материи состоялось и, обретя самоопределение, материя перешла в *новое качество*, в котором она уже не просто нечто непосредственно данное самой себе, неограниченное, бесформенное, но теперь, определённая со стороны процесса своего движения, она *движущаяся*, *бытийствующая* реальность и как таковая уже качественно *другая* материя, в отличие от прежней статичной, непосредственно данной материи. В своём новом состоянии эта «другая материя» содержит в себе в снятом виде *внутреннюю* отрицательность, противоречивость, которая становится перманентным источником самодвижения этого *нового объекта реальности* (можно уже сказать – *субъекта*, поскольку он содержит потенцию *само*развития).

Теперь можно определить сущность и форму *иного*, о котором говорилось выше. *Иное* – это не-материальная сторона *бытия* (движения) материи, *сущностью* которой является сама история бытия – *процесс возникновения и движения объективной реальности*, непосредственного материального, а *формой – новое актуальное состояние материального*, именно в актуальности (преходящей мгновенности; данности, постоянно выходящей за собственный предел и возвращающейся в себя) которого имманентно представлен процесс его возникновения. Новая актуальная

материальность самим своим наличием *опосредствованно* представляет процесс возникновения, *становления самой себя*. Так понимаемая нематериальность (процессуальность), имманентно присутствующая (представленная) в *ставшем* материальном, и есть *идеальность* как сторона бытия материального, его «своё иное».

Сущность же собственно материального, как оно определено ранее, состоит в его объективности, реальности, непосредственности, данности и в силу этих определений она (сущность) всегда совпадает с формой материального. Интересно отметить, что на этом этапе движения форма одной стороны, материи, и форма её иной стороны, идеального, совпадают. Но форма материального представлена явно, а форма идеального – неявно, опосредствованно материальным.

Следует ещё раз подчеркнуть такой нюанс – *явной*, реальной формой может обладать только материя, материальное. Идеальное же как нематериальное не может иметь *собственной явной* формы. Идеальное как «*своё иное*» материи может быть *представлено, выражено* только *неявно*, посредством *своего* материального, в его форме.

Говоря языком гегелевской диалектики материя, рефлексируя в себя своё иное – идеальное – приобретает тем самым внутреннее определение (отрицание) со стороны своего иного. Саморазличение состоялось, материя стала, говоря языком Гегеля *наличной* и внутренняя противоречивость материи и её отрицания – своего иного, не-материального – как сторон противоречия, является источником дальнейшего движения уже нового объекта-субъекта реальности.

Результатом разрешения отмеченного противоречия является возникновение качественно нового объекта реальности, в котором стороны противоречия – материя и её иное (рефлексия процесса движения) – представлены в *снятом* виде. Этот качественно новый объект, который выше был определён как «другая материя», есть не что иное, как *субстанция*, которой уже имманентно *внутреннее* противоречие, делающее субстанцию *субъектом* собственного развития. Теперь перманентное внутреннее противоречие представлено двумя сторонами субстанции – материальной (материя) и не-материальной, отрицающей, рефлексивной, (иное материи, процесс становления, движения), снятой в материальном.

Этот процесс – возникновение внутренней рефлексии (появление своего иного), формирование внутреннего противоречия, сторонами которого являются его материальный и рефлексивный моменты и их последующее снятие в новом качественном состоянии того, что прежде представало как материя – есть *процесс становления субстанции*, *внутренне диалектически противоречивой саморазвивающейся сущности.*

Т.о. изначально непосредственная материя, приобретая способность к самодвижению, вступает в бытие, развитие, жизнь, становится субстанцией, которая не просто существует, но бытийствует. Субстанция, в отличие от материи, внутри себя различена и опосредствована своими сторонами, которыми являются материальный момент как объективность, реальность, непосредственность, данность и не-материальный момент как представление в актуальности, наличности, процесса её возникновения,

становления, развития.

Материальный момент, материальное, дан *непосредственно*, представлен самим собой. Не-материальный момент представлен *опосредствованно* – тем же материальным, но уже изменённым в процессе движения.

Можно сказать, что не-материальное как процесс становления субстанции представляет собой закон её возникновения и развития, выражающий сущность субстанции. Являясь тождественными, моменты, стороны субстанции, выражают её внутреннюю противоречивую наполненность, напряжённую интенциональность, постоянно присутствующую потенцию движения. Определённое выше не-материальное и есть *идеальное*, т.е. *представление* в материальном процесса его движения, становления.

Таковое идеальное столь же *объективно* как и материальное. Но если реальность материального *непосредственна*, то реальность идеального явлена *опосредствованно*, через материальное же, как процесс становления внутренне диалектически противоречивой субстанции, сторонами которой и внутренним движущим противоречием предстают её материальный и идеальный моменты.

Подведём итог. Материя, получив посредством саморазличения, самоотрицания, новое качество – противоречивость – приобретает тем самым способность к самодвижению. Теперь это не прежняя непосредственная материя, а материя, обогащённая самоотрицанием и ставшая т.о. субъектом собственного движения – *субстанцией*.

В субстанции в одновременном тождестве и различии представлены две её стороны, момента – *непосредственно* данное материальное, наличное и *представленный* в этом материальном (*опосредствованный* этим материальным, наличным) процесс его возникновения, движения. При этом не-материальная сторона субстанции, представление в наличном материальном процесса его движения, есть *идеальное*. В субстанции в целом *снят*[1] процесс её движения и в снятом виде представлен в наличном, актуальном состоянии как тождественность материальной и идеальной сторон субстанции. *Постоянно присутствующая тождественность как неразрывность материальной и идеальной сторон субстанции есть одновременно их противоречивость как различие сторон, и эта тождественная противоречивость является имманентным источником самодвижения субстанции.*

Логическим путём мы пришли к выводу, что *идеальное есть столь же объективное и реальное как и материальное*, но, в отличие от *непосредственно* данного материального, объективность и реальность идеального представляются *посредством* этого же материального как идеальная сторона их противоречивого соотношения.

Или другими словами:

Материальное – объективная реальность, данная *непосредственно*.

Идеальное – объективная реальность, данная *опосредствованно* (через

[1] Ещё раз вспомним Гегеля – снятие это не только исчезание, но и сохранение, удержание.

материальное).

Субстанция – саморазвивающаяся объективная реальность, представляющая собой тождество (неразрывное единство в различии) своих сторон – материального и идеального. Механизмом саморазвития субстанции является внутреннее диалектическое[1] *противоречие её сторон (моментов). Такая субстанция является субъектом собственного саморазвития – в ней Спиноза и Гегель сошлись в рукопожатии.*

Т.о. субстанция представляет собой единство в различии материального и идеального, которые есть стороны, моменты субстанции. Движение субстанции есть постоянный переход материального, актуального в идеальное (которое одновременно имманентно актуальному, материальному и есть его иная сторона) и снятие их противоречивого отношения в новом качестве, в новом, становящемся актуальном, в изменённом материальном. Движение субстанции – это кипение мгновения, перманентное снятие актуальности в себе самой и непрерывное становление тем самым новой актуальности.

Движение – это постоянная негация, последовательное отрицание обеих сторон субстанции, материального и идеального, друг другом, но и одновременно их отождествление, снятие, отрицание отрицания. Это непрерывное прехождение и становление (Гегель). В движении взаимно противоречивые стороны субстанции постоянно рефлексируют («переходят» друг в друга) и снимаются в новом, столь же противоречивом, качестве. В движении субстанция одновременно и существует (бытийствует, наличествует) – и как таковая она материальна, и не существует, она «исчезает» в движении, в процессе – и как таковая идеальна.

Относительно широко употребляемого понятия «вещь» следует сказать следующее. Может показаться, что поскольку субстанциональное движение неостановимо, то в реальности нет вещей, но есть только процессы движения. Либо что вещь есть объект, остановленный в движении – но это невозможно.

В диалектической действительности всё есть одновременно и то, и другое – процесс есть *становление* вещи, а вещь есть завершение, *прехождение* процесса, его результат (процесс *преходит*, вещь *становится*). И наоборот – процесс есть *прехождение* вещи, а вещь есть *становление* процесса – что знаменует начало нового процесса (вещь *преходит*, процесс *становится*). Одно переходит в другое – в этом диалектика действительности. Движение и не-движение (остановка), непрерывность и дискретность всё суть едино, тождественно, нераздельно – одно завершается в другом и в нём же начинается снова – одно существует только как отрицание и одновременно продолжение другого.

Во избежание недоразумений следует твёрдо заявить, что ***субстанция не есть нечто третье*** *по отношению к своим сторонам, это они сами в тождестве, которое одновременно есть противоречие.*

Субстанция предстаёт как неразрывное единство и противоречивое

[1] Диалектическое – поскольку каждая сторона является «своим иным» другой и без неё невозможна, не существует.

различие своих сторон. Поэтому выражения «сторона», «момент» следует понимать так, что речь идёт не о чём-то внешнем предмету рассмотрения (субстанции), либо искусственно в нём выделяемом, а об его имманентном качестве, без которого субстанция невозможна. Внешне субстанция представлена своей материальной стороной; её идеальная сторона представляет сущность субстанции как закон её возникновения и движения. При этом стороны субстанции не изолированы друг от друга, но взаимодействуют и влияют друг на друга, определяют одна другую и «перетекают» друг в друга, поскольку в противном случае субстанция также существовать не может – ведь она есть тождество своих соотносящихся друг с другом противоречивых сторон. И в этом отличие от субстанции Спинозы (бога, природы), которая вполне самостоятельна и независима по отношению к своим бесчисленным и совершенно изолированным друг от друга атрибутам.

Из застывшего в изолированности отношения атрибутов Спинозы невозможно вывести все проявления необычайно подвижного материально-идеального мира реальности (и это постоянно показывает практика), обязательно наступает момент, когда мышление не в состоянии объяснить переход материального в идеальное (и наоборот), и тогда приходится обращаться к трансцендентальному – в идеализме, либо редуцировать непонятые материально-идеальные явления только к материальным феноменам и тем самым обеднять сущность реальности – в вульгарном материализме. В обоих случаях познание лишается полноты и истинности, либо остаётся в тисках неразрешимых в границах данных концепций противоречий.

3. Идеальное

Если обратиться к вопросу об истории понятия идеальное, то, не вдаваясь в пространный исторический экскурс, на основании сложившихся представлений можно сделать вывод, далёкий от оригинальности – идей об идее (и, следовательно, идеальности) всего две: первая – идеи объективны и обладают самостоятельным существованием либо наравне с материальным миром, либо предшествуя ему (объективный идеализм); вторая – идеи субъективны, есть порождение мышления и вне его не существуют. Второй взгляд на происхождение идей, в свою очередь, имеет две линии: идеи есть отражение материального мира (материализм); идеи есть исключительно продукт чистого мышления и не определяются внешним миром (субъективный идеализм).[1]

В мысли, что идеи отражают реальный мир, явно видна попытка связать воедино материальное и идеальное, нащупать их средостение, но в

[1] Особо следует отметить, что здесь речь идёт, прежде всего и преимущественно, об идеях, но не об идеальности в том смысле как она здесь рассматривается и которая далеко не тождественна идеям, как они представали в толковании философов.

итоге идеальное оказывается целиком заключённым внутри мышления, сознания, даже если это т.н. объективное (общественное) сознание. По сути, такое идеальное не всеобще и не объективно. Не всеобще, поскольку представляет собой продукт особенного и единичного, человеческого мышления, которое не становится всеобщим, даже будучи подано под видом мышления Природы в человеке. Такое возведение частного в форму всеобщего не проясняет существа вопроса, а напротив, возводя субъективность в степень всеобщности становится впоследствии источником новых неразрешимых противоречий. Как следствие же особенного это идеальное объективно ограниченно – таковым оно является только по отношению к мыслящим индивидам как продукт их мыслительной деятельности, отчуждённый в общественном сознании.

Подход же, согласно которому идеальное субъективно и есть продукт мышления, независимого от внешнего мира, во-первых, также заключает идеальное в рамки особенного и единичного (мышления), отчего оно не в состоянии вырваться на простор объективного и всеобщего, и, во-вторых, ограничивает идеальное потенциями исключительно самого мышления и, тем самым, обрекает его вращаться в кругу собственных определений, истинность которых релятивна. Это направление в силу указанных причин замкнуто в себе самом и потому бесперспективно.

Философское направление, исповедующее самостоятельность существования идеального наравне с материальным, также не даёт ответа о механизме их взаимодействия. Самостоятельные идеи, не взаимодействующие с материальным миром (трансцендентальные идеи), либо взаимодействующие формально, на основании схоластических утверждений, не раскрывающих механизма такого взаимодействия, есть пустая абстракция, как, впрочем, и противостоящий им столь же изолированный в себе материальный мир. Эти ничем не ограничиваемые и ни с чем не соотносящиеся идеи тем самым определены только через самих себя, замкнуты в себе, а это замкнутое определение есть тавтология, формальное (А=А), а не диалектическое тождество.

На таком основании их невозможно соотнести с иным, либо, что то же самое, можно соотнести с чем угодно, поскольку они замкнуты в себе, ни с чем не «соприкасаются», ни с чем не имеют общих границ. Но это соотнесение будет всецело формальным пустым противопоставлением, не имеющим в себе *внутренней* потенции развития.

Из философов материалистического диалектического направления наиболее детально исследовал категорию идеального советский философ Э.В. Ильенков. А потому в качестве отправной точки рассмотрим видение идеального Э.В. Ильенковым[1], поскольку, на наш взгляд, проблему идеального, именно как *гносеологическую диалектическую* проблему, из всех исследователей новейшего времени наиболее глубоко видел именно он и достиг в её исследовании значительных результатов.

Согласно Э.В. Ильенкову «…под “идеальностью” или “идеальным” материализм и обязан иметь в виду то очень своеобразное и строго фик-

[1] *Ильенков Э.В.* Проблема идеального. - С. 6-62.

сируемое соотношение между двумя (по крайней мере) материальными объектами (вещами, процессами, событиями, состояниями), внутри которого один материальный объект, оставаясь самим собой, выступает в роли представителя другого объекта, а ещё точнее – всеобщей природы этого объекта, всеобщей формы и закономерности этого другого объекта…».[1]

Заметим, что высказанное нами выше положение о том, что идеальное есть *снятое* материальное – это иная форма утверждения Э.В. Ильенкова, что идеальное есть *представление* одного материального объекта в другом. В данном случае в одном материальном объекте идеально снят (представлен) другой материальный объект, т.е. представлена сущность, природа, закон существования этого другого объекта.

Отметим, что Э.В. Ильенков ограничивает сферу действительности идеального тем, что оно может быть представлением *одного* материального объекта *в другом*, но не может быть представлением для материального объекта *своего* идеального *в себе* (а ведь любой материальный объект есть результат неких *материальных* процессов, которые запечатлены, закреплены в самом объекте – в его сущности, качестве, форме). Этим условием идеальное ограничивается процессами *взаимодействия разных объектов* и исключается наличие идеального в процессах *саморазвития* объектов реальности, тем самым идеальность как феномен из сферы всеобщего (*всё* материальное обладает идеальным) низводится в сферу особенного и единичного (только взаимодействующие объекты обладают идеальным), что самым негативным образом скажется на выводах Э.В. Ильенкова.

На первый взгляд идеальное как результат отношения между разными материальными объектами должно быть столь же объективным, как и сами материальные объекты. Но условие, что один объект может быть представлен только в другом (а себя в себе представлять не может), содержит потенциальную возможность, которая может воспрепятствовать утвердиться фундаментальному принципу объективности и всеобщности, поскольку даёт возможность предполагать наличие опосредствующего соотношения, некоего третьего объекта между представляемым и представляющим – ведь должен же быть механизм формирования представления и, следовательно, субъект этого действия. И здесь Э.В. Ильенков резко сужает статус идеального, вводя в качестве опосредствующего фактора человеческую деятельность.[2] Т.о. идеальное из сферы потенциальной объективности и всеобщности низводится в сферу особенности, субъективности, зависимости от деятельности человека.[3]

---

[1] Там же. С. 13.

[2] «Идеальность есть характеристика вещей, но не их естественно-природной определённости, а той определённости, которой они обязаны труду, преобразующе-формообразующей деятельности общественного человека, его целесообразной чувственно-предметной активности» (Там же. С. 59).

[3] Нельзя исключить предположения, что данный вывод, редуцирующий всеобщее к особенному и, тем самым, критически сужающий гносеологические потенции понятия идеального, сделан под давлением идеологической конъюнктуры того времени с сугубо прагматической целью избежать обструкции «коллег» и позитивистски мысливших руководителей от философии - уж слишком резок

И потому утверждение Э.В. Ильенкова, – «…”идеальное”, понимаемое как всеобщая форма и закон существования и изменения многообразных, эмпирически чувственно данных человеку явлений…»,[1] т.е., другими словами, что идеальное всеобще и объективно, – повисает в воздухе. Этот вывод подтверждается последующим заявлением, что «…сфера явлений, коллективно созидаемый людьми мир духовной культуры, внутри себя организованный и расчленённый мир исторически складывающихся и социально зафиксированных (“узаконенных”) всеобщих представлений людей о “реальном” мире, и противостоит индивидуальной психике как некоторый очень особый и своеобразный мир, как “идеальный мир вообще”, как “идеализированный мир”».[2]

Т.е. идеальное есть результат деятельности людей и представляет собой «мир духовной культуры», что, несомненно, верно, но этим ограниченным определением Э.В. Ильенков исключает деятельность природы, внешней людям и не зависящей от них и, соответственно, «соотношение между материальными объектами» на материальные объекты природы не распространяется, а ведь они также есть результат вполне материальных процессов. На каком же основании материальная деятельность природы должна исключаться, а материальная деятельность людей (между прочим, созданий природы) легитимироваться? В результате *всеобщность* идеального растворяется в *особенности* человеческой деятельности.

(В этом отстранении от природы (объективной реальности), недоверии к ней, Э.В. Ильенков сближается с идеалистическими представлениями великих немцев, которые в деятельности (саморазвитии) природы и человека видели результат деятельности Абсолютной идеи (бога, духа). Правда, в отличие от классиков, это недоверие предстаёт в зеркальном отражении – Э.В. Ильенков ставит на место идеального, Абсолютной идеи, человека и его деятельность, т.е., казалось бы, исключительно материальное. Но дело в том, что *это* материальное по отношению к природе в целом, *всеобщему*, является *особенным*, производным от всеобщего и потому предикаты этого особенного следует распространить и на всеобщее (вернее, выводить из всеобщего), чего Э.В. Ильенков не делает. Если классики отказывали природе в способности её саморазвития как материального объекта, возлагая эту миссию на идеальное, Абсолютную идею (бога, духа), то Э.В. Ильенков отказывает природе как материальному объекту в способности «создавать» в своём саморазвитии идеальное, одаряя такой способностью только человека – одного из продуктов деятельности природы – низводя т.о. идеальное от *необходимого* диалектического дополнения материальному к *случайному* проявлению. И в том, и в другом представлении дуализм материального и идеального не только не преодолён, но, напротив, акцентирован).

Т.о. налицо два несовместимых утверждения: во-первых, идеальное

контраст между всеобщностью и особенностью двух определений. Тем более, что даже такой паллиатив вызвал резкую критику.

[1] Там же. С. 14

[2] Там же.

это «всеобщая форма и закон существования», т.е. категория объективная и всеобщая; во-вторых, это «коллективно созидаемый людьми мир духовной культуры», который «противостоит индивидуальной психике как некоторый очень особый и своеобразный мир, как «идеальный мир вообще», как «идеализированный мир» – т.е. идеальное создано и ограничено миром людей, обществом, и, следовательно, категория особенная, субъективная (поскольку является результатом субъективной деятельности человека). Эти противоположные утверждения фактически отождествляются, – всеобщее (природное, объективное) формально ставится в соответствие особенному (человеческому, субъективному), – но, поскольку они не имеют внутреннего единства, отождествление носит сугубо внешний, чисто формальный характер.

Субъективный мир людей не может быть тождествен миру в целом как равноправная категория. Это тождественность правомерна только в одном особенном отношении – при соотнесении с объективным внешним миром субъективного мира людей как более или менее адекватного отражения первого, но это уже иная проблема – проблема истинности. В качестве объективного субъективный мир людей может выступать только по отношению к индивиду, а это значит, что идеальное (в трактовке Э.В. Ильенкова), созданное человеком, не имеет значения объективности и всеобщности, но только особенности и субъективности. Такое идеальное объективно только по отношению к индивиду, но уже по отношению ко всему обществу (т.е. к самому себе) оно субъективно и, тем самым, в себе ограничено собой же, не имеет значения всеобщности и объективности.

Декларативное, не подтверждённое логическим анализом, заявление о том, что идеальное может быть представлением одной вещи в другой вещи, опосредствованным *только* человеческой деятельностью, оказалось логическим тупиком, выйти из которого возможно только отвергнув данное утверждение и предположив, что идеальное всё-таки объективно и всеобще, т.е. актуально во всём сущем.

Идеальное же Э.В. Ильенкова двойственно и, тем самым, как всё дуалистичное, внутренне противоречиво, но это противоречие не диалектическое (не тождество отрицательностей), а формальное (противоречие разных сущностей). С одной стороны идеальное есть следствие материального процесса и в этом качестве вполне объективно (как бы ни представлял это сам Э.В. Ильенков). Но, с другой стороны, эта объективность есть объективность не всеобщего, а особенного – человеческой деятельности. Это идеальное только ограниченно объективно – в пределах человеческого общества и объективно только по отношению к индивиду. В итоге получается, что нет общества – нет и идеального.

По поводу такого сугубо субъективного идеального возникают вопросы, на которые у Э.В. Ильенкова ответов не найти. Присутствует ли идеальное в продуктах труда человека при отсутствии самого человека? Например, в луноходе, в станциях, опустившихся на Венеру и Марс, в космических аппаратах, летящих сейчас в пространстве (даже за пределами Солнечной системы). Можно, конечно, сказать, что пока человек жи-

вёт и помнит об этих механизмах они находятся, так сказать, в пределах общества и потому их идеальное актуально.[1] Проведём мысленный эксперимент – человечество исчезло (к сожалению, вполне вероятный исход). Так что же, также исчезнет идеальное этих аппаратов и, следовательно, их вещественная форма, которая «выросла» из идеального как формы «активной жизнедеятельности человека»? Мистика… Значит идеальное как застывшая (представленная, снятая) в вещи «жизнедеятельность человека» сохранится?

К тому же сам Э.В. Ильенков говорит, что «…деятельность человека представлена в форме вещей…». Но человеческая деятельность, представленная в форме вещи, останется в вещи и без человека.[2] Деятельность, создавшая конечную вещь, тем самым уже *закреплена* в вещи, она теперь *имманентна* вещи, она её *необходимый* атрибут и как таковая присутствует уже *независимо* от человека. Получается, что Э.В. Ильенков противоречит сам себе, говоря, что вне человека (вернее, вне деятельности человека) идеального не существует. Но человек способен увидеть идеальное, заложенное в вещь другим человеком, только потому, что это идеальное принадлежит уже самой вещи и более не нуждается в присутствии человека.

Но в таком случае идеальное не является исключительной принадлежностью человека, а есть категория более высокого порядка, нежели осо-

---

[1] Критики могут сослаться на Маркса - «железная дорога, по которой не ездят… есть железная дорога только в возможности, а не в действительности». Но этот довод не способен изменить *сущности* железной дороги (её предназначения), которая (сущность) остаётся даже в том случае, когда дорогой не пользуются. Идеальное железной дороги, «вложенное» человеком (т.е. *процесс* создания дороги, который *воплощён* в её вполне конкретной *материальной* форме), не исчезает бесследно, даже если человек не пользуется ею. Замечание же Маркса имеет вполне определённое смысловое наполнение – продукты труда, не используемые человеком, выбывают из общественной практики и т.о. «исчезают» из поля зрения человека, но их идеальное содержание от этого не исчезает (дорога остаётся «в возможности»). Именно этот контекст и имеется ввиду Марксом (желающие могут убедиться сами: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 12. С. 717).

[2] Следует особо отметить один момент, касающийся «формы деятельности человека», которую вводит Ильенков в качестве важной категории, объясняющей сущность идеального. По Ильенкову идеальное «…это форма вещи, но существующая вне этой вещи и именно в деятельности человека как форма этой деятельности. Или, наоборот, это форма деятельности человека, но вне этого человека, как форма вещи». (*Ильенков Э.В.* Проблема идеального. - № 7. С. 148). С. 41.

Но деятельность человека не есть нечто, возникающее спонтанно, само по себе. Поскольку деятельность осуществляется всё-таки во вполне определённой «форме», то она тем самым *оформляется*, *становится* (вспомним гегелевское становление) и, следовательно, имеет некое *основание*. И таким основанием может быть только то, что непосредственно предшествует деятельности человека и детерминирует её, а именно – мышление и его результат, знание. Но ни мышление, ни знание никак нельзя отнести к материальному, а потому следует признать, что это также формы идеального.

бенного и субъективного.

Есть вопрос и более общего характера. Чем материальная деятельность человека отличается от материальной деятельности природы? Тем, что она есть следствие мышления? Телеологичностью? И только? Почему эти сугубо субъективные факторы должны служить препятствием к признанию идеальности объективной и всеобщей действительностью всей природы? Ведь человек тоже продукт деятельности природы и этот продукт обладает свойствами идеального, несёт в себе идеальное и даже активно создаёт его. Значит, деятельность природы также имеет следствием возникновение идеального, в данном случае человека с его осознаваемой им самим деятельностью, и это неоспоримый факт, подлежащий объяснению. Так почему этот вывод нельзя распространить на *все* материальные процессы и, соответственно, на *всё* материальное? В противном случае придётся признать, что возникновение идеального в самом человеке произошло безо всяких на то оснований, внезапно – но материалистов не может удовлетворить это чисто креационистское обоснование.

Мы натолкнулись на логическое противоречие фундаментального характера – если не признать за природой возможности существования идеального как «своего иного» материального, столь же объективного и всеобщего, то невозможно объяснить появление идеального в человеке и, следовательно, самого человека как активного актора идеального.[1]

Из этого противоречия следует производное от него – если человеческая деятельность как объективный материальный процесс в состоянии произвести материальное, обладающее качествами объективности и всеобщности, понимаемых как сущность, как законы природы, представленные (снятые) в продуктах труда (т.е. как представление «всеобщей природы, всеобщей формы и закономерности»), то почему следует отказать ей в возможности создать тождественное этому материальному иное – объективное и всеобщее идеальное, – но только его частное подобие, субъективное идеальное, которое «выявляется и фиксируется только в исторически сложившихся формах духовной культуры» (а это есть особенное и единичное).

Тем не менее, несмотря на отмеченную противоречивость и неполноту концепции идеального, выдвинутой Э.В. Ильенковым, следует отметить главное – его научную смелость в постановке и решении проблемы, а также глубину выдвинутых принципиальных положений (хотя и не выдержанных им последовательно):

- идеальное есть следствие вполне материальных процессов и представляет собой их иную, не-материальную, сторону и потому:
- идеальное так же объективно, как и материальное;
- идеальное столь же всеобще, как и материальное;
- как таковое оно тождественно материальному, т.е. материальное и

1 Это противоречие тогда же было отмечено М.А. Лифшицем – «…идеальное есть во всем, оно есть и в материальном бытии и в сознании, оно есть и в обществе и в природе, или же его нет нигде» (*Лифшиц М.А.* Диалог с Эвальдом Ильенковым. (Проблема идеального). М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 74).

идеальное едины, неотделимы друг от друга и одновременно отличны.

Невозможно, говоря о сущности идеального, обойти вниманием философа, чей авторитет среди исследователей, причисляющих себя к диалектикам, непререкаем. Возьмём же, согласно совету М.А. Лифшица, у него урок.

«Снятие (Aufheben) и *снятое* (*идеальное* – ideelle[1]) – одно из важнейших понятий философии, одно из главных определений, которое встречается решительно всюду и смысл которого следует точно понять и в особенности отличать от ничто. – Оттого, что нечто снимает себя, оно не превращается в ничто. …Снятое… есть нечто *опосредствованное:* оно несущее, но как *результат*, имевший своим исходным пунктом некоторое бытие, поэтому оно *еще* имеет *в себе определенность, от которой оно происходит.*

Aufheben имеет в немецком языке двоякий смысл: оно означает сохранить, *удержать* и в то же время прекратить, *положить конец.*

…Таким образом, снятое есть в то же время и сохранённое, которое лишь потеряло свою непосредственность, но от этого не уничтожено.

…Нечто снято лишь постольку, поскольку оно вступило в единство со своей противоположностью; для него, взятого в этом более точном определении как нечто рефлектированное, подходит название *момента».*[2]

Переведём эти положения с «идеального» языка Гегеля на язык объективной реальности, держась в границах предложенной концепции идеального.

Материальные процессы, т.е. процессы, протекающие с участием материальных объектов, имеют итогом новое состояние объекта, т.е. не только изменённую материальную форму, но и то, что стоит, так сказать, за «спиной» полученного результата – это история самого процесса, который детерминирует свойства, качества материального объекта и уже тем самым косвенно представлен в нём через его качественные определения, хотя и не идентичен им.

Эта история есть не что иное, как материальный процесс изменения материального же объекта, детерминирующий его количественно-качественные определения (свойства, сущность, закон возникновения и развития) и *снятый* в наличном состоянии этого объекта. Материальный процесс, снятый (представленный) в своём конечном результате и определяющий свойства материального объекта, и есть *идеальное как иная сторона материального,* его противоположность.

Т.о. *идеальное есть материальный процесс движения (изменения, развития) материального объекта, снятый (представленный) в полученном результате, т.е. в материальном же объекте (в наличном, актуальном*

---

[1] Гегель недвусмысленно разделяет идеальное как совершенное и идеальное как снятое, смысл которого им далее разъясняется («Ideale имеет более определённое значение (прекрасного и того, что к нему относится), чем Ideelle…». *Гегель Г.* Наука логики. - Т. 1. С. 168).

[2] Там же. В качестве частного вывода можно отметить, что «идея» и «идеальность» для Гегеля понятия не вполне идентичные.

материальном), в его форме, качествах, свойствах. Идеальное есть сущность материального.

Идеальное диалектически двойственно. Оно есть момент, сторона конкретного материального процесса, снимаемая в наличном результате и как таковое оно особенное и конечное (ограниченное в форме конкретного материального). И оно же есть сущность, принцип, понятие этого процесса и в таком качестве всеобщее и бесконечное. Такое идеальное столь же объективно и всеобще, как и материальное, и неотделимо от него, как, впрочем, и материальное от идеального.

Поскольку идеальное есть снятие процесса движения, то в основании (источнике) идеального находятся не вещи, предметы, а процессы, действие. Основание идеального – это материальное, но не как фиксированная, застывшая вещь, предмет, а как движение, процесс.

Вещь же содержит в себе идеальное исключительно потому, что она является итогом, результатом какого-либо материального процесса. Вещь (предмет, объект) в данном случае можно назвать основой (или материальной основой) в которой представлено её собственное идеальное.

Поскольку каждая вещь есть результат исключительно её собственного процесса возникновения, то идеальное каждой единичной вещи уникально, даже если множество подобных вещей возникли как результаты идентичных процессов. Как таковое идеальное единичной вещи представляет в наличном вещественном, материальном, только её собственное вещественное «прошлое» и потому особенно и единично.

Но как феномен реальности, свойственный *всем* объектам реальности, идеальное всеобще.

Такое идеальное выступает не только как представление одним материальным объектом другого материального объекта, не только как результат человеческой деятельности, т.е. не только как особенное и единичное, но и как представление (снятие) в вещи процесса её *собственного* становления, как всеобщий природный феномен, проявляющийся, в том числе, и в деятельности человека.

В главном Э.В. Ильенков прав – «”идеальное”, понимаемое как всеобщая форма и закон существования и изменения многообразных, эмпирически чувственно данных человеку явлений», есть *представление* материального в материальном, *снятие* материального *процесса* в материальном *объекте*. При этом снимаемое и снимающее составляют тождество, единство при сохранении отличия, поэтому следует говорить не о материальных, а о материально-идеальных объектах. Этот феномен актуален для всей реальности, всех её процессов и объектов.

Резюмируя всё, что ранее было сказано об идеальном и идеальности, можно сделать следующие выводы.

Материальное ранее было определено совершенно абстрактно как объективное и реальное и в таком виде, данное только через самое себя, непосредственно, ещё не имеет качественности как соотнесённости с иным. Таким иным материальности может быть только отрицательность материальности – не-материальность, идеальность. Снятие этих сторон, моментов (материальности и идеальности) в их единстве имеет результа-

том новое состояние реальности, в которой представлены уже и материальное и его иное, но уже как тождественные, определяемые посредством друг друга и, т.о., придающие новой реальности *качественную* определённость, в которой материальное получает полноту выражения через свои свойства, являющиеся результатом процесса возникновения новой реальности.

Эта новая реальность в себе уже полностью определена как *единство противоположностей* (в отличие от исходной категории, материального, определённого только через себя) и, следовательно, несёт в себе потенциал развития. Эта реальность и есть *субстанция*, логическое определение которой было дано ранее, а подобный взгляд на субстанцию можно назвать *субстанциональным монизмом.*

Идеальное как иное материального есть снятие, представление материального процесса в его результате – наличном, актуальном материальном. *Тождество материального и идеального при их одновременном различии есть сущность принципа субстанционального монизма*, что в действительности проявляется как существование саморазвивающихся сущностей, субстанций, включая как природу в целом, так и все её бесчисленные формы.

***

На первый взгляд вышеизложенные рассуждения дают основание к утверждению, что вместо субстанционального монизма как тождественности материального и идеального мы снова пришли к дуализму – материальное первично, поскольку идеальное есть снятое материальное. Этот довод следует элиминировать как несущественный по той причине, что такая последовательность возникновения идеального из материального присутствует только в логических построениях, но никак не в реальном мире, где материальное и идеальное всегда и везде сосуществуют *одновременно*, в единстве.[1] Но факт *логической* последовательности материального и идеального есть чрезвычайно важный гносеологический момент, поскольку такое их понятийное разделение даёт в наши руки инструмент исследования их взаимодействия в развитии.

Это противоречие между онтологическим монизмом и гносеологическим дуализмом (вернее, псевдодуализмом, поскольку материальное и

[1] У Гегеля: «Идеальность присуща прежде всего снятым определениям как отличным от того, *в чем* они сняты, каковое можно брать, напротив, как реальное. Но в таком случае идеальное оказывается опять одним из моментов, а реальное — другим; однако идеальность заключается в том, что оба определения одинаково *суть* только *для одного* и считаются лишь за *одно,* каковая, *одна* идеальность тем самым неразличимо есть реальность» (*Гегель Г.* Наука логики. - Т. 1. С. 227). Другими словами – в реальном содержится идеальное как снятое, или – идеальное есть снятое материальное, процесс движения материального, запечатлённый в материальном же.

Следует сказать вполне определённо, что идеализм Гегеля далеко не так прост, как это поверхностно представляется устоявшейся традицией. У умного материализма гораздо больше точек соприкосновения с гегелевским идеализмом, нежели с любой другой философской концепцией.

идеальное, как увидим, «перетекают» друг в друга, меняются местами как активные стороны субстанции), является источником движения мышления, в котором гносеологический «дуализм» представляет активную сторону.

4. Субстанция

Логически выведенная тождественность материального и идеального, их конкретность как единство при сохранении отличия и представляет собой *субстанциональность* всего сущего, всего материально-идеального мира.

Мы подошли к принципиальной проблеме, взгляд на которую столь определённо, даже резко, выражен Спинозой[1] и с чем согласуются некоторые современные представления.[2]

Речь идёт о *единственности* формы существования субстанции в форме природы в целом. При таком взгляде на субстанцию многообразие природных форм объясняется бесчисленностью атрибутов и модусов субстанции.

Ранее уже говорилось, что попытка сочетания в одной субстанции её невзаимодействующих атрибутов лишает субстанцию источника движения, и, как следствие, возможности возникновения новых форм, модусов, которые, в итоге, предстают не как следствие внутреннего развития, но исключительно внешнего определения.

Спиноза вынужденно приписал субстанции бесчисленное множество атрибутов, не имея возможности отказаться от довлеющей идеи всемогущего бога-субстанции, а вернее, чтобы оправдать идею всеобщности. Именно аксиоматическое, абстрактное представление о наличии всемогущего бога (абсолюта и т.п.) необходимо привело к принятию концепции о бесчисленности атрибутов, чтобы оправдать это поражающее воображение всемогущество и бесконечность единого, всеобщего.

Суждения, не подкреплённые анализом сущности субстанции, приводятся и в известной «Философской Энциклопедии»: «…субстанция, с одной стороны, понимается как материя, а с другой стороны, эта материя трактуется одновременно как субъект всех своих изменений как “субстанция-субъект”, т.е. активная причина всех своих формообразований…».[3] Т.е. налицо декларирование, приписывание материи субстанци-

[1] «Одна субстанция не может производиться другой субстанцией» (*Спиноза Б.* Избранные произведения – Т. 1. С. 364).

[2] «(Лат. substantia – сущность; то, что лежит в основе), – объективная реальность, рассматриваемая со стороны ее внутреннего единства, безотносительно ко всем тем бесконечно многообразным видоизменениям, в которых и через которые она в действительности существует; материя в аспекте единства всех форм ее движения, всех возникающих и исчезающих в этом движении различий и противоположностей» (*Ильенков Э.В.* Субстанция // Философская Энциклопедия. В 5-х т. Т. 5. М.: Изд-во БСЭ, 1960-1970. С.151-154).

[3] Там же.

ональных свойств, а материальных качеств – субстанции, но не исследование сущности собственно субстанции. Несмотря на использование дуалистической формы выражения – «с одной стороны, с другой стороны» – фактически приводится формально-логическое утверждение: субстанция есть материя, а материя есть субстанция-субъект. Из этой тавтологии мало что можно вывести.

Единственно правильным логическим выводом будет признание, что *субстанцией* является не только природа в целом, но и *любые* материально-идеальные объекты, *саморазвивающиеся* вследствие возникновения и разрешения внутреннего противоречия между сторонами (моментами) субстанции, которая, т.о., является субъектом собственного движения. Форма возникновения, протекания и разрешения внутреннего противоречия постоянно изменяется в новых формах субстанции по мере их появления. Многообразие мира объясняется существованием множества форм субстанций и законов их развития.

В мире нет ничего, кроме саморазвивающихся субстанций в их бесчисленных формах, вплоть до природы в целом как субстанции. Именно такое понимание выражено в условии рассматривать категории как текучие, изменяющиеся в соответствии с изменениями вещей. С этой точки зрения все вещи (предметы, явления, системы, структуры и т.п.), фиксируемые мышлением, представляют собой не что иное, как мгновенные «снимки» названных процессов, предстающие перед нами как некие устойчивые материальные образования (мы уже говорили об этом в главе «2. Объективная реальность как субъект саморазвития»).

Итак, ранее логически выведенное условие признать субстанциональным качеством единство материального и идеального, которые есть стороны, моменты субстанции необходимо дополняется выводом, подкрепляемым всем действительным многообразием мира, что это многообразие возможно только в том случае, если *полагать как субстанции все внутренне противоречивые саморазвивающиеся объекты природы*.

Такие субстанции предстают как саморазвивающиеся сущности, представляющие единство своих сторон (моментов) – материального и идеального – тождество которых в единстве и различии предстаёт как противоречивость, являющаяся причиной и основанием движения субстанции.[1]

(Несколько забегая вперёд отметим, что человек воспринимает окружающую его «объективную реальность» именно как субстанцию, в тождестве её материальной и идеальной сторон, при этом материальная сторона дана посредством ощущений, а идеальная – посредством мышления).

Следует признать несостоятельным возможное мнение, что в природе могут существовать объекты, хотя и обладающие качеством субстанцио-

[1] Идея монистичности бытия совершенно ясно звучит и у Гегеля – например, рассуждение о двойственности бытия, «истинно сущего» и его моментов он заканчивает следующим выводом – «…на самом же деле имеется только единое конкретное целое, от которого моменты неотделимы» (*Гегель Г.* Наука логики. - Т. 1. С. 222).

нальности (тождеством материального и идеального), но, тем не менее, не являющиеся субстанциями, не имеющие внутреннего противоречия и не развивающиеся. Якобы, такая субстанциональность как простое пассивное тождество представляет собой всего лишь потенцию, возможность возникновения саморазвития путём перехода этого простого тождества материального и идеального в активную форму, во взаимодействие противоположностей, в противоречие. На самом деле *всё* существующее *всегда* вовлечено в движение в той или иной форме в ту или иную субстанцию. В мире, где всё взаимосвязано и взаимозависимо невозможно существование изолированных объектов, не подчиняющихся общему порядку вещей. Что касается высказанного соображения о пассивной субстанциональности, то такая пассивность не более чем видимость, характерная для изолированно наблюдаемого объекта, за которой скрыто пока не определённое субстанциональное движение и которая свойственна медленно протекающим, либо масштабным процессам.

Логическим путём мы пришли к заключению, что действительность представляет собой бесконечное многообразие форм саморазвивающихся субстанций, которые есть тождество материального и идеального как их сторон, моментов и нерасторжимая противоположность которых, переходящая в противоречие, составляет источник самодвижения субстанций. Разумеется, что субстанции в процессе своего движения взаимодействуют между собой и это взаимодействие тоже является источником противоречия особой формы, но об этих противоречиях речь пойдёт позже (глава «11. Противоречия»). Т.о., субстанциональна и природа в целом, и бесчисленные формы саморазвивающихся субстанциональных сущностей, находящихся в множестве форм взаимодействий. Субстанция всеобща как выражение принципа самодвижения и одновременно особенна и единична как воплощение этого принципа в бесчисленных субстанциональных формах.

Мы подошли к очень важному пункту в понимании сущности субстанции как всеобщего, целого. Все рассуждения строились исходя из признания всеобщности принципа саморазвития субстанции, т.е. определялись им как целым, детерминировались им. Это целое, всеобщее, тем самым, незримо, но существенно присутствовало во всех логических построениях, определяя развитие частного, ограничивая его собой, возможно, даже создавая впечатление некой целесообразности. Рассуждая таким образом мы не сформулировали, нет, мы следовали естественным образом естественному же принципу детерминации частей целым.

Очень хорошо об этом сказал Э.В. Ильенков (текст выделен Ильенковым): «именно Спиноза раскрыл тайну ЦЕЛЕ-СООБРАЗНОСТИ как простой факт ЦЕЛО-СООБРАЗНОСТИ, – как факт обусловленности частей со стороны ЦЕЛОГО (а не "цели" в её спиритуалистически-идеалистическом толковании).

Иными словами, – всякий акт анализа, – то есть прослеживания отдельных цепочек причинно-следственных зависимостей, – должен исходить из предельно ясного и четкого представления о том ЦЕЛОМ, которое мы хотим в итоге дискурсивно-аналитического исследования полу-

чить.

…Спиноза, как известно, отвергает начисто представление о ЦЕЛЕВОЙ ПРИЧИНЕ, о "causa finalis", – но именно поэтому он вынужден сразу же приступить к преобразованию представления о "ДЕЙСТВУЮЩЕЙ ПРИЧИНЕ, – о "causa efficiens".

Он решительно ломает представление о причинно-следственных отношениях как о цепи последовательных контактов-замыканий. Он просто замыкает эту цепь "на себя", смыкая "вход" и "выход"…

…И тогда здесь детерминация предстаёт не как цепь от А до Я, а как некоторое замкнутое на себя кольцо, где осуществляется не последовательное воздействие части на часть, а происходит нечто совсем другое, – а именно: ЦЕЛОЕ, как наличная совокупность всех возможных частей, детерминирует каждую свою собственную часть, каждый элемент, и посему – каждое отдельное звено, каждый отдельный контакт.

Отсюда и получается, что логика мышления Спинозы вообще – это Логика детерминации (определения) ЧАСТЕЙ СО СТОРОНЫ ЦЕЛОГО.[1]

…Целое предполагается ДАННЫМ, а все исследование ведётся как АНАЛИЗ, – то есть как процедура выявления тех "частей", которые производит на свет именно данное целое, чтобы обеспечить своё самосохранение и самовоспроизведение.

Именно идея такого анализа, – исходящего из ясного представления о ЦЕЛОМ, и идущего последовательно по цепочке причинности, которая и воспроизводит это целое уже как результат АНАЛИЗА, – и заключена в логически-концентрированном виде в категории СУБСТАНЦИИ, как "causa sui", – как причины самой себя.

…Иными словами, именно Спиноза раскрыл тайну ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ как простой факт ЦЕЛО-СООБРАЗНОСТИ, – как факт

[1] Это не только логика *мышления*, но и логика *действительности*. Академик Н.Н. Моисеев, видный исследователь в области системологии, на основании анализа эмпирических данных утверждает: «…система обладает особыми системными свойствами... Некоторые системы как бы определяют свойства своих элементов, элиминируют, исключают некоторые из них, если эти элементы оказываются неспособными выполнять некоторые функции, необходимые для существования (наверное, точнее — стабильности) системы… Другими словами, взаимосвязь свойств системы и ее элементов гораздо более глубокая, чем это принято думать: не только свойства системы зависят от свойств элементов, но и обратно — свойства элементов, составляющих систему, могут зависеть от свойств системы. И по мере восхождения по ступеням сложности эта взаимозависимость проявляется все более и более отчётливо. Особенно тогда, когда речь заходит об изучении систем общественной природы… Можно говорить о “целях” системы, какой бы природы она ни была. В неживых системах это стабильность и развитие, то есть непрерывное усложнение организационной структуры и многообразия элементов. В системах, принадлежащих миру живого, цель элемента — стабильность, которую принято называть гомеостазом. В системах общественной природы возникает целый спектр целей» (*Моисеев Н.Н.* Универсум. Информация. Общество. М.: Устойчивый мир, 2001. С. 33-34).

обусловленности частей со стороны ЦЕЛОГО».[1]

Принцип детерминации частей целым предполагает, что субстанция как саморазвивающееся целое, всеобщее, в каждое мгновение актуально содержит в себе все свои различения, проявляющиеся как особенные и единичные субстанциональные формы движения, процессы и т.п., и не только различает, но и, в известных пределах, определяет направление и форму их развития. Именно принцип детерминации частей целым находит своё выражение в известном тезисе о всеобщей связи вещей, в этом принципе механизм такой связи просматривается совершенно отчётливо. Более того, принцип детерминации всеобщее развитие замыкает в круг – наличное целое детерминирует развитие частного, частное необходимо приходит к целому.

Принцип детерминации частей целым диалектически противоречив, – с одной стороны он ограничивает набор возможностей развития условием соответствия частей целому и играет роль механизма отбора (приспособления) и, с другой стороны, определяет порог, преодоление которого знаменует диалектический скачок (отрицание отрицания, снятие) и переход в новое качественное состояние, что обязательно происходит, если потенциал внутреннего противоречия достаточно высок.

Т.о., принцип саморазвития субстанции, дополненный принципом детерминированности частей целым, вместе составляют тождество, имеющее всеобще-конкретный характер и выполняющее функцию всеобщей связи – с одной стороны бесчисленные саморазвивающиеся субстанции, представляющие движение от частного к целому (части формируют целое), которое (целое), с другой стороны, само есть субстанция и как таковая детерминирует свои части.[2]

4.1. Логическое обобщение

Материя, пока она рассматривается как некое единое целое (непосредственно данная объективная реальность), как ничем не ограниченная актуальность, как существование само по себе, интенции к движению не имеет, поскольку такая материя однородна, тождественна самой себе, непосредственна. С точки зрения онтологичности можно сказать, что материя – это субстрат субстанции, представляющий непосредственную данность, существование вообще, её (субстанции), так сказать, вещественная основа. В таком качестве материя безразлична, нейтральна к самой себе.

Для того, чтобы получить импульс к движению, материя должна быть определена как нечто конкретное, ограниченное, но определена не внеш-

---

[1] Драма советской философии. Эвальд Васильевич Ильенков: (Книга - диалог) // *Ильенков Э.В.* К докладу о Спинозе ("История диалектики"). - М., 1997. С. 174-175.

[2] «Кроме того всеобщий принцип развития надо соединить, связать, совместить с всеобщим принципом единства мира, природы, движения, материи etc.» (*Ленин В.И.* ПСС. - Т. 29. С. 229).

ним образом, не через нечто иное, а исключительно через самое себя, внутри себя. Только различающее своё иное, отрицающее его, способно к взаимодействию своих взаимоотрицающих сторон в форме противоречия и созданию, таким образом, потенциала движения.

Но даже простое существование материи есть не просто пребывание её в статичном состоянии, тождественном самому себе, но одновременно это пребывание как таковое есть некий процесс бытия, т.е. *движения*. И это бытие уже отграничивает себя от существования как просто наличия – материя теперь различена как просто существование и как некое её бытие. Этот процесс бытия, будучи представлен в актуальном состоянии материи, есть идеальная сторона действительности – т.о. материальное соотносится со своим отрицанием, идеальным, которое генетически есть иное материального же, вследствие чего происходит становление противоречия, являющегося причиной самодвижения материи. Но, получив способность к самодвижению, материя переходит в новое качество – становится субъектом собственного движения – а как таковая она есть субстанция.

Субстанция внутри себя различена как *наличное состояние* и как *процесс возникновения этого состояния*, снятый, представленный в наличном состоянии. Субстанция представлена своими материальными качествами, но эти качества представляют уже прошедший (т.е. актуально не существующий) материальный процесс и потому это представление идеально. Процесс становления, движения, представленный в наличном состоянии, и есть идеальное субстанции.

Граница проходит уже внутри субстанции – между *материальным* как наличным состоянием и *идеальным* как снятием процесса становления этого состояния и представленным в субстанции же как её свойства. Саморазличение материи совершилось и проявляется как тождество, т.е. *единство и различие в субстанции её материальной и идеальной* сторон. Сущность материи как просто существования снята в новом состоянии, в субстанции, и теперь сущностью субстанции является не только существование, но и саморазличение, инициирующее процесс саморазвития и становление т.о. бытия как такового, движения субстанции.

Причём единство и различие есть сущностное свойство субстанции как целого. Граница различия проходит внутри субстанции, и эта граница есть саморазличение субстанции на материальное (наличное, актуальное состояние) и на процесс, приведший к наличному состоянию и имманентно представленный в нём как свойства субстанции, определённые этим процессом (идеальное). В идеальном представлении субстанции наличная материальность есть не что иное, как «прошлая» материальность плюс процесс движения, снятые в наличном состоянии как свойства субстанции.

Материальная сторона субстанции как наличное состояние есть положительное снятие прошлого процесса, его фиксирование, и как таковое она характеризует стабильность. Идеальная сторона субстанции есть сущность наличного состояния материального, проявляющаяся в его свойствах. Как отрицательная сторона материального, т.е. стабильности, идеальное характеризует потенцию изменения субстанции, её возможного

движения. Взаимное отрицание сторон, моментов субстанции приводит к становлению противоречия, побуждающего субстанцию к изменению, действию, отрицанию стабильности – т.е. к саморазвитию.

В таком монистическом рассмотрении единства и различия сторон внутри субстанции её стороны – материальное (наличное состояние) и идеальное (процесс, приведший к наличному состоянию) – есть противоположности, составляющие противоречие, являющееся причиной самодвижения субстанции.

Саморазличив себя материя превратилась в *саморазвивающуюся субстанцию,* в которой неразрывно связаны в своём единстве и одновременно различии её стороны, материальное и идеальное – это и есть принцип *субстанционального монизма.*

Материя, рассматриваемая сама по себе, как просто существование, самотождественна и стабильна, она не имеет внутренней причины к самодвижению. Субстанцией материя становится только в неразрывном единстве со «своим иным» – идеальным. *Сущность (принцип) субстанционального монизма заключается в тождестве, единстве, неразрывности в субстанции материального и идеального при их различии.* Такая субстанция едина как целое и множественна как саморазличающаяся внутри себя.

Саморазличающаяся субстанция способна к самодвижению, саморазвитию посредством перманентного возникновения, развития и разрешения противоречия между своими сторонам, моментами – материальным и идеальным – что имеет следствием снятие сторон противоречия в новом качестве и возникновение новых субстанциональных форм. При этом первоначальная сущность субстанции – существование и способность к самодвижению – снимается, и в каждом новом шаге к ней «добавляются» новые качества, конкретизирующие каждую новую форму субстанции со стороны её движения, истории. Сущность каждой формы субстанции, т.о., *исторична*, а умножению форм сопутствует умножение сущностей.

Обобщая, можно сказать, что сущность всех субстанциональных форм (вещей) – существование в самоопределённости и дальнейшем саморазвитии в конкретных субстанциональных формах. Как таковая сущность всегда конкретна, поскольку она представляет собой *снятие* конкретных же процессов становления и движения той или иной субстанциональной формы.

Но сущность как снятый процесс движения предстаёт также и как закон этого движения и с этой стороны представляет собой активность, изменчивость субстанции. Это может породить иллюзию, что идеальное как сущность всегда является активной стороной субстанционального самодвижения.

В действительности таким активным моментом не может быть ни одна из сторон субстанции, взятая в отдельности, изолированно от другой.

Материальное есть *вещественная* сторона субстанции, определяющая её с количественной стороны. Но количество, взятое вне его качественного определения, есть пустая категория, существование которой возможно только в аналитическом мышлении, но не в действительности. *Идеальное*

же есть *представление* в материальном процесса развития субстанции как целого и, т.о., также самостоятельного значения не имеет, оно значимо только в единстве с материальным.

Движущим, развивающим началом субстанции может быть только тождество обеих сторон субстанции – материальной и идеальной, в котором количественно-качественные моменты одновременно и противопоставлены и дополняют друг друга в соотношении меры, изменение которой ведёт к возникновению нового состояния субстанции вплоть до превращения исходной субстанции в иную субстанцию, обладающую принципиально другими качествами и развивающуюся по своим внутренним законам.

Тождественность материальной и идеальной сторон субстанции есть всеобщее отношение, которое развивается в форме их противоречивого взаимодействия.

На основании сказанного мы можем теперь уточнить понятие диалектичности, сформулированное ранее.[1] Диалектичность:

- в широком смысле – *сущность* бытия как *саморазличение* материи на взаимоотрицающие стороны – материальное как наличное состояние и идеальное как представление в наличном состоянии процесса его становления – и возникновение т.о. противоречия, являющегося основанием дальнейшего *самодвижения* материи. Саморазличающаяся материя становится субъектом собственного движения и в этом новом качестве она – *субстанция*;[2]

- в узком смысле – сущность высшей формы субстанции, достигшей в своём развитии способности к самоосознанию и к мышлению, диалектичных в своей основе (что будет рассмотрено позже).

По причине всепроникающей диалектичности и бытия, и мышления диалектическая мысль не может полностью оторваться от реальности и должна постоянно сверять с ней свои представления посредством постоянного обращения к ней в практике. Свободное «парение» мысли, движение её исключительно в самой себе без оглядки на реальность есть самообман, ведущий в тупики солипсизма.

Выведенное логически понятие субстанции даёт возможность ответить ещё на один принципиально очень важный, можно сказать, фундаментальный вопрос. Речь идёт о феномене отражения (более подробно мы будем говорить о нём в главе «7. Отражение»).

---

[1] См. главу «1. Диалектичность как саморазвитие».

[2] Здесь необходимо отметить также следующее. Сущность субстанции как природы в целом, так и частей этого целого, представленных разными субстанциональными формами, совершенно не зависит от конечной делимости частиц, гипотетически предполагаемых в качестве основания материи. Это свойство частиц по отношению к принципу субстанционального монизма ничтожно, поскольку как таковая делимость частиц не определяет самой возможности существования и самодвижения материи в своих субстанциональных формах. Определённость размера и формы частиц не влияет на сам принцип субстанционального монизма и на возможность реализации этого принципа, который является сущностью всеобщего, бытия в целом.

«…В фундаменте самого здания материи» можно лишь предполагать существование способности, сходной с ощущением».[1]

«Не в том состоят эти взгляды (взгляды материалистов. Прим. наше – А.П.), чтобы выводить ощущение из движения материи или сводить к движению материи, а в том, что ощущение признается одним из свойств движущейся материи».[2]

«…Логично предположить, что вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощущением, свойством отражения».[3]

Это свойство «ощущения» и есть *саморазличение* материи, приводящее к появлению внутреннего противоречия как причины самодвижения. Материя «ощущает» своё движение, своё прошлое, поскольку снимает его в себе и таковая «ощущающая» себя материя в итоге становится субстанцией. В идеальной стороне (моменте) субстанции снимается процесс движения и представляется, «отражается» в наличном результате, в наличном состоянии субстанции.

Отражение есть атрибут сущностной способности материи к самоотрицанию, самоопределению и представлению т.о. себя в себе как своего иного, отрицаемого, рефлектированного, отражённого. В высшей форме субстанции эта способность развивается до уровня самоосознания субстанции – субстанция мыслит.

4.2. Субстанциональные формы движения

Определившись с понятием субстанции мы получили возможность проанализировать, хотя бы в самых общих чертах, формы её движения.

4.2.1. Первая форма субстанционального движения. Материальное и идеальное нераздельны и непосредственны (неопосредствованны)

Выше мы определили сущность субстанции как тождественность её материальной и идеальной сторон. В этом тождестве, знаменующем собой неразрывность (единство) сторон субстанции и имеющим всеобщее значение, материальное и идеальное ещё *нераздельны*[4] и это есть *особен-*

[1] *Ленин В.И.* ПСС. - Т. 18. С. 40.
[2] Там же. С. 42.
[3] Там же. С. 91.
[4] Уточним дефиниции. Нераздельность, неразделённость – неявное саморазличение материального и идеального, поэтому вовне предстаёт только то, что может явить себя непосредственно – материальное. Идеальное здесь полностью скрыто в материальном – саморазличение ещё в-себе, оно нераскрыто, имплицитно. Нераздельность есть внешнее представление непосредственности материального и идеального, отсутствие опосредствующих звеньев между ними, их видимая слитность.

Разделённость, раздельность – явное саморазличение материального и идеального, здесь они связаны не непосредственно, а через опосредствующее звено (впоследствии оно будет определено как часть материального или другое материальное) – здесь саморазличение материального и идеального уже для-себя, ак-

ное первой формы субстанционального движения.

Рассматриваемая форма субстанционального движения характеризуется тем, что материальное и идеальное не только тождественны (неразрывны), но и нераздельны, а это значит, что они *непосредственны*, т.е. материальное как целое представляет своё идеальное в целом, между ними отсутствуют опосредствующие звенья. *Это первая форма субстанционального движения.*

Как мы выяснили ранее, идеальное как снятие процесса движения субстанции *всегда* представлено в актуальном, наличном состоянии субстанции. В рассматриваемой форме субстанции материальное как целое именно своей актуальностью, наличностью представляет своё идеальное в целом, здесь идеальное присутствует в субстанциональном тождестве материального и идеального имплицитно, скрыто, оно в-себе, в потенции, имманентно субстанции и внешне самостоятельно не явлено, но только через свойства материального.

Движение субстанции проявляется как изменение её исключительно материальной стороны, происходящее, по видимости (кажимости), как следствие взаимодействия исключительно материальных же частей субстанции. Присутствие идеального при этом внешне совершенно не просматривается, что создаёт впечатление полного отсутствия идеального.

Однако это обстоятельство не должно являться основанием для диалектической мысли для элиминирования идеального как стороны субстанции из исследования этой субстанциональной формы. Следует определить в какой форме идеальное присутствует в субстанции как её сторона.

Очевидно, поскольку здесь нет особенной части материального, представляющей идеальное, то идеальная сторона субстанции будет представлена материальной стороной в целом: материальное в целом представляет идеальное в целом. Форма тождественности здесь особенная – единство, в котором различие сторон неявно, имплицитно. Именно поэтому невозможно в этой субстанциональной форме отделить идеальное от материального и наоборот, они переплетены, слитны, непосредственны.

Противоречие материального и идеального в этой форме движения глубоко скрыто внутри субъекта движения и внешне проявляется лишь как мера, как количественно-качественные соотношения взаимодействующих материальных (по видимости) сторон. Здесь нет видимого, фиксируемого противопоставления материального и идеального, что и создаёт видимость отсутствия идеального и, следовательно, противоречия между этими сторонами субстанции.

Поскольку в этой форме движения субстанции идеальное как таковое может быть определено только внешним по отношению к субстанции способом, мышлением, то стороннему наблюдателю, не владеющему диалектическим методом, дело представляется таким образом, что изменяется только одна сторона – материальное, и это обстоятельство является основанием для представлений механистического материализма.

туально, действительно.

В границах данной формы субстанции, представляющей нераздельное тождество материального и идеального, возможны многочисленные формы субстанций, движение которых определяется формами взаимодействия материального. Дело дальнейшего выделения этих форм в рамках данного субстанционального отношения материального и идеального относится к компетенции естественных наук, изучающих формы взаимодействия материальных объектов.[1]

(Ремарка. Следует также сказать, что в обобщённом виде естественнонаучная точка зрения на процессы самоорганизации материальных объектов представлена в работах И.Р. Пригожина,[2] которые позволили определить механизм, находящийся в основании движения этих субстанциональных форм. В кратком изложении выводы из его работ можно сформулировать следующим образом:

- равновесные состояния термодинамических систем[3] временны, преходящи;
- в результате флуктуаций равновесное состояние системы постоянно нарушается и возникают неравновесные состояния;
- при выходе неравновесности за определённые границы в системе начинаются процессы *самоорганизации*, которые приводят к возникновению нового *качественного* состояния системы (практически возникает другая система).

Выводы И.Р. Пригожина фиксируют обстоятельство, отмеченное выше – самодвижение этой формы субстанции по видимости предстаёт как процессы самоорганизации взаимодействующих материальных объектов, идеальное которых выражается только косвенно, через количественно-качественное соотношение материального.

Как видим, естественные науки со стороны эмпирии подтверждают всеобщность принципа диалектического развития, – самоорганизации естественных природных процессов, – который действует, начиная с самых основ природы. Работы И.Р. Пригожина подвели под этот фундаментальный принцип экспериментальное обоснование, полностью лишив тем самым актуальности креационистскую версию развития, на долю бога осталось лишь, разве что, создание материи, после чего он может удовлетворённо удалиться на покой).[4]

---

[1] Сюда следует отнести т.н. физическую и химическую формы движения, которые являются разными формами взаимодействия субстанциональных в своём существе объектов, но не формами движения субстанции.

[2] *Пригожин И.Р., Стенгерс И.* Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. - М.: Прогресс, 1986.

[3] Термодинамическая система - совокупность физических тел, которые могут: - энергетически взаимодействовать между собой и с другими телами; а также - обмениваться с ними веществом. Термодинамическая система: - состоит из большого количества частиц; и - подчиняется в своём поведении статистическим закономерностям, проявляющимся на всей совокупности частиц (http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?RSlwsukotgso,lxqol!xoxyls).

[4] Для удобства и простоты изложения целесообразно называть эту форму субстанционального движения *инерциальной* (от лат. iners – косный) или *инерталь-*

4.2.2. Вторая форма субстанционального движения. Материальное и идеальное разделены и опосредствованы (начало)

Начав с непосредственно данного, – нераздельности материального и идеального, – диалектическая мысль не может остановиться на этой данности и обязана подвергнуть её отрицанию, при котором нераздельность материального и идеального превращается в свою противоположность – разделённость.

Развитием предыдущей формы, её диалектическим отрицанием будет субстанциональная форма, в которой материальное и идеальное существуют *раздельно*.

Совершенно ясно, что такое отдельное идеальное не может быть идеальным в той форме, о которой речь шла до сих пор, а именно – идеальным в *имплицитной, нераздельной* форме, идеальным в-себе.

5. Идеальное (продолжение)

Идеальное, подлежащее теперь рассмотрению, есть более сложная форма идеального и является диалектическим развитием прежней формы, её отчуждением от себя как своего отрицания. Но, идеального не может быть без материального и потому попробуем логически выяснить, во-первых, сущность искомого идеального и, во-вторых, определить то материальное, которое его представляет (ведь материальное и идеальное субстанциональны, тождественны).

Другими словами, в субстанции кроме *имплицитного* идеального как снятого процесса движения, как нераздельного со своим материальным, должно быть представлено идеальное в *явной, эксплицитной* форме, т.е. данное идеальное есть дополнительное представление в субстанции: 1. либо *внутри*-субстанциональных процессов, но не в ранее рассмотренной форме как идеального нераздельного со своим материальным, а как идеального, *раздельного* со своим материальным, т.е. виде особой рефлексии внутреннего процесса, некоего сигнала, сообщения о нём; 2. либо неких процессов (вещей) *вовне* субстанции,

Такое идеальное может представлять как своё материальное, так и иное материальное, внешнее. В отличие от первой формы идеального – имплицитного идеального, идеального в-себе, данное явное, эксплицитное идеальное есть уже идеальное для-себя.

Но поскольку идеальное неразрывно с идеальным, то ясно, что в субстанции должна существовать особая материальная структура, формирующая и представляющая идеальное в явной форме.

Тем самым субстанция усложняется – возникает особая материальная структура, формирующая явное идеальное как сообщение о чём-то, т.е. осуществляющая рефлексию, отражение каких-то внутренних, либо внешних процессов и представление их в идеальной форме внутри своей

ной, что более удобно для русского языка и слуха.

субстанции.

В этой форме субстанции, являющейся диалектическим отрицанием первой формы, в которой материальное и идеальное нераздельны, представлены уже *две формы идеального* – та же, что и в первой форме субстанции, т.е. *идеальное имплицитное* (идеальное в-себе) и *идеальное эксплицитное как рефлексия, отражение* внутренних, либо внешних процессов и представление их в форме сообщения, сигнала – это уже идеальное для-себя. Идеальное для-себя знаменует возникновение феномена *отражения*.

Это *вторая форма идеального*, *идеальное для-себя*: в субстанции, которая уже обладает «своим» имплицитным идеальным как снятием процесса её собственного развития (идеальным в-себе), одновременно какой-то особой частью её материального представляется новое идеальное в явной, эксплицитной форме – как сигнал, сообщение либо о собственном состоянии, либо о взаимодействии с внешним объектом.

Теперь в субстанции – кроме того, что в ней содержится внутреннее противоречие между своим материальным и представляемым им имплицитным идеальным (идеальным в-себе) – также представлено противоречие между субстанцией как целым и идеальным эксплицитным, явным (идеальным для-себя) как сигналом о её собственном внутреннем состоянии, или (и) о контакте с другим объектом (другой субстанцией).

Особо отметим последнее обстоятельство – идеальное представление другой субстанции как некоего сообщения о ней, сформированного особым органом, знаменует становление принципиально новой формы взаимодействия субстанций – взаимодействия, основанного на возникшем феномене отражения.

Выявленная особая структура выполняет функцию опосредствования между «своим» и «иным». Теперь взаимодействие с другой субстанцией имеет не характер непосредственного воздействия их друг на друга, оно становится гораздо более сложным и в сущности, и по форме. Другая субстанция (процесс) предстаёт уже не в своей непосредственной актуальности, вещественности, а в идеальной форме – как некое «сообщение» о ней, как «ощущение» её, как рефлексия, отражение. Рассмотрим этот процесс подробнее.

6. Субстанция (продолжение)

6.1. Вторая форма субстанционального движения. Материальное и идеальное разделены и опосредствованы (продолжение)

Т.о., в данной субстанциональной форме можно выделить *две формы идеального* – имплицитное идеальное собственного процесса развития (*идеальное в-себе*), и эксплицитное идеальное (*идеальное для-себя*) как представление внутренних же процессов, но в особенной форме – форме

сигнала, сообщения о них[1], плюс представление внешней взаимодействующей субстанции.

Решающую роль здесь играет факт возникновения особой материальной структуры, функциональным назначением которой является восприятие воздействия *внешней* субстанции и представление её в идеальной (снятой) форме в *своей* субстанции. Разумеется, что идеальное другой вещи предстаёт не непосредственно как идеальное этой вещи, а опосредствованно, как некие сигналы о внешнем воздействии. Идеальность же заключается в том, что форма внешнего взаимодействия *снимается* и предстаёт в субстанции не в форме прямого, непосредственного контакта, а в форме *рефлексии*, *отражения*, сообщения о нём. Это восприятие и преобразование внешнего воздействия в другую форму осуществляется особой структурой субстанции, рефлексирующей внешние воздействия и представляющей их в *особой* форме внутри субстанции.

В этой форме субстанции, являющейся диалектическим отрицанием первой формы, в которой материальное и идеальное нераздельны, представлены уже *две формы идеального* – та же, что и в первой форме субстанции, т.е. *идеальное собственного процесса* (имплицитное идеальное, нераздельное) и *идеальное другой вещи* как её представление, снятие в этой вещи (эксплицитное идеальное, отдельное).[2]

Мы в логической форме повторили эволюционный процесс возникновения жизни в природе. Материальная структура, эволюционно возникшая внутри некой субстанции на определённом этапе и выполняющая функцию опосредствования между субстанциями, есть особый орган живого организма, воспринимающий внешние материальные воздействия и представляющий их в организме уже в «обработанном» (снятом) виде, т.е. не как собственно воздействия (механические, физические, химические и т.п.), а как *сигналы* об этих воздействиях, их отражение, идеальное представление, на которые организм реагирует определённым образом.

Эти субстанции реагируют на внешние воздействия не как субстанции первого вида, т.е. *непосредственным* изменением своей вещественности, структуры (вплоть до разрушения), а *опосредствованно*, реагируя на сигналы своего особого органа и приспосабливаясь, по возможности, к новой ситуации. Возникают новые природные феномены – *поведение и его форма*, *приспособление* и, как следствие, *телеологичность* в самой примитивной форме как стремление к самосохранению. Собственно эти феномены, как следствие появления особого органа и его функционального

[1] Далее этот модус идеального не рассматривается, т.к. он характерен для физиологических представлений организма о себе самом и интереса в нашем анализе не вызывает.

[2] Это перекликается с ильенковским идеальным, о котором говорилось выше (См. главу «3. Идеальное»): «…один материальный объект, оставаясь самим собой, выступает в роли представителя другого объекта, а ещё точнее – всеобщей природы этого объекта, всеобщей формы и закономерности этого другого объекта». Но есть и отличие – представителем другого является не весь объект, а его особая структура.

назначения – формирования идеального иного, и отличают «живые» субстанции от «неживых», косных.[1]

Мы не касаемся здесь признаков, которые считаются основными для признания материальных образований живыми – т.н. биологичности и способности к самовоспроизводству. Первое характеризует их со стороны формы, но никак не сущности. Второе хотя и является весьма важным сущностным качеством живых организмов, но это пассивная сторона, определяющая количественные возможности, а не качественные, в то время как активность, ставшая возможной вследствие наличия указанного особого органа, является основным составляющим сущности как способности к движению, изменению.

В живой субстанции *имплицитное идеальное* является пассивной формой, *определяемой* изменением материального тела. *Идеальное же иного, эксплицитное* идеальное начинает играть активную роль в поведении субстанции как фактор, его инициирующий, *определяющий*. Оно становится явным и относительно независимым, это уже идеальное для-себя.

Возникающее противоречие между наличным состоянием субстанции и внешними объектами-раздражителями, которые внутри субстанции предстают как активная форма идеального, становится внутренним источником движения субстанции, её реакцией на внешнее воздействие, адаптацией к изменившимся условиям. Эта реакция может быть двоякого рода – *внешнее изменение* как изменение *формы взаимодействия* субстанции с другим объектом (поведенческая адаптация) и *внутреннее изменение* как изменение структуры, свойств, *сущности субстанции* (эволюционная адаптация).

Идеальное неживой природы нераздельно с материальным, непосредственно, оно в-себе, в возможности, в потенции, скрытое. Здесь, по видимости (но не по сущности), явная первичность материального как активного фактора.

Идеальное живой природы выходит из тени. Оно существует в двух формах – одновременно и в-себе как своё идеальное, и для-себя как идеальное отражение внешней вещи, как «своё иного». Теперь идеальное не только представлено явно, наравне с материальным, но и выполняет ведущую роль как инициатор возникновения противоречия между материальным и идеальным.

В этой форме субстанционального движения мы можем определить нематериальность не абстрактно, как это было вначале, не как простое отрицание материального, а с учётом конкретного содержания нематериальности – идеальности.

Теперь *материальное одной вещи* опосредствованно представлено *материальным другой вещи* (вернее, её особой структурой) и в этом пред-

[1] Живое только то, что внутри себя *явно* отделяет идеальное от материального посредством особого материального органа. Совершенно ясно, что возникновение жизни как *явного* разделения (отличения, отчуждения) идеального от материального невозможно, если в не-жизни предварительно не содержатся имплицитно, не сосуществуют в *неявном* виде материальное и идеальное.

ставлении материальное первой вещи предстаёт как *идеальное*, в отражённой, рефлексированной форме.[1]

Собственная материальность представляющей вещи (особой структуры) в этом представлении ничтожна (в гносеологическом, но не естественнонаучном отношении) – её основное предназначение *быть представителем другой вещи, быть генератором идеального*. Это идеальное внешней вещи в отношении представляющей вещи есть идеальное для-себя.

Возвращаясь к феномену идеального в первой форме субстанционального движения, в которой материальное и идеальное нераздельны, можно видеть, что в этой нераздельности материального и идеального последнее находится в-себе, а материальное представляет *своё* идеальное *непосредственно*. Здесь наличное, актуальное материальное представляет «прошлое» материальное завершившегося материального же процесса, которое одновременно и не существует уже (процесс завершился), и существует как снятое в наличном материальном (поскольку налицо вещественный результат процесса). «Прошлое» материальное рефлексировано в наличном материальном – и как таковое оно есть идеальное в-себе. Другими словами, «прошлая» материальность представлена в наличной материальности идеально, как закон возникновения и сущность наличной материальности.

Разделить неопосредствованное материальное и идеальное таких объектов возможно только представляя этот объект в другом объекте и другом процессе – речь идёт о мышлении, но об этом будем говорить позже.

Можно ещё отметить, что в отличие от неживых субстанций, для процессов движения которых характерно соблюдение пропорционального соотношения веществ вступающих во взаимодействие объектов, все формы живых субстанций способны воспроизводить себя в возрастающих масштабах и вовлекают в процесс своей жизнедеятельности гораздо больше вещества, чем заключено в них самих. В основании отмеченного принципа расширенного воспроизводства находится активность в форме самовоспроизводящегося процесса отражения как двунаправленного процесса идеализации материального и материализации идеального, дополненная способностью к репродукции.[2]

7. Отражение

Выше мы говорили об особой структуре субстанции, *снимающей* и

[1] Мы убедимся в ходе дальнейшего изложения, что роль феномена *опосредствования* и его агентов (материальных объектов бытия и идеальных объектов мышления) чрезвычайно важна. Именно феномен опосредствования, став основанием новой формы субстанционального движения, даёт толчок к движению в направлении высшей субстанциональной формы – человека, обладающего *самосознанием*.

[2] Очевидно, вторую форму субстанционального движения целесообразно называть *витальной* (от лат. vita - жизнь, vivus – живой).

преобразующей внешнее взаимодействие в форму внутреннего воздействия, за которым следует реакция субстанции, которая, как было сказано, может быть двоякой. Этот процесс восприятия внешнего воздействия и его преобразования во внутреннее воздействия есть не что иное, как процесс *рефлексии*, *отражения*, в котором решающую роль играет особый орган, мы уже имеем право так сказать, *орган отражения*, или даже более определённо – *отражения и управления*, поскольку отражение внешнего имеет следствием некое внутреннее воздействие, управляющее последующим изменением субстанции.

Очевидно, что орган (органы) отражения представляет в субстанции в идеальной форме не только внешние воздействия, но и внутренние состояния собственной субстанции, и по этой причине становятся возможными отмеченные выше процессы *поведенческой* и *эволюционной* адаптации как следствие формирования органом отражения субстанции идеальных представлений о внешнем окружении и внутреннем состоянии, на которые субстанция, подчиняясь уже *управляющим* сигналам органа отражения, реагирует определённым образом.

Процесс отражения не ограничивается только представлением внешнего воздействия во внутреннем восприятии субстанции, но завершается, и это естественно, обратным движением, той или иной реакцией субстанции. Процесс отражения не разомкнут в пространстве и времени, но замкнут в круг: это двунаправленное движение – превращение материального в идеальное и обратное – идеального в материальное. Если быть более точным, то это спиральное движение, поскольку на каждом этапе и материальное, и идеальное «обогащаются» за счёт снятия прежнего состояния и сохранения его в новой форме. По Гегелю такое движение есть качество бесконечности.

Т.о., результатом функционального разделения материального и идеального, их раздельного представления, является возникновение в *явном* виде феномена отражения, имеющего *две формы проявления*. Отражение как *восприятие* – это идеализация материального процесса, объекта, осуществляемая особым органом субстанции, органом отражения.[1] Вслед за восприятием следует реакция на него – управляющее действие, превращение идеального импульса (т.е. представления внешнего объекта) во вполне материальные изменения субстанции, внешние – поведенческие, либо внутренние – сущностные.

Наличие феномена отражения, который имеет следствием появление способности у живых субстанций к изменениям, как поведенческим, так и сущностным, становится необходимым условием эволюции и приспособления видов.[2] Применительно к процессу отражения уже можно говорить

[1] Прослеживая по нисходящей эволюционной линии в качестве форм органа отражения можно назвать мозг, нервные узлы, нервные клетки и т.д. вплоть до, очевидно, некоего высокомолекулярного соединения в первых живых субстанциях.

[2] Очень осторожно можно предположить наличие особого органа отражения не только у живого организма в целом, но и в его генетическом основании – хро-

о равнозначности материального и идеального, они равноправны и, взаимодействуя, перетекают друг в друга.

Т.о. *отражение в обобщённом виде есть форма опосредствования взаимодействия материального и идеального, и одновременно механизм разрешения противоречия между ними в живых субстанциях.*

Отражение есть основа движения субстанции на принципиально новой основе – опосредствовании раздельно представленных материального и его активного идеального. Феномен отражения по мере развития живых субстанций проявляется вначале случайно, робко, неуверенно и непостоянно, затем всё более уверенно и в человеке представлен уже совершенно явно.

Вернёмся к вопросу об отражении в неживом мире.

Как ранее было сказано, идеальное в неживом мире – это процессы самодвижения субстанций, представленные в материальном в снятом виде.

Снятие, о котором идёт речь, являет собой как бы «отпечаток» этих процессов, которыми создаются конкретные свойства материального. Другими словами – процесс снятия идеального в материальном представляет собой рефлексию материальной стороной субстанции её же идеальной стороны, как своеобразное отражение в себе процесса своего *собственного* движения, что, в результате, внешне предстаёт в форме качественно-количественных характеристик субстанции.

Выявленный нами процесс отражения по своей сути есть феномен, опосредствующий материальное и идеальное, который:

- со своей положительной стороны (утверждения) характеризует интеграционные процессы возникновения общего из частного – формирование субстанции как целого, создаваемой конкретными (частными) моментами её движения;

- со своей негативной стороны (отрицания) характеризует дифференцирующие моменты отбрасывания тех процессов, которые не соответствуют качественно-количественным характеристикам субстанции (субстанция как целое, обладая конкретными качественно-количественными характеристиками, соответственно им детерминирует поле возможностей своего движения) – что предстаёт как феномен детерминации общим частного.

Говоря гегелевским языком, посредством процесса отражения субстанция одновременно и отчуждает, и присваивает себя, в итоге приходя в себе к полной оформленности, завершённости.

В итоге мы логическим путём пришли к выводу, что отражение есть феномен *всеобщий* – действующий и в неживой, и в живой природе. Процесс отражения лежит в основании движения *всех* субстанциональных форм, а не исключительно живых форм, как мы ранее определили, но в разных формах движения субстанций он действует также в разных формах. В неживой субстанции *неявно*, как принципы снятия частного в це-

---

мосоме, что эволюционно оправданно. Если это так, то мутации имеют основание не только в случайности, но и в необходимости. Впрочем, это вопрос к генетикам.

лом и детерминации частей целым (что проявляется в форме т.н. законов природы), в живой субстанции в *явном* виде, как идеализация материального и материализация идеального (заметим, что принципы снятия частного в целом и детерминации частей целым как всеобщие распространяют своё действие и на живые субстанции).[1]

Следует отметить также следующее – несмотря на наличие в живых организмах особо оформленного органа отражения в процессе отражения принимает участие не исключительно этот орган, а весь организм в целом, вне и без которого орган отражения существовать не может.

Итак, в широком смысле *отражение* есть:

- в неживых субстанциях – скрытый, имманентный процесс снятия (представления, рефлексии) в материальной стороне субстанции её идеальной стороны, что внешне характеризуется качественно-количественными свойствами субстанции;
- в живых субстанциях – явный процесс преобразования материального в идеальную форму посредством инструмента отражения, особого органа отражения и последующего преобразования идеального в материальную форму как реакция субстанции на воздействие.

В узком смысле отражение есть результат одного из этапов процесса – в форме полученного идеального или материального. Применительно к человеку в первом случае отражение лежит в основании процесса познания, во втором – практики.

Процесс эволюции живых субстанций необходимо развил орган отражения до его высшей формы – человеческого мозга, обладающего по своей сущности диалектическим мышлением.

8. Сознание, мышление

Орган отражения, как это теперь совершенно ясно видно, играет если не решающую, то огромную роль в эволюции живых субстанций и эта роль определяется его местом в процессе взаимодействия организма с внешней средой. Опосредствуя (снимая, представляя) влияние внешней среды на организм и, тем самым, вызывая реакцию организма, приспособление его к внешней среде, орган отражения находится в центре поведенческого и эволюционного приспособительных процессов, он их инициирует «изнутри» организма как ответ на внешнее воздействие.

В ходе эволюции этот орган усложняется и структурируется вплоть до появления нервных клеток и нервных узлов у сравнительно сложных живых организмов. Соответственно изменяется и форма отражения, она постоянно усложняется, следуя за усложнением органа отражения.

---

[1] Здесь уместно ещё раз напомнить ленинские предположения: «...ощущение признается одним из свойств движущейся материи»; «…”в фундаменте самого здания материи” можно лишь предполагать существование способности, сходной с ощущением»; «…в ясно выраженной форме ощущение связано только с высшими формами материи (органическая материя)».

Развитие нервного узла в мозг вызывает появление новой формы отражения – образной. Вместе с развитием мозга развивается и это форма. Возникают феномены узнавания и запоминания, появляется способность связывания образов в последовательные цепочки, тем самым возникает мышление в простейшей форме. С развитием мозга развивается и мышление, появляется способность действовать не только со зрительными образами, но и со *знаками* этих образов (звуками, жестами), т.е. с идеальным представлением образов – а это уже основа абстрактного мышления. Мышление, способное последовательно связывать цепочки образов и их знаки, есть мышление формально-логическое, и оно присутствует у высших животных – это уже сознание в форме синкретичного, конкретного образного видения внешнего мира.[1]

Предчеловек с таким сознанием уже может изготавливать простейшие орудия, но не в состоянии усложнять их и развивать далее – возможности органа отражения, мозга, ещё не позволяют *свободно* обращаться с его идеальным содержанием как не только относительно адекватным отражением внешнего мира, но и как *самостоятельным предметом* мышления, который мышление может *изменять*, *изучать*. Мышление предчеловека ещё только образное, это непосредственное отражение внешнего мира и как таковое оно простое сознание.

Но узловой пункт эволюции человека уже пройден – процесс осознанной, целенаправленной материализации идеального в форме человеческой практики, пусть и в примитивной форме, начался. Состоялось отождествление материального и идеального в процессе отражения как взаимоопределяющих феноменов, они связываются во всё более прочный процесс взаимодействия и взаимовлияния.

Наконец мозг развивается до такого уровня, что появляется способность отражать содержание собственного, до сих пор образного, неразрывного с действительностью, мышления – появляется феномен *отражения отражения*. Возникает *самосознание*. Рождается *человек*. Отражение отражения, самоосознание субстанции – это последняя форма в развитии феномена отражения, сложнее которой быть не может, поскольку диалектический процесс возникновения, развития и разрешения противоречия завершён, отрицание отрицания свершилось.[2]

Но что же лежит в основе самосознания, как оно возможно? Попробуем гносеологически разрешить этот вопрос, используя развитые выше

---

[1] «Животное непосредственно тождественно со своей жизнедеятельностью. Оно не отличает себя от своей жизнедеятельности. Оно есть эта жизнедеятельность» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 42. С. 93).

[2] Этот вывод, к которому мы пришли положительно, Э.В. Ильенков сформулировал с отрицательной стороны: «Мышление бесспорно, есть высший продукт всеобщего развития, есть высшая ступень организации взаимодействия, предел усложнения этой организации.

Формы более высокоорганизованной, чем мыслящий мозг, не только не знает наука но и философия принципиально не может допустить даже в качестве возможного, ибо это допущение делает невозможной самое философию. (*Ильенков Э.В.* Космология духа // Философия и культура. – М.: Политиздат, 1991. С. 417).

понятия субстанции и идеального.

Наличное бытие сознания эволюционно, исторически, появляется как непосредственное, простое сознание, копирующее, отображающее внешнее ему. Это сознание есть инобытие иного, материального мира, внешнего сознанию и сущностно представляет собой его идеальное отражение, которое возникает через восприятие и существует в образной форме. Представления такого сознания как идеальное непосредственны, образны. В своей непосредственности это ещё сознание в-себе. Оно не в состоянии подвергнуть анализу свои идеальные предметы и проникнуть в их сущность, поскольку не обладает ещё способностью *внутренней рефлексии, внутренней отрицательностью*. Как сознание оно ещё сугубо формальное – связи между объектами устанавливаются только на основании их непосредственного внешнего взаимодействия. Любое опосредствование представляет для простого сознания серьёзную, даже непреодолимую преграду. Максимально на что оно способно, это установление *непосредственных* причинно-следственных связей, хотя и этого вполне достаточно для совершения достаточно сложных мыслительных и, главное, практических действий.

Простое сознание есть восприятие внешнего ему мира в самом общем виде, как нераздельного. Простое сознание не способно к саморефлексии и потому воспринятое (внешнее) предстаёт в нём как целое, нерасчленённое внутренне. Такое сознание имеет дело с целыми, нерасчленёнными рефлексией и потому простыми предметами, которые в своей неопределённости (внутренней несоотнесённости с другим) есть скорее абстракции, чем нечто конкретное. Раздельность таким сознанием фиксируется чисто внешним образом – как раздельность разных между собой внешних сознанию вещей. А потому такие вещи не могут быть познаны как *сущности*, но только как *явления*, связанные друг с другом не внутренне взаимозависимыми сущностными отношениями, а формальными случайными связями.

Простое сознание способно действовать с такими разобщёнными предметами, не имеющими внутренне обусловленной связи, только в соответствии с их внешними эпифеноменами, т.е. формально-логически, не проникая в их внутреннюю сущность и не учитывая её.

Повторим, поскольку простое сознание не способно к саморефлексии, то содержание такого сознания есть *непосредственное* отражение внешнего ему мира, которое предстаёт в сознании как нечто целое, нерасчленённое. Поэтому простое сознание неспособно выйти за границу своего наличного бытия, оно ограничено им.

Для того чтобы сознание могло совершенно свободно действовать со своими идеальными объектами и проникать в их сущность, в жизнь объектов, оно должно быть внутренне диалектическим, т.е. способным не только рефлексировать (отражать) объекты внешнего мира, но и рефлексировать эту рефлексию внутри себя, противопоставлять друг другу отражение и его отрицание и снимать полученное противоречие в новом качестве, обогащённом содержанием сторон противоречия – т.е. завершить движение положительным, отождествляющим.

Такое сознание должно обладать внутренней способностью к отрицанию своего идеального содержания и последующему снятию полученного противоречия в новом содержании, в котором исходный тезис обогащён своим отрицанием, так что в результате снятия они предстают как качественно новый идеальный объект, в котором тезис и антитезис существуют в тождестве (единстве в различии).

Подобное сознание способно самостоятельно совершать со своими идеальными предметами весь диалектический цикл – отрицания (создания внутреннего противоречия), рассмотрения противоречия в его самодвижении и итогового отрицания отрицания, т.е. снятия противоречия в новом содержании и получения т.о. *качественно* нового идеального предмета.

В любой живой субстанции, как это определено ранее, представлены две формы идеального: идеальное своё как представление процесса собственного развития, онтогенеза, и идеальное иного как представление существования, воздействия внешнего мира.

Второе идеальное в своём развитом виде у высших животных представлено в форме простого сознания, ограничивающегося исключительно внешними феноменами. Как такое ограниченное это идеальное не соотносится со *своим* идеальным – идеальным, представляющим процесс онтогенеза, индивидуального развития, и потому это мышление не «видит» себя, но только внешнее окружение, а поскольку оно способно только к построению цепочек из последовательных событий, т.е. формально-логическим действиям, то его можно назвать формально-логическим, ограниченным.

Дальнейшее развитие и усложнение органа отражения привело к способности *противопоставления двух форм идеального*, – идеального своего (идеального онтогенеза) и идеального иного (идеального внешнего мира), – *в одном отношении как сторон противоречия*, разрешением которого является снятие их в новом качестве – в непосредственном единстве, которое является положительным результатом процесса снятия.

Внутри этого отношения своё идеальное выступает как «Я», как неявное пока ещё (скрытое, в-себе) осознавание себя («Я» в-себе), а идеальное иного предстаёт как «не-Я», как отражение внешнего мира, как *простое сознание* – оба идеальных представления соотносятся непосредственно и снимаются в новом качестве, в возникновении *самосознания* как *полного сознания*, в котором субъект саморазвития, человек, получает способность видеть не только внешний мир, но также себя, и, как следствие, себя в мире.

Т.о. *процесс соотнесения, противопоставления двух форм идеального в одном органе отражения, мозге, завершается разрешением возникшего противоречия – снятием сторон в полном, истинном сознании*. Возникает совершенно новый *природный* феномен – *самосознание* как полное, истинное сознание, в котором человек видит мир, себя и, в итоге, себя в мире.[1]

[1] Сравним с представлением Гегеля: «Сознание знает *нечто*, этот предмет

Самосознание способно к саморефлексии[1] – оно рефлексирует своё собственное содержание в себе же и делает его другой стороной *внутреннего противоречия мышления*. Такое внутренне противоречивое самосознание способно к самодвижению посредством развития и последующего снятия внутреннего противоречия. Полное сознание постоянно выходит за границу своего собственного наличного бытия – оно бесконечно.[2]

В самосознании рефлексируется не только внешний мир, имея результатом образные идеальные предметы сознания, но становится возможным также рефлексия этих идеальных предметов (рефлексия рефлексии) уже внутри полного, истинного, сознания как *внутренняя рефлексия самосознания*. Возникает новый идеальный предмет – внутренний противоречивый предмет самосознания – с которым оно способно действовать вполне *самостоятельно*.

Мышление как процесс, осуществляемый самосознанием, получает идеальный предмет, с которым оно отныне может действовать совершенно свободно, независимо от отражения внешнего мира (в отличие от идеального предмета простого сознания).

При этом сам процесс *возникновения* собственно *само*сознания как самостоятельного феномена не осознаётся человеком, поскольку простое сознание (не-Я) и его противоположность, отрицающая сторона («Я» как отражение *своего* идеального, «Я» в-себе) есть независимые стороны противоречия и только разрешение этого противоречия как снятие его сторон («Я» и «не-Я») в тождестве имеет результатом полное сознание, *самосознание*. До этого момента взаимная отрицательность сторон противоречия есть *скрытая* сторона процесса становления самосознания, в этой отрицательности простое сознание («не-Я») как сторона взаимной рефлексии ещё не перешло в непосредственное, положительное единство с «Я» в-себе. Ставшее наличным самосознание как результат этого процесса отождествления не может «видеть» его за своей спиной апостериори.

есть сущность или *в-себе[-бытие];* но он и для сознания *в-себе[-бытие];* тем самым выступает двусмысленность этого истинного. Мы видим, что у сознания теперь два предмета: один - первое "в себе", второй - *бытие этого "в себе" для сознания*. Второй предмет кажется прежде всего только рефлексией сознания в самого себя, процессом представления - не некоторого предмета, а только знания сознания о том первом предмете» (*Гегель Г.* Феноменология духа. - М.: Наука, 2000. С. 52).

[1] Возникновение способности простого сознания к саморефлексии есть результат саморазвития как диалектического процесса, снимающего на каждом этапе предшествующее состояние в новом качестве – это процесс постоянного усложнения субстанциональных форм. Становление самосознания как полного сознания это итоговый акт естественного природного процесса саморазвития второй, витальной, формы субстанционального движения.

[2] «*Самосознание* есть *для-себя-бытие* как *исполненное* и *положенное;* указанная выше сторона соотношения с некоторым *иным*, с внешним предметом устранена. Самосознание есть, таким образом, ближайший пример наличия бесконечности, правда, все еще абстрактной бесконечности (*Гегель Г.* Наука логики. Т. 1. С. 225).

Отношение простого сознания, «не-Я», и «Я», в-себе было до сих пор отношением, которое находилось в движении как отношение отрицательных сторон, противоположностей. Эта отрицательность есть потенциал дальнейшего движения, противоречие, которое находит разрешение в снятии обоих моментов, т.е. в становлении их единства и т.о. полного сознания, осознающего уже оба момента – внешний мир, «не-Я», и своё «Я», т.е. себя в мире. В полном сознании обе исходные стороны противоречия представлены как снятые, как положительное целое, снова непосредственное, но уже (в терминологии Гегеля) обогащённое отрицанием и, т.о., содержащее в своей полноте частичность, абстрактность обеих сторон.

Акт взаимной рефлексии «Я» в-себе и простого сознания, «не-Я», есть преходящий момент процесса становления полного, истинного сознания, разума. «Я» в-себе как простая рефлексия, как осознавание «себя» самостоятельного значения не имеет и противоположность простого сознания, «не-Я», и его отрицающей стороны, «Я» в-себе, необходимо разрешается в движении их противоречия становлением полного, завершённого, истинного сознания, в котором они представлены как снятые моменты процесса развития сознания.[1]

В этом процессе – возникновении отрицательностей, «Я» в-себе, и простого сознания, «не-Я», и последующем движении, отрицании отрицания – сознание пришло от своей абстрактной простоты как непосредственного, образного отражения внешнего мира к полному, истинному сознанию, осознающему и себя, и мир в единстве, и, т.о. себя в объективном мире. Это уже сознание для-себя, самосознание – разум.[2]

---

[1] У Гегеля: «…То, что сперва казалось предметом низведено для сознания до знания о нем, а то, что *в себе*, *становится* некоторым *бытием этого "в себе" для сознания*, то это есть новый предмет, вместе с которым выступает и новая форма существования сознания, для которой сущность есть нечто иное, чем для предшествующей формы. Это-то обстоятельство и направляет всю последовательность форм существования сознания в ее необходимости. Только сама эта необходимость или *возникновение* нового предмета, который предстает перед сознанием, не знающим, как это происходит, есть то, что совершается для нас как бы за спиной сознания. Благодаря этому в движении сознания входит момент *в-себе-бытия* или *для-нас-бытия*, не проявляющийся для сознания, которое охвачено самим опытом; *содержание* же того, что перед нами возникает, имеется *для сознания*, и мы имеем понятие только о формальной стороне его или о его чистом возникновении: *для сознания* это возникшее есть только в качестве предмета, *для нас* — вместе с тем и в качестве движения и становления» (*Гегель Г.* Феноменология духа. С. 53).

[2] Интересен следующий факт. Палеонтологи отмечают, что неандертальцы, умевшие изготавливать довольно сложные орудия труда, тем не менее, по какой-то причине не создали ни одного произведения искусства, например, в виде наскальных рисунков, что учёные затрудняются объяснить. Очевидно, причиной тому была неразвитость мышления неандертальцев – они не обладали *само*сознанием. Существо, обладающее самосознанием, т.е. уже осознающее себя *индивидуальностью*, «Я», непременно попытается выразить это ощущение вовне себя, а это возможно созданием *внешних* предметов, выражающих *внутренний* мир их

Такое истинное, полное сознание естественно диалектично, поскольку оно есть результат снятия рассмотренных выше сторон сознания и как таковое имеет способность к рефлексии своего содержания. Полное сознание в состоянии активно действовать со своим содержанием, полученным извне – идеальными предметами мышления – самостоятельно подвергая их процессам отрицания, рефлексии и возвращения к новому содержанию, обогащённому определениями.

Резюмируем сказанное выше в другой терминологии, с онтологическим акцентом.

Самосознание есть результат внутрисубстанционального отражения (рефлексии), при котором источником (основанием) отражения является уже не сугубо материальная сторона субстанции (как это имеет место в первой и второй формах субстанционального движения), а субстанция как целое, в тождестве её материальной и идеальной сторон, что имеет следствием возникновение принципиально нового природного феномена – в этой новой форме собственного идеального субстанция представлена уже не просто как материальный *объект*, а как *субъект*, внутри себя имманентно противоречивый и потому обладающий также и в своём идеальном (в самосознании) потенцией и интенцией собственного самодвижения (саморазвития). При этом в своём самосознании мыслящая субстанция предстаёт как субъект, отдельный от внешнего окружения (и потому потенциально независимый), также отражённого в идеальном субстанции, что в целом эпифеномически проявляется как осознание себя особостью, индивидуальностью, противостоящей внешнему миру (или, конкретнее, всем иным субстанциям, в том числе также обладающим самосознанием).

Отмеченные качества самосознания (идеального) – потенция и интенция его *собственного* самодвижения – делают его относительно самостоятельным и свободным в своей деятельности и позволяют в идеальной форме (в понятиях) исследовать противоречия внешнего материального объекта, отражённого в самосознании. Действия самосознания (идеального) со своими внутренне противоречивыми идеальными предметами становятся *тождественными* движению внутренних противоречий внешних предметов реальности (материального), отражённых в самосознании в форме понятий, результатом чего является познание сущности вещей объективной реальности.

Т.о. самосознание – эта новая форма идеального – во-первых, отделяет осознавшую себя субстанцию от окружающего мира и, во-вторых, отделяет её от самой себя, вернее, от своего сугубо материального существо-

---

создателя, его *личностное* видение реальности. Можно сказать, что истинный, полный человек начинается не столько с изготовления орудий труда (это делали и неандертальцы), сколько с создания предметов, выражающих его *личность* – тогда это были простейшие украшения, наскальные рисунки и т.п. Отсутствие *само*сознания, имеющего основанием диалектическое мышление, стало роковым для неандертальцев – они проиграли человеку и исчезли с исторической сцены, сила проиграла разуму, или, по-иному, формально-логическое уступило место диалектическому.

вания, *непосредственности* с внешним окружением. Отныне взаимодействие субстанции с внешним миром *опосредствуется* самосознанием, которое в силу своего генезиса относительно самостоятельно и свободно в своих действиях – субстанция становится *деятельной*. Следуя Спинозе можно сказать, что субстанциональная causa sui (причина самого себя, первопричина), бывшая прежде пассивной, становится активной, действующей, со всеми вытекающими из этого обстоятельства последствиями.

Процесс мышления как деятельность самосознания есть его действия со своими идеальными предметами. Мышление заключается в движении от первоначального представления как отражения внешнего мира к его отрицанию и получению, т.о., нового идеального предмета, противостоящего первоначальному и, затем, снятию полученного противоречия, его разрешению и переходу к новому идеальному предмету, обогащённому содержанием исходных сторон.[1]

Процесс мышления в такой форме есть не что иное, как внутренне диалектический процесс приближения к истине, постижения понятия. Полное, истинное сознание, самосознание, и его деятельность в форме мышления по своей природе внутренне диалектичны. Но их обладателю это надо ещё осознать и, более того, научиться осознанно пользоваться бесценным даром природы.[2] Строго говоря, полное сознание настолько же дар природы, насколько и результат деятельности самого человека. Потенция к возникновению самосознания, появившаяся в ходе эволюции, могла быть реализована только в результате длительного развития отношений внутри человеческого сообщества – социальных отношений, вне которых никакие сознательные действия невозможны. Несомненно, что становление самосознания шло рука об руку со становлением языка (в самом широком смысле – как знаковой системы социального взаимодействия), который единственно может представить идеальные объекты мышления в материализованной форме, удобной (более того – на начальном этапе развития единственно возможной) для общения. Проблески самосознания вывели язык в сферу необходимости, язык, в свою очередь, дал самосознанию материальное основание для его собственного развития. Их взаимодействие и взаимовлияние в сфере практики в процессе жизнедеятельности предчеловека в итоге привело к возникновению новой формы субстанционального движения – человека.

Возникнув вначале в форме индивидуального (как единичное) самосознание необходимо проявляется и закрепляется во внешних ему формах

---

[1] Можно высказать предположение, что в отрицательной, скрытой от самого человека деятельности его самосознания, – перманентном процессе его становления как отождествления «Я» и «не-Я», – следует искать истоки феноменов подсознания и интуиции как процессов, приходящих в своём завершении к полному сознанию и имеющих результатом новое понятие о предмете мышления.

[2] «Люди мыслили диалектически задолго до того, как узнали, что такое диалектика, точно так же, как они говорили прозой задолго до того, как появилось слово «проза» (*Маркс К.*, *Энгельс Ф.* Соч. - Т. 20. С. 146).

посредством материальных носителей (речи, знаков, жестов) идеальных представлений его обладателей, становясь достоянием других индивидуальных самосознаний. Тем самым самосознание обобществляется, *социализируется*, переходя из сферы единичного и особенного в сферу общего – возникают формы *общественного сознания*, которое приобретает детерминирующий характер для сознания индивидуального. Но одновременно и индивидуальное сознание является основанием, формирующим общественное сознание – в своём диалектическом взаимодействии они тождественны, неразрывны в различии. Отныне регресс самосознания до более низкого уровня – простого сознания – возможен только с уничтожением носителей самосознания, но не как спонтанный акт.

Как уже положительное, полное сознание получает возможность развиваться на собственной основе. Ему уже не нужно постоянно обращаться к отражению внешнего, оно способно, оттолкнувшись от рефлексии внешнего, от идеального образа, представления, создавать собственное идеальное, свой мир идеального как основу для его исследования и последующего практического воплощения.[1]

Является ли самосознание высшей формой развития мышления? Гипотетически можно предположить возможность ещё одного цикла движения – отрицания самосознания и снятия его в само-самосознании (сознании самосознания), сверхсознании, которое уже обладает способностью «видеть» самое себя, своё содержание, т.е. процесс своей собственной деятельности и может поэтому *непосредственно* управлять им. Такое сверхсознание, развившееся на своей собственной основе – на самосознании, будет уже *действительным* пределом развития, дальнейшее снятие его невозможно, поскольку это будет представлять собой простое повторение уже существующего (дурную последовательность, имеющую и причиной, и результатом самое себя), а не развитие. В каких формах возможно такое сверхсознание и возможно ли оно практически, априори сказать невозможно.

В данной теме есть один очень важный момент, обойти который умолчанием невозможно – мы вплотную подошли к чрезвычайно важной проблеме – проблеме соотнесения физиологических процессов мозга и идеальных представлений мышления. Эта проблема традиционно рассматривается как проблема взаимодействия материальных процессов, протекающих в мозге человека и идеальных феноменов, вызванных этими процессами.

Попытки решения этой проблемы приводили либо к полной идентификации физиологических процессов и идеальных представлений мышления и обвинениям сторонников этого взгляда в физиологизме и механицизме, либо к разведению физиологических процессов и психических феноменов на противоположные полюсы, объявление их, соответственно, материальными и нематериальными (при этом нематериальность понималась в духе Платона и Гегеля как наличие самостоятельно существующих

[1] «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его» (*Ленин В.И.* ПСС. - Т. 6. С. 194).

идей), что имело следствием не только полную невозможность объяснить их фактическое тождество, но и означало утрату способности материалистического видения мира.

Представляется, что дело в том, что в этом вопросе с самого начала предпринимались действия, которые и не могли привести к истинному пониманию, поскольку гносеологический инструментарий пытались применить к конкретному материальному объекту – мозгу, а естественно-научный инструментарий к гносеологическому объекту – мышлению. С инструментарием диалектики как метода, воплощающего общие принципы саморазвития как объективной реальности, так и отражающего его мышления, нельзя подходить к решению частных задач естественных наук, каждая их которых имеет свой предмет и соответствующий этому предмету метод. Ещё менее плодотворны попытки с помощью методов естественных наук разрешить гносеологические проблемы. Эклектичное смешение как объектов исследования, так и применяемых методов изначально обрекало все попытки объяснения на неуспех.

Несмотря на то, что сознание (мышление) есть функция мозга[1], сознание и мозг представляют собой совершенно разные феномены действительности и, соответственно, предметы исследования, каждый из которых требует *своего* метода исследования. Сознание (мышление) есть сфера идеального и с точки зрения его сущности совершенно безразлично, какие конкретные материальные объекты и процессы оно в себе снимает, представляет. Мозг же есть *инструмент*, *орган*, нейро-физиологические процессы которого посредством своей *материальной* формы создают *идеальные* представления в сознании человека. Мозг как материальная структура и сознание как его идеальные представления находятся в *субстанциональном* единстве, тождестве. И в этом тождестве они сколь неразрывны, столь и раздельны.

Проблема, каким образом физиологические процессы мозга в конечном итоге «видятся» человеком как некие идеальные представления сознания, это проблема естественных наук (физиологии, психологии и т.п.), но никак не гносеологии, которая решает проблему *взаимодействия в сознании материального и идеального как сторон субстанции* исключительно своим методом и языком.

Повторим, гносеология разрешает свои проблемы языком диалектики как проблемы взаимодействия материального и идеального в сознании, но не как проблемы физиологии мозговых процессов и их психических проявлений. Границу между гносеологическим и естественно-научным рассмотрением переходить ни в коем случае нельзя, в противном случае неизбежна вульгаризация и профанация как диалектического, так и естественно-научного подхода и получение выводов сколь эклектичных, столь и ложных.

***

Ввиду того, что в существующей литературе имеются разные опреде-

[1] Вернее, человека в целом как социального существа, как общественного человека, но мы здесь от этого абстрагируемся.

ления мышления, сознания, интеллекта и психики, приведём своё понимание этих категорий в согласии с принципом субстанционального монизма.

Мышление – функция органа отражения[1] субстанции, внутрисубстанциональный процесс согласования функционирования *материального* в форме физиологических процессов органа отражения, действующего под влиянием внешних и внутренних раздражителей, и сознания как *идеального* представления результатов этого процесса этим же органом отражения. Мышление опосредствует два процесса – 1. материальный в форме физиологических функций органа отражения и 2. идеальный в форме идеальных представлений (предметов) сознания. Механизм их согласования ещё предстоит выяснить.

Сознание – функция и результат мышления, непосредственное отражение органом мышления реальности в форме *идеальных представлений* об этой реальности. Форма самого идеального представления может быть самой разной – от примитивного сигнала как реакции на внешний раздражитель у простейших субстанциональных форм, до сложных образов, формируемых мышлением под воздействием органов чувств у высокоразвитых организмов и представляемых в сознании в образной форме. В идеальных представлениях сознания материальный процесс мышления снят, сознание есть превращённая форма мышления. Однако, сознание, *непосредственно* отражающее реальность, это ещё *простое* сознание, сознание в-себе. Предельным развитием сознания, его завершением является *само*сознание как осознавание себя, т.е. уже *полное* сознание.

Самосознание – феномен *внутренней рефлексии* сознания в самое себя, результатом которой является способность субстанции, обладающей самосознанием, противопоставлять Я и не-Я и, таким образом, отделять себя от внешнего мира, ощущать себя *самостью*, личностью. Это уже *полное* сознание – сознание для-себя. В самосознании простое сознание снято. Самосознание – превращённая форма сознания.

Интеллект – феномен деятельности сознания и самосознания, способность к выявлению *логики* процессов внешнего мира и *действиям* в соответствии с этой логикой.

Поскольку простое сознание *непосредственно* отражает внешний мир, то оно способно действовать со своими идеальными предметами только путём установления *непосредственных же* (т.е. формальных) причинно-следственных связей между ними и потому логика внешнего мира понимается интеллектом простого сознания как логика *внешних формально-*

[1] Орган отражения понимается в самом широком смысле – как орган живых субстанций, имеющий любую структурную форму (от нескольких нервных клеток до человеческого мозга), главной, а, возможно, и единственной функцией которых является восприятие воздействий (и внешних, и внутренних), выработка сигнала об этих воздействиях и передача этого сигнала организму для его реакции на воздействие. Управляющий сигнал, о котором идёт речь, представляет названные воздействия *идеально*, т.е. не в прямой форме, а в форме, изменённой органом отражения (как *представление* воздействия в приемлемой форме).

логических связей с соответствующей детерминацией действий.

Самосознание, обладающее саморефлексией, видит свой идеальный предмет как противопоставленный себе же, т.е. как *диалектический* предмет и потому действует по принципам *диалектической* логики. Как таковое оно способно к выявлению *опосредствованных* связей и пониманию *сущности* процессов реальности и, следовательно, действиям в соответствии с *внутренней* логикой этих процессов.[1]

Психика – сторона сознания (самосознания), выражающая его чувственно-эмоциональную составляющую, определяемую внутренними (онтогенетическими) особенностями субстанциональных организмов и потому индивидуальная для каждого организма. В психике *логическое дополняется чувственным*, эмоциональным – в конечном итоге только прочность и полнота этой связи делает возможным появление нравственности в человеке (идеального идеального).

Феномен психики выражает *индивидуализацию* сознания (самосознания), характеризует живые субстанции со стороны их *единичности*, тогда как феномены мышления и сознания характеризуют живые субстанции со стороны *всеобщности*, как присущности всем. С этой точки зрения феномен интеллекта представляет собой *особенное* – он соединяет в себе всеобщее как действие по определённым, общим для всех, принципам и единичное как индивидуальную реализацию этих принципов со стороны возможностей психики.

Несмотря на то, что в парадигматическом ряду – мышление, сознание, самосознание, интеллект, психика – предыдущие ступени формально являются основанием последующих, совершенно неверно представлять дело таким образом, что последующие ступени однозначно детерминированы предыдущими. Связь между этими феноменами не только формально-последовательная, но, главным образом, диалектическая – последующие ступени также влияют на предыдущие, все ступени находятся в диалектическом единстве. Наиболее убедительный довод в пользу этого даёт эмпирия – невозможно отрицать влияние интеллекта и психики на самосознание и мышление человека.

***

В завершение главы попытаемся, учитывая вышесказанное, кратко изложить процесс *становления самосознания* в понятиях *диалектики субстанционального монизма.*

Материальное, рассматриваемое как просто существование, наличие, актуальность отрицает самое себя и, рефлексируя отрицание, снимает себя в новой форме – форме наличного *бытия*, субстанции (субстанционального движения). В этой субстанциональной форме материальное и идеальное *нераздельны*, идеальное имплицитно, полностью детерминировано материальным.

Однако, данная форма субстанции отрицает себя и, рефлексируя отри-

[1] Очевидно, учитывая широчайший спектр физиологических форм органов отражения живых субстанций, целесообразно ввести систематизацию типов сознания и, соответственно, типов интеллекта, соответствующих типам сознания.

цание, снимает себя в новой субстанциональной форме, в которой материальное и идеальное *разделены*. Теперь идеальное равнозначно материальному и способно оказывать обратное воздействие на материальное. Идеальное, достигающее в этой форме субстанционального движения своей высшей формы, есть *сознание*.

Дальнейшее отрицание, его рефлексия и снятие отрицания приводят к становлению новой субстанциональной формы, в которой идеальное способно *рефлексировать самое себя* и, как следствие, свободно обращаться с предметом рефлексии. Здесь идеальное в своей высшей форме есть *самосознание*, которое становится *ведущей* стороной субстанции.

9. Идеальное (окончание)

В мышлении как процессе, протекающем в полном, истинном сознании, *идеальное иного* мышлением отчуждается и обособляется в форме идеального объекта (предмета) мышления, и с этими, уже вполне независимыми идеальными предметами, мышление способно действовать по своим внутренним законам, как формально-логическим, так и диалектическим. Эта отчуждённая, превращённая форма идеального иного есть *третья форма идеального – самостоятельное, отчуждённое от внешнего мира, содержание мышления, имеющее объективное основание как отражение реального мира, но всецело подверженное субъективным действиям мышления.*

С этой третьей формой идеального мышление может свободно действовать как с независимыми идеальными предметами (этот феномен относительной самостоятельности мышления стал основанием концепции «чистого» мышления и всякого рода идеалистических теорий). Результатом такого «чистого» мышления могут быть самые разные человеческие представления – от математических абстракций (которые, тем не менее, применимы к описанию реальности) до не менее абстрактных иллюзий религиозных воззрений, от реалистичных художественных образов до ничем не ограничиваемых фантасмагорий.

Мышление в своей относительной свободе может отрываться от всякой практики, эмпирии и создавать свои идеальные представления (идеальные предметы мышления), не имеющие основания в опыте. Именно эту способность мышления и отметил Кант, назвав такую форму мышления априорным и трансцендентальным, не имеющим опоры в опыте, действующим «за пределами всякого опыта». Выводы такого мышления не только не имеют основания в опыте, но и в принципе не могут стать предметом опыта, поскольку действия такого мышления с самого начала основаны только на самом себе, на своих идеальных предметах, сформированных самим мышлением без обращения к реальности. Таковы, например, как уже упоминалось, религиозные представления и сфера высшей математики. Последняя, однако, в определённой степени имеет соприкосновение с практикой, но только косвенно, реализуя свои представления в практике посредством прикладной математики и тем самым

показывая истинность своих заключений. И это может служить доказательством того факта, что даже «чистое», по Канту, мышление способно, при определённых обстоятельствах, достигать истины в полной изоляции от реальности

Абстрактное мышление (диалектическое в своём основании), мышление понятиями (но ещё не понятиями в философском смысле) в противоположность конкретному мышлению – образами, становится основной формой мышления. Именно диалектическое мышление стало основанием развития языка и, в последующем, письма как средств выражения идеального (содержания мышления) в материальной форме.

Постоянно сопоставляя своё идеальное, свои понятия с внешним миром, полное сознание способно достигать истины. В этом сопоставлении опосредствующую роль играет практика и как такое опосредствование она становится ведущей стороной отношения, в котором разрешаются противоречия внешнего и внутреннего миров, материального и идеального, и, как следствие, возникает понимание движущего противоречия внешнего мира. Познание достигает истины.

Третья форма идеального в полноте истины есть знание.[1]

В этой форме *знание как всеобщее есть снятие в мышлении идеального содержания объектов внешнего мира, причём идеального как сущности*.

Именно материализуя в практике своё идеальное в форме знания человек осуществляет двоякую функцию:

- проверяет истинность своего знания;
- воплощает знание в материальной форме предметов, им создаваемых, предметов, которых нет в природе.

Знание, воплощённое, представленное в продуктах труда человека, составляет их идеальную сторону и может существовать в двух формах – *активной и пассивной*.

Продукты труда человека, предназначенные для производственной деятельности[2], т.е. орудия труда, в процессе труда играют активную роль в изменении вещественной формы предметов труда. Эта активность определена сущностью орудий труда, их идеальным, которое есть воплощённое знание как концентрированное выражение законов природы, их превращённая, очеловеченная форма. Знание как форма идеального, созданного человеком и воплощённого в орудиях труда, и определяет их функциональные возможности по участию в процессе труда. Потенция этой формы чрезвычайно велика – если с начала трудовой деятельности чело-

[1] Сугубо предварительно можно указать на две формы знания. Эмпирическое, феноменологическое – эта форма даёт ограниченное понимание, основанное на фиксировании внешних связей явлений. И научное, сущностное – источником этой формы знания является диалектическое по сути мышление, способное прийти к пониманию сущности (а не только формальных связей) наблюдаемых процессов.

[2] К ней следует отнести и познавательную деятельность, производящую знание.

века и по сию пору без его непосредственного участия орудия труда в процессе труда участвовать не могли, то сейчас уровень знаний позволяет создавать весьма сложные орудия труда, самостоятельно выполняющие полный цикл технологических операций, а в недалёкой перспективе автоматические системы и вовсе позволят вывести человека из процесса производства.[1] Теперь можно не только вполне уверенно, но и логически обоснованно повторить мысль Маркса о том, что *знание становится непосредственной производительной силой*. Следует ещё заметить, что этот момент, активность идеального орудий труда, нельзя не учитывать при анализе источников стоимости, создаваемой в капиталистическом производстве и об этом разговор впереди.

Пассивная форма идеального как знания представлена в продуктах труда, предназначенных для потребления и выполнения непроизводственных функций, т.е. эти предметы не участвуют в *создании* других продуктов труда. Идеальное этой формы, не принимая непосредственного участия в процессе труда, обеспечивает саму возможность человеческой деятельности.

Идеальное как процесс получения знания (этого результата процесса отражения), – как постоянный переход от материального к идеальному и действий мышления с этим идеальным, от полученного нового идеального к проверке его в практике и обратно к уточнённому идеальному, – *по своей сути бесконечно как постоянный выход идеального за свои собственные границы*.

Идеальное же как знание, воплощённое трудом человека в веществе природы, есть превращённая форма идеального, оно находится в застывшей, конкретной опредмеченной форме и потому конечно.

Однако и знание не является окончательной формой идеального. Здесь можно только кратко отметить, что в процессе жизнедеятельности человек создаёт исключительно человеческую форму идеального – идеальное идеального – *мораль* и всё то, что относится к аксиологической сфере. Собственно, только это идеальное и делает, в конце концов, человека Человеком, превращает его из очередного звена эволюции в её вершину. Эта форма идеального, возникнув, во всё большей мере начинает детерминировать поступки человека и направление его дальнейшего развития.

[1] Человек, т.о., выйдет из процесса производства как его *объект*, как необходимая технологическая процедура, как дополнение к машинам, которые без его участия действовать не в состоянии (тот факт, что человек по отношению к машинам выполняет управляющую роль не изменяет его функционального предназначения как части машины, как её органа управления). Теперь человек становится *над* процессом производства как его *субъект*. Возникают условия для ликвидации отчуждения деятельных способностей человека, превращающего его в объект внешних сил, и их полного присвоения как собственных творческих способностей и свободного распоряжения ими.

10. Субстанция (окончание)

Сначала сделаем краткую ремарку по итогам того, что было ранее сказано о субстанции как саморазвивающейся сущности.

Субстанциональные формы (субстанции как саморазвивающиеся вещи) в своём движении, а также взаимодействии, несут в своей наличной, актуальной форме свою историю, т.е. своё идеальное (другими словами они своей актуальной формой представляют своё идеальное как историю своего движения и т.о. свою сущность, все свои качества). Т.о. идеальное также участвует во взаимодействии, но не как *непосредственный* участник взаимодействия, а только будучи *опосредствовано* своим материальным в его же (материального) актуальном, наличном состоянии – идеальное (идеальная сторона субстанции), представляя процесс движения субстанции, определяет свойства, качество материального (материальной стороны субстанции).

Сказанное выше можно также интерпретировать следующим образом. Настоящее, непрерывно детерминируемое прошлым, что проявляется как действие разнообразных закономерностей, тем не менее в каждый свой актуальный миг изменяет себя, творит и, становясь прошлым, тем самым создаёт изменённое, фактически в каждый момент новое, прошлое. Это новое прошлое, изменённое настоящим, уже по-новому детерминирует новое, наступающее настоящее.

В этом диалектическом движении настоящее, представленное материальной стороной субстанционального движения, формирует, изменяет прошлое (вернее, создаёт новое, изменённое прошлое), представленное идеальной стороной субстанции, но, одновременно и прошлое (идеальная сторона) детерминирует настоящее (материальную сторону), будучи представлено в наличном, актуальном состоянии материального как его свойства, качественные характеристики, закономерности развития.

Прошлое выступает как общее, закономерное, необходимое. Настоящее же предстаёт как частное (особенное и единичное), в своей изменчивости даже случайное, свободное в границах, задаваемых необходимостью. Переход (прехождение) настоящего в прошлое и одновременно проявление (становление) прошлого в настоящем и есть процесс отождествления прошлого и настоящего, реализация потенциалов случайности и свободы под воздействием необходимости, что осуществляется в появлении новых субстанциональных форм.

10.1. Третья форма субстанционального движения

Логически определив ранее две формы субстанционального движения – первую как форму, в которой материальное и идеальное нераздельны, непосредственны, а вторую как форму, в которой материальное и идеальное разделены и опосредствованы – следует решить вопрос и о форме субстанции, в которой материальное и идеальное не только разделены, но которая способна отчуждать идеальное в мышлении и действовать с этим

идеальным объектом самостоятельно.

Сущность субстанций второй субстанциональной формы движения заключается в том, что, не имея возможности самостоятельных действий с идеальным иного, они реагируют *непосредственно* на это идеальное и, т.о., их реакция будет приспособительной реакцией, поведенческой ли, эволюционной ли, но приспособительной. Эти субстанции в своих действиях всецело детерминированы внешним миром, поскольку не в состоянии отчуждать идеальное в форме самостоятельного предмета и действовать с ним, выявляя его сущность, а могут реагировать на идеальное отражение внешнего мира только *непосредственной* реакцией, поведенческой либо эволюционной. Такие субстанции *приспосабливаются к внешнему миру*.

Субстанция же, обладающая полным сознанием, т.е. способностью отчуждать непосредственно данное идеальное в самостоятельный предмет мышления и действовать с ним в соответствии с законами диалектики (т.е. рассматривать свой идеальный предмет в его самодвижении) получает, т.о., новое идеальное, и, как следствие, имеет потенциальную возможность реагировать именно на это новое идеальное, полученное как результат мышления. Реакция субстанции, направленная вовне, это уже не *непосредственное* действие в ответ на внешнее воздействие, а действие, *опосредствованное* процессом мышления, вернее, его результатом, неким знанием. Такая субстанция в состоянии уже не только *приспосабливаться* к внешнему миру, но и *изменять* внешние условия своего существования. В своём историческом развитии субстанция, обладающая полным мышлением, в итоге приходит к новой форме взаимодействия с внешней средой – она начинает вначале *приспосабливать внешний мир к себе, а затем создавать свой собственный искусственный мир*.[1]

Налицо принципиальное изменение сущности и, как следствие, формы субстанционального движения, на основании чего субстанцию, способную в мышлении отчуждать идеальное и самостоятельно преобразовывать его, а затем действовать на основании полученного нового идеального (знания), следует признать самостоятельной, третьей формой субстанционального движения. Такая субстанция известна только одна – человек.[2]

***

Обобщая сказанное о материальном, идеальном и формах субстанцио-

[1] «…Существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления является как раз *изменение природы человеком,* а не одна природа как таковая, и разум человека развивался соответственно тому, как человек научался изменять природу» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 20. С. 545).

«… Человек воздействует обратно на природу, изменяет её, создаёт себе новые условия существования» (Там же. С. 546).

[2] Возможно, целесообразно называть третью форму субстанционального движения *антропной* (от др.-греч. ἄνθρωπος — человек). Применяемую в настоящее время формулу «социальная форма движения» нельзя признать удачной, поскольку социумы (сообщества) существуют у самых разных видов животного мира, т.е. во второй форме субстанционального движения (витальной).

нального движения можно сказать и по-иному:

- идеальное первой формы субстанционального движения *непосредственно (нераздельно) со «своим» материальным* и предстаёт как качественная характеристика *только «своего»* материального;

- идеальное второй формы субстанционального движения *разделено* (но неразрывно) со «своим» материальным и потому способно опосредствовать, *рефлексировать (снимать в себе) материальное – и «своё», и «иное»* - такое идеальное в предельной форме реализуется как формально-логическое мышление (простое сознание)*;*

- идеальное третьей формы субстанционального движения способно опосредствовать, *рефлексировать (снимать в себе) и материальное («своё» и «иное»), и идеальное («своё»)* – это идеальное в высшей форме предстаёт как диалектическое мышление (самосознание, полное сознание).

10.2. Четвёртая форма субстанционального движения

С соединением в человеческой практике материального природы и собственно человеческого идеального в форме знания возникает *новый природный феномен*.

Человек, отчуждая от себя в процессе деятельности, практики, идеальное в форме знания и воплощая его в продуктах труда, создаёт новый мир. Знание, воплощённое человеком в веществе природы, в продуктах труда как *их* идеальное содержание, порождает новую субстанциональную форму. Возникает *форма субстанции, внешне совпадающая с первой формой субстанционального движения, в которой материальное и идеальное нераздельны*[1]. Но форму субстанционального движения, о которой здесь идёт речь, следует признать вполне *самостоятельной* формой, поскольку идеального, воплощённого человеком в продуктах своей деятельности, т.е. знания как концентрированного и одновременно избирательного и комбинированного выражения законов природы, *в природных вещах не существует*. Это искусственное идеальное, существующее только в «очеловеченной» форме и являющееся результатом жизнедеятельности человека, придаёт продуктам труда форму и качества, которых нет в природе, заставляет их действовать по своим имманентным законам, определяемым их очеловеченным идеальным. Эта, по сути, иная, новая природа (вторая природа по Энгельсу, ноосфера по Вернадскому), обладает, как уже говорилось, принципиально новым субстанциональным качеством.

Человек, создавая с помощью *своего* идеального (знания) новое материальное, т.е., говоря другими словами, помещая идеальное в форме знания в материальное, создаёт новую форму движения субстанции – очеловеченное материальное.

Пока эта форма субстанции всецело несамостоятельна и полностью за-

[1] Впрочем, современные научные потенции таковы, что недалеко время, когда станет возможным создание искусственных живых существ, т.е. второй формы субстанционального движения.

висит от человека не только как определяемая им, но и потому, что ещё совершенно не развита. Её предназначение до сих пор, в основном, довольно специфично – обеспечение жизнедеятельности человека, причём жизнедеятельности в значительной мере как его самосохранения, выживания, хотя потенция этой формы субстанции безгранична, как безгранична природа и её законы. Пока невозможно указать на принципиальные ограничения на создание с использованием познанных природных законов любых объектов и процессов (в т.ч. и саморазвивающихся), сколь бы сложны и масштабны они ни были – вплоть до космического масштаба.

С созданием *саморазвивающихся* объектов, т.е. таких, развитие которых не требуют дальнейшего вмешательства человека, четвёртая форма субстанционального движения отождествляется, смыкается с первой и второй формами и т.о. всё субстанциональное движение замыкается в круговое движение. Точнее сказать, это спиральная форма, на каждом новом витке которой все предыдущие формы диалектически снимаются в высшей форме.

В четвёртой форме субстанции применительно к производственной деятельности человека среди созданных им искусственных материальных предметов можно выделить такие, с помощью которых человек создаёт все другие искусственные объекты – это орудия труда, и такие, которые подвергаются воздействию орудий труда. Т.о. орудия труда – это *активная* субстанциональная форма, те же предметы, на которые они воздействуют, представляют собой *пассивную* субстанциональную форму. Именно с помощью орудий труда как активной субстанциональной формы создаётся всё материальное богатство сферы жизнедеятельности человека и осуществляется расширенное воспроизводство.

Активная функция и высокая производительность орудий труда всецело определяются тем «очеловеченным» идеальным, которое вложено в них человеком. Именно представленные, снятые в орудиях труда законы природы (но не в природной, а в «очеловеченной» форме) позволяют человеку посредством этих орудий совершать целенаправленные действия над предметами труда, придавая последним полезные для человека свойства. Обладая такими качествами, орудия труда производят в течение срока своей жизни значительно больше материальных средств, чем затрачено на их изготовление. Последнее есть следствие того, что в *каждом* производственном цикле ими производится больше в количественном и качественном отношении продукта труда, чем воплощено в них самих применительно к этому циклу. Таков результат того, что природные закономерности, вскрытые человеком, воплощены им в орудиях труда и использованы в концентрированной форме в целенаправленном производительном процессе.[1]

Эта их способность к расширенному воспроизводству материальных благ является следствием их субстанциональности, в которой материальное и идеальное представлены в «очеловеченной» форме. Здесь законы

[1] В качестве обобщения здесь сказанного можно сделать вывод, что деятельность человека имеет принципиально негэнтропийный характер.

природы, воплощённые в концентрированном, сжатом виде в веществе и форме орудий труда и, соответственно, в производственных процессах, воздействуют в этих процессах непосредственно на предмет труда, усиливая способности и возможности человека (в т.ч. и его производительную силу) до невероятных размеров.[1]

11. Противоречия

11.1. Формы противоречий – внутренние и внешние

Ранее мы логически определили диалектичность природы как «способ саморазвития действительности, рассматриваемой в единстве (тождестве) её материальной и идеальной сторон. …Саморазвитие осуществляется посредством возникновения, развития и разрешения внутренних противоречий объективной реальности, понимаемой как субстанция, в единстве её материальной и идеальной сторон».

При этом диалектичность мышления представляет собой «способ (метод) постижения и изменения действительности человеком, тождественный её диалектической сути, что осуществляется посредством отражения реальности в мышлении и действий мышления со своими предметами и последующей реализацией результатов мышления в практике».

Сказанное означает, что онтологические противоречия природы не только могут, но и необходимо должны быть выражены гносеологически. Или иначе – противоречия реальности следует представить в формах мышления. Об этом и пойдёт речь далее.

Определив диалектичность как саморазвитие объективной реальности посредством саморазличения и возникновения т.о. противоречия, а саморазвивающиеся объекты как субстанции, представляющие тождество материального и идеального как своих сторон, мы тем самым одновременно обозначили и *источник самодвижения субстанции – противоречие*, поскольку *стороны (моменты) субстанции, материальное и идеальное, в своём тождестве одновременно являются, как отрицающие друг друга, противоположностями, а как таковые – сторонами противоречия.* Субстанциональные формы как самодвижущиеся объекты реальности всегда внутренне противоречивы и находятся в постоянном движении, изменении, и этот феномен мышление должно уметь видеть, рефлексировать.

Т.о. субстанция, представляющая единство материального и идеального, является перманентной основой возникновения *внутренних* движущих противоречий, их развития и разрешения и, как следствие, собственного самодвижения, которое осуществляется через "взаимное проникновение полярных противоположностей и превращение их друг в друга, когда они

[1] Для краткости можно называть четвёртую форму субстанционального движения *артифициальной* (от лат. artificialis – искусственный), либо, что даже предпочтительнее, *ноосферной*, в том смысле, который вкладывал в это понятие В.И. Вернадский.

доведены до крайности".[1]

Это следует понимать не как доведение до крайности самих *сторон* противоречия (обеих сразу, либо какой-то одной), хотя они, несомненно, не статичны – а как крайность, предел, завершённость их *взаимоотношения*, собственно *противоречия* как такового, невозможность дальнейшего сосуществования сторон противоречия в прежней субстанциональной форме, что очень ясно выражено Гегелем.[2] Крайняя напряжённость противоречия диктует необходимость его разрешения и смены формы. Противоречие разрешается, рождается новая субстанциональная форма или даже другая субстанция. Сам факт разрешения противоречия знаменует одновременное рождение нового внутреннего противоречия, неразрывно связанного с субстанциональностью.

Очевидно, что особо следует сказать о таком феномене противоречия, как «перетекание» его сторон друг в друга. Догматически мыслящие «диалектики» трактуют его чисто механически, представляя перетекание периодическим процессом изменения сторон противоречия на свои противоположности и затем возвращением на круги своя. Ничего нет ошибочней такого мнения.

Перетекание, говоря языком Гегеля (а иным в доме диалектики говорить весьма трудно, если вообще возможно) будет взаимным отражением, рефлексией сторонами противоречия своей противоположности (а не механическим переходом одного в другое) и наполнением т.о. *каждой* стороны противоречия новым содержанием, новым определением, обогащённым отрицанием – т.е. новым качеством. Противоположные стороны противоречия, взаимно рефлексируя, обогащая своё содержание («перетекая» друг в друга) тем самым развивают противоречие, движут его к «крайней степени» и, в итоге, к своему разрешению.

Очевидно, что рассматривая движущее субстанциональное противоречие как внутреннее, невозможно обойти умолчанием и иную форму противоречия – *внешнее* противоречие.

В работах диалектиков материалистического направления проблема противоречия затрагивается часто и, казалось бы, подробно, но, странное дело, признавая движущее противоречие диалектическим, внутренним, практически никто из них не говорит о противоречии внешнем, даже, хотя бы, в плане его отрицания, непризнания. В лучшем случае обсуждаются противоречия антагонистические и неантагонистические, но и те, и другие признаются проявлениями диалектического, т.е. внутреннего противоречия.

Очевидно, эта лакуна вызвана тем, что практически все высказывания по поводу противоречия вращаются вокруг его абстрактных представлений, вокруг понятий, отвлечённых от реальности. При этом как-то неза-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 20. С. 343.

[2] «Лишь доведённые до крайней степени противоречия, многообразные [моменты] становятся деятельными и жизненными по отношению друг к другу и приобретают в нем ту отрицательность, которая есть имманентная пульсация самодвижения и жизненности» (*Гегель Г.* Наука логики. - Т. 2. С. 68).

метно упускается из виду, что бытие и мышление, его выражающее в собственной имманентной форме знания, понятий, есть разные формы существования одного и того же – объективной реальности. В первом случае, бытия – в явной, субстанциональной форме, во втором случае, мышления – в снятой, идеальной. А из этого следует, что *понятие противоречия не абстрактно и безотносительно, а конкретно, прочно привязано к форме движения субстанции*, неотрывно от неё. Категория противоречия всеобща как принцип, как механизм самодвижения, общий всем формам субстанциональности, но в своей особенности, применительно к каждой форме движения субстанции, она конкретна.

Споры в лагере диалектиков по поводу природы и сущности противоречия велись и ведутся только применительно ко второй сфере (мышления, идеального, понятий), предполагая молчаливый консенсус относительно реальности и объективности противоречий в эмпирии, но не обсуждая сущность этих противоречий. По этой причине все определения противоречия замкнуты в мышлении (в котором, как мы уже говорили, можно совершать с идеальным всё, что угодно) и часто не соотносятся с иной стороной идеального – с материальным, реальностью, формам которой должны сопоставляться соответствующие мыслительные, идеальные формы.

Незамеченными прошли достаточно ясные высказывания Маркса: «Действительные крайности не могут быть опосредствованы именно потому, что они являются действительными крайностями. Но они и не требуют никакого опосредствования, ибо они *противоположны друг другу по своей сущности* (здесь и далее выделено нами. – А.П.). Они не имеют между собой ничего общего, они не тяготеют друг к другу, они не дополняют друг друга…

…Северный полюс и южный являются одинаково полюсами, их сущность тождественна… Север и юг – противоположные определения одной и той же сущности, различия одной сущности… Они суть то, что они суть, лишь как различённое определение, и именно как это различённое определение сущности. Истинными, действительными крайностями были бы полюс и не-полюс, человеческий и не-человеческий род. *В одном случае различие есть различие существования, в другом – различие между сущностями, различие двух сущностей*».[1]

Один их немногих диалектиков, кто понял мысль Маркса, был советский философ В.А. Босенко, который недвусмысленно говорит о существовании наряду с *внутренними* также и *внешних* противоречий.

«Противоположности, составляющие внутреннюю противоречивость, выступают как одно в другом, через другое и для другого. Но не в рядоположенности, а во взаимопроникновении, и не в смысле взаимной инфильтрации внешних различных сущностей, а как внутреннее раздвоение единого».[2]

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т.1. С. 321.

[2] *Босенко В.А.* Всеобщая теория развития. Киев, 2001. С. 28. (Здесь нельзя не упомянуть, что аналогичные идеи также выдвигала современница Босенко М.Л.

«Если внутреннюю противоречивость составляют противоположности одной и той же сущности, предполагающие друг друга и тяготеющие друг к другу, то противоположностями внешней противоречивости выступают различные сущности (внутренне противоречивые каждая), являющиеся безразличными по отношению друг к другу и в этом смысле – крайностями, которые не стремятся друг к другу, не предусматривают друг друга».[1]

К такому же выводу в итоге приходит и М.М. Розенталь, который после пространных и довольно схоластических рассуждений на тему внутренних и внешних противоречий в «Капитале» Маркса совершенно неожиданно делает вывод, не только противоречащий его предыдущим рассуждениям, о том, что внешние противоречия есть следствие развития внутренних, но и полностью их опровергающий: «Внутреннее противоречие — противоречие в пределах одной и той же сущности, тогда как внешнее противоречие, противопоставляемое внутреннему, есть противоречие *разных* сущностей»[2].

Схожие идеи о сущности внутреннего противоречия, его непосредственной связи с самодвижением и взаимодействием с внешними противоречиями высказывал и Ф.Ф. Вяккерев.[3]

В отношении решения проблемы внутреннего противоречия и его связи с самодвижением некоторые советские диалектики, как видим, находились на верном пути и вплотную приблизились к пониманию субстанции как саморазвивающейся сущности, источником самодвижения которой является внутреннее противоречие.

Несмотря на то, что все упомянутые авторы говорят о противоречивости также отвлечённо, в общем смысле, не исследуя категорию субстанциональности, они весьма точно и тонко определяют ту грань, которая разделяет внутреннее и внешнее противоречия. *Внутренние* противоречия возникают в «одной и той же сущности», в то время как «различные сущности» вступают во *внешние* противоречия, причём, и это глубокая мысль, эти различные сущности внутренне также противоречивы.

Применительно к рассматриваемой концепции субстанциональности вывод таков – *внутренние* противоречия *постоянно* существуют в субстанциях, являясь их внутренним движителем и вызывая их изменения и превращения. *Внешние* же противоречия есть противоречия *межсуб-*

Злотина (*Злотина М.Л.* Диалектика. Киев: ПАРАПАН, 2008). Оба упомянутых философа, работавшие в киевских институтах, пытались развивать (и довольно плодотворно) интересные идеи в материалистической диалектике, что позволяет говорить о наличии, по крайней мере, о зарождении, киевской школы советской диалектики, к сожалению, не получившей развития).

[1] Там же. С. 59.

[2] *Розенталь М.М.* Диалектика «Капитала» К. Маркса. М.: Мысль, 1967. С. 213.

[3] *Вяккерев Ф.Ф.* Противоречие как источник развития / Материалистическая диалектика. Т. 1. М.: Мысль, 1981. С. 299-307.

Вяккерев Ф.Ф., Ляхова Л.Н., Кайдалов В.А. Развитие как самодвижение и саморазвитие / Там же. С. 315-327.

Вяккерев Ф.Ф. Место и значение категории самодвижения в материалистической диалектике / Проблемы диалектики. Вып. 1. Л., 1972. С. 33-46.

станциональные, они есть следствие контакта субстанций, «безразличных» друг к другу.

Внутренние противоречия есть результат взаимной рефлексии сторон внутри *одной* сущности (субстанции) – каждая сторона противоречия в этом случае есть «своё иное» другой. Стороны противоречия невозможно разделить, они взаимно определяют друг друга, а потому внутренние противоречия есть проявление *необходимости*.

Внешние же противоречия рефлексируются субстанцией как просто «иное», «чужое», внутренне никак не связанное с собственной сущностью субстанции. Такие противоречия *не необходимы* и есть проявление *случайности*.

Отсюда следует, что *внутренние противоречия*, отражая соотношение и взаимозависимость в субстанции материального и идеального, могут развиваться в разных направлениях, как в прогрессивном, так и регрессивном и даже некоторое время сохранять стабильность, но не в состоянии самоуничтожиться и «уничтожить» субстанцию, сущностью которой они являются. *Итогом развития внутренних противоречий может быть только переход субстанции в другое состояние или другую форму*.

Внешние противоречия как результат взаимодействия разных субстанций рефлексируются внутренними противоречиями, изменяя соотношение сторон внутренних противоречий и потому внешние противоречия могут как *ускорить либо замедлить развитие внутренних противоречий, так и оказывать на внутренние противоречия деформирующее действие, что даже может иметь следствием разрушение одной, либо обеих контактирующих субстанций*. Деформирующее действие внешнего противоречия на внутренние проявляется в том, что нарушается процесс развития и разрешения внутренних противоречий вследствие реакции на внешнее воздействие.

Под воздействием внешних противоречий субстанция может изменять и даже приобретать или утрачивать некоторые качества, но, поскольку эти изменения не являются следствием развития её *внутренней* противоречивости, её сущности, то они могут быть «не приняты» субстанцией и впоследствии подавлены или даже элиминированы.

Обобщим вышесказанное. Противоречия *внутренние* есть движущие противоречия, они детерминируют *самодвижение* субстанций. Как следствие – *диалектические внутренние движущие противоречия не являются противоречиями антагонистическими* и ни при каких условиях не могут стать таковыми.

Противоречия *внешние* есть фактор, определяющий жизнеспособность субстанций, их приспособленность к существованию во внешней им среде. Это, говоря другими словами, квалифицирующие (отбирающие, отсеивающие) противоречия, которые способны конституировать взаимодействующие субстанции как целое, как систему. По своей сути *внешние противоречия есть противоречия антагонистические* разной степени напряжённости – от полной несовместимости контактирующих субстанций, до их комплементарного взаимодействия.

И внутренние противоречия, и внешние противоречия как феномены

одновременно и всеобщи, и особенны, и единичны.

Внутренние противоречия всеобщи как *принцип* саморазвития всех субстанциональных форм, и особенны и единичны, если их рассматривать как способ самодвижения конкретных субстанций. Но они также всеобщи и как фактор, который посредством частей (конкретных субстанций) участвует в формировании целого, системы, которая, в свою очередь, может представлять собой субстанцию более высокого уровня.

Внешние противоречия всеобщи, особенны и единичны по тем же соображениям – и как всеобщий феномен, и потому, что посредством внешних противоречий осуществляется функция отбора, отсеиваются нежизнеспособные субстанции – с этой стороны целое детерминирует части.

В завершение темы рассмотрим формы, в которых разрешаются внутренние и внешние противоречия.

Выше мы отметили, что стороны *внутреннего* противоречия взаимно рефлексируя друг друга, наполняясь т.о. новым содержанием, доводят противоречие до такой степени напряжения, что его разрешение становится неизбежным. Разрешение противоречия происходит в форме *снятия* – одновременном и прекращении противоречия, и удержании его в новой форме. Последнее означает, что субстанция переходит в новое качественное состояние, также внутренне противоречивое.

Т.к. стороны внутреннего противоречия есть также стороны, моменты субстанции, то они не могут быть сведены друг к другу – это означает, что потенциал между ними *никогда не исчезает* и потому внутреннее противоречие не может быть элиминировано вследствие исчезания его напряжённости.

Поскольку внутреннее противоречие детерминируется материальной и идеальной сторонами субстанции, которые и составляют стороны противоречия, то оно неустранимо, всегда актуально и находится в постоянном движении, изменении. Внутреннее противоречие есть атрибут субстанции, причина и механизм её самодвижения.

Что касается *внешних* противоречий, то они могут разрешаться в следующих формах.

Как мы выше говорили, внешние противоречия воздействуют на внутренние и могут деформировать ход их развития, вплоть до разрушения субстанции. Это означает, что внешние противоречия могут как существовать сколь угодно долго, незначительно изменяясь, так и исчезнуть вследствие разрушения сторон (или одной стороны). В последнем случае формой их разрешения является критический конфликт как следствие предельной антагонистичности сторон.

Но возможен и иной вариант, когда стороны внешнего противоречия сближаются настолько, что потенциал противостояния уменьшается и противоречие самоэлиминируется без ущерба для сторон. Такой исход событий возможен, если противоречие (взаимодействие) между субстанциями будет протекать не в конфликтной, антагонистичной, а в комплементарной форме.

Выше мы говорили, что внешние противоречия оказывают на внутренние противоречия деформирующее воздействие, т.е. способны изме-

нить содержание (но не сущность) и *ход развития* внутренних противоречий. Сказанное означает, что даже антагонистические внешние противоречия могут так повлиять на развитие внутренних противоречий взаимодействующих субстанций, что, внутренние противоречия, рефлексируя внешние им противоречия, изменят форму развития и разрешения. Как следствие этих внутренних изменений и внешние противоречия будут восприниматься по-иному, т.е. снизят свою напряжённость вплоть до комплементарности. Соответственно, не исключён и обратный вариант – изменение внешних противоречий от комплементарности до антагонистичности.

(Для лучшего понимания высказанных положений относительно внешних противоречий в качестве иллюстративного примера приведём возможные формы разрешения конкретного противоречия, определяемого отношениями собственности.[1]

На социалистическом этапе общественного развития *противоречие* между собственником средств производства (государством) и непосредственными производителями (трудящимися) сохраняется. Но оно меняет не только *форму* – вместо собственников капитала выступает государство, но и *сущность* – социалистическое государство действует (по крайней мере, должно действовать) в интересах трудящихся, а не класса собственников.

Разрешение (снятие) противоречия возможно в момент наивысшего напряжения между его сторонами. Поскольку в нашем случае это государство и общество, то сказанное означает, что конфронтация между ними достигает высшей точки. Но такая конфронтация возможна только в том случае, если собственник (государство) пренебрегает интересами другой стороны, а это значит, что государство не контролируется обществом. При неразвитости общественных институтов, что и имело место в СССР, класс управления имеет существенное преимущество в разрешении общественного конфликта в свою пользу, что и не преминет сделать. Следовательно, этот путь развития и разрешения противоречия, определяемого отношениями собственности, чреват общественными потрясениями и не может быть признан соответствующим социалистическому пути движения общества.

Остаётся другой путь – путь *сближения* сторон противоречия вплоть до их исчезания, «растворения» друг в друге. И это возможно единственным способом – постановкой, вначале, класса управления под контроль со стороны трудящихся и затем, в ходе социалистического движения, всесторонним развитием общественных институтов, постепенным «врастанием» их в аппарат государственного управления и, наконец, переходом к полному общественному самоуправлению. В этом случае на завершающем этапе стороны отношений собственности (т.е. стороны противоре-

[1] Данное противоречие является внешним, поскольку его стороны – собственники и не-собственники – не связаны *необходимым* образом, не представляют *субстанционального* единства и их взаимодействие определяется *внешним* к ним способом - общественными условиями.

чия) представляют, с одной стороны, трудящихся в лице общественных институтов самоуправления, осуществляющих права собственности (субъект отношений собственности), и, с другой стороны, трудящихся же как непосредственных производителей (объект отношений собственности[1]) – т.е., по сути, стороны противоречия являются одним и тем же – противоречие и, как следствие, отношения собственности, исчезают).

Поскольку форма возникновения, развития и разрешения *внутреннего движущего субстанционального противоречия* специфична в каждой из рассмотренных форм движения субстанций, то обратимся последовательно к каждой из них.

11.2. Противоречия субстанциональных форм движения

11.2.1. Противоречие первой формы субстанционального движения

В этой форме движения субстанции, где, напомним, материальное и идеальное *неопосредствованны*, идеальное находится в-себе, в потенции и, т.о., субстанциональное противоречие не может проявиться в явном виде как чётко оформленные противоположности материального и идеального («своего иного»). Здесь противоречие, так же, как и идеальное, скрыто внутри материального, оно в-себе, но вовне противоречие проявляется как изменение материального.

Именно характер этого движения, изменение материального и есть внешняя сторона развития и разрешения внутреннего скрытого противоречия, что фиксируется как *качественно-количественные изменения*, происходящие вследствие самодвижения материальных объектов.

За внешней формой – видимым изменением материального – глубоко скрыто содержание – изменение сущности как закона существования и движения уже изменённого объекта (субстанции). При этом сама внутренняя противоречивость в явном виде не просматривается.[2]

Здесь «своё» идеальное (снятый процесс движения объекта, «своё иное») вовне проявляется в форме меры, определённого соотношения, взаимного соответствия количественно-качественных и сущностных характеристик материального, по видимости, объекта. И это «своё иное» определяется характером внутреннего тождества материального и идеального, внешне выступающего как функционирование материального, вещественного объекта по определённым, свойственным только ему, правилам, законам.

Что касается внешних противоречий, то в этой форме субстанциональ-

[1] Объект, поскольку собственник определяет порядок использования рабочей силы.

[2] Отсюда совершенно понятно, что методологии естественных наук не используют диалектической категории «противоречие», она здесь по понятным причинам неприменима, продуктивным же будет формально-логический метод, фиксирующий количественные изменения, приводящие, в свою очередь, к качественным изменениям (и наоборот).

ного движения внешние противоречия проявляются в форме взаимодействия, контакта разных субстанций. Но поскольку внутренние противоречия имплицитны, скрыты, то отделить внутренние противоречия от внешних весьма затруднительно – ведь и те, и другие проявляются только как количественно-качественные изменения, тем более что в обоих случаях возможно возникновение качественно новых объектов (субстанций).

Для того, чтобы отделить внутреннее и внешнее противоречия друг от друга необходима рефлексия их в ином, в мышлении, которое способно производить самостоятельные действия с идеальными объектами и постигать их сущность.

Можно ещё отметить, что здесь видимое полное доминирование материального создаёт иллюзию отсутствия идеального, на основании чего оно вовсе отрицается, а материальное абсолютизируется. В гносеологическом отношении такая трактовка, в свою очередь, необходимо имеет следствием попытки объяснять действительность с сугубо механистических позиций.

11.2.2. Противоречие второй формы субстанционального движения

В этой субстанциональной форме движения одному и тому же материальному основанию соответствуют две формы идеального – 1. своё идеальное как снятие процесса *собственного* развития и существования и 2. идеальное *иного* как снятие, представление *внешнего* воздействия (и, соответственно, внешнего объекта) в форме внутреннего «сообщения» о нём. Функцию представления (снятия) внешнего объекта и соотнесения этого представления с наличным состоянием субстанции выполняет особый орган субстанции – орган отражения.

В связи с наличием двух форм идеального в живой субстанции её внутренняя противоречивость усложняется и характеризуется одновременным протеканием двух процессов, двух форм противоречия:

1. Противоречие между *своим материальным и своим идеальным* (это противоречие первой формы субстанционального движения, которое в снятом виде присутствует во всех формах субстанционального движения) – это противоречие скрыто, оно в-себе, и внешне проявляется как соответствие формы и сущности субстанции, т.е. как индикатор её приспособленности к внешней среде (либо несоответствия, неприспособленности, что влечёт за собой деградацию субстанции).

2. Противоречие между *своим материальным и идеальным иного* (т.е. идеальным представлением в субстанции иного объекта). Здесь идеальное иного (внешнего) представлено как его отражение, рефлексия, и сторонами субстанционального противоречия выступают своё материальное и идеальное, представляющее иное, внешнее субстанции. По *форме* это также можно назвать своим идеальным, но по *сути* оно есть идеальное представление иного, внешнего.

Ранее мы установили[1], что «возникающее противоречие между налич-

[1] См. главу «6.1. Вторая форма субстанционального движения. Материальное

ным состоянием субстанции и внешними объектами-раздражителями, которые внутри субстанции предстают как активная форма идеального, становится внутренним источником движения субстанции, её реакцией на внешнее воздействие, адаптацией к изменившимся условиям. Эта реакция может быть двоякого рода – *внешнее изменение* как изменение *формы взаимодействия* субстанции с другим объектом (поведенческая адаптация) и *внутреннее изменение* как изменение структуры, свойств, *сущности субстанции* (эволюционная адаптация)».

Поэтому следствием второго противоречия является реакция субстанции на внешнее воздействие, которое рефлексируется в форме его идеального представления органом отражения субстанции, и эта реакция проявляется как *приспособление субстанции к внешним условиям*. Рефлексия внешних условий необходимо имеет следствием два приспособительных процесса – изменение характера взаимодействия субстанции и внешнего мира (поведенческое приспособление, этогенез) и изменение сущности (формы и содержания) субстанции (эволюционное приспособление, онтогенез[1]).

Т.о. второе противоречие является активным, ведущим фактором развития субстанции.

Результатом первого процесса (этогенеза) является изменение характера взаимодействия с внешней средой, но не путём изменения внешней среды, а путём *изменения реакции* субстанции на внешнюю среду *без изменения сущности* субстанции.

Результатом второго процесса (онтогенеза) является *изменение сущности* субстанции (её содержания, внутренней жизни) и, как следствие, характера взаимодействия со средой. Этот процесс осуществляется посредством разрешения первого отмеченного противоречия.

Оба процесса выражают одну суть – приспособление субстанции к среде обитания, но не среды обитания к субстанции.

Если рассматривать движение субстанции со стороны процесса отражения, то его первая часть – возникновение идеального иного (идеализация материального) – имеет активный характер, субстанция самостоятельно создаёт в себе «образ» внешнего мира, основываясь на взаимодействии с ним. Вторая часть процесса отражения (материализация идеального) – реакция субстанции на рефлексию иного (на сформированное им идеальное) – всецело пассивна в отношении внешней среды, изменяется субстанция применительно к среде, но не наоборот, и активна по отношению к самой субстанции, поскольку субстанция изменяет (*само*изменяет) своё состояние как в поведенческом (этогенез), так и в сущностном (онто-

---

и идеальное разделены и опосредствованы (продолжение)».

[1] До сих пор нет однозначного мнения относительно основания процесса мутагенеза – имеет ли он необходимый или случайный характер (ламаркизм и дарвинизм). Субстанциональный подход недвусмысленно решает вопрос в пользу необходимого характера генетических изменений, не отрицая при этом и возможности случайных процессов.

генез) отношении.[1]

Такой механизм разрешения противоречия детерминируется тем обстоятельством, что идеальное иного представляет только внешнюю сторону другой, иной, субстанции, совершенно не проникая в её сущность, и реакция субстанции, соответственно, направлена исключительно на приспособление к внешним условиям, поскольку невозможно адекватно изменить внешние условия, не понимая их сути.

Т.о. внутреннее противоречие второй формы, разрешаясь, имеет следствием непосредственную реакцию субстанции на внешнее воздействие в форме адекватного приспособления к внешним условиям (либо, в случае неадекватной реакции, деградацию и даже разрушение субстанции).

Можно сказать, что внешние воздействия (противоречия) переходят во внутренние противоречия субстанции как их рефлексия в идеальной форме, как их представление посредством особого материального органа субстанции, органа отражения. По этой причине существование, бытие живой субстанции представляет собой гомеостаз с внешней средой, в которую она встроена и от которой неотделима.

Во второй форме субстанционального движения идеальное выходит, как уже говорилось, из тени материального и становится явным, действительным, более того, активным. Идеальное теперь способно влиять на материальное, хотя и ограниченно, только на «своё» материальное. Активность идеального, пусть даже ограниченная, ставит его в однозначное соответствие материальному. Здесь материальное первично в момент возникновения противоречия и вторично при его разрешении, где уже идеальное детерминирует новое состояние «своего» материального.

11.2.3. Противоречие третьей формы субстанционального движения

С появлением высшей формы живой субстанции, в которой формируется полное сознание как следствие возникновения самосознания и, т.о., реализована способность свободного обращения с идеальным, противоречия претерпевают принципиальное изменение. Такая форма известна только одна – человек.

Выше[2] было выведено, что «мышление как процесс, осуществляемый самосознанием, получает идеальный предмет, с которым оно отныне может действовать совершенно свободно, независимо от отражения внешнего мира…

…Сознание в состоянии активно действовать со своим содержанием, полученным извне – идеальными объектами».

Как следствие, «субстанция, обладающая полным мышлением, в итоге приходит к новой форме взаимодействия с внешней средой – она начинает вначале приспосабливать внешний мир к себе, а затем создавать свой

[1] Форма этого образа-отражения-рефлексии, учитывая многообразие живых субстанций, столь же многообразна – от сигнала в химической (либо даже механической) форме, до сложной картины окружающей действительности.

[2] См. главу «8. Сознание, мышление».

собственный искусственный мир».[1]

Теперь идеальное иного, рефлексированное мышлением (и дополненное проверкой в практике), в конечном итоге предстаёт не как опосредствование рефлексией (отражением) внешней стороны объектов действительности, а *в виде понятий* о них, т.е. *понимания их сущности в форме знания*. По сути это идеальное внешнего представляет его (внешнее) в субстанции не в форме некоего обезличенного воздействия, не как внешнюю вещь-в-себе, но как *понимание* сущности происходящих процессов и, в итоге, как вещь-для-субстанции, вещь-для-себя. Результатом *понимания сущности* внешних субстанции вещей является возможность влияния со стороны субстанции, обладающей *само*сознанием, на внешнее окружение, *изменение* его.

На этом основании появляется возможность не только приспосабливаться к внешним условиям, диктуемым внешними же объектами, но и *изменять* эти условия и объекты на основании знания их сущности, *приспосабливая уже их* к потребностям существования мыслящей субстанции, что она и начинает делать, создавая свой собственный, искусственный мир из объектов внешнего мира. *Теперь субстанция приспосабливает внешнюю среду к себе, а не наоборот*. Здесь обе стороны процесса отражения активны – и идеализация материального и, тем более, материализация нового, преобразованного идеального, практика.[2]

Т.о. внешнее противоречие между субстанцией-природой (внешним миром) и субстанцией, обладающей *самосознанием*, разрешается выходом последней из гомеостаза с природой и началом преобразования её, созданием природы для-себя, *искусственной* природы – вначале робко, а затем всё увереннее и активнее.

Появляется новый онтологический и гносеологический феномен – *активная субстанциональная деятельность, практика.*

Внутреннее движущее субстанциональное противоречие субстанции «*человек*» конкретизируется в форме противоречия между *практической деятельностью* (материальным) и *осознанием её*, пониманием сущности происходящих процессов (идеальным).

Практическая деятельность, как видим, опосредствует собой как природу в целом (общее), так и искусственную природу (особенное) и представляет их внутри субстанции «человек» со стороны материального.

Внешнее противоречие с этими обеими формами природы не переходит во внутреннее противоречие, поскольку они имеют разную сущность – внешнее противоречие есть межсубстанциональное противоречие (между субстанциями природа – человек), а внутреннее противоречие представляет собой внутрисубстанциональное противоречие (между человеческой деятельностью, практикой и её осознанием).

Но внешнее противоречие может инициировать возникновение внутреннего противоречия, поскольку человек, рефлексируя внешнее противоречие, способен сделать рефлексию внутренним идеальным объектом

[1] См. главу «10.1. Третья форма субстанционального движения».
[2] Подробнее в главе «15. Человек, общество»

мышления с последующим воплощением идеального в своей практике.

Внешнее противоречие может также оказать на внутреннее противоречие такое воздействие, которое изменяет характер движения и разрешения имеющегося внутреннего противоречия, т.е. деформирует его, но не в состоянии полностью отменить.

Следует заметить, что активная роль идеального (самосознания, познающего сущность вещей) в движении противоречия в рассматриваемой форме субстанционального движения является исходным пунктом для возникновения и оправдания всех форм идеализма.

11.2.4. Противоречие четвёртой формы субстанционального движения

Субстанция третьей формы субстанционального движения, обладающая полным сознанием (человек), создавая собственный материальный мир, помещает своё идеальное в форме знания в искусственные предметы уже как их идеальное.

С одной стороны, это идеальное есть непосредственное идеальное искусственных объектов, нераздельное с материальным, подобно первой форме субстанционального движения. Но, с другой стороны, искусственные объекты самостоятельного существования как саморазвития не имеют и, казалось бы, на этом основании не могут представлять отдельной формы субстанционального движения.

Отметим, что в этой форме субстанции противоречие двойственно: 1. с одной стороны это противоречие между материальным и идеальным как снятым процессом создания объекта; 2. но, с другой стороны, идеальное является особенным идеальным – это идеальное в форме знания, помещённое человеком в созданные им искусственные объекты. Такое идеальное представляет собой не просто сущность природных процессов, но их концентрированное и избирательное выражение, которого не существует в природе.

Идеальное искусственных объектов, созданных человеком, представляет собой концентрированное, «сжатое», выражение законов природы. «Очеловеченные» вещи существуют уже не по собственно природным, а по метаприродным законам, вложенным в них человеком как их идеальное, и представляющих модифицированные законы природы, в самой природе в этой, преобразованной человеком, форме не встречающиеся.

Такие объекты представлены как бы в двух ипостасях – как вещи, существующие в соответствии с противоречием первой формы субстанционального движения (и как таковые они просто вещи, подверженные всем законам реальности), и как предметы, созданные человеком для своих собственных нужд в процессе разрешения противоречия третьей формы субстанционального движения. В этом последнем качестве они полностью определяются тем идеальным, которое вложено в них человеком и которое может иметь как пассивный, так и активный характер.

Соответственно роли идеального предметы этой субстанциональной формы могут выступать: 1. либо как объекты, обеспечивающие жизнедеятельность человека, т.е. пассивно участвовать в процессе их потребления;

2. либо как своеобразные «субъекты»[1], идеальное которых в форме знания полностью определяет их функции в процессе труда человека и которые «участвуют» *совместно с ним* в создании продуктов труда. Участие искусственных объектов в человеческой деятельности с развитием сферы знания и усложнением орудий труда существенно (даже кардинально) меняет свой характер – из полностью подчинённой человеку формы оно со временем становится равноправным, а ныне, на наших глазах, полностью самодеятельным, выводящим человека из процесса производства.[2]

Как видим, противоречие между материальным и идеальным в форме знания есть превращённая форма противоречия (и одновременно возможность его разрешения) между первой и третьей формами движения субстанции, а по сути – между природой и человеком.

Дальнейшее развитие человеком своих способностей по созданию искусственной природы необходимо приведёт к появлению искусственных объектов (не исключено, что и космического масштаба), самостоятельно существующих по законам природы, но уже «вложенным» в них человеком в преобразованной форме как его идеальное в форме знания. Несмотря на свою искусственность, такие объекты будут полностью идентичны природным, тем самым все формы движения субстанции посредством деятельности человека отождествляются, субстанциональное движение, пройдя ряд форм, замыкается в круг. На этом основании целесообразно выделить искусственные объекты, созданные человеком, в *четвёртую форму субстанционального движения*, имманентно содержащую потенцию перехода в любую из исследованных форм субстанционального движения.

11.3. О соотношении сторон противоречия

В свете принципа субстанционального монизма вопрос о первичности материального либо идеального лишён смысла – материальное и идеальное как стороны субстанции неразрывны, одно не существует без другого, они тождественны в своём единстве и различии. Но можно и нужно ставить вопрос о ведущей, активной стороне их противоречивого единства. Рассмотрим его более подробно, на основании принципа субстанционального монизма и сущности противоречия.

В первой форме субстанционального движения на основании имплицитности идеального можно прийти к поверхностному выводу об активности материального и, на этом основании, его первичности.

Вглядимся в реальность более пристально. Материальное – это наличное, актуальное состояние субстанции, её вещественное наличное представление, которое является результатом предыдущего движения, процес-

[1] Речь идёт об орудиях труда, субъектность которых заключается в том, что их идеальное в форме знания позволяет им выполнять активные действия, хотя и под управлением человека (а в современном производстве уже всё чаще и без него), в создании продуктов труда.

[2] Имеется ввиду автоматизация производственных процессов.

са, приведшего к наличному результату.

Этот процесс движения и детерминировал наличное состояние – материальное, являющееся мгновенным снимком, застывшей картиной, содержанием которой является процесс возникновения материального, представленный в материальном же как его идеальное.

Т.о. мы имеем материальное как наличное вещественное состояние и идеальное как процесс, приведший материальную форму к наличному состоянию. Но этот процесс есть не что иное, как вполне определённая последовательность становления наличного материального, т.е. как таковой является законом, детерминирующим наличное состояние и одновременно той деятельностной основой, которая, постоянно присутствуя в наличном материальном, побуждает это материальное к дальнейшему изменению. Будучи таковым, идеальное является активной стороной противоречия между материальным и идеальным во всех формах субстанционального движения.

Однако, как мы отмечали ранее, «в действительности таким активным моментом не может быть ни одна из сторон субстанции, взятая в отдельности, изолированно от другой».[1]

Идеальное как отрицание материального создаёт *совместно с ним* ту потенцию движения, которая «заставляет» материальное преодолевать себя, выходить за свою границу, отталкиваться от себя, отрицать себя (своё идеальное представление), вечно продолжать движение через постоянно становящееся противоречие между материальным и идеальным.

Но и материальное, в свою очередь, не является просто пассивным объектом – оно как результат, итог прошедшего процесса оказывает воздействие на форму возникновения, развития и разрешения противоречия между идеальным и материальным в ходе перманентного становления внутрисубстанционального противоречия. Материальное также деятельностно, оно *основание*, которое изменяется в соответствии с неким законом.

Идеальное активно как закон, как побуждение к изменению, как целое, общее, детерминирующее движение наличного материального, толкающее его за свою границу, за конечное.

Материальное же как результат, наличное, мгновенное, преходящее, частное, есть сторона субстанции, являющаяся материальным основанием становящегося противоречия и определяющая его внешнюю форму.

12. Краткие выводы

Резюмируя всё, что ранее было сказано о субстанциональности, можно сделать следующие выводы.

Субстанция есть саморазвивающаяся объективная реальность, сущностью которой является тождество (единство в различии) материальной и идеальной сторон (моментов), противоречие которых как взаимодействие

[1] См. главу 4.1. «Логическое обобщение».

отрицающих друг друга противоположностей является основанием движения субстанции. *Субстанция не есть нечто третье по отношению к своим сторонам* – она есть их соотношение, взаимосвязь и взаимозависимость. При этом объективность и реальность материального представлены *непосредственно*, а объективность и реальность идеального представляются *опосредствованно*, через материальное.[1]

Не-материальность, идеальность есть представление одной материальностью (наличным, актуальным) другой материальности (процесса возникновения этого наличного, актуального) и только как такое представление она идеальность. Можно сказать, что *результат идеального в материальном, но истина материального – в идеальном*. Идеальное умирает (завершается) в материальном, материальное живёт в идеальном.

Субстанциональна как Природа в целом, так и любые её саморазвивающиеся объекты, т.е. объекты-субстанции, движение которых происходит на основании возникновения и разрешения внутренних противоречий между сторонами субстанций – их материальным и идеальным моментами. Из этого следует критерий для нахождения и исследования субстанциональных форм – надо выделять объекты реальности, обладающие *само*движением, и определять их конкретные противоречивые моменты, рассматривая их в движении.

Принцип саморазвития субстанции дополняется принципом детерминированности частей целым, и принципом формирования частями целого, которые вместе составляют тождество, выполняющее функцию всеобщей связи: бесчисленные саморазвивающиеся субстанции осуществляют движение в пределах природы как целого, определяя его содержание (частное формирует целое); целое, само будучи субстанцией, детерминирует свои части.

В зависимости от соотношения материальной и идеальной сторон субстанций можно выделить следующие формы субстанционального движения (и, соответственно, субстанций), каждой из которых присущи свои формы внутрисубстанциональных противоречий.

Первая форма (инертальная) – материальное и идеальное непосредственны и нераздельны, поэтому идеальное явно не представлено, оно в-себе, в потенции. В своём соотношении материальное и идеальное проявляются как количественно-качественные характеристики субстанции.

Вторая форма (витальная) – материальное и идеальное раздельны и потому их отношение опосредствовано особым органом субстанции, органом отражения. Соответственно, наряду с идеальным как снятием соб-

[1] Следует сказать и о понимании идеального как совершенного. Такое идеальное в разных ипостасях есть полное развитие процесса, вещи, завершённость развития, соответствие понятию по Гегелю. Это идеальное *не* психологическое идеальное, не релятивное, зависящее от субъективных представлений, а такое же объективное, как и идеальное, в качестве стороны субстанции противостоящее материальному. Другими словами, идеальное как совершенное есть совершённое (завершённое) в полном соответствии внутреннему противоречию без деформирующего влияния внешних противоречий.

ственного процесса движения субстанции, возникает вторая форма идеального – представление внешних объектов, идеальное иного.

Противоречие второй формы между своим материальным и идеальным иного разрешается как приспособление субстанции к условиям среды, осуществляющееся в двух формах – поведенческое приспособление (изменение «поведения», этогенез) и эволюционное приспособление (изменение сущности, онтогенез). Как реагирующие на внешние условия и приспосабливающиеся к ним субстанции этой формы движения есть живые субстанции, а процесс идеального представления в субстанции внешних условий и последующего приспособления к ним есть не что иное, как процесс отражения.

В развитых формах живой субстанции в процессе эволюции орган отражения развивается в мозг, соответственно возникают сложные формы отражения. В высшей форме живой субстанции, человеке, появляется самосознание и как следствие полное сознание – синкретичное осознавание себя, мира и себя в мире. Такое сознание способно отчуждать идеальное иного и действовать с ним вполне самостоятельно как с собственными идеальными предметами, создавая сферу знания. Обратный процесс, практика как материализация полученного идеального, знания, не только является критерием истины знания, но становится источником создания искусственной, очеловеченной природы.

Субстанция, обладающая самосознанием и, как следствие, полным сознанием есть третья форма субстанционального движения (антропная), которая уже не приспосабливается к внешнему миру, а, начиная с приспособления внешнего мира к себе, в процессе развития переходит к созданию своей искусственной природы.

Мыслящая субстанция, человек, создавая с использованием полученного знания продукты труда, тем самым создаёт искусственный мир, противостоящий природному. В создаваемой человеком искусственной природе и материальное, и идеальное существуют в формах, определяемых не собственно природой, а опосредствующей деятельностью человека (законами природы, «очеловеченными» человеком). Это четвёртая форма субстанционального движения (артифициальная или ноосферная), полностью определяемая человеком (но на основе познания законов природы) и пока ещё всецело зависящая от него и способная функционировать только при участии человека. Но потенции этой формы чрезвычайно велики.

Можно предположить (по крайней мере, субстанциональная сущность этому не противоречит), что возможности разумной субстанции в создании искусственных объектов простираются вплоть до космических масштабов. Тем самым четвёртая форма субстанционального движения имеет потенциальную возможность перейти в первую и вторую формы, и всё движение тем самым приобретает характер цикличности, замкнутости – движение, вернее самодвижение, субстанциональных форм становится поистине бесконечным.

Следует заметить, что каждая из последующих форм субстанционального движения содержит в себе в снятом виде сущностные характеристики предыдущих форм.

Ранее были сделаны выводы, что «в отличие от неживых субстанций, для процессов движения которых характерно соблюдение пропорционального соотношения веществ вступающих во взаимодействие объектов, все формы живых субстанций способны воспроизводить себя в возрастающих масштабах и вовлекают в процесс своей жизнедеятельности гораздо больше вещества, чем заключено в них самих»[1] и что «активность и высокая производительность орудий труда всецело определяется тем «очеловеченным» идеальным, которое вложено в них человеком. Именно представленные, снятые в орудиях труда законы природы позволяют человеку посредством этих орудий совершать целенаправленные действия над предметами труда, придавая последним полезные для человека свойства. Обладая такими качествами орудия труда производят в течение срока своей жизни значительно больше материальных средств, чем затрачено на их изготовление».[2] Иными словами, вторая и третья (и потенциально четвёртая) субстанциональные формы, создавая больше субстанциональной массы, чем первоначально представляют они сами, осуществляют негэнтропийный процесс, который в деятельности человека (в четвёртой субстанциональной форме) потенциально способен стать равнозначным по масштабу природным (и даже космическим) процессам.

13. О некоторых диалектических категориях

Ниже рассмотрены некоторые категории диалектики, представленные в свете принципа субстанционального монизма. Обращение именно к этим категориям вызвано тем, что они применены в последующем анализе некоторых проблем.

13.1. Всеобщее, особенное, единичное

Вначале приведём видение всеобщего, особенного и единичного знаменитой «Философской Энциклопедией».[3]

«ВСЕОБЩЕЕ. В истории философии термин "В." служил для выражения двух различных понятий в зависимости от того, как понималась проблема отношения В. (общего) к единичному и особенному.

1) В. как сходное, как абстрактно-отвлечённое от всех единичных и

[1] См. главу «4.2.2. Вторая форма субстанционального движения.

[2] См. главу «10.2. Четвёртая форма субстанционального движения».

[3] Обращение к «Философской Энциклопедии» (Философская Энциклопедия. В 5-х т. М.: Изд-во БСЭ, 1960-1970) объясняется тем, что в ней представлены взгляды советских учёных периода некоторого оживления философских исканий, даже определённого «вольнодумства», когда ещё пробивались родники свежей диалектической мысли. Обращение же в последующем к «Новой философской энциклопедии» (Новая философская энциклопедия. В 4 т., М.: Мысль, 2010) интересно сравнением уровня осмысления проблем философии советскими философами и современными представителями философии, некоторым из которых ранее было выгодно представлять себя приверженцами диалектики и марксизма.

особенных явлений свойство, как абстрактное тождество всех или многих вещей, явлений друг другу в том или ином отношении, как свойственный всем им признак, на основании к-рого они мысленно объединяются в тот или иной класс, множество, вид или род…[1]

2) В. как закон существования, изменения и развития особенных и единичных явлений в их связи, взаимодействии и единстве. В. в этом значении выступает как синоним "единства в многообразии" и осуществляется в действительности в виде закона, связующего многообразие явлений в единое целое, в систему».[2]

«ОСОБЕННОЕ – филос. категория, соотносительная с категориями всеобщего и единичного. В диалектич. логике последние две категории рассматриваются как одна из форм раздвоения единого (предмета) на противоположные определения, условием познания к-рых является исследование единства этих противоположностей. В категории же О. фиксируется момент именно этого единства всеобщего и единичного, и О. выступает как такой член отношения единичное – всеобщее – О., в к-ром снимается односторонность двух первых определений».[3]

«ЕДИНИЧНОЕ (отдельное, индивидуальное) – определённое, ограниченное в пространстве и времени тело, вещь, система вещей данного качества, рассматриваемые в их отношении как к самим себе, так и к миру в целом по их качеств. определённости; предел количеств. деления данного качества. Е. есть определённость качества внутри него самого, т.е. его однородность с вещами того же качества, служащая объективным основанием для его количеств. математич. выражения».[4]

Отметим три момента, характеризующие приведённые дефиниции. Во-первых, всеобщее дано как некая абсолютная высшая сила, однонаправленно определяющая особенное и единичное (мы рассматриваем только второе определение всеобщего, поскольку в отношении первой формулировки диалектики давно сказали своё отрицающее слово), тогда как всеобщее не только определяет единичное и особенное, но и формируется ими, вырастает из них.

Во-вторых, если всеобщее и особенное даны как *отношения*, то единичное дано как *вещь* (система вещей), а это уже делает эти категории несопоставимыми, чуждыми друг другу (безразличными на языке Гегеля). Единичное *как вещь* здесь есть категория количества. В то время как особенное и, тем более, всеобщее *как закон* есть категории качества. Любители словесной эквилибристики на этом основании начнут жонглировать пресловутым переходом количества в качество и обратно, совершенно упуская из виду, что всякое рассмотрение должно быть конкретным, и что

[1] Здесь же следует отметить, что «Новая философская энциклопедия», авторы которой претендуют на преемственность по отношению к «Философской Энциклопедии», ограничивается только этим определением всеобщего, что значительно снижает уровень объективности соответствующей статьи и её научную ценность.

[2] Философская Энциклопедия. В 5 т. Т. 1. М.: Изд-во БСЭ, 1960-1970. С. 301.

[3] Там же. Т. 4. С. 173.

[4] Там же. Т. 2. С. 102.

количественно-качественные соотношения могут быть применимы только к субстанциональным взаимосвязям как единству материального и идеального, но никак не к категориям как понятиям, которые существуют только в идеальной форме и количественному определению не поддаются. Редуцирование отношения (движения) к вещи (объекту) элиминирует из рассмотрения сущность, заменяя её явлением, тем самым затрудняя понимание истины, если вообще это возможно в такой форме.

В-третьих, несмотря на то, что всеобщее в приведённом определении заявлено как связанное с особенным и единичным, а особенное с всеобщим и единичным – эта связь сугубо формальна, декларативна, эклектична, она не следует из внутренних сущностей единичного, всеобщего и особенного, тем более что единичное здесь представлено как существующее само по себе, вне связи с особенным и всеобщим.

Очевидно, стоит прислушаться к мнению основателя диалектического метода, Гегелю.

«…Абсолютная субстанция, отличая себя от себя как абсолютная форма, уже не отталкивает себя от себя как необходимость, равно как и не распадается как случайность на безразличные, внешние друг другу субстанции, а *разделяет* себя, *с одной стороны*, на такую целокупность, которая (то, что прежде было пассивной субстанцией) есть нечто первоначальное как рефлексия в себя из определённости, как простое целое, содержащее внутри самого себя свою *положенностъ* и *положенное в этой положенности* как *тождественное с самим собой*, – на *всеобщее*, а *с другой стороны*, на целокупность (то, что прежде было причинной субстанцией) как на рефлексию в себя точно так же из определённости к отрицательной определённости, которая, таким образом, как *тождественная* с собой *определённость* также есть целое, но положена как *тождественная с собой отрицательность*, – на *единичное*. … их *простое* тождество есть *особенность*, которая от единичного содержит момент *определённости*, а от всеобщего – момент *рефлексии-в-себя*, содержит их в непосредственном единстве».[1]

Другими словами: *всеобщее* – это абсолютная субстанция, рассматриваемая как целокупность со стороны *результата* предыдущего движения, как снятие («рефлексия в себя») определённости. Целокупность как всеобщее положена (т.е. полностью определена, сформирована) этим движением, она «простое целое», завершённое. Всеобщее как положенность есть связь снятых определённостей и как таковая некий закон. Но всеобщее как такое завершённое простое целое, как результат, как наличное бытие, как «тождественное с самим собой», *пассивно*, ибо не имеет в себе отрицательности и, т.о., интенции движения.

Единичное – это та же абсолютная субстанция, целокупность, но рассматриваемая со стороны *движения* (возникновения, перехода, становления) и содержащая все свои определённости, отрицательности как совокупность единичностей, и как итог – тождественная с собой отрицательность. Как отрицательность она активна и есть причина наличного бытия.

Особенное – та же целокупность, рассматриваемая как опосредствова-

[1] *Гегель Г.* Наука логики. - Т. 2. С. 224.

ние всеобщего и единичного. Особенное есть связь всеобщего и единичного, прочно соединяющая их в единстве, тождестве. Со стороны единичного это отрицательность, т.е. активность, начало движения. Со стороны всеобщего – результат движения, снятие, положительное, некий закон, объединяющий части в целое. Особенное есть одновременно и причина и результат и как таковое – движение, переход, становление, итог одновременно. Особенное как опосредствование снимает в себе активность единичного и пассивность всеобщего, отождествляет их, делая возможным как движение от единичного к общему, так и детерминацию общим единичного (детерминацию частей целым).

Единство (тождественность) всеобщего, особенного и единичного делает в итоге возможной всеобщую связь вещей, осуществляемую как развитие единичного через особенное к общему, но развитие, определяемое общим как принципом детерминации частей целым.

Всеобщее, единичное и особенное у Гегеля существуют как *разные* отношения, представления *одной* субстанции, которая рассматривается и со стороны *причины*, движения, и со стороны *результата*, итога движения, и со стороны *связи* движения и результата. Они неразрывно связаны крепчайшими отношениями, движутся друг вместе с другом, перетекают друг в друга, т.е. живут. Гегелевские всеобщее, единичное и особенное невозможны друг без друга и определяют друг друга, в своей противоречивости они составляют целое.

С учётом гегелевских идей в рамках принципа субстанционального монизма всеобщее, особенное и единичное предстают в следующей трактовке.

Всеобщее – интенция к внутреннему единству субстанции, её тождественность, снимающая в себе все определённости (отрицательности, противоречия) и выступающая как результат движения субстанции. Эта тождественность в своём единстве предстаёт как принципы, отношения, закономерности, определяющие процессы самодвижения субстанции, их взаимосвязь и проявляющаяся в них в общей всем им форме.

Единичное – интенция к внутренней отрицательности субстанции, предстающая как иная, отрицающая сторона единства, тождественности, побуждающая к изменению и возникновению новых форм субстанции. Эта отрицательность имеет результатом своего осуществления с одной стороны – возникновение единичных субстанциональных процессов (объектов), с другой стороны (посредством особенного) – вхождение этих процессов (объектов) в субстанциональные процессы более высокого уровня. Не существует единичного вне всеобщего (общего) и нет всеобщего (общего) без единичного.

Единичное как отношение отрицательности, как процесс, имеет результатом установление границы внутри прежде единого и, тем самым, становление некоего нового качества, т.е. увеличение количества качеств, что имеет следствием возникновение новых объектов реальности. Но такое единичное есть не «определённость качества внутри него самого, т.е. его однородность с вещами того же качества», как это утверждается в «Философской энциклопедии», а возникновение нового качества, которое

может быть реплицировано количественно в форме объектов (вещей) реальности.

Особенное – отношение опосредствования между всеобщим и единичным, между тождественностью (единством) и отрицательностью (раздельностью). Особенное предстаёт как принципы, отношения, закономерности, т.е. как связи, реализующиеся в отдельных субстанциональных процессах в промежуточных формах между всеобщим и единичным. Особенное, осуществляя связь между единичным и всеобщим, опосредствуя их, актуализирует тем самым принцип всеобщей связи всего сущего, который предстаёт в двух формах: со стороны тождественности (всеобщности) как принцип детерминации частей целым (от всеобщего через особенное к единичному) – всеобщее определяет какие формы единичного соответствуют целому; со стороны отрицательности (единичности) как принцип развития от частей к целому (от единичного через особенное к всеобщему) – единичное и особенное представлены во всеобщем и обогащают его, одновременно представляя всеобщее в своей особенности и единичности.

Отсюда ясно, что в иерархии субстанциональных форм *всегда* можно определить категории общего, особенного и единичного, которые, в зависимости от иерархического уровня меняют свою форму – из общих становятся особенными, из особенных единичными и наоборот.

Как пример: общее – то, что для обеспечения своей жизнедеятельности человек должен производить; особенное – законы общественного производства на разных уровнях развития общества (например, закон капиталистического производства – извлечение прибавочной стоимости); единичное – проявление этого закона на разных стадиях производства и потребления.

Но для собственно капиталистического способа производства закон извлечения прибавочной стоимости является уже общим законом, т.е. меняет свою категориальную форму – из особенного становится общим. Особенным же будет его действие на разных стадиях движения продукта производства (товара), что проявляется в смене форм прибавочной стоимости (прибыль, процент, рента). Единичным – действие этого закона в отдельной сфере движения товара, на отдельном предприятии, в отдельном акте обмена.

Каков же механизм действия вышеупомянутого принципа всеобщей связи, сторонами (моментами) которого являются принцип развития от частей к целому и принцип детерминации частей целым?

Со стороны отрицательности, единичности принцип всеобщей связи реализуется посредством возникновения, развития и разрешения внутренних субстанциональных противоречий следствием чего является развитие субстанций и возникновение новых субстанциональных форм (развитие от частей к целому).

Со стороны тождественности, всеобщности он реализуется посредством возникновения внешних противоречий, которые рефлексируются во внутренних противоречиях, деформируя их и приспосабливая саморазвитие субстанции к внешним ей условиям, вплоть до разрушения суб-

станции (детерминация частей целым).

В заключение следует отметить, что истинно понятое всеобщее (общее) *всегда* конкретно, поскольку оно представляет действительность со всем её содержанием (наполнением), со всеми сформировавшимися отношениями и законами, посредством которых действительность как всеобщее детерминирует условия существования и движения особенного и единичного.[1] В то же время и само всеобщее создаётся движением единичного через особенное. Поэтому отмеченная неразрывность всеобщего с единичным и особенным имеет необходимым следствием конкретность всеобщего.

Другими словами, если говорить об абстрактности и конкретности категории всеобщего (общего), то совершенно ясно, что правильно определённое всеобщее всегда конкретно, т.к. необходимо существуют соответствующие субстанциональные формы, для которых оно является таковым, и которые в виде особенного и единичного своим наличным бытием делают конкретность всеобщего фактом действительности. Соответственно единичное как отрицательность есть частичное, ограниченное, неполное – и как таковое единичное абстрактно. Отсюда ясно, что единичное можно понять, только рассматривая его через призму всеобщего.[2]

13.1.1. Абстрактное и конкретное, единичное и общее в реальности и в познании

Рассмотрим более подробно данные категории с точки зрения субстанциональности, – со стороны их материального и идеального моментов, – для чего следует выяснить, как предстают в упомянутых категориях материальное – *вещь*[3], и идеальное – *понятие* вещи.

Как же проявляют себя абстрактное и конкретное и соотносящиеся с ними категории общего и единичного в реальности и в познании (мышлении)? Общим связующим звеном для материального (*вещи*) и идеального (*понятия* вещи) является понятие *сущности*, представляющей собой «действительное содержание предмета, выражающееся в единстве всех многообразных и противоречивых форм его бытия»[4], т.е. всеобщие определения некой вещи, процесса в их связи и единстве и по-разному прояв-

---

[1] Здесь же отметим, что материальное, рассматриваемое само по себе, не менее абстрактно, чем идеальное, рассматриваемое в отрыве от материального. Только вместе, в тождестве (единстве в различии) они представляют конкретное, общее – субстанцию.

[2] В свете сказанного пресловутое движение от абстрактного к конкретному предстаёт как движение от единичного явления, факта к выявлению его сущности, к пониманию всей совокупности связей, делающих возможным рассматриваемое и аналогичные ему явления. Т.о. движение от абстрактного к конкретному по сути является движением от единичного (неполного, ограниченного, одностороннего) к всеобщему (целому, слитному) посредством форм особенного.

[3] Говоря «вещь» мы имеем ввиду также и иные материальные проявления, например, процессы, т.е. не только факт существования, но и факт движения, изменения.

[4] Философская энциклопедия. - Т. 5. С. 168.

ляющиеся в действительности и мышлении. Для того, чтобы понять их положение и соотношение в реальности и познании, очевидно, следует рассмотреть в каких формах в этих сферах бытийствует сущность.

Сущность в сфере *идеального* представляет, как уже говорилось, выражение в *понятии* всех свойств и связей вещи (процесса) реальности, все её возможные определения. Но определения и, следовательно, сущность *единичной* вещи детерминированы *наличными* условиями её существования и движения и потому ограничены ими. Однако, актуальные, наличные связи не исчерпывают все *возможные* связи вещи и, как следствие, понятие единичной вещи не выражает «действительное содержание предмета», его сущность во всей *полноте* определений. Следовательно, *понятие единичной вещи* ограниченно, частично, неполно, т.е. *абстрактно*.

Напротив, сущность вещи как понятие, объемлющее *все* возможные связи и свойства вещи и в таком виде представляющая собой закон существования и движения вещи, исчерпывает «многообразие форм её бытия» (т.е. многообразие единичных наличных вещей, представляющих собой единичные проявления одной, общей им, сущности). Такое понятие есть понятие полное, завершённое, истинное, т.е. *общее* и в своей полноте определений вещи оно *конкретно*.[1]

Однако, в *реальном* бытии вещей каждая единичная вещь своим существованием реализует все возможные в её наличных ограниченных условиях связи. Другими словами, в ограниченных условиях вещь реализует *все актуальные наличные* связи, т.е. выражает своё «действительное содержание» не только как единственно возможное в данных ограниченных условиях содержание, но и как содержание, исчерпывающее *все актуальные* связи, и потому *единичная вещь реальности – конкретна* (представлена во всех своих *наличных* связях и определениях).

Но в реальности, обладающей бесконечным многообразием условий, невозможно существование вещи, сущность которой имманентно содержала бы *все возможные* определения и связи, т.е. вещи как таковой, безотносительно к условиям её бытия, ибо в противном случае необходимо признать возможность единовременного существования в некой точке природы всех возможных её условий. Или, иначе говоря, невозможно в неких наличных *ограниченных* условиях сказать в отношении единичной вещи, что это одновременно есть и некая «общая» вещь (вещь как таковая), обладающая «всеобщими определениями вещи». Поскольку существование некой «общей» вещи (вещи как таковой) невозможно, то такая вещь абстрактна (или, что то же – «общая» вещь есть абстракция, в реальности невозможная).

Подведём итог.

В *познании* понятие единичного абстрактно. Конкретным является понятие, содержащее в себе все определения всех возможных единичных проявлений – общее (всеобщее) понятие.

---

[1] «Общий закон изменения формы движения гораздо конкретнее, чем каждый отдельный “конкретный” пример этого» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 20. С. 537).

В *реальности* каждое единичное (единичная вещь) – конкретно. Общее же как нечто реальное, вещное, предметное не существует, общее как вещь реальности – абстрактно.[1]

Именно в силу отмеченной зеркальности общего-единичного, конкретного-абстрактного в реальности и в познании (мышлении) и возникают споры по поводу их реальности, наличности, вещности либо же виртуальности, видимости.

В реальности общее существует как некий принцип (закон, тенденция), но не как вещь или процесс (материальный объект) – поэтому такое общее абстрактно. Но зато единичные наличные вещи – конкретны.

В познании же, наоборот, конкретны, т.е. обладают всей совокупностью определений некоторого класса реальных вещей, связанных общим принципом движения (законом, тенденцией), только общие понятия (т.е. понятия, которые сейчас именуются абстрактными). Понятия же, описывающие единичные конкретные вещи реальности, напротив, абстрактны, т.к. содержат только некоторые, ограниченные определения реальных вещей, т.е. те определения, которые описывают ограниченные свойства и связи ограниченной же реальной вещи.

Широко известное т.н. восхождение от абстрактного к конкретному в познании, есть не что иное, как движение от *понятия единичной вещи*, ограниченной конечным числом связей, к выявлению всех возможных связей, установлению закона её существования и движения, т.е. выявление *общего понятия* – а это и есть движение от явления к сущности, от единичного к общему.[2]

В *познании* конкретная единичная вещь реальности предстаёт в форме абстрактного понятия, т.е. как обладающая ограниченными связями и определениями. Напротив, закон её существования и движения, определяющий сущность вещи как средоточие всех определений и связей вещи, есть общее и потому – *конкретное*.[3]

В *реальности* же каждая единичная вещь существует постольку, поскольку она реализует все возможные *для неё* связи и определения в соответствии со своей сущностью и потому в своей единичности она *кон-*

---

[1] Единственная вещь реальности, являющаяся в своей единичности конкретностью – это природа в целом, Вселенная, объемлющая *все* единичные конкретные вещи (процессы) и их связи.

[2] «Мышление, восходя от конкретного к абстрактному, не отходит — если оно *правильное… от* истины, а подходит к ней. Абстракция *материи, закона* природы, абстракция *стоимости* и т. д., одним словом, *все* научные (правильные, серьезные не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, *полнее*. От живого созерцания к абстрактному мышлению *и от него к практике* — таков диалектический путь познания *истины*, познания объективной реальности» (*Ленин В.И.* ПСС. - Т. 29. С. 152).

[3] «Конкретное потому конкретно, что оно есть синтез многих определений, следовательно, единство многообразного. В мышлении оно поэтому выступает как процесс синтеза, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно представляет собой действительный исходный пункт и, вследствие этого, также исходный пункт созерцания и представления» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 12. С. 727).

кретна. Но то общее, что детерминирует сущность вещи, как нечто вещественное не существует (но только как тенденция, закон, принцип) и потому такое общее формально (как невещественное) абстрактно.

13.2. Субстанция (дополнение)

Выявленная диалектическая взаимосвязь всеобщего (общего), особенного и единичного даёт возможность понять механизм образования субстанций более высокого порядка из субстанций «низшего» уровня.

В случае, если субстанции, находившиеся между собой в отношении *внешних* противоречий, соединяются под воздействием каких-либо факторов в *систему*, в которой их ранее *безразличные* отношения приобретают *существенность*, *значимость*, то в этом объединении между частями возникают *качественно* новые *внутренние* взаимосвязи – как следствие, из набора ранее независимых элементов, находившихся во *внешних* противоречиях, возникает новое *субстанциональное* образование, развивающееся уже по *своим внутренним противоречиям*. Поскольку развитие этой новой субстанции детерминируется уже её *собственными* внутренними противоречиями, то она будет *качественно* отличаться от эклектичного набора составивших её частей – это уже новое *целое*, которое полностью детерминирует свои *части*.[1]

Образование подобного ансамбля в форме субстанции более высокого уровня происходит вследствие осуществления принципа всеобщей связи. В этом случае общее детерминирует свои части (особенное и единичное) таким образом, что частное, бывшее ранее разобщённым, объединяется внешним ему образом в целостную субстанцию, развивающуюся уже в соответствии *со своими* внутренними противоречиями, определяемыми законом развития общего, а не внутренними противоречиями субстанций более низкого уровня, составляющих это общее. Детерминирующим фактором выступают противоречия системы (субстанции высшего порядка), которые «заставляют» части системы приспосабливаться к новым условиям. Те из них, которые не в состоянии приспособиться, элиминируются, приспособившиеся же действуют в согласии с детерминирующими их условиями.

Теперь по видимости разобщённые (разделённые) части могут представлять одну субстанциональную сущность. Части такой субстанции, развиваясь по своим внутренним противоречиям, на которые влияют внешние противоречия, одновременно участвуют в саморазвитии субстанции как целого, элементами которой они являются.

---

[1] В естественных науках это свойство называется эмерджентностью. «Эмерджентность… в теории систем – наличие у какой-либо системы особых свойств, не присущих её подсистемам и блокам, а также сумме элементов, не связанных особыми системообразующими связями; несводимость свойств системы к сумме свойств её компонентов; синоним – «системный эффект». (https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/75422).

Другим действующим фактором здесь является принцип формирования целого частным. Части, изменяясь в границах необходимости, устанавливаемых общим (эти границы выступают в форме внешних противоречий), изменяются, тем не менее, в соответствии со своими внутренними противоречиями, хотя и деформируемыми внешними противоречиями. Эти постепенные изменения, накапливаясь, влияют на общее, изменяя тем самым его содержание, сущность. Далее следует новый цикл воздействия общего на частное и т.д. (точнее сказать, это не цикл, а постоянное взаимовлияние сторон друг на друга).

Т.о. принцип всеобщей связи всецело определяет развитие субстанций, как синкретичных, так и «простых».

В качестве эмпирического примера сложных, синкретичных субстанций можно указать на следующие.

В неживой природе это, например, планеты в составе солнечной системы, солнечная система в составе галактики и т.д. (пример можно продлить в направлении обеих его сторон – и в сторону микромира, и в сторону макромира).

В живой природе это сообщества живых организмов, не имеющие общего центра отражения-управления (колонии насекомых, крупные стада животных или косяки рыб и т.п.). Даже человечество в целом развивается в этой форме – уже условия существования общего, человечества как такового, во многом определяют формы развития отдельных наций. Тем более это характерно в отношении своих членов для межгосударственных союзов, имеющих прочные экономико-политические связи. Здесь довольно часто части (отдельные государства) вынуждены действовать по условиям, диктуемым целым, даже в ущерб своим национальным интересам.

13.2.1. О возможности существования субстанций без особого органа отражения-управления

В свете сказанного нельзя не рассмотреть следующего теоретически возможного положения. До сих пор мы говорили об императивном характере особого органа отражения-управления в субстанциях второй и третьей форм субстанционального движения. Но диалектический подход обязывает нас рассмотреть и отрицающий вариант – отсутствие такого органа как особой материально оформленной части субстанции (речь идёт о нервных клетках, узлах, мозге, являющихся органами отражения индивидов, либо об иерархически обособленных лидерах (группах, институтах), являющихся органами отражения-управления в сообществах индивидов). При этом субстанциональный характер субъекта самодвижения сомнению не подвергается. Как мы убедились выше, принцип всеобщей связи допускает существование таких субстанциональных сущностей.

Совершенно очевидно, что в отношении отдельных субъектов (особей, индивидов) такое предположение является невозможным – отсутствие органа отражения низводит их к первой форме субстанционального движения. Но в отношении сообществ субъектов, представляющих собой сложную (синкретичную) субстанцию, вопрос так просто не решается. Теоретически возможно, что в субстанциональном сообществе функции

органа отражения-управления могут быть *распределены* между особями, образующими это сообщество. Здесь возможны два варианта.

1. Отдельные особи или их группы выполняют строго *специализированные* функции по обеспечению жизнедеятельности сообщества.

Обеспечение жизнедеятельности такого субстанционального сообщества, т.е. сохранение их субстанционального характера, будет осуществляться посредством предельной специализации особей и групп сообщества, которые в совокупности будут осуществлять весь комплекс действий, необходимых для существования сообщества. Единство и целостность сообщества, т.е. координация действий специализированных групп при этом осуществляется не каким-то отдельным органом, а возникает эволюционно, посредством поведенческой и генетической адаптации специализированных групп друг к друг и сообщества в целом к внешним условиям, т.е. полностью детерминируется внешними условиями.

Такие сообщества представляют собой, по сути, один организм, где части составляют единое нераздельное целое, причём это целое невозможно без хотя бы одной своей части и каждая часть, в свою очередь, полностью зависит от целого. Подобные сообщества полностью детерминированы внешними условиями и своей структурой – стоит элиминировать одну из специализированных групп и всё сообщество гибнет, если не успеет восстановить структуру. Способности к развитию таких сообществ предельно ограничены вследствие отсутствия общего органа отражения, способного влиять на сообщество в целом и управлять таким образом его развитием. Это одна особенная форма подобных субстанциональных сообществ.

Возможно существование и другой особенной формы подобных сообществ, в которых не имеется специализированных групп и в которых отдельные особи функционально совершенно идентичны. Из этого условия следует, что такие сообщества аморфны, неустойчивы, способны как быстро распадаться, так и объединяться в зависимости от внешних условий, их отдельные особи в принципе могут существовать без и вне сообщества. Здесь связь между частью и целым не функциональная, а ситуативная, определяемая лучшими условиями выживания. Часть, существующая в целом, имеет лучшие условия, но само целое полностью зависит от внешнего окружения.

Реальность предоставляет нам убедительные свидетельства существования таких сообществ. В качестве примера для первой особенной формы субстанциональных сообществ, в которых группы особей выполняют жёстко закреплённые за ними функции, можно назвать растения (в данном случае в роли особей выступают клетки) и некоторые виды насекомых, живущих колониями. Для иллюстрации второй особенной формы – сообществ, в которых особи идентичны, можно привести такие сообщества, как косяки рыб или крупные стада животных одного вида.

2. Отдельные субъекты (и, тем более, их группы) полностью *универсальны* и потому каждый способен заменить другого, а все вместе существовать как гармоничное целое. Отличие от вышеуказанной второй особенной формы состоит именно в *универсальности* субъектов, а не их

ограниченной функциональности (специализации).

Универсальность заключается в том, что части (субъекты, индивиды) целого (сообщества) содержат в себе все признаки целого, сущность части и сущность целого совпадают. Форма субстанции адекватно выражает её сущность, истину – часть полностью тождественна целому. Целое здесь не сумма частей, а их нерасторжимое единство – здесь каждая часть несёт в себе целое и целое в каждый момент содержит конкретность всех своих частей. Подобная универсальность характерна только для третьей формы субстанционального движения – человека.

Нетрудно увидеть, что эта субстанциональная форма представляет знаменитое «царство свободы» – универсальные части развиваются в составе целого совершенно свободно, целое, в свою очередь, существует как единство своих универсальных частей. Такая субстанция в целом и частях универсальна и имеет неограниченные внутренние потенции саморазвития.[1]

Путь к такому уже истинно человеческому существованию только один – через освобождение человека от всех форм ограничения его *самодеятельности* и, прежде всего, от *внешней* зависимости подобным себе. Но тут же диалектически возникает противоположная сторона такой внешне ничем не ограничиваемой свободы – необходимость *внутреннего* самоограничения, и потому теперь *внешнее ограничение свободы деятельности необходимо переходит во внутреннее самоограничение*. Или, другими словами, внешнее детерминирующее всеобщее рефлексируется субстанцией и предстаёт уже её внутренним детерминирующим фактором, общее и единичное уже не опосредствуются особенным (что ранее выступало как ограничивающие человека общественные институты), а существуют в непосредственном единстве, тождестве – каждый человек представляет (отражает, рефлексирует в себе) общество в целом, общество состоит из совершенно равноправных индивидов, содержащих в себе рефлексированное целое. Предельное *внешнее* упрощение такого общества за счёт ликвидации иерархических структур в современном виде, другой своей стороной имеет предельное *внутреннее* усложнение индивидов.

13.3. Необходимость, закономерность, случайность, свобода

13.3.1. Необходимость

Категория необходимости в «Философской Энциклопедии» определяется как «тип связи явлений, определяемый их устойчивой внутренней

[1] С определённой натяжкой можно усмотреть некоторую корреляцию с подобной субстанцией в синкретичном первобытном обществе (до разделения труда), а также, как бы это ни показалось странным, в крестьянской общине, в которой однотипные индивидуальные хозяйства совместно решали общие вопросы, будучи функционально одинаковы.

основой и совокупностью условий их возникновения, существования и развития. Категория необходимости соотносительна с категорией случайности».[1]

Важно отметить, что категория необходимости здесь представлена как объективная и определяемая *внутренним* основанием, сущностью явлений.

Отмеченная объективность категории необходимости принципиально отличает её от трактовки, предлагаемой «Новой философской энциклопедией»: «Необходимость и случайность – соотносительные философские понятия; необходимым называют явление, однозначно детерминированное определённой областью действительности, предсказуемое на основе знания о ней и неустранимое в её границах… «Необходимость» и «случайность» – относительные понятия. Они имеют смысл, если указана область их определения…».[2] Здесь недвусмысленно и прочно необходимость связывается со сферой знания, тем самым ставя её в зависимость от субъективных представлений человека, а не от условий объективной реальности, ссылка на которые в этом случае не более чем ритуальное заклинание.

Но и «Философская Энциклопедия» даёт предельно абстрактное определение необходимости, отделываясь общими фразами – «тип связи», «внутренняя основа», «совокупность условий», которые можно приложить к чему угодно.

Не остаётся ничего иного, как спросить «стариков» – Спинозу и Гегеля.

По Спинозе: «*Необходимой* же или, лучше сказать, *принуждённой* называется такая (вещь), которая чем-либо иным определяется к существованию и действию по известному и определённому образу».[3] Т.е. необходимость Спинозы находится *вне* вещи, вне её сущности, но, тем не менее, она детерминирует действие вещи «по известному и определённому образу». Налицо явное противоречие – хотя причина действования вещи внешня ей, и, значит, случайна, но вещь почему-то должна действовать по некоему определённому образу, сиречь закону. Т.о. *внешний* случай действует по какому-то закону и тем самым он закономерен и как таковой выступает в роли той самой причины движения вещи (она ведь «принуждается»), которая одновременно, как утверждалось в п. 1 определений о боге[4], есть сущностная, т.е. *внутренняя* причина и потому иной быть не может. Противоречие следует за противоречием.

Послушаем Гегеля: «…действительность как само *непосредственное* формальное единство внутреннего и внешнего обладает определением *непосредственности,* противоположным определению рефлексии в себя; иначе говоря, она некая *действительность в противоположность некоей возможности. Соотношение* обеих – это *третье:* действительное, опре-

[1] Философская энциклопедия. - Т. 4. С. 35.
[2] Новая философская энциклопедия. - С. 53.
[3] *Спиноза Б.* Избранные произведения. - Т. 1. С. 362.
[4] Там же. С. 361.

делённое также как рефлектированное в себя бытие, и бытие, определённое в то же время как непосредственно существующее. Это третье – *необходимость*».[1]

Необходимость здесь есть отношение действительности и возможности как актуальности и перспективы, где возможность, перспектива как отрицательность действительности есть потенциал движения. Необходимость предстаёт в форме *внутреннего* противоречия, саморефлексии как отношения себя («действительности») и отражения себя в себе («рефлексии в себя»). Т.о. необходимость предстаёт как некий толчок к движению, как реакция на возникновение возможности, как интенция действительности.

Но одновременно «так как действительное и возможное – это *формальные различия,* то их соотношение также лишь *формально* и состоит только в том, что как одно, так и другое есть *положенностъ,* иначе говоря, состоит в *случайности*».[2] Другими словами, необходимость состоит в *обязательности* движения, случайность же есть одна из возможных форм его реализации, объективации.

Необходимость есть рефлексия принципа самодвижения субстанции в саму себя, в которой (в рефлексии) этот принцип предстаёт как интенция и есть потенция субстанции к возникновению и завершению движения, инициируемого внутренним противоречием, причём к *определённому* завершению – в соответствии с соотношением противоположных сторон противоречия. Т.о. *необходимость всецело детерминирована внутренней противоречивостью субстанции, неразрывна с ней и определяется ею.*

Необходимость состоит в интенциональности как обязательности реализации потенции перехода актуальной действительности в возможность как новую действительность, это потенция движения, движение в себе. Необходимость диктует обязательность движения, границы которого как некий коридор возможностей определяются конкретным отношением противоположных сторон противоречия.

Другими словами, *необходимость – это потенция и интенция субстанции, определяемая внутренним противоречием, но интенция не безразличная, а обязательная к реализации в наличное состояние.* Именно как таковая она – необходимость. И как таковая она всеобща и абсолютна, как всеобще и абсолютно движение, основанное на противоречивости. Необходимость как интенция не есть жёстко определённая заданность как конкретная направленность, но только указание на обязательность (необходимость) движения.

(В отношении внешнего противоречия следует сказать, что оно как случайное не имеет характера необходимости, но может быть рефлексировано субстанцией и оказать, тем самым, влияние на развитие и разрешение внутреннего противоречия, которое, тем не менее, при всех обстоятельствах остаётся основанием необходимости).

Реализация необходимости осуществляется, в свою очередь, опреде-

[1] *Гегель Г.* Наука логики. - Т. 2. С. 187.
[2] Там же.

лённой последовательностью, алгоритмом разрешения движущего противоречия. Эта последовательность, алгоритм есть закономерность.

13.3.2. Закономерность

Закономерность как способ субстанционального движения, т.о., полностью определяется характером внутренней противоречивости субстанции.

Закономерность как алгоритм реализации необходимости относительно независима от неё, но одновременно и определяется необходимостью, ограничивается ею через форму возникновения и разрешения внутреннего противоречия. Закономерность существует внутри необходимости, а не рядом с нею.

Как видим, закономерность как закон субстанционального движения всецело определяется формой внутреннего противоречия и потому, так же, как и противоречие, в каждой форме движения субстанции реализуется в форме особенного и единичного.

Т.о. *закономерность можно определить как способ осуществления (актуализации) необходимости в соответствии с формой развития и разрешения внутреннего субстанционального противоречия.* Закономерность – путь необходимости, логика, алгоритм её воплощения. Закономерность объективна, как объективно определяющее его противоречие. Закономерность есть выражение сущности субстанциональных процессов как законов, детерминирующих их возникновение и развитие.

Данный взгляд расходится с трактовкой закономерности уже цитированными изданиями: «Закономерность общественная – объективно существующая, необходимая, существенная, повторяющаяся связь явлений обществ, жизни, выражающая поступательное развитие истории»[1]; «Закономерности – относительно устойчивые и регулярные взаимосвязи между явлениями и объектами реальности, обнаруживающиеся в процессах изменения и развития… Различают закономерности эмпирические и теоретические. Первые представляют собой непосредственное обобщение опытных фактов, вторые характеризуют более глубокое проникновение в основания исследуемых процессов, и их теоретическое воспроизведение опирается на систему понятий высокой степени общности.».[2]

Первое издание вообще не даёт толкования категории «закономерность» самой по себе, но только применительно к общественным явлениям, тем самым полностью субъективизируя её, делая достоянием исключительно человека. Закономерностей природы вне человеческого общества, т.о., как бы и не существует.

Второе издание, формально признавая закономерность объективной категорией, во-первых, даёт сугубо внешнее описание, совершенно не раскрывающее сущности этой категории и, во-вторых, в конце концов, также субъективизирует её, делая зависимой от представлений человека.

Надо ли говорить об абстрактности и неполноте этих определений категории закономерности.

---

[1] Философская энциклопедия. - Т. 2. С. 153.

[2] Новая философская энциклопедия. - Т. 2. С. 38.

Поскольку развитие и разрешение противоречия зависят, как было ранее выяснено, как от внутренних условий соотношения противоположностей, так и от внешних факторов, определяемых внешними противоречиями, то эти условия, в свою очередь, определяют вероятность той или иной формы развития противоречия и, следовательно, влияют на форму реализации закономерности. Это влияние внутренних и внешних факторов и есть основание случайности, как условия реализации закономерности.

(В отношении человека следует отметить, что он сам *создаёт* новые закономерности, изменяя и приспосабливая законы природы к своим потребностям и т.о. *очеловечивая* эти законы изменением их формы).

13.3.3. Случайность

Противоречие – это основание саморазвития – порождает не только необходимость как всеобщность, обязательность, императивность, тотальность движения, но и случайность как следствие существования конкретных форм противоречия, постоянного изменения условий его развития, влияющее на форму осуществления закономерности.

Случайность есть результат влияния внешних противоречий, либо внутренних условий субстанционального движения на характер реализации закономерности этого движения и тем самым столь же объективна, как и определяющие её внутренние и внешние противоречия. Постоянно изменяющиеся условия (как внутренние, так и внешние) развития и разрешения противоречий вызывают к жизни случайность как отклонение от нормы, попытку нарушения закономерности, субстанционального закона, выхода за пределы «дозволенного». Т.о. случайность выводит необходимость из состояния жёсткой, однозначной предопределённости и предоставляет ей набор вариантов её осуществления, создавая определённый коридор возможностей и придавая тем самым движению субстанции гибкость и многозначность. Случайность дополняет и расширяет императивность необходимости вариативностью.

Поскольку закономерность реализуется в некоем коридоре возможностей, определяемых необходимостью и корректируемых случайностью, то конкретный результат разрешения противоречия зависит от стечения конкретных же обстоятельств и, т.о., является относительно случайным.

Влияние случайности деформирует действие закономерности, вызывая к жизни новые формы её проявления. Действие принципа детерминации частного целым корректирует либо величину случайного отклонения (в случае внутренней причины случайного), либо жизнеспособность получившегося результата (в случае внешней причины случайности). Если отклонение, либо результат, реальностью принимается, то новые формы актуализируются, становятся действительностью, возникают новые субстанциональные формы и новые возможности развития. Такой механизм действия случайности делает её необходимой процедурой в развитии как возникновении новых субстанциональных форм.

Т.о. *случайность как форма осуществления закономерности необходима*. Именно наличие случайности во многом порождает все те беско-

нечные формы субстанций, которые наблюдаются в бытии. Абсолютность же необходимости состоит в том, что движение субстанций, смена их форм возникают снова и снова – субстанциональность и движение неуничтожимы. В этом постоянно возобновляющемся движении случайность, возникающая необходимо в каждом конкретном случае, имеет своим итогом, результатом становление некоторой, уже конкретной (единичной) необходимости.[1] Но результат необходимости в своём становлении, тем самым, так же случаен, как и необходима случайность. Таковая случайность результата действия необходимости есть, в конечном итоге, следствие действия самой необходимости как тотальности.

В этом диалектическом переливе друг в друга и сосуществуют необходимость и случайность, но каждая в своём своеобразном проявлении – необходимость развития есть интенция противоречия, которое также детерминирует случайность как конкретную форму влияния на закономерность внутренних и внешних факторов. Случайность снимается в закономерности особенного и единичного и потому необходимость предстаёт в итоге как превращённая форма, как действительность, перешедшая в возможность и, далее, в новую действительность как реализованная случайность. Однако, как детерминирующая тотальность необходимость в своей абсолютности всеобща, случайность же в своей подчинённости, относительности, особенна и единична.

Можно сказать, что принципы (законы) диалектического развития необходимы, формы же их осуществления случайны, вернее, необходимо-случайны. Противоречия и их разрешение необходимы, развитие противоречий и форма их разрешения случайны, вернее, необходимо-случайны.

Хотя необходимость, закономерность и случайность соотносительные категории, но далеко не равноправные. Необходимость охватывает закономерность и случайность, доминирует над ними, последние дополняют необходимость и есть путь к её завершению в действительности. Необходимость абсолютна и самодовлеюща, закономерность и случайность относительны. Необходимость представлена во всех формах движения субстанции в одной всеобщей форме как обязательность движения. Закономерность и случайность, зависящие от формы противоречия, в каждой форме движения субстанции предстают в индивидуальной форме как особенное и единичное.

Т.о. *случайность есть проявление влияния внутренних, либо внешних условий субстанционального движения на характер осуществления закономерности этого движения, она есть источник вариативности необходимости, создающая коридор возможностей, в результате чего итогом взаимодействия необходимости, закономерности и случайности стано-*

[1] «…Абсолютная необходимость — это истина, в которую возвращаются действительность и возможность вообще» (*Гегель Г.* Наука логики. - Т. 2. С. 200).

Т.е. это осуществлённая необходимость, вернее, необходимость, которая вкупе с закономерностью и случайностью влечёт действительность к осуществлению возможности и, т.о., к новой действительности.

вится всё многообразие форм действительности.[1]

Такое определение случайности не противоречит абстрактному гегелевскому определению[2] и конкретизирует его, связывая с необходимостью и закономерностью. Спиноза же вообще не допускает возможным существование случайности: «В природе вещей нет ничего случайного, но все определено к существованию и действию по известному образу из необходимости божественной природы».[3]

Необходимость определяется внутренним противоречием. Случайность, формирующая границы необходимости, – внутренним и внешним противоречиями. Но в целом необходимость и случайность есть разные формы проявления одного и того же – противоречивости как принципа саморазвития. Необходимость проявляется как всеобщее, объемлющее все формы движения субстанции – как обязательность, императивность движения. Случайность проявляется как особенное и единичное, определяемые формами развития противоречий – как возможные варианты осуществления закономерности. Как таковые необходимость и случайность представляют собой превращённые формы, в которых развивается противоречие, они одновременно и отрицающие, и дополняющие друг друга неразрывные категории, диалектическое единство. Необходимость и случайность отождествляются в конкретных формах уже реализованного движения.

Обращаясь к закономерности можно сказать, что необходимость детерминирует существование закона движения субстанции, закономерности, как общего условия развития. Случайность определяет условия осуществления закономерности, формы её воплощения в особенном и единичном.

Мы снова резко разошлись с энциклопедиями теперь уже в определении случайности.

«Случайность – тип связи, определяемый внешними, побочными для данного явления, процесса, причинами. Случайные связи характеризуются неустойчивым, временным характером, относит. безразличием к форме своего проявления, неопределённостью возникновения в пространстве и

---

[1] Иллюстрацией соотношения необходимости, закономерности и случайности может служить, в некотором роде, метафора движения предмета, плывущего в реке. Сама река в целом (берега и течение как таковое) есть необходимость. Течение, характеризуемое направлением, скоростью и иными факторами, есть закономерность. Представлением о случайности могут служить: завихрение струй воды (внутренние противоречия) и посторонние влияния (внешние противоречия) – ветер, острова, другие плывущие предметы и т.п. Какие бы факторы ни воздействовали на предмет, он *закономерно* будет перемещаться по течению, *случайно* то задерживаясь, то ускоряясь, то перемещаясь в сторону, однако, совершенно *необходимо* следуя течению реки, ограниченному берегами.

[2] «…Единство возможности и действительности есть *случайность.* — Случайное — это нечто действительное, определённое в то же время лишь как возможное, иное которого или противоположность которого также *есть»* (*Гегель Г.* Наука логики. - Т. 2. С. 191).

[3] *Спиноза Б.* Избранные произведения. - Т. 1. С. 387.

времени».[1]

Здесь случайность есть следствие только внешнего воздействия, стало быть, всё, что развивается согласно внутренним противоречиям, развивается без участия случайности и абсолютно детерминировано, инвариантно. Другой стороной этого утверждения является вывод, что противоположности как стороны противоречия неизменны, стабильны, устойчивы, тем самым косвенно утверждается стабильность противоречия и его абсолютная предопределённость при отсутствии внешнего воздействия. Но противоречие, стороны которого не изменяются, не может быть источником движения, т.к. внутренней потенцией не обладает.

«Случайность – философская категория, выражающая один из предельных видов (классов) взаимосвязей и взаимоотношений в мире, характеризующийся отсутствием прямых закономерных связей в поведении и функционировании объектов и систем. В основе случайности лежат представления о независимости, что ведёт к непредсказуемости соответствующих явлений и процессов. Другим предельным видом взаимосвязей в мире выступает необходимость».[2]

Т.е. случайность, с одной стороны, есть отсутствие закономерности – а это тавтология, пустое выражение, не более того. С другой стороны, случайность идентична независимости, т.е. никак и ничем не определяется, ни от чего не зависит, что противоречит первой фразе о том, что случайность это «один из… видов взаимосвязей». В итоге имеем не только бессодержательное, но и отягощённое внутренним противоречием утверждение.

Мы вплотную подошли к рассмотрению категории, соотносимой в философской литературе с категориями необходимости и случайности.

13.3.4. Свобода

Случайность, как мы выяснили, детерминирует определённый коридор возможностей необходимости, что, в свою очередь, предполагает вариативность закономерности – вероятность реализации какого-то одного из многих вариантов осуществления закономерности. Эта вариативность как относительная самостоятельность воплощения закономерности и есть *свобода* как возможность реализации любого из вариантов закономерности, определяемого случайностью.

Необходимость, действующая в коридоре возможности, не только создаёт для свободы возможность реализации случайности, но и вызывает к жизни иную, отрицающую, сторону свободы, не-свободу, постоянно воспроизводит диалектическое противоречие между ними. Но эта не-свобода не есть сама необходимость, которая абсолютна, не-свобода – это иная, отрицающая, сторона свободы, столь же относительная, как и свобода. Не-свобода для всех субстанциональных состояний есть не что иное, как невозможность выхода за очерченные необходимостью границы, детерминированность границ развития. Необходимость есть обязательность

[1] Философская энциклопедия. - Т. 5. С. 33.
[2] Новая философская энциклопедия. - Т. 3. С. 569.

движения, не-свобода – это ограничение вариантов уже предопределённого движения. Противоположность свободы и не-свободы снимается в осуществлении закономерности.

Случайность содержит весь спектр возможностей, свобода же реализует какую-то единичную возможность. Т.е. случайность содержит свободу в потенции, в себе. Можно сказать, что свобода – это превращённая форма случайности. Реализованная свобода (осуществлённая в единичной случайности) исчерпывает себя и сливается со случайностью в конкретной возможности – актуализированная случайность есть истина свободы.

Т.о. *свобода – это процесс актуализации возможности, детерминируемый случайностью: реализация некой единичной возможности из всего спектра возможностей; процесс, определяемый случайностью в рамках необходимости в соответствии с закономерностью.* Категория свободы столь же объективна, как и категории случайности, необходимости и закономерности.[1]

На взаимосвязь необходимости, случайности и свободы указывал Гегель – «Необходимость становится *свободой* не оттого, что она исчезает, а оттого только, что лишь её внутреннее ещё тождество *обнаруживает себя*, и это обнаружение себя есть тождественное движение различённого внутрь себя самого, рефлексия в себя видимости как видимости. …*Случайность* благодаря этому становится *свободой*, так как стороны необходимости (бытие и видимость, действительность и возможность. Прим. наше. – А.П.)… теперь *положены как тождество* (т.е. как действительность, уже реализованная из возможности. Прим. наше. – А.П.)».[2]

С учётом гегелевской трактовки можно сказать, что свобода есть процесс движения необходимости и случайности к их тождественности, в котором (процессе) необходимость и случайность опосредствованы закономерностью.

Несколько иную трактовку свободы находим у Спинозы – «*Свободной* называется такая вещь, которая существует по одной только необходимости своей собственной природы и определяется к действию только сама собой».[3] Свобода Спинозы – в действовании в пределах необходимости исходя из внутренней природы вещи, иными словами – сущности. Казалось бы, верно, но далее следует – «*Необходимой* же или, лучше сказать, *принуждённой* называется такая, которая чем-либо иным определяется к существованию и действию по известному и определённому образу». Противоречивость этого определения рассмотрена ранее, можно только добавить, что такая *внешняя* необходимость («чем-либо иным определяется») не может определять действие вещи исходя из её, вещи, «собственной природы» – налицо два исключающих друг друга определения.

Свобода в очерченных необходимостью и случайностью границах

---

[1] Можно сказать, что случайность – это неосознанная необходимость, дополнение свободы, а не антитеза ей. Свобода – форма, способ реализации случайности.

[2] *Гегель Г.* Наука логики. - Т. 2. С. 224.

[3] *Спиноза Б.* Избранные произведения. - Т. 1. С. 361.

проявляется по-разному в различных формах субстанционального движения.

В сфере косной, неживой субстанции противоречие проявляется «как количественно-качественные соотношения взаимодействующих материальных (по видимости) объектов» т.е. всецело есть результат взаимодействия объектов, во многом случайного. Здесь возможны два варианта – во-первых, взаимодействие подчинено какой-то ранее возникшей закономерности, и, во-вторых, взаимодействие полностью случайно. В первом случае отсутствует интенция изменения закономерности – последняя всецело определена предшествующим движением, в котором идеальное следует за материальным, а потому их противоречивость не имеет *внутренней* интенции к изменению. Как следствие, закономерность действует как необходимость и свобода полностью ограничена последней, тождественна ей. Во втором случае в этой абсолютной, ничем не управляемой случайности свобода ничем не ограничивается и не определяется, она полностью совпадает со случайностью, тождественна ей, может быть реализован любой из вариантов возможности. Т.о. *свобода косной, неживой субстанции совпадает либо с императивной необходимостью, либо с чистой случайностью.*

В сфере живой субстанции, где противоречие проявляется в форме противоположности материального и идеального как отражения внешнего мира органом отражения, субстанция может действовать в соответствии с рефлексией внешнего ей окружения – опосредствованного внешнего (что далеко не равнозначно непосредственному взаимодействию с внешними объектами). Другими словами, из всего спектра случайностей субстанция имеет возможность так реагировать на опосредствованное представление внешнего окружения, т.е. *выбирать* те возможности, которые наилучшим образом способствуют её существованию (выживаемости и репродуктивности). Т.о. из всего спектра возможностей живая субстанция выбирает для реализации ограниченный набор возможностей, и свобода выбора осуществляется уже в нём. Орган отражения является своеобразным инструментом отбора возможностей, ситом случайности. *Свобода живой субстанции – в ограничении всего спектра случайного и последующем выборе возможности, определяемой с помощью органа отражения в соответствии с наличными условиями.*

Мыслящая субстанция в своей наиболее совершенной, идеальной форме способна обладать истиной как пониманием сущности происходящих процессов, которая предстаёт в форме познания необходимости, закономерности и случайности в их взаимосвязи.

Свобода мыслящей субстанции – в действовании в соответствии с познанными необходимостью, закономерностью и случайностью.[1] Недостаточно познать необходимость как неотвратимость движения, изменения, надо понять его сущность как закономерность во всех случайных

[1] Именно познанными, т.е. представленными в истинных понятиях, а не просто осознанными. Осознание реальности только часть дела, надо её познать, чтобы действовать с открытыми глазами разума.

проявлениях этой закономерности. Только тогда можно быть истинно свободным в действии. Такое действие есть переход к качественно новому способу развития – управляемому, а значит свободному развитию. Мыслящая субстанция, действуя в соответствии с познанной истиной, становится истинно свободной. Противоречие разрешается выходом на высший уровень развития.[1]

Человек, отказываясь от познания истины как единства необходимости, закономерности и случайности и императивного следования ей, погружает себя в хаос случайности, становится игрушкой неизвестных ему сил, вместо обретения свободы разума попадает в рабство случаю, что в условиях разрастающейся и неизмеримо усложняющейся искусственной природы может привести к катастрофическим последствиям.

Как видим, только мыслящая субстанция потенциально способна *управлять* собственным развитием, избавив себя от мучительных и бесплодных метаний от случайности к случайности, что чревато не только потрясениями, но и гибелью.

Можно ли, познав необходимость, действовать вопреки ей, а значит абсолютно «свободно»? Можно, но только в отведённых необходимостью границах, т.е. в обнимку со случайностью. Вас устраивает этот суррогат свободы – псевдосвобода, свобода слепца в ночи? Ради бога, радуйтесь ей, наслаждайтесь ею, купайтесь в ней, но в итоге, после всех развлечений со случайностью вы окажетесь там, где и должны быть – в пункте, назначенном необходимостью. А там обнаружится, что «несвободные», те, которые шли к цели напрямую, по пути, освещённому познанной необходимостью, уже далеко впереди – догоняй, «свободный» индивид…

Границы возможностей развития человека как общности и как личности, детерминируемые необходимостью и случайностью, по сути, не очерчены до сих пор, поскольку коридор возможностей для развития мыслящей субстанции, человека, чрезвычайно широк и, действуя осознанно (а именно – познав истину как единство необходимости, закономерности и случайности) в безграничном пространстве бытия, человек становится абсолютно свободным. Вот где ключ к пониманию глубочайшей мысли Маркса, что действительность должна быть взята «как *человеческая чувственная деятельность, практика*»[2], т.е. субъективно. *Субъектность* человека как субстанции должна быть дополнена *субъективностью*, т.е. *осознанной деятельностью в соответствии с познанной необходимостью*. Идеальное как истинно познанное материальное должно полностью определять практику человека, в которой материализуется это идеальное. Только такое идеальное, неразрывное с материальным, становится ведущей, определяющей, доминирующей стороной противоречия с

[1] «Так, например, если мы рассматриваем понятие свободы как абстрактную противоположность необходимости, то это только рассудочное понятие свободы; истинное же и разумное понятие свободы содержит внутри себя необходимость как снятую» (*Гегель Г.* Энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1974. Т. 1. С. 368).

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 3. С. 1.

материальным. Только теперь человек может подняться над бытием в случайности, занять своё родовое (по Марксу) место, в противном случае он будет, как это до сих пор имеет место, игрушкой случайности, что для него равнозначно не-свободе.

И пусть неимоверно тяжек путь из рабства случайности к свободе необходимости, тем не менее – только вперёд, к истине и свободе, иначе – гибель…

По сложившейся традиции обратимся к энциклопедиям.

«Свобода – осознанная необходимость и действия человека в соответствии со своими знаниями, возможность и способность выбора в своих действиях. На познании и использовании объективных законов покоится и свобода людей по отношению к природе, возрастающая по мере научного и технического прогресса. Проблема свободы традиционно сводилась к вопросу, обладает ли человек свободой воли».[1]

Здесь свобода вначале трактуется как осознанная необходимость, а этого, во-первых, как уже было сказано, явно недостаточно, необходимость надо познать, т.е. понять сущность явлений, императивность законов действительности, чтобы действовать свободно, и, во-вторых, свобода идентифицируется с необходимостью, т.е. с предписанием, ограничением – с не-свободой, а это уже формальное противоречие. И хотя затем следует правильное понимание свободы как *действий* человека в соответствии с познанными законами природы («со своими знаниями»), в итоге свобода сводится к свободе воли, объективность бытия снова полностью растворена в субъективности его представления. К тому же свобода воли в приведённой трактовке («обладает ли человек свободой воли») имплицитно противопоставлена ранее заявленной осознанной необходимости – свобода и необходимость снова разведены на несовместные полюсы.

«Свобода – одна из основополагающих для европейской культуры идей, отражающая такое отношение субъекта к своим актам, при котором он является их определяющей причиной и они, стало быть, непосредственно не обусловлены природными, социальными, межличностно-коммуникативными, индивидуально-внутренними или индивидуально-родовыми факторами».[2]

Здесь категория свободы изначально представлена как абсолютно субъективная, полностью определяемая способностями и волей человека, нет даже попытки указать на объективные источники свободы. Надо ли говорить об ограниченности, не сказать примитивности, такого понимания свободы.

13.4. Телеологичность

С познанием необходимости и обретением свободы человек одновременно приобретает способность в явном виде ставить перед собой цель. Значит ли это, что телеологичность есть исключительное качество чело-

[1] Философская энциклопедия. - Т. 4. С. 559.
[2] Новая философская энциклопедия. - Т. 3. С. 501.

века, причём только человека, достигшего истины?

Как мы видели, необходимость, по сути, есть предопределение процесса движения любого противоречия его внутренними особенностями в направлении закономерности и в коридоре случайности, ограниченного необходимостью же.

Тем самым взаимосвязь необходимости, закономерности и случайности как рефлексия противоречия имманентно содержит не только указание на обязательность и потенциальную направленность движения, но и на возможные формы его реализации через случайность. Вернее сказать, что указанная взаимосвязь содержит не указание, а самим фактом своего возникновения из противоречия *создаёт* интенцию движения к результату, который определяется этой взаимосвязью как некий набор возможностей и который (результат) реализуется как одна из них. Общность этих факторов предопределяет, т.о., результат в самом общем виде как весь набор потенциальных возможностей, из которых в действительности реализуется только одна.

Эта *имманентно содержащаяся в противоречии в скрытом виде, в себе, потенция как некая предопределённость и есть телеологичность*.[1] Телеологичность внутренне диалектична – всеобща как движение в направлении, определяемом необходимостью, но особенна и единична как актуализация случайности в пределах необходимости, точнее, как реализация закономерности, направляемой случайностью. Телеологичность ещё не-свободна в случайности, здесь она в себе, но полностью освобождается, когда реализуется в осуществлённой возможности и становится для себя. В телеологичности, ставшей для себя, т.е. вернувшейся в себя, причина действующая (становящееся и разрешающееся противоречие) совпадает, отождествляется с причиной целевой (разрешённое противоречие). Так понимаемая *телеологичность актуальна – она не существует без и вне противоречия*, в отсутствие внутреннего движущего противоречия бессмысленно говорить о телеологичности.

Как такая незримо присутствующая обязательность, интенция, телеологичность налична во *всех* движущих (внутренних) противоречиях и, т.о., является постоянно присутствующим фактором во *всех* формах субстанционального движения. Можно сказать, что телеологичность есть своё иное противоречия, обратное ему. С возникновением противоречия возникает и телеологичность, но противоречие явно, а телеологичность скрыто, в себе. По мере развития противоречия телеологичность начинает

[1] Глубоко мыслящие учёные-естественники прекрасно видят эту интенциональную глубинную особенность мира. Повторим уже приводившиеся ранее слова академика Н.Н. Моисеева: «Можно говорить о “целях” системы, какой бы природы она ни была. В неживых системах это стабильность и развитие, то есть непрерывное усложнение организационной структуры и многообразия элементов. В системах, принадлежащих миру живого, цель элемента — стабильность, которую принято называть гомеостазом. В системах общественной природы возникает целый спектр целей» (*Моисеев Н.Н.* Универсум. Информация. Общество. С. 34).

проявляться в форме некой возможности, как видимость возможного результата. С разрешением и, т.о., исчезновением противоречия, становлением нового качества, переходом субстанции в новое состояние телеологичность становится уже для себя, явно, как реализованная возможность.

Ретроспективный диалектический взгляд совершенно ясно увидит в исходном противоречии телеологичность как один из возможных результатов, который по мере развития противоречия становится всё более вероятным и, в итоге, в разрешении противоречия, достоверным. (Отсюда и берёт исток постоянно довлеющая над сознанием (тем сознанием, которое определялось Кантом и другими как рассудок в отличие от разума) мысль о наличии кого-то (чего-то) надо всем мирозданием как некоего направляющего и управляющего одухотворённого начала, что и служит поводом для возникновения разного рода фидеистских спекуляций). Так что же мешает сделать это в самом начале? Во-первых, объективный момент – недостаточность знания. Во-вторых, субъективный момент – неразвитость и робость мышления, которое, в свою очередь, неотделимо от практики, неумение выявить доминирующие тенденции и учесть неопределённость, связанную с влиянием случайности. Две стороны отражения (мышление и практика), взаимно определяя друг друга, с ростом знания и развития форм его воплощения в материальном мире всё более приближают человека к пониманию того факта, что телеологичность в деятельности человека не только может, но и должна стать основой его развития. В человеке телеологичность природы потенциально способна достичь абсолюта, т.е. отождествиться с необходимостью, закономерностью и случайностью – субстанциональное развитие становится управляемым и направляемым.

Признавая внутреннее противоречие основанием и истоком телеологичности, тем не менее, нельзя не учитывать влияния *внешнего* противоречия на характер телеологичности. Как мы говорили внешнее противоречие оказывает деформирующее действие на все стадии развития внутреннего противоречия. Но если направление развития внутреннего противоречия определяется соотношением сторон противоречия, которые имманентны субстанции и как таковые потенциально могут быть определены и учтены, то внешнее противодействие с точки зрения внутренней рефлексии полностью случайно, непрогнозируемо изменчиво и как таковое не может быть учтено во всей полноте. По этой причине внешнее воздействие имеет характер случайности со всеми вытекающими из этого обстоятельства последствиями.

Заканчивая рассуждения о телеологичности зададимся вопросом – объективна или субъективна цель, ставящаяся человеком?

Совершенно ясно, что это зависит от того, насколько точно соответствует цель той объективной действительности, в которой действует человек, её условиям, характеру противоречивых процессов, закономерностям их протекания, влиянию внешних условий и т.п. Цель, поставленная без исследования всех этих факторов, будет не просто субъективной, она будет волюнтаристской. Чем более точно и глубоко учтены и исследованы все обстоятельства реальности, чем глубже поняты необходимость,

закономерность и случайность, тем более объективный характер приобретают субъективные устремления человека, которые потенциально способны достичь в познании истины объективности действительности.

13.5. Абсолютное и относительное

Соотношение абсолютного и относительного – казалось бы, какая ещё тема может быть более абстрактной и далёкой от реальности, нежели эта. Но активная (не сказать – агрессивная) позиция сторонников позитивистской точки зрения, ссылающихся на авторитет А. Эйнштейна и его концепцию относительности, и утверждающих, что нет ничего абсолютного, но всё относительно, заставляет задуматься, а так ли эта проблема далека от повседневности, как на первый взгляд представляется.

Ведь, по сути, утверждается, что поскольку всё относительно, то и истина относительна и как таковая всегда сомнительна, а значит и достигнутое знание в принципе имманентно неистинно и субъективно. При этом сами позитивисты не замечают комичности положения, в которое себя поставили, утвердив *абсолют относительного* и тем самым показав, что абсолютное всё-таки существует, хотя бы и в такой извращённой форме.

Обратимся в поисках ответа на заданный вопрос к солидным источникам.

«АБСОЛЮТНЫЙ - 1) Безусловный, неограниченный, безотносительный. 2) Совершенный, полный».[1]

«АБСОЛЮТНОЕ И ОТНОСИТЕЛЬНОЕ - философские категории; абсолютное — безусловное, само по себе сущее, вечное, всеобщее; относительное — условное, преходящее, временное. Абсолютное в древнегреческой философии определяется как сторона совершенства, завершенности, самодостаточности сущего и выражалось в понятиях «по природе», «в чистом виде», «само по себе»; относительное выступает как нечто, зависящее от другого или относящееся к другому.

…Термин «абсолютный» нередко используется для обозначения предмета, который определяется через его внутреннее содержание. Соответственно относительным называют предмет, определяемый через отношение к другому предмету. Относительным также называют предмет, определяемый через свое внутреннее содержание, но обнаруживающий его не во всех, а лишь в некоторых отношениях с другими предметами. В свою очередь абсолютный — это предмет, проявляющий внутреннее содержание во всех таких отношениях».[2]

«АБСОЛЮТНОЕ И ОТНОСИТЕЛЬНОЕ категории материалистич. диалектики. Абсолютное безусловное, само по себе сущее, несотворимое, вечное, всеобщее *(в этом смысле абсолютна материя)*. Относительное *(релятивное)* — условное, зависящее от тех или иных условий и, следовательно, преходящее, временное. Понятия А. и *о*. первоначально толковались как выражение единства и противоположности мира видимых пре-

[1] Философская энциклопедия. – Т. 1. С. 12.
[2] Новая философская энциклопедия. – Т. 1. С. 14.

ходящих явлений и его скрытой непреходящей основы…

С точки зрения материалистич. диалектики противоположность А. и *о.* не исключает, а предполагает их единство. С одной стороны, абсолютное включает в себя момент относительности, реализуется в относительном и через относительное. Формой этой реализации выступает бесконечное как выражение неисчерпаемости абсолютного. Диалектич. анализ абсолютного вскрывает относит, моменты в его структуре, обнаруживает абсолютное как полноту и завершённость суммы относит, моментов и тем самым характеризует данное абсолютное как относительно абсолютное. Так, абсолютность материи реально раскрывается посредством бесконечности её преходящих, относит, форм существования. С *др.* стороны, в относительном *(релятивном)* есть абсолютное как момент самостоятельности и как сторона перехода, движения к безусловному, непреложному».[1]

«АБСОЛЮТНОЕ И ОТНОСИТЕЛЬНОЕ (лат. absolutus - отделенное, отпущенное и лат. relativus - отнесенное в то или иное место) - противоположные по смыслу и сопряженные философские категории. А. - безусловное, независимое, безотносительное, самостоятельное, непреложное, само по себе сущее, несотворимое, вечное, всеобщее. О. (релятивное) - временное, зависящее от тех или иных условий и обстоятельств и, следовательно, изменчивое; обусловливаемое системой отсчета и оценок, а потому несовершенное и преходящее, характеризует явление в его отношениях и связях с другими явлениями и в зависимости от них. А. и О. выражают в своей взаимосвязи меру проявления безусловного в условном, вечного во временном, совершенного в несовершенном, субстанции в акциденциях и т.д.…

В философии Нового времени (в особенности в немецкой классической традиции) выделялись различные аспекты А. и О., которые раскрывались в системе понятий «в себе», «для другого», «для себя», «само по себе» и т.п. В системе категорий материалистической диалектики постулировалось, что движущаяся материя в целом ничем не обусловлена и не ограничена, вечна и неисчерпаема, т.е. абсолютна. Бесчисленные виды и состояния материи, конкретные формы ее движения, бесконечно сменяющие друг друга, временны, конечны, преходящи, относительны. Каждая вещь относительна, но она частица целого и в этом смысле содержит в себе элемент А.; то, что в одной связи относительно, в другой абсолютно и т.д. В современной философии при истолковании А. как достигнутого чистого совершенства и уже реализованной бесконечности оно описывается как самодовлеющая, самозаконная (автономная), трансцендентная, непостижимая, вечная, ничем не ограничиваемая и сама себе непосредственно создавшая место сущность, всецело противоположная миру отношений (например, А. пространство). Соответственно, мир отношений и человеческое познание оказываются лишенными моментов А. и описываются в духе релятивизма. Если же А. задается как потенциальная бесконечность, то оно мыслится как проект будущего - идеал полноты и со-

[1] Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983.

вершенства, его контуры постепенно проявляются и складываются через неисчерпаемое множество отношений вещей и процессов. Концепция А. как самодовлеющей и свободной сущности логически противоречива: изоляция есть форма несвободы, а действенность А. предполагает его открытость иному бытию и погружение в мир отношений. А. может постулироваться либо как «целое», создающее свои части (отношения) и не сводящееся к их сумме, либо, наоборот, как нечто, образуемое суммой относительных форм существования за бесконечно долгое время».[1]

Резюмируя приведённые определения можно сказать, что абсолютное:

- это неограниченное, полное, завершённое, всеобщее;
- определяется только своим внутренним содержанием, самим собой, не через иное;
- неразрывно с относительным, содержит его в себе;
- но есть и иная точка зрения – абсолютное трансцендентно и противоположно миру отношений. Тем самым полностью разрывается связь между абсолютным и относительным или, другими словами, между целым и частями, между всеобщим и особенным и единичным, в результате разрушается единство мира.

Относительное трактуется как:

- несовершенное, преходящее, временное;
- зависящее от условий;
- связанное с абсолютным и содержащееся в нём;
- есть и противоположное мнение, что относительное не имеет связи с абсолютным.

Как видим, разные источники не только не сходятся полностью в определении абсолютного и относительного, но и содержат противоречащие выводы.

Совершенно очевидно, что при рассмотрении феноменов абсолютного и относительного и их соотношения следует не рассматривать изолированно некоторые эмпирически выбранные стороны рассматриваемых категорий, а исходить из фундаментального основания, каковым может быть диалектический метод анализа.

Согласно же диалектическому подходу анализируемый объект и его иное всегда тождественны, т.е. нераздельны, одно не может существовать без другого. Стороны диалектического соотношения (противоречия) являются отрицанием по отношению друг к другу и эта отрицательность в итоге разрешается (снимается) становлением нового качества, нового субстанционального объекта в котором стороны прежнего противоречия представлены в снятом виде.

Стороны противоречия как взаимно отрицающие ограничены своим иным, т.е. каждая сторона ограничена другой, они определяются друг другом и в таком абстрактном рассмотрении, отвлечённом от конкретной формы и содержания сторон противоречия, представляют собой *относительности (относительное)*. Но стороны противоречия не есть нечто застывшее, неизменное, они, постоянно рефлексируя в себя одна другую,

[1] Новейший философский словарь. М.: 2009.

изменяются, движутся, развиваются, наполняются новым содержанием и, в конце концов, достигнув определённой напряжённости, снимаются в новом качестве, противоречие разрешается становлением нового субстанционального состояния.

В этом диалектическом движении относительное предстаёт внутри этого движения как разделённое, отрицающее, отрицательное, как особенное и единичное, как преходящее, временное. При этом относительное, представленное соотношением сторон противоречия, изменяется, движется вместе с ними и внутренне, и внешне. Внутренне, поскольку стороны противоречия во взаимном влиянии изменяются. Внешне, поскольку противоречие разрешается становлением нового качества и т.о. возникновением нового противоречия, имманентным новой относительностью.

Завершающий акт диалектического движения, снятие сторон противоречия, имеет результатом субстанциональное состояние, в котором также снята и относительность, имманентная исходному противоречию. Это новое состояние выступает по отношению к рассматриваемой относительности как её завершение. Стороны противоречия, соотношение которых представало ранее как относительное, отождествляются. В этот момент относительное, отрицательное переходит в своё инобытие – отождествлённое, объединённое, положительное, целое. Это новое качество есть *абсолютное*. Это абсолютное есть истина относительного, его понятие. Такое абсолютное содержит относительное внутри себя, но не в прежнем, а в снятом виде.

Т.о. *абсолютное как завершение относительного и выход за его границу есть в отношении относительного объединяющее, отождествляющее, предельное, ограничивающее, целое, общее.*

Относительное как таковое относительно не по отношению к абсолютному, а по своему месту в диалектическом процессе, внутри противоречия, отрицания, разделения, движения. По отношению к абсолютному относительное есть его источник, причина, момент движения к абсолютному.

Абсолютное по отношению к относительному есть его итог, завершение, истина. Абсолютное есть интенция относительного и его цель и потому телеологично в отношении относительного.

Абсолютное в каждый момент своего существования имманентно *содержит* относительное. Относительное, в свою очередь, имманентно *предполагает* абсолютное.

Разрешение противоречия имеет результатом становление нового субстанционального состояния, в котором исходное противоречие представлено в снятом виде. Но в силу диалектичности всего сущего это новое состояние уже в момент своего становления является внутренне противоречивым, причём возникшее противоречие не является копией прежнего противоречия – это новое противоречие, обогащённое прежними, снятыми отношениями.

В этом диалектическом процессе абсолютное, едва став таковым, оказывается источником нового относительного, в котором снято прежнее

относительное. Процесс продолжается – абсолютное переходит в другое абсолютное опосредствуясь относительным и, в свою очередь, относительное переходит в другое относительное опосредствуясь абсолютным. Пределом такого движения является субстанция как целое, природа в целом. Именно природа как всеобщее есть абсолютное абсолютного, т.е. истинно абсолютное.

Поэтому следует признать, что во *всех* формах субстанционального движения *всегда* наличествуют и относительное, и абсолютное. Относительное как внутренняя отрицательность, противоречивость, интенция движения. Абсолютное как этап движения, получающий некое завершение в форме разрешённого, снятого противоречия, как положительное, как достигнутая цель противоречия и одновременно как потенция нового противоречия, нового относительного.

Абсолютные моменты бесчисленных субстанциональных форм могут рассматриваться в отношении друг друга как относительные, оставаясь в то же время абсолютными по отношению к себе, независимыми, неограниченными. При этом независимость и неограниченность понимаются только как независимость и неограниченность их друг от друга, не более. Но истинно неограниченным и независимым является только всеобщность абсолютного природы.

Обращая взор к другим диалектическим категориям нетрудно увидеть совершенно явную их корреляцию с абсолютным и относительным. Так абсолютное соотносится с всеобщим (общим), целым, необходимостью, телеологичностью как уже реализованной целью. Относительное, в свою очередь, коррелирует с особенным (единичным), частью, случайностью, телеологичностью (но не как явной (для-себя), а как интенцией (в-себе)).

Очевидно, что, говоря об абсолютном и относительном, невозможно не затронуть вопроса о существовании знания в формах абсолютного и относительного.

Из вышеизложенного совершенно ясно видно, что знание в каждый свой момент и относительно, и абсолютно.

Знание относительно как момент движения, как отрицание достигнутого, как выявленная неполнота.

Знание абсолютно как некое наличное завершение, как положительный (снятый) итог (хотя бы и временный, преходящий), как, наконец, часть того абсолюта (пусть и недостижимого), каковым является полное, абсолютное знание природы (имеется ввиду только истинное знание, поскольку неистинное не может иметь абсолюта). Последнее есть полное знание и в этом статусе оно есть бесконечное, поскольку дальнейшего движения быть не может – предмет познания исчерпан.[1] Но внутри себя это полное знание содержит в снятом виде все свои бесчисленные отно-

[1] «Абсолютное знание есть истина всех способов сознания, потому что, как показало [описанное в «Феноменологии духа»] движение сознания, лишь в абсолютном знании полностью преодолевается разрыв между предметом и достоверностью самого себя, и истина стала равной этой достоверности, так же как и эта достоверность стала равной истине» (*Гегель Г.* Наука логики. - Т. 1. С. 102).

сительные моменты.

13.6. Конечное и бесконечное

Рассмотрим эту проблему с точки зрения принципа субстанционального монизма – представления субстанции как тождества своих материальной и идеальной сторон.

Поскольку материальное являет субстанцию с внешней стороны – со стороны формы, то материальное ограничивается самим собой же, своей непосредственностью и оформленностью – как таковое материальное *всегда* конечно.

Идеальная сторона субстанции *представлена* своей материальной стороной, опосредствуется ею и потому актуально ею также ограничена. Однако, это формальное ограничение, т.е. только со стороны *формы*, внешнего, видимости. Но внутри себя идеальное как выражение *сущности* субстанции, как закон её движения не ограничивается ни самим собой, ни, тем более, материальным. Со стороны сущности как закона движения субстанции, закона взаимодействия материального и идеального, развития их противоречивого единства, идеальное есть активная сторона субстанции, побуждающая её к движению, т.е. выходу материального за собственную актуальную границу. Тем самым идеальное выступает как *долженствование*, как потенция изменения субстанции – а значит как стремление к выходу за ограниченное материальной формой, конечное, преодолению его – как интенциональность к бесконечному. При этом материальное является *основанием* изменения, т.е. собственно тем, что выходит за свою границу, за конечное – к бесконечному. Соответственно и идеальное как тождественно связанное с материальным также выходит к бесконечному.

Т.о. конечное как материальная сторона субстанции под воздействием другого конечного же – идеального как активной стороны (долженствования) – изменяет своё наличное состояние, выходит за актуальную границу, за конечное – т.е. субстанция преодолевает своё актуальное конечное, чтобы тут же быть ограниченной новой формой материального (и, разумеется, новым идеальным, тождественным материальному), новой границей, новым конечным.

Конечное и бесконечное находятся в субстанции в диалектическом единстве, тождестве, взаимно определяют друг друга.

Конечность двух сторон субстанции – материального и идеального – в их диалектическом взаимодействии постоянно переходит в бесконечность, чтобы тут же ограничиться конечностью, которая снова преодолевается вследствие внутренней интенциональности субстанции к изменению, к выходу за собственную границу.

Во взаимодействии и взаимодвижении двух сторон субстанции – материального и идеального – происходит постоянный переход через актуальное конечное посредством долженствования как атрибута идеального к бесконечному, которое, диалектически связанное с конечным, тут же об-

ретает границу и преходит в конечное.

Следовательно, *истинное бесконечное есть не что иное, как процесс движения субстанции*, её саморазвитие – взаимодействие её материальной и идеальной сторон как постоянный переход конечного и бесконечного друг в друга, их тождество (неразрывность в различии), отрицание друг друга (установление границы) и постоянное снятие отрицания (отрицание отрицания – преодоление границы)[1].

Представляет интерес вопрос о соотношении конечного-бесконечного и всеобщего, особенного и единичного.

Рассмотрим определения всеобщего, особенного и единичного как они даны выше (глава 13.1. «Всеобщее, особенное, единичное»).

«*Всеобщее* – внутренняя тождественность субстанции, снимающая в себе все определённости (отрицательности, противоречия) и выступающая как результат движения субстанции.

…*Единичное* – внутренняя отрицательность субстанции, предстающая как иная, отрицающая сторона тождественности, побуждающая к изменению и возникновению новых форм субстанции.

…*Особенное* – отношение опосредствования между всеобщим и единичным, между тождественностью и отрицательностью».

Как следует из приведённых определений, всеобщность, снимающая в себе предыдущее движение и предыдущие субстанциональные формы, знаменует собой акт отрицания отрицания, т.е. выход за конечное к бесконечному.

Единичное, содержанием которой является внутренняя отрицательность и тем самым ограниченность (но одновременно и интенцию к изменению), характеризует собой конечность, а также одновременно и долженствование, потенцию к изменению, выходу за конечное.

Особенное представляет собой диалектическую связь конечного и бесконечного, их единство и взаимопереход, разрешение интенции (долженствования), её актуализацию и как итог – прехождение конечного и становление бесконечного, которое тут же переходит в конечное.

Т.о. не только материально-идеальная сущность субстанции, но и такие её атрибуты как всеобщность, единичность и особенность свидетельствуют, что *бесконечно только движение (саморазвитие) субстанции во всех её формах* при том, что её стороны – материальное и идеальное – конечны.

Бесконечность по определению Гегеля есть круг[2] – но не потому, что

---

[1] «…Оба, конечное и бесконечное, суть *движение*, состоящее в возвращении к себе через свое отрицание; они даны лишь как *опосредствование* внутри себя, и утвердительное обоих содержит отрицание обоих и есть отрицание отрицания». (*Гегель Г.* Наука логики. - Т. 1. С. 213).

«…Бесконечное, каково оно на самом деле, есть процесс, в котором оно низводит себя до того, чтобы быть лишь *одним* из своих определений, противостоять конечному и, значит, быть самому лишь одним из конечных, а затем снимает это своё отличие от себя самого для утверждения себя и есть через это опосредствование *истинно бесконечное*». (Там же. С. 214).

[2] «…Истинная же бесконечность, повёрнутая обратно к себе, имеет своим об-

движение в целом внешне представляет собой круг, т.е. замкнуто в самом себе, а потому, что в *каждом акте* выхода бесконечного за предел конечного и обратного снятия бесконечного в конечном осуществляется *обоюдная* рефлексия конечного в бесконечном и бесконечного в конечном (обоюдное снятие их в себе) и тем самым их круговращение в процессе саморазвития субстанции, т.е. бесконечное и конечное наличны в *каждом* акте движения субстанции как диалектически тождественные её стороны.

Отсюда – конечное и бесконечное одновременно и актуальны, наличны как моменты субстанционального движения, диалектически соотносящиеся друг с другом, и потенциальны, в-себе, в долженствовании как интенция к смене одного другим.

Применительно к реальности это означает, что если условия саморазвития субстанции требуют выхода за конечное, то это происходит с императивной необходимостью. Т.е. лишены смысла рассуждения о наличной бесконечности реальности как в отношении Вселенной в целом, так и в отношении предполагаемой бесконечной делимости частиц. Эти крайности, как отмечено выше, всегда одновременно и актуальны, и потенциальны – при наличии условий всегда происходит выход за пределы конечного к бесконечному, чтобы тут же возвратиться к конечному.

Говоря о конечном и бесконечном нельзя обойти вопроса о т.н. «дурной», в терминологии Гегеля, бесконечности.

«Дурная» бесконечность характеризует момент движения, выхода конечного к бесконечному, взятый изолированно от движения как *непрерывного диалектического процесса* (т.е. процесса, в котором стороны и различены, раздельны, и неразрывны, не существуют одна без другой), как момент этого движения. Т.о. «дурная» бесконечность есть часть истинно бесконечного, но как его момент, односторонность, т.е. абстрактно взятая бесконечность. Или бесконечность, не соотносящаяся диалектически с конечностью, но только отрицающая её, отталкивающаяся от неё. В «дурной» бесконечности конечное и бесконечное *не снимают* себя друг в друге и тем самым *не содержат в себе своё иное*, а механически сменяют друг друга, подвергая одно другого отрицанию, но не соотнесению с собой как своим иным и, тем самым, положительному снятию – отрицанию отрицания.

13.7. Дискретность и непрерывность

Диалектический процесс как становление, развитие и разрешение внутренних противоречий есть процесс постоянной саморефлексии субстанции и снятие этой саморефлексии в новом качественном состоянии. Саморефлексия предстаёт как отрицание наличного, установление с ним границы, отделение – т.е. как перерыв движения, приостановление его, разрыв – что внешне проявляется в форме *дискретизации* движения.

Но за отрицанием необходимо следует, в свою очередь, очередное от-

---

разом *круг*, достигшую себя линию, которая замкнута и всецело налична, не имея ни *начального пункта*, ни какого-либо *конца*». (Там же. С. 215).

рицание – отрицание отрицания – снятие первого отрицания в положительном, утвердительном, что проявляется как восстановление движения, продолжение – т.е. восстановление *непрерывности*.

Но за восстановлением непрерывности тут же следует новый акт дискретизации, чтобы снова смениться непрерывностью.

Т.о. непрерывность и дискретность тождественны, нераздельны – одно завершается в другом и в нём же начинается снова – одно существует только как отрицание и одновременно продолжение другого.

Дискретность характеризует субстанцию со стороны рефлексивности, самоотрицания – возникновения потенции к движению.

Непрерывность представляет тенденцию снятия отрицания (отрицания отрицания), его завершения в утверждении нового этапа движения, как следствие – реализацию возникшей потенции движения.

Своим внешним проявлением феномены дискретности и непрерывности демонстрируют внутреннюю диалектичность субстанции как тождества своих материальной и идеальной сторон, постоянно отрицающих друг друга и снимающих это отрицание в новом качестве в процессе непрерывного самодвижения.

Со стороны материального субстанция ограничена самой собой и потому конечна и дискретна. Именно материальной стороной субстанции определяется и демонстрируется её дискретность.

Идеальное есть представление процесса самодвижения субстанции, выражение её сущности, можно сказать, закона её самодвижения. Идеальное как закон самодвижения субстанции побуждает её к дальнейшему движению, выходу за актуальную границу, преодолению наличного состояния и потому характеризует субстанцию со стороны непрерывности как её имманентного (в-себе) качества. Субстанция со стороны идеального непрерывна и потому неограниченна.

Как следствие, каждая конкретная субстанция *актуально* ограничена, дискретна, но *потенциально* непрерывна и неограниченна.

С данной точки зрения Вселенная как субстанция, казалось бы, со стороны материального актуально ограничена в силу наличия феномена дискретности. Но одновременно её другая, идеальная, сторона есть представление бесконечного множества процессов самодвижения, имеющих материальным выражением бесконечное же множество субстанциональных форм. Отмеченная двойственность есть проявление диалектики общего, особенного и единичного, а также конечного и бесконечного. Именно бесконечное множество конечных и дискретных особенных и единичных субстанциональных форм, диалектически снятых во всеобщей форме, предстаёт в этой всеобщности в форме Вселенной со своей непрерывной и бесконечной стороны.

13.8. Причина и действие

Причина самодвижения субстанции находится внутри самой субстанции (Спиноза, Гегель) и эта причина заключается во внутренней противо-

речивости субстанции (Гегель). Другими словами, именно *внутреннее* противоречие между материальной и идеальной сторонами (моментами) субстанции и является постоянно действующей побудительной причиной субстанционального самодвижения. Следовательно, причина есть *имманентно необходимый* и потому *постоянно* присутствующий фактор субстанционального самодвижения. Т.о. причинность как принцип субстанционального движения имманентна *внутреннему* субстанциональному противоречию и потому, как следствие, всеобща, необходима, объективна, перманентна.

В существующей литературе *причине* противопоставляется *следствие* как необходимо вытекающее из причины событие. При этом и причина и следствие трактуются как некие *явления*, следующие одно за другим, т.е. рассматриваются сугубо с внешней стороны, без выявления внутренней необходимости того и другого и их столь же необходимой взаимозависимости. Однако, ограничение анализа обращением только к внешней стороне, к явлению, без исследования сущности процесса не даст истинного представления о нём.

Поскольку внутрисубстанциональное противоречие представляет собой непрекращающееся взаимодействие (движение) своих сторон, то ближайшим следствием причины, имманентной противоречию, будет изменение (развитие) противоречия, т.е. процесс развития противоречия, что в обобщённом виде можно представить как некое *действие*. Вернее, этот процесс предстаёт как *прехождение причины* и *становление действия*.

В свою очередь, действие имеет уже *своим* следствием изменение противоречия, т.е. изменение своей причины, и процесс предстаёт другой стороной – *прехождением действия* и *становлением изменённой причины*, которая порождает уже *своё* следствие в форме другого действия – эта взаимная рефлексия продолжается до разрешения противоречия и становления тем самым нового субстанционального состояния, также внутренне противоречивого, т.е. имманентного перманентной причинностью.[1]

Т.о. следствие является не событием, вызванным причиной, а только внешним указанием на факт некоторого изменения. Суть же рассматриваемого процесса заключается в том, что за причиной следует действие, которое вызывает к жизни новую причину и так далее[2]… В этом движении происходит постоянная смена активной стороны – причины и действия – которые находятся в непрерывном цикле прехождения и становления,

[1] «…Субстанция обладает *действительностью* лишь как причина… Ту действительность, которую субстанция имеет как причина, она имеет *лишь в своем действии.* – Это та *необходимость,* которая есть причина. …Действие — это иное причины» (*Гегель Г.* Наука логики. - Т. 2. С. 209).

[2] «…Действие не содержит вообще ничего, что не содержится в причине, и, наоборот, причина не содержит ничего, чего нет в её действии. Причина есть причина лишь постольку, поскольку она порождает действие; и причина – это только определение: иметь действие, а действие – это лишь определение: иметь причину» (Гегель Г. Наука логики. - Т. 2. С. 210).

насколько действие является следствием причины, настолько и причина является следствием действия – они возможны только в этом диалектическом процессе[1].

Выше мы показали, что причина как атрибут внутреннего противоречия *необходима*, но как же быть со *случайностью*?

До сих пор анализ соотношения причины и действия проводился применительно к *внутреннему* противоречию, но ведь существуют и *внешние* противоречия, которые имеют сущностно иной характер – это противоречия между разными субстанциями, разными сущностями[2]. Но если внутреннее субстанциональное противоречие как постоянно присутствующий и неустранимый фактор выражает собой категорию необходимости, то внешнее противоречие формируется непредсказуемым, т.е. *случайным* образом. И эта случайность детерминируется не только случайным же соотношением субстанций, внешних друг другу, но и тем фактом, что стороны внешнего противоречия не рефлексируют друг друга *непосредственно*, подобно сторонам внутреннего противоречия, но только *опосредованно*, пройдя сначала через рефлексию внутренним противоречием, что вносит дополнительный элемент случайности поскольку, как было определено ранее[3], данная рефлексия деформирует внутреннее противоречие и, соответственно, его развитие и форму разрешения и потому реакция субстанции на внешний раздражитель будет непредсказуемой.

Подведём итог проведённому анализу.

Причинность – субстанциональный принцип, согласно которому движение субстанции вызывается к жизни обстоятельствами внутреннего (необходимостью) или внешнего (случайностью) характера, которые заключаются: в первом случае – во внутренней противоречивости субстанции; во втором случае – во взаимодействии разных субстанций (внешняя противоречивость).

Противоречивость есть напряжённость субстанции (или соотношения субстанций, внешних друг другу), её потенция движения, готовность к действию. *Противоречивость выражает необходимость движения (действия) и в этой необходимости противоречивость обретает уже новую, превращённую форму – причину*.

Причина знаменует начало движения, действия, но не как абстрактная, отвлечённая причина, безразличная к виду и форме порождаемого ею действия, а как *конкретная* причина, детерминируемая *своим* противоречием с его сторонами, имеющими вполне конкретное содержание и потому такая причина выступает, если обратиться к аристотелевским определениям, и как действующая, и как материальная, и как формальная, и как

---

[1] «…Причина *не только угасает* в действии, а тем самым угасает и действие,… причина в *своем угасании*, в действии, вновь *возникает* и что *действие исчезает* в причине, но точно так же вновь *возникает* в ней. Каждое из этих определений *снимает себя в своем полагании* и *полагает себя в своем снятии*» (*Гегель Г.* Наука логики. - Т. 2. С. 217-218).

[2] См. главу «11. Противоречия».

[3] Там же.

целевая. Все названные атрибуты причины детерминированы исходным субстанциональным (или межсубстанциональным) противоречием, а именно – конкретным содержанием и соотношением сторон противоречия. Причина всеобща как принцип и особенна и единична как его конкретное воплощение. Именно их сущностное наполнение определяет направление, форму и результат действия причины.

В случае внутреннего противоречия перечисленные факторы детерминированы как необходимые и потому могут быть предопределены внешним наблюдателем. В случае внешнего противоречия причина формируется, а действие находится почти всецело в поле случайности и результат не предсказуем с достаточной степенью истинности.

14. Субстанциональный монизм и принципы диалектики

Проведенное исследование позволяет сформулировать принципы диалектики – и диалектики как способа развития объективной реальности, и диалектики как способа мышления о ней. Но прежде кратко повторим некоторые выводы предыдущего анализа.

Ещё Спиноза высказал исключительно важную мысль о *субстанциональном единстве* материального и идеального[1] (в терминах Спинозы, соответственно, протяжённость и мышление) – и это есть сугубо *диалектический* момент его идеи. Субстанция, согласно Спинозе, саморазвивается согласно внутренним причинам (это второй диалектический момент), которые он детально не описал, ограничившись указанием на влияние бога-природы.

Следует сказать совершенно недвусмысленно, что возможен либо спинозизм – монизм – либо дуализм всех мастей, провозглашающий приоритет одной из сторон реальности, и материалистический, и идеалистический – вырождающийся, в конце концов, в первом случае, в слепое преклонение перед «необоримыми» законами, либо, во втором случае, в пренебрежение какими-либо законами и преклонение перед субъективностью, неважно, человека или абсолюта.

И тут необходим Гегель, без которого спинозизм обездвижен, ибо слепого упования на неведомую причину движения, хотя бы даже в лице бога-природы, явно недостаточно.

Гегель, в свою очередь, причину диалектического саморазвития субстанции увидел во *внутреннем противоречии* и осуществил весьма подробный анализ механизма саморазвития. Однако, своё исследование Гегель провёл в исключительно абстрактной форме – основным предметом его внимания был процесс саморазвития сам по себе, без выявления конкретного взаимоотношения материального и идеального. Последнее обстоятельство и создаёт обманчивое впечатление идеалистической основы его работы. Идеализм, безусловно, имеет у Гегеля место, и весьма серьёз-

[1] А это и есть не что иное, как субстанциональный монизм.

ное место, но суть его «Науки логики» не в апологии идеализма, а в определении принципа и раскрытии механизма *саморазвития* реальности. И в этом пункте, по весьма проницательному замечанию Ленина, «объективный (и ещё более абсолютный) идеализм зигзагом (и кувырком) подошёл вплотную к материализму, частью даже *превратился в него*».[1]

Гегелевское противоречие является *внутренним* потому, что его стороны одновременно и *отрицают* друг друга (отделены друг от друга, различены), и *неразрывны*, каждая из них является «*своим иным*» другой стороны, её рефлексией и потому обе вместе в своём взаимодействии они составляют *единое целое*.

Этим единым целым и является *субстанция*, стороны (*моменты* – Гегель) которой применительно к монистической идее Спинозы предстают как *материальное* и *идеальное*. Материальное представлено явно, *непосредственно*, в конкретных материальных (вещественных) формах. Идеальное представлено скрыто, в-себе, и есть не что иное, как процесс возникновения и движения материальных форм, *снятый* в этих же материальных формах и представленный *посредством* материального. Т.о. идеальное предстаёт посредством *своего* материального как его качества, свойства, являющиеся следствием процесса становления этого материального. Материальное же, в свою очередь, содержит *своё* идеальное в себе как снятый процесс своего движения.

Такие неразрывные в различии (а это и есть диалектическое тождество) материальное и идеальное есть субстанция, являющаяся *субъектом* собственного развития, т.к. имеет причину своего движения в себе же в форме внутреннего противоречия, постоянно существующего и постоянно разрешающегося, снимающегося в новых формах субстанции, также внутренне имманентно противоречивых, поскольку стороны субстанции – материальное и идеальное – постоянно наличны.

Следует особо отметить, что субстанция *не есть нечто третье* в отношении своих сторон – субстанция это форма (формы) объективной реальности внешне (пространственно) представленная в материальной форме (материальной стороной), идеальное которой представлено качествами, свойствами этой материальной формы. Субстанция как единство различённого, имеющая причину своего существования и движения внутри себя – *монистична и субъектна*.

Из характера движения внутреннего противоречия следуют ещё два диалектических принципа.

Внутреннее субстанциональное противоречие всегда возникает, развивается и разрешается не в некой абстракции, а в уже существующих наличных (актуальных) условиях, которые своей конкретностью налагают вполне определённые условия на характер движения этого противоречия, тем самым оказывая детерминирующее воздействие на движение субстанции в целом – т.о. *общее* (наличные условия) *определяет частное* (характер движения противоречия). Но одновременно стороны противоречия в каждом случае также конкретны и потому результатом разреше-

[1] *Ленин В.И.* ПСС. - Т. 29. С. 250.

ния противоречия является вполне конкретное субстанциональное состояние, *единичное* – т.о. *частное влияет на общее* (формирует его). Процесс взаимодействия общего и единичного (частного) осуществляется не непосредственно, а опосредованно – через *особенные* формы их взаимосвязи, которые соединяют в себе обе крайности.

14.1. Принципы диалектики

Т.о. идея субстанционального монизма имманентно содержит в-себе, как это показано выше, все принципы диалектики и позволяет сформулировать их в явном виде.

1. *Принцип субстанционального монизма*, заключающийся в субстанциональном тождестве материального и идеального. Субстанция представляет тождество своих материальной и идеальной сторон (моментов). Объективная реальность развивается посредством бесчисленных субстанциональных форм, одновременно как целое также являясь субстанцией.

2. *Принцип субъектности субстанции*. Субстанция является *субъектом* собственного развития и *саморазвивается* за счёт *внутренних* факторов (причин). Самодвижение субстанции имманентно ей и императивно.

3. *Принцип внутренней противоречивости субстанции*. Источником (причиной, механизмом) саморазвития субстанции являются *внутренние* противоречия между её тождественными сторонами – каждая из них является «своим иным» другой. Стороны (моменты) субстанции *неразрывны в своём различии* – они невозможны одна без другой. Движение субстанции осуществляется посредством возникновения, развития и разрешения (снятия) внутренних противоречий – происходит последовательное снятие наличного внутренне противоречивого состояния (качества) в новом, также внутренне противоречивом, состоянии (качестве). Внешние воздействия (*внешние* противоречия) оказывают на внутренние противоречия деформирующее влияние, но главным фактором, определяющим развитие субстанции, являются внутренние противоречия.

4. Из принципов субъектности и внутренней противоречивости следует *принцип единства (тождества, внутренней связи) отрицающего и отрицаемого*, отрицательного и положительного (т.е. отрицания и отрицания отрицания), что означает их неразрывность и *императивность* перехода от отрицания к отрицанию отрицания.

5. Последнее – переход от отрицания к отрицанию отрицания – проявляется как *принцип снятия* (прекращения, окончания, исчезания с одновременным сохранением, удержанием, наследованием, преемственностью), а именно – как сохранение в новом качественном состоянии субстанции предыдущих сторон внутреннего противоречия (качеств, признаков) но в другой, неявной, скрытой форме (в-себе). Снятие отрицания посредством отрицания отрицания в новом положительном (утвердительном) качестве и есть суть движения.[1] Принцип снятия имеет результатом

[1] Следует отметить, что в существующей литературе многие авторы, говоря о

своего действия постоянное усложнение субстанции, «вбирающей» в себя предыдущее движение и состояние.

6. *Принцип тотального единства (целостности)*: связи общего-особенного, особенного-единичного, а, следовательно, в конечном итоге, посредством особенного – и общего-единичного. Из чего следуют: 1. принцип определения (детерминирования) общим частного, 2. принцип формирования частным общего, но с учётом приоритета общего. Т.о. первый принцип императивен, второй принцип дополнителен и реализуется при определённых конкретных условиях.

7. *Принцип имманентной телеологичности.* Этот принцип следует из принципов внутренней противоречивости и тотального единства. Самодвижение субстанции детерминируется *внутренним* противоречием (т.е. наличным конкретным состоянием и взаимодействием его сторон), на которое оказывают деформирующее влияние *внешние* противоречия и, следовательно, содержит тенденцию к некоему, определяемому указанными условиями, результату – т.е. это самодвижение интенционально.[1] Телеологичность не связана с некой внешней, чем-то заданной целью, а есть следование *внутренней* логике развития субстанции с учётом деформирующего влияния внешних субстанции условий.

8. И как итог, вытекающий из всего сказанного выше, – *принцип то-*

диалектическом отрицании, очень часто упускают из виду необходимость последовательного отрицания и этого, первого, отрицания, ограничиваются им, не доводя т.о. движение противоречия до его завершения, снятия – т.е. утверждения отрицательности в новой, *положительной* форме. Например, в отчётливом виде эта ошибка проявляется в рассуждениях об отчуждении, когда ограничиваются только этой отрицательной стороной общественных отношений, пренебрегая тем бесспорным фактом, что отчуждение диалектически тождественно со своим отрицанием, рефлексией – присвоением, а также тем диалектическим принципом, что их противоречивость должна быть снята в новом качестве – новом общественном отношении, представляющем собой их положительное единство.

Сошлёмся на А.Ф. Лосева, глубоко понимавшего диалектичность как реальности, так и мышления о ней: «Утверждение так же динамично, как и отрицание. Но если динамику утверждения невозможно отрицать, то динамику отрицания не все видят. Подлинная же научная диалектика не знает ни только утверждения, ни только отрицания. Если говорить здесь о «только», то не существует ни утверждения, ни отрицания, а только действительность. Утверждение же и отрицание являются лишь специфическими типами отражения действительности. Надо уметь найти их место и квалифицировать их в связи с их отражательной функцией» (*Лосев А.Ф.* Типы отрицания // Диалектика отрицания отрицания. М.: Политиздат, 1983. С. 170).

[1] Телеологичность конкретна, как конкретны внутренние субстанциональные противоречия, но в самом общем виде она означает движение к усложнению субстанции, снятию предыдущих качеств в новом, более сложном состоянии. Как пример, субстанциональное развитие от гипотетической праматерии до субстанции мыслящей – человека. В сфере гносеологии принцип телеологичности в логически чистом виде прослеживается в «Науке логики» Гегеля как движение от неопределённого «нечто» до абсолютной идеи, содержащей все определения мира.

тальной диалектичности (т.е. непрерывного движения, *само*развития посредством становления, развития и разрешения внутренних противоречий) всего сущего, всей объективной реальности – и бытия, и мышления о нём. Последнее означает, что *все сформулированные принципы диалектики распространяются и на бытие, и на мышление и, следовательно, обладают как онтологическим, так и гносеологическим статусом.*

15. Человек, общество

15.1. Сущность человека

Диалектический взгляд на человека как на саморазвивающуюся субстанцию даёт возможность логическим путём выяснить его сущность как сущность этой субстанции, не прибегая к эмпирическому определению его особенных качеств с последующим выделением некоего общего качества, которое и будет, якобы, сутью человека.

Субстанциональность всех живых субстанций, заключается в тождестве материального и идеального как сторон субстанции и их опосредствованности через особый орган субстанции – орган отражения. Но этого общего положения явно недостаточно для характеристики человека, обладающего к тому же ещё и собственными, родовыми качествами, особенным.

Мы уже выяснили, что таким особенным субстанциональным качеством в отношении человека является наличие *самосознания* и соответствующей ему формы мышления – диалектического мышления – выделяющей человека в особую форму субстанционального движения, поскольку только человек способен отчуждать в мышлении идеальное природы, внешнее ему, и свободно действовать с ним соответственно всеобщему принципу диалектичности, даже не осознавая этого. Результатом внутренне диалектического процесса действий с идеальными предметами мышления является постижение сущности явлений природы (пусть даже неполное, внешнее, но и это уже огромное достижение) и появление, т.о., возможности обращаться с природными процессами и вещами сообразно их *сущности* и, действуя таким образом, применять их к собственным потребностям, создавать искусственное внешнее окружение.

Феномен осознавания себя (самоосознавания, самосознания) есть момент возникновения отрицательности человека по отношению к внешнему ему миру, установление границы с ним, самоопределение себя и, как следствие, появление противоречия между человеком и внешним миром (если говорить о человеке как индивиде, то другие индивиды по отношению к нему также предстают как внешние объекты).

Отмеченный феномен самосознания не оставляет противоречие между самоосознающим себя человеком и внешним миром во внешней человеку *онтологической* форме. Мышление переводит его в *гносеологическую* форму – идеальную форму, в которой сторонами противоречия становят-

ся категории, понятия. Такое противоречие также способно к развитию и разрешению и как таковое обладает потенциалом дальнейшего движения.

Поскольку это противоречие имеет место внутри человека, в его мышлении, то оно может разрешаться (сниматься) только в мышлении. Но это снятие не остаётся замкнутым в мышлении, в-себе – внешним результатом такого снятия являются действия самого человека в отношении внешнего мира – источника противоречия мышления. Идеальное мышления переходит в материальное внешнего мира – в практику. Самоосознающий себя человек становится полностью самостоятельным в своих действиях. Более того, возникшее противоречие императивно (как и всякое внутреннее противоречие) – оно *необходимо* требует своего разрешения в мышлении и последующих действиях. *Возникает новое качество человека* – уже сугубо человеческое качество, не свойственное ни одной другой субстанциональной форме – *способность к активному преобразующему действию в окружающем мире.*

Мышление как деятельность сознания есть только момент, сторона сущности человека как субстанции. Другой стороной является его практическая деятельность, неразрывно связанная с мышлением и одновременно противостоящая ей. *Человек возможен только как тождество бытия и сознания, практики и мышления.*

Человек как субстанция существует только в *диалектическом* единстве этих сторон, их непрерывном взаимодействии, переходе друг в друга, в их противоречии и снятии этого противоречия – т.е. только в движении, развитии. Суть этого процесса заключается в движении от отражения внешнего мира и представления его в форме идеального содержания сознания и последующих действий мышления со своими идеальными предметами (процесс познания) – к практическому воплощению знания, материализации (процесс практики) – и затем снова к отражению в сознании сущности полученного практического результата и дальнейшей работы с новыми идеальными предметами. В целом – это активная, *преобразующая* внешний мир, деятельность, конечным результатом которой является *создание искусственного мира*, приспособленного к человеку.

Т.о. *сущность человека как субстанции (субстанциональная сущность человека) состоит в целостности его жизнедеятельности как постоянно возобновляющегося циклического процесса отражения, – идеализации материального и материализации идеального, – которая (жизнедеятельность) предстаёт как единство (тождество) взаимодействующих обоюдонаправленных процессов, – единства познания (идеализация материального) и практики (материализация идеального),*[1] *– имеющих итогом приспособление внешнего мира к человеку, а не наоборот.* Результатом является создание искусственной среды обитания, искусственной природы, посредством которой человек формирует условия своего дальнейшего

[1]«…Свободная сознательная деятельность как раз и составляет родовой характер человека» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 42. С. 93); «…именно в переработке предметного мира человек… действительно утверждает себя как *родовое существо.*» (Там же. С. 94)

саморазвития.[1]

При этом *субстанциональность человека проявляется и в индивидуальной форме, и в форме сообщества*. Другими словами, субстанционален и отдельный человек, индивид, и его группы (сообщества, развивающиеся по своим внутренним правилам), и общество в целом. Однако, и индивид, и группы (сообщества) индивидов могут обрести именно *человеческую* субстанциональность как способность создания искусственного мира только в обществе как целом. В этой противоречивой тождественности общество – всеобщее, группы индивидов (сообщества, классы и т.п.) – особенное, индивиды – единичное. Поскольку материальный процесс развития каждого общества исторически конкретен (индивидуален) и снимается в его конкретном же идеальном (качествах, свойствах), то *каждое* общественное образование несёт на себе печать (родовые качества, если угодно) истории именно *своего* общества как целого, всеобщего, а индивиды также и особенного – *своего* социального слоя.

Исходя из определённой выше сущности человека можно сделать самый общий вывод: полное и свободное развитие человека как субстанции и в форме индивида, и в форме общества возможно только при отсутствии ограничений такому развитию, т.е. при наличии (вернее, при создании самим человеком) таких условий, которые позволяют раскрыть *все* потенции человека как *само*развивающейся субстанции – и как личности, и как сообщества личностей, всех без исключения. Следовательно, необходимо наличие вполне определённых материальных и идеальных условий, не только не ограничивающих ни с одной из сторон (материальной либо идеальной) развитие человека, но и способствующих такому развитию.

Очевидно, что этот вывод следует ещё раз подчеркнуть – *сама субстанциональная сущность человека необходимо диктует ему условия его развития* – полное освобождение человека (и в форме индивида, и в форме сообщества) от всех моментов, сковывающих и ограничивающих его само-деятельность, отчуждающих его от свободной творческой деятельности. *Полностью свободная деятельность – вот субстанциональная сущность человека* (и индивида, и общества в целом).[2] Цель этой дея-

---

[1] Хотя и в другом контексте, и другими словами, но фактически то же самое сказал Э.В. Ильенков: «Логические — диалектические — законы и суть не что иное, как законы процесса “обмена веществ” между человеком (обществом) и природой, законы превращения объективного в субъективное и обратно. Законы процесса циклического, точнее, спиралевидного, с каждым циклом расширяющего свои масштабы.

Поэтому законы диалектики (логики) и связывают в одно целое и природу, и общество, и “мышление” (познание, понимание). Это именно законы связи, взаимоперехода одного в другое, формы их реального конкретного тождества, законы процесса отождествления, понимаемого как превращение одного в другое, непосредственно естественно природного в общественное, историческое бытие человека» (*Ильенков Э.В.* Искусство и коммунистический идеал. Избранные статьи по философии и эстетике. – М.: «Искусство», 1984. С. 101).

[2] «…Всякая здравая диалектика есть только опыт решения вопроса об обще-

тельности – познание и изменение внешнего мира в интересах человека.[1]

Эти условия может создать только сам человек и только *сознательной* деятельностью, спонтанно они не возникнут. Отсюда следует второй вывод – на каком-то уровне своего развития человек должен перейти к *осознанному управляемому саморазвитию*. И ещё один вывод – при полном удовлетворении материальных потребностей человека (другими словами, при создании искусственной природы, полностью удовлетворяющей материальные потребности) главным направлением его деятельности становится всемерное развитие сферы идеального как полное познание себя и природы (в том числе искусственной) и совершенствование искусственной природы на основании этого знания. Постижение истины и есть пресловутое познание необходимости как условие перехода к полностью управляемому развитию.

Процессы познания и практики могут существовать только в тождестве как их неразрывности в различии. В основании этого единого движения находится феномен отражения, проявляющийся: в узком смысле как познание (снятие материального в идеальном, идеализация материального); в широком смысле – это весь процесс как повторяющаяся циклическая деятельность познания-практики, их взаимовлияния и перетекания друг в друга, взаимодополняющие друг друга процессы идеализации материального и материализации идеального, являющиеся сторонами целостного движения субстанции человек.

Отсюда ещё один вывод, уже по отношению к собственно человеку: чтобы соответствовать своей субстанциональной сущности человек *должен* (даже более резко – *обязан)* непрерывно осуществлять полный цикл отражения – от практики к познанию, от познания к практике – иначе он перестаёт быть человеком и переходит в разряд обычного биологического организма, на уровень второй формы субстанционального движения.

15.1.1. Взаимная императивность мышления и деятельности человека

Обращаясь к мышлению человека отметим ещё одно его качество, со стороны идеального определяющее способ действий человека и неразрывно связывающее мышление с практикой.

Идеальное процесса (вещи) представляет только этот процесс (вещь) и потому онтологически ограничено именно своим материальным – такое идеальное, тождественное своему материальному, неразрывно с ним и потому столь же конечно, как и представляемое им материальное.

Но идеальное, рассматриваемое гносеологически, т.е. в форме знания,

---

человеческом освобождении» (*Лосев А.Ф.* Дерзание духа. – М.: Политиздат, 1989. С. 79).

[1] Впрочем, нельзя исключить возникновения в отдалённом будущем цели и более высокого – космического – порядка: осуществление космических антиэнтропийных процессов. Субстанциональная сущность человека не только не налагает на подобные действия никаких ограничений, но, напротив, способствует этому.

обособлено в мышлении от процесса (вещи), этим идеальным представляемого, и тем самым в такой форме идеальное отделяется от «своего» материального, выходит за его границы. С таким идеальным мышление способно обращаться совершенно свободно, поскольку оно теперь не связано с материальным. В этой форме (в форме мышления или, что то же, знания о чём-то) идеальное не ограничено, бесконечно. А потому идеальное в форме знания в своей неограниченности постоянно открыто, не завершено, пополняемо. Знание как форма идеального одновременно и абсолютно, и относительно. Его абсолютность – в неограниченности, бесконечности. Его относительность – в незавершённости, дополняемости. Тем самым знание несёт в себе потенциал всеобщности как возможности постижения всего сущего.

Но отмеченная неограниченность идеального материальным (или, другими словами, отделённость идеального от «своего» материального), т.е. неограниченность идеального, ставшего самостоятельным предметом мышления, одновременно является причиной того самого «дефекта» мышления (и это есть особенное мышления по отношению к отмеченному всеобщему), по поводу которого сломано столько копий – речь идёт о возможности получения неистинного, ложного знания (или невозможности получения истинного знания). И эта возможность-невозможность становится действительностью, если мышление в действиях со своим идеальным (с предметом мышления) замыкается в самом себе, полностью отрываясь от материального процесса (вещи), ставшего источником идеального как предмета мышления. Действуя только в самом себе мышление способно создавать невероятные фантасмагорические конструкции, ничего общего не имеющие с реальностью (и, как следствие, с истинностью).[1]

Истинное знание возможно только при условии постоянного обращения к реальности и сравнения предмета мышления (идеального в мышлении) с тем объектом реальности, который дал мышлению его (мышления) предмет. Тем самым идеальное в мышлении сопоставляется с идеальным процессов (вещей) реальности и выявляется совпадение понятий мышления с сущностью объектов реальности. Такое совпадение и есть не что иное, как указание на истинность знания.

Т.о. сам *способ мышления* человека императивно диктует ему *способ действия* – только посредством практической деятельности (материализации идеального) возможно достижение истины и, как следствие, *дей-*

[1] Какие великолепные образцы такого самодостаточного, замкнутого в себе мышления, в своей завершённости, красочности, сложности и одновременно детальности дают нам, например, религиозные представления народов мира. Сюда же следует отнести и визионерство всех мастей, настойчиво, даже нахально, в наше время рвущееся в науку.

Но и в сфере рационального мышление способно действовать вполне самостоятельно, без непосредственного обращения к реальности (вспомним, например, о высшей математике, теоретической физике или космологии). Но эта оторванность от действительности может стать (и становится) причиной внутренних кризисов научных теорий.

ствительное, истинное саморазвитие человека. Но и материальная деятельность ввиду субстанциональности человека (тождественности в нём материального и идеального) со своей стороны столь же необходимо и императивно требует своего осмысления (идеализации материального), отражения и преобразования в идеальном посредством деятельности мышления.

15.2. Развитие человека как следствие его субстанциональности

Человек как субстанция существует в двух формах – как индивид и как объединения индивидов, сообществ разной степени сложности, только внутри которых индивид и может развиваться в собственной, человеческой субстанциональной форме. В этих внешних формах он по видимости ничем не отличается от других живых субстанций, кроме отмеченной особенности – наличия самосознания и, как следствие, диалектического, по сути, мышления. Но именно эта особенность выводит человека на совершенно иной тип развития: способность осознавать внешний мир и постигать сущность природных явлений имеет необходимым следствием практическое применение полученного знания и, тем самым, изменение внешнего мира, приспособление этого мира к человеку, а не наоборот. Сам же человек, создавая искусственный мир, теперь одновременно приспосабливается уже к этому сотворённому им самим искусственному миру.

Приспосабливая природные процессы к своим нуждам человек создаёт собственный мир, мир «очеловеченных» вещей, продуктов своего труда, помещая в них в качестве *их* идеального *своё* идеальное в форме знания, т.е. концентрированное выражение законов природы. Т.о. процесс отражения как идеализации внешнего материального мира и последующего приспособления к внешней природе (чем характеризуются все формы живых субстанций) меняет свою форму, переходя на качественно иной уровень – к изменению внешних условий применительно к сущностным потребностям человека. Соответственно, противоречие между природой и человеком, бывшее ранее внутренним движущим противоречием, поскольку человек находился в гомеостазе с природой, также меняет форму и становится внешним противоречием.

Выйдя из подчинения природе и начав создавать ***искусственную*** *природу, сделав её стороной* ***собственного внутреннего*** *противоречия, человек тем самым начинает развиваться на* ***собственной*** *основе.*

Разрешение противоречия между человеком и условиями его жизнедеятельности, которые создаются уже им самим, осуществляется в форме двух внутренне противоречивых и взаимосвязанных процессов вместе составляющих, как уже говорилось, синкретичный процесс отражения. Первый процесс представляет собой идеализацию материального (внешнего мира) и последующую деятельность мышления со своими идеальными предметами. В качестве необходимого завершения выступает вто-

рой процесс, материализация идеального содержания мышления, знания, в практике, которая и является синтезом противостоящих элементов противоречия (отрицанием отрицания внешней человеку субстанции, снятием её и возвратом к ней на новом уровне, уже как к искусственной, рукотворной природе), тождеством, достигаемым сторонами противоречия в каждом акте деятельности (как материальной, так и идеальной) с тем, чтобы достигнутое тождество предстало новым противоречием внутри себя и, тем самым, очередным актом развития.

Поскольку жизнедеятельность человека осуществляется, с одной стороны, во взаимодействии с внешней природой (внешнее противоречие), с другой же стороны, как развитие искусственной природы (внутреннее, движущее противоречие), то человек в значительной мере зависим от внешней природы и потому процессы, определяемые внешним и внутренним противоречиями, не существуют в чистом виде, они переплетены, постоянно пересекаются и оказывают сильнейшее влияние друг на друга.

Тем не менее, с возникновением диалектического мышления (самосознания) и реализацией его результатов в практике человек выходит как компонент из субстанции природы, с которой он находился в гомеостазе, и становится *самостоятельной субстанцией*, развивающейся на основе *внутреннего* противоречия, сторонами которого являются материальный и идеальный моменты его жизнедеятельности. В процессе разрешения этого противоречия человек вместо приспособления к природе стал *приспосабливать природу* к себе, создавая искусственную природу (вторую природу по Энгельсу, ноосферу по Шардену и Вернадскому). Противоречие с природой из формы *внутреннего* противоречия перешло в форму *внешнего* противоречия[1], т.е. из формы *гомеостаза*, встроенности в природу, подчинённости ей, перешло в форму *симбиоза*, т.е. как минимум равноправия с ней, а в перспективе и полной независимости.

К сожалению, в этом симбиозе человек до сих пор действует необдуманно, более разрушая противостоящую сторону, нежели действуя в согласии с ней, не отдавая себе отчёта в том, что с деградаций природы ниже определённого уровня его существование станет проблематичным. Как мы помним, при определённом стечении обстоятельств внешние противоречия могут оказать такое влияние на развивающуюся субстанцию, что их взаимодействие закончится деградацией или разрушением одной, либо даже обеих сторон – и субстанции, и её внешнего окружения. Процесс выхода из природы не закончен до сих пор (да и вряд ли возможен полностью в принципиальной чистоте), т.к. человек всё ещё зависим от природы и потому уязвим, причём эта зависимость при определённых

[1] Учитывая незавершённость процесса смены форм противоречия и их переплетённость, будет более правильным говорить о преимущественно внешнем, либо преимущественно внутреннем противоречии в зависимости от доминирующего процесса. Т.о. жизнедеятельность человека не только чрезвычайно противоречива, но и предельно сложна, зачастую очень непросто отделить процессы, определяемые внутренним и внешним противоречиями друг от друга, выделить их в чистом виде.

условиях может привести к фатальному исходу.

Особо следует сказать, что непонимание, неосознанность субстанциональной сущности человека и огромного значения её идеальной стороны, которую ни в коем случае нельзя рассматривать отдельно от стороны материальной, приводят приверженцев материалистического направления к ошибочному мнению, что материальная сторона жизнедеятельности человека всецело детерминирует направление его развития. Такой взгляд в своём крайнем выражении редуцирует развитие человека сугубо к материальной стороне, полностью игнорируя значение идеального, сознания, мышления. В результате человек предстаёт игрушкой в руках непознанных сил (законов) природы, в том числе и искусственной, созданной им самим.

Противоположный, идеалистический взгляд также абстрактен, односторонен и сводит всё богатство жизни человека почти исключительно к его мыслительным потенциям, что при существующей ограниченности и неполноте знания имеет следствием доминирование скептицизма в отношении возможностей развития человека.

Отмеченный гносеологический разрыв между материальным и идеальным, оставаясь непреодолённым, по мере развития искусственной природы может привести к пагубным для человека последствиям, поставив, в конце концов, непонимающего и, следовательно, слепого человека перед созданным им материальным колоссом, способным подавить человека своей неуправляемой мощью.

Определив человека как саморазвивающуюся субстанцию, мы сделали это пока абстрактно, в общем, не рассматривая форм, в которых эта субстанция существует, а только вскользь упомянув о субстанциональности индивидов и их сообществ. Но ведь «сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений».[1] Следовательно, следует определить субстанциональные формы, которые характеризуют субстанцию человек, исходя из исследования общественных форм, образуемых человеком.

15.3. Сущность и формы общественного генезиса

Процесс создания человеком искусственной природы, начавшись с возникновения земледелия и скотоводства, с самого начала зависел исключительно от внешних, географических и климатических условий и только с укреплением материальных возможностей человека началось расширение зон земледелия и скотоводства, их конвергенция, возникновение и развитие ремёсел (а затем и промышленности) и, как следствие, постепенное обретение относительной самостоятельности по отношению к природе.

Создание этих первичных рукотворных зон сопровождалось формированием общностей людей, связанных в целостный организм общей жиз-

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - Т. 3. С. 3.

недеятельностью на определённой территории – начался интенсивный процесс возникновения и формирования человеческих сообществ, называемый *этногенезом*, который можно определить как *процесс становления человеческих сообществ, объединённых общей жизнедеятельностью в конкретных географо-климатических условиях (в конкретном ландшафте)*, который представлял собой *тождество противоречивых процессов: создание человеком искусственной природы (антропогенного ландшафта) и одновременное приспособление человека уже к ней, а не к природе как таковой.*

До момента выхода человека из гомеостаза с природой его развитие определялось внутренним противоречием природа-человек, т.е. предчеловек принадлежал к второй форме субстанционального движения и процесс *филогенеза*[1] происходил в форме его *эволюционного приспособления к среде*, как у животных. Этот процесс оставил своим следствием *расовые* различия, возникшие у популяций, проживавших в разных географо-климатических зонах.

Новый процесс, процесс *этногенеза* детерминирован *новым внутренним противоречием*, сменившим прежнее, теперь уже *между человеком и создаваемой им искусственной природой*. Этногенез начался в условиях полного отсутствия антропогенного ландшафта и по этой причине *на формирование этносов и их качеств существенное влияние оказали природные условия, географические и климатические.* Поскольку процесс создания искусственной природы происходил под сильным давлением природно-климатических условий и в значительной мере определялся ими, то это проявилось в форме возникновения у человеческих сообществ, обитавших в разных географо-климатических зонах, различных форм общественно-хозяйственных отношений, а также разных качеств, как индивидуальных, так и коллективных - т.н. этнических признаков.

Затухающий процесс *филогенеза* сформировал те этнические качества, которые выступают как различные *морфологические* признаки этносов.

Пришедший ему на смену процесс *этногенеза* создал те качества этносов, которые предстают как их *этнические качества* - культурные, этические, ментальные, хозяйственные (экономические) и социальные – проявляющиеся в жизнедеятельности и отражённые и закреплённые в этническом сознании (и общественном и, как следствие, индивидуальном).

Т.о. *расовые морфологические признаки есть результат эволюционного приспособления человека к природе* (в т.ч. и создаваемой искусственной), а *этнические признаки – следствие процесса создания искусственной природы и приспособления уже к ней, результат саморазвития субстанции*[2] *человек в процессе создания им искусственной среды обитания.*

Как следствие, филогенез в биологической форме прекратился, имея своим результатом закрепление расовых морфологических признаков. (Остаётся открытым вопрос о возможных генетических изменениях чело-

[1] Филогенез – историческое развитие организмов как видов.

[2] Вернее, субстанций – сообществ людей, занятых совместной деятельностью на определённой территории и отличающих себя от других сообществ.

века в новых условиях – в условиях созданной им искусственной природы. Отрицать возможность таких изменений, значит сойти с позиций диалектики, поскольку искусственная среда также непостоянна, она изменяется, приспосабливается человеком к своим нуждам. Очевидно, что такие изменения, облегчая жизнь человека, тем самым устраняют необходимость в некоторых защитных и приспособительных механизмах, появившихся в результате предшествующей эволюции. Одновременно возникают условия, с которыми человек не сталкивался в своём природном развитии. Как это сказывается на человеке – вопрос естественных наук и дополнительных исследований).

Как мы отметили, с началом создания искусственной природы развитие человека сменило свою форму и из формы *филогенеза* перешло в форму *этногенеза*, в результате которого появились человеческие сообщества, приспособившиеся к жизни путём создания искусственной среды обитания в конкретных географо-климатических условиях.

Т.е. процесс этногенеза характеризует этнические сообщества со стороны их *внутренней тождественности*, общности, сформировавшейся под влиянием и внешних, и внутренних противоречий, о сущности которых мы уже говорили и которые возникали и разрешались в *особенных* для каждого этноса формах.

По этим причинам каждый этнос уникален, его этнические качества – это его *особенное*, заключающееся в особенностях жизнедеятельности по созданию конкретного антропогенного ландшафта (искусственной среды обитания, искусственной природы) в конкретных природных условиях, что имеет следствием конкретные же хозяйственные (экономические) и общественные формы. В процессе этногенеза материальная сторона жизнедеятельности отражается в самосознании этноса и т.о. формируется его этническое самосознание (т.е. идеальное, которое неотделимо от материального, условий жизни), в свою очередь влияющее на материальную деятельность этноса.

Этнос, сформировавшийся вследствие действия рассмотренных факторов, ощущает себя как *целое* и это ощущение (которое является следствием материально-идеальных процессов жизнедеятельности этноса, отражённых в сознании этноса и его членов) определяет границу, отделяющую его от других человеческих сообществ.

Т.о. особенное этническое бытие – и материальное, и идеальное – объединяет этнос в единое целое, *отождествляет* его внутренние процессы и структуры и потому внутри этноса это особенное по отношению к нему самому выступает уже в форме всеобщего, характерного только для этого этноса. Такая этническая тождественность прочнейшим образом закрепляется в самосознании как этноса, так и его членов и противопоставляет этнос другим этносам.

Но процесс этногенеза как диалектически протекающий процесс внутри себя также и *отрицает* отмеченную тождественность, что проявляется в форме *внутренней дифференциации* этноса, как формирование групп людей, объединяемых общим участием в каком-либо внутриэтническом процессе (например, одной деятельностью). Вследствие наличия таких

процессов этнос как общность внутри себя дифференцируется на группы людей (слои, классы, касты, сословия и т.п.), характеризуемых общностью деятельности и положением в сообществе.

Процесс внутренней *дифференциации* этноса есть уже процесс *социогенеза*, процесс внутреннего усложнения этноса и возникновения его социально-иерархической структуры. Процессы социогенеза ускорялись тем обстоятельством, что небольшие кровно-родственные общности были не в состоянии производить приспособительные изменения природы, масштаб которых постоянно возрастал и по этой причине человеческие сообщества стали увеличиваться численно.

Весьма важным является вопрос о соотношении этногенеза и социогенеза. До сих пор мы рассматривали эти процессы, в основном, со стороны эмпирии, явления и, прежде чем ответить на заданный вопрос, обобщим сказанное выше, для чего вспомним какова сущность и соотношение категорий общего, единичного и особенного.[1]

«Всеобщее (общее) – внутренняя тождественность субстанции, снимающая в себе все определённости (отрицательности, противоречия) и выступающая как результат движения субстанции.

Единичное – внутренняя отрицательность субстанции, предстающая как иная, отрицающая сторона тождественности, побуждающая к изменению и возникновению новых форм субстанции…

Особенное – отношение опосредствования между всеобщим и единичным, между тождественностью и отрицательностью».

Т.о. процессы отождествления, обобщения, становления есть процессы создания целого, в котором особенное и единичное, актуально существуя, детерминируются общим. Общее посредством особенного определяет, что из возникающего единичного жизнеспособно и допускается к существованию.

Процессы же, выражающие внутреннюю отрицательность субстанции, её способность к самодвижению, дифференцируют субстанцию, усложняют её внутреннюю структуру и внутренние процессы. Постоянно возникающее единичное пройдя сито отбора общим и особенным, дополняет и усложняет общее, которое, тем самым, также изменяется.

Процесс этногенеза, имеющий основанием процесс создания искусственной природы, представляет собой возникновение и движение целого, этноса. Он отождествляет (снимает) в себе внутриэтнические потенции и процессы и как таковой является детерминирующим фактором, стабилизирующим внутренние колебания процесса движения и объединяющим части в целое.

Процесс социогенеза как реализация потенции отрицания внутри процесса этногенеза имеет результатом внутреннюю дифференциацию, усложнение этноса, что, в свою очередь, влияет на этнос в целом.

Однако, истина заключается в том, что в действительности нет двух разных процессов. И процесс этногенеза, и процесс социогенеза это, по сути, *единый диалектический* общественный процесс, предстающий и в

[1] Об этом мы говорили в главе «13.1. Всеобщее, особенное, единичное».

диалектике объективного (реальности), и, соответственно, в диалектике субъективного (мышлении) с разных своих сторон – тождественности (объединения частей в целое, становления общего) и отрицательности (дифференциации, внутреннего усложнения). Единство отмеченных сторон объясняется тем, что они могут существовать только как стороны одного целого – субстанционального процесса объективной действительности, развивающегося человеческого сообщества.

Итак, вопрос о соотношении этногенеза и социогенеза решается таким образом, что этногенез, представляющий процесс общественного развития со стороны тождественности, формирования целого является по отношению к социогенезу детерминирующим общим. Социогенез, представляющий собой внутреннюю дифференциацию общества (этноса), соотносится с этногенезом как особенное и единичное (что предстаёт в форме индивидов, а также небольших групп индивидов) с общим.

При рассмотрении соотношения всеобщего (общего), особенного и единичного также отмечалось, что «в иерархии субстанциональных форм всегда можно определить категории общего, особенного и единичного, которые, в зависимости от иерархического уровня меняют свою форму – из общих становятся особенными, из особенных единичными и наоборот».

Это значит, что, сделав, в свою очередь, процесс социогенеза предметом отдельного анализа в нём также можно определить общее, особенное и единичное, а, следовательно, тождественность и отрицательность как процессы становления целого и, одновременно, дифференциации, усложнения. Но не будем углубляться в эту весьма сложную тему.

Определив в общем, абстрактном виде соотношение процессов этногенеза и социогенеза конкретизируем формы, в которых они существуют.

Процесс этногенеза основан на создании искусственной природы (и неотделим от неё), которая, по мере её развития и усложнения и превращения природного ландшафта в антропогенный, оказывает, в свою очередь, адекватное воздействие на процессы этногенеза и социогенеза.

Во-первых, по мере развития и усложнения искусственной природы она предоставляет человеку всё более и более возможностей для удовлетворительного, а затем и всё более удобного существования. По этой же причине человек становится всё более независимым от внешней природы. Как следствие потенциал внешних противоречий с природой и внутренних противоречий с искусственной природой ослабевает и процесс этногенеза замедляется, а на определённом уровне развития искусственной природы останавливается (или почти останавливается).

В-вторых, вследствие развития и усложнения искусственной природы происходит её унификация в зонах обитания разных этносов и, следовательно, этногенез в них также унифицируется и т.о. процессы этногенеза теряют свою *особенность* по отношению к разным этносам. Т.е. фактор создания искусственной природы на разные этносы начинает действовать одинаково и потому в качестве определяющего их разные качества может уже не рассматриваться.

Можно сделать общий вывод, что по мере развития и усложнения ис-

кусственной природы и создания человеком антропогенного ландшафта (ноосферы) эти факторы унифицируются и, как следствие, процессы этногенеза приобретают обратную тенденцию – к замедлению и полной остановке.[1] Одновременно вследствие резкого роста численности этнических сообществ и, соответственно, появления в них новых видов деятельности и общественных функций значительно активизируются процессы внутренней дифференциации сообществ, т.е. процессы социогенеза.

Значительно усилившийся и ускорившийся процесс внутренней дифференциации сообществ как рефлексия их внутренней отрицательности должен диалектически дополняться процессом отождествления, становления целого. Логика же развития действительности, рассмотренная выше, показывает, что процесс отождествления в *форме этногенеза* практически завершился. Но процесс общественного развития не может осуществляться без постоянного становления целого и, значит, процесс отождествления, обобщения как таковой принципиально не может завершиться.

И этот процесс совершается, но уже в другой форме – в *форме возникновения наций* как объединений разных этносов (условно можно назвать этот процесс нациегенезом или нациестроительством). В этих, теперь уже национальных сообществах, национальным (всеобщим) самосознанием обладает только этнос, являющийся *объединяющей* основой нации, *доминирующим* этносом. Этносы же, имеющие подчинённое по отношению к нему положение, сохраняют почти неизменным этническое самосознание. И это объяснимо – доминирующий этнос распространяет свою деятельность на *всю* подчинённую территорию, другие же этносы остаются, в основном, в прежнем ландшафте и в значительной мере сохраняют исторические формы своей жизнедеятельности.

По мере развития искусственной природы и распространения её на все географо-климатические зоны и на территории проживания разных наций искусственная природа всё более и более унифицируется и процесс отождествления, создания общего целого переходит в новую форму – *глобализацию*, становление единого человечества.[2]

На основании проделанного анализа можно сделать обобщающий вы-

---

[1] Этот общий вывод, однако, не элиминирует того обстоятельства, что в условиях революционных изменений общества, которые *могут привести к значительной деградации* материальных условий его жизнедеятельности (т.е. резкому изменению одной из сторон противоречия человек-искусственная природа), способны возникнуть процессы, близкие по своей сути к процессу этногенеза. В этносах, входящих в общество, могут инициироваться *пара*генетические процессы, приводящие к определённому изменению этнических качеств, некоторому усилению или, напротив, ослаблению этноса. Парагенетическими эти процессы являются потому, что *основной* процесс этногенеза, сформировавший этнос, уже завершился. К тому же процесс этногенеза занимает длительное историческое время, а революционные процессы (и вызванные ими парагенетические процессы) исторически кратковременны.

[2] Несколько слов об этом феномене будет сказано в главе «21.4. Несколько замечаний о глобализации…».

вод – этническое, национальное, глобальное (и соответствующие формы сознания) по отношению к социальному, классовому, групповому (и их формам сознания) выступает как отождествляющее, объединяющее (общее) по отношению к отрицающему, дифференцирующему (особенному, ограниченному, а в отношении малых социальных групп и единичному).[1]

Т.о. анализ, проведённый с точки зрения субстанционального монизма, логически приводит к выводу, что с субстанциональной точки зрения человек как субстанция развивается посредством двух взаимосвязанных процессов:

- изменения внешнего окружения, создания и дальнейшего развития искусственной природы. Главным содержанием этого субстанционального материально-идеального процесса является возникновение человеческих сообществ, развитие которых проходит ряд форм – этногенез, нациегенез и глобализацию.

- одновременным приспособлением человека и его сообществ к создаваемой искусственной природе посредством внутренней дифференциации и усложнения сообществ, что проявляется в форме социогенеза.

Главную роль в возникновении и развитии сообществ людей играют связи (отношения) между людьми, как индивидуальные, так и общественные (групповые), которые, в свою очередь, определяются формами жизнедеятельности, а также содержанием и формами отражения процесса жизнедеятельности в общественном и индивидуальном сознании, т.е. и общественным, и индивидуальным идеальным.

Во взаимодействии и взаимовлиянии этих двух процессов и происходит развитие субстанции «человек», которая на разных исторических этапах предстаёт в формах, соответствующих уровню развития процесса.

С гносеологической точки зрения такое саморазвитие есть результат существования противоречия между материальным (искусственной природой) и идеальным (отражёнными в индивидуальном и общественном сознании материальными формами деятельности и отношениями между людьми, а также между людьми и внешним миром), которое периодически разрешается в смене общественных форм, приходящих в адекватное соответствие с актуальными материальными возможностями и потребностями человека. В развитии и разрешении отмеченного противоречия нельзя априори однозначно выделить доминирующую сторону, оба момента активно влияют друг на друга, рассмотрение должно быть конкретным. Но бесспорно, что в активной, революционной фазе изменения общественных отношений, идеальное как понимание, осознание новых целей и видение путей их достижения, играет решающую роль. Овладевая массами это идеальное становится материальной силой. Указанное противоречие, рассматриваемое с деятельностной стороны, в марксизме предстаёт как противоречие между производительными силами и произ-

[1] Диалектическая связь между общим, особенным и единичным или, другими словами, между целым и частями ранее была определена так, что целое детерминирует свои части; части же, в свою очередь, формируют целое и потому, при определённых условиях, способны изменить целое.

водственными отношениями.

Принцип субстанционального монизма настоятельно требует рассматривать человеческие сообщества как субстанции – саморазвивающиеся структуры, принципом движения которых является постоянное возникновение, развитие и разрешение противоречий между материальной и идеальной сторонами субстанции, между материальными условиями её жизнедеятельности и идеальным отражением этих условий в мышлении людей, что проявляется в возникновении объективного идеального, т.н. общественного сознания, и формирования общественных отношений (которые должны соответствовать материальным условиям жизнедеятельности) в соответствии с этим идеальным.

Вывод из сказанного таков, что, во-первых, каждое общество, развиваясь в своих особенных географо-климатических условиях и конкретном окружении других обществ, необходимо имеет свои особенные и единичные условия жизнедеятельности и, соответственно, внешние и внутренние противоречия, которые формируются под влиянием отмеченного всеобщего принципа. Как следствие, каждое общество имеет не только общие для всех сообществ, но и свои особенные и единичные признаки – это необходимый результат процесса субстанционального развития обществ.

Во-вторых, как общее влияет на особенное и единичное, детерминируя в значительной степени процесс развития стран мира как процесс отождествления (глобализации), так и особенное и единичное (в виде суверенных государств) способно оказывать значительное влияние на общее (процесс глобализации), определяя формы, в которых последнее реализуется.

Здесь мы подошли к проблеме активности человека, к форме его деятельности, которая является источником всех изменений человеческих сообществ, их субстанциональных форм.

Поскольку, как мы выяснили, с выходом человека из гомеостаза с природой его биологическая эволюция прекратилась (или, говоря осторожнее, почти прекратилась), то объяснения повышенной активности человека следует искать не в физиологических факторах, а в процессах, протекающих в человеческих сообществах, т.е. возникающих и разрешающихся в их внутренних противоречиях.

По высказанной причине основание процессов изменения человеческих отношений и их реализации в практике следует искать в человеческих же отношениях. Совершенно очевидно, что повышенная активность играет роль движителя изменений в сообществах, но вот управляет этим движителем не физиология, а представления о мире (неотъемлемым атрибутом которых являются также отношения между людьми), которые и заставляют одних приспосабливаться к нему, а других – приспосабливать внешние условия к своим представлениям (по крайней мере, стремиться к этому).

15.3.1. Объективная и субъективная стороны человеческого идеального

Мы вновь подошли к тем субстанциональным принципам развития, о которых уже говорили – частное (единичное и особенное) в своём движении вносит новое качество в имеющееся целое; целое, существующее как данность, в свою очередь ограничивает, детерминирует частное, влияет на него. Если потенциал движения частного достигает определённого порога, то детерминирующее влияние целого преодолевается и целое дополняется новыми формами и т.о. само оно также меняет форму и содержание.

Идеальное активных людей есть не что иное, как новый взгляд на мир, новые идеи о мире, возникающие как ответ на противоречие между наличными условиями их жизнедеятельности (материальным) и потребностями в изменении этих условий (идеальным), и которые (идеи) они всей силой своей повышенной активности стараются донести до других людей, заставить их поверить в свою правоту. Новое идеальное в этой форме есть ещё *субъективное* идеальное.

При определённых условиях в жизни общества, что являются очень важным фактором, эти идеи начинают разделять всё большее количество людей, и идея, «теория становится материальной силой, как только она овладевает массами».[1] Идея же, овладевшая массами, представляет собой уже новое качество, новое идеальное целое – такое идеальное в форме массового сознания есть уже *объективное* идеальное, поскольку оно, во-первых, выражает потребность значительной части общества (или даже всего общества в целом) и, во-вторых, по этой причине относится к индивидуальному идеальному (индивидуальному сознанию) как вполне объективный фактор, как общее к единичному. Такое объективное идеальное инициирует и детерминирует процесс своей реализации в общественной практике.

Существующее общее, целое в свою очередь воздействует на происходящие общественные процессы, на особенное, определяя порог, преодоление которого, в итоге, знаменует возникновение нового целого, нового общественного порядка, новых общественных отношений. Таков в абстрактном виде механизм детерминации идеальным вполне материальных процессов.

Объективное идеальное в форме существующего в человеческом обществе идеального представления о мире в значительной мере формируется относительно инертными внешними материальными условиями, по этой причине *оно сравнительно устойчиво и это есть консервативная, инерционная сторона объективного идеального*. Тем не менее, оно не есть нечто застывшее, неизменное.

Поскольку объективное идеальное одновременно растворено в *субъективном* идеальном, то как таковое оно есть представления индивидов о мире. Это индивидуальное идеальное, с которым мышление может обра-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 1. С. 422.

щаться вполне самостоятельно, изменчиво, пластично, относительно независимо от бытия и как таковое представляет отрицающий момент. Т.о. *субъективное идеальное есть одновременно динамичная, отрицающая сторона объективного идеального*.

Инертное, консервативное общее находится в тождестве (единстве в различии) с динамичным, релятивным единичным и посредством этой тождественной связи в определённой степени детерминирует единичное. Но эта же связь даёт возможность и единичному влиять на общее.

Субъективное идеальное, транслируемое вовне активными индивидами, при соответствующих условиях становится собственным идеальным других людей (массы) и т.о. объективным идеальным, но это уже новое, а потому активное, динамичное идеальное. Такое активное идеальное инициирует процессы изменения материального в направлении приведения его в адекватное соответствие новому идеальному. Возникает новое субстанциональное состояние общества, в котором материальное и идеальное адекватны друг другу. Противоречие разрешено – но теперь противоречие существует с новым качеством сторон.

15.3.2. Императивность соответствия человека создаваемой им искусственной природе

Материальное и идеальное субстанции человек взаимно определяют друг друга. Но соотношение этих сторон субстанции может быть различным. Идеальное, как объективное, так и субъективное, может адекватно отражать актуальное материальное, но также может отставать в его адекватном представлении (не достигать истины бытия), либо опережать наличное бытие в своих гносеологических построениях (это есть следствие самостоятельности мышления).

Решающее значение в процессах идеализации материального и материализации идеального в человеческой практике имеют условия этих процессов – наличие *действительной* возможности их осуществления. В первом случае, идеализации, это гносеологические потенции мышления в виде его соответствующих форм и методов; во втором случае, материализации – наличие как материальных возможностей воплощения идеальных представлений, так и соответствие активного объективного идеального (содержания активного общественного сознания) материальным возможностям.

Значение идеальных представлений, проявляющихся во вполне материальных отношениях между людьми, в человеческом сообществе огромно, можно уже уверенно сказать – решающе. Как саморазвивающиеся сущности и один человек – субъект, и человеческое сообщество – субъект. Что же делает сообщество людей *устойчивым единством, целостностью*? Нет сомнений, что это *адекватное соотношение* между материальным (условиями жизнедеятельности) и идеальным (их отражением в индивидуальном и общественном сознании). Как только адекватность материального и идеального нарушается, то общество становится неустойчивым вплоть до изменения своей формы.

Подтверждается общий принцип – любому материальному соответ-

ствует своё идеальное и наоборот. Здесь идеальное часто первично – именно идеальные представления вызывают новые материальные потребности, которые затем реализуются.[1] И наоборот – появление новых материальных возможностей влечёт за собой возникновение новых идеальных представлений, которые материализуются во вполне материальных действиях людей. Значение идеальных связей, которые потенциально способны материализоваться в деятельности, в человеческом обществе огромно и с развитием сферы идеального будет только возрастать. Действуя самостоятельно со своим идеальным, изменяя его, человек меняет своё отношение к миру, побуждая себя тем самым к его преобразованию.

Повторим вывод, сделанный ранее – развитие человеком искусственной природы и общественное развитие самого человека идут рука об руку. Но *развитие способов изменения природы, внешнего окружения человека, требует определённого уровня отношений между людьми (общественных отношений), соответствующих сложности искусственной природы и возрастающим потребностям человека. Соответствие человека создаваемой им искусственной природе – императивное условие общественного развития, диктуемое субстанциональностью человека.*

До сих пор этот процесс – осуществление взаимной адекватности материальных возможностей человека и соответствующих им общественных отношений – идёт стихийно, без осознания его сущности и, тем более, сознательного воздействия на него. Сейчас человек подошёл к критическому рубежу – развитие его материальных возможностей вышло на такой уровень, что дальнейшее непонимание того, к каким последствиям приведёт его воздействие на природу и самого себя, поставит под вопрос и само существование человека. Назрел переход к управляемому развитию (точнее, *само*управляемому *само*развитию). Альтернатив только три – либо исчезновение человека с исторической сцены; либо к управлению обществом придут немногие, стремясь демпфировать действие законов субстанционального развития, что на некоторое время отодвинет развязку, но не предотвратит её; либо общая жизнедеятельность станет общим делом свободно развивающихся людей, управляющих общественным развитием на основе познания действительности.

15.4. Конкретизация движущего общественного противоречия

Субстанциональные по своей сути общества развиваются посредством смены ряда субстанциональных форм. Всеобщим движущим внутренним противоречием является противоречие между материальным и идеальным. При этом в общественном развитии материальное предстаёт в форме наличных материальных возможностей, идеальное же представлено в

[1] Здесь мы абстрагируемся от первичных жизненных потребностей в виде пищи, жилища и т.п. – предполагается, что они в самом необходимом объёме обеспечены, иначе мы возвращаемся ко второй форме субстанционального движения.

форме потребностей, т.е. того материального, которое полагается обществом как необходимое в интересах развития. Т.о. абстрактно представленное *противоречие между материальным и идеальным применительно к общественному развитию конкретизируется в форме противоречия между общественными возможностями и общественными потребностями*. Его развитие и разрешение ведёт к смене общественных форм, внутри которых способы жизнедеятельности (способы производства) развиваются в противоречивой взаимосвязи с формами общественных отношений (производственные отношения).

Каждому способу жизнедеятельности соответствуют свои общественные отношения, внутри которых формируются соответствующие типы личностей и их сообществ – каждой форме жизнедеятельности (способу производства) соответствуют свои типы индивидов и их групп (коллективов, сообществ). Последние, развиваясь внутри общества, в свою очередь влияют на общество в целом посредством стремления к реализации своих жизненных интересов.

Сам принцип субстанциональности, предполагающий постоянное движение, развитие, заключающееся в смене общественных форм посредством снятия в каждой последующей форме предыдущей формы, ведёт к тому, что каждая последующая общественная форма не только имеет гораздо бóльшие материальные возможности, но и внутренне сложнее предыдущей (этот вывод распространяется и на индивидов и их сообщества). Увеличение общественных возможностей ведёт к росту и усложнению общественных потребностей – такова имманентная тенденция общественного развития. Усложнению общества сопутствует усложнение индивидов, и наоборот – они развиваются в этой тождественной связи. Остановки быть не может, она антагонистична субстанциональному движению – либо постоянное развитие общества, сопровождающееся увеличением его материальных и идеальных возможностей (с каждой новой общественной ступенью всё большее значение приобретает идеальное в форме знания) и усложнением, либо, в случае остановки в общественном развитии, деградация (вплоть до разрушения) субстанции, т.е. общества.

Отмеченный субстанциональный феномен – постоянное усложнение общества – совершенно недвусмысленно указывает на сущностную сторону общественного развития: *каждой новой форме общества соответствует адекватное соотношение материального и идеального*, или, другими словами, *каждой общественной форме соответствует свой человек* с видением мира и общественными связями, отношениями, адекватными форме общества. В субстанциональном общественном движении усложняется не только материальная сторона субстанции (искусственная природа и её активная часть – производительные силы), но и сам человек, это необходимое условие субстанционального развития. Если же наличное общественное устройство сдерживает развитие человека, то это столь же необходимо ведёт к деформации общественного развития, которая проявляется в разных формах задержки развития, стагнации и даже движения вспять. Но поскольку субстанциональное движение неостановимо, то такие тенденции приводят к резкому обострению субстанционального

противоречия, разрешение которого в этом случае будет иметь бурный и даже взрывной характер.

До сих пор мы определяли движущее субстанциональное противоречие в предельно абстрактном виде как противоречие между материальным (искусственной природой) и идеальным (отражением внешнего мира в индивидуальном и общественном сознании). Но логически определив сущность человека как целостность его жизнедеятельности в единстве познания и практики, и установив, что человек субстанционален только в обществе, мы можем конкретизировать субстанциональное противоречие в новой форме.

В обществе материальное предстаёт своей практической стороной как материальные *возможности* общества, которые определяются, главным образом развитием производительных сил (в них следует включить и научный потенциал, знание). Идеальное же представляет собой отражённые в общественном сознании *потребности* в развитии общества, т.е. то, что общество полагает необходимым произвести (приобрести) в интересах своего развития как целого.

Т.о. первоначальную абстрактную форму движущего субстанционального противоречия применительно к обществу следует конкретизировать в следующей форме – *внутреннее движущее общественное противоречие есть противоречие между общественными возможностями, представляющими материальную сторону противоречия, и общественными потребностями, представляющими идеальную сторону противоречия.*

Коль скоро были упомянуты категории *возможности* и *потребности*, то следует определить их более корректно.

Возможности – это наличные материальные (и идеальные в форме знания) ресурсы, которые уже используются для осуществления жизнедеятельности общества.

Потребности – это идеальное представление материальных (и идеальных) ресурсов, необходимых для осуществления дальнейшей жизнедеятельности общества.[1] Или, другими словами, потребности – это идеальное, которое необходимо материализовать.

Как нетрудно видеть, потребности как идеальное тесно взаимодействуют с целеполаганием: с одной стороны, потребности определяются целями общества; с другой стороны, возникающие потребности оказывают значительное влияние на формирование новых общественных целей. С точки зрения субстанциональности развития связь потребностей и целеполагания предстаёт как их диалектическое взаимодействие, в котором взаимодействующие стороны взаимно определяют друг друга.

В противоречивом взаимодействии потребностей и возможностей пер-

[1] «…Потребление создает потребность в *новом* производстве, стало быть, идеальный, внутренне побуждающий мотив производства, являющийся его предпосылкой… И если ясно, что производство доставляет потреблению предмет в его внешней форме, то столь же ясно, что потребление *полагает* предмет производства *идеально*, как внутренний образ, как потребность, как влечение и как цель… Без потребности нет производства» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 46, Ч.1. С. 28).

вые представляют собой направленность общества на развитие, интенцию движения, которое в принципе бесконечно – и это активная сторона противоречия; вторые же представляют материальную сторону, наличный продукт, конечное – и это пассивная, консервативная сторона противоречия.

15.5. Государство как форма общества

Поскольку в центре нашего анализа находится объективная реальность – общество, существующее в форме саморазвивающейся субстанции, – то именно из принципа субстанциональности и будем исходить при определении понятия государства.

15.5.1. Общество

Общество, как выведено ранее, есть *саморазвивающаяся субстанция*, представляющая противоречивое тождество её материальной (общественные возможности) и идеальной (общественные потребности) сторон и развивающаяся вследствие перманентного движения и разрешения этого противоречия. В этом статусе общество *сущностно самодостаточно и самостоятельно*.

Общество как субстанция, *сущность* которой заключается в саморазвитии посредством движения и разрешения внутренних противоречий, должно представать вовне в определённых *формах*: вспомним – «Сущность должна являть себя»[1]. В наше время такой формой овнешнения, явления общества предстаёт государство.[2] И хотя государство *по видимости* стоит над обществом, тем не менее *по сути* оно есть производное от общества.

В таком обществе (в литературе отличное от государства общество называют *гражданским* обществом) – и это определяется его отмеченной выше сущностной самостоятельностью, – формируются и действуют свои, независимые от государства отношения, связи, институты и выражающие их т.н. неписанные законы.

Т.н. гражданское общество не монолитно и представляет собой конгломерат общественных групп (классов, сословий), сложившихся исторически как результат формирования 1. иерархических общественных отношений и 2. общественного разделения труда. Классы такого общества неизбежно находятся в далеко не равноправном статусе, результатом чего становится возникновение *антагонистических* межклассовых отношений, для купирования которых и сохранения целостности общества и необходим верховный арбитр, которым исторически и становится государство.

По мере развития и усложнения общества одновременно развивались и

[1] *Гегель Г.* Наука логики. – Т. 2. С. 111.

[2] Не вдаваясь в подробный анализ общественных форм, на основании эмпирических фактов можно указать на парадигматический ряд таких форм – род, племя, союз племён, предгосударство (напр., княжества и т.п.), государство, союз государств (что далее – метагосударство?).

усложнялись *внешние* формы его актуализации, одействительствования. Однако, для всех этих форм характерно то *общее*, которое детерминируется принципом субстанционального монизма, а именно – наличие особого органа отражения-управления, необходимость которого для витальной и антропной форм субстанционального движения была логически выведена ранее. В отношении человеческих обществ речь идёт об *органе власти*, необходимость которого императивно диктуется отмеченным принципом. Такой орган власти (от главы рода – до главы государства) наличествует во всех формах обществ.

Кроме того, материальная жизнедеятельность общества естественным образом приводит к тому, что вследствие возникновения и роста разделения труда и детерминированного им развития иерархических отношений, появляются, растут и усложняются новые общественные группы; как следствие, усложняется и структурируется и общество в целом, возникают новые общественные отношения, наиболее влиятельными из которых для общественного развития становятся отношения собственности, выведшие на авансцену истории общественную группу (класс), занявшую доминирующие позиции в сфере материального производства. Соответственно, за пределами двух отмеченных общественных групп остаётся значительная часть общества, занимающая, в силу возникших общественных отношений, подчинённое положение.

Повторим – необходимость класса управления императивно диктуется принципом субстанционального монизма. Наличие же класса собственников и подчинённого класса детерминируется историческим процессом общественного саморазвития, главным образом его материальной стороной.

Т.о. три обозначенные общественные группы (классы) – класс управления, класс собственников и подчинённый класс, – в самом абстрактном виде и представляют общество в целом. Совершенно очевидно, что для согласования противостоящих интересов общественных групп (классов) и интеграции общества как целого необходима внешняя обществу сила – и эта сила возникает в ходе исторического развития, проявляясь вовне в разных исторических формах, из которых остановимся на форме, актуальной для нашего времени – государстве.

15.5.2. Государство

Поскольку общество как субстанция представляет единство её материальной и идеальной сторон, то и внешнее выражение, оформление этой субстанции – *государство*, – что очевидно, будет представать также в материально-идеальной форме.

Первым и, очевидно, главным признаком (точнее – атрибутом) государства, *диктуемым принципом субстанционального монизма*, будет наличие особого органа управления, *органа власти* и, разумеется, соответствующей группы (класса) как *субъекта* власти. Этот атрибут обладает двояким, материально-идеальным статусом – он требует наличия как материальных структур, посредством которых реализуется власть, так и идеальной составляющей власти, о которой речь пойдёт ниже.

Ввиду того, что материальная жизнь общества должна быть представлена (локализована) в материальных формах, то первой и основной локализацией является территориальная локализация. *Территория*, в пределах которой осуществляется жизнедеятельность общества, *является определяющим материальным атрибутом государства*.

Что касается материально-экономической деятельности, обеспечивающей государственные потребности, то в той части, в которой её осуществляет государство, т.е. в пределах государственной собственности, эта деятельность атрибутируется как государственная.

К материальным атрибутам государства следует также отнести все вспомогательные материальные объекты и структуры, обеспечивающие деятельность органов государственной власти и государственных институтов.

Переходя к *идеальным атрибутам* государства, прежде всего следует сказать, что государство как организующая сила не может реализовывать эту силу, не обосновывая перед обществом её необходимость и тем самым *легитимируя*[1] её, что осуществляется посредством, главным образом, идеологического влияния на общество. *Государственная идеология* представляет собой *атрибут государства в идеальной форме*, причём это доминирующая идеальная форма, поскольку легитимирует необходимость не только государства как такового, но и форму государственного устройства, а также обосновывает необходимость самого класса управления. Государственная идеология может как формулироваться в явной, эксплицитной форме, так и транслироваться властью в неявной, имплицитной форме, но наличие этого идеального атрибута государства, обеспечивающего «добровольное» согласие членов общества на главенствующую роль государства, жизненно необходимо для государства[2] – в противном случае легитимность государства и властвующего класса ставится обществом под сомнение со всеми вытекающими из этого обстоятельства последствиями.

К дополнительным идеальным атрибутам государства следует отнести государственные институты, право и т.п.

Что касается *функций* государства, то они определяются теми государственными атрибутами, о которых сказано выше. Однако, *главная функция государства* детерминируется необходимостью обеспечения существования *общества как целого* – это функция отождествления, т.е. *интеграции общества как единого целого* и обеспечение, тем самым, его ста-

[1] Легитимность (от лат. legitimus — согласный с законами, законный, правомерный) — *добровольное* согласие общества с решениями и деятельностью власти. Чем ниже уровень легитимности государственной власти, тем чаще власть прибегает к силовому давлению на общество.

[2] В наличии государственной идеологии заинтересованы, прежде всего и главным образом, доминирующие классы – класс управления и класс, на который он опирается, т.е. класс, занимающий ведущее положение в материальной жизни общества – именно они формулируют и транслируют государственную идеологию.

бильности и внутренней и внешней безопасности. Данная функция реализуется органом власти, т.е. классом управления, что обеспечивается: с материальной стороны – территориальным и экономическим атрибутами; с идеальной стороны – всеми идеальными атрибутами.

Разумеется, что для реализации главной функции класс управления должен найти в обществе класс (классы), который в силу своего общественного положения разделяет государственную идеологию, поддерживает решения и действия класса управления и обладает необходимыми материальными и идеальными возможностями для удержания гегемонии доминирующих классов. Нетрудно понять, что в обществе, базирующемся на примате частной собственности, это будет класс собственников.

Резюмируем. Государство как *форма* субстанции «общество» (другими словами – государство как субстанциональная форма) обладает следующими атрибутами:

- основной атрибут как *императив принципа субстанциональности* – атрибут власти, представленный органом управления в форме властвующего слоя (класса), структурированного в виде государственных органов;
- атрибуты, *детерминируемые историческим процессом* общественного развития:

а). с материальной стороны – атрибут территориальности; атрибут экономики; вспомогательные структуры, обеспечивающие выполнение государственных функций;

б). с идеальной стороны – государственная идеология; государственные институты; право и т.п.

В гражданском обществе, как отмечалось выше, существуют свои, независимые от государства отношения, связи, институты и т.н. неписанные законы. Государство может до определённой степени не считаться с этими законами и отношениями, но не может полностью их игнорировать – ведь в конечном итоге именно общество создаёт государство, но не наоборот. В основном по этой причине государство должно легитимировать для общества своё существование и деятельность.

Очевидно, что в существовании государства заинтересованы, в первую очередь, доминирующие классы – класс управления и класс, занимающий главенствующее положение в материальном производстве – класс собственников. Именно этот класс становится опорой государства в обществе и именно его интересы, наряду с интересами класса управления, выражаются, прежде всего, в государственной идеологии (но, главным образом, в решениях и действиях государства). Вследствие этих обстоятельств в антагонистическом обществе (и, следовательно, государстве) постоянно существует напряжённость в межклассовых отношениях, которая накладывает свой отпечаток и на отношения подчинённых общественных классов к государству, выражающему, прежде всего, интересы класса управления и поддерживающего его класса. Эта напряжённость является постоянно присутствующей потенцией к изменению государственных форм, вплоть до смены формы общественного строя. В интересах снижения напряжённости и удержания общества в достаточно стабильном состоянии властный класс вынужден формулировать и защищать интересы об-

щества в целом, а не исключительно доминирующих классов, но предпочитает делать это в пределах, не нарушающих интересы последних.

Тем не менее, отмеченная потенция к изменению государственной формы постоянно подпитываемая межклассовой напряжённостью, периодически, что подтверждает история, приводит к смене государственного строя. Мы фиксируем только эту способность общества, глубоко укоренённую в его сущности, к смене, в определённых обстоятельствах, государственной формы, не останавливаясь на этих обстоятельствах, зависящих от условий, относящихся к другой теме. Мы хотим подчеркнуть, что диалектике отношений государства и общества имманентна способность общества изменять форму государства и характер отношений между обществом и государством в интересах класса (классов), ранее находившихся в подчинённом положении. Но эта же диалектика даёт государству возможность влияния на общество в своих интересах, купируя, в определённых пределах, опасные для государства тенденции – в этом отношении государство представляет собой консервативную и, в некоторых обстоятельствах, даже реакционную силу.

15.5.3. Диалектика отношений государства и общества

По сути, речь идёт о диалектике сущности, формы и содержания.

По Гегелю, сущность является основанием, которое «определяет себя как *форму* и *материю* и сообщает себе *содержание*».[1] (Материей здесь является *субстрат* формы – сущность, рассматриваемая абстрактно, без её конкретных определений).

Другими словами, сущность, форма и содержание диалектически взаимосвязаны, но основой является сущность, которой определяется и форма её явления, и содержание последнего. Сущность, являя, оформляя себя, тем самым актуализирует (одействительствует) содержание, которое в снятом виде представляет и сущность, и форму.

Поскольку сущность детерминирует форму и содержание и потому инвариантна к ним, то последние не в состоянии влиять на сущность. Форма и содержание самостоятельного существования не имеют – они производное от сущности, которая, являясь *основанием*, *обосновывает* их. Форма и содержание представляют сущность с снятом виде, но каждое из них проявляется по-своему: форма как нечто устойчивое, инертное, малоподвижное, безразличное (по видимости) к сущности; содержание как нечто динамичное, подвижное, тождественное по видимости (но только по видимости) сущности.

Форма и содержание, будучи детерминированы сущностью, тем не менее не копируют сущность, они снимают её в себе и потому относительно самостоятельны. Но находясь в диалектической связи (тем более, опосредствуясь сущностью) они взаимозависимы, взаимоопределяемы – изменение содержания вызывает изменение формы и наоборот.

Обратимся к диалектике отношений общества и государства.

Говоря языком Гегеля, общество является *основанием* государства,

[1] *Гегель Г.* Наука логики. – Т. 2. С. 72.

государство же – *обоснованное*. Если выразить ту же суть на языке Маркса, то государство предстаёт как *превращённая форма* общества.

Другими словами: 1. общество на определённом историческом этапе своего саморазвития создаёт (оформляет) государство; 2. общество и государство взаимодействуют посредством множества материально-идеальных связей; однако, 3. государство самостоятельного значения не имеет, вне и без общества существовать не может; тем не менее, 4. государство и общество посредством взаимных связей влияют друг на друга и способны изменять своё содержание и форму.

Здесь необходимо уточнить понятия.

Сущность общества как субстанции состоит в его *саморазвитии посредством* движения и разрешения *внутреннего противоречия*, стороны которого представлены материальным – общественными возможностями, и идеальным – общественными потребностями.

К *содержанию общества* относятся отношения, институты, сословия, классы, слои, а также идеологические и культурные составляющие названных общественных групп.

Форма общества предстаёт как иерархические структуры общественных групп, обеспечивающие функционирование *гражданских* общественных институтов посредством исторически установившихся общественных отношений. (Ранее мы говорили, что формой общества является государство и теперь следует уточнить, что в данном случае речь идёт о форме собственно *гражданского общества*, т.е. общества, относительно независимого от государства, общества, в котором действуют собственные, независимые от государства отношения, связи, законы. По этой причине форму, о которой здесь идёт речь, т.е. форму *гражданского общества*, следует назвать формой в себе).

Что касается *государства*, то его *сущностью* является отождествление, *интеграция общества в единое целое*, согласование интересов общественных групп в целях стабилизации развития общества как тотальности.

Содержание государства представляют его материальные и идеальные атрибуты.

Форма государства предстаёт как синкретичное целое, образуемое территорией, экономикой, государственными структурами (прежде всего властными структурами), правом и т.д. (государственную форму общества можно назвать формой для себя).

Но если сущность, как отмечено выше, инвариантна, а общество, т.е. его форма и содержание, исторически изменяется, то что же является причиной движения?

В основании изменений находится всё-таки сущность, но сущность, рассматриваемая не в её предельно абстрактном виде как противоречие материального и идеального, а сущность *конкретной* субстанциональной формы – общества, – которая (сущность) также конкретизируется в форме противоречия между возможностями (материальное) и потребностями (идеальное). Именно это конкретизированное противоречие является субстратом формы и содержания.

В процессе жизнедеятельности общества постоянно изменяются и возможности, и потребности, что не может не влиять на содержание и форму общества и влечёт изменения в структуре и соотношении классов, групп, слоёв и т.п. и их естественную реакцию на изменившееся положение в соответствии с новыми интересами, детерминируемыми новыми возможностями и потребностями. (В марксизме отмеченное выше динамическое взаимовлияние возможностей и потребностей предстаёт как противоречие между производительными силами и производственными отношениями).

Если говорить о конкретных направлениях взаимовлияния общества и государства, то общество воздействует на государство посредством давления на власть, вплоть до изменения системы власти. Наибольшими возможностями, когда государство находится в стабильном состоянии, обладает класс собственников. Но потенциальные возможности подчинённых классов таковы, что в моменты нарушения стабильности и революционного подъёма они могут изменить государственные институты в своих интересах.

Государство же влияет на общество, главным образом, легитимацией своей необходимости и безальтернативности. В стабильном состоянии общества легитимация осуществляется посредством, в основном, государственной идеологии и правовых институтов. Но если стабильность общества нарушается и легитимность государства и его институтов в обществе разрушается, то государство прибегает к силовому воздействию на общество.

В заключение рассмотрим вопрос, известный в марксизме как проблема «отмирания» государства.

Исходя из выводов, диктуемых принципом субстанционального монизма, можно назвать условия, при которых отпадает необходимость в существовании государства:

- достижение обществом состояния, когда оно в целом не нуждается в наличии особого органа управления – т.е. в наличии централизованной власти – и переход тем самым к общественному самоуправлению;

- отсутствие классов (как минимум антагонистических) и, следовательно, отсутствие необходимости в существовании над- и внеобщественных институтов и структур для защиты классовых интересов;

- и, наконец, главное условие, без которого невозможны вышеуказанные – полное соответствие общественных возможностей общественным потребностям.

- из названных условий следует, что в процессе общественного развития исторически возникают новое общество и, разумеется, новый человек, соответствующий этому обществу;

В результате государство не уничтожается, а *снимается*, причём снимается вместе с т.н. гражданским обществом. Всё более широкое и глубокое участие людей в управлении собственной жизнедеятельностью постепенно ведёт к сращиванию общественных и государственных институтов. Тем самым общество и государство прорастают друг в друга, граница между ними стирается, исчезает. Опосредствуя друг друга, снимая себя в своей противоположности, государство и общество растворяются друг в

друге. Из этого процесса вырастает новая общественная сущность – полностью самоуправляемое общество.

16. Сознание, мышление (дополнение)

Ранее (глава «8. Сознание, мышление») мы говорили о сознании (мышлении) как о некоем абстрактном диалектическом процессе, проходящем стадии отражения, отрицания и снятия отрицания. Но как такой абстрактный процесс способен представить в итоге целостную картину мира, в каких формах конкретизируется эта абстракция? Как можно видеть природу в целом, ведь мыслит не природа в целом, мыслит часть природы – человек, т.е. её особенное и единичное и потому по своему существу это мышление не целого, а особенного и единичного. Как таковое оно вынужденно (необходимо) мыслит только то, что дано ему непосредственно, актуально, такое мышление ограничено своей актуальностью, непосредственной данностью и, как следствие, неполно, частично, релятивно.

Теперь, определив, что субстанционален и отдельный человек (единичное) и общество в своих частях (особенное) и в целом (общее), мы можем ответить на заданные вопросы.

Выход мышления за границы актуальности, непосредственности, становится возможным только со становлением мышления как феномена не индивидуального, а общественного тела (общества как целого). Выход индивидуального сознания в сферу сознания общественного позволяет преодолеть ограниченность индивидуального (и узко-группового) сознания, снять его особенность и единичность в общественном сознании как целом, общем и сформировать т.о. картину мира в целом. Причём мира не только видимого, ощущаемого чувственно, но и предполагаемого, прогнозируемого, экстраполируемого, т.е. познаваемого.

Весьма серьёзным будет возражение, что общественное сознание по отношению к природе в целом также особенно и единично. Формально это так, но суть дела заключается в том, что мышление представляет собой атрибут такой формы субстанции, которая способна отражать, рефлексировать всё, с чем она взаимодействует, соприкасается. В своей потенции её способность как целого, общего, к рефлексии окружающего мира безгранична, как безграничен и мир.

Индивид как субстанция рефлексирует только непосредственное, актуальное. Общество как субстанция, состоящая из множества взаимодействующих индивидов и их сообществ, способно создать (рефлексировать) из этого непосредственного (единичного) целостную картину реальности (посредством особенного – общее). Это общее воздействует, в свою очередь, на индивидуальное мышление, расширяя его сферу непосредственного общим синкретичным представлением.

Т.о. из единичного посредством особенного возникает общее, детерминирующее единичное и изменяющее его, которое снова формирует общее, и так далее – спираль раскручивается. Мышление, существуя как

диалектическое тождество индивидуального и общественного сознания (единичного, особенного и общего), постоянно преодолевает свою границу и выходит за свой актуальный предел, тем самым преодолевая свою неполноту и релятивность и являясь потенциально бесконечным. При этом особенными являются формы мышления, опосредствующие индивидуальное и общее (к ним можно, например, отнести формы научного мышления, реализующиеся в сферах разных наук; либо формы художественного мышления, посредством которых создаются художественные произведения).

В этом диалектическом взаимодействии единичного и общего, опосредствуемых особенным, создаётся целостная картина отражаемой объективной действительности – мозаика единичного, складываемая общим посредством особенного, сливается в единое полотно, в котором не теряются также единичное и особенное.

17. Феномены отчуждения, присвоения и овещнения

Феномены отчуждения и овещнения, столь явственно проявляющиеся в человеческом обществе, оказывают огромное влияние на отношения между людьми и, как следствие, на общественные формы и вряд ли можно глубоко понять процессы, протекающие в обществе, не поняв сущности отмеченных явлений.

Исторически так сложилось в философии, что категория отчуждения рассматривается исключительно с негативной стороны, чем демонстрируется совершенно недиалектическое её толкование. Такой односторонний подход, предельно абстрагирующий понятие отчуждения, исключает возможность увидеть в отчуждении также и положительный потенциал, более того, созидающее начало.

«ОТЧУЖДЕНИЕ – филос.-социологич. категория, выражающая объективное превращение деятельности человека и ее результатов в самостоят. силу, господствующую над ним самим и враждебную ему, и связанное с этим превращение человека из активного субъекта в объект обществ. процесса. О. характеризует как исторически определ. характер деятельности человека, отношение его к продуктам деятельности и к обществу, так и разрушающее влияние социальной жизни антагонистич. формаций на личность человека. О. является исторически преходящей формой опредмечивания человеком своих деятельных способностей в классово-антагонистич. обществе».[1]

Положительным здесь является признание объективности феномена отчуждения, естественности, эволюционности его происхождения. Но объективность предполагает всестороннее исследование предмета, здесь же отчуждение рассмотрено только с негативной стороны, отрицающей индивидуальность, субъектность человека, тогда как в отчуждении есть и

[1] Философская энциклопедия. - Т. 4. С. 189. Близкое по сути определение даёт и «Новая философская энциклопедия» (Т. 4. С. 181).

положительная сторона, утверждающая человека. Именно с позиции диалектичности действительности и её субстанциональности как тождественности материального и идеального будем вести дальнейший анализ.

От внимания философов ускользнула мысль Маркса, правда высказанная им не явно, но достаточно отчётливо, чтобы увидеть в ней зерно истины.

«Человек обособляется как индивид лишь в результате исторического процесса. Первоначально он выступает как родовое существо, племенное существо, стадное животное… Сам обмен является одним из главных средств этого обособления индивидов. Он делает стадное существование ненужным и разлагает его. Дело оборачивается таким образом, что человек как обособленный индивид предоставлен только самому себе, средства же для утверждения его как обособленного индивида состоят, однако, в том, что он себя делает всеобщим и коллективным существом. В этом коллективе предполагается объективное существование отдельного человека как собственника, к примеру скажем, земельного собственника, и притом при определённых условиях, которые приковывают его к этому коллективу или, лучше сказать, образуют звено в этой цепи».[1]

Маркс описывает процесс разложения человеческого *стада* и возникновения *общества*. Как видим, во-первых, общество может возникнуть только из *индивидов*, т.е. людей, отделяющих себя от всех других, от массы.

И хотя Маркс этого не указывает, но, во-первых, без возникновения *самосознания*, т.е. способности к самоопределению, отделения личности от массы произойти не может, *самосознание является основанием индивидуализации* (обособления, отчуждения) индивида от сообщества себе подобных. Это форма внутреннего обособления, поскольку последнее есть обособление индивидуального идеального как *отрицание* внешнего ему, отграничивание от внешнего – это двуединый процесс определения (рефлексии) внешнего со стороны себя (Я) и определения (рефлексии) себя (Я) со стороны внешнего, происходящий исключительно внутри Я. Т.о. возникает новый феномен – *отчуждение* индивида от внешнего ему мира, но одновременно это есть и *присвоение* как присвоение *своего* идеального, присвоение *самосознания*. В диалектическом тождестве присвоения и отчуждения происходит становление самосознания и, как следствие, отделение индивида от массы и это уже внешнее отчуждение как следствие отчуждения внутреннего (появления самосознания).

Во-вторых, форма отчуждения, – индивидуализация идеального, – в материальной деятельности индивида внешне проявляется и в другой (превращённой), вещной форме – человек распространяет индивидуализацию и на продукты собственной деятельности, он становится обладателем продуктов собственной деятельности, т.е. *присваивает* их.[2]

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 46. Ч. 1. С. 486.

[2] Хотя логически процессы отчуждения идеального и присвоения материального предстают последовательно, но исторически они переплетены, взаимосвязаны и неотделимы друг от друга.

Вслед за присвоением необходимо следует сначала совместное использование продуктов труда, а исторически позже возникает обмен продуктами труда – то и другое есть не что иное, как *отчуждение* продуктов индивидуального труда в пользу других индивидов. Эта форма отчуждения создаёт новые отношения, связи между индивидами и этим самым человек «себя делает всеобщим и коллективным существом».[1] Когда все члены сообщества становятся «всеобщими и коллективными», т.е. взаимосвязанными уже новыми отношениями, отражёнными, рефлексированными в сознании, то это и есть не что иное, как возникновение общества – социализация индивидов. Прежняя масса однотипных особей, бывшая стадом, превращается в сообщество индивидов, связанных новыми отношениями присвоения и отчуждения, материально-идеальными в своей основе. Становление индивида и становление общества идут рука об руку, это взаимозависимые неотделимые друг от друга, т.е. диалектически тождественные процессы.

Следует особо отметить, что присваивание продуктов собственной деятельности проходит смену определённых *общественных* форм. Вначале возникает отношение *принадлежности* продукта труда тому (тем), кто его создал. В основании отношения принадлежности находится феномен идеального – именно *идеальное как снятие (представление) деятельности* человека в продукте его труда позволяет «видеть» другим членам первобытного общества, что продукт есть *следствие деятельности* вполне конкретного члена (членов) общества (это «видение» есть следствие наличия самосознания). Но это ещё не отношение собственности, не полное присвоение продукта труда. Продукты труда поступают пока в общее пользование и только появление некоторого избытка продуктов труда даёт возможность сначала вполне отчётливо выявить и зафиксировать отношение *принадлежности*, а затем и трансформировать его в другое общественное отношение – отношение *собственности*. Теперь уже продукт труда *полностью* принадлежит его производителю и последний может распорядиться им по своему усмотрению.

Тем самым создаётся основание для возникновения совершенно нового *общественного* феномена – возможности обмена продуктами труда их собственниками, причём идеальная сторона продуктов труда даёт возможность «видеть» в них *количество* и *сложность* затраченного труда по их изготовлению, а это уже есть основа для появления *эквивалентного обмена*. Разделение труда, возникающее исторически, создаёт условия

Отмеченное присвоение вначале предстаёт в скрытой форме, в себе, как рефлексия в сознании того факта, что продукт получен как результат деятельности конкретного индивида, но по мере развития и усложнения общества отмеченная рефлексия постепенно находит явное выражение в форме нового *общественного* феномена – *отношения собственности* на продукт своей деятельности.

[1] «…Человек действительно извлекает из себя все свои родовые силы (что опять-таки возможно лишь посредством совокупной деятельности человечества, лишь как результат истории) и относится к ним как к предметам, а это опять-таки возможно сперва только в форме отчуждения» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 42. С. 159).

осуществления эквивалентного обмена.

Т.о. сущность процесса становления человеческого общества заключается во взаимодействии и взаимопроникновении внутренне диалектических процессов: идеального – возникновения самосознания (и как следствие полного сознания) и т.о. *отчуждения* части от целого, индивида от массы, но это одновременно и *присвоение* как присвоение индивидами своего идеального; и материального – изготовления и присвоения индивидами продуктов собственной деятельности и последующего обмена ими, что, с другой стороны, является уже *отчуждением* и *присвоением* этих продуктов.

Феномен *отчуждения*, как видим, проявляется в *двух формах*: в *идеальной* как отчуждение индивида от массы (индивидуализация массы, но одновременно это и возникновение потенции объединения на новом основании); в *материальной* как отчуждение индивидами продуктов собственной деятельности в пользу других индивидов (и тем самым возникновение новых связей между ними). Первый процесс (идеальный) знаменует становление личности, второй процесс (материальный) есть процесс связывания сознающих себя (т.е. идеально разобщённых, отчуждённых) индивидов в общество посредством возникновения *сущностно* новых связей между индивидами (это уже сугубо *человеческие, социальные* связи).

Феномену *отчуждения* диалектически тождествен феномен *присвоения* и также в двух формах: в идеальной как возникновение самосознания (присвоение своего идеального, индивидуализация); в материальной как присвоение индивидами продуктов собственной деятельности, что имманентно содержит возможность последующего обмена ими и возникновения новых связей между индивидами.

На основании сказанного можно указать на негативный (отрицающий) и позитивный (объединяющий) моменты.

Негативный момент олицетворяет атомизацию массы и появление индивидов, обладающих самосознанием. Позитивный момент отражает возникновение сущностно новых связей между индивидами – именно *общественных, осознанных* связей. Происходит качественный скачок в развитии человека – возникает не только новая форма сообщества как союза обособленных, осознающих себя индивидов, но и новая форма идеального – то, что позже назовут объективным или общественным сознанием. Здесь субстанциональность как единство и взаимозависимость материального и идеального проявляется во всей своей полноте и силе. Возникшее общество, создавая продукты труда, тем самым создаёт новый, искусственный материальный мир, наполненный новым идеальным содержанием, *человеческим* идеальным как знанием. Появляется новая форма субстанционального движения – человек и создаваемая им искусственная природа.

Но вернёмся к феномену отчуждения. Поскольку отчуждение есть феномен, присущий только *деятельному* человеку, то отчуждению могут подлежать только условия его деятельности: как предметы и продукты труда (как материальные, так и идеальные), так и собственно деятель-

ность, труд. Последнее есть отчуждение сущностных сил человека и, значит, самого человека от него самого.[1]

Нетрудно увидеть, что отчуждение и продукта труда, и самого труда, деятельности, существует в разных формах, а именно: как добровольное отчуждение; как принудительное отчуждение (другим человеком, государством); как необходимое (императивное) отчуждение, т.е. отчуждение, вызванное непреодолимыми жизненными обстоятельствами (таковым, например, является «добровольная» продажа человеком своей рабочей силы). Очевидно, что самоотчуждением может быть только первая форма отчуждения, добровольное отчуждение, императивное же отчуждение можно рассматривать как скрытую (превращённую) форму принудительного отчуждения, которая существует в обществе, где человек ещё не полностью свободен как личность.

Сама возможность отчуждения имманентно присутствует уже непосредственно в принципе субстанциональности, в его двойственности – в материальности, вещественности субстанции с одной стороны, и в наличии всевозможных меж- и внутрисубстанциональных процессов движения, взаимодействия с другой стороны – т.е. отчуждению могут подвергаться как вещественные факторы (продукты труда), так и деятельностные факторы (собственно деятельность как процесс). Следовательно, феномен отчуждения в основе своей совершенно объективен. Но актуализируется эта потенция только при наличии определённых общественных отношений – таких отношений, которые предполагают разделение людей по их месту в производстве своей жизнедеятельности и, соответственно, по участию в процессах производства, распределения и потребления.

Без *первой формы отчуждения*, – отчуждения *продукта* труда, – невозможно общество, люди должны обмениваться продуктами своего труда.[2] Процесс отчуждения продукта своего труда есть одновременно осно-

---

[1] Маркс называл четыре формы отчуждения человека: отчуждение от продукта своего труда, от своей деятельности, от своей родовой сущности, от других людей. Мы полагаем, что отчуждение от родовой сущности и человека от человека представляют собой следствие более фундаментальной формы отчуждения – отчуждения от своей деятельности и потому ограничиваемся в дальнейшем анализом именно этой формы.

[2] По поводу возможного недоумения в отношении того, как возможно отчуждение продукта труда и, следовательно, обмен и разделение труда при натуральном хозяйстве, следует сказать следующее.

В натуральном хозяйстве не просматривается разделения труда только с *внешней* стороны, но это хозяйство, как, впрочем, и любое другое, невозможно без определённой степени разделения труда. *Внутри* натурального хозяйства его участники выполняют либо *разные* работы, либо *одну* общую работу, результатами которой пользуются *все*, т.е. *делятся* (обмениваются) результатами своего труда. Подчеркнём, даже *внешне* однотипная деятельность *внутри* себя разделена как наличием разных её участников (которые выполняют *разные* части *одной* работы), так и тем, что её результатами пользуются все её участники. Т.о. *разделённые* участники совместной работы *объединяют* деятельность и делятся её результатами – *соединить можно только разделённое*, это азы диалектики, в про-

вание диалектического процесса рождения индивида и общества – именно возникновение индивидов (дифференциация) делает возможным возникновение общества (интеграцию) на основе появившейся общественной связи – отчуждения-обмена продуктами труда. Эта форма отчуждения создаёт и скрепляет общество, отчуждение продукта труда одной стороной предстаёт как наличие обособленных индивидов или групп индивидов (единичное и особенное), но другой стороной предстаёт как возникновение связи между индивидами и, т.о., их объединение в общество (целое, общее).[1] Здесь отчуждение есть форма соединения частей в целое. Отчуждение особенного и единичного, – продукта, предмета, – есть форма создания общего – сообщества. В таком качестве отчуждение имеет *всеобщий* характер. В результате возникновения феномена отчуждения и его диалектического снятия возникают новые, уже общественные феномены – особь человеческого стада превращается в индивида, а само человеческое стадо превращается в пока ещё первобытное общество.

Но одновременно общество содержит и момент собственной (внутренней) отрицательности как наличие отчуждённых от него (т.е. вполне самостоятельных) индивидов. Эта отрицательность есть интенция общества к изменению, движению посредством объединения отчуждённых, и тем самым относительно свободных, индивидов во всё новые и новые группы, противостоящие обществу (целому), что, при определённых обстоятельствах, имеет следствием изменение всего общества.

Отчуждение как обмен индивидуальными продуктами имеет ещё одну сторону – потенцию разделения общества на новой основе – на основании возникновения частной собственности на продукты, а позже и на деятельность людей, на их труд.

тивном случае ни о какой *совместной* деятельности не может быть и речи.

Ещё раз повторим, *совместная* деятельность представляет собой соединение деятельности *разных (разделённых)* производителей. Т.о. даже *однотипная* деятельность *внутри себя разделена* между *разными* производителями. Далее, распределение *общего* продукта труда осуществляется *индивидуально*, поскольку продукт труда используется индивидуально. Всё вместе предстаёт как *особенная форма* разделения труда и, соответственно, распределения (здесь оно одновременно выступает и как *особенная форма* обмена) и потребления. Но это разделение труда ещё в себе, в скрытой форме, в потенции. И хотя это совершенно неразвитая и примитивная форма разделения труда, но отрицать её наличие и не считаться с ней нельзя. Именно из неё с ростом масштабов совместной деятельности вырастают, становятся явными и развиваются весьма сложные формы разделения труда. Один из исторических этапов этого процесса и описан Марксом в первом томе «Капитала», но его описание, ограниченное конкретными историческими условиями, не является исчерпывающим. В нём Маркс описывает *наличные формы* разделения труда, но это объяснение, даже несмотря на то, что оно весьма тщательное и глубокое, скорее феноменологическое (эмпирическое), нежели диалектическое, которое должно исходить из *внутренних* условий и противоречий процесса труда и его объекта – предмета и продукта труда.

[1] «Обмен, или меновая торговля, есть… общественный, родовой акт, общественная связь, социальное общение и интеграция людей в рамках частной собственности…» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 42. С. 26).

Вторая форма отчуждения, – отчуждение *деятельности*, – возникает исторически позже как результат развития и усложнения первобытного общества и проявляется в двух формах: по отношению к обществу как возникновение разделения труда, по отношению к индивиду – как отчуждение его способности к труду (в крайней форме – как полное отчуждение личности, рабство, крепостничество). В этой форме отчуждение имеет характер *особенного*.

Разделение труда есть форма разделения целого на части – из общего, совместной трудовой деятельности, выделяются, отчуждаются особенные её формы, которые становятся прерогативой части общества, групп людей, занимающихся однотипной деятельностью. Но обмен результатами деятельности вызывает к жизни другую сторону отчуждения – кооперацию, объединение групп людей в целое как единый хозяйственный организм. Этот диалектический процесс лежит в основании жизнедеятельности человеческих сообществ. Развитие процесса разделения труда, его дальнейшее углубление неизбежным следствием имеет одностороннее развитие человеческих способностей. Человек становится, по выражению Маркса, абстрактным, неполным человеком. Это его плата за развитие производительных сил и рост материальных возможностей, а также, добавим, за существование человеческих сообществ, вне и без которых человек существовать не может. Выход из этого процесса только в том, чтобы *развив до высочайшей степени разделение труда и его производительность, вывести человека из процесса производства*, по крайней мере как объект производства, как придаток к машине, как часть технологического процесса. Только став *вне и над* производством человек получит возможность полноценного развития.

Отчуждение способности человека к труду представляет собой отчуждение деятельности (процесса труда) человека от него самого в пользу другого человека и тем самым низведение его самого до вещи, ценной только тем, что она может что-то делать. Отчуждение собственно деятельности есть отчуждение сущности человека от него самого и потому как *само*отчуждение может проявляться только в особенной и единичной, уникальной, извращённой форме. Отчуждение деятельности человека от него самого является основанием феноменов (отношений) овещнения[1] и

[1] В литературе встречаются две формы, выражающие феномен, о котором идёт речь – овещнение и овеществление. Термин «овещнение» прямо указывает на то, что нечто (в данном случае человек) представляется вещью, чем-то пассивным, игрушкой чуждых ему сил, хотя по своей сути и не является таковым. В данном случае овещнение означает перенесение определений вещи на человека – здесь человек *представляется* вещью только в силу внешних для него условий, но *не является* ею *по своей сути.*

Термин же «овеществление» содержит прозрачную аллюзию на процесс, в котором происходит воплощение некоего замысла в веществе природы, это активное направляемое действие, результатом которого также может быть вещь, но вещь утилитарная, сущность которой и определяется процессом овеществления – здесь вещь *по сути* является вещью. По указанной причине к рассматриваемому феномену далее применяется термин «овещнение».

эксплуатации. Сама личность человека при этом является ничтожной, не представляющей интереса для поработителя, эксплуататора. Эта форма отчуждения представлена несколькими видами – прямое принуждение (рабство), принуждение посредством социальных институтов (сословная, крепостная зависимость), принуждение посредством экономических отношений (капитализм и, в определённой степени, первая фаза коммунизма, социализм). Только эта форма отчуждения (отчуждение деятельности) является всецело негативной формой, полностью противоречащей сущности человека как универсального существа.

Как видим, *отчуждение* в диалектическом единстве с *присвоением* представляет собой диалектический процесс постоянного разделения целого на части и объединения частей в целое. Форма отчуждения в соотношении с присвоением определяет форму общества, но и общество, изменяясь, влияет на форму отчуждения и, в свою очередь, определяет его.

Следует подчеркнуть внутренне глубоко диалектический момент – *отчуждение* и *присвоение* тождественны, т.е. в своей взаимосвязи неразрывны и одновременно обособлены. В этом диалектическом тождестве отчуждение и присвоение являются противоположными сторонами, моментами, характеризующими жизнедеятельность человека.

Деятельность и её предметная форма – вещь – взаимно опосредствуют друг друга. Вещь предстаёт одновременно в двух формах и как 1. предмет, на который направлена деятельность (в этой форме вещь пассивна, является *объектом* деятельности, предметом труда), и как 2. предмет, посредством которого осуществляется деятельность (в этой форме вещь активна, *субъектна* посредством деятельности, является орудием труда). В противоречии деятельность-вещь деятельность, говоря словами Гегеля, *преходит* в объекте деятельности (предмете труда), объект же *становится* посредством деятельности (продукт труда). В свою очередь вещь как субъект, опосредствуемый деятельностью (орудие труда), *преходит* в деятельности, деятельность же *становится* посредством вещи. Цикл постоянно возобновляется.

Результатом движения и разрешения отмеченного противоречия является качественно *новое* состояние, в котором *сняты* прежние формы деятельности и вещей – в этом состоянии они в-себе. В этом непрерывном процессе прехождения-становления происходит постоянное усложнение сторон противоречия – и человека, который представлен деятельностью, и вещей в форме орудий и продуктов труда – поскольку в каждом цикле прежний уровень *снимается* и движение возобновляется на новом уровне.

Присвоение и отчуждение могут взаимодействовать друг с другом как *непосредственно*, без промежуточных звеньев (отношений), так и *опосредствованно*.

В последнем случае присвоение и отчуждение опосредствованы отношениями собственности. Здесь собственник средств производства в значительной (даже решающей) мере определяет характер протекания процессов присвоения и отчуждения, извлекая свою выгоду. Именно наличие отношений собственности на средства производства делает невозможным

полное присвоение своей деятельности человеком, отделённым от собственности, а отчуждение её результатов имеет принудительный по отношению к нему характер.

В случае *непосредственного* взаимодействия (перетекания друг в друга) присвоения и отчуждения этот процесс не искажается чуждыми субстанциональной сущности человека отношениями собственности и осуществляется свободно свободными же людьми как естественная циклическая непрерывная деятельность. Это и есть «царство свободы».

Соответственно возможности отчуждения, как *продуктов* труда человека, так и его *деятельности*, феномен *овещнения* также имеет две стороны.

Поскольку люди обмениваются *продуктами* своего труда, то они вступают в отношения, опосредствованные вещами. Эти отношения опосредствования неизбежно становятся определяющим фактором человеческих, в сущности, отношений. Человеческие отношения начинают рассматриваться через призму вещей, их опосредствующих. Соответственно, люди видят свои человеческие, общественные отношения как отношения вещей. Это *овещнение отношений* и оно вполне объяснимо. Человек воспринимает внешний ему мир, в т.ч. и других людей, только посредством материальных контактов. Даже идеальное других людей он способен воспринять только тогда, когда оно материализовано во вполне вещных носителях – звуках, знаках, предметах. Роль опосредствующего звена как материального носителя идеальных человеческих отношений весьма велика (более того, единственно возможна) и потому, как следствие, отношения людей внешне *объективно* вещны, овещнены.

Есть и другая сторона овещнения. Поскольку при отчуждении *деятельности* человека в пользу другого человека он рассматривается только как носитель этой деятельности, а не личность как таковая, то в свете таких отношений человек и видится как вещь, он предстаёт как овещнённый человек. Соответственно этому представлению к нему и относятся как к вещи, предмету, в котором от человека осталась только его способность быть *деятельной вещью*. Это *овещнение человека*.

В итоге овещнение предстаёт во всей своей красе – как отношение к вещи как к личности и к личности как вещи.

Первое отношение имеет объективным имманентным источником то идеальное в продуктах труда, которое вложено туда человеком (вспомним – идеальное это процесс движения (возникновения, изменения) вещи, представленный в форме вещи). Т.е. предметы, созданные человеком, объективно содержат идеальное, вложенное в них человеком, и потому могут восприниматься как нечто очеловеченное, что и происходит при определённых общественных отношениях.

Второе отношение имеет место, когда человек включён в общую деятельность не как личность, а как обладатель некоторых факторов производства жизни, как индивид, способный трудиться, создавать продукты труда. Здесь имманентным источником овещнения является способность к деятельности, принадлежащая человеку, но используемая другим человеком, являющимся собственником средств производства, который видит

первого только как носителя деятельности, как вещь, обладающую определёнными свойствами. Именно эти частные качества и подлежит использованию, но не сам человек как универсальная личность.

Овещнение (и человеческих отношений, и самого человека) есть результат возникновения отношений собственности, разделения труда и последующего возникновения обмена продуктами труда. Отношения собственности накладывают на феномен овещнения свою особенную печать, придавая этому общему феномену свои специфические формы в каждой форме общества.

Но отношения собственности создают только *возможность* овещнения. В *основании* же овещнения находятся сам труд и разделение его на виды деятельности, необходимо имеющее следствием возникновение отношений обмена, в результате чего люди и их отношения предстают посредством вещей и как вещи.

Значит ли это, что овещнение будет существовать, пока существует разделение труда и, соответственно, обмен продуктами труда? Да, пока существует частная собственность, закрепляющая этот общественный феномен, и представляющая человека и человеческие отношения через призму обмена вещей как товаров, т.е. исключительно в форме, где сущностью отношений является не собственно человеческая деятельность, а товар, представляющий интерес только как вещь, в которой воплощена стоимость.[1]

Но при упразднении частной собственности объектом обмена будут уже продукты труда не как товары, вещи, в которых главное – их прибавочная стоимость, а продукты труда как вещи, в которых главное – их потребительные качества, т.е. собственно труд, овеществлённый в своём результате. Здесь сам труд, воплощённый в продукте труда, представляет интерес своей натуральной формой, а не возможность обменять его на другой труд с целью получения прибавочной стоимости.

Но полностью избавиться от феномена овещнения возможно только при ликвидации отношений обмена, т.е. в обществе, в котором продукты производятся по потребности общества и поступают в распоряжение людей *непосредственно*, а *не через обмен* деятельностью и продуктами её труда.

Наиболее ярко, грубо и пошло феномен овещнения проявляется по отношению к людям творческого труда и результатам их деятельности. Эти результаты в виде научных открытий и художественных произведений

[1] «Общественный характер деятельности, как и общественная форма продукта, как и участие индивида в производстве, выступает здесь как нечто чуждое индивидам, как нечто вещное; не как отношение индивидов друг к другу, а как их подчинение отношениям, существующим независимо от них и возникающим из столкновения безразличных индивидов друг с другом. Всеобщий обмен деятельностями и продуктами, ставший жизненным условием для каждого отдельного индивида, их взаимная связь представляются им самим как нечто чуждое, от них независимое, как некая вещь. В меновой стоимости общественное отношение лиц превращено в общественное отношение вещей, личная мощь – в некую вещную мощь» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 46. Ч. 1. С. 100).

принадлежат целиком к сфере идеального и как таковые являются достоянием всех людей. Но мир частной собственности опутывает паутиной овещнения и самих творческих людей, и продукты их деятельности. Беззастенчивой эксплуатации подвергается уже сама сущность человека, его родовые (по Марксу) качества. Человек, вплотную подошедший к возможности осуществления своей универсальности, удерживается капиталом в извращённом состоянии. Выставляя на продажу то, что должно принадлежать всем, – идеальное в форме знания и нравственных императивов (а художественные произведения есть их своеобразное концентрированное выражение), – капитал самым наглым образом демонстрирует свою античеловечность, попирает принципы справедливости и добра, присваивает общее, ему не принадлежащее, тем самым резко сужая в своих интересах круг людей, которым доступны высшие гуманистические достижения человечества. Капитал, не допуская массы людей к высшим духовным ценностям, действует как самый отъявленный преступник и уже поэтому капиталистическое общественное отношение должно быть преодолено, ликвидировано.

И отчуждение, и овещнение – сугубо общественные феномены, вне общества они невозможны, более того, как мы видели, отчуждение продукта труда лежит в основании процесса объединения людей в коллектив, общество.

Но если отчуждение *продукта* деятельности человека должно достичь своей абсолютной формы (полное свободное отчуждение, *само*отчуждение, *всех* продуктов, и материальных и, тем более, идеальных в общую пользу. Человек всего себя отдаёт обществу и, соответственно, с абсолютной свободой пользуется результатами труда других людей, всего общества – для того, чтобы всё присвоить, надо всё отдать. Здесь отчуждение и присвоение достигают полного тождества, противоположности перетекают друг в друга), то отчуждение собственно *деятельности* должно быть упразднено, уничтожено, начало чему (но только начало!) полагается ликвидацией частной собственности. *Свободное и полное отчуждение результатов труда может быть следствием только полного присвоения своей деятельности, т.е. самого себя.* Тем самым уничтожается та сторона феномена овещнения, которая превращает человека в вещь, уничтожает его как свободную личность.

В коммунистическом обществе обмен результатами деятельности это уже не эквивалентный обмен по стоимости, а обмен, принимающий совершенно *новую общественную форму* – полное добровольное *самоотчуждение* результатов своего труда и столь же полное *присвоение* результата труда других людей и всё это в условиях полного *присвоения* своей деятельности, осуществляющейся в интересах *всего общества* и потому фактически *самоотчуждаемой* в форме её результата в пользу общества.[1]

[1] Подчеркнём последний *диалектический* момент – полностью *присвоенная* человеком собственная деятельность в условиях *свободного* общества («царства свободы») одновременно другой своей стороной предстаёт как полностью *самоотчуждённая* в пользу всего общества.

Здесь ни одного момента этого диалектического соотношения нельзя элиминировать.

Авторы «Новой философской энциклопедии» по-иному видят феномен отчуждения: «В философии категория «отчуждение» выражает такую объективацию качеств, результатов деятельности и отношений человека, которая противостоит ему как превосходящая сила и превращает его из субъекта в объект её воздействия.

…В социальной философии и в социологии отчуждение – это общественное отношение, социокультурная связь между субъектами, которая вышла из-под их контроля и стала самостоятельной, господствующей над ними силой. Это инобытие свободы, её противоположность. Человек стремится преодолеть существующие формы своего отчуждения и достичь более высокого уровня свободы. При этом он нередко порождает новые формы отчуждения и попадает под их влияние».[1]

Здесь отчуждение предстаёт только как негативный результат отношений между людьми, более того – как противостоящая сила, которую невозможно контролировать. Причём попытки преодоления отчуждения ведут к появлению его новых форм. Т.о. отчуждение, являясь порождением субъективности (отношений людей) по непонятной причине превращается во вполне объективное явление. Поскольку не рассмотрен генезис отчуждения, то оно представлено только феноменологически, а не сущностно. Поэтому и обратный процесс – снятие отчуждения – в итоге видится авторам такой трактовки весьма проблематичным, если вообще возможным.

Предложенное нами понимание феномена отчуждения несколько расходится и с мнением «Философской Энциклопедии», которая считает отчуждение «исторически преходящей формой опредмечивания человеком своих деятельных способностей в классово-антагонистическом обществе». Как мы убедились, предметная форма отчуждения как отчуждение *результатов* труда есть феномен *общий* всем типам обществ, а не только классово-антагонистическим, и эта форма отчуждения должна достичь своей полноты и завершённости, что возможно только с полным освобождением человека. Исторически преходящим же, *особенным*, является отчуждение собственно *деятельности* человека, которое неизбежно становится отчуждением самого человека и должно быть преодолено исторически. С развитием предметного отчуждения до своей высшей формы, полного добровольного самоотчуждения, и одновременно постепенной ликвидацией отчуждения деятельности станет возможным их диалектическое снятие и достижение возможности «свободного развития каждого» и «свободного развития всех».

***

Ремарка. Выше мы упоминали о категории опредмечивания и, очевидно, есть смысл пояснить наше видение процессов *опредмечивания* и *распредмечивания* в человеческой деятельности.

Приведём понимание данных категорий Г.С. Батищевым, данное им в

[1] Новая философская энциклопедия. – Т. 3. С. 181.

«Философской энциклопедии»[1]: «ОПРЕДМЕЧИВАНИЕ И РАСПРЕДМЕЧИВАНИЕ – категории марксистской философии, раскрывающие внутр. динамизм предметной деятельности, взятой в ее наиболее чистом виде - как всеобщий способ бытия человеч. культуры, способ, каким люди производят всю свою обществ. жизнь, делают свою историю. О. и р. суть те противоположности, конкретное тождество к-рых и есть предметная деятельность, опредмечивание – это переход совершаемого субъектом процесса в объект, превращение действующей способности в форму предмета. Распредмечивание - это обратный переход предметности в живой процесс, в действующую способность: оно есть творч. начало освоения субъектом предметных форм культуры, а посредством их - также и природы».

Данная трактовка представляется нам неполной.

Опредмечивание – это не только «превращение действующей способности в форму предмета» (т.е. идеального в материальное), но *одновременно* и распредмечивание, поскольку в процессе деятельности перманентно происходит снятие материальной деятельности (и её результата как вещи) в мышлении в форме его идеальных предметов и действий мышления со своими идеальными предметами.

В процессе деятельности осуществляется постоянная смена её предметных форм: происходит переход *идеального предмета мышления* («действующей способности») в *материальную форму деятельности* (и, соответственно, в материальный предмет), но одновременно происходит и «обратный переход предметности в живой процесс» – материальный предмет, внешний человеку, становится его внутренним предметом, предметом мышления, идеальным предметом (в мышлении материальное предстаёт в идеальной форме). Предмет деятельности постоянно меняет форму – идеальную на материальную и наоборот. Т.о. опредмечивание есть одновременно и распредмечивание, а распредмечивание одновременно и опредмечивание.

Процесс опредмечивания и распредмечивания есть неразрывный *диалектический* процесс смены *превращённых форм* – материальных в идеальные и обратно, опосредствованный человеческой деятельностью (материальной и идеальной). Превращённых, поскольку *один* предмет деятельности *одновременно* предстаёт и в материальной форме (как материальная деятельности и материальная вещь, на которую она направлена), и в идеальной форме (как идеальный предмет мышления, представляющий эту материальную деятельности и её предмет). Но это есть не что иное, как тождество процессов отражения и практики.

Очевидно, гносеологически правильно говорить об идеализации материального и материализации идеального как сущности тождественного процесса отражения-практики (т.е. жизнедеятельности как целостного процесса), присущего всем витальным субстанциональным формам. Это – всеобщее.

Об опредмечивании и распредмечивании есть смысл говорить только

[1] Философская Энциклопедия. – Т. 4, С. 154.

сугубо в применении к человеческий деятельности, как *осознанной* деятельности, протекающей в обществе, т.е. исторической деятельности. Это – особенное.

17.1. Отношения собственности как диалектика материального и идеального. Диалектика отчуждения и присвоения

Логически отчуждению продукта труда предшествует присвоение – прежде, чем продукт может быть отчуждён, он должен быть в наличии, т.е. произведён, и как таковой *фактически* принадлежит непосредственному производителю, присвоен им.

Но что находится в основании феномена присвоения продукта труда его производителем и возникающих, как следствие, отношений собственности? Ответ следует из принципа субстанционального монизма.

Индивида и продукт его труда связывает вместе (отождествляет) вполне *материальный* процесс создания продукта труда, *идеально* представленный в этом продукте. Материальные отношения производства своим естественным итогом имеют снятие себя в своём результате, что выступает как идеальное представление процесса труда в продукте труда. Тем самым в идеальном продукта труда представлено материальное отношение производства, связывающее между собой индивида и продукт его труда. По завершении производительного процесса материальное отношение человека и продукта его труда представлено в идеальном продукта труда (вещи) и это, теперь уже идеальное отношение, внутренне вполне объективно, поскольку основано на объективных же материальных процессах. Представление в идеальной форме отмеченного материального отношения и есть не что иное, как явное указание на *фактическую* принадлежность продукта труда его *непосредственному* производителю.

Объективное идеальное – связь человека и вещи, им изготовленной, – отражается в субъективном идеальном – в сознании индивидов, которое, достигая общности в форме общественного сознания, становится также объективным (по крайне мере в отношении индивидов и их групп). Теперь продукт труда может быть присвоен и отношения производства естественно перетекают уже в иное отношение – отношение собственности. Присвоенный продукт предстаёт уже как собственность, а отношение, связывающее производителя и продукт, есть отношение собственности. В отношении собственности его стороны – индивид и продукт его труда – предстают, соответственно, как собственник и собственность.[1]

[1] «Первоначально право собственности выступало перед нами как право, основанное на собственном труде. По крайней мере мы должны были принять это допущение, так как друг другу противостоят лишь равноправные товаровладельцы, причём средством для присвоения чужого товара является исключительно отчуждение своего собственного товара, а этот последний может быть создан лишь трудом» (*Маркс К.*, *Энгельс Ф.* Соч. - Т. 23. С. 597).

Но это пока отношение собственности в-себе, чтобы стать наличным, для-себя, оно должно быть соотнесено со своим отрицанием – противопоставить себя другим подобным отношениям. В этом противопоставлении отношения собственности, бывшие до того в-себе, становятся объектом и субъектом *общественных* отношений и как таковые становятся для-себя – тем самым и произведённый продукт, и отношения собственности становятся относительно самостоятельными и потому продукт, выступая равнозначным другим продуктам и другим отношениям собственности, может отчуждаться, обмениваться на другие продукты. Отношения собственности, связывающие индивида и вещь, могут проявиться только в противопоставлении с другими подобными отношениями, т.е. это сугубо общественные отношения, невозможные вне общества.

Подведём итог. Отношения собственности есть особые общественные отношения, выражающие связь между людьми и вещами (продуктами их труда), а также отношения между людьми, опосредствованные вещами. Эти отношения являются следствием процесса производства. Поскольку процесс создания вещи как материальный процесс объективен, то и связь между производителем и вещью вполне объективна. Посредством этой связи вещь представляет индивида или, что то же самое, индивид представлен в вещи. Это индивидуальное отношение собственности есть отношение в-себе, но будучи противопоставлено другим подобным индивидуальным отношениям собственности оно становится для-себя, т.е. самостоятельным объективным общественным отношением – в такой форме это уже отношение между людьми, опосредствованное вещами.

Отношения собственности имеют следствием возникновение своеобразного общественного феномена – т.к. вещи представляют людей, то тем самым происходит *персонификация* вещей и эти вещи предстают *персонифицированными*. С другой стороны, отношения людей, опосредствованные вещами, предстают в *овещнённой* форме, люди *овещняются*.

Но представление одним материальным объектом другого материального объекта, как мы выяснили ранее, есть идеальное представление. Т.о. связь между индивидом (группой индивидов) и вещью, проявляющаяся в форме отношений собственности, есть связь субстанциональная, поскольку в основании этой связи лежит принцип субстанциональности как тождественности материального и идеального. Отношения собственности в единичном акте производства существуют неявно, в-себе и становятся явными, для-себя, только будучи противопоставлены другим отношениям собственности, т.е. только в обществе. Внешне это выражается в вещной форме – как противостояние продуктов труда.

Поскольку при наличии отношений собственности в вещи представлен собственник, хотя и не непосредственно, а в превращённой форме, идеально, то по этой причине в отношениях с другими людьми вещь (собственность) может представать как *субъект*, а её противоположность – индивид, взаимодействующий с «чужой» вещью, как *объект*, используемый этой собственностью, что и имеет место в производственных отношениях, где собственники средств производства используют других людей как производственное дополнение к этим средствам производства.

Здесь вещь (средства производства) персонифицирует её собственника и предстаёт как субъект, а противоположная сторона производственных отношений, работник, используется как технологическое дополнение к вещи и в таком качестве является объектом, вещью – посредством персонифицированной вещи эксплуатируется овещнённый человек.

Особо отметим – именно персонифицированная вещь, т.е. находящаяся в частной собственности (вследствие чего вещь предстаёт как представитель собственника), опосредствует отношения эксплуатации. Для ликвидации эксплуатации необходимо, как минимум, деперсонифицировать вещи – т.е. ликвидировать частную собственность.

Что касается других отношений, связанных с отношениями собственности, таких как владение, распоряжение, использование и т.п., то они предстают как эпифеномены, определяемые базовыми объективными отношениями собственности, и выражаются в юридических формах.

Итак, отношения собственности обусловлены вполне материальными процессами производства, идеально представленными в форме продукта труда, и потому совершенно объективны. В совместном бытии индивидов эти внутренне объективные отношения объективируются и внешне и предстают в форме отношений собственности в их совместной деятельности.

Теперь продукт может быть отчуждён, стать объектом обмена и вступить в общественные отношения обмена – очевидно именно так обстояло дело и исторически, с самых первых моментов появления отношений обмена.

В основании феномена собственности, как видим, находится труд. Но чтобы результатами этого труда можно было обменяться необходимо выполнение и второго условия – индивиды должны производить *разные* продукты, а это уже есть возникновение нового общественного феномена – разделения труда. Только теперь появляется возможность отношения собственности в-себе (что отмечено выше) превратить в отношения собственности для-себя, т.е. сделать отношения собственности наличными – разные продукты труда и, соответственно их собственники, противостоят друг другу в отношениях обмена, отношения собственности разных индивидов противостоят друг другу и в итоге снимаются процессом обмена продуктов труда.

Т.о. отношения собственности возникают как диалектическое тождество (единство в различии) разнородных, по существу процессов:

- собственно *производительной деятельности* как производства продуктов труда – и эта деятельность является основанием отношений собственности;

- производственной деятельности, осуществляемой *обособленными* производителями как следствие обособленности (единичности и конечности) предметов и продуктов труда. Т.о. происходит дифференциация производителей по видам деятельности – возникает феномен разделения труда. Естественным результатом такой обособленной деятельности являются фактические отношения владения производителями произведённым продуктом – продукт становится собственностью. Но это ещё односто-

роннее отношение собственности, оно не дополнено своим отрицанием и, тем более, снятием в новом качестве. Владельцу продукта, собственнику ещё не противостоит другой продукт и другой владелец и т.о. отношения собственности не завершены, не полны, они не могут реализоваться как завершённое *общественное* отношение – это пока *индивидуальное* отношение собственности[1];

- произведённые продукты подлежат обмену (это необходимое условие удовлетворения потребностей индивидов и их групп, владеющих *разными* продуктами труда). Возникают новые отношения – *отношения обмена*. Теперь одностороннее отношение собственности (собственника и его продукта) дополнено своим отрицанием – другими такими же односторонними отношениями собственности. Снятие противоречивого взаимодействия этих односторонних отношений в состоявшемся обмене предстаёт уже завершённым отношением собственности, в котором стороны обмена *совершили полный цикл присвоения и отчуждения продукта труда*. Отношения собственности становятся *общественным* явлением. Результатом снятия является владение продуктом труда, но уже произведённым другим индивидом (группой индивидов) – отношения собственности т.о. воспроизводят себя снова и снова и, как следствие, объединяют индивидов и группы индивидов в целостное сообщество, которое своими внутренними отношениями производства и обмена полностью обеспечивает свою жизнедеятельность.

Сообщество в целом, полностью (или почти полностью) обеспечивающее себя за счёт внутренней производительной деятельности, предстаёт как субстанция – саморазвивающаяся сущность.[2]

Диалектическое снятие в новом качестве описанных процессов знаменует собой возникновение нового природного феномена – становление человеческого сообщества, в котором неразрывно переплетены отношения дифференциации-интеграции и присвоения-отчуждения – одно не существует без другого.

Т.о. в отношениях собственности, возникающих естественным путём в ходе становления человеческого общества, в снятом виде представлены процессы: 1. производительной деятельности человека, 2. разделённой по видам деятельности, 3. последующем обмене продуктами труда, 4. что вместе ведёт к возникновению целостного сообщества, 5. обладающего качеством субстанциональности – саморазвития посредством возникновения, развития и разрешения внутренних противоречий.

---

[1] Здесь же следует сказать, что дифференциации по видам деятельности сопутствует противоположный процесс – объединение, интеграция индивидов, но уже внутри однотипной деятельности. Следствием подобной интеграции является возникновение групп индивидов, участвующих в одном виде деятельности. Продукт, произведённый такой группой индивидов, по своей сути является их совместной собственностью и принадлежит им на равных правах. Т.о. интеграция внутри разделения труда создаёт также группы производителей, объединённые внутри, но разобщённые между собой.

[2] Отметим, что этот признак характерен и для небольших сообществ людей, такова, например, русская (и не только) крестьянская община.

Совершенно ясно, что отношения собственности есть сугубо *внешнее* выражение всего комплекса отмеченных процессов и, следовательно, *сущность* отношений собственности состоит в сущности этих *процессов* и не может рассматриваться отдельно от них. А это значит, что по мере развития общества отношения собственности необходимо будут изменять своё сущностное наполнение в зависимости от способа производства, как генетически определяющего отношения собственности. Этот вывод можно сформулировать и по-иному: *выход человека из собственно производительного процесса как части этого процесса устраняет всякое основание для возникновения связи между человеком и продуктом его труда и, соответственно, возможности возникновения последующих отношений собственности.*

Но вернёмся к рассмотрению отношений собственности. Маркс, утверждая, что человек, «отчуждая от себя свою собственную деятельность, … позволяет другому человеку присваивать деятельность, ему не присущую», на этом основании делает вывод – «…частная собственность есть продукт, результат, необходимое следствие отчуждённого труда, внешнего отношения рабочего к природе и к самому себе».[1]

Но, как мы убедились, логическое рассмотрение вопроса выявляет обратное – именно индивидуальная[2] производительная деятельность имеет естественным результатом присвоение продукта труда его производителями, что создаёт тем самым *фактическое* отношение собственности, которое, в свою очередь, даёт возможность дальнейшего отчуждения продукта труда в интересах обмена (это признаёт и Маркс – «отчуждая … собственную деятельность»). Вначале частная собственность ещё равнозначна индивидуальной и имеет основанием *собственный труд* (это положение относится и к группам индивидов, занятых совместной деятельностью). И только теперь появляется потенциальная возможность отчуждения продукта *чужого труда* другими индивидами (группами индивидов) и возникновения частной собственности на совершенно ином основании – на чужом труде.[3] Но для этого необходимы и другие, более сложные общественные отношения, нежели отношения только производства и обмена, но мы их не рассматриваем.[4]

Т.о. частная собственность, имея общим основанием труд человека, может выступать в двух формах – 1. естественно возникающая индивиду-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 42. С. 97.

[2] Говоря «индивидуальная деятельность» мы имеем ввиду также и групповую деятельность людей, занятых совместным трудом.

[3] Здесь имеется ввиду не владение продуктом чужого труда в результате произошедшего обмена, а собственность, основанная на *принудительном* изъятии продукта труда у его производителя. От форм принуждения мы здесь абстрагируемся.

[4] «Теперь же оказывается, что собственность для капиталиста есть право присваивать чужой неоплаченный труд или его продукт, для рабочего - невозможность присвоить себе свой собственный продукт. Отделение собственности от труда становится необходимым следствием закона, исходным пунктом которого было, по-видимому, их тождество» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 23. С. 597).

альная (и групповая) собственность, основанная на *собственном* труде и 2. собственность, основанная на труде *других людей*, возникающая как принудительное (а иного быть не может[1]) отчуждение продукта, а затем и собственно труда человека, его деятельности, что, в сущности, есть не что иное как отчуждение человека от него самого. Именно вторая форма собственности – собственность на чужой труд и его результат – и есть «следствие отчуждённого труда».

Отношения собственности самого производителя (производителей) к продуктам своего труда можно назвать *естественными*, поскольку здесь отношения собственности являются естественным следствием производительной деятельности, в основании которой находится личный труд. Эта форма собственности внутренне не противоречива, поскольку отношения собственности являются вполне *объективным* следствием субстанциональности труда как внутренне тождественной материально-идеальной деятельности.

Форма собственности, в которой собственник владеет результатом чужого труда вследствие его изъятия, отчуждения (неважно, насильственного или «добровольного», вызванного жизненными или экономическими потребностями), является внутренне *антагонистической* формой, поскольку в ней изначально заложено противоречие между естественным, *объективным* отношением собственности самого производителя к результату своего труда и между отчуждением этого отношения другим лицом, не имеющим естественно возникших оснований для владения продуктом труда. Антагонистическая форма собственности есть следствие *субъективных* действий по изъятию продукта труда у его производителей. Антагонистическая форма отношений собственности возникает только тогда, когда иные общественные отношения, прежде всего отношения господства и подчинения, деформируют отношения присвоения таким образом, что становится возможным присвоение продукта труда не самими производителями, а третьими лицами. Вследствие этих процессов (по своей общественной форме весьма сложных) возникают антагонистические формы собственности, являющиеся следствием захвата продукта труда небольшой частью общества, которая, овладевая затем и средствами производства, присваивает коллективно (общественно) произведённый продукт.

В антагонистической форме собственности уже самим принципом её появления, принудительным отчуждением, заложено внутреннее противоречие между источником её возникновения (труд одних) и фактическим отношением собственности (собственность других). Это изначально заложенное антагонистическое отношение является имманентным антагонистическим противоречием, сопровождающим эту форму собственности

[1] Насильственный, принудительный характер труда на частного собственника отмечал ещё Маркс: «…обособившееся в виде самостоятельной силы богатство может вообще существовать *только* благодаря принудительному труду: *непосредственному* принудительному труду — рабству или *опосредствованному* принудительному труду — *наёмному труду*» (Там же. Т. 46. Ч. 1. С. 281).

в течение всей её жизни, и которое, в конце концов, должно разрешиться ликвидацией этого противоречия в новых формах отношений собственности как естественной собственности, т.е. принадлежащей самим производителям.[1]

Т.о. «частная собственность есть продукт, результат, необходимое следствие отчуждённого труда» только в отношении антагонистической формы собственности, но не собственности вообще.

***

Сделаем небольшое отступление. Объектом собственности могут быть и объекты, не являющиеся продуктами труда – земля, вода и т.п. Естественно возникающих отношений собственности как следствия деятельности людей в этом случае нет, но, тем не менее, в реальности эти объекты становятся предметом собственности. Это значит, что основания отношений собственности в этом случае следует искать не в производительной деятельности людей как таковой, а в иных отношениях человеческих сообществ, которые существуют вне и помимо отношений собственно производства – т.е. в отношениях, отражающих положение людей в структуре сообщества. А это отношения иерархии, господства и подчинения, которые далеко не идентичны отношениям, складывающимся в процессе собственно производства, хотя и взаимосвязаны с ними.

Поэтому выявленная нами внутренняя логическая связь производительной деятельности и возникающих как её следствие отношений собственности не позволяет полностью согласиться с выводом Маркса: «…здесь выступает различие между естественно возникшими орудиями производства и орудиями производства, созданными цивилизацией. Пашню (воду и т. д.) можно рассматривать как естественно возникшее орудие производства. В первом случае, при естественно возникших орудиях производства, индивиды подчиняются природе, во втором же случае они подчиняются продукту труда. Поэтому и собственность в первом случае (земельная собственность) выступает как непосредственное, естественно

[1] То же самое, по сути, говорит и Маркс: "Капиталистический способ присвоения, вытекающий из капиталистического способа производства, а следовательно, и капиталистическая частная собственность, есть первое отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде. Но капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса своё собственное отрицание. Это отрицание отрицания. Оно восстанавливает не частную собственность, а индивидуальную собственность на основе достижений капиталистической эры: на основе кооперации и общего владения землёй и произведёнными самим трудом средствами производства" (Там же. Т. 23. С. 773).

Как видим, Маркс отличает *индивидуальную* собственность, основанную на *собственном* труде, от *частной* собственности, соответствующей капиталистически ведущемуся производству (использованию *наёмного* труда). И другое, – *общественная* собственность приравнивается им к индивидуальному владению средствами производства и результатами производственной деятельности, т.е. она фактически основана на собственном труде людей. Или, другими словами, право *общественной* собственности (т.е. отношения производства и распределения) могут осуществлять *только* работающие индивидуумы.

возникшее господство, а во втором – как господство труда, в особенности накопленного труда, капитала».[1]

Мимоходом можно отметить, что насколько индивиды подчиняются продукту труда, настолько же и подчиняют продукт себе – диалектика, здесь нужно конкретное рассмотрение, а не голая абстракция, но главное не в этом. Проделанный нами логический анализ показывает, что земля и т.п. не является продуктом деятельности человека и потому не может рассматриваться как предмет «естественно возникшего господства». Следовательно, собственность на неё является продуктом *особенных* отношений внутри человеческого сообщества, т.е. это *социальный* феномен – результат не сугубо производственных отношений, а отношений, структурирующих сообщества людей как иерархически построенные общественные организмы, отношений господства и подчинения, которые, в свою очередь, являются результатом исторического развития.

Тем более, что Маркс тут же себя поправляет: «В первом случае господство собственника над не-собственниками может опираться на личные отношения, на тот или иной вид общности…»[2] – т.е. является следствием не некоего «естественного» господства, а вполне конкретных, исторически возникающих отношений внутри сообщества.

Этот же исторический подход позволяет сделать следующий вывод. Поскольку земля (и другие природные богатства) не является продуктом труда людей и естественных отношений владения в этом случае не возникает, то и отношения владения землёй (и другими общими объектами природы), т.е. *отношения земельной собственности, изначально не могли не быть общими* и только впоследствии из общей земельной собственности выделилась частная. Реальная история развития общества подтверждает этот логический вывод.

Отсюда следует, что в основании феноменов и общей (общественной), и частной собственности, и, вообще, любых отношений собственности находится человеческая деятельность и сопутствующие ей отношения людей. Отношения собственности есть результат исторического развития человеческих общностей и как таковые изменчивы и преходящи.

***

Далее, Маркс отмечает – «…труд, субъективная сущность частной собственности, как нечто исключающее собственность, и капитал, объективированный труд, как нечто исключающее труд, – такова *частная собственность* как развитая до степени противоречия форма указанной противоположности, а потому как энергичная, побуждающая к разрешению этого противоречия».[3]

Но наш анализ показывает иное. Труд, результатом которого является продукт, становящийся собственностью производителя, составляет сущность этой собственности как вполне *объективная* деятельность (объективная сущность), тем самым он *предполагает* индивидуальную трудо-

[1] Там же. Т. 3. С. 65.
[2] Там же.
[3] Там же. Т. 42. С. 113.

вую собственность как *естественную* собственность.

Маркс полагает труд субъективной сущностью частной собственности потому, что труд осуществляется *субъектом*, индивидом (группой индивидов) – но мы убедились, что в отношениях собственности определяющим является не субъективная сторона, индивид, а совершенно *объективный* материальный процесс создания продукта труда, идеально представленный в его результате. Тем более, что одновременно эта собственность выступает как *основание* обмена, как нечто, что уже дано до самого факта обмена, как просто наличествующее. И с этой стороны, со стороны обмена, со стороны актуальности, собственность также вполне *объективна*, как предстающая в объективированной форме продукта. Труд субъективен со стороны субъекта труда, индивида, как процесс, им инициированный и потому *по видимости* субъективный. Но этот же труд вполне объективен как материальный процесс, основанный на природных законах, используемых индивидом.

Т.о. труд как диалектически объективно-субъективная деятельность (*объективная* деятельность, выполняемая *субъектом*), не исключает, а предполагает, говоря языком Гегеля, посредством своего результата отношения собственности, которые предстают с двух сторон: как объективные со стороны собственно процесса труда, а также со стороны вещественности результата труда, его представленности в отношениях обмена в материальной форме; как субъективные со стороны трудящегося субъекта, индивида. Труд не исключает, а предполагает собственность, но собственность как результат *своего* труда, *собственного* труда. Это естественное следствие естественного процесса жизнедеятельности человека как процесса субстанционального, материально-идеального.

Но эта же самая жизнедеятельность создаёт такие *формы взаимоотношений между людьми*, в которых становится возможным присвоение собственности, созданной чужим трудом (от условий возникновения такой возможности мы абстрагируемся). Не только форма, но и сущность отношений собственности трансформируется – теперь собственностью является результат *чужого* труда. Естественность возникновения собственности и её основания нарушена и в этом пункте *возникает антагонистическое противоречие внутри отношений собственности* – противоречие между трудом, производящим продукт, и между собственником, отчуждающим и присваивающим этот продукт *не на естественном производительном основании, а на основании отношений, устанавливаемых иными общественными процессами*. Только теперь возникает, начинает развиваться и двигаться к своему разрешению *антагонистическое* противоречие между трудом и собственностью – между трудом одних и собственностью на это труд и его результат других.

Это не внутреннее противоречие, естественно возникающее в диалектическом процессе. Оно является следствием общественных процессов, не имеющих отношения к собственно производительной деятельности как таковой и находящейся в основании возникновения отношений собственности, а потому не может быть разрешено снятием его сторон в новом качестве. *Антагонистическое* противоречие отношений собственности

может быть только *ликвидировано так же насильственно*, как и возникло – внешним по отношению к нему образом – не собственно отношениями в процессе производительной деятельности, а иными социальными отношениями, представляющими собой отношения господства и подчинения. Последнее означает, что антагонистические отношения собственности могут быль ликвидированы только взявшим в свои руки власть классом наёмного труда.

В антагонистическом противоречивом отношении между трудом и собственностью, собственность исключает (отрицает) не труд как таковой (без труда вообще невозможно появление собственности и как отношения, и как его объекта), а только его право (вернее, право труженика) на владение своим продуктом. Противоречие между общим трудом и частным присвоением по мере развития общественных производительных сил (в т.ч. и разделения труда) наращивает свой потенциал и, в конце концов, либо завершится обобществлением производительных сил в форме общей собственности и, т.о., возникнет новое противоречие уже внутри нового производственного отношения (но это будет уже диалектическое противоречие[1]), либо, в случае недостаточной активности со стороны труда (вернее, наёмных работников), стагнирует и начнёт деградировать, что будет иметь следствием и деградацию всего процесса развития субстанции человек. Ведь в этом случае процесс, определяющий развитие общества, будет осуществляться не в интересах общества в целом, а исключительно в интересах незначительной его части.[2]

В основании отношений собственности находятся три общественных феномена: 1. производственная деятельность разных производителей, самой своей сущностью предполагающая возникновение отношений собственности; 2. отношения обмена, в которых односторонние отношения собственности, возникающие в производстве, снимаются в обмене продуктами труда, становятся всеобщими и т.о. полностью реализуются; 3. отношения насилия и иерархии (главенства и подчинения) – для антагонистической формы собственности.

---

[1] Диалектическое, поскольку будет основано на «естественном» процессе возникновения отношений собственности, а такое противоречие может быть снято в новом качестве. В данном случае это возможно посредством снятия его сторон, т.е. выхода человека из производственного процесса как его объекта, как технологической части, при этом исчезают всякие основания для возникновения отношений собственности.

[2] Антагонистическое противоречие между общим трудом и частным присвоением может самоликвидироваться в случае вытеснения труда (и, соответственно, рабочего) из процесса производства и этот процесс уже интенсивно идёт (имеется ввиду автоматизация производства). Вряд ли надо говорить какие последствия это будет иметь для рабочих. Как видим по форме разрешение (снятие) диалектического противоречия (см. сноску выше) и ликвидация антагонистического противоречия совпадают – выход человека из производства – но сущность этих процессов противоположна. В первом случае – освобождение человека от отчуждения его деятельности и возможность её полного присвоения, во втором – полное отчуждение человека от деятельности и средств существования и его гибель.

Мы определили три условия, лежащие в основании отношений собственности, без ликвидации которых невозможно уничтожение последних. Выполнение первого условия обеспечивается выходом человека из процесса производства как его непосредственного участника, как дополнения технологических процессов, как «частичного человека». Тем самым объективно ликвидируются всякие основания для возникновения и существования отношений собственности.

Здесь следует подчеркнуть весьма важный момент. Если превращение частной собственности в общественную предстаёт именно как *ликвидация* антагонистической формы частной собственности, т.е. как принудительный по отношению к частным собственникам акт (и иначе это осуществлено быть не может, причём на сущность этого процесса не влияет, будет ли эта ликвидация возмездной или безвозмездной), то ликвидация отношений собственности как таковых по своей форме может быть только их *исчезанием* (Маркс говорит об *упразднении*, что фактически то же самое) по мере выхода человека из процесса производства как его объекта, как технологического дополнения к орудиям труда, что возможно с полной автоматизацией производства.[1]

Поскольку выход человека из процесса производства знаменует исчезновение самой возможности возникновения отношений собственности, то, казалось бы, объективно ликвидируется и условие необходимости обмена продуктами труда. Но этот вывод, взятый сам по себе, будет абстрактным выводом – ведь сохраняется собственно само производство с его дифференциацией по отраслям и видам производства, т.е. то, что ранее характеризовалось как разделение труда.

Отсюда видно, что отношения обмена с исчезанием отношений собственности не исчезают, а меняют свою форму – из товарно-денежной формы они переходят полностью в натуральную форму. Собственно, это будут уже не отношения обмена, в которых обмениваются *стоимости*, а отношения кооперации, координации, в которых обмениваются *вещественные* результаты производственной деятельности. Правильнее будет даже сказать, что результаты производственной деятельности не обмениваются, а дополняют друг друга, соответствуют друг другу.

Разумеется, что упразднение отношений собственности связано с выполнением ещё одного важнейшего условия – развитием производительных сил выше определённого уровня, что непосредственно связано с первым условием, и соответствующее этому развитию коренное изменение всех общественных отношений, неразрывно связанное с развитием самого человека.

Ранее мы определили две формы отчуждения, одна из которых проявляется как всеобщее и действительна для всех общественных форм – отчуждение продукта труда; вторая проявляется как особенное, имеет пре-

[1] Сказанное не означает, что человек не будет участвовать в производстве – он становится творцом, полным человеком, свободно распоряжающимся своей судьбой. Только теперь появляется возможность становления новых отношений – труд из необходимости превращается в потребность.

ходящий характер и свойственна обществам, распространяющим частную собственность и на труд человека – отчуждение деятельности.

Соответственно формам отчуждения развиваются и формы собственности, определяющие общественные отношения и влияющие на форму общества. На этом основании можно кратко классифицировать исторически развившиеся сообщества.

1. *Добровольное отчуждение, самоотчуждение*. Очевидно, исторически первая форма отчуждения, возникшая в первобытном человеческом обществе. Однако, это ещё не сознательное отчуждение, а вызванное необходимостью выживания и всецело находившееся под давлением внешних обстоятельств. По этой причине самоотчуждением может быть названо условно, но, тем не менее, это всё же самоотчуждение, поскольку оно возникло изнутри возникающего человеческого сообщества и направлено на поддержание жизнедеятельности всех его членов. Форма сообщества здесь – солидарное первобытное общество, в котором возникшие отношения присвоения и отчуждения начинают, с одной стороны, дифференцировать общество и, с другой стороны, консолидировать его, отделяя тем самым от других подобных сообществ и выделяя в саморазвивающуюся общность. Одновременно возникший феномен отчуждения несёт в себе потенцию возникновения новой формы отчуждения, при которой продукт труда одних людей присваивается другими людьми – возникает возможность отчуждения деятельности.

В силу того, что отношения собственности только возникают и совершенно не развиты, возможны все её формы от индивидуальной до коллективной.

2. *Принудительное отчуждение* продукта труда и деятельности производителей в пользу других лиц, которые выступают как в форме индивидуумов, так и в форме групп индивидуумов и даже общества в целом, чьи функции присвоены государством в лице правителей. Увеличение прибавочного продукта, полученное таким образом, позволяет часть его использовать в интересах дальнейшего увеличения количества отчуждённых производителей, как следствие сообщества увеличиваются численно и территориально, появляются уже не родственные, племенные объединения, а территориальные образования, впоследствии – государства.

Здесь деятельность и её продукт отчуждаются вместе с носителем деятельности, они рассматриваются как одно целое. Это следствие неразвитости производительных сил и разделения труда. Отчуждение в таких обществах выступает в двух формах:

- принуждение в форме непосредственного отчуждения (рабство);
- принуждение посредством социальных институтов (сословная, крепостная зависимость).

Отчуждение не только продукта труда, но и деятельности вместе с её носителем даёт возможность применять труд централизованно и в больших масштабах, сосредоточивая его на крупных проектах. Довольно эффективно с точки зрения практических результатов это было применено в т.н. азиатском способе производства, при котором собственником (в той или иной форме) масс людей выступало государство, а не отдельные ин-

дивидуумы, либо их группы. С одной стороны были достигнуты небывалые до того экономические и технические успехи, но, с другой стороны, личная незаинтересованность работников поставила предел развитию производительных сил, что было усугублено невозможностью дальнейшего разделения труда в силу закрепощения работников.

3. Поэтому становится необходимым личное освобождение производителя и принуждение его к труду иными методами, которые при лично свободном работнике позволяли бы отчуждать и его деятельность, и продукт труда, поскольку результаты *свободной* деятельности, осуществляемой лично свободным работником, будут присвоены им самим.

Отношения собственности при этих формах отчуждения выступают в форме частной собственности (государственная форма собственности является особенной формой частной собственности), которая распространяется не только на продукт труда работника, но и на его деятельность. При этом сам работник формально остаётся свободным.

Формой отчуждения, позволяющей преодолеть возникшую границу развития производительных сил, становится *необходимое, императивное отчуждение* – принуждение посредством экономических отношений, при которых лично свободный работник не может вести свободной деятельности, не обладая средствами производства. По этой причине он вынужден вполне «свободно» и «добровольно» продавать свою рабочую силу собственникам средств производства. Общественные отношения принимают форму капиталистических отношений, при которых собственники средств производства в силу отношений собственности получают продукт, производимый работниками, а также могут распоряжаться их производительной деятельностью, поскольку она непосредственно осуществляется как дополнение к средствам производства. Работники же поставлены в такое положение *экономической* необходимостью (а не социальными отношениями, как при рабстве и феодализме), поскольку они не могут получить средства обеспечения жизнедеятельности иным путём, кроме продажи своей способности трудиться. Отношения собственности реализуются в форме частной собственности (к особенным формам которой относятся групповая, коллективная и государственная собственность) при формально свободном работнике

Подобные отношения отчуждения характерны и для первой фазы коммунизма (социализма) с тем сущностным отличием, которое позволяет выделить эту общественную форму во вполне самостоятельную и отличную от капиталистической, что средства производства формально принадлежат всему обществу и, соответственно, продукт труда и сама деятельность работников также принадлежат всему обществу.

Однако, поскольку собственность как таковая сохраняется, то должен быть и субъект, реализующий отношения собственности и управляющий собственностью – совершенно ясно, что общество в целом может выполнять эту функцию только будучи оформленным в каком-то виде, но не как аморфная масса. Таковым субъектом при господстве общественной собственности на средства производства может быть только субъект, чья всеобщность соответствует всеобщности общества. Такой субъект исто-

рически возникает только в форме государства.

Отсюда следует, что значение государства в регулировании общественных отношений (прежде всего отношений собственности) при социализме не только не снижается, а напротив, возрастает, причём оно объективно должно расти пропорционально росту объёма собственности, т.е. производительных сил. В этой роли государства заключён не только огромный потенциал по развитию общественных производительных сил, но и скрыта не менее огромная опасность, состоящая в том, что государственным институтам, в силу их функций, имманентно стремление монополизировать все стороны жизнедеятельности общества, огосударствить все общественные отношения (западная политология окрестила этот феномен тоталитаризмом, превратив его в своеобразный жупел, совершенно не понимая при этом глубинной сути социалистического общества. К сожалению, с этим согласны и многие исследователи марксистского толка, не желающие, или не способные вникнуть в суть социалистических общественных отношений).

Государство – это форма самоорганизации общества и фактически получается, что форма получает почти неограниченные возможности по воздействию на содержание, что чрезвычайно опасно для общества в целом. Путь социализма, новый, неизведанный путь, его можно сравнить с движением по лезвию бритвы – уклон в сторону излишнего огосударствления ведёт к неизбежному окостеневанию общественных структур, застою, апатии общества[1]; уклон в сторону чрезмерного ослабления государства ведёт к столь же неизбежному появлению центробежных тенденций, анархии, децентрализации. Мы не смогли удержаться, из первой опасности сразу безмысленно бросились во вторую и своими руками уничтожили и общество, и государство.

Неужели же нет пути, идя которым и сохраняя организующую роль государства можно поставить общество в равноправное положение с государством и, более того, постепенно сблизить, отождествить государство и общество, снять их противоречие в новом качественном состоянии? Как решить эту диалектическую задачу?

Очевидно, исходя из того основополагающего отношения, что собственность на средства производства при социализме принадлежит *всему обществу,* а государство выполняет функцию управляющего этой собственностью, т.е. играет подчинённую обществу роль, находится на службе у него.

Но это означает, что и распоряжаться общим продуктом и собственной деятельностью должны *все* работники – т.е. не только иметь право, но и *фактически* осуществлять его. В противном случае неизбежна профанация отношений *общей* собственности и их узурпация слоем управляющих, бюрократией, что несёт в себе имманентную возможность перераспределения собственности в пользу бюрократии. Отношения собственно-

[1] Именно о возможности такого развития государства и общества неоднократно предупреждал Ленин, говоря о смертельной опасности бюрократизации государства.

сти при социализме существуют в форме общей собственности всех работников на общий продукт и на свою деятельность. Однако неразвитость форм участия работников в управлении общей собственностью, продуктом и деятельностью, их отчуждение от функций управления, имеет следствием *фактическое* осуществление этих функций государством в лице правящего слоя. Это противоречие может разрешиться в пользу любой из сторон в зависимости от конкретных условий общественного развития.

Каким путём пойдёт участие трудящихся в управлении не только собственно производством, но и всей жизнедеятельностью общества априори невозможно сказать во всей полноте проблемы, но несомненно, что имеющийся опыт строительства социализма, как полезный, так и негативный должен быть и будет учтён.

Необходимо только отметить следующее – участие трудящихся в управлении производством и, тем более, всем обществом предполагает не только их активную жизненную позицию, но и весьма высокий культурный, во всех отношениях, уровень. С низким уровнем знаний и культуры нового общества не построить. Без учёта этого обстоятельства ни о каком эффективном участии в управлении обществом не может быть и речи. Только в этом обоюдном процессе целенаправленного изменения как общества, так и самого себя может и должен вырасти новый человек. Никакие государственные решения и действия не помогут, если человек в этом процессе предстаёт как объект воздействия, а не как субъект общественных отношений, активно в них участвующий и их изменяющий.

Как видим, человек социалистического общества есть переходный тип человека и в таком качестве он представляет собой сосредоточие противоречий старого, капиталистического общества, и нового, становящегося социалистического общества, как, впрочем, противоречиво и само общество в целом.

Эгоистический индивидуализм прежнего общества и социалистические общественные отношения несовместимы. Но это не означает, что при социализме должно произойти полное растворение индивида в обществе. Диалектика развития предполагает не уничтожение сторон противоречия, а их снятие в новом качестве, что применительно к соотношению (сочетанию) индивидуализма и коллективности и в человеке, и в обществе означает возникновение *тождества* индивида и общества, что имеет следствием возникновение нового общественного феномена – феномена *общественной индивидуальности*, который из немногочисленного и случайного до сих пор явления становится всеобщим, массовым.

В этом соотношении индивидуального и общественного *единичное* (индивид) тождественно *общему* (обществу) посредством *особенного* – возникающих *новых форм* индивидуально-общественной деятельности. Такая деятельность есть деятельность индивида в обществе и для общества и, т.о., посредством общества для себя. Здесь каждый индивид субстанционален в субстанциональном обществе, часть и целое дополняют друг друга. Субстанциональность индивида означает его полную свободу в саморазвитии. Субстанциональность общества теперь означает, что целое (общество) детерминирует свои части (индивидов) не посредством

давления непонимаемых объективных обстоятельств, а посредством сознательной добровольной совместной деятельности индивидов, сознательно же и добровольно согласовывающих своё саморазвитие с интересами общества. Детерминация частей целым и обратное воздействие частей на целое развиваются как единый взаимосогласованный двунаправленный процесс. Общество не принуждает и не подавляет индивидов, индивиды не противодействуют общественным интересам, которые теперь становятся их собственными органичными интересами.

Только в такой тождественности может реализоваться известное положение о том, что свободное развитие каждого является условием свободного развития всех. *Индивидуализм эгоистический* в процессе исторического развития сменяется *индивидуализмом творческим*, который не может не быть индивидуализмом общественным, ибо суть творчества и заключается в действовании в общих интересах, поскольку только в общественных отношениях творчество может предъявить свою сущность, вне этих отношений оно не имеет основания. В противном случае ни о каком социализме не может быть и речи. Однако, недостаточно *понять* сущность социалистических общественных отношений как новых условий взаимодействия индивидуального и общественного, главное — это *практическое движение* к новому общественному устройству. *Сознательное* изменение мира – в этом суть *современного* общественного развития.

Капиталистическая форма общественных отношений, кроме прочих противоречий, несёт в себе также свой собственный предел как незаинтересованность работников в развитии общественных производительных сил, в этом проявляется их личная отчуждённость от общества.

Социалистические отношения собственности неизбежно приводят к тому же результату в случае безраздельной власти бюрократии и отстранения работников от *действительного и всестороннего участия в управлении общей собственностью, распределении продукта труда и в управлении собственной деятельностью*. Наступает момент, когда дальнейшее движение должно пойти по одному из путей – либо возврат к частным отношениям собственности, либо отстранение бюрократии от управления собственностью, продуктом труда и деятельностью трудящихся и становление новых форм участия в этом процессе трудящихся. В случае всё более полного участия трудящихся во всех сторонах жизнедеятельности общества оно будет развиваться в направлении становления коммунистических общественных отношений, в случае же перманентного возрастания роли и силы бюрократии практически неизбежен возврат к капиталистической форме собственности со всеми вытекающими из этого обстоятельства последствиями, что и произошло, в конце концов, с советским социализмом.

***

Вглядимся более подробно в сущность разных форм отношений собственности – естественных и антагонистических – с точки зрения их диалектичности.

Рассмотрим процесс производства. В *естественных* отношениях соб-

ственности средствам производства (вещам) противостоит человек[1], их изготовивший. Здесь человек и производитель вещи, и, как следствие этого, собственник вещи. В этом случае в процессе производства противостоят друг другу сам человек (как работник) и вещь, им изготовленная (как средство труда) и потому представляющая именно его, персонифицирующая только его. Т.е., по сути, сторонами рассматриваемого производственного противоречия являются сам человек и он же, но противостоящий себе в превращённой форме, в форме персонифицированной вещи. В этом противоречии человек, т.о., предстаёт в двойственном виде – как собственно человек и как его иное, как его идеальное представление в материальной вещи. Но это есть не что иное, как диалектическое производственное противоречие субстанции человек, представленное двумя своими сторонами – материальной (сам человек) и идеальной (его персонификация в вещи).

Эта двойственность человека проявляется также в том, что он и отчуждён от собственной деятельности, и неотчуждён одновременно. Отчуждённость является следствием того, что человек вынужден противостоять в процессе производства вещам – средствам производства и проявляется в том, что человек в таком качестве является необходимым технологическим дополнением средств производства, частичным человеком, не имеющим возможности свободно реализовать свою универсальность. Неотчуждённость проявляется в том, что он противостоит средствам производства, в которых персонифицирован (идеально представлен) он сам, т.е. человек противопоставлен самому себе материально-идеально.

Как будет развиваться и разрешаться это противоречие? По мере усложнения производства и, соответственно, средств производства, будет увеличиваться доля труда человека, идеально представленная в них. Т.е. в процессе производства в каждом его цикле вследствие усложнения средств производства человеку будет противостоять всё более возрастающая доля труда, персонифицированного в средствах производства – доля текущего труда будет постоянно уменьшаться относительно доли прошлого труда, овеществлённого в средствах производства (по Марксу это не что иное, как возрастание органического строения капитала). Другими словами, участие человека в процессе производства как его материального фактора постоянно уменьшается и одновременно растёт идеальное представление человека в средствах производства в форме воплощённого в них знания. Отмеченный феномен знаменует собой тенденцию усложнения средств производства вплоть до их автоматизации и т.о. постепенного выхода человека из процесса производства как его непосредственного участника, как дополнения к средствам производства.

Производственное диалектическое противоречие, развивающееся в условиях отношений естественной собственности, в итоге разрешается выходом человека из процесса производства как его объекта (дополнения к орудиям труда) и, с другой стороны, необычайным развитием произво-

[1] Имеется ввиду абстрактный, обобщённый человек – и как индивид, и как группа индивидов.

дительных сил. Всё это вместе взятое создаёт условия для всестороннего развития самого человека – теперь ликвидировано отчуждение человека от собственной деятельности (он выведен из производства как его объект, как приложение к средствам производства) и имеется развитая материальная база для удовлетворения его потребностей.

В *антагонистических* отношениях собственности работник противопоставлен средствам производства, в которых персонифицирован *другой* человек – собственник средств производства. Т.о. работнику в средствах производства противостоит не он сам в превращённой форме, не его иное, а совершенно посторонний для производства субъект. Как следствие, естественное диалектическое производственное противоречие деформируется этим внешним ему противоречием (о соотношении внутренних и внешних противоречий мы говорили в главе «11. Противоречия»), возникает внутренний антагонизм в развитии и разрешении производственного противоречия вследствие противостояния двух разных субъектов – собственника средств производства и собственника рабочей силы. Вследствие наличия отмеченного антагонизма все противоречия производства будут разрешаться только в пользу собственника, но не работников. Здесь работник полностью отчуждён от своей производственной деятельности.

В этом случае производство в целом также будет развиваться в соответствии с рассмотренным выше диалектическим противоречием – в направлении усложнения средств производства, т.е. так же, как и в случае естественных отношений собственности. Возникает вопрос, в чём же разница?

В том, что субъект собственности всегда действует в собственных интересах. Но в первом случае это будут интересы работников, самих производителей, а во втором – интересы частных собственников. В первом случае мы имеем отношения *общественной* собственности, социалистические отношения. Во втором случае – отношения *частной* собственности, капиталистические отношения. В первом случае развитие и разрешение производственного противоречия определяется самим производителем, диалектически двойственно представленным сторонами производства. Во втором случает это противоречие деформировано влиянием внешней силы, частного собственника, что является перманентным источником кризисов. В первом случае развитие производительных сил, сопровождающееся выходом человека из процесса производства как его объекта, будет иметь результатом освобождение человека от отчуждения его деятельности и возможность создания условий для его свободного развития. Во втором случае при тех же обстоятельствах (вывод человека из процесса производства) неизбежно обретение собственниками абсолютной власти и тотальное подавление всех несогласных с ними. Работник-производитель, вытесненный из сферы производства, лишается средств к существованию и, как следствие, самой жизни. Вот это, действительно, «конец истории».

В отношении ликвидации отношений собственности надо сказать следующее. Естественные отношения собственности (отношения общественной собственности) как внутренне диалектические отношения своим

естественным же результатом имеют тенденцию *исчезания* их вследствие постепенного выхода человека из процесса производства как *непосредственного* производителя и, т.о., исчезание непосредственной связи между человеком и продуктом производственной деятельности, т.е. элиминирование самой возможности возникновения каких бы то ни было отношений собственности.

Антагонистические отношения собственности (отношения частной собственности) возникают не как естественное следствие производительных процессов, а как *внешнее* влияние на них других общественных отношений – отношений насилия, господства и подчинения, иерархизации общества. По этой причине они не могут быть ликвидированы естественным путём, т.е. вследствие разрешения *внутреннего* производственного противоречия. Возникнув как насилие *над* производителями, они могут быть ликвидированы также только насилием, но уже *со стороны* производителей.[1] Вот почему в «Манифесте коммунистической партии» совершенно недвусмысленно сказано – «…коммунисты повсюду поддерживают всякое революционное движение, направленное против существующего общественного и политического строя. Во всех этих движениях они выдвигают на первое место вопрос о собственности, как основной вопрос движения… Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путём насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя».[2]

Возникнув в первобытном обществе отношения общественной собственности, пройдя в своём историческом развитии смену рядя форм, имеют тенденцию своего исчезновения как тенденцию полного освобождения человека от отчуждения от продуктов своего труда и, главное, от отчуждения своей деятельности.

Путь от антагонистических отношений собственности – сначала к общественным отношениям собственности и уже затем к упразднению (исчезанию) всяких отношений собственности.

В итоге – только исчезание всех форм отношений собственности. Маркс заметил, что «снятие самоотчуждения проходит тот же путь, что и самоотчуждение»[3]. Но полное снятие отчуждения как вынужденного самоотчуждения деятельности возможно только на пути ликвидации всяких отношений собственности. (Мы помним, что самоотчуждение продуктов труда, напротив, должно достичь своей полноты).

В этом пункте развитие общественных отношений должно идти не вспять («тот же путь»), а совершить движение вперёд, к полной ликвидации всех форм отношений собственности. Но на прежнем основании – на

---

[1] Насилие понимается как воздействие на противоречие не имманентным ему способом, а внешним волевым действием (как воздействие внешнего влияния, как сторона внешнего противоречия). В данном случае это принудительная ликвидация частной собственности на средства производства. Формы такого принуждения могут быть разными в разных конкретных общественных условиях.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 4. С. 459.

[3] Там же. Т. 42. С. 113.

последовательном отрицании и снятии форм собственности от неразвитой естественной к антагонистической, и от развитой антагонистической к развитой общественной – это невозможно. На собственном основании общественная собственность снята быть не может, поскольку снятие означает одновременно и сохранение её в новой форме, но высшая форма естественной собственности, как полной собственности на свой труд и его продукт, уже достигнута при социализме. Следовательно, собственность должна быть не просто снята, а упразднена на ином основании.

И это основание не может быть иным, чем таким развитием производительных сил, которое позволит вывести человека из процесса производства как его непосредственного участника, как часть технологического процесса, что приведёт к полной ликвидации самой возможности возникновения отношений собственности, поскольку будет отсутствовать *основание* для возникновения отношений собственности как следствия участия человека в производстве. Отношения собственности и собственность как таковую возможно ликвидировать, выведя человека из производства как его непосредственного участника в виде исполнителя. В этом пункте снятие отношений собственности выступает в новой форме, достигшей своего завершения, истины – как одновременно и исчезание всяких отношений собственности (в том числе общественной собственности), и распространение для индивида (групп индивидов) отношений присвоения на весь продукт общества – что необходимо предполагает такой уровень индивидуальной и общественной культуры, который позволит гармонично сочетать интересы общего (общества в целом), особенного (групп людей) и единичного (индивидов).

С точки зрения собственно производства сейчас уже видны практически осуществимые пути такой возможности – речь идёт об автоматизации производства. С полным выходом человека из процесса производства как его объекта исчезает сущностная основа возникновения отношений собственности – нет производителя, нет субъекта собственности.[1]

Второе условие – упразднение отношений обмена – может быть достигнуто только с таким развитием производительных сил, которые позволят изменить общественные отношения таким образом, что потребности людей будут удовлетворяться в полной мере.

Но формирование этой меры потребует, в свою очередь, невероятного развития культурной сферы и всех форм общения людей, т.е. сферы идеального, и это есть третье условие.

Разумеется, что выполнение трёх названных условий не может быть последовательным – только единый процесс развития производительных сил и соответствующего изменения общественных отношений может (и должен) привести к полной ликвидации отношений собственности. Путь

[1] Несомненно, что это теоретическое положение не следует выполнять в практике буквально – человек *должен* трудиться, в том числе и физически, но это будет уже не вынужденный обстоятельствами труд, а свободный труд, направленный на всестороннее саморазвитие человека, реализацию его многосторонних способностей и потребностей.

этот будет долгим и непростым, но иного нет. И без *целенаправленной активности* субъекта этих отношений, человека, такой результат вряд ли достижим.

18. Пространство, время, etc…

В заключение теоретической части книги отвлечёмся от проблем собственно человека и проверим действенность концепции субстанционального монизма на вопросах, имеющих, на первый взгляд, отвлечённый характер, но, тем не менее, оказывающих глубокое сущностное влияние на научную картину мира.

Пространство и время – феномены объективной реальности, сущность которых столь по-разному предстаёт в категориях мышления в разных его формах, от философии до естественных наук. Обратимся сначала к известным определениям.

«…Обе эти формы существования материи без материи суть ничто, пустые представления, абстракции, существующие только в нашей голове».[1]

«…Пространство и время – не простые формы явлений, а объективно-реальные формы бытия. В мире нет ничего, кроме движущейся материи, и движущаяся материя не может двигаться иначе, как в пространстве и во времени.

… наши развивающиеся понятия времени и пространства *отражают* объективно-реальные время и пространство».[2]

«ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ - общие формы существования материи, а именно формы координации материальных объектов и явлений. Диалектич. материализм и совр. наука показывают, что П. и в. не могут существовать вне материи и независимо от неё. Отличие этих форм друг от друга состоит в том, что пространство есть всеобщая форма сосуществования тел, время - всеобщая форма смены явлений… Пространство есть форма координации различных сосуществующих объектов и явлений, заключающаяся в том, что последние определ. образом расположены друг относительно друга и, составляя различные части той или др. системы, находятся в определ. количеств. отношениях друг к другу. Время есть общая форма координации явлений, сменяющих друг друга состояний материальных объектов, заключающаяся в том, что каждое явление (состояние), составляя ту или иную часть процесса, совершающегося в объекте, находится в определ. количеств. отношениях к др. явлениям (состояниям)».[3]

(По понятой причине мы не обращаемся к нематериалистическим философским направлениям, трактующим понятия пространства и времени с субъективистских точек зрения).

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 20. С. 550.
[2] *Ленин В.И.* ПСС.- Т. 18. С. 181 и 183.
[3] Философская энциклопедия. - Т. 4. С. 392.

Классики говорят о пространстве и времени исключительно в самой абстрактной форме, не обращаясь к сущности этих феноменов. Философы нашего времени пытаются конкретизировать пространственно-временную абстракцию понятием координации, т.е. связи материальных объектов. Но координация, связь в этом определении выступают как нечто внешнее по отношению к координируемым материальным объектам, пространство же и время в действительности неотрывны от материи и как таковые есть её сущностная характеристика.

Так что же пространство и время представляют собой «изнутри», какова их сущность, в какой форме существуют, как соотносятся с материей и друг с другом? Всмотримся в них с точки зрения субстанционального монизма (вначале будем рассматривать субстанцию с материальной стороны, как материю).

Поскольку кроме движущейся материи ничего нет (а материалисты сойти с этой позиции не могут), то, следовательно, пространство и время есть какие-то формы её существования, проявления, по-иному трактовать их невозможно.

Можно, вслед за Декартом, сказать, что материя протяжённа и как таковая образует пространство. Но это будет не объяснением сущности пространства, а называнием его другим термином, который всё равно требует сущностного наполнения. Совершенно очевидно, что сущность пространства (и времени) неотделима от сущности материи. По этой причине пространство (и время) может рассматриваться только как сторона материи, как какое-то её качество.

Пространство обычно понимается как то, во что материя погружена, в чём она движется, причём это движение понимается преимущественно механистически. Но такая пространственность будет чем-то отличным от материи и претендующим на равноправность с нею. Остаётся либо признать наличие равноправных материи и пространства как двух оснований реальности и окончательно запутаться в их дуализме, либо считать пространство той же природы, что и материя и, т.о., вернуться к исходному положению, с которого начинались рассуждения.

Значит, в реальности пространство находится не вне материи, а в ней самой, вернее, сама материя есть также *и* пространство. Такая пространственность не может быть связана ни с чем иным, как с материальностью, представленной не абстрактно, в целом, а какими-то своими уже вполне определёнными сторонами. Определённость есть ограниченность, и эта ограниченность указывает на какие-то формы материи, выявляет эти формы в их актуальности, действительности. Эта определённость уже не абстрактна, не всеобща, а конкретна и как таковая особенна и единична. Но материя, актуализируясь в своих конкретных формах, тем самым конкретизирует и способ своего существования. И это уже не способ существования материи вообще, *бытия вообще*, а способ существования конкретных форм материи, *наличное бытие*. Материя, представленная в своих конкретных формах, отрицает себя как всеобщее, неограниченное и предстаёт во вполне определённых, ограниченных, особенных и единичных формах. Конкретные ограниченные особенные формы материи пред-

стают в новом качестве – как *пространственные* формы. Пространственность характеризует материю со стороны её оформленности, конкретности, особенности и единичности.

Всеобщность материи как *существования* вообще, в её *бытии* как движении, изменении конкретизируется и тем самым предстаёт уже как нечто определённое (ограниченное) и как таковое оформленное, т.е. как особенное и единичное. Материя, существующая в своих бесчисленных формах, т.е. всегда имеющая конкретную форму, предъявляет себя т.о. со стороны пространственности. *Пространственность – это оформленная материальность*.

Диалектическое тождество (единство в различии) материального (материи) как всеобщего, бесконечного, сущего (существующего, естьствующего) и того же материального как ограниченного, оформленного, наличного, актуального (изменяющегося, движущегося) – и в такой форме особенного и единичного – такова сущность материальной стороны саморазвивающейся субстанции, позволяющая понять феномен пространственности.

Движение материи представляет собой процессы, происходящие между материальными объектами, имеющими определённую форму, опространствленными. И ничем иным быть не может: *движение материи в пространстве – это движение пространственных, т.е. конкретизированных, обособленных, ограниченных форм материи*.

Есть соблазн заявить, что пространство — это то нечто, что находится вне материальных объектов и, следовательно, материя движется в этом нематериальном нечто-пространстве. Рассмотрим это предположение более подробно.

Единственно возможным вариантом будет признание за этим нечто сущности, подобной сущности гегелевского ничто, т.е. полного отрицания, противоположности материи как её полного отсутствия, но ни в коем случае не некоего континуума, обладающего какими-либо качествами (этот вариант уже рассмотрен выше). Указанная противоположность материи и ничто не есть та противоположность, в которой стороны взаимно определяют друг друга. Это безразличная противоположность, в которой ничто не может быть границей материи, поскольку таковой границей может быть только внутренняя определённость материи, создающая её пространственные формы. Т.о., даже если ничто признать возможным, материя и ничто будут совершенно безразличны друг другу, не имеют ничего общего, не определяют друг друга и не влияют друг на друга. Ничто как абсолютное отрицание всего сущего не может быть рефлексировано ничем сущим и потому не может быть источником «своего иного» в сущем. Поскольку материя не может быть определена со стороны ничто, то такое внешнее ограничение не создаёт *саморазличения* материи, т.е. не даёт возможности возникновения внутреннего противоречия как потенциала самодвижения. Ограничение со стороны ничто ничего не добавляет к определению материи внутри себя – эта граница внешня материи и не изменяет сущности материи как объективной реальности.

Резюмируя, можно сказать, что пространство одновременно и есть, и

его нет. Как оформленность материи, как её движение в конкретных формах пространственность есть, но как самостоятельного, независимого от материи, объекта реальности пространства нет, оно есть модус материи, проявляющийся в её формах и вне и без материи невозможно.

То же, что подразумевается под понятием *времени*, есть движение материи, рассматриваемое со стороны его последовательности, процессуальности как возникновение и смена форм материи. Т.о. *время это не нечто отличное от материи, не некий самостоятельный феномен, отличный от материи и взаимодействующий с ней, и даже, как это иногда представляют, довлеющий над ней, а сама материя, рассматриваемая со стороны движения, процесса, предстающего как смена её пространственных форм*.

Как модусы объективного процесса движения материи и пространство, и время объективны и реальны. Но если пространственность может явить себя *непосредственно*, в форме материальных объектов, то время такой непосредственностью не обладает и может быть представлено только *опосредствовано*, через эти материальные объекты как одна из сторон их сущности, выражающая последовательность (длительность) процесса их возникновения и существования.

Если ранее мы априори говорили о пространстве и времени как *атрибутах материи*, то теперь стало ясно, что поскольку возникновение новых форм материи есть не что иное, как её движение, которое возможно только как самодвижение субстанции, саморазличающей себя и своё иное, то и пространство, и время есть *модусы* саморазвивающейся *субстанции*.

Пространство как модус субстанции характеризует её со стороны материального – существования, наличности, актуальности, оформленности, количественности и качественности.

Время как модус субстанции характеризует её со стороны идеального – движения, развития, изменчивости, процессуальности, содержательности.

Время есть абстракция движения, абстрактное, одностороннее выражение движения. Движения, понимаемого в самом широком смысле как изменение вообще. Уместно повторить понятие движения, сформулированное ранее – «Движение… есть постоянный переход материального, актуального в идеальное (которое одновременно имманентно актуальному, материальному и есть его иная сторона) и снятие их противоречивого отношения в новом качестве, в новом, становящемся актуальном… Движение… – это кипение мгновения, непрерывное снятие актуальности в себе самой и перманентное становление новой актуальности»[1].

Подобно материальному и идеальному их эпифеномены – пространство и время – представляют собой противоречивое отношение, характеризующее субстанциональное движение. Пространство – со стороны материальности, реальности, время – со стороны идеальности, содержательности, видимости.

[1] См. главу «2. Объективная реальность как субъект саморазвития».

Что касается предположений о возможности перемещения во времени, в т.ч. и в обратном направлении, то на это следует сказать следующее. Можно перемещаться в сфере материального, но невозможно в сфере идеального, которое есть *представление, снятие* «прошлого» материального в актуальном материальном. Поскольку временной процесс (то, что называют перемещением во времени) представлен в актуальном материальном как его идеальное, то ясно, что время как модус сферы идеального самостоятельно не может изменяться, но только вследствие изменения материального. Другими словами – причина и следствие есть материальное прошлое и материальное актуальное, отражённые в идеальном как процесс перехода одного в другое, и обратно перейти от следствия к причине в сфере идеального невозможно, не изменив материального. Но любое изменение материального есть одновременно возникновение нового идеального, т.е. новой причины и нового следствия.

Впрочем, существует природный феномен, позволяющий совершать путешествия во времени – самосознание человека, его мышление. Именно его способность обращаться с идеальным совершенно свободно как объектом мышления и даёт возможность совершать движение в сфере идеального в любых направлениях.

В мышлении время (как исторически сложилось под влиянием требований практики) может быть представлено количественно (например, в форме отрезков, непосредственно связанных с конкретными природными циклами – от длительности оборота Земли вокруг Солнца до колебательного процесса в атоме цезия, принятого за эталон единицы времени). Именно практическая необходимость исследования форм движения материальных объектов привела к такой форме учёта времени в естественных науках, которая представляет его самостоятельным фактором, независящим от пространства и собственно материи. Это естественное следствие абстрактного представления реальности в идеальных формах мышления, в которых время, в действительности объективное свойство субстанции как выражение её движения, выступает *по видимости* как *самостоятельная* форма идеального представления одной из сторон реальности. Обратное движение мышления – проекция идеального представления на реальный мир может привести к ошибочному выводу о самостоятельности времени и в реальности. Здесь налицо часто повторяющаяся аберрация мышления – наложение идеальных представлений мышления на явления реального мира без попытки практической проверки этих представлений, материализации идеального.

Аналогичное можно сказать и о таких категориях, как энергия, сила и т.п., которые представляют собой отражение интенсивности процессов движения субстанции и не являются сами по себе самостоятельными объектами реальности, но лишь выражением этих процессов, опосредствованным материальной стороной субстанции. Это внешняя сторона субстанционального движения, которая, тем не менее, представляет глубинные внутренние процессы развития субстанции.

Именно относительная самостоятельность мышления, о которой говорилось выше, и которая позволяет действовать с идеальными объектами

мышления совершенно свободно, абстрагируясь от действительности, явилась основанием создания категорий мышления подобных т.н. пространственно-временному континууму, не имеющих адекватных *самостоятельных, наличных* объектов в реальности. Рассуждения о сжатии, растяжении и искривлении т.н. пространства-времени не имеют под собой основы в форме реально существующих адекватных самостоятельных объектов. Вернее, они не что иное, как абстрактные представления в мышлении реальных *материальных* (вернее, *субстанциональных*) процессов и для приближения к истине это представление должно быть дополнено адекватной картиной материальных (физических) процессов, протекающих в реальности, тем, что называется физической интерпретацией, т.е. практикой.

Метафоры «пространства-времени», «искривлённых пространств» и т.п. могут иметь место, но только как метафоры, как абстракции реальности, как категории естественных наук, идеально представляющие реальность в мышлении, но не в качестве реально существующих объектов материального мира. Эти категории есть идеальное представление в мышлении материального мира вне его – не более того. Без обратного движения – от идеального к материальному, от теории к материальной (физической) модели – истины не достичь.

Важно отметить, что естественно-научные, позитивистские формы мышления, предстающие в виде категорий пространственно-временного континуума как неразрывности пространства и времени, со стороны естественных наук в своей особенной форме косвенно подтверждают субстанциональность мира как тождественность, неразрывность его материальной и идеальной сторон.

Очевидно, здесь следует упомянуть также о т.н. мерности пространства. Поскольку мышление относительно самостоятельно, то пространству в мышлении можно приписать любое количество измерений, что и делается в разнообразных гипотезах. В рамках мышления это вполне обоснованная процедура, помогающая разрешить некоторые проблемные вопросы существующих теорий. Что же касается трёхмерности реального мира, видимого человеком, то такое восприятие его есть результат эволюционного развития человека, приобретение способности видеть глубину, перспективу, взаимная адаптация глаз (бинокулярное зрение), мозга и жизненных потребностей, практики. Возможно, имей человек глаза, например, насекомого, фасеточные, то и картина мира, и его мерность представлялись бы ему по-другому. Как видим некорректно, более того, недопустимо распространять абстрактные представления мышления на реальный мир, некритически идентифицируя его с идеальными представлениями мышления, приписывать ему отсутствующие качества, гипостазируя и фетишизируя их. Без обратного движения – материализации идеальных представлений, воплощения их в практике, проверке практикой – истина недостижима.

19. Информация

Отмеченная при исследовании категории идеального тенденция к возрастанию роли идеального в жизнедеятельности человека находит своё практическое воплощение в явлении, которое получило название информационной революции. Соответственно, на этот феномен было обращено внимание исследователей, с целью выяснения его сущности и возможности практического применения. Как следствие, необходимо стала объектом внимания категория «информация».

Обзор письменных источников показывает, что при всём видимом многообразии в трактовке этой категории все они, по сути, в разных терминах излагают одно и то же содержание. По этой причине обратимся к одному из этих источников, авторитетность которого общепризнана и в котором представлены определения всех основных направлений исследования информации – БСЭ.

«Информация (от лат. informatio – разъяснение, изложение), первоначально – сведения, передаваемые одними людьми другим людям устным, письменным или каким-либо другим способом (например, с помощью условных сигналов, с использованием технических средств и т. д.), а также сам процесс передачи или получения этих сведений…

С начала 1950-х гг. предпринимаются попытки использовать понятие Информация (изложение) (не имеющее пока единого определения) для объяснения и описания самых разнообразных явлений и процессов.

Исследование проблем, связанных с научным понятием Информация (изложение), идёт в трёх основных направлениях. Первое из них состоит в разработке математического аппарата, отражающего основные свойства Информация (изложение).

Второе направление заключается в теоретической разработке различных аспектов Информация (изложение) на базе уже имеющихся математических средств, в исследовании различных свойств Информация (изложение) Например, уже с момента создания теории Информация (изложение) возникла сложная проблема измерения ценности, полезности Информация (изложение) с точки зрения её использования. В большинстве работ по теории Информация (изложение) это свойство не учитывается. Однако важность его несомненна. В количественной теории … ценность Информация (изложение) определяется как приращение вероятности достижения данной цели в результате использования данной Информация (изложение)…

Третье направление связано с использованием информационных методов в лингвистике, биологии, психологии, социологии, педагогике и др.…

Такое разнообразное использование понятия Информация (изложение) побудило некоторых учёных придать ему общенаучное значение. …Бриллюэн и его последователи стали изучать информационные процессы под углом зрения *второго начала термодинамики*, рассматривая передачу Информация (изложение) некоторой системе как усовершенствование этой системы, ведущее к уменьшению её энтропии. В некоторых философских работах был выдвинут тезис о том, что Информация (изложе-

ние) является одним из основных универсальных свойств материи.[1] Положительная сторона этого подхода состоит в том, что он связывает понятие Информация (изложение) с понятием отражения».[2]

Как видим, исследования понятия информации сосредоточились на трёх направлениях:

- разработка способов представления и передачи информации в материальной, знаковой форме, в которой она единственно может фигурировать в указанных целях;
- выявление ценности информации с точки зрения её полезности;
- разработка методов практического применения информации в конкретных научных исследованиях.

Собственно к сущности информации как явления относятся только первые два аспекта из упомянутых – её содержательная сторона, идентифицируемая энциклопедией с ценностью и полезностью, и операциональная, практическая сторона, характеризуемая возможностью представления, обработки и передачи информации. Методологическая сторона предполагает использование указанных аспектов в конкретных целях после того, как они представлены в удобной для практики форме – это утилитарный аспект, самостоятельного значения не имеющий и всецело определяемый двумя первыми.

Другими словами, то, что стоит за понятием «информация» представлено в действительности в двух формах:

- материальной, знаковой, посредством которой информация входит в человеческую практику, актуализируется, представляется в удобной для обращения с ней форме для восприятия, обработки и передачи;
- идеальной, понимаемой как содержательная сторона информации, представляющая её соответствие истинности, достоверности, соответствия реальности.

Информация, представленная в знаковой форме, т.е. материализованная, легко поддаётся количественной интерпретации и в такой форме может передаваться между объектами, её использующими, неважно, люди ли это, или машины, ими созданные, и преобразовываться в визуальные, вербальные, знаковые и иные воспринимаемые человеком и машинами формы. Эта сторона информации имеет сугубо конкретный характер, своеобразие которого неотделимо от своеобразия сфер её применения – направлений науки, в каждом из которых разрабатываются собственные методы обращения с информацией. Эта, материальная, количественная сторона информации составляет её особенное и единичное.

---

[1] К определению информации как свойства материи: если понимать человека как часть природы, а способность человека к обращению с идеальным как природный феномен – то это, разумеется, так, но с оговоркой, что это свойство не материи в целом, вернее, субстанции, не всеобщее, а свойство одной из форм движения субстанции, особенное, к тому же проявляющееся не непосредственно, а опосредованно, через человека – а значит это свойство, вернее функция, не субстанции в целом, а её особенной формы – человека.

[2] http://bse.sci-lib.com/article056177.html.

Но есть ещё и иная сторона информации, которую невозможно объяснить с количественной стороны – это проблема, как сказано в БСЭ, «измерения ценности, полезности информации». Попытка представить ценность информации «как приращение вероятности достижения данной цели в результате использования данной информации» внутренне тавтологична[1] и, в итоге, несостоятельна, не говоря о том, что «ценность» и «полезность» в отношении информации явно несоответствующие данной категории критерии, в них очень силён утилитарный оттенок, смещающий их в сферу особенного и единичного, здесь гораздо уместнее говорить об истинности и тем самым переместиться в сферу всеобщего.

Прежде чем говорить о ценности, полезности информации в отношении достижения цели следует выяснить вопрос, что же будет считаться ценным, полезным. Самой постановкой вопроса напрашивается вывод, что таковым будет достижение цели.

Но постановка цели есть не что иное, как проявление телеологичности в действиях человека и, т.о., постановка цели неотделима от предварительного решения вопроса о её истинности, соответствия реальности. Но, как мы выяснили в главе «13.4. Телеологичность», «…это зависит от того, насколько точно соответствует цель той объективной действительности, в которой действует человек, её условиям, характеру противоречивых процессов, закономерностям их протекания, влиянию внешних условий и т.п. Цель, поставленная без исследования всех этих факторов, будет не просто субъективной, она будет волюнтаристской. Чем более точно и глубоко учтены и исследованы все обстоятельства реальности, чем глубже поняты необходимость, закономерность и случайность, тем более объективный характер приобретают субъективные устремления человека, которые потенциально способны достичь в познании истины объективности действительности».[2]

Если известно, что цель объективна и соответствует реальности, т.е. истинна, то любая информация, способствующая её достижению, будет ценной и полезной. Но то же самое можно сказать и в отношении цели ложной – в обоих случаях цель достигнута и информация т.о. оказалась «ценной и полезной», хотя цели были противоположны. Антиномия, тупик. Критерий ценности и полезности не работает. В такие ловушки может попасть человек, некритически играя с понятиями полезности информации и релятивного целеполагания.

Остаётся критерий истинности, т.е. соответствия содержания информации действительности. Но и в этом случае соотнесение информации с целью ничего не даст – это будет сравнение истинности информации с истинностью цели, т.е. тавтологичное противопоставление, по сути, одного и того же.

В этом пункте, чтобы иметь возможность продвинуться в анализе по-

[1] Тавтологичность в том, что достижение цели зависит от использования информации, но, в свою очередь, ведь и информация связана с целью, в определённой мере детерминируется ею.

[2] См. главу «13.4. Телеологичность».

нятия информации дальше достигнутого уровня, перейдём к концепции субстанционального монизма и попытаемся взглянуть на рассматриваемую проблему с этой точки зрения.

В своей деятельности человек имеет дело с субстанциональными процессами, представляющими собой единство материального и идеального как сторон саморазвивающихся субстанциональных объектов. В мышлении, опосредствующем внешний мир и практическую деятельность человека, внешние объекты представлены в идеальной форме как идеальные предметы мышления. Идеальные предметы мышления есть отражения реальных объектов действительности и как таковые содержат в себе их сущностные определения как закономерности их возникновения и развития. Мышление, будучи диалектическим в своём основании, способно самостоятельно обращаться со своими идеальными объектами, подчиняя их действию всеобщего принципа саморазвития через противоречие, и получая, таким образом, новые идеальные объекты, прошедшие ту же процедуру саморазвития, что и отражаемые ими объекты действительности.

Поскольку оба процесса – мышления и действительности – тождественны как протекающие в соответствии с общим принципом саморазвития, то их результаты также будут тождественны. Но эта тождественность не есть их равность, поскольку *формы* возникновения, развития и разрешения противоречия в действительности и в мышлении не совпадают друг с другом. Тождественность результатов процессов действительности и мышления понимается как соответствие *сущности* идеальных предметов мышления *сущности* материальных объектов реальности или, другими словами, как достижение мышлением истины, постижение действительности в понятиях. Т.о. тождественность есть одновременно и различие.

Если в действительности развитие противоречия происходит посредством количественно-качественных субстанциональных изменений, сугубо конкретных в каждом акте, то в мышлении количественные, т.е. материальные, вещественные компоненты не могут быть представлены непосредственно, но только опосредствованно, через качественные, смысловые, сущностные характеристики. При осуществлении опосредствований неизбежны искажения и ошибки, к тому же и сущностная сторона отражения объектов действительности не может быть представлена во всей полноте, как полная, абсолютная истина, но только с определённой степенью точности, относительности. Все эти факторы имеют следствием несовпадение результатов процессов действительности и отражения этих процессов в мышлении. Поэтому неизбежной необходимостью проверки их соответствия является практика, в которой идеальное мышления материализуется и сопоставлением с реальными объектами выясняется степень сближения с действительностью, степень истинности.

Т.о. в данном случае итогом процесса отражения в целом, понимаемого как идеализация материального и последующая материализация идеального, является сравнение двух идеальных объектов – первоначального идеального как отражения внешнего объекта и конечного идеального, как

отражения повторённого в практике (или уточнённого) внешнего объекта. Т.е. идеальное человека в форме знания представляет собой процесс постоянного приближения к пониманию сущности объектов действительности.

Идеальное содержание мышления, отражающее сущностную сторону действительности, в своих конкретных формах представляет знание человека, которое является основанием для представления этого идеального в материальной форме, единственно в которой и возможно восприятие его человеком – в любой доступной для человека материальной форме – визуальной, звуковой, тактильной, знаковой и т.д.

Знание, представленное в такой материализованной форме, может передаваться, обрабатываться, храниться и использоваться человеком в своих целях. В этой форме *знание является информацией, т.е. материализованным, опосредствованным материальными формами идеальным, которое представляет собой отражение сущности объектов реальности в мышлении*. Или, другими словами, *информация – это идеальное (знание), представленное в общественных отношениях в опосредствованной материальной форме.* Обладая двойственным характером, информация может подвергаться обработке как в материальном отношении (хранение, передача, использование, переработка), так и в идеальном отношении (в процессах мышления).

Как видим, информация, подобно субстанции, имеет две стороны: материальную, представленную в знаковой форме (визуальной, вербальной, тактильной и т.п.), и идеальную (знание), представляющую сущность процессов и объектов действительности, закономерность их возникновения и развития.

Информация, рассматриваемая с материальной стороны, может подвергаться любым трансформациям с целью её представления в удобной форме и работы с ней, передачи и хранения. После того как определён материальный носитель информации (материальная форма идеального) это трудности не представляет. Информация как материальное представление идеального стабильна, конечна, особенна и единична.

Рассматриваемая же со стороны идеального, знания, информация представляет сущность процессов и объектов действительности и здесь можно вести речь только о степени соответствия знания реальности. Но количественно такую оценку представить невозможно, поскольку, во-первых, количественно можно представить только материальное (если же мы попытаемся представить количественно идеальное, то прежде следует найти то основание, которое можно выразить количественно, а эта попытка неизбежно приведёт снова к материальному) и, во-вторых, невозможно сравнивать сущности, истинность которых постоянно изменяется по мере получения нового знания, в каждом новом цикле отражения. В этом отношении знание и, соответственно, информация, релятивны как постоянно изменяющиеся, но они одновременно несут на себе печать абсолютности как возможности полного, истинного отражения действительности, которая является целью познания. Возможность полного, всестороннего знания обусловлена также ограниченностью и конечностью

объектов действительности и, следовательно, ограниченностью и конечностью процесса их познания, который в потенции способен завершиться получением полного знания об объекте. Именно ограниченность и конечность объектов действительности есть потенция абсолютности знания о них.

Т.о. со стороны идеального информация пластична, текуча, изменчива. Она в себе актуально релятивна и потенциально абсолютна. Как следствие отношения релятивности и абсолютности информация должна постоянно сверяться с практикой, только в этом случае возможно движение от релятивности к абсолютности.

Рассматриваемая с этой стороны информация всегда неполна, частична, релятивна и в то же время как момент человеческой практики содержит интенцию движения к полноте, истинности и абсолютности – это диалектический момент понятия информации и, шире, человеческой деятельности в этой сфере. Со стороны абсолютности информация не ограничена, бесконечна и всеобща. Учитывая многообразие человеческой практики, можно сделать вывод, что вопрос об истинности и полноте информации должен решаться каждой наукой в соответствии с её собственными методами.

В литературе встречаются утверждения, что информация существует как нечто материальное вне нашего сознания. Это так и не так. Вне нашего сознания существует внешний мир, объективная реальность, отражаемая нашим мышлением. И это отражение как идеальное представление в мышлении внешнего мира есть принадлежность сознания. Идеальное содержание сознания, будучи представлено в соответствующей материальной форме, в сфере человеческой деятельности предстаёт как информация. Т.о. вне нашего сознания существует объективный мир, являющийся основанием для идеального содержания мышления, знания, представленного в информации как её идеальная сторона, но в материальной форме.

Наряду с этим утверждается также нечто противоположное, а именно, что информация нематериальна. И это тоже так и не так. Как мы убедились, информация представлена двумя своими сторонами – идеальной и материальной. Поэтому рассматривать информацию следует только с учётом взаимодействия обеих её сторон, в противном случае односторонее, абстрактное рассмотрение неизбежно приведёт к ошибочным выводам.

Развитие сферы идеального в целом и её ведущей стороны, знания, имеет следствием сопутствующий рост материальных возможностей человека, что, в свою очередь, влечёт рост производительных сил, которые требуют соответствующих им общественных отношений. Таким образом, подтверждается сделанный ранее, при рассмотрении категории идеального вывод, что сфера идеального, развиваясь, будет оказывать всё более значительное воздействие на жизнедеятельность человека, что и наблюдается в действительности, где идеальное как знание предстаёт в форме информации.

Общественный феномен, который внешне пытаются представить как постиндустриальное, информационное общество сущностно означает, что

уровень знаний, представленных в информационной форме, достиг такого уровня, при котором назрела необходимость в смене формы общественных отношений, которые уже не в состоянии создать условия для использования информационных потенций человека в интересах всего общества, а не только его ничтожной части в виде частных собственников, капиталистов, которые даже при желании не смогут реализовать потенции идеального, знания, в *общих* интересах, поскольку законы капиталистических общественных отношений императивно требуют от них использования общего в интересах частного присвоения.[1] В этом отношении капитализм достиг предела, и дальнейшее развитие человека зависит от того, сможет ли человечество разрушить эту преграду.

***

Анализ, сделанный выше, приводит к, казалось бы, вполне однозначному выводу – феномен информации есть сугубо человеческий, общественный, социальный феномен. Вне и без человеческого общества он не возникает, информации, существующей отдельно от общества как некий самостоятельный объект, быть не может.

Однако, как следует из анализа, в основании феномена информации находится фундаментальный феномен отражения, которое, в свою очередь, в самой абстрактной форме есть не что иное, как своеобразная рефлексия, форма снятия, представления одного в другом. В данном случае *представление идеального в материальном.*

В главе «2. Объективная реальность как субъект саморазвития» мы говорили, что «в отличие от непосредственно данного материального, объективность и реальность идеального представляются посредством этого же материального как идеальная сторона их противоречивого соотношения».

Рассмотрим, каким образом осуществляется опосредствование идеального материальным.

В первой форме субстанционального движения материальное и идеальное нераздельны и потому «их взаимодействие имеет непосредственный характер и осуществляется без опосредствующих звеньев», «идеальное присутствует имплицитно, скрыто, оно в-себе, в потенции, имманентно субстанции и внешне не явлено», «форма тождественности здесь особенная – единство, в котором различие сторон неявно, имплицитно… поэтому невозможно в этой субстанциональной форме отделить идеальное от материального и наоборот, они переплетены, слиты, непосредственны».

В силу особенности этой формы тождественности материального и

[1] Что касается стоимости информации в отношениях обмена, то она предстаёт как стоимость её идеального основания – знания: со стороны затрат основой для формирования стоимости являются издержки на проведение научных исследований и изготовление материальных носителей информации, величина же прибавочной стоимости определяется потребностями общества (или конкретных потребителей) в полученном знании и возможностями по приобретению информации.

идеального опосредствование здесь также имеет особенную форму – самоопосредствование, имманентное опосредствование, опосредствование в-себе.

Для других форм субстанционального движения опосредствование представлено явно – через иное материальное, это уже вторая форма опосредствования – опосредствование для-себя.

Резюмируем: существует две формы субстанционального опосредствования идеального материальным: 1. самоопосредствование, имплицитное имманентное опосредствование, опосредствование в-себе и 2. опосредствование через иное, явное опосредствование, опосредствование для-себя.

В первом случае самоопосредствование, т.е. непосредственное отождествление материального и идеального, непосредственно же представляет в материальном его собственное идеальное. Здесь отражение имманентно субстанции, неявно (имплицитно). Тем не менее, материальная сторона субстанции в этой особенной форме опосредствования имманентно *содержит* «сообщение» о своём идеальном, или, другими словами, информацию в себе о самой себе.

Во втором случае опосредствование осуществляется как представление одного материального в другом материальном – т.е. как явное представление в одном материальном другого материального, но в идеальной (отражённой, рефлексированной, опосредствованной) форме. Это представление имеет форму уже явного «сообщения» об ином материальном. Поскольку в этом случае непосредственное воздействие одного материального объекта на другой материальный объект предстаёт в опосредствованной форме как некое сообщение о воздействии, то можно сказать, что это сообщение есть *превращённая форма воздействия и как таковая она есть информация о воздействии*.

Ранее мы пришли к логическому выводу, что информация – это знание как опосредствованное материальными формами идеальное, «которое представляет собой отражение сущности объектов реальности в мышлении». Переходя от этой особенной формы информации как знания, характерной только для человека, к пониманию *информации как всеобщего феномена, присущего всем субстанциональным сущностям* можно определить её как *идеальное, которое представляет собой сущность внутри- и межсубстанционального взаимодействия материальных объектов реальности и предстаёт (передаётся) в опосредствованной материальным же форме*.

Для *первой* формы субстанционального движения материальное, представляющее информацию, совпадает с материальной стороной субстанции в целом. Иными словами, субстанция предстаёт в диалектическом единстве двух её сторон: 1. как актуальное *состояние*, как *результат*, в котором снят процесс движения субстанции, что внешне представлено её *материальной формой*, и 2. как *процесс* движения, снятый в своём результате (актуальном состоянии), и который внешне представлен *качествами, свойствами* субстанции (и это есть идеальная сторона субстанции). Однако оба момента внешне выражены *только* материальной фор-

мой, поскольку в данной форме субстанционального движения идеальное неявно, скрыто (об этом говорилось при исследовании феномена идеального). Но если первый момент как *состояние* есть *пассивная* составляющая субстанции, то второй момент как *процесс* есть её *активная* составляющая, являющаяся фактором, побуждающим субстанцию к дальнейшему изменению, движению. Именно второй, активный момент определяет характер дальнейшего субстанционального движения, т.е. выступает своеобразным информационным детерминантом. Т.о. в первой форме субстанционального движения информационный момент имплицитен, неявен (в себе), полностью скрыт за материальной формой, внешне совпадает с ней и *непосредствен* – т.е. он действует как некий закон существования и движения субстанции, как нечто нематериальное, но полностью определяющее развитие материального.

Для *второй* и *третьей* форм субстанционального движения материальное, действующее как информационный детерминант, представляет собой особую материальную структуру – орган отражения – *опосредствующий* взаимодействие между субстанцией и другими субстанциональными формами (а также между внутрисубстанциональными структурами). В силу наличия феномена опосредствования человек способен отчуждать информацию в *идеальной* форме, – форме знания, – представлять её в удобных для использования внешних *материальных* формах, сохранять и передавать на искусственных носителях.

Поскольку взаимодействие всегда осуществляется внутри конечной (ограниченной) конкретной субстанции или между конечными конкретными объектами (субстанциями) в конечной же и конкретной форме, то и *информация всегда конечна, конкретна и единична* – это конкретное и единичное идеальное (преходящее идеальное), представленное в преходящей материальной форме.

Можно сказать и другими словами: *информация – это идеальное, представленное в конкретном материальном в опосредствованной этим же материальным конкретной форме*. Или, что то же, *информация – это форма внутри- и/или межсубстанционального взаимодействия между конкретным (ограниченным, единичным) материальным и идеальным, осуществляющегося в материальной форме*.

Следует ещё раз подчеркнуть, что, как следует из анализа информации, идеальное, рассматриваемое как содержательная сторона информации, это не идеальное субстанции в целом как отражение её процесса самодвижения. *Идеальное как информация – это совершенно конкретное идеальное, идеальное конкретного (и конечного), вполне определённого внутри- и/либо межсубстанционального акта взаимодействия*. Идеальное в форме информации наполнено *конкретными* определениями *наличного* бытия конкретной единичной субстанции (или акта межсубстанционального взаимодействия). Как такое конкретное информация *актуальна*, т.е. конечна (ограничена) и единична, оставаясь в то же время феноменом всеобщего, феноменом субстанционального движения как такового.

ПРИМЕНЕНИЕ ПРИНЦИПА СУБСТАНЦИОНАЛЬНОГО МОНИЗМА В АНАЛИЗЕ НЕКОТОРЫХ ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОБЛЕМ

Теоретические положения, вытекающие из диалектического принципа субстанционального монизма, изложенные в первом разделе, далее применены при анализе некоторых проблем «прикладного» характера. В ряде случаев изложение имеет конспективный (а иногда даже только констатирующий) характер, поскольку главной целью этой части работы является не столько тщательное исследование и анализ затронутых проблем, сколько проверка действенности метода, имеющего основанием принцип субстанционального монизма, в гносеологическом и праксиологическом отношении.

20.О некоторых проблемных вопросах политэкономии

Со времени написания Марксом «Капитала» прошло полторы сотни лет и действительность ставит перед нами ряд вопросов, на которые мы не найдём у него ответа. К числу таких вопросов можно отнести проблему источника прибавочной стоимости в автоматизированном производстве при полном, или почти полном, отсутствии живого труда (эта проблема является другой стороной вопроса о нестоимостной редукции труда), неясность с тенденций нормы прибыли к понижению, неточность в определении источника ренты и некоторые другие. Попробуем получить ответы, исходя из признания принципа субстанционального монизма как тождества (единства в различии) материального и идеального и основываясь на полученных в предыдущем разделе выводах.

20.1. Стоимость

К определению стоимости Маркс подходит, рассматривая продукт труда как *товар*, т.е. продукт труда, подлежащий *обмену* на другой продукт труда. Поскольку обмен возможен при определённых условиях – потребности в обмениваемых товарах и соответствию их друг другу в каком-то отношении, то совершенно естественно, что он рассматривает способность товаров к обмену с двух сторон – со стороны их нужности (полезности) для обменивающихся и со стороны равенства их по какому-то критерию.

И если по первому условию, т.е. потребности в товарах, вопросов не возникает, то вопрос о критерии их эквивалентности оказывается не так прост.

«Если отвлечься от потребительной стоимости товарных тел, то у них

остаётся лишь одно свойство, а именно то, что они – продукты труда». А в этом качестве «от них ничего не осталось, кроме одинаковой для всех *призрачной предметности* (выделено нами. – А.П.), простого сгустка лишённого различий человеческого труда, т. е. затраты человеческой рабочей силы безотносительно к форме этой затраты. Все эти вещи представляют собой теперь лишь выражения того, что в их производстве затрачена человеческая рабочая сила, накоплен человеческий труд. Как кристаллы этой общей им всем общественной субстанции, они суть стоимости – товарные стоимости».[1]

«То общее, что выражается в меновом отношении, или меновой стоимости товаров, и есть их стоимость».[2]

«В стоимости товара *представлен* (выделено нами. – А.П.) просто человеческий труд, затрата человеческого труда вообще».[3]

Т.о. стоимость есть *представление* в товаре человеческого труда, который по своей сути есть не что иное, как деятельность (процесс труда) по изготовлению продукта труда. Другими словами, стоимость это *снятый* в продукте труда процесс труда как целенаправленной деятельности по изменению предмета труда. И в такой форме стоимость имеет характер «призрачной предметности» – т.е. она в наличии, в продукте труда (в предмете), но одновременно не вещественна, не материальна (призрачна).

Но это не что иное, как идеальное, исследованное в предыдущем разделе («Теоретические основы принципа субстанционального монизма и некоторые гносеологические выводы»). Субстанциональность реального мира проявляется во всём, в т.ч. и в человеческой деятельности. Продукт труда, товар, субстанционален – со своей материальной стороны он есть потребительная стоимость, с идеальной стороны – стоимость как снятие процесса его создания, процесса труда, т.е. вполне материального процесса. Повторим – *стоимость как снятие в продукте труда процесса его создания есть идеальная сторона материального предмета (продукта труда)*.

Эту идеальную сторону сущности стоимости прекрасно видел Маркс: «…в стоимость не входит *ни одного атома вещества природы*. …Товары обладают стоимостью лишь постольку, поскольку они суть выражения одного и того же общественного единства – человеческого труда, …их *стоимость имеет поэтому чисто общественный характер*, …и проявляться она может лишь *в общественном отношении одного товара к другому* (везде выделено нами. – А.П.)».[4] (К мнению Маркса о невещественности стоимости можно присовокупить видение этой категории Лениным: «…*стоимость* есть категория, которая entbehrt des Stoffes der Sinnlichkeit (лишена вещества чувственности. *Ред.*), но она *и с т и н н е е* , чем закон спроса и предложения»).[5]

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 23. С. 46.
[2] Там же. С. 47.
[3] Там же. С. 53.
[4] Там же. С. 56.
[5] *Ленин В.И.* ПСС. - Т. 29. С. 154.

В этом последнем утверждении о стоимости как стороне, сути *общественного отношения* Маркс ощутимо отходит от предыдущего определения стоимости как просто «затраты человеческой рабочей силы». Это явно неоднозначные понятия, – понятие стоимости как стороны общественного отношения явно шире понятия только человеческого труда, – ведь *стоимость как общественное отношение* может включать и иные факторы, кроме собственно человеческого труда как затраты рабочей силы. Т.о. *стоимость формируется не только затратами труда, но и общественными отношениями.* Как впоследствии увидим это очень важное обстоятельство.

Говоря о субстанциональности продуктов труда, нельзя упускать из виду и другую сторону их сущности, в отличие от определяемой деятельностью человека – природную. Сырьём для предметов труда являются природные материалы и в них, в свою очередь, снят процесс их возникновения, они обладают *своим* идеальным. Мы об этом уже говорили. Т.о. в идеальном продуктов труда представлены два процесса – природный процесс возникновения сырья для предметов труда и человеческий процесс создания продуктов труда, т.е. изменения природной формы предметов труда, «очеловечивание» их. Такое представление есть следствие признания субстанциональности мира как единства материального и идеального – любому изменению материального соответствует соответствующее изменение идеального, а для живой субстанции справедливо и обратное утверждение.

И эту сторону человеческой деятельности также отметил Маркс: «Потребительные стоимости… представляют собой соединение двух элементов – вещества природы и труда. …Следовательно, труд не единственный источник производимых им потребительных стоимостей, вещественного богатства».[1] Но дальше признания участия природы в создании потребительной стоимости, т.е. изменении материальной стороны, Маркс не пошёл, он не дополнил *особенность* стоимости как производной от деятельности человека *всеобщностью* деятельности вообще, в данном случае деятельности природы. Т.о. из дальнейшего анализа была исключена важная часть идеального – представление (снятие) природных процессов (точнее, всех процессов, в т.ч. хотя и инициированных человеком, но в которых он не принимает *непосредственного* участия), что будет иметь следствием, как увидим, некоторые ошибочные выводы.

Маркс пришёл к понятию стоимости со стороны *единичного* – конкретного отношения обмена – через ряд дедуцирующих выводов. Но на этом пути была упущена детерминирующая роль *всеобщего*. Особенное, стоимость, осталось не связанным с общим, движением как таковым, в данном случае движением субстанции как самодвижением и образованием разных субстанциональных форм. Но эта связь при отсутствии понятия идеального и не могла быть выявлена. Только признание единства материального и идеального во всех проявлениях реальности, их субстанциональность, даёт возможность увидеть связи, отношения, движение во

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 23. С. 51-52.

всей их полноте.

Есть ещё одно обстоятельство, на которое нельзя не обратить внимания. Понимание стоимости как результата «расходования простой рабочей силы» в основу стоимости кладёт не *реальный объективный материальный процесс изменения предмета труда в соответствии с законами природы* и приспособление его к человеческим потребностям, а *физиологические кондиции* человека, его способность к труду, возможность выполнять ту или иную работу.

Так, по Марксу, разные виды деятельности «представляют собой производительное расходование человеческого мозга, мускулов, нервов, рук и т. д. и в этом смысле — один и тот же человеческий труд».[1] «Всякий труд есть …расходование человеческой рабочей силы в физиологическом смысле, – и в этом своём качестве одинакового, или абстрактно человеческого, труд образует стоимость товаров».[2] Т.о. *материализм сведён к физиологизму*. Надо проделать обратную операцию, чтобы прийти к верному пониманию.

Точка зрения субстанционального монизма не только позволяет определить источник стоимости непосредственно, без ряда опосредствований, вносящих неточность, но и видеть реальность как цельную картину. С этой точки зрения достаточно выделить как форму стоимости ту часть идеального, которая определяется собственно человеческой деятельностью, но деятельностью, понимаемой не как затраты только рабочей силы, а как комплексной деятельностью по изменению формы предмета труда и созданию продукта труда, в которой участвуют *все* факторы производства. При этом не следует упускать из виду идеального в целом как стороны субстанции, как снятия процесса *всего* предыдущего движения.

Главное в создании продукта труда и, соответственно, образовании стоимости, это не *субъективный* фактор в форме расходования сил человека в трудовом процессе, а сам трудовой процесс в целом как совершенно *объективное* обстоятельство, а именно – собственно изменение предмета труда, производимое в соответствии с объективными природными законами – процесс приведения вещества природы в соответствие с человеческими потребностями, придание ему потребительных качеств, потребительной стоимости.

Почеркнём, не только процесс и результат труда являются следствием определённых человеческих качеств (знания, умения, силы и пр.), но и человеческие качества *приспосабливаются к объективным материальным условиям* (природным законам, свойствам вещей), необходимым для создания продукта труда. Именно сам процесс изменения предмета труда *в целом* с учётом законов природы, создавая потребительную стоимость, является основой стоимости, а не только один из его факторов – собственно труд как затрата человеческих сил. И этот процесс определяется *объективными* природными факторами, к которым человек прикладывает свои *субъективные* способности и возможности.

---

[1] Там же. С. 53.
[2] Там же. С. 55.

Т.о. стоимость, как она представлена выше, имеет двойственный, объективно-субъективный, характер. С одной стороны, она определяется объективными природными законами, через которые перешагнуть нельзя (например, температура плавления какого-либо металла и количество калорий на расплавление единицы его массы). С другой стороны – субъективными возможностями человека: уровнем его знаний, умением, технологическими достижениями (на плавление металла, о котором сказано выше, могут быть затрачены разные количества труда и материалов в зависимости от указанных возможностей). Другими словами, если отвлечься от «умелости» человеческого труда в создании стоимости, то в одинаковых производственных процессах в любой точке мира будет создаваться одна и та же стоимость. Но с учётом человеческого фактора, т.е. влияния деятельности (труда) человека в соответствии с его возможностями, эта стоимость будет варьироваться в определённых пределах и определяться *конкретными* условиями производства.

Учитывая целостность процесса создания продукта труда можно сказать, что потребительная стоимость (собственно продукт труда) и стоимость (процесс создания продукта труда, снятый, представленный в идеальной форме) не внешни, не безразличны друг другу, а напротив, они представляют активную созидательную деятельность человека, которая связывает воедино стороны продукта труда – потребительную стоимость и стоимость, снимая (соединяя) их в продукте труда.[1] И хотя «стоимости …не заключают в себе ни одного атома потребительной стоимости»[2] они связаны процессом их создания напрочь. Это единство материального, продукта труда, и идеального, снятия процесса его создания и представления в продукте, есть следствие субстанциональности как всеобщего принципа природы.

В результате *стоимость как снятие (представление в продукте труда) процесса создания самого продукта труда* – потребительной стоимости – отражает не только затраты физических сил человека, не только расходование простой рабочей силы, как это представляет Маркс, но весь комплекс факторов, участвующих в создании продукта труда – познанные законы природы, знание и умение человека, сложность и продолжительность труда, применяемые орудия и приёмы труда (технологии). Именно как такая комплексная величина стоимость и предстаёт при сопоставлении обмениваемых товаров. В реальном обмене речь *всегда* идёт о такой обобщённой стоимости, а не о затратах только рабочей силы.

Кстати, сам Маркс это учитывает в своём анализе производства, правда, своеобразно, введением ограничений, постулатов. Анализируя сущность процесса производства стоимости он принимает труд разных про-

[1] К слову, по нашему мнению, то, что принято именовать «потребительной стоимостью» целесообразно называть «потребительной ценностью», что, во-первых, полностью соответствует понятию предмета и, во-вторых, снимает ненужные ассоциации с собственно «стоимостью», *сущностно* отличной от «потребительной ценности».

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - Т. 23. С. 46.

изводителей равным простому труду, чтобы иметь возможность сравнивать произведённые стоимости. Но это ограничение есть не что иное, как учёт в анализе *качественной* стороны труда, правда с негативной стороны, как её отрицания. Говоря языком математики здесь качественный коэффициент принимается равным единице, что позволяет представить труд только с количественной стороны. Но этот же постулат, элиминируя из анализа труда его качественную составляющую, может привести к ошибочным выводам, что проявляется, например, в представлении труда как абстрактного и полезного (конкретного).

В свете субстанционального подхода по-иному предстаёт разделение труда на абстрактный и полезный.

В основании разделения Марксом труда на абстрактный и полезный находится его представление, что потребительная стоимость и стоимость совершенно независимы друг от друга – «…в самом меновом отношении товаров их меновая стоимость явилась нам как нечто совершенно не зависимое от их потребительных стоимостей».[1] Но субстанциональный подход доказывает иное. Потребительная стоимость и стоимость как стороны продукта труда представляют его материальную и идеальную стороны и как таковые они находятся в единстве, тождестве, определяют друг друга и раздельно существовать не могут. Опосредствующим звеном, связывающим стороны воедино, является процесс создания продукта труда.

Именно представление продукта труда как независимых друг от друга потребительной стоимости и стоимости послужило ошибочным основанием для разделения труда на полезный, как создающий потребительную стоимость и абстрактный, как создающий стоимость, являющуюся источником меновой стоимости.

По Марксу, при абстрагировании от потребительной стоимости «вместе с полезным характером продукта труда исчезает и полезный характер представленных в нем видов труда, исчезают, следовательно, различные конкретные формы этих видов труда; последние не различаются более между собой, а сводятся все к одинаковому человеческому труду, к абстрактно человеческому труду.

…Вещи представляют собой теперь лишь выражения того, что в их производстве затрачена человеческая рабочая сила, накоплен человеческий труд. Как кристаллы этой общей им всем общественной субстанции, они суть стоимости».[2]

Но затрата человеческой рабочей силы как простое расходование жизненных сил не осуществляется само по себе, независимо ни от чего. Расходование жизненных сил определяется *объективной* конкретной деятельностью и *полностью зависит от условий осуществления этой деятельности*, её сложности, интенсивности и продолжительности. Абстрактный труд как расходование жизненных сил зависит исключительно от *конкретности* осуществления труда и потому не может рассматриваться отдельно от конкретности труда. Отдельно от полезного труда аб-

[1] Там же. С. 47.
[2] Там же. С. 46.

страктный труд существовать не может. По этой причине любая попытка рассмотрения абстрактного труда как самостоятельной категории неизбежно закончится обращением к конкретному полезному труду как полностью определяющему характер абстрактного труда. Что мы и видим на самом деле.

Поэтому у Маркса, с одной стороны, «величина стоимости… определяется лишь количеством труда, или количеством рабочего времени, общественно необходимого для её изготовления».[1]

Но, с другой стороны, «величина стоимости товара изменяется… прямо пропорционально количеству и обратно пропорционально производительной силе труда».[2]

Но ведь производительная сила труда никак не соотносится с абстрактным трудом как простой затратой жизненных сил. Она всецело определяется *конкретным* характером труда, его сложностью и качеством, т.е. полезным трудом. Это, в итоге, признаёт и Маркс – «производительная сила, конечно, всегда есть производительная сила полезного, конкретного труда» и «производительная сила принадлежит конкретной полезной форме труда»[3], но тогда как быть с первым утверждением?

С одной стороны, «в стоимости товара представлен просто человеческий труд, затрата человеческого труда вообще»[4] (т.е. затрата жизненных сил).

С другой стороны, он же есть и «*простой средний труд* (здесь и далее выделено Марксом)», и «сравнительно сложный труд», который «означает только *возведённый в степень* или, скорее, *помноженный* простой труд». Из контекста ясно, что здесь труд есть «расходование простой рабочей силы»,[5] абстрактный труд.

Т.е. затрата труда, затрата жизненных сил может быть и не такой простой, а средней, сложной и даже помноженной. Но это есть не что иное как признание прямого влияния на абстрактный труд условий осуществления конкретного, полезного труда, т.е. того труда, который по принятому изначально условию ничего общего с абстрактным трудом не имеет. Т.о. абстракция абстрактного труда в итоге отвергается, хотя и косвенно, самим Марксом.

Далее, «если по отношению к потребительной стоимости товара имеет значение лишь качество содержащегося в нем труда, то по отношению к величине стоимости имеет значение лишь количество труда, уже сведённого к человеческому труду без всякого дальнейшего качества… Величина стоимости товара выражает лишь количество заключающегося в нем труда».[6] Т.о., поскольку стоимость определяется количеством абстрактного труда, то в ней не может быть представлена, учтена качественная со-

[1] Там же. С. 48.
[2] Там же. С. 49.
[3] Там же. С. 55.
[4] Там же. С. 53.
[5] Там же. С. 53.
[6] Там же. С. 54.

ставляющая труда, его сложность. Но *в действительности* обмен совершается по стоимостям, которые учитывают не только количество, но и качество труда, его сложность и интенсивность, т.е. все факторы, влияющие на процесс создания продукта труда и, следовательно, на его стоимость.

И, наконец, если бы «величина» стоимости действительно определялась только «затратой человеческого труда вообще» и «количеством труда», то стоимость, создаваемая невежественным землекопом с помощью допотопной лопаты была бы намного больше стоимости, создаваемой высококвалифицированным рабочим, приставленным к станку-автомату в качестве его наладчика – ведь затрата труда первого несравненно более значительна, чем у второго. Если же для оправдания этого различия сослаться на «возведённый в степень» и «помноженный» труд, то здесь мы переходим в сферу полезного, конкретного труда с его различием по качественным критериям.

Пожалуй, достаточно антиномий. Как видим, разделение труда на полезный (конкретный) и абстрактный неверно гносеологически и неоправданно практически, более того, способно ввести в заблуждение относительно сущности стоимости. В действительности есть единый, целостный процесс труда (вернее, комплексная деятельность по созданию продукта труда), который в своём результате, продукте труда, неразрывно связывает две его стороны: материальную сторону, полезную для человека (потребительная стоимость, материальное), и идеальную сторону как снятие, представление в продукте труда процесса его создания (стоимость, идеальное). Тем не менее, не подлежит сомнению, что в форме абстрактного труда Марксом учтена и выражена идеальная сторона субстанциональной реальности – то, что Маркс называет абстрактным трудом, есть *идеальная* сторона вполне *материальной* конкретной многогранной человеческой жизнедеятельности.

Вглядимся пристальнее в сущность стоимости с точки зрения субстанционального монизма.

Изменение предмета труда в процессе производства имеет следствием создание продукта труда. В субстанциональном отношении результат этого процесса, как уже показано, представлен двумя его сторонами – материальной, собственно продуктом труда, и идеальной – снятием, представлением в продукте труда процесса его создания. Проведём анализ указанного процесса, взглянув на него с каждой из сторон.

С *материальной стороны* предмет труда (сырьё, полуфабрикаты) в итоге превращается в продукт труда. Это *созидательная, производительная, активная* сторона процесса – изменяется форма предметов, поступивших в производство, и они превращаются в готовый продукт. С точки зрения материального содержания в готовый продукт физически входят *только* материальные субстраты, поступившие в производство в качестве предметов труда, хотя бы и в переработанном виде (мы рассматриваем процесс в чистом, абстрактном виде, поэтому пренебрегаем отходами производства). Никакие иные материальные компоненты физически в готовый продукт не входят ни одной своей частью, хотя самое активное

участие в создании продукта труда принимает человек (живой труд по Марксу) и орудия труда (овеществлённый труд).

С *идеальной же стороны* весь процесс представляется по-иному. В продукте труда *представлено* идеальное всех компонентов производственного процесса. Это, прежде всего, *идеальное предмета труда* (сырья, полуфабрикатов), представляющее процесс его предыдущего изменения и снятое в нём. Затем *идеальное как снятие действий человека* по изменению предмета труда в процессе производства, т.е. представление в готовом продукте его трудовой деятельности. И, наконец, *представление*, снятие в готовом продукте *процесса воздействия на предмет труда орудий труда*, используемых человеком в процессе своей трудовой деятельности. *Эти три компонента идеального и образуют в совокупности идеальное продукта труда*. Такое синкретичное идеальное можно назвать *своим идеальным* продуктов труда.

Возникает вопрос, как может быть определено это идеальное с количественной стороны, что очень важно с точки зрения участия продуктов труда в процессе обмена.

Прежде всего, следует отметить, что количественные характеристики могут быть применены *непосредственно* только к материальной стороне субстанции. Идеальная же сторона субстанции количественно может быть выражена только *опосредствованно*, – через свою материальную сторону, – и никак иначе.

Ранее мы определили, что «поскольку каждая вещь есть результат исключительно её собственного процесса возникновения, то идеальное каждой единичной вещи уникально, даже если множество подобных вещей возникли как результаты идентичных процессов. Как таковое идеальное единичной вещи представляет в наличном вещественном, материальном, только её собственное вещественное «прошлое»[1].

Данный вывод означает только одно – каждая вещь, в т.ч. и продукт труда, может быть количественно аутентично и непосредственно представлена только самой собой.

Но, с другой стороны, невозможно в удобной для практики форме и это количественное самовыражение, поскольку в веществе продукта труда *материально* представлены только предметы труда (сырьё, полуфабрикаты), что может быть выражено количественно, но этого нельзя сделать в отношении *деятельности* самого человека и *воздействия* орудий труда. Правда, действия человека и орудий труда можно попытаться представить временем их работы, но, во-первых, *материальность* продукта труда и *время* труда несопоставимы качественно и количественно и, во-вторых, участие человека и орудий труда в создании продукта труда уже учтено в продукте труда как изменение формы предмета труда в процессе создания продукта труда (в противном случае следовало бы поставить раздельно друг против друга неизменённый предмет труда, с одной стороны, и деятельность человека и орудий труда по изменению предмета труда, с другой стороны. Но это, по понятным причинам, невозможно).

[1] См. главу «3. Идеальное».

К тому же величину стоимости, создаваемой орудиями труда, *принципиально, сущностно* нельзя свести к их рабочему времени. Участие орудий труда в производственном процессе неотделимо от него и *результат* действий орудий труда определяется *не временем* их нахождения в процессе производства (с точки зрения воздействия на предмет труда это сугубо внешнее обстоятельство), а их *способностью изменять предмет труда* в соответствии с теми целями, которые преследуются человеком, и в соответствии с законами природы, используемыми человеком, и которые в концентрированном виде воплощены в орудиях труда как их идеальное. Время работы орудий труда есть фактор вторичный по отношению к их способности изменять предмет труда, зависимый от этих способностей. Но как *непосредственно* выразить способность орудий труда создавать идеальное (стоимость) и, тем более, представить его в количественной форме? Эти соображения можно применить и к деятельности человека с тем отличием, что своё идеальное в форме знаний и умения он приобретает сам, а не получает, как орудия труда, извне готовым.

Т.о. в материальности продуктов труда представлены и количественно, и качественно все факторы производства, но в приемлемой для практики форме *непосредственно* их выразить невозможно (это ещё один довод против концепции абстрактного и полезного труда). *В самом производстве* «величина» стоимости не может быть непосредственно точно определена и выражена в пригодной для обмена форме исходя из самого производства.[1]

Но в таком случае процесс обмена если и возможен, то никак не на основании эквивалентности, что очень точно подмечено Марксом – в простом обмене, в котором «потребительные стоимости одного рода обмениваются на потребительные стоимости другого рода… Меновая стоимость кажется… чем-то случайным и чисто относительным…».[2]

Однако на практике, тем не менее, обмен совершается как эквивалентный и это необходимо объяснить.

Дело в том, что процесс производства кроме созидательной, активной стороны, *создающей* новую стоимость, имеет и иную сторону – а именно *затратную*, представляющую собой *издержки* производства.

Поскольку процесс производства продуктов труда есть единый целостный процесс, то в нём могут быть сопоставлены друг другу все его стороны – и материальные, и идеальные. И вот в общественных отношениях обмена возникает совершенно новый феномен, позволяющий сопоставить друг другу материально-идеальные стороны процесса производства – *созданию* новой стоимости сопоставляются *издержки* производства по созданию этой стоимости. Результатом этого феномена и становится

---

[1] Этот вывод самым убедительным образом свидетельствует о бесплодности попыток разных исследователей (например, П. Сраффы: "Производство товаров посредством товаров" (http://www.ek-lit.org/srafsod.htm) найти абсолютную меру стоимости. Такая мера – как улыбка Чеширского кота – при любой попытке представить её в количественной форме будет неизменно ускользать.

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - Т. 23. С. 44.

возможность осуществления эквивалентного обмена.

Сущность феномена состоит в том, что идеальное (стоимость) издержек производства рефлексируется в реальных отношениях обмена на материальное продукта труда и происходит виртуальное замещение идеального (стоимости) продукта труда идеальным (стоимостью) издержек производства.[1] Как следствие, новая, созданная стоимость продукта труда с количественной стороны представляется величиной затрат на издержки производства – т.е. не непосредственно самой собой, а опосредствованно, издержками производства.

Рассмотрим более подробно. В процессе производства, взятого с затратной стороны, осуществляются материальные затраты на создание готового продукта. Прежде всего, следует учесть расход сырья и полуфабрикатов, что представляет прямые затраты. Эта часть издержек производства *физически целиком входит* в готовый продукт.

Поскольку в создании продукта труда принимают участие как факторы производства человек и применяемые им орудия труда, то и с этой стороны производятся затраты, которые по отношения к человеку представляют собой расходы на поддержание его жизнедеятельности, а по отношению к орудиям труда это возмещение их износа. Несмотря на то, что в продукт труда эти издержки производства *физически не входят*, но, в отличие от процесса *создания* продукта труда, они в процессе осуществления *затрат* представлены физически – пища, одежда, жильё и прочие расходы на поддержание жизнедеятельности человека, плюс восстановление в процессе работы и замена орудий труда по истечении срока их службы. Затраты на рабочую силу в процессе производства представлены в форме заработной платы, затраты на возмещение износа орудий труда – в форме амортизационных отчислений. Заработная плата в каждом цикле производства полностью входит в издержки производства, затраты на возмещение износа орудий труда входят в издержки либо целиком, либо частями, пропорциональными сроку службы орудий труда.

В итоге процесс формирования издержек производства со своей идеальной, стоимостной стороны представлен идеальным предметов труда (сырья, полуфабрикатов), а также идеальным материальных вещей, представляющих собой предметы потребления человека, и идеальным, представляющим затраты на износ орудий труда. В результате идеальное издержек производства представляет вполне количественно определимое материальное, поскольку затраты на это материальное известны.

Т.о. посредством рефлексии, виртуального замещения идеального (стоимости) вновь созданного продукта труда идеальным (стоимостью) издержек производства по его созданию, становится возможным вполне адекватно определить количественно вновь созданную стоимость.

Поставленный выше вопрос о количественном выражении стоимости, *созданной* в процессе производства, решается так, что эта стоимость представляется *опосредствованно* через стоимость *затрат*, издержек

[1] Следует заметить, что такая рефлексия возможна только при наличии у человека внутренне диалектического мышления.

производства.

Следует сделать существенную оговорку – данное сопоставление стоимостей адекватно выражает их соотношение только для *простого* воспроизводства. Вопрос о количественном эквиваленте прибавочной стоимости, получаемой при расширенном воспроизводстве, будет рассмотрен позже.

Остаётся вопрос о количественном представлении самих издержек производства – ведь они тоже ранее были *созданными* стоимостями. Он решён исторически, в процессе человеческой практики, посредством бесчисленного ряда обменов разнообразных продуктов, что привело, в итоге, к их взаимной соизмеримости и возможности количественного выражения. На этом пути совершенно необходимо выделился товар, который взял на себя функцию всеобщего выражения стоимости – золото, деньги. Теперь вступающие в обмен вновь созданные стоимости находят готовое опосредствование для своего количественного выражения.

(Ремарка. Идеальное как снятие, как представление в продукте труда процесса его создания *всегда* присутствует в продукте труда, независимо от общественных отношений, в которых он фигурирует. Но это же идеальное, рассматриваемое как сугубая принадлежность *товара*, т.е. продукта труда, предназначенного для *обмена*, предстаёт уже в форме *стоимости*, которая актуальна только для определённых общественных отношений – отношений обмена. Стоимость, сущностью которой является идеальное товара, проявляется в общественном отношении обмена. Идеальное – всеобщее, стоимость – особенное).

Сделаем ещё несколько выводов. Поскольку в производственном процессе материальная форма предметов труда изменяется, то изменяется и идеальное готового продукта – к идеальному предметов труда «присоединяется» идеальное упомянутого процесса (это идеальное есть снятие трудовой деятельности человека и воздействия используемых им орудий труда – это *новое* идеальное, вновь *созданное* идеальное). В итоге совокупное идеальное продуктов труда представлено идеальным сырья и вновь добавленным идеальным деятельности человека и воздействия орудий труда. В этом совокупном идеальном идеальное сырья осталось тем же, что и в исходном виде, т.е. не изменилось (вещество предметов труда полностью вошло в вещество готового продукта) – это фактор постоянный. Но т.к. другая сторона производственного процесса – ни рабочая сила, ни орудия труда ни единой своей вещественной частью не входят в состав продукта труда, то их собственное идеальное *непосредственно* не входит в идеальное продукта труда, оно представлено в нём косвенно, *опосредствованно*, как *снятие* (представление) процесса изменения предмета труда. Т.о. эти компоненты идеального имеют изменяющийся, переменный характер.

Идеальное продукта труда в итоге предстаёт в двойственном виде, перетекает из формы в форму – то как идеальное процесса *создания* продукта труда, то как идеальное *издержек* производства, в зависимости от стороны рассмотрения. Но если идеальное процесса создания продукта труда есть его *своё* идеальное, то идеальное издержек производства, прилагае-

мое к продукту труда, есть *замещённая* (превращённая) форма идеального, виртуальная форма.

Если рассматривать идеальное как форму *созданной* стоимости, то постоянной стоимостью следует признать стоимость предметов труда (сырья, полуфабрикатов и некоторых орудий труда, полностью затрачиваемых в производственном цикле) – она в неизменном виде входит в стоимость продукта труда. Стоимость же рабочей силы и долговременных орудий труда предстаёт как переменная стоимость, создающая *новую* стоимость, поскольку эта часть стоимости добавляется к стоимости предметов труда.

20.1.1. Факторы производственного процесса, влияющие на стоимость

В капиталистических общественных отношениях материальный предмет, являющийся носителем и источником стоимости, предстаёт как капитал, который может выступать как в непосредственной, натуральной, так и в опосредствованной, денежной форме.

Человек, используя орудия труда и с их помощью изменяя материальную форму предметов труда, тем самым создаёт новое идеальное. В капиталистических отношениях это новое идеальное предстаёт в форме вновь созданной стоимости. В нашем анализе источником новой стоимости является капитал в форме рабочей силы и орудий и предмета труда.

На основании проведённого анализа рассмотрим влияние факторов производства на стоимость готового продукта теперь уже с точки зрения собственно производства.

Поскольку в образовании стоимости участвуют разные составляющие процесса её создания в форме *предметов труда, орудий труда и человека*, то вглядимся в их сущность с точки зрения субстанционального подхода. Каждый из этих факторов с этой точки зрения представляют собой единство их материальных и идеальных сторон. На этом их сходство заканчивается и начинаются существенные различия.

Предметы труда в производственном процессе предстают как *пассивные* объекты, как предметы, *с которыми* совершаются некие действия, ведущие к *изменению* их формы. Любое изменение материального имеет следствием *изменение* его идеального, соответственно стоимость предмета труда также *изменяется*. Но это изменение есть следствие воздействия на предмет труда *со стороны* человека и орудий труда, а никак не самостоятельное изменение предмета труда. Значит, изменение стоимости осуществляется *активными* факторами процесса – человеком и орудиями труда и «величина» изменения стоимости определяется только ими. Стоимость предмета труда изменяется, но не за счёт действий его самого, а за счёт действий человека и орудий труда. Это изменение стоимости предстаёт как *вновь созданная* стоимость. Предмет труда по завершении процесса труда становится продуктом труда.

Предположим, что предмет труда в нашем производственном процессе представляет собой сырьё, полуфабрикат, то есть продукт более раннего труда. В этом полуфабрикате сняты два процесса – природный, в котором

возник вещественный материал для производства, и процесс труда по созданию полуфабриката. Соответственно, в его идеальном представлены идеальное природного процесса и идеальное процесса производства полуфабриката. Последнее идеальное есть стоимость полуфабриката, поскольку оно есть результат труда (предположим также, что полуфабрикат товаром не является, т.к. предназначен не для обмена, а для продолжения производства и прибавочная стоимость нас не интересует).

По завершении производственного цикла полуфабрикат становится продуктом труда и теперь в его идеальном представлены: идеальное сырья (процессов природы), идеальное предыдущих трудовых процессов по созданию полуфабрикатов (идеальное предмета труда как полуфабриката) и идеальное рассматриваемого процесса производства (снятие в продукте труда процесса его создания), вновь созданная стоимость. Поскольку идеальное процессов природы стоимостью не считается (хотя в действительности, как позже увидим при исследовании ренты, это не так), то оно далее не рассматривается. Т.о. в стоимость продукта труда входит стоимость полуфабрикатов (т.е. входит только та стоимость, которая образована на предыдущих этапах производства), и вновь созданная стоимость, величина которой определяется факторами, её создавшими, о которых речь ниже. В стоимости продуктов труда стоимость сырья и полуфабрикатов представлена *непосредственно*.

Орудия труда в производственном процессе являются его *активной* стороной, *изменяющей* форму предметов труда и, следовательно, *изменяющей* их идеальное, стоимость. В таком качестве орудия труда *создают новую* стоимость. При этом сами орудия труда *не изменяются*, их форма остаётся прежней, следовательно, *не изменяется* и их идеальное, а, значит, и стоимость (изменение орудий труда заключается только в их износе, но это совершенно другой процесс, не имеющий отношения к *созданию* стоимости). Т.о. в продуктах труда идеальное орудий труда, их стоимость прямо не представлена, но только косвенно, через участие орудий труда в материальном процессе изменения формы предметов труда.

На первый взгляд возникает парадоксальная ситуация – орудия труда *создают новую стоимость*, но их собственная стоимость (их идеальное) в образование новой стоимости не входит, хотя, тем не менее, в реальном обмене стоимость орудий труда в продуктах труда представлена явно. И это противоречие не формального характера, а сущностное – оно есть следствие наличия особых отношений – производственных отношений между людьми, которые для своего возобновления требуют постоянного воспроизводства, возмещения производительных сил, в частности орудий труда, которые физически изнашиваются. Несмотря на то, что износ орудий труда сам по себе никакого отношения к созданию новой стоимости (нового идеального) не имеет, их возмещение обеспечивается переносом стоимости орудий труда на продукты труда частями, пропорциональными сроку службы орудий труда.[1] Величина же их собственной стоимости

[1] Строго говоря, никакого *переноса* стоимости нет, это невозможно, поскольку идеальное неотделимо от материального – есть *сопоставление* стоимости со-

определяется процессом создания самих орудий труда, в котором они были, в свою очередь, предметами и продуктами труда. В итоге стоимость, созданная орудиями труда в продукте труда, предстаёт с двух сторон – как новая стоимость ими созданная, и как стоимость издержек производства.

Остаётся ответить на вопрос, почему орудия труда способны играть в процессе производства активную роль. Очевидно, что активность орудий труда в производстве целиком определяется условиями и ходом того процесса, в котором они сами были созданы[1] и, следовательно, сущность их активности заключена в их идеальном как снятии процесса их изготовления. Идеальное орудий труда заключает в себе идеальное сырья, из которого они изготовлены (т.е. природное идеальное) и идеальное, «вложенное» в них человеком. Эта вторая, «человеческая» сторона идеального представляет собой знание, воплощённое в материале и форме орудий труда, и умение человека, позволяющее ему совершить это воплощение. Знание, воплощаемое в орудиях труда, представляет собой концентрированное выражение природных законов и принципов, воплощённых в форме орудий труда, используемых применительно к потребностям человека. Именно «очеловеченная» форма орудий труда заключает в себе знание как их сущность и это единство формы и сущности предстаёт как *активность* орудий труда в процессе производства. Действительно, здесь знание является *непосредственной* производительной силой.

Активная роль *человека* в процессе производства подобна роли орудий труда. Различие только в том, что человек универсален в отличие от специализированности орудий труда и своё идеальное в форме знания производит сам, а не получает его извне в готовом виде. В остальном, с точки зрения собственно производства, человек и орудия труда идентичны как *объекты* производства, они дополняют друг друга. Подобно стоимости, созданной орудиями труда, стоимость, созданная деятельностью человека, предстаёт в продукте труда, с одной стороны, как новая стоимость, с другой стороны как стоимость затрат, издержек производства.

Как видим, роль человека в производственном процессе, пока он выступает как *объект* производства, как часть технологического процесса, идентична роли орудий труда и это различие не столь принципиально – орудия труда специализированы, человек универсален. Пока человек используется в производственном процессе в качестве его *объекта* невозможно никакое преодоление различия между умственным и физическим трудом. Это различие определяется *объективной* сутью процесса производства, в котором не обойтись без *физического* изменения предметов труда с помощью орудий труда, одним из которых и является человек как дополнение к машине, как часть технологического процесса. Решение во-

---

здаваемой и стоимости прошлой (затрат). Тем не менее, далее будет употребляться вошедший в обиход термин «перенос» стоимости, при этом подразумевается, что, в сущности, это сопоставление стоимостей.

[1] В том же процессе производства, в котором орудия труда применяются, их активность только проявляется, актуализируется.

проса о преодолении различия между физическим и умственным трудом находится не в сфере производства, а вне её – человек должен быть полностью выведен из производственного процесса как его *объект*.

Поскольку продукт труда предстаёт в двойственной форме, – с одной стороны, как вновь созданный материальный объект; с другой стороны, как материальные средства, использованные на его создание, – то и его стоимость также должна рассматриваться с двух сторон – с созидательной и затратной.

С одной стороны, это изменение материальной формы предмета труда и его превращение в продукт труда. В производственном процессе предмет труда меняет форму и превращается в продукт труда. Этот процесс осуществляется человеком с использованием орудий труда, тем самым эти два фактора совместно участвуют в изменении формы предмета труда и, т.о., в создании *новой* стоимости. Изменение материальной формы предмета труда и превращение его в продукт труда есть тем самым изменение идеального предмета труда. Снятие, представление этого процесса в продукте труда и есть стоимость как идеальное продукта труда. Стоимость предмета труда, поступающего в производство в качестве сырья, полностью *входит* в стоимость готового продукта труда, поскольку в него как в материальное тело физически входит сырьё, пусть и в переработанном виде. Напротив, поскольку рабочая сила и орудия труда физически не входят в состав продукта труда, в его физическое тело ни единой своей частью, то и собственная стоимость (идеальное) орудий труда и рабочей силы не входит в *новую* стоимость, создаваемую ими. Их стоимости (их идеальное) являются *активными факторами* создания новой стоимости. С этой стороны процесс создания продукта труда есть *созидательный, производительный* процесс – процесс *создания новой стоимости,* но количественно оценить эти активные факторы невозможно. Поэтому новая стоимость может быть количественно определена только отчасти, только со стороны стоимости сырья и полуфабрикатов, которая непосредственно входит в стоимость продукта труда вместе со своим материальным носителем.

С другой стороны, общественные отношения в форме производственных отношений для своего постоянного возобновления, воспроизводства требуют восстановления всех факторов производства – сырья и полуфабрикатов, орудий труда и рабочей силы. Поскольку сырьё и полуфабрикаты непосредственно входят в состав продукта труда, то и их стоимость непосредственно входит в стоимость продукта труда как часть создаваемой стоимости. Хотя стоимость орудий труда и рабочей силы не входит в новую стоимость, а только является условием её создания, но необходимость воспроизводства производственных отношений требует воспроизводства и производительных сил. С этой стороны процесс создания продукта труда представляет собой *затратный, восстановительный* процесс в котором новой стоимости, *созданной* в созидательном процессе, противостоят стоимости всех факторов производства, *затраченных* на производство продукта – стоимость сырья и полуфабрикатов, стоимость орудий труда, переносимая на продукты труда частями, пропорциональными

сроку службы орудий труда, стоимость рабочей силы, представляющая собой затраты на обеспечение жизнедеятельности работников. Здесь стоимость затрат, издержек производства, исторически количественно определяется полностью и исчерпывающе.

Будучи тождественными друг другу в продукте труда новая стоимость и стоимость издержек производства могут быть сопоставлены и т.о. часть новой стоимости, представляющая издержки производства, определяется с количественной стороны. Но *часть новой стоимости, соответствующая прибавочной стоимости, не находит количественного выражения посредством издержек производства.*

Мы подошли к очень важному вопросу о соотнесении и эквивалентности стоимости разных продуктов труда, что очень важно для обмена ими. Одним из условий обмена является потребность в потребительной стоимости, другим условием выступает соответствие продуктов труда, товаров, по затратам на их производство. Количественно эти затраты, казалось бы, можно совершенно точно оценить по издержкам производства. Но такой метод соотнесения новой стоимости и затрат оправдал бы себя только в условиях простого воспроизводства, в котором всей новой стоимости соответствуют все произведённые затраты и весь продукт пошёл бы только на возмещение издержек производства и возобновление цикла в прежнем масштабе.

Но в условиях расширенного производства, в котором создаётся прибавочный продукт и, соответственно, прибавочная стоимость невозможно однозначно оценить стоимость продукта труда по издержкам производства. При расширенном воспроизводстве новая стоимость не соответствует стоимости затраченных факторов производства, она их превышает на величину прибавочной стоимости.

На время отвлечёмся от рассмотрения прибавочной стоимости (мы вернёмся к ней в другой главе) и обратимся к меновой стоимости.

***

Но прежде сделаем небольшое отступление.

В качестве уточнения к понятию стоимости как идеального следует сказать о неоднозначном видении идеального Марксом.

В «Капитале», не исследуя специально сущности идеального, Маркс, тем не менее, в ходе анализа стоимости в неявном виде приходит к важному выводу об объективности и всеобщности идеального.

В предисловии об идеальном сказано – «идеальное – это материальное, пересаженное в человеческую голову и переработанное в ней». Здесь идеальное субъективно, поскольку принадлежит исключительно человеку.

Но при исследовании сущности стоимости об идеальном говорится уже совершенно по-другому – «в стоимость [Wertgegenstandlichkeit] не входит ни одного атома вещества природы» (т.е. стоимость идеальна). Но это идеальное вне человека, в продукте его труда. Если предположить, что стоимость – идеальное в человеческой голове, то сколько людей, столько будет и стоимостей – единого основания невозможно отыскать по определению. Сам Маркс признаёт, что стоимость объективна, т.е. существует независимо от человека и содержимого его головы. Правда, для

объяснения феномена объективности стоимости (т.е. объективности идеального) он вводит новую категорию, некий логический фантом – абстрактный труд, т.е. человеческую деятельность как таковую в чистом виде независимо от её формы и качества. Эта деятельность, будучи отчуждена от человека, «помещается» в продукт труда – и только теперь, после отчуждения деятельности в продукте труда, она становится *объективным* основанием для определения стоимости *независимо* от её представления в человеческой голове, причём как в количественном, так и в качественном отношении.

Теперь стоимость, как *человеческая деятельность, представленная в продукте труда*, уже не зависит от человека и, тем более, содержимого его головы. Она есть всецело *объективное* основание для участия в человеческих отношениях обмена как совершенно самостоятельный фактор: идеальное, стоимость определяет материальное – обмен материальными продуктами, соответствие их друг другу.

Такое представление стоимости Марксом как снятия, представления некоего материального процесса в материальном же объекте практически полностью соответствует гегелевскому идеальному, понимаемому как снятому, представленному в ином (мы об этом говорили в главе «3. Идеальное»).

20.2. Меновая стоимость, цена

В отношениях обмена стоимость предстаёт в форме *меновой стоимости* – т.е. *формы стоимости*, которая определяется уже не исключительно факторами производства, но на которую влияют также *общественные отношения обмена*, в которые она вступает. *Меновая стоимость определяется уже не исключительно условиями производства, а всем комплексом общественных отношений в процессе обмена*, где сталкиваются, противостоят друг другу, не только две стороны производственного процесса – процесс создания стоимости (стоимость как вновь созданная стоимость) и процесс восстановления стоимости (стоимость как произведённые затраты, как издержки производства), но и отношения, выявляющие *соответствие друг другу общественных потребностей и общественных возможностей*.

В простых, казалось бы, общественных действиях, – производстве продуктов труда и последующем обмене ими, – мы видим теснейшее и сложнейшее переплетение и взаимовлияние всех отношений – производственных, общественных и т.д., которые в своей основе являются материально-идеальными, т.е. диалектическими.

Следует ещё раз упомянуть о различии стоимости и меновой стоимости – стоимость *создаётся* в процессе *производства*, меновая стоимость *реализуется* в процессе *обмена* и как таковая количественно представлена в форме *цены*.

Стоимость представляет собой *завершённый* процесс создания продукта труда и потому она как атрибут уже завершённой вещи *неизменяема*.

Форма продукта труда, представленная потребительной стоимостью, и её содержание – стоимость, находятся во взаимном соответствии. Стоимость может быть изменена только как следствие изменения формы вещи в новом производственном процессе. По завершении процесса труда стоимость предстаёт как сугубо объективная категория, как выражение завершённого объективного материального производственного процесса.

Но продукт труда должен быть потреблён и потому отношения производства перетекают в отношения распределения и затем потребления, которые прежде опосредствуются отношениями обмена. В отношениях обмена выявляется *общественная необходимость* продукта труда – в них стоимость, созданная в производстве, рефлексируется с точки зрения её полезности (необходимости) для потребления.

Есть и другая сторона отношений обмена – для их осуществления стоимость должна быть выражена *количественно*. Но стоимость как идеальное не может быть непосредственно выражено количественно, это возможно только в отношении материального.

По указанным причинам стоимость императивно, т.е. абсолютно необходимо, должна совершить движение от идеальной формы к форме материальной. Но такое движение невозможно осуществить непосредственно, и потому в общественных отношениях обмена естественно возникает опосредствующая форма стоимости – *меновая стоимость*, которая затем материализуется в *цене* и таким образом может быть выражена количественно. *Меновая стоимость* как опосредствующая идеальное (стоимость) и материальное (цену) *есть* т.о. *превращённая форма стоимости*. В свою очередь *цена* есть превращённая форма *меновой* стоимости.

Каким же образом и почему совершается метаморфоз стоимости в меновую стоимость и затем в цену?

Отношения обмена есть диалектические отношения двух сторон – не только производства, но и потребления (диалектичность заключается в том, что противоположные стороны в отношениях обмена составляют диалектическое противоречие, т.е. они невозможны друг без друга, влияют друг на друга, перетекают друг в друга – и в этом единстве в различии представляют собой тождество). В них со стороны отношений потребления на экономическую сцену выходит другой императив – *потребность* общества в определённых продуктах. С точки зрения потребления продукт труда рассматривается только как некая полезность для потребителя, его интересуют вполне конкретные качества продукта. Как следствие, в отношениях обмена *материальная* форма продукта труда предстаёт в форме, соответствующей *интересам потребления* – в форме *потребительной* стоимости. Т.о. *потребительная стоимость* представляет собой конкретную материальную форму продукта труда, способную удовлетворить конкретные потребности потребления – это уже императив *со стороны потребления*.

Другими словами, не всё, что произведено, может быть затребовано обществом и потреблено. А значит и затраченный труд может потребоваться лишь частично, либо и вовсе пропасть втуне. Соответственно, общество согласно признать только *часть* стоимости, представленной в

продукте труда. Возможна и противоположная ситуация, когда потребности превышают возможности по их удовлетворению. В этом случае сторона потребления может позволить себе компенсировать больше стоимости, чем её представлено в продукте труда.

Но ведь стоимость, как логически выведено выше, есть категория объективная и неизменная при неизменной форме продукта труда. Следовательно, в обмене, в том случае если не затребован весь произведённый продукт (или, напротив, его требуется больше, чем произведено), – т.е. в случаях, когда *нарушается условие эквивалентности стоимостей*, – она не может быть представлена *непосредственно* самой собой. По этой причине стоимость меняет свою форму и в обмене предстаёт *опосредствованно* – в своей превращённой форме, как *меновая* стоимость – как *часть стоимости, соответствующая потребностям* общества. Это значит, что в зависимости от соотношения потребностей и возможностей (в конкретном акте обмена – спроса и предложения) меновая стоимость может быть как ниже, так и выше стоимости, созданной в производстве. *Меновая стоимость* выражает согласие общества принять (или не принять) стоимость, созданную в производстве, и тем самым она представляет *общественно необходимые затраты* (о которых говорил Маркс), на которые общество согласно пойти.

Как следствие влияния отношений обмена *материальная* форма продукта труда (а это сам продукт как вещь) в обмене предстаёт в своей превращённой форме – в форме *потребительной* стоимости. Одновременно *идеальная* форма продукта труда (стоимость) предстаёт в обмене в своей превращённой форме – в форме *меновой* стоимости.

Означает ли сказанное выше, что меновая стоимость, в отличие от стоимости, субъективна. В единичных актах обмена, в которых тон задаёт сиюминутная игра *спроса и предложения*, действует масса преходящих субъективных моментов и в такой форме меновая стоимость *субъективна*.

Но в гносеологическом рассмотрении, в котором принимаются во внимание только фундаментальные факторы, такие как соотношение *общественных возможностей* и *общественных потребностей*, в которых учитываются совокупные возможности и потребности общества как целого (а как таковые они имеют совершенно объективный характер), то меновая стоимость предстаёт уже как *объективный* общественный феномен.

В итоге получается, что диспропорции и искажения, вносимые отношениями обмена в процесс взаимодействия производства и потребления общества, вызваны объективными, в своём основании, процессами и факторами. Возникает парадоксальная ситуация – вполне объективные сами по себе отношения производства и потребления *в пункте своего взаимодействия, в обмене*, перманентно воспроизводят необъективность, выражающуюся в неэквивалентности конкретных актов обмена, и только общая оценка всей совокупности актов обмена позволяет говорить об эквивалентности обмена в отношении общества, взятого как целое.

Отмеченная парадоксальность вызвана тем обстоятельством, что объективные возможности *производства, отделённого от потребления,* не соответствуют объективным же потребностям *потребления, отделённого*

от производства, и согласование производства и потребления путём обмена *необходимо* вносит в обмен элемент необъективности, которая (необъективность) влияет, как мы убедились, на обе стороны. В этом и состоит объяснение выявленного парадокса: *необъективность* обмена вызвана *объективными* общественными обстоятельствами, – наличием отношений обмена самих по себе как объективной данности, – и потому также объективна, т.е. *неустранима в рамках отношений обмена.*

Данный феномен, – несовпадение объективных возможностей производства с не менее объективными потребностями потребления, – в масштабах всего общества есть причина глубоко онтологическая, по которой вполне объективная стоимость *необходимо* должна перейти в свою превращённую форму – не менее объективную меновую стоимость. И причина эта гораздо более фундаментальная, чем указанная выше – а именно, потребность в количественном выражении стоимости. Переходя на язык математики можно сказать, что первая причина (несовпадение возможностей и потребностей) есть условие необходимое, а вторая – условие достаточное.

Итак, *меновая стоимость есть результат согласования возможностей и потребностей, спроса и предложения*, она вариативна, относительна, изменяема в зависимости от указанных факторов.

В этом противоречии стоимости и меновой стоимости вскрывается их общность и их различие. Совпадение стоимости и меновой стоимости возможно только случайно при наличии определённых условий обмена. Поскольку основу меновой стоимости составляет стоимость, созданная в процессе производства, то совершенно обоснованно Маркс называет меновую стоимость *превращённой формой* стоимости.

Итак, *меновая стоимость есть не что иное, как превращённая форма стоимости, созданной в процессе производства*. В отличие от стоимости *на меновую стоимость влияют также общественные отношения обмена* как соотношение общественных потребностей и общественных возможностей. Меновая стоимость количественно представлена в отношениях обмена ценой.

От стоимости мы перешли к меновой стоимости, которая может быть в интересах обмена количественно представлена в цене. Но количественность есть характеристика, атрибут материального и потому за представлением меновой стоимости, её ценой, всегда стоит *материальный носитель* – золото, деньги, активы и т.п. Этот носитель меновой стоимости, всеобщий товар, в общественном отношении имеет только одну форму идеального – стоимость как таковую, всеобщую стоимость, предстающую в форме меновой стоимости, и с материальной стороны выражает её количественно.[1]

[1] Т.к. главным назначением золота было представление идеального, стоимости, то его вещественная сторона должна была удовлетворять преимущественно одному комплексному условию – удобству действий с ним. Естественно, что со временем золото было заменено более удобным (и дешёвым) знаком стоимости – бумажными деньгами, которые длительное время только физически заменяли

Что касается количественной оценки стоимости в интересах обмена, то она исторически происходила не в абсолютной, а в относительной форме при сопоставлении товаров в бесчисленных актах обмена. Основой для количественного сравнения товаров в процессе обмена выступает превращённая форма стоимости – меновая стоимость. Но если стоимость определяется объективно-субъективными условиями *производства*, то меновая стоимость определяется объективно-субъективными условиями *обмена*, зависящими от *соотношения потребностей и возможностей* сторон обмена (что проявляется в форме спроса и предложения). Условием обмена со стороны возможностей выступает потребительная стоимость, со стороны потребностей – соответствие потребительной стоимости условиям её потребления, которым она должна удовлетворять. Только при совпадении этих сторон происходит обмен.

Меновая стоимость, хотя и имеет своим основанием стоимость, тем не менее, в конечном итоге определяется общественными отношениями в форме соотнесения общественных потребностей и возможностей (вот и проявилась сторона стоимости, о которой говорилось ранее – её взаимосвязь с общественными отношениями), т.е. в ней учитывается не только эффективность производительной деятельности человека с точки зрения производимых им затрат,[1] но и (в первую очередь) соответствие этих затрат общественным потребностям.[2]

В итоге *меновая стоимость, имея основанием стоимость, созданную в производстве, предстаёт как результат согласования общественных потребностей и общественных возможностей и представляет собой ту часть стоимости, которая соответствует «общественно необходимым затратам труда»*, о которых говорил Маркс.

золото, фактически оставаясь его представителем, и могли быть обменены на него. Отмена впоследствии золотого содержания бумажных денег стала *качественным* изменением в сущности эквивалента стоимости и содержании актов обмена, имевшим огромные последствия, но это иная тема. Мы являемся свидетелями очередной трансформации эквивалента стоимости – переходом его в виртуальную форму т.н. электронных денег. При этом на долю материальной составляющей эквивалента стоимости остаётся только его представление в форме *знака*, числа. В этой виртуальной форме денег их связь с реальностью практически полностью потеряна – и с идеальной стороны, где связь с трудовой деятельностью разорвана, и с материальной стороны, как фактически полным отсутствием вещественного носителя эквивалента. Подготовка к полной отмене денег фактически завершена, дело за «малым» – изменением общественных отношений и значительным повышением производства до уровня «по потребностям».

[1] Из одинаковых потребительных стоимостей будет реализована та, которая произведена с меньшими затратами и потому имеет меньшую стоимость и, как следствие, меньшую цену.

[2] «…Потребительная стоимость товара есть предпосылка его меновой стоимости, а потому и его стоимости» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 25. Ч. 2. С. 186). Другими словами, предпосылкой меновой стоимости является не стоимость, а потребительная стоимость, т.е. потребность в товаре, а это уже не что иное, как детерминирование меновой стоимости общественными отношениями, а не исключительно затратами труда.

В реальности меновая стоимость может быть как меньше стоимости, созданной в производстве, так и превышать её в зависимости от соотношения общественных возможностей и потребностей, которые выступают в конкретных формах в отношениях спроса и предложения.

Отмеченная сторона жизнедеятельности человека – *соответствие производства и его эффективности общественным потребностям* – носит *всеобщий* характер независимо от общественных форм и общественных отношений (до-капиталистических, капиталистических, социалистических и любых иных) в которых она проявляется и которые имеют характер особенного. В анализе общественных форм ни в коем случае нельзя пренебрегать характером детерминирующего влияния общего на особенное и единичное.

Хотя стороны обмена субъективно видят в товарах, прежде всего, понесённые на их изготовление затраты, но объективно эти затраты отражают собственно материальные процессы изготовления продуктов труда, их сложность и длительность. Т.о. отношения обмена полностью отражают двойственную сущность товара как продукта труда, как результата объективно-субъективного процесса создания стоимости и осуществления затрат. По этой причине характер отношений обмена также носит объективно-субъективный характер – субъекты этих отношений вынуждены учитывать вполне объективные факторы.

Если взглянуть на категорию стоимости с точки зрения тотальности (единства) общества, то стоимость предстаёт одновременно в двух формах – с одной стороны как продукт (возрастание), с другой стороны как затраты (исчезание). Как продукт она *создаётся* в сфере производства (в т.ч. научного производства) и нигде более. Стоимость, созданная в форме продукта, *потребляется* во всех сферах жизнедеятельности общества и в такой потребляемой форме предстаёт как затраты, издержки общества. В совокупности стоимость в форме общественного продукта должна соответствовать стоимости в форме общественных затрат с учётом превышения стоимости продукта над стоимостью затрат на величину прибавочной стоимости.

***

Остаётся рассмотреть влияние разных этапов движения продукта труда на создание меновой стоимости, а также особенности умственного труда как создателя стоимости.

В производственном процессе создаётся продукт труда (потребительная стоимость) в полной стоимости которого представлены стоимость сырья и полуфабрикатов и новая стоимость, созданная деятельностью человека с использованием орудий труда.

В стоимости продукта труда представлены два момента, производительный и затратный, и поэтому её следует рассматривать с двух сторон.

Во-первых, с созидательной, производительной стороны: *создаётся новая стоимость*, которая с материальной стороны представляет собой изменение формы предмета труда и производство потребительной стоимости, а с идеальной стороны, как собственно стоимость, представляет снятие процесса создания продукта труда.

Во-вторых, с затратной стороны, со стороны издержек производства: *возмещается стоимость* израсходованных средств производства. В стоимость, фигурирующую в форме издержек, *входит* овеществлённая стоимость, созданная на более ранних этапах производства (стоимость сырья и полуфабрикатов) и *переносится* стоимость (часть стоимости) средств труда (орудий труда и рабочей силы). За счёт этой стороны стоимости возмещаются материальные факторы процесса производства и становится возможным воспроизводство.

Создание *стоимости* на этом завершается, производственный процесс свою функцию выполнил. Но процесс формирования *меновой стоимости* не закончен.

Имеет смысл ещё раз упомянуть о различии стоимости и меновой стоимости. Стоимость *создаётся* в процессе производства продуктов труда, товаров. Меновая стоимость есть превращённая форма стоимости, которая *реализуется* в особых общественных отношениях, в отношениях обмена как результат согласования общественных потребностей и возможностей. Последнее означает, что меновая стоимость выражает общественно необходимые затраты труда.

Именно отношения обмена являются опосредствующим действием, в котором осуществляется *проявление стоимости в форме меновой стоимости (превращение стоимости в форму меновой стоимости)*. Исходным условием этого отношения является потребность в потребительной стоимости, в продукте труда. Далее вступает в действие сравнение обмениваемых товаров – со стоимостью, воплощённой в потребительной стоимости одного товара, сравниваются издержки производства противостоящего ему товара (в отношении товаров это обоюдное действие) – т.е. определяется возможность обмена, но с тем необходимым условием, что получаемые сторонами обмена потребительные стоимости не увеличат, как минимум, последующих издержек производства, либо позволят производить бо́льшую стоимость, чем ранее в расчёте не единицу затрат.

Меновая стоимость представляет собой отражение (рефлексию) стоимости в общественном отношении обмена, отражение объективного содержания в субъективном действии, в рефлексии сторон обмена. Но это субъективное необходимо действует в полном соответствии с объективным, с наличной стоимостью, и не может произвольно его игнорировать.

В итоге меновая стоимость соединяет в себе как объективные факторы, стоимость (в т.ч. и её часть в форме прибавочной стоимости), так и субъективные – потребность в товаре и фактические затраты. Затраты здесь отнесены к субъективному фактору по причине их зависимости от конкретных условий производства, его эффективности, степени умелости производителей.

Меновая стоимость (и, соответственно, стоимость) только тогда будет реализована, когда потребительная стоимость перейдёт в руки потребителя, а это возможно только в случае, когда товар доставлен к месту потребления. Затраты по перемещению продуктов труда создают только *условия* для возможности потребления продуктов труда, не изменяя их формы, тем самым, *не создавая новой* стоимости. В интересах воспроиз-

водства движения товаров эти затраты должны быть возмещены. Поэтому затраты труда и материальных средств по транспортировке товаров и сопровождающим операциям, непроизводственные затраты, входят в меновую стоимость товара, не изменяя при этом его формы как потребительной стоимости. *В сфере обмена* меновая стоимость возрастает, но только за счёт *издержек* этой сферы, *новая стоимость не создаётся*.

Стоимости как создаваемые объективными процессами должны в таком качестве обмениваться как некие точно определённые величины, чего на практике не существует, вернее, встречается как исключение. И происходит это потому, что в процесс обмена включаются новые общественные отношения, кроме производственных и обеспечивающих возможность обмена, – а именно отношения спроса и предложения, точнее, общественной потребности и общественной возможности, в которых стоимость предстаёт в форме меновой стоимости, «стоимость получает собственную… форму проявления, а именно форму меновой стоимости».[1] «Меновая стоимость… представляется в виде количественного соотношения, в виде пропорции, в которой потребительные стоимости одного рода обмениваются на потребительные стоимости другого рода, – соотношения, постоянно изменяющегося в зависимости от времени и места. Меновая стоимость кажется поэтому чем-то случайным и чисто относительным…».[2] Меновая стоимость определяется уже не только стоимостью, обстоятельством вполне объективным с точки зрения обмена, но и потребностью в потребительной стоимости, которая (потребность) зависит от разных, в т.ч. и субъективных, общественных факторов.

В этом чрезвычайно важном пункте общественных отношений, в обмене, происходит переход от идеального к материальному – от стоимости к прибыли. И формой стоимости в данном пункте выступает меновая стоимость как определяемая уже не исключительно стоимостью, а общественным отношением – отношением общественной потребности и общественной возможности (этот вопрос будет рассмотрен в главах о прибавочной стоимости и прибыли).

(Сделаем небольшое отступление. Сторона обмена, представляющая объективность процессов производства как действий по изменению формы материальных тел, является глубинной основой усреднения стоимости к так называемой общественно необходимой. Данное усреднение представляет собой не просто её арифметическое усреднение как выведение средней стоимости от всех представленных на рынке, а есть отражение вполне реальных процессов совершенствования способов изготовления продуктов труда, приведения их к минимально возможным со стороны затратной части и максимально эффективным со стороны производительной и отсечение, тем самым, от рынка неэффективных производителей.

Этот процесс реализуется посредством механизмов конкуренции и образования нормы прибыли. Обмен как опосредствование производителей имеет кроме явной стороны – развития разделения труда, ещё и скрытую

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 23. С. 70.
[2] Там же. С. 44.

сторону – совершенствование процессов производства. В отношениях обмена относительное – меновая стоимость, имеет аттрактором абсолютное – стоимость. От этой очень важной функции *свободного* (не монополизированного) обмена продуктами труда нельзя отмахнуться при исследовании капиталистического способа производства. Монополизация, как производства, так и обмена, ослабляя конкуренцию и, как следствие, совершенствование производства, неизбежно ведёт к застойным явлениям в производстве, сдерживая развитие производительных сил).

Вернёмся к процессу труда, но уже в форме интеллектуального, умственного труда, к процессу получения знания. Труд как материальный процесс, т.е. процесс изменения материального объекта, имеет следствием и изменение его идеального как снятие процесса этого изменения и, тем самым, изменение (создание) стоимости. Но интеллектуальный труд имеет дело не с материальными объектами бытия, а с идеальными предметами мышления, а их изменение не имеет следствием изменение материального, по крайней мере, непосредственно (превращение идеального в материальное происходит через опосредствование человеческой деятельностью). Значит ли это, что интеллектуальный труд не создаёт стоимости?

Напомним, что стоимость есть проявление существования вполне определённых общественных отношений, а именно, отношений обмена. Поэтому любая вещь, поступающая в сферу обмена, имеет стоимость. Значит, имеет стоимость и идеальное в форме знания, когда является товаром.

Выше говорилось о различии идеального как снятия процесса изменения материального и стоимости как представления того же самого идеального в общественных отношениях обмена. Эта граница между идеальным как общим и стоимостью как особенной формой идеального и определяет соотношение в знании идеального и его стоимостной формы.

Знание есть идеальный результат материально-идеального процесса, в котором материальная сторона (со стороны затрат) представлена материальными затратами на научные исследования, а идеальная сторона представляет собой процесс мышления, действий мышления с его идеальными объектами.

Результатом деятельности мышления, его продуктом является также идеальное, но это идеальное не есть снятие собственно процесса мышления, это было бы простой тавтологией, саморефлексией, а идеальное того объекта, который был *представлен* в мышлении в идеальной форме, т.е. объектов (и процессов) природы или общественных феноменов. *Т.о. материальным основанием знания как идеального со стороны создания нового идеального (новой стоимости, применительно к отношениям обмена) является сама природа и собственно человеческое общество*. Идеальное мышления как результат его деятельности, как знание, есть идеальное природы и общества, их законы и принципы, но представленные в форме понятий и категорий единственно с которыми и может действовать человеческое мышление. Здесь же отметим, что знание, прошедшее обратный процесс от идеального к материальному (т.е. завершающую фазу процес-

са отражения) и воплощённое в человеческой практике в природном материале, материализованное (овеществлённое) знание, своей материальной основой имеет уже продукт труда человека, и с помощью этого продукта человек использует законы природы в своих целях, но это становится возможным только потому, что эти законы представлены (сняты) в идеальной форме в продуктах труда.

Материальная сторона мышления (и его результата, знания) со стороны затрат представляет собой, как было сказано, все издержки на получение фактических данных, являющихся исходным материалом для формирования идеальных объектов мышления, и их последующего исследования. Т.о. эти затраты, косвенно представленные в результатах процесса мышления, являются основой для формирования стоимости, когда результат мышления, знание, предстаёт в форме товара. Эти затраты в общественных отношениях, основанных на обмене, предстают как стоимость знания, как его товарная форма. И эта стоимостная форма знания есть выражение наличия общественных отношений обмена, она может существовать только в этих отношениях. Т.о. всеобщее, законы природы (правда, в особой, очеловеченной форме), становится частной собственностью и потому особенным и единичным, вступает в отношения обмена и является источником извлечения прибыли.

В отношении результата мышления, знания, действуют те же принципы формирования стоимости, что и в отношении материальных продуктов труда. Новое знание, предстающее как стоимость, со своей созидательной стороны имеет материальным основанием самое природу и общество. Но это же знание как стоимость со стороны затрат, издержек общества, имеет основанием затраты общества на научные исследования.

Есть ещё одна сторона интеллектуальной деятельности – творческий труд, создающий произведения искусства (или то, что иногда называется искусством безо всяких на то оснований). Здесь фактическим основанием, дающим материал для интеллектуального процесса, является сама жизнь людей, другими словами, общественные отношения, идеально представленные в сознании. В этом случае вступает в действие самостоятельность мышления, его способность независимо ни от чего действовать со своими идеальными объектами. Такой идеальный продукт, поступающий в сферу обмена, имеет материальным основанием саму жизнь, но эта жизнь, пройдя идеальный процесс обработки самостоятельным мышлением, может предстать как в форме адекватной реальности, так и в совершенно фантасмагорической форме. Стоимость такого идеального продукта определяется исключительно субъективными факторами – т.н. общественным признанием, т.е. полностью совпадает с потребительной стоимостью как потребностью потребителей в товаре. По этой причине низкие вкусы большинства (или весьма денежного меньшинства) способны высоко вздувать цену ничтожных, с точки зрения гуманистичности, поделок конъюнктурщиков от искусства.

***

Остановимся ещё на одном вопросе. Выше мы говорили о соотношении меновой стоимости и цены. Рассмотрим последнюю категорию более

подробно с точки зрения соотнесения в ней материального и идеального моментов.

Стоимость, как мы выяснили, есть идеальное, представленное, снятый процесс. Но это предельно абстрактное определение. В материальной жизни людей стоимость должна получить выражение также и в материальной форме, чтобы сделать возможным обмен продуктами труда соответственно их эквивалентам, и это действительно так – в общественных отношениях стоимость предстаёт в двух формах – материальной и идеальной, соответственно продукту труда, предстающему как субстанциональное единство материального и идеального.

Непосредственно в продукте труда стоимость предстаёт в материальной форме как собственно продукт труда (как *воплощённая* в продукте деятельность, труд), и в идеальной форме, как *представленная* в продукте деятельность.

Соответственно этим двум формам стоимости в общественных отношениях она также предстаёт в двух формах отношений. Во-первых, через материальные отношения как непосредственные отношения обмена – в этой форме отношений стоимость может быть представлена только в материальном виде как товар и его эквивалент, деньги. Во-вторых, через сознание субъектов этих отношений, через общественные отношения в идеальной форме, т.е. отношения, опосредствуемые сознанием – здесь стоимость предстаёт в идеальной форме, внутри отношений, опосредствуемых сознанием.

Эти формы отношений являются носителями стоимости в человеческих отношениях. Их посредством через соотнесение материального, товара и денег, соотносятся две идеальные формы – стоимость, представленная в товаре и стоимость, якобы представляемая деньгами.

«Якобы» здесь сказано с полным основанием – ведь фактическая стоимость денег, т.е. стоимость их изготовления, никого не интересует. В отношениях обмена деньги *наделяются* совершенно иным содержанием, а именно тем же идеальным, которое представлено в продуктах труда – стоимостью как таковой, безотносительно к материальной форме товара.

Т.о. деньги как вполне материальная вещь своим материальным основанием, совершенно ничтожным с точки зрения обмена, представляют всеобщее содержание товаров – стоимость. Поскольку любая материальная вещь может быть выражена количественно, то деньги *опосредствованно* количественно выражают то, что не может быть *непосредственно* выражено количественно в принципе – идеальное, стоимость. Именно на долю денег выпадает сомнительная честь осуществлять в человеческих отношениях извращённое, на первый взгляд, действие по выражению идеального в количественном виде – стоимость, идеальное, представить как число и, т.о., как нечто материальное.

Но это извращённое, казалось бы, представление является единственно возможным, которое способно поставить отношения обмена как отношения обмена материальных предметов, на совершенно объективную почву – на возможность количественного определения стоимости – и тем самым объективировать отношения обмена, где бы они ни происходили и какие

бы товары в них ни участвовали.

И именно потому, что деньги представляют не собственную стоимость, а стоимость других вещей, их стоимость является фиктивной, не связанной с собственно деньгами внутренним соотношением, отчуждённой от своей материальной формы, и на этом основании не только может быть представлена количественно количеством самих денег, но и подвергаться постоянному нарушению пропорциональности между количеством денег и представленной в них стоимостью.

Стоимость в своей превращённой форме – меновой стоимости, количественно представленной деньгами, есть уже цена товара. Т.о. в материальных отношениях обмена получает вполне материальное выражение идеальная сторона стоимости, но уже в материальной форме – в форме цены. Подчеркнём – *цена есть количественное и тем самым материальное выражение меновой стоимости, которая, в свою очередь, есть идеальное представление стоимости, человеческой деятельности, труда*. Но не будем забывать, что цена представляет стоимость опосредствованно и потому, как таковая, совпадает со стоимостью только случайно, и только пройдя через отношения обмена.

Далее, поскольку в отношениях обмена, представленных своей идеальной стороной – в сознании – цена предстаёт как нечто воображаемое, как психический феномен, то её ошибочно принимают за идеальную форму стоимости, хотя идеальное невозможно определить количественно, в отличие от цены. Цена всегда связывается только с её материальным выражением, только с одной вещью – деньгами, золотом или иным представителем стоимости. Стоимость существует во всех продуктах труда. И когда идеальное, стоимость товара, представляют в форме его цены, то это всегда есть представление некоего количества некоего эквивалента (денег и т.п.), т.е. вполне материальное представление.

Т.о. стоимость, идеальное, пройдя процесс опосредствования человеческими общественными отношениями, как отношений одновременно и идеальных, и материальных, предстаёт в итоге в своей превращённой материальной форме, форме денег, чьим идеальным она и становится. Теперь отчуждённое и независимое материальное – деньги – несёт в себе (хотя и фиктивно) идеальное содержание продукта труда, стоимость, и приобретает способность связывать *всё* многообразие продуктов труда в *одном* отношении обмена. При этом происходит ещё одно превращение – деньги, материальное, будучи выражены в сознании в идеальных отношениях через своё численное представление, получают тем самым способность представать в идеальной форме, что приводит к ошибочному выводу, что цена есть идеальное выражение стоимости, тогда как по существу это превращённая материальная форма стоимости, к тому же фиктивная.[1]

[1] Деньги – особенная вещь, они могут существовать *только в общественных отношениях*. Деньги – в полном соответствии с субстанциональной действительностью – предстают в двух качествах в зависимости от своей роли в процессе функционирования.

Деньги предстают своей *идеальной* стороной, когда они выступают как пред-

***

Видение процесса создания стоимости, изложенное выше, несколько отличается от воззрений Маркса. В качестве резюме коротко укажем на различия в понимании проблемы стоимости между представлениями трудовой теории стоимости и рассматриваемой концепции субстанционального монизма.

С точки зрения трудовой теории стоимость есть труд, т.е. созидательная человеческая деятельность, представленная (воплощённая) в продукте труда. В таком качестве стоимость идеальна.[1] Т.о. источником стоимости является *исключительно* живой труд (т.е. деятельность рабочей силы) как создающий *новую* стоимость и, вследствие этого, также и прибавочную стоимость. Соответственно этому представлению капитал, представляющий рабочую силу, возрастает, изменяется на величину прибавочной стоимости и потому является *переменным* капиталом. Остальные факторы производства – предметы труда (сырьё, полуфабрикаты) и орудия труда – свою стоимость не изменяют и являются *постоянным* капиталом. С точки зрения издержек производства их стоимость формируется за счёт переноса полной стоимости переменного капитала и вхождения той части стоимости постоянного капитала, которая представляет сырьё и полуфабрикаты (в этой форме это оборотный капитал), а также за счёт переноса части стоимости (соответствующей износу) постоянного капитала (основной капитал). Но, исходя из положений трудовой теории стоимости, невозможно объяснить источник прибавочной стоимости (и вообще новой стоимости) при отсутствии переменного капитала, который представлен рабочей силой, живым трудом, а ведь создание полностью автоматизированных производств не за горами. Есть вопросы и в отношении тенденции нормы прибыли к понижению.

Здесь уместно сказать несколько слов о влиянии автоматизации производства (т.е. исчезновения переменного капитала) на общественные отношения. С одной стороны, автоматизация производства даёт возмож-

---

ставитель стоимости, как всеобщий эквивалент. Деньги предстают своей *материальной* стороной, когда они выступают как *количественное* выражение чего-то (цены, товара), – т.е. когда за ними стоит конкретное количество конкретного товара (в т.ч. самих денег, если они выступают в роли товара), когда они представляют собой некую количественную меру, связанную с конкретным продуктом.

Деньги как *идеальное* выступают в качестве *всеобщего*, поскольку предстают как всеобщий эквивалент. Деньги как *материальное* выступают в качестве *единичного*, поскольку опосредствуют собой конкретное количество конкретного товара.

Обе ипостаси денег неразрывны в своём различии (т.е. тождественны) и наличествуют в деньгах имманентно, представая то одной, то другой стороной в зависимости от функции денег в процессе их оборота.

[1] «…Человеческий труд, образует стоимость, но сам труд не есть стоимость. Стоимостью он становится в застывшем состоянии, в предметной форме» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 23. С. 60); «…в стоимость… не входит ни одного атома вещества природы» (Там же. С. 56).

ность вывода человека из производственного процесса как технологического придатка последнего и, тем самым, полного освобождения человека. Но, с другой стороны, в условиях капиталистических общественных отношений эта же автоматизация есть грозное, более того, смертельное для пролетариата оружие в руках капитала, способное уничтожить пролетариат как класс. Но пролетариат это люди, их семьи, общество, в конце концов. Однако, всех не угодных ему капитал в скором будущем сможет поставить на грань жизни и смерти, не применяя никакого оружия, только совершенствуя производство. И начало этому процессу уже положено. В современном производстве всё менее требуется высококвалифицированных работников, поэтому можно вполне безболезненно для капиталиста заменять их на новых в случае возмущения условиями труда и оплаты. Как следствие, рабочий класс разобщается, деградирует и профессионально, и как общественный класс, и личностно и постепенно утрачивает способность к организованному сопротивлению. Следует сказать, что Маркс упомянул об этой проблеме: «Когда и управление орудием переходит к машине, вместе с потребительной стоимостью рабочей силы исчезает и её меновая стоимость. Рабочий не находит себе покупателя подобно тому, как никто не берет изъятые из обращения бумажные деньги. Часть рабочего класса, которую машина превращает таким образом в излишнее население, т. е. такое, которое непосредственно уже не требуется для самовозрастания капитала, с одной стороны, гибнет в неравной борьбе старого ремесленного и мануфактурного производства против машинного, а с другой – наводняет более доступные отрасли промышленности, переполняет рынок труда и *понижает поэтому цену рабочей силы ниже её стоимости* (выделено нами. – А.П.)»,[1] но сделал это вскользь, не раскрыв подробно причин исчезновения переменного капитала (в его трактовке).

С точки зрения субстанционального монизма материальное и идеальное как стороны субстанции неразрывны, тождественны и любому изменению материального сопутствует соответствующее изменение идеального. При этом идеальное есть представление, снятие в материальном процесса его изменения. Т.о. все факторы, изменяющие материальное, тем самым участвуют в изменении идеального, другими словами – в создании нового идеального. В создании продуктов труда активное участие принимают человек и применяемые им орудия труда, тем самым именно эти факторы, изменяя форму предмета труда (материального), одновременно изменяют (создают новое) идеальное. Процесс изменения предмета труда, представленный, снятый в продукте труда и есть не что иное, как стоимость (в отношениях обмена). В таком качестве она отличается от представлений трудовой теории стоимости только участием в её создании орудий труда. По аналогии с трудовой теорией переменным капиталом, создающим стоимость, будет капитал, представляющий рабочую силу и орудия труда, постоянным же – капитал, представляющий сырьё и полуфабрикаты. (Здесь и ранее ничего не сказано о капитале, представляющем здания, сооружения и инфраструктуру производства. Устраняя эту лакуну

[1] Там же. С. 441.

следует отметить, что эта форма капитала создаёт *условия* производства, т.о. участвуя в нём в пассивной форме и со стороны издержек производства переносит свою стоимость на продукт труда частями, пропорциональными сроку службу, т.е. аналогично орудиям труда). С точки зрения субстанционального подхода капитал, участвующий в создании новой стоимости, следует называть *активным* капиталом (капитал, представляющий рабочую силу и орудия труда), а капитал, предоставляющий материал для предметов труда и создающий условия её создания – *пассивным* капиталом (капитал, представляющий сырьё и полуфабрикаты и инфраструктуру). В отношении формирования издержек производства имеется полная аналогия с трудовой теорией стоимости. Точка зрения субстанциональности позволяет дать ответ об источнике новой и прибавочной стоимости при полном отсутствии рабочей силы (живого труда) и, более того, указывает на путь, следуя которым, человек может полностью выйти из сферы производства как его объект, технологическая деталь и, тем самым, ликвидировать свою частичность, о которой говорил Маркс, а также отчуждение своей деятельности, которая всё ещё является следствием экономической необходимости.

Отличие между двумя рассматриваемыми представлениями, на первый взгляд, небольшое – субстанциональный подход логически выявил сущность стоимости и необходимость принятия во внимание активной роли орудий труда в процессе создания продуктов труда и, соответственно, стоимости. Но это различие имеет глубоко принципиальный характер и существенно корректирует выводы Маркса относительно сущности стоимости и прибавочной стоимости и, в итоге, о нормах стоимости и прибыли.

Где же исток такого вывода Маркса? «Если отвлечься от потребительной стоимости товарных тел, то у них остаётся лишь одно свойство, а именно то, что они – продукты труда».[1] В таком представлении имманентно уже содержится возможность ошибочного толкования многогранной трудовой деятельности, в которой задействованы *все* факторы производства, только как исключительно человеческого, живого труда и эта недоговорённость становится фактом, ошибкой, когда Маркс далее, не исследуя собственно процесса изменения предмета труда с учётом *всех* составляющих этого процесса, априори признаёт, что «все эти вещи представляют собой теперь лишь выражения того, что в их производстве затрачена человеческая рабочая сила, накоплен человеческий труд. Как кристаллы этой общей им всем общественной субстанции, они суть стоимости – товарные стоимости». После этого не остаётся ничего иного, как не замечать активной роли орудий труда в создании стоимости.

Правда, у Маркса мелькнула мысль о возможности полной замены человека в производственном процессе машинами (т.е. полной автоматизации производства), но дальнейшего развития не получила.[2] И понятно,

[1] Там же. Т. 3. С. 46.

[2] «Когда и управление орудием переходит к машине, вместе с потребительной стоимостью рабочей силы исчезает и её меновая стоимость. Рабочий не находит

почему – в том конкретном историческом времени не было возможности предвидеть такое развитие науки и производительных сил.

Маркс сделал огромный шаг вперёд в исследовании сущности стоимости, фактически приняв гегелевскую трактовку идеального как снятия процесса изменения материального, но, остановившись на полдороге, не завершил полного исследования процесса создания стоимости, не проанализировав роли *всех* факторов, принимающих участие в создании продукта труда.

***

Следует сказать несколько слов о существующих теориях стоимости. Авторы этих теорий исследуют сущность стоимости не с точки зрения единства материального и идеального, а абстрактно, неполно, рассматривая стоимость со стороны только одного из её проявлений, тем самым фетишизируя одну из сторон стоимости.

Наиболее полно сущность стоимости исследовал Маркс (критически развивший идеи Смита и Рикардо), совершенно верно утверждающий, что в основании стоимости лежит труд, т.е. созидающая деятельность человека, изменяющего материальный мир. Но, остановившись только на роли живого труда и не исследовав всех условий человеческой деятельности, которые включают многие факторы производства, главными из которых со стороны материального являются орудия труда, а со стороны идеального знание, Маркс не увидел огромной роли в создании стоимости (и шире – идеального) орудий труда, в которых воплощено знание человека как концентрированных законов природы. Но Маркс совершенно точно указал на создаваемую и затратную стороны стоимости, одна из которых представлена человеческой созидательной деятельностью, а вторая издержками производства и на роль сферы обмена в формировании цены производства.

Теория издержек производства (и близкая к ней *теория факторов производства*) рассматривает сущность стоимости только со стороны затратной части, абстрагируясь от деятельностной, созидающей стороны. Тем самым из анализа элиминируется собственно источник стоимости как *новой*, создаваемой стоимости.

Теории спроса и предложения и предельной полезности исключают из анализа сферу производства и обращаются в поисках источника стоимости к сфере обмена и этим фактом полностью исключают возможность уяснить сущность стоимости, создаваемой в сфере производства.

Тем не менее, несмотря на абстрактность рассмотрения, а, вернее, благодаря этому теории издержек производства, факторов производства, спроса и предложения и предельной полезности достаточно точно описывают формирование формы стоимости – меновой стоимости – со стороны общественных издержек, а также формирование цены производства в условиях взаимодействия спроса и предложения.

себе покупателя…» (Там же. Т. 23. С. 441).

20.3. Диалектика форм стоимости в обмене

Поскольку стоимость во всей своей полноте проявляется в отношениях обмена, то будет нелишним проследить за движением форм стоимости в процессе обмена с точки зрения диалектики.

В *продукте труда* стоимость представлена в двух формах:

- материальная форма, потребительная стоимость – дана *непосредственно* в вещественной форме и как таковая дана для-себя, поскольку не соотносится ни с чем;

- идеальная форма, стоимость – дана *опосредствованно* через вещественную форму, потребительную стоимость и потому дана в ней в-себе, имплицитно, в потенции.

Вступая в процесс обмена *продукт труда* превращается в *товар* и как таковой он уже представлен не сам себе (не для-себя), а соотносится с другими продуктами труда как *товарами* же. Тем самым стороны теперь уже не продукта труда, а *товара* (потребительная стоимость и стоимость) получают своё определение со стороны других *товаров*, так же как и другие *товары* получают своё определение с его стороны. Потребительная стоимость и стоимость, бывшие в *продукте труда* соответственно для-себя и в-себе, в *товаре* становятся для-других, т.е. вступают во взаимодействие с другими аналогичными атрибутами.

В акте обмена товары противостоят друг другу прежде всего как потребительные стоимости, непосредственно в вещественной форме и тем самым каждый даны для-другого, а в обоюдном взаимодействии друг-для-друга. Если они сторонами[1] обмена признаются равнозначными, т.е. пригодными для обмена, то тем самым создаётся основание для обмена. Это означает, что каждая сторона обмена со стороны потребительной стоимости становится и для противоположной стороны также для-себя. Но это условие только необходимое, но недостаточное (говоря языком математики). Акт обмена не завершён, поскольку товары со стороны потребительных стоимостей находятся пока в двояком состоянии – они *одновременно* для обеих сторон обмена теперь даны и для-себя, и для-другого, раздвоены. Такая раздвоенность должна завершиться либо возвращением к первоначальному состоянию (отказу от обмена), либо окончательным переходом товаров к новым владельцам, т.е. тем самым снова стать для-себя (но уже в изменённой форме – как приобретённого товара).

Для осуществления обмена необходимо также соответствие идеальных сторон товаров, их стоимостей – это уже условие достаточное. Стоимость как идеальное не может быть дана непосредственно, но только опосредствованно. Такое опосредствование противостоящими сторонами обмена может осуществляться особым процессом – мышлением, которое может рефлексировать (представлять) материальные объекты как идеальные

[1] Поскольку в действительности противостоят друг другу не товары сами по себе, а их владельцы – люди, обладающие мышлением – то далее под стороной понимается именно человек как владелец товара, в мышлении которого и происходит рефлексирование, отражение процесса движения товара.

предметы мышления и обращаться с последними совершенно свободно (ранее мы об этом говорили).

Каждая сторона обмена рефлексирует (опосредствует) стоимость (идеальное) противоположной стороны – тем самым стоимости становятся и для-другого. Если «величины» стоимостей признаются равными, то тем самым они признаются каждой стороной как свои и становятся для каждой стороны для-себя.

Теперь каждый товар одновременно для каждой из сторон обмена является со стороны и потребительной стоимости, и стоимости и для-себя, и для-другого. Товары становятся полностью идентичными, в этот момент они безразличны друг другу, поскольку не имеют никаких различий, никаких определений, отличающих их друг от друга.

Факт признания сторонами обмена взаимной равнозначности обеих атрибутов товаров (потребительной стоимости и стоимости) означает, что переход товаров, обмен становится также фактом действительности. Обмен совершился, товары поменяли владельцев и снова стали только для-себя.

Теперь объекты обмена сбросили свою *товарную* форму и снова являются только *продуктами труда*, в которых каждого нового владельца интересует исключительно потребительная стоимость. Последняя снова стала для-себя и в ней также «исчезла» стоимость, становясь в-себе. Проявиться для-других они могут только в новом акте обмена, представая в *товарной* форме.

В заключение сделаем небольшую ремарку. В разных исследованиях при анализе свойств товара авторы часто взирают на него как на некоего божка, поражаясь его загадочной двуличности, проявляющейся в обмене, и потому возводят его в ранг своеобразного фетиша, якобы властвующего над людьми. Несмотря на то, что в обмене продукт труда в форме товара сбрасывает с себя покрывало, скрывающее непосредственность, тождественность материальной и идеальной его сторон, т.е. его субстанциональность, это самораскрытие его внутренней сущности представляется сторонам обмена (а также исследователям этого отношения) каким-то мистическим действом, превращающим товар в сверхъестественную вещь.

В отношениях обмена в товаре, в отличие от других отношений и вещей, субстанциональность, материально-идеальная двойственность реальности, проявляется явно. Материально-идеальная сущность всех вещей и отношений, до тех пор скрытая, в товаре выходит на поверхность и предстаёт в своей непосредственной открытости, осязаемости – именно это обстоятельство придаёт продукту труда в форме товара мистический ореол и в капиталистических общественных отношениях превращает товар в фетиш.

Не странно ли, пока материально-идеальная сущность действительности скрыта от непосредственного взора, это воспринимается людьми в порядке вещей. Но стоит субстанциональности реальности, тождественности материального и идеального проявить себя явно, показаться как, например, в товаре, воочию, то тут же теоретическое мышление (в отличие от практической деятельности) заходит в тупик и объявляет такие ве-

щи (и отношения) загадочными, непостижимыми и даже невозможными. На деле подобное мышление фетишизирует не реальные вещи и отношения, в данном случае товар и отношения обмена, а свою неспособность понять тождественность материального и идеального и впадает в прострацию, когда субстанциональность действительности выходит из тени и проявляет себя в явной форме.

20.4. Прибавочная стоимость

В соответствии с представлением Маркса об исключительной роли живого труда в создании новой стоимости, прибавочная стоимость может быть создана только живым трудом. По этой причине часть капитала, представляющая собой затраты на сырьё и средства труда, и которая переносит свою стоимость на продукт труда неизменной, является постоянным капиталом. Та же часть капитала, которая представляет затраты на покупку рабочей силы, и которая возрастает в процессе производства, поскольку живой труд создаёт новую, в том числе добавленную стоимость, является переменным капиталом. Формула капиталистического производства принимает вид $w = c + (v + m)$, где c – стоимость сырья и орудий труда, v – стоимость рабочей силы, m – прибавочная стоимость, созданная трудом рабочей силы.

Маркс, признавая исключительность живого труда в создании прибавочной стоимости, тем самым помещает процесс создания прибавочной стоимости целиком в сферу субъективного. Он идёт от субъективности труда к объективности прибавочного продукта как материального воплощения прибавочной стоимости, тогда как с точки зрения материалиста правильным было бы обратное движение – от материального к идеальному, от прибавочного продукта к прибавочной стоимости. Не стоимость (прибавочная стоимость) создаёт продукт (прибавочный продукт), а продукт (вернее, процесс его производства) создаёт стоимость, в том числе и прибавочную. Но, признавая источником стоимости и прибавочной стоимости исключительно живой труд, который есть субъективная деятельность, невозможно указать объективные основания стоимости и, соответственно, прибавочной стоимости.

Ко всему прочему Маркс исходит из априорного предположения, что необходимое время меньше времени всего рабочего дня (иное он предполагает в единичных случаях чисто гипотетически, чтобы подчеркнуть нереальность такого варианта) и что, т.о., в производстве *всегда* создаётся прибавочная стоимость. Т.е. постулируется (вернее, берётся некритически из эмпирии) то, что должно быть выведено, доказано. Остаётся только объявить, что она создаётся исключительно живым трудом.

Увязывание величины прибавочной стоимости с переменным капиталом, а тем самым с затратами на содержание рабочей силы, ошибочно уже тем, что совершенно недвусмысленно ставит их в однозначное пропорциональное соответствие – чем больше эти затраты, тем большая прибавочная стоимость будет произведена. На практике же картина противо-

положная, капиталист стремится возможно более сократить издержки производства, в том числе и на рабочую силу. Да и сам Маркс в конечном итоге приходит к выводу, что величина стоимости (и прибавочной стоимости) зависит от *всего* капитала, а не только от величины переменного капитала.[1]

Рабочая сила со стороны производства, создания продукта, представляет собой производительную силу, активную по отношению к предмету труда, изменяющую его и тем самым создающую новую стоимость. Эта же сила со стороны своего возобновления представляет затраты на её содержание, поддержание в деятельном состоянии.

Производительная сторона рабочей силы реализуется в производстве, затратная сторона (в форме зарплаты) – вне производства. Уже поэтому затраты никак не могут влиять *непосредственно* на создание стоимости.

Затраты на переменный капитал создают *условия* возможности производства, но само производство определяется совершенно иными факторами. Переменный капитал для собственно производства есть такая же данность, как и постоянный капитал. Рабочая сила поступает в производство в готовом виде, так же как машины и сырьё, и с точки зрения самого производства (производства продукта и создания стоимости) совершенно безразлично, каковы затраты на их приобретение. Создание продукта, стоимости, определяется исключительно технической стороной производства, которая объективна, как объективны законы природы, используемые человеком в производстве. В эту объективность человек вносит свою субъективность в форме степени эффективности использования законов природы и технических возможностей, что в итоге проявляется в создании разной величины стоимости в однотипных производствах. Но *затраты* на рабочую силу и машины, создающие условия и возможность производства, *непосредственно* никак не влияют на величину создаваемой стоимости (и прибавочной стоимости), которая зависит только от научно-технического уровня факторов производства. Эти затраты только *сопоставляются* стоимости, поскольку стоимость создаётся не затратами как таковыми, а физическими факторами производства – рабочей силой и машинами.

Рассмотрим указанные обстоятельства с точки зрения субстанциональности. Ранее мы выяснили, что «активность и высокая производительность орудий труда всецело определяется тем “очеловеченным” идеальным, которое вложено в них человеком. Именно представленные, снятые в орудиях труда законы природы позволяют человеку посредством этих орудий совершать целенаправленные действия над предметами труда, придавая последним полезные для человека свойства. Обладая такими качествами, орудия труда производят в течение срока своей жизни значительно больше материальных средств, чем затрачено на их изготовление.

[1] «…В итоге оказывается, что прибавочная стоимость возникает одновременно из всех частей вложенного капитала» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. – Т. 25-1. С. 43).

Последнее есть следствие того, что в *каждом* производственном цикле ими производится больше в количественном и качественном отношении продукта труда, чем воплощено в них самих применительно к этому циклу. Таков результат того, что природные закономерности, вскрытые человеком, воплощены им в орудиях труда и использованы в концентрированной форме в целенаправленном производительном процессе.

Эта их способность к расширенному воспроизводству материальных благ является следствием их субстанциональности, в которой материальное и идеальное представлены в “очеловеченной” форме. Здесь законы природы, воплощённые в концентрированном, сжатом виде в веществе и форме орудий труда и, соответственно, в производственных процессах, воздействуют в этих процессах непосредственно на предмет труда, усиливая способности и возможности человека (в т.ч. и его производительную силу) до невероятных размеров».[1]

Т.о. искусственные предметы, вовлечённые в человеческую деятельность, прежде всего орудия труда, также способны создавать больше продукта, и, следовательно, бо́льшую стоимость, чем заключено в них самих. Это и есть их *субстанциональная* способность создавать прибавочный продукт и, соответственно, *прибавочную стоимость*. Материальное и идеальное полностью соответствуют друг другу и неотделимы друг от друга.

Поэтому с точки зрения субстанционального подхода внешне формула, приведённая выше, имеет тот же вид, но содержание её совершенно иное. Теперь c – стоимость только сырья, v – стоимость орудий труда и рабочей силы, m – прибавочная стоимость, создаваемая человеческой деятельностью с использованием в производственном процессе орудий труда, «очеловеченных» воплощённым в них знанием. Формула нормы прибавочной стоимости примет следующий вид:

$$\text{норма приб. ст-ти} = \frac{\text{приб. ст-ть}}{\text{ст-ть рабоч. силы + ст-ть орудий труда}}$$

Теперь становится возможным объяснить источник прибавочной стоимости при постоянно повышающемся органическом строении капитала, вплоть до полной автоматизации производства, т.е. полного исчезновения живого труда, чего невозможно сделать при признании исключительности роли живого труда в создании прибавочной стоимости.

Рассмотрим механизмы образования прибавочной стоимости в разных сферах человеческой деятельности.

В процессе производства *новая стоимость создаётся* деятельностью человека с использованием орудий труда. Но эти два производственных фактора заключают в себе субстанциональную способность создавать больше материальных средств, чем было затрачено на их создание и, следовательно, бо́льшую стоимость. Т.о. производство прибавочного про-

[1] См. главу «10.2. Четвёртая форма субстанционального движения».

дукта[1] одновременно есть и производство прибавочной стоимости. Прибавочная стоимость неотделима от прибавочного продукта, неразрывно связана с ним. Рабочая сила и орудия труда, создавая прибавочный продукт, создают и прибавочную стоимость. Производство же прибавочного продукта становится возможным после того, как их собственная стоимость возмещена и в прибавочном продукте вновь создаваемая стоимость выступает в форме прибавочной стоимости. Прибавочная стоимость есть *часть новой стоимости, соответствующая прибавочному продукту*.

В сфере производства сталкиваются, переплетаются, противостоят друг другу два процесса – процесс *создания* продукта (создания новой стоимости) и процесс осуществления *затрат*, формирования издержек производства. В первом процессе в силу указанных выше причин создаётся больше материальных продуктов, чем затрачивается на их создание, тем самым их стоимость выше стоимости произведённых затрат на величину прибавочной стоимости. Первый процесс, с выходом на уровень производства прибавочного продукта (а тем самым и прибавочной стоимости), позволяет расширить материальные возможности общества, увеличить общественное богатство.

По-иному дело обстоит в сфере обмена. Чтобы прибавочная стоимость была реализована, потребительная стоимость должна быть доставлена потребителю и здесь товар переходит в сферу обмена, которая также имеет свои издержки. Но поскольку форма продукта труда в этой сфере не изменяется, то его стоимость также не изменяется и, следовательно, новой стоимости к товару не добавляется. Тем не менее, в итоге его стоимость возрастает на величину издержек сферы обмена. Противоречие? Отнюдь…

Не возрастает та сторона стоимости продукта, которая представляет *новую, созданную* в сфере производства стоимость. Та же сторона стоимости, которая определяется *затратами*, издержками производства, возрастает на величину затрат сферы обмена. В результате со стороны затрат *меновая* стоимость продукта труда в целом возрастает, но это есть следствие деятельности по созданию *условий* реализации потребительной стоимости, о чём уже говорилось ранее, а не создание собственно стоимости, поскольку не создаётся никакого продукта. Здесь к стоимости продукта труда со стороны затратной части добавляется стоимость, соответствующая издержкам сферы обмена. Т.о. сфера обмена компенсирует свои издержки за счёт увеличения меновой стоимости товара, прибыль же получает за счёт части прибавочной стоимости, созданной в сфере производства, пропорционально вложенному капиталу.

В сфере обмена реализуется только один процесс – осуществляются затраты, что увеличивает *меновую* стоимость, прибавочная же стоимость, созданная в производстве, остаётся неизменной и делится между участниками процесса обмена пропорционально их затратам, т.е. вложенным капиталам. Но затраты сферы обмена делают возможным процесс посто-

[1] Сущность прибавочного продукта будет рассмотрена позже, в главе «20.6.1. Прибавочный продукт», пока он в интересах анализа принимается как данность.

янного воспроизводства общественных отношений, основанных на обмене.

Остаётся выяснить, как прибавочная стоимость реализуется и чему соответствует её «величина».

Ранее мы вывели, что определить «величину» стоимости, а, следовательно, и прибавочной стоимости, основываясь только на процессе *создания* стоимости, невозможно. Если часть стоимости, соответствующую затратам, потреблённым средствам производства, ещё можно определить количественно, то той части созданной стоимости, которая соответствует прибавочной стоимости, эквивалента в затратной части производственного процесса не имеется, поскольку продукт, соответствующий прибавочной стоимости, представляет собой *превышение* над затратами, издержками производства.[1]

Если мы от натуральной формы перейдём к стоимостной форме выражения, то и в стоимостной форме априорное определение «величины» прибавочной стоимости также невозможно:

$$w = c + v + m$$

- здесь известны только *c* и *v* в форме издержек производства (отвлечёмся от разного содержания *c* у Маркса и в предлагаемой концепции субстанциональности, здесь это несущественно) и неизвестны *w* и *m*. Не остаётся ничего иного, как обратиться к практике.

Стоимость (и, соответственно, прибавочная стоимость) реализуется в сфере обмена и условия обмена товаров определяются двумя факторами – потребностью в товаре и соответствием их стоимостей друг другу. Последнее выявлялось исторически в ходе бесчисленных актов обмена – т.е. в общественном отношении, представляющим собой возникновение и разрешение противоречия между потребностями и возможностями одной части общества и теми же факторами другой части общества.

При этом часть стоимости, соответствующая издержкам производства (для общества – общественным затратам), может быть определена вполне точно и во встречных актах обмена эквивалентно компенсируется, но для части стоимости, соответствующей прибавочной стоимости, соответствующий эквивалент может найтись только в прибавочном продукте (предполагается, что обе стороны обмена обладают прибавочным продуктом). Здесь прибавочный продукт на одной стороне обмена должен найти себе соответствие на другой стороне обмена и только условия жизнедеятельности человека в целом определяют, будет ли найдено такое соответствие. Т.е. это определяется всем комплексом противоречий между общественными потребностями и общественными возможностями (отсюда и

[1] Невозможность оценить точно в количественном отношении прибавочную стоимость косвенно проявляется в практике как споры о, якобы, невозможности реализовать прибавочную стоимость внутри капиталистического рынка и необходимости привлечения некапиталистического окружения. Можно предположить, что под влиянием этого обстоятельства и написана книга Р. Люксембург «Накопление капитала», в которой автор пытается обосновать невозможность существования капитализма без некапиталистического окружения.

ремарка Маркса, что стоимость и возникает, и не возникает в сфере обмена). У Маркса это противоречие предстаёт в форме противоречия между затратами общественно-необходимого труда на производство товаров и фактическими затратами.

Т.о. можно сказать, что меновая стоимость как выражение стоимости в общественном отношении обмена, предстаёт состоящей из двух частей. Во-первых, как часть стоимости, представляющая собой затраты, издержки производства. Эта часть обязательно должна быть возмещена, в противном случае неизбежна деградация производительных сил, по этой причине она является фиксированной частью. Во-вторых, как часть стоимости, превышающая затраты и представляющая прибавочную стоимость. Эта часть реализуется в ходе разрешения противоречия между общественными потребностями и возможностями, всецело определяется этим противоречием и как таковая она является изменяющейся величиной.[1] По этой причине меновая стоимость (и её материальная форма – цена), может в конкретном случае как превышать среднюю стоимость, так и опускаться ниже её.

Соотношение общественных потребностей и общественных возможностей выступает как субстанциональное противоречие между идеальным (потребностями), и материальным (возможностями). В этом противоречии идеальное (потребности) выступает как *представление* некоего материального (ведь такое представление и есть сущность идеального), и это материальное есть то материальное, в котором общество нуждается для обеспечения своей жизнедеятельности с учётом дальнейшего развития.[2] Материальное же (возможности) представлено всеми теми наличными материальными продуктами, которые созданы в производственной (и научной) сфере и которые соответствуют, либо не соответствуют общественным потребностям.

Т.о. можно говорить о материальном, которое необходимо обществу, и которое выступает в форме потребностей (т.е. представлено идеально), и материальном, которое имеется в наличии, реальности. Но это, в сущности, одно и то же, вернее, две стороны одного общественного отношения.

По сути, в этом противоречии противостоит наличное материальное (созданное) тому материальному, которое рассматривается обществом как необходимое для дальнейшего развития. Т.е. это противоречие есть внутреннее противоречие двух сторон наличного материального (вернее, субстанционального), а именно – того, что произведено (материального) и того, что из этого произведённого необходимо обществу (идеально полагаемого), это противоречие внешне отражается в общественных отноше-

[1] Следует, всё же, сказать следующее. Поскольку прибавочная стоимость представлена во вполне материальном объекте – в прибавочном продукте, то в этом качестве она совершенно объективна и *гипотетически* существует возможность определения её «величины» вполне точно, но это вопрос дополнительного исследования.

[2] Ещё раз процитируем Маркса: «…потребление *полагает* предмет производства *идеально*, как внутренний образ, как потребность, как влечение и как цель».

ниях и разрешается только их посредством. Наличное материальное, произведённый продукт, и его рефлексия, отрицание – потребность как идеальное представление другого материального, необходимого – снимаются в продукте, признанным обществом нужным ему, т.о. произведённая стоимость находит признание и вступает в потребление. От отмеченного соотношения сторон зависит разрешение противоречия между общественными потребностями и общественными возможностями.

Разрешение отмеченного противоречия совершается не непосредственно, а опосредствуется всем комплексом существующих общественных отношений, которые, в свою очередь, тесно связаны (и определяются, и определяют) с производительными силами. Только в результате совершения этого глубоко диалектического движения и становится ясно, что общество признало необходимым и какую цену за это готово заплатить. Общее состоит в том, что в постоянном возникновении и разрешении противоречия между общественными потребностями и возможностями заключается суть развития общественного производства. Однако это всеобщее движется посредством своих особенных форм, механизм которых подробно рассмотрен Марксом в «Капитале» и существенно уточнён Р. Гильфердингом в «Финансовом капитале», т.е. через бесчисленные пересекающиеся акты соотнесения спроса и предложения во всех отраслях общественного производства, поэтому подробно на этом останавливаться не будем.

Здесь же необходимо отметить, что общественные потребности при господстве капиталистических отношений есть потребности, прежде всего, капитала, а не общества как такового. Именно интересы капитала преломляют через призму собственности и необходимости извлечения прибыли во что бы то ни стало, все общественные акты и отношения, предельно извращая тем самым истинные человеческие интересы и всемерно подавляя их.

При разрешении отмеченного противоречия постоянно возникают ситуации, когда какой-либо продукт не находит спроса. По этой причине для разных продуктов степень признания их необходимыми разная, в итоге меновая стоимость одних превышает стоимость, а у других она ниже стоимости.

Внешне это выглядит как кризис перепроизводства на одной стороне обмена, но столь же правильным будет утверждение, что это кризис недопроизводства на другой стороне обмена, недопроизводства нужного, нового, более эффективного с точки зрения капиталистического производства. В целом же это показатель неэффективности общественных производительных сил, рассматриваемых в комплексе, как основа жизнедеятельности общества. Но отмеченная неэффективность производительных сил, в свою очередь, тесно переплетена с определёнными общественными отношениями, основанными на существовании частной собственности. Отсюда естественный вывод – общественные отношения, основанные на обмене частных производителей, *всегда* необходимо будут воспроизводить неэффективность общественного производства как несоответствия общественных потребностей общественным возможностям в форме кри-

зисов перепроизводства и недопроизводства. Условием ликвидации последних и оздоровления жизни общества будет только изменение общественных отношений, где частные интересы противостоят общественным, на полностью обобществлённые общественные отношения.

Следует также заметить, что совместное влияние объективно-субъективного характера стоимости (о чём говорилось в главе о стоимости) и отмеченного выше противоречия проявляется в том, что продукты труда, не удовлетворяющие потребностям или не соответствующие возможностям общества, будут реализованы ниже стоимости или вообще не найдут спроса. Столь же реальна и противоположная ситуация, когда продукты труда реализуются по завышенным стоимостям, следуя соотношению между общественными потребностями и возможностями. На первый взгляд названное противоречие имеет субъективный характер, но основано оно на совершенно объективных условиях жизнедеятельности человека. Т.о. *«величина» реализуемой стоимости (и прибавочной стоимости) определяется всем комплексом общественных отношений и противоречий, хотя основанием служит стоимость, создаваемая в сфере производства*.

Следует указать и на следующее обстоятельство. Развитые капиталистические страны, сбывая относительно *небольшую часть* своего прибавочного продукта в странах капиталистической периферии, могут получать взамен *бóльшую часть* прибавочного, и даже часть *необходимого* продукта этих стран (вспоминается сакраментальное «недоедим, но вывезем»), тем самым обрекая их на стагнацию и деградацию.

Обратимся к вопросу образования прибавочной стоимости в сфере интеллектуальной деятельности.

Интеллектуальная деятельность по производству знания создаёт идеальное, которое *полностью* является *новым* знанием (мы рассматриваем процесс в чистом виде). Этому идеальному, новому знанию, с затратной стороны соответствует стоимость, в которой нет стоимости, которая *входит* в стоимость продукта (подобно стоимости сырья в производстве), но только стоимость, которая *переносится* на продукт – материальные затраты на научную деятельность. Следовательно, при реализации научного продукта после возмещения этих затрат превышение его цены над издержками и будет соответствовать прибавочной стоимости. Т.о. величина реализуемой прибавочной стоимости будет полностью зависеть от общественных потребностей в новом знании.

Интеллектуальная сфера есть особенная сфера деятельности человека. Так, в сфере производства создаются *продукты* труда, а в сфере обмена – *условия* оборота продуктов труда и, тем самым, возможность воспроизводства жизнедеятельности людей. Сфера обмена, в отличие от сферы производства, не принимает активного участия в создании продуктов труда и, соответственно, стоимости. В интеллектуальной же сфере производится знание, которое, будучи овеществлённым, материализованным в орудиях труда становится *активным фактором производства* продуктов труда и, соответственно, прибавочного продукта (прибавочной стоимости). Интеллектуальный продукт, создаваемый в художественной сфере

(если это *действительно* гуманистические произведения), способствует росту духовности человека. Т.о. продукт интеллектуальной сферы играет активную и всё более возрастающую роль в создании материального и духовного богатства общества, он принимает *непосредственное* участие (как идеальное орудий труда) в создании материального продукта общества и (в форме художественных продуктов) роста его духовного потенциала.

«Развитие основного капитала является показателем того, до какой степени всеобщее общественное знание [Wissen, Knowledge] превратилось в непосредственную производительную силу, и отсюда – показателем того, до какой степени условия самого общественного жизненного процесса подчинены контролю всеобщего интеллекта и преобразованы в соответствии с ним; до какой степени общественные производительные силы созданы не только в форме знания, но и как непосредственные органы общественной практики, реального жизненного процесса».[1] (Здесь Маркс признаёт роль орудий труда (основной капитал) как производительной силы, но косвенным образом – как результат воплощения в них знаний. Казалось бы, отсюда один шаг до признания за орудиями труда способности к созданию новой стоимости, но он так и не был сделан).

Теперь по-иному видятся и общественные капиталистические отношения. С этой точки зрения извлечение прибавочной стоимости капиталистом предстаёт не только как прямая эксплуатация живого труда, но также как косвенная эксплуатация интеллектуального труда учёных, открывающих законы природы и инженеров, воплощающих полученное знание в орудиях труда, т.е. эксплуатация не только сферы физического труда, но и сферы умственного труда, а значит всех трудящихся, обеспечивающих себе жизнь собственным трудом.

20.5. Прибыль, норма прибыли

Выше мы говорили, что стоимость, предстающая в отношениях обмена в форме меновой стоимости, выражается в этих отношениях ценой товара, т.е. опосредствуется материальным – деньгами. Поэтому и прибыль, выражающаяся в денежной форме, тем самым представляет прибавочную стоимость, идеальное, в материальной форме денег.

В предыдущей главе мы выяснили, что «величина» прибавочной стоимости не может быть определена непосредственно, но только через соотнесение общественных потребностей и возможностей, что может быть осуществлено только в общественных отношениях обмена, в которых происходит их сопоставление.

Процесс производства имеет две стороны – процесс создания продукта труда и процесс осуществления затрат на создание продукта труда. Первый процесс определяется природными законами, а также знанием и умением человека и его наличными материальными возможностями, второй же полностью зависит от расходования ресурсов, имеющихся в распоря-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 46. Ч. 2. С. 215.

жении человека. Материально-идеальная человеческая деятельность, в которой связаны эти два процесса воедино, создаёт возможность сопоставить идеальное, стоимость как снятие процесса создания продукта труда, и материальное, затраты на её создание. На практике же эти разные процессы не просто сопоставляются, а идентифицируются, тем самым идентифицируя также прибавочная стоимость (идеальное) и прибыль (материальное).

С одной стороны идентификация прибавочной стоимости и прибыли даёт возможность представить в материальной форме прибыли идеальное, прибавочную стоимость, и т.о. учитывать в легко представляемой материальной форме идеальную сторону процесса труда. Но, с другой стороны, такое прямое отождествление заключает в себе опасность фетишизации как материальной, так и идеальной сторон труда, что и происходит в действительности – человеческие отношения овещняются, а вещи очеловечиваются.

Непосредственно не осознаваемая участниками производства и обмена идентификация прибавочной стоимости с прибылью, позволяет разрешить на практике противоречие между идеальным и материальным моментами таким образом, что идеальное, стоимость, учитывается через материальные затраты по её созданию – издержки производства. В итоге производство, понимаемое как производство жизнедеятельности человека, не испытывает затруднений в соотнесении сфер идеального и материального.

Источником прибавочной стоимости и, соответственно, прибыли как *материализованного выражения прибавочной стоимости* являются, как мы установили, деятельность человека (живой труд) и используемые им орудия труда. И в этом отличие нашего вывода от вывода Маркса, согласно которому источником прибавочной стоимости и, соответственно, прибыли, является только живой труд. Тем не менее, это различие на практике затушёвывается тем обстоятельством, что материальным основанием прибыли являются издержки производства, одинаковые для обоих представлений.

Поскольку масса прибыли определяется массой применяемого капитала, который представлен издержками производства, то капитал будет стремиться во что бы то ни стало их увеличивать всевозможными способами, имея ввиду увеличение прибыли. Но, с другой стороны, конкуренция заставляет снижать издержки, чтобы поддерживать цену на конкурентном уровне. В таком противоречивом процессе и формируется прибыль.

Выше мы отметили, что прибыль имеет обоснованием (но не основанием) затраты на производство продуктов труда в форме издержек производства и уже поэтому не может быть адекватна прибавочной стоимости, которая определяется собственно процессами изменения формы предметов труда и только косвенно соотносится с издержками производства. К этому несоответствию добавляется влияние сферы обмена.

Прибавочная стоимость *создаётся* в сфере производства и переходит к потребителю посредством сферы обмена. Прибыль же *извлекается* в сфе-

ре обмена и представляет собой прибавочную стоимость, перешедшую в материальную форму. Чтобы быть представленной в материальной форме, в форме прибыли, идеальное, стоимость должна быть опосредствована особыми общественными отношениями, отношениями обмена. Отсюда следует, что вследствие наличия опосредствующих отношений обмена, величина прибыли может не соответствовать прибавочной стоимости, что является скорее правилом, чем исключением.

Но чем же определяется величина прибыли? Поскольку в отношениях обмена присутствуют две стороны, то, очевидно, возможность осуществления обмена определяется тем, соответствуют ли друг другу обмениваемые товары по стоимости, т.е. по издержкам производства плюс *предполагаемая* прибыль. В единичном акте обмена установление эквивалентности стоимости товаров не представляет затруднений в условиях исторически установившегося рынка, но рыночные отношения, взятые в целом, применительно к обществу, не являются простой суммой единичных актов обмена. Скорее наоборот, общественные отношения в значительной мере определяют возможности осуществления единичных актов, целое детерминирует свои части.

В масштабах общества за процессом обмена стоят общественные отношения, определяющие возможность развития всего общества, а именно общественные потребности и общественные возможности. С одной стороны, это *потребности* общества – необходимость расширенного воспроизводства, что означает возмещение издержек общества плюс расширение производства, с другой стороны, *возможности* общества – совокупная стоимость, представляющая собой продукт общества, составной частью которого является прибавочная стоимость. Часть стоимости *возмещает* издержки производства, другая часть, представляющая собой прибавочную стоимость, идёт на *расширение* производства и потребления. При этом потребности общества формируются не только количественными, но и качественными критериями, которые постоянно изменяются, поскольку возникают новые, более производительные процессы и орудия труда, в которых потребность повышается, одновременно снижается потребность в устаревающих факторах производства.[1]

Как уже говорилось, в соотношении, противоречии между общественными потребностями и возможностями первые представляют собой идеальную сторону, направленность общества на развитие, интенцию движения – и это активная сторона противоречия. Вторые же представляют материальную сторону, наличный продукт, который может быть использован для развития – и это пассивная, консервативная сторона противоре-

[1] «Закон стоимости в действительности проявляется не по отношению к отдельным товарам или предметам, но каждый раз по отношению ко всей совокупности продуктов отдельных обособившихся благодаря разделению труда общественных сфер производства; …потребительная стоимость известной массы общественных продуктов зависит от того, адекватна ли она количественно определённой общественной потребности в продукте каждого особого рода» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т.25. Ч. 2. С. 185-186).

чия. Но сама возможность разрешения данного противоречия, вернее, форма его разрешения, зависит от господствующих общественных отношений, которые, в свою очередь, также вынуждены приспосабливаться к имеющимся возможностям. Противоречие между общественными потребностями и общественными возможностями, определяющее способность общества к развитию, разрешается в капиталистической практике соотнесением спроса и предложения в соответствии с количественными и качественными критериями, которые хотя и формируются потребностями, но также вынуждены учитывать и наличные возможности.

Следует отметить, что в неявном виде проблема соотношения общественной потребности и общественной возможности поставлена ещё Марксом: «Подобно тому как условием продажи товаров по их стоимости является то, чтобы в них содержалось лишь общественно необходимое рабочее время, так и для целой сферы производства капитала таким условием является то, чтобы на эту особую сферу была затрачена лишь необходимая часть совокупного рабочего времени общества, – лишь то рабочее время, которое требуется для удовлетворения общественной потребности (спроса)».[1]

Общественно необходимым рабочее время становится *апостериори* – в акте реализации товара, до этого момента о его общественной необходимости ничего нельзя сказать. Но главным условием реализации является только и исключительно совокупная возможность общества затратить на приобретение данного вида товаров какую-то вполне определённую часть имеющегося общественного ресурса. В этом пункте все единичные акты обмена «оглядываются» на общее – на возможность последующей реализации купленного, т.е. на общественные потребности.

В отношениях обмена определяющей стороной вероятности их осуществления вначале выступают общественные потребности, которые активно ищут в общественных возможностях материальную основу для своей реализации. В постоянном столкновении между общественными потребностями и общественными возможностями и происходит разрешение противоречия между ними, заключающееся в осуществлении процесса обмена. Частным результатом разрешения этого противоречия является извлечение прибыли. Капиталистическое присвоение как общественное отношение, тем самым, паразитирует на процессе общественного воспроизводства, навязывая частное, по сути, для общества в качестве его всеобщего, и *это внутреннее общественное противоречие с развитием производства всё более обостряется*.

Возможность извлечения прибыли как реализация определённого *общественного отношения*, как видим, определяется взаимным соответствием *общественных возможностей и общественных потребностей*. Величина совокупной прибыли общества (и тем самым возможность реализации произведённой прибавочной стоимости) зависит от степени разрешения противоречия между общественными потребностями и общественными возможностями, т.е. от того, какая масса произведённого про-

[1] Там же. Т. 16. С. 579.

дукта была востребована. Величина же прибыли в конкретном, *единичном акте обмена* определяется соотношением *спроса и предложения*.[1]

«…Если товар продаётся по его стоимости, то реализуется прибыль, равная избытку его стоимости над издержками его производства, следовательно, равная всей прибавочной стоимости, заключающейся в товарной стоимости. Но капиталист может продавать товар с прибылью, даже продавая его ниже его стоимости. До тех пор, пока продажная цена товара выше издержек его производства, если даже при этом она и ниже его стоимости, все время будет реализоваться часть заключающейся в нем прибавочной стоимости, следовательно, будет получаться прибыль».[2]

Утверждение, что «капиталист может продавать товар с прибылью, даже продавая его ниже его стоимости», есть косвенное признание того факта, что прибыль, зависящая от прибавочной стоимости и являющаяся её материальной формой, это функция не собственно производства, а совокупности общественных отношений, включающих как общественное производство, так и общественное потребление – в этом сущность прибыли. Наличной же прибыль становится в результате разрешения противоречия между общественными потребностями и общественными возможностями, а в конкретном акте обмена – между спросом и предложением.

Очевидно, что прибыль как определяемая соотношением общественных потребностей и общественных возможностей (а в них, в свою очередь, учитываются стоимостные отношения) в разных сферах человеческой деятельности будет целиком зависеть от конъюнктуры, складывающейся в этих отраслях. Разные конъюнктурные соотношения, влияя на относительную величину прибыли (т.е. на степень реализации прибавочной стоимости), формируют условия для возникновения конкурентной борьбы между отраслями за привлечение нового капитала.

Говоря об общественных потребностях и их роли в разрешении противоречия межу ними и общественными возможностями следует определить критерии, по которым иерархизируются потребности. Применительно ко всему обществу это, очевидно, будут основные человеческие потребности, – в пище, в одежде и в жилище, – и любое общественное производство будет удовлетворять, прежде всего, именно эти потребности. Но чем более детально мы будем рассматривать общество, тем более эти всеобщие потребности будут конкретизироваться в совершенно других критериях. Так, на уровне частного производителя, частного капитала (и

---

[1] «Условия непосредственной эксплуатации и условия реализации её не тождественны. Они… по существу различны. Первые ограничиваются лишь производительной силой общества, вторые ограничиваются пропорциональностью различных отраслей производства и потребительной силой общества» (Там же. Т.25. Ч. 1. С. 268).

«Хотя избыток стоимости товара над издержками его производства возникает в непосредственном процессе производства, но реализуется он только в процессе обращения; …в действительности, в условиях конкуренции, на действительном рынке, от отношений рынка зависит, будет или не будет и в какой степени он будет реализован» (Там же. С. 50).

[2] Там же. С. 44.

вообще капитала как такового), иерархия потребностей будет определяться преимущественно теми обстоятельствами, которые влияют на величину прибыли. А для капиталиста это, прежде всего, условия производства (мы рассматриваем производственную сферу, но эти соображения общи для всех сфер приложения капитала), т.е. возможность постоянного воспроизводства процесса извлечения прибыли, что, в свою очередь, зависит от двух факторов – возмещения издержек производства и эффективности их использования.

Т.о. из предоставленных ему предложением возможностей капиталист выберет, при прочих равных условиях (а на практике и не всегда совсем равных), те из них, которые позволят повысить величину прибыли. Это значит, что потребительные стоимости, которые по определению представляют общее качество – полезность – он будет рассматривать с иной, конкретной, точки зрения – с точки зрения их эффективности в получении прибыли. Потребительная стоимость, тем самым, на практике приобретает ещё одну сторону – потребительную *ценность*, полезность полезности, эффективность. Стремление капиталистов к большей прибыли создаёт неравномерность, помехи в процессе извлечения прибыли в целом – часть предложения не находит спроса, в то время как другая часть имеет неудовлетворённый спрос. В действие вступает механизм конкуренции, в котором существенную роль играет норма прибыли, представляющая собой отношение массы прибыли к применённому капиталу.

На основании общего определения нормы прибыли как отношения прибыли ко всему капиталу Маркс применяет в своём анализе два выражения нормы прибыли – *среднюю* норму прибыли и *общую* норму прибыли. Несмотря на то, что прямого определения их сути не приводится, из рассуждений Маркса можно сделать вывод, что средняя норма прибыли определяется как среднеарифметическое норм прибыли капиталов предприятий отрасли по отношению к совокупному капиталу отрасли, или норм капиталов отраслей по отношению к капиталу в целом.

Общая норма прибыли имеет двоякий смысл. Во-первых, как отношение всей массы прибыли к массе капитала отрасли или капитала в целом. Величина нормы прибыли, вычисленной таким образом, отличается от средней нормы прибыли. Во-вторых, как общая всем капиталам некая императивная норма, определяющая величину получаемой прибыли соответственно величине капитала. Как таковая общая норма прибыли определяет цены производства, исходя из издержек производства.

Средняя норма прибыли позволяет выявить наиболее эффективные и, соответственно, прибыльные производства (или отрасли) в отношении друг к другу. Общая норма прибыли даёт возможность оценить эффективность производств по отношению к отрасли в целом, а отраслей по отношению к капиталу в целом.

Т.о. норма прибыли становится индикатором эффективности капиталовложений.

Но *индикативная* функция нормы прибыли необходимо влечёт за собой возникновение *регулятивной* её функции. Неравномерность нормы прибыли заставляет перетекать капитал из менее прибыльных в более

прибыльные отрасли и производства. Появляется тенденция к выравниванию нормы прибыли, которая действует одновременно с тенденцией к её нарушению. Обе тенденции представляют собой стороны механизма конкуренции, вследствие чего капиталистическое производство движется неравномерно, через периодические кризисы.

В конкурентной борьбе норма прибыли выполняет и ещё одну функцию, *нормативную*. Общая норма прибыли как в отраслях, так и для капитала в целом отражает средние условия производства и, т.о., определяет средние в отрасли и обществе затраты труда на производство того или иного товара. В таком качестве общая норма прибыли формирует цены производства.

В итоге противоречие между общественными потребностями и общественными возможностями разрешается в конкурентной борьбе капиталов таким образом, что совокупная прибыль общества складывается из прибылей частных капиталов (частное формирует общее), тем не менее, частные капиталы ищут места́ своего приложения под постоянным давлением нормы прибыли (общее детерминирует частное), которая определяется отношением совокупной прибыли к совокупному капиталу, а в отраслях отношением прибыли отрасли к капиталу отрасли.

При этом, как следует из анализа, наличная, актуальная норма прибыли выступает как норма, сложившаяся в результате разрешения «вчерашних» противоречий – от противоречия между общественными потребностями и общественными возможностями в масштабе всего общества, до противоречий между конкретным спросом и конкретным предложением на уровне отраслей и производств. Тем самым норма прибыли отражает *предыдущий* уровень развития производительных сил и общественных отношений и уже поэтому не может адекватно выразить *наличные* производительные силы и общественные отношения. Капиталистические производственные отношения всегда ориентированы нормой прибыли на уже пройденные производственные процессы. В этом качестве норма прибыли консервативна, а при определённых обстоятельствах и реакционна. Т.о. капиталистическое производство имманентно стихийно, консервативно (в известных пределах), случайно, не отражает истинных общественных интересов и, как следствие, часть труда затрачивает нецелесообразно.

Выход из этого положения прокладывают новые научно-производственные решения, но это качество отнюдь не капитализма, а человека как саморазвивающейся субстанции. Именно фундаментальное свойство человеческой сущности и находящийся в её основании феномен отражения как механизм разрешения противоречия между материальным и идеальным в человеке, является движителем развития человека, в т.ч. и его производительных сил. Капитал же паразитирует на человеческих субстанциональных качествах, и, несмотря на всю свою активность в деле извлечения прибыли, по отношению к сущности человека он подобен путам на ногах, поскольку ориентирован только на грубо материальное, прибыль, используемую для получения новой прибыли. Человек при этом не более чем средство извлечения прибыли, нечто вторичное по отношению к ней.

Есть ещё один момент субстанциональной точки зрения, который вступает в противоречие с выводом Маркса о законе тенденции нормы прибыли к понижению и сделанных им на этом основании выводов о пределе капитала.

Согласно Марксу, стоимость, а также прибавочная стоимость и, соответственно, прибыль, образуются за счёт применения исключительно живого труда. Но «так как масса применяемого живого труда постоянно уменьшается по сравнению с массой приводимого им в движение овеществлённого труда, с массой производительно потребляемых средств производства, то отношение той части этого живого труда, которая не оплачена и овеществлена в прибавочной стоимости, к стоимостной величине всего вложенного капитала должно постоянно уменьшаться. Но это отношение массы прибавочной стоимости к стоимости всего вложенного капитала образует норму прибыли, которая поэтому должна постоянно падать».[1]

На первый взгляд логично, но при таком понимании источника стоимости невозможно объяснить возникновение стоимости, прибавочной стоимости и прибыли в тех современных автоматизированных производствах, в которых человеческий труд применяется в весьма малых размерах и даже этот труд почти не участвует в *создании* продукта труда, но только *обслуживает* машины. Т.е. этот труд *не изменяет* формы предметов труда, а только перемещает их от машины к машине и обслуживает сами машины, но *не участвует* в их работе по изменению предмета труда. В случае же полностью автоматизированного производства, без участия человека (для некоторых производств это уже технически возможно и эта тенденция будет развиваться), и вовсе становится невозможным объяснить источник стоимости.

Согласно Марксу же, стоимость создаётся не потому, что труд просто *затрачивается*, а потому, что он затрачивается *целесообразно*, полезно, *изменяет* форму предмета труда, т.е. действует *активно* и тем самым *создаёт* потребительную стоимость. «Процесс труда, как мы изобразили его в простых и абстрактных его моментах, есть целесообразная деятельность для созидания потребительных стоимостей».[2] В этом *сущность* труда как создателя стоимости – в активной роли в изменении предмета труда. Но труд, обслуживающий машины и перемещающий предметы труда, ничего *не создаёт*, поскольку не принимает *непосредственного* участия в изменении формы продукта труда, он создаёт только *возможность* такого изменения. Однако в такую детализацию процесса труда Маркс не вдавался, ограничившись несколькими общими абстрактными постулатами:

- «потребление рабочей силы – это сам труд»;[3]

- «простые моменты процесса труда следующие: целесообразная деятельность, или самый труд, предмет труда и средства труда»;[4]

[1] Там же. С. 233.
[2] Там же. Т. 3. С. 195.
[3] Там же. С. 188.
[4] Там же. С. 189.

- «средство труда есть вещь или комплекс вещей, которые человек помещает между собой и предметом труда и которые служат для него в качестве проводника его воздействий на этот предмет»;[1]

- «стоимость каждого товара определяется количеством труда, материализованного в потребительной стоимости товара, рабочим временем, общественно необходимым для его производства».[2]

Объединив в понятии труда все факторы комплексной человеческой деятельности, использующей орудия труда, без детального анализа функций и роли каждого из них, Маркс тем самым исключил возможность понять роль *активных* факторов процесса производства в создании стоимости.

Если же труд рассматривать более широко, в соответствии с указанием самого Маркса – не просто как *затрату человеческой рабочей силы*, а как *целесообразную деятельность* человека по созданию продукта труда с использованием средств труда, то в этом случае без анализа роли средств труда не обойтись. Но полностью понять сущность деятельности и, шире, движения вообще, можно только признавая субстанциональность реальности как единства материального и идеального.

При таком взгляде становится возможным объяснить источники стоимости, в создании которой принимают участие и орудия труда. Т.о. прежде чем говорить о тенденции нормы прибыли к понижению вследствие уменьшения переменного капитала и роста органического строения капитала, следует провести конкретные исследования как стоимостного строения капитала, так и величины доли орудий труда (но не постоянного капитала в целом, в который входит и стоимость сырья) во вновь создаваемой стоимости. Априори можно утверждать только то, что с исчезновением переменного капитала норма прибыли не станет равной нулю, и что нет постоянной тенденции к снижению нормы прибыли, но *изменение этой нормы определяется изменением эффективности основного капитала*, представленного в орудиях труда. Разумеется, что в анализе следует учитывать и общественные отношения, упомянутые выше – соотношение общественных потребностей и возможностей.

***

В связи с предлагаемым взглядом на роль постоянного капитала в создании стоимости по-иному видится и вывод Маркса о пределах капитала.

Согласно Марксу с понижением нормы прибыли «капиталистический способ производства встречает в развитии производительных сил такой предел, который не стоит ни в какой связи с производством богатства как таковым».[3]

Но, как мы убедились, такой тенденции нет и норма прибыли определяется конкретными условиями капиталистического производства и общественных отношений. Следовательно, со стороны нормы прибыли капитал ограничения не имеет – пока существует общественное потребле-

[1] Там же. С. 190.
[2] Там же. С. 198.
[3] Там же. Т. 25. Ч. 1. С. 265.

ние, будет существовать и прибыль, и, как итог, возможность возрастания капитала.

Можно поспорить и с тем, что «*настоящий предел* капиталистического производства – это *сам капитал,* а это значит: капитал и самовозрастание его стоимости является исходным и конечным пунктом, мотивом и целью производства; производство есть только производство для *капитала,* а не наоборот: средства производства не являются просто средствами для постоянно расширяющегося процесса жизни *общества* производителей. …Средство – безграничное развитие общественных производительных сил – вступает в постоянный конфликт с ограниченной целью – увеличением стоимости существующего капитала».[1]

Если первая часть этого утверждения верно определяет сущность капитала, то во второй фразе имеется внутренняя алогичность. Средство («безграничное развитие общественных производительных сил»), в том случае если оно способствует достижению цели (а оно, как выяснилось, как минимум не препятствует), не может конфликтовать с целью («увеличением стоимости существующего капитала») по определению, тем более что «производство есть только производство для *капитала*», т.е. замкнуто внутри себя. Оно может быть только более или менее эффективным. Поэтому и с этой стороны ограничения в развитии капитала нет.

Однако безграничное развитие производительных сил в форме автоматизированных производств ставит предел капиталу с иной стороны. Уменьшение (а, в перспективе, и исчезновение) переменного капитала имеет другой стороной уменьшение потребности в рабочей силе, т.е. в людях, следствием чего становится резкое увеличение безработицы и уменьшение покупательной способности населения. Обратной стороной этого процесса является уменьшение спроса и падение прибыли, в итоге стагнация и деградация производства. Этот самоподдерживающийся процесс при определённых условиях вполне может стать необратимым и иметь самые разрушительные последствия для общества. Развитие производительных сил при сохранении капиталистических общественных отношений потенциально способно разрушить старое общество изнутри его самого.

Новые производительные силы в форме полностью автоматизированного производства требуют *новых производственных отношений*, не сковываемых отношениями частной собственности. Необходимо наступает момент императивной смены *существа* общественных отношений и направления общественного развития на соответствующие *новым производственным отношениям* – отношениям полного выхода человека из производства как его объекта, как дополнения технологического процесса, отношениям освобождения человека от пут необходимости и переходу к свободно осуществляемой деятельности. И сделано это может быть только осуществлением социальной революции, приходом к политической власти сил, действующих в интересах общего – всех людей, а не в интересах отдельного класса собственников.

[1] Там же. С. 274.

Но если промышленный капитал в целях самосохранения может ограничивать рост производительных сил сдерживанием автоматизации (и в этом проявляется его загнивание), то всё более нарастает опасность с другой стороны.

Если ранее, как заметил Маркс, промышленный капитал подчинил себе прежде господствовавший ростовщический капитал, то теперь ростовщический капитал, прошедший ряд превращений и принявший форму финансового капитала, полностью подчинил себе промышленный капитал. Если для промышленного капитала целью его деятельности является производство прибавочной стоимости и её превращённой формы – прибыли, и потому он должен развивать производство, то для финансового капитала, как и для ростовщического, главной целью является господство,[1] но это уже не просто господство над производителями, а абсолютная власть над всем обществом. И возможности финансового капитала в этом отношении постоянно возрастают.

С приобретением же полной власти над обществом финансовому капиталу нет необходимости поддерживать промышленный капитал, – источник его силы в нём самом, – пока существует финансовая сфера, опосредствующая отношения между всеми институтами общества, финансовый капитал всесилен. Но капитал, существуя в форме финансового капитала, и не имея других целей кроме абсолютной власти, перестаёт считаться с какими-либо человеческими потребностями, он сам начнёт определять эти потребности и, заодно, количество тех, кто ими обладает. Опасность перехода человечества в такое состояние чрезвычайно велика и, более того, со временем увеличивается, поскольку возрастает сила финансового капитала. Экономическим механизмом воздействия на общество с целью его подчинения власти финансового капитала, в этом случае, вполне может стать то самое безграничное развитие производительных сил, о котором сказано выше. Финансовый капитал вполне способен полностью ликвидировать капитал промышленный, инициировав создание полностью автоматизированного производства, которое в этой форме будет простым техническим приложением к нему, таким же как, например, вычислительная техника. В этом случае общество резко сократится численно и упростится (даже деградирует) социально, останутся только группы людей, «нужных» финансовому капиталу.

Можно ещё добавить, что, учитывая реальную опасность подобного развития событий, следует подробно и глубоко исследовать возможные варианты достижения предела в развитии капитала:

- предел промышленного капитала в его движении к полной автоматизации производства;

- предел капитала как общественного отношения – функционирование финансового капитала, который кладёт предел промышленному капиталу

[1] «На примере ростовщика — этой хотя и старомодной, но постоянно возрождающейся формы капиталиста Лютер очень хорошо и наглядно показывает, что жажда власти есть один из элементов страсти к обогащению» (Там же. Т. 23. С. 606).

и вместе с ним всему обществу.

20.6. Продукт труда и прибавочный продукт – субстанциональный взгляд

20.6.1. Прибавочный продукт

Если по поводу прибавочной стоимости в политэкономической литературе мнения исследователей практически совпадают в вопросе о её реальности и разнятся только в определении её источников, то в отношении прибавочного продукта, которому и соответствует прибавочная стоимость, наблюдается обширная лакуна. Молчаливо предполагается, что прибавочный продукт императивен и потому говорить о нём нечего и незачем.

Так, у К. Маркса глава о прибавочном продукте занимает всего два небольших абзаца, где о прибавочном продукте говорится следующее: «Ту часть продукта…, в которой выражается прибавочная стоимость, мы называем прибавочным продуктом… Как норма прибавочной стоимости определяется отношением последней не ко всей сумме капитала, а только к его переменной составной части, так и уровень прибавочного продукта определяется отношением последнего не ко всему остальному продукту, а только к той части продукта, в которой выражается необходимый труд. Как производство прибавочной стоимости есть определяющая цель капиталистического производства, так и степень богатства измеряется не абсолютной величиной продукта, а относительной величиной прибавочного продукта».[1] Имеются и другие косвенные замечания: «прибавочный продукт, представляющий прибавочную стоимость»[2], «прибавочную стоимость, существующую в форме прибавочного продукта»[3].

В отношении прибавочного продукта выделим главное у Маркса, сущностное:

- прибавочный продукт и прибавочная стоимость ставятся в однозначное соответствие друг другу. Правда, Маркс исходной категорией берёт прибавочную стоимость, идеальное, а не прибавочный продукт, материальное – хотя именно материальное является основанием идеального, представленного в нём, а не наоборот;

- несмотря на то, что это прямо и не сказано, но можно предположить, что прибавочный продукт есть превышение над *всем* необходимым продуктом, возмещающим *все* издержки производства, т.е. не только переменный, но и постоянный капитал, что косвенно подтверждается фразой о богатстве общества;

- судя по фразе Маркса – «уровень прибавочного продукта определяется отношением последнего не ко всему остальному продукту, а только к той части продукта, в которой выражается необходимый труд», – то, по

[1] Там же. Т. 23. С. 240.
[2] Там же. Т. 24. С. 556.
[3] Там же. С. 564.

аналогии с прибавочной стоимостью, можно сделать вывод, что прибавочный продукт создаётся, по Марксу, только живым трудом (переменным капиталом)

- богатство общества определяется величиной прибавочного продукта (т.е. продукта, остающегося после возмещения *всех* издержек), который можно употребить на *расширение* производства и потребления.

Причину, по которой Маркс ограничился в отношении прибавочного продукта несколькими словами, можно понять. Его занимала сущность капиталистического общественного отношения, заключающаяся в том, что интерес капитала направлен не на вещественную форму прибавочного продукта, а на денежную форму прибыли, являющуюся превращённой формой прибавочной стоимости. Поэтому его исследование сосредоточено в своей политэкономической части, в основном, на форме, представленной прибавочной стоимостью.

Ещё раз обратим внимание на то, что, во-первых, прибавочный продукт, *материальное*, Марксом трактуется посредством стоимости, *идеального* – т.е. *основание* определяется через *обоснованное*, а не наоборот, как это должно быть, если полагать материальное основой, в которой представлено идеальное.

Прибавочный продукт есть *вещественная* форма продукта труда, материальное, и потому должен быть выражен посредством *самого себя*, т.е. непосредственно как материальное, как часть всего продукта труда, представляющая его некое приращение. Определение прибавочного продукта посредством прибавочной стоимости подобно взгляду из зеркала на оригинал (при таком подходе вторичное – отражение – определяет первичное, реальное, тогда как истинно обратное) и потому при анализе прибавочного продукта следует поступить наоборот – выводить прибавочную стоимость из прибавочного продукта.

Во-вторых, прибавочный продукт, выраженный в форме прибавочной стоимости, Марксом соотносится не со всем продуктом, а с той частью, в которой представлен только необходимый живой труд. Другими словами, такое толкование прибавочного продукта элиминирует из процесса его создания все вещественные факторы и оставляет в качестве источника прибавочного продукта только живой труд. Но ведь труд – это процесс, в котором участвуют *все* материальные факторы производства и в этом процессе наряду с живым трудом участвуют орудия труда и предметы труда (которые также представляют труд, но овеществлённый) – только их совместное действие создаёт продукт труда. Т.о. *только* живой труд не может быть единственным источником прибавочного продукта как некоего приращения продукта труда (мы это уже выяснили ранее). Поскольку прибавочный продукт должен быть представлен в *вещественной* форме, то из процесса его создания нельзя исключать рассмотрение *всех* вещественных факторов производства.

В-третьих, если степень богатства общества измеряется величиной прибавочного продукта, то этот продукт должен быть представлен в материальной форме, иначе ни о каком богатстве не может быть и речи. Однако, прибавочная стоимость есть идеальное, а не материальное и потому

не может быть богатством. Чтобы стать богатством прибавочная стоимость должна быть представлена в материальной, вещественной форме. Но Маркс не указывает, как выделить в вещественной форме продукта труда прибавочный продукт, которому соответствует прибавочная стоимость, объяснение сути прибавочного продукта заключается в абстрактной формуле, что он представляет собой превышение прибавочной стоимости над той частью стоимости, которая создана необходимым трудом.

Между тем вопрос о прибавочном продукте, – материальном, идеальной стороной которого выступает прибавочная стоимость, – далеко не так прост, как кажется на первый взгляд. Поскольку прибавочный продукт является вещественным, материальным основанием прибавочной стоимости, и в этом субстанциональное единстве они представляют тождество, постольку следует выяснить, что же представляет собой прибавочный продукт с сущностной стороны.

20.6.2. Источник и форма прибавочного продукта

Выделим основное у Маркса – поскольку прибавочная стоимость, чьей превращённой формой является прибыль, есть превышение над затраченным капиталом, представляющим сумму постоянной и переменной стоимостей, то, соответственно, прибавочный продукт есть превышение над необходимым продуктом, т.е. над издержками производства, образованными затратами как живого, так и овеществлённого труда, представленного орудиями и предметом труда. Т.о. совокупный продукт общества представляет собой сумму необходимого продукта (существующего в форме издержек производства) и прибавочного продукта.

Другими словами, деятельность человека с использованием орудий труда в каждом цикле производства создаёт больше материального продукта, чем его потребляется в этом цикле, что позволяет в очередном производственном цикле использовать прибавочный продукт на расширение как производства, так и потребления.

Но что же является источником этого превышения совокупного общественного продукта над необходимым и в какой форме существует прибавочный продукт? Очевидно, что ответ следует искать в сущности самой производственной деятельности, понимаемой в широком смысле – и как *производство*, и как *потребление* произведённого.

С точки зрения сферы производства эмпирический факт состоит в том, и это невозможно игнорировать, что только развитие орудий труда увеличивает производительную силу человеческой деятельности. А из этого следует, что именно количеством и качеством орудий труда определяется, в конечном итоге, производительность деятельности человека и, соответственно, увеличение итогового общественного продукта (а также и прибавочного продукта)

Данное эмпирическое наблюдение гносеологически объясняется следующим образом. Человек есть конечная вещь (в философском смысле) и потому ограничен этой конечностью в своих возможностях. Причём, поскольку форма этой вещи природой определена полностью и неизменна (по крайней мере, в исторически обозримый период), то, несмотря на от-

носительную универсальность человека, в некий момент достигается предел его деятельных возможностей. Но этот предел человек преодолевает, создавая орудия труда.

В свою очередь орудия труда как вещи также конечны и ограничены. Более того, эти вещи, созданные человеком, специализированы в соответствии с его потребностями и потому имеют ограниченные области применения. Однако, то, что представлено в этих искусственных вещах (прежде всего в орудиях труда), потенциально не ограничено. Речь идёт об идеальном этих вещей, которое представляет собой законы природы, в концентрированной форме овеществлённые в орудиях труда в их материальной форме, что позволяет человеку использовать природные законы в своей трудовой деятельности. Т.о. идеальное орудий труда полностью определяется идеальным человека – знанием. Знание же потенциально не ограничено и бесконечно, как бесконечна природа в своих проявлениях. Обладая знанием человек может создавать вещи-орудия труда, которые невероятно увеличивают его производительные возможности, как количественные, так и качественные, а потому именно орудия труда (и соответствующие им технологии) представляют собой главный фактор, производящий продукт (и прибавочный продукт) труда.

В этом плане *с точки зрения сферы потребления* увеличение производства продукта труда и, следовательно, прибавочного продукта происходит посредством создания новых предметов потребления, которые, во-первых, требуют меньших затрат и могут производиться в бóльших количествах и, во-вторых, способны удовлетворить потребности человека в большей степени (в том числе созданием новых потребностей), нежели заменяемые ими предметы потребления.[1]

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что главным источником увеличения производства продукта труда, в том числе прибавочного продукта, является усовершенствование на основе знания орудий труда и технологий, а также предметов потребления и только в некоторой мере интенсификация и специализация труда самого человека, уже достигшая чрезвычайно высокой степени.

Второй вывод касается *формы*, в которой выступает прибавочный продукт. С *количественной* стороны это его превышение над необходимым продуктом в натуральной, физической форме, т.е. большее количество традиционных продуктов. С *качественной* стороны это инновационные продукты – и орудия труда, и предметы потребления, и новые технологии – позволяющие сократить в новых циклах производства издержки производства (и, соответственно, необходимый продукт), а также удовлетворить больше потребностей потребления (прежде всего производственного) при тех же, или меньших, издержках.

20.6.3. Сущность прибавочного продукта

Выше мы рассмотрели прибавочный продукт с его внешней стороны –

[1] В данном случае к предметам потребления отнесены и средства производства, которые *потребляются* в процессе производства.

со стороны источника получения и со стороны формы. Попробуем взглянуть на него изнутри и определить, что же собой представляет прибавочный продукт по своей сути как фактор общественных отношений.

Вспомним, что продукт труда со своей вещественной, материальной стороны представляет потребительную стоимость, т.е. это не просто вещественная масса, а полезный для человека материальный объект, в котором веществу природы деятельностью человека придана определённая форма, удовлетворяющая каким-то потребностям человека.

В процессе производства форма предмета труда непрерывно меняется, представая в итоге как продукт труда, имеющий конкретную вещественную форму и обладающий конкретными полезными качествами. Если эти качества признаются нужными для общества, то признаётся нужным и труд, создавший этот продукт и представленный в стоимости и, соответственно, в прибавочной стоимости. Тем самым признаётся и действительность, наличность прибавочного продукта.

Но полезность, как её ни трактовать, это не материальная вещь. В то время как прибавочный продукт, которому соответствует прибавочная стоимость, не может быть нематериальным. Как же разрешить эту антиномию, что же прирастает в продукте труда как его полезность?

Попробуем обратиться к самому продукту труда. То, что в человеческих *отношениях* предстаёт как *полезность* (не суть важно, в материальном или идеальном отношении), воплощено *в вещи* (в продукте труда) как её *материальные стороны* (атрибуты) – это вполне вещественные, *материальные* качества продукта труда, обусловленные его конкретной *материальной* формой, полученной в результате процесса труда и отвечающей конкретным потребностям человека. Именно изменение в производственном процессе *материальной формы* продукта труда необходимо влечёт изменение каких-то его конкретных *материальных качеств,* делающих его *полезным* для человека, удовлетворяющих конкретным *потребностям* человека, как материальным, так и идеальным.

Т.о. продукт труда представляет собой полученный в процессе производства материальный объект конкретной формы, обладающий конкретными материальными свойствами, что в *общественных отношениях* рефлексируется как *полезность* продукта труда. В процессе производства материальная форма и материальные качества предмета труда изменяются и достигают в продукте труда своего завершения. Можно сказать, что продукт труда в итоге трудового процесса получает некое приращение, «возрастает».

Вспомним, что по Марксу прибавочный продукт есть некое превышение над продуктом, представляющим *необходимую* часть *живого* труда. Но, как мы выяснили ранее при определении сущности прибавочного продукта, невозможно не учитывать *все* вещественные факторы производства, а это означает, что во внимание следует принять весь необходимый продукт – и постоянную, и переменную части, т.е. *все факторы,* участвующие в создании необходимого продукта.

Необходимый же продукт представляет собой продукт, идущий на возмещение затрат на производство. Или, в другой форме, что то же, удо-

влетворяющий жизненные потребности людей, занятых в производстве. Причём не только тех людей, которые *непосредственно* заняты в производстве данного продукта и представленных живым трудом, но и тех людей, которые создавали орудия труда и предметы труда, используемые в процессе его производства и представленных т.о. *овеществлённым* трудом, т.е. *опосредствованно*.

Т.о. наличие прибавочного продукта говорит о том, что продукт труда, взятый в целом, может удовлетворить потребности большего числа людей, чем было их задействовано в его производстве. При этом в число людей, занятых в производстве входят не только непосредственно занятые работники (*живой* труд), но и те люди, которые создавали орудия труда и предметы труда (*овеществлённый* труд). Такое понимание прибавочного продукта не отвергает утверждение Маркса, что источником прибавочного продукта является живой труд, а расширяет его, учитывая овеществлённый труд как *прошлый* живой труд, снятый в средствах производства.

Т.о. если говорить о сущности прибавочного продукта, то в рассматриваемом аспекте *прибавочный продукт есть часть вновь созданного продукта, материальные (и идеальные) количественно-качественные характеристики которого (продукта в целом) позволяют удовлетворить жизненные потребности большего числа людей, чем было их занято в его производстве с учётом всех факторов производства* – и живого труда и овеществлённого труда (т.е. рабочей силы, орудий, и предметов труда, инфраструктуры и т.п.). Именно за счёт прибавочного продукта и удовлетворяются потребности дополнительного числа людей и (или) увеличивается потребление прежнего количества людей. Особо следует сказать, что под потребностями имеются ввиду и производственные, и личные потребности, т.е. потребности, учитывающие все стороны жизнедеятельности общества.

Рассмотренный здесь аспект прибавочного продукта есть его внутренняя характеристика, объясняющая прибавочный продукт как фактор, опосредствующий сменяющие друг друга циклы воспроизводства, которое тем самым становится *расширенным* воспроизводством.

20.6.4. Общественные формы прибавочного продукта

Прибавочный продукт, сущность которого определена выше, в реальных общественных отношениях может представать в двух формах.

Так, прибавочный продукт предприятия (и даже отрасли в целом) может обеспечить потребности гораздо большего числа людей, чем их занято на предприятии (в отрасли). Но, тем не менее, *по отношению к обществу в целом* прибавочный продукт может отсутствовать.

Рассмотрим простой пример. Пусть в некоторой отрасли (например, сельскохозяйственной, поскольку в данном случае можно условно принять, что весь продукт отрасли потребляется в течение года, т.е. цикла производства) занято, допустим, десять процентов населения. Это значит, что один работающий в этой отрасли обеспечивает потребности десяти человек, включая себя. Или, другими словами, каждый работающий в этой отрасли создаёт необходимый продукт для себя (как результат *необ-*

ходимого труда) и прибавочный продукт, достаточный для других девяти человек (как результат *прибавочного* труда) – т.е. прибавочный продукт не просто в наличии, но и его норма довольно высока.

Но это *относительный прибавочный продукт*, поскольку таковым он является только в отношении *производящей* отрасли (предприятия). Для других же, *потребляющих*, отраслей (производств) этот продукт может быть полностью *необходимым*, т.е. идущим на возмещение их собственных издержек производства, а не на расширенное воспроизводство.

Но другой своей стороной и для производящей отрасли (производства) произведённый прибавочный продукт также является *и* необходимым, поскольку он возмещает также издержки производства, относимые на средства труда, которые отрасль (в данном примере сельскохозяйственная) получает от других отраслей уже как *их* прибавочный продукт.

Т.о. в масштабе всего общества происходит циркуляция продукта труда между отраслями (производствами), который предстаёт в единстве двух своих сторон и потому в рассматриваемой форме он внутренне двойствен, диалектичен – *одновременно и прибавочный, и необходимый.*

Это ещё неразвитая форма прибавочного продукта – прибавочный продукт существует пока ещё в-себе., он не проявился как полностью обособленный, не отделился от продукта как целого и потому невозможно выделить прибавочный продукт в «чистом» виде. Должно осуществиться его снятие, отделение от продукта труда как целого и появление в самостоятельном виде (для-себя).

И это происходит, когда отрасль производит продукт в количестве большем, чем необходимо не только для отрасли, но и для общества в целом.

Поясним последнее положение.

На первый взгляд богатство общества в каждом цикле производства возрастает на значительную величину – один работник сельскохозяйственной отрасли кормит девять работников других отраслей. Но если рассмотреть это обстоятельство не со стороны отдельно производства и отдельно потребления, а со стороны общества как целого, то картина получится несколько иной.

Если данный прибавочный продукт в очередном цикле воспроизводства останется неизменным по своей *абсолютной* величине, то, как нетрудно понять, он будет обеспечивать то же количество потребностей, что и ранее и для общества *как целого* в новом цикле прибавочного продукта не будет произведено – т.е. он целиком пойдёт на общественное потребление в форме возмещения издержек производства (необходимого продукта) в предыдущем цикле.

Следовательно, в отношении общества как целого *в каждом производственном цикле* должно производиться большее количество прибавочного продукта в *абсолютном* исчислении. Применительно к нашему примеру каждый работающий в сельскохозяйственной отрасли в каждом новом производственном цикле должен производить продукции на постоянно возрастающее количество людей. Данный вывод относится ко всем отраслям общественного производства.

Таким образом, *прибавочный продукт существует в двух формах:*

- *относительной* – если его рассматривать в отношении к отрасли (предприятию) раздельно со стороны производства и со стороны потребления;

- *абсолютной* – если его рассматривать в отношении общества в целом, брать в единстве обеих сторон (и производства, и потребления). Т.о. в абсолютной форме прибавочный продукт предстаёт как обобщённый относительный прибавочный продукт, *возрастающий* в каждом цикле производства.

В первом случае прибавочный продукт может производиться в каждом производственном цикле на предприятии (в отрасли), но отсутствовать для общества как целого – и это *особенная* форма расширенного воспроизводства.[1] Во втором случае прибавочный продукт в каждом цикле производится для общества как целого – и это *общая* форма расширенного воспроизводства.

Следует отметить также следующее.

Действительный абсолютный прибавочный продукт может быть получен *только* за счёт уменьшения себестоимости в части *реального* уменьшения необходимого рабочего времени (а не волюнтаристского снижения расценок), а именно – повышения производительности труда и внедрения *новых научно-технических* производств и продуктов, т.е. за счёт *интенсивных* факторов.

Прибавочный продукт, полученный за счёт расширения производства на *прежней* научной и технической базе, либо снижения себестоимости за счёт снижения расценок, а не необходимого рабочего времени будет *фиктивным* прибавочным продуктом. Во-первых, прибавочный продукт, полученный в физической форме, в новом цикле будет расходоваться на издержки *экстенсивно* расширенного воспроизводства, поскольку изменится только абсолютная величина продукта, но не пропорции его распределения. Во-вторых, снижение себестоимости за счёт снижения расценок не даст *физического* (натурального) прироста прибавочного продукта, а только повлияет на уменьшение цены.

Другими словами – прибавочный продукт, полученный за счёт *экстенсивных* факторов, будет представлять собой *относительный* прибавочный продукт; прибавочный продукт, полученный за счёт *интенсификации* производства, есть *абсолютный* прибавочный продукт. Появление и рост *абсолютного* прибавочного продукта имеет необходимым следствием перманентное возрастание *относительного* прибавочного продукта.

20.6.5. Прибавочный продукт и прибавочная стоимость

Совершенно очевидно, что категории прибавочного продукта и прибавочной стоимости связаны неразрывно и эта связь оказывает самое существенное влияние на общественную жизнедеятельность.

Ранее мы выяснили, что «прибавочный продукт есть часть вновь со-

[1] Вернее, условно-расширенного, поскольку в отношении *всего* общества прибавочный продукт отсутствует.

зданного продукта, материальные (и идеальные) количественно-качественные характеристики которого (продукта в целом) позволяют удовлетворить жизненные потребности большего числа людей, чем было их занято в его производстве с учётом всех факторов производства».[1]

Такая трактовка прибавочного продукта позволяет выделить его как 1. в *простом* воспроизводстве, где в материальном отношении в каждом производственном цикле производится *одно и то* же количество продуктов труда, так и 2. в *расширенном* воспроизводстве, где в каждом цикле происходит *увеличение* материальной массы продуктов труда.

В первом случае прибавочный продукт выступает *только* в форме *относительного* прибавочного продукта, во втором случае к относительному прибавочному продукту *добавляется* и *абсолютный* прибавочный продукт.

Но ведь прибавочная стоимость как идеальное должна быть напрочь связана с материальным, т.е. прибавочным продуктом в материальной форме.

При наличии абсолютного прибавочного продукта имеется полное субстанциональное соответствие материального и идеального. Здесь возросшей материальной массе прибавочного продукта соответствует прибавочная стоимость в превращённой форме возросшей массы прибыли.

Как же субстанциональность материального и идеального проявляется в случае относительного прибавочного продукта? Ведь в этом случае не происходит возрастания материальной массы в каждом производственном цикле и, следовательно, идеальное в форме прибавочной стоимости по видимости не находит своего материального основания как прибавления вещественной массы. Но идеальное в материальном мире может существовать только будучи *неразрывно* связанным со *своим* материальным. Свободное, независимое существование идеального возможно, как мы выяснили, исключительно в мышлении. Как объяснить наличие прибавочной стоимости при отсутствии прибавочного продукта в его *возрастающей* материальной форме?

В случае с *относительным прибавочным продуктом* вопрос решается таким образом, что *материальным основанием прибавочной стоимости* (идеального) является материальное же, но не в форме *возрастающего* прибавочного продукта, а в форме *отчуждаемого* продукта, пусть даже и не возрастающего в каждом производственном цикле. В данном случае материальная деятельность производителей продуктов труда, дающая другим людям возможность пользования продуктами труда (потребительными стоимостями) предстаёт как *прибавочная деятельность*, создающая *относительный прибавочный продукт*, который и является материальным основанием прибавочной стоимости.

Очевидно, целесообразно соответственно формам прибавочного продукта труда назвать и формы прибавочной стоимости – *относительная и абсолютная формы прибавочной стоимости*.

Откуда же берутся деньги, которые в форме прибыли представляют

[1] Глава «20.6.3. Сущность прибавочного продукта».

относительную прибавочную стоимость? Эта проблема решена исторически в ходе бесчисленных актов обмена (купли-продажи), путём возникновения и преодоления индивидуальных и общественных конфликтов (зачастую кровавых) и появления, в конце концов, нового общественного института – ростовщичества и, позже, кредита – и, соответственно, некоторого избыточного количества денег для обеспечения *относительной* прибавочной стоимости.

Анализ относительной формы прибавочной стоимости подтверждает наш вывод об обществообразующей функции отношений *отчуждения продуктов труда* – «без… отчуждения *продукта* труда, – невозможно общество».[1] Эти отношения являются отношениями не просто необходимыми, они являются отношениями формирующими и скрепляющими общество, лежащими в самом его основании.

Наличие относительной формы прибавочной стоимости позволяет сделать ещё один вывод – совершенно *необходимо* исторически возникла общественная функция и, как следствие, общественные институты, её обслуживающие. Функция, о которой идёт речь – поддержание в экономической сфере необходимого количества денег для обеспечения относительной формы прибавочной стоимости, и соответствующие ей институты – на начальном этапе ростовщичество, по мере развития общества и роста экономики развившееся в институт кредитования.

20.6.6. Важная ремарка

Нетрудно видеть, что, исходя из того обстоятельства, что прибавочный продукт есть превышение над необходимым продуктом, он может быть получен и в простом (и даже сокращающемся) воспроизводстве. Для этого достаточно в совокупном продукте сократить его часть, идущую на возмещение произведённых затрат, т.е. соответствующую необходимому продукту общества. Т.о. за счёт частичного сокращения и производственного, и личного потребления возможно получить прибавочный продукт. Другими словами, прибавочный продукт может быть получен за счёт усиленной эксплуатации как людей, так и основных фондов, т.е. за счёт их определённой деградации.

Казалось бы, как может деградация стать источником восстановления – парадокс, антиномия? Нет, диалектика... Результатом такого процесса, снятием его, будет новое состояние, в котором старые деградирующие производства элиминируются, а новые, основанные на современной науке и технике, возникают (*становятся* по Гегелю).

Данный метод получения прибавочного продукта противоречит сделанному выше выводу о сути прибавочного продукта. Но здесь следует иметь ввиду, что это насильственный способ, нарушающий «естественный» ход событий и «естественные» производственные отношения.[2] От-

[1] Глава «17. Феномены отчуждения, присвоения и овещнения».

[2] Термин «естественные» взят в кавычки, поскольку в исторической практике общественного развития подобные методы получения прибавочного продукта не такое уж и редкое явление.

сюда понятно, что если полученный таким образом прибавочный продукт будет использован непродуктивно, не на создание новых эффективных производств, то деградация общества будет только усиливаться, поставив его на грань выживания.

Но, с другой стороны, это едва ли не единственный путь получения средств для развития производственной базы общества в условиях его ограниченных производительных возможностей (например, вследствие разрушения производственного потенциала и (или) экономической изоляции). В значительной степени именно так в тридцатые годы прошлого века была создана советская промышленность, в первую очередь тяжёлая.

Очевидно, что современной России с её резко снизившимся, по сравнению с советским периодом, промышленным потенциалом и значительной потерей экономической самостоятельности, не избежать такого мобилизационного пути, если будет поставлена цель создания современного суверенного экономического потенциала. Столь же очевидно, что существующий либеральный режим никогда не поставит в действительности такой цели (поскольку это затронет интересы собственников, прежде всего крупных), разве что в своих пропагандистских интересах, т.е. ограничится пустой риторикой. Значит перед обществом стоит не такая уж и сложная дилемма – либо смена режима и вектора развития, либо движение по пути отставания от передовых стран и окончательный переход на роль их сырьевого придатка, что приведёт к дальнейшему существенному ослаблению и, в конечном итоге, распаду государства.

Как видим, отвлечённый, теоретический, казалось бы, вопрос о прибавочном продукте оказался самым тесным образом переплетён с насущными проблемами жизни общества в целом.

20.7. Диалектика производства и потребления как фактор, детерминирующий общественные отношения

Говоря о прибавочном продукте невозможно не затронуть вопроса о соотношении прибавочного продукта общества в целом, отрасли и отдельного предприятия.

Как следует из определения прибавочного продукта, для общества в целом таковым продуктом будет только та часть всего общественного продукта, которая может быть использована для расширения производства и (или) потребления. Т.о. общественный прибавочный продукт должен существовать, прежде всего, в натуральной форме. Представление же прибавочного продукта только в стоимостной форме (в форме прибыли) может создать иллюзию его наличия в том случае, когда никакого приращения продукта в натуральной форме не имеется.

Поскольку совокупный прибавочный продукт общества складывается из прибавочного продукта отраслей, то прибавочный продукт каждой отрасли в своей специфической части совпадает с прибавочным продуктом общества – и для общества, и для отрасли это один и тот же продукт.

Одновременно этот внешне единый продукт предстаёт как диалекти-

ческое единство разных общественных отношений – отношений производства и отношений потребления. Взаимодействие между обществом и отраслями (и отраслей между собой) осуществляется посредством отношений обмена. Т.о. *обмен разрывает непосредственную связь между производством и потреблением* и своим опосредствованием вносит существенные коррективы в общественные отношения производства и потребления, прежде всего и главным образом тем, что эквивалентный обмен невозможен без критерия эквивалентности – стоимости.

Упомянутый разрыв между производством и потреблением и опосредствование их отношениями обмена по стоимости становится причиной того, что продукт (прибавочный продукт) и стоимость также теряют непосредственную связь, и стоимость, в обмене предстающая в своей превращённой форме меновой стоимости, уже не соответствует натуральной форме продукта труда. Рассмотрим следствие этого феномена (разрыва между производством и потреблением) и его влияния на деформацию стоимости в отношениях обмена подробнее.

***

Напомним, что стоимость как идеальное представление в продукте труда процесса его создания есть совершенно *объективная* категория, так же как объективен материальный производственный процесс – материальное основание стоимости. По этой причине изменение стоимости возможно *только* как следствие изменения материальной формы продукта труда (т.е. изменения производственного процесса создания продукта труда). Т.о. материальная форма продукта труда и стоимость связаны прочнейшим образом. И именно эта неразрывная связь вносит в отношения обмена свой императив – обмен должен осуществляться (казалось бы) как обмен эквивалентных, объективно обусловленных стоимостей. Этот императив, представляемый *стоимостью*, воздействует на отношения обмена *со стороны производства*.

Ранее мы отмечали (глава «20.2. Меновая стоимость, цена»), что «диспропорции и искажения, вносимые отношениями обмена в процесс взаимодействия производства и потребления общества, вызваны объективными, в своём основании, процессами и факторами. Возникает парадоксальная ситуация – вполне объективные сами по себе отношения производства и потребления *в пункте своего взаимодействия, в обмене*, перманентно воспроизводят необъективность, выражающуюся в неэквивалентности конкретных актов обмена…

Отмеченная парадоксальность вызвана тем, что объективные возможности *производства, отделённого от потребления*, не соответствуют объективным же потребностям *потребления, отделённого от производства*, и согласование производства и потребления путём обмена *необходимо* вносит в обмен элемент необъективности. В этом и состоит объяснение выявленного парадокса: *необъективность* обмена вызвана *объективными* общественными обстоятельствами, – наличием отношений обмена самих по себе как объективной данности, – и потому также объективна, т.е. *неустранима в рамках отношений обмена*».

Как видим, наличие отношений частной собственности не создаёт вы-

явленную необъективность (неэквивалентность) обмена, а только усугубляет её, внося, в свою очередь, огромные диспропорции и искажения. Сюда же следует добавить фактор недостаточности (или избыточности) ресурсов для удовлетворения потребностей разделённых производителей и потребителей, оказывающий сильнейшее воздействие на соотношение спроса и предложения. Этот фактор также является весьма важным и его никак нельзя исключать из анализа общественных отношений.

Замена частной собственности общенародной или государственной *не устранит* потенциальной *необъективности обмена*, а только позволит свести эту необъективность к минимуму путём всеобъемлющего учёт и планирования.

Т.о. *пока существуют отношения обмена, опосредствующие производство и потребление, до тех пор будут существовать искажения в сферах и производства, и потребления, вызванные неэквивалентностью обмена*. Или, другими словами, будет неэффективно использоваться трудовой потенциал общества – часть труда общества всегда будет затрачиваться напрасно, и, с другой стороны, не будет своевременно производиться то, что необходимо обществу. Рыночные (в обход планирования) отношения частично сглаживают, разумеется, диспропорции производства и потребления, но они же одновременно представляют собой механизм, постоянно их воспроизводящий и усиливающий. Т.е. рынок как сфера обмена – это вечный двигатель диспропорций производства и потребления, одновременно и сглаживающий эти диспропорции, и воспроизводящий и усиливающий их, паразитирующий, как это ни парадоксально, на собственной имманентной глубинной неэффективности, противоречивости. В этом диалектика рыночных отношений.

В свою очередь плановость производства при сохранении отношений обмена не устранит полностью возможности возникновения диспропорций обмена, поскольку они имманентны самим отношениям обмена, коренятся в *существе* отношений обмена, разделяющих и опосредствующих производство и потребление.

Это возникшее вполне исторически диалектическое противоречие может быть разрешено (снято) только путём *устранения общественных отношений обмена как таковых, а не исключительно обмена между частными производителями (собственниками)*. Но в качестве первого шага должны быть устранены отношения именно *частной* собственности.

Подлинное же решение данной проблемы состоит в полном слиянии производства и потребления, в достижении их естественной *непосредственности*. В практике данная абстракция может быть воплощена в обществе, в котором осуществляются *непосредственные* отношения между производством и потреблением, где производство и потребление не разделены отношениями обмена и представляют одно целое.

Производство и потребление существуют не сами по себе, а исключительно для человека (хотя в обществе обмена и собственности отчуждённый человек и не осознаёт этого) – т.е. именно человек опосредствует собой обе отмеченные стороны своей жизнедеятельности. До сих пор это осуществляется им неосознанно, через разделение труда и отношения об-

мена, усугублённые отношениями частной собственности – но это историческая необходимость, через которую не перешагнуть, не пройдя долгого пути в развитии возможностей общества, не достигнув их определённого уровня, как материального, так и идеального.

В том обществе, о котором идёт речь, непосредственные отношения между производством и потреблением будут осуществляться человеком непосредственно, т.е. без отношений обмена и, тем более, без каких-либо отношений собственности. По своей сути это означает, что в таком обществе каждый человек в отдельности и общество в целом не делают различий между производством и потреблением, здесь это одно и то же. *Сущность* общества изменяется – человек опосредствует уже не производство и потребление, а *свою практическую деятельность и свои потребности*, реализует заинтересованность в своей свободно осуществляемой деятельности. *Свободная деятельность свободного человека становится его главной жизненной потребностью*. Таким образом, т.н. проблема потребления в узком смысле вообще исчезает – человек не видит себя как потребителя, но только как творческую свободную личность, свободно же действующую.

Что касается разделения труда, то оно не просто сохранится, но будет всемерно расширяться вслед за распространением деятельности человека на новые сферы. Но разделение труда будет происходить в новой форме – как расширение деятельных возможностей самого человека путём самостоятельного выбора своей деятельности в рамках диалектического императива личной свободы и общественной необходимости, чем будет снято противоречие между свободой деятельности, которая теперь является жизненной потребностью, и необходимостью общественного производства. Только на таком пути может быть осуществлено отождествление общего (общества) и единичного (человека как абстрактного индивида) посредством особенного – *личности*, не противопоставляющей себя обществу, *сознательно* сочетающей свою свободу с общественной необходимостью.

Разумеется, что всё это потребует такого развития производства, которое обеспечит соответствие общественных возможностей общественным и личным потребностям – т.е. когда будет устранена сама возможность недостаточности ресурсов, что было отмечено выше.

Следует учесть и другой фактор – необходимость соответствующего развития самого человека, которое обеспечит гармоничное сочетание в человеке личного и общественного. Не следует забывать, что материальное (бытие, внешний мир) и идеальное (самосознание и шире – весь внутренний мир человека) тождественны, есть результат их субстанционального саморазвития.

Запаздывание развития идеального по отношению к материальному будет сдерживать и деформировать развитие субстанции человек, а потому одностороннее развитие производства не может являться самоцелью. Гипертрофированное развитие производительных сил, которым не соответствует человек со своим идеальным, способно породить самые невероятные, можно сказать гофмановские, феномены и проблемы в обществен-

ных отношениях, что мы и наблюдаем в современных обществах.

Здесь не место для анализа подобных феноменов, но можно уверенно предположить, что получившие широкое распространение и в философии (постмодернизм), и в обыденной жизни (т.н. симулякры и многие другие не-человеческие проявления в жизнедеятельности человека) имеют основанием именно несоответствие материального (достигнутого уровня производительных сил) идеальному (самосознанию, знанию, культуре и духовной конституции человека).

Производительные силы достигли уровня, который необходимо требует изменения общественных отношений на такие, где центром, вокруг которого осуществляется общественное развитие, становится сам человек. Ситуация вплотную приблизилась к предгрозовой, предреволюционной – и это даёт надежду на изменение вектора общественного развития. Дело за малым и одновременно огромным – за активным и целенаправленным *революционным* действованием самого человека.

20.8. Некоторые замечания к марксовым схемам воспроизводства

Маркс в «Капитале» отмечает, что «возможны только два нормальных случая воспроизводства: Или имеет место простое воспроизводство. Или имеет место капитализация прибавочной стоимости, т.е. накопление».[1]

В продолжение анализа прибавочного продукта рассмотрим, прежде всего, первый случай – простое воспроизводство. Уже начальная фраза семнадцатой главы «Капитала», раздел «Простое воспроизводство»: «При простом воспроизводстве прибавочная стоимость… целиком потребляется её собственниками, капиталистами…»[2] – вызывает вопросы.

Если речь идёт о *простом* воспроизводстве, то как можно говорить о наличии *прибавочной* стоимости? Ведь прибавочная стоимость соответствует прибавочному продукту – и это пишет сам Маркс (в начале главы мы об этом говорили). А если имеется прибавочная стоимость (и, следовательно, прибавочный продукт), то это значит, что произведено продукта больше, чем осуществлено затрат на его производство – т.е. имеет место *расширенное* воспроизводство.

Материалистический взгляд на простое воспроизводство показывает, что в этой форме воспроизводства количество произведённого продукта должно быть равно затратам на производство (издержкам производства), т.е. сумме постоянного и переменного капитала, выраженным в материальной форме. Но в таком случае – т.е. при отсутствии *прибавочного продукта* – не может быть и речи о наличии *прибавочной стоимости*, поскольку, напомним, идеальное как прибавочная стоимость тождественна материальному как прибавочному продукту и без него, по крайней мере в производстве, невозможна.

Можно добавить ещё следующее замечание. Рассмотрим стоимостную

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 24. С. 364.
[2] Там же. С. 365.

структуру совокупного капитала первого и второго подразделений в соотношении с продуктами труда этих подразделений.

В этой структуре продукты первого подразделения (в стоимостном выражении $c_I + v_I$) представляют собой средства производства, а второго подразделения (в стоимостном выражении $c_{II} + v_{II}$) – предметы потребления. При *простом* воспроизводстве продукты обоих подразделений распределяются следующим образом.

Продукты первого подразделения, соответствующие постоянному капиталу (в стоимостном выражении c_I), потребляются в этом же подразделении в форме средств производства (имеем равенство $c_I = c_I$).

Продукты первого подразделения (средства производства), соответствующие заработной плате работников[1] этого подразделения (в стоимостном выражении v_I), обмениваются на предметы потребления второго подразделения, соответствующие средствам производства этого подразделения (в стоимостном выражении c_{II}). Тем самым первое подразделение получает необходимые предметы потребления, а второе подразделение получает для себя средства производства (имеем тождество $v_I = c_{II}$).

Продукты второго подразделения, соответствующие заработной плате работников этого подразделения (в стоимостном выражении v_{II}), потребляются в этом же подразделении его работниками (имеем равенство $v_{II} = v_{II}$).

Далее, экстраполируя анализ на расширенное воспроизводство можно видеть, что при расширенном воспроизводстве прибавочный продукт (и, соответственно, прибавочная стоимость) обоих подразделений необходимо соответствуют друг другу и ничему иному и потому могут обмениваться *только* друг на друга.[2] А именно, прибавочный продукт первого подразделения (в стоимостном выражении m_I) может обмениваться *только* на прибавочный продукт второго подразделения (в стоимостном выражении m_{II}).[3]

Принимая во внимание сказанное выше, схемы воспроизводства, предложенные Марксом, должны быть уточнены, учитывая следующие обстоятельства.

При *простом* воспроизводстве не производится *абсолютного* прибавочного продукта и по этой причине продукты производства и в натуральной, и в стоимостной форме могут быть направлены *только на поддержание* производства в прежнем масштабе, но ни в коем случае *не на расширение* производства или потребления (при простом воспроизводстве

---

[1] Для упрощения изложения здесь под работниками понимаются и рабочие, и капиталисты, которые существуют на предпринимательский доход («заработная» плата капиталистов).

[2] Кстати, и сам Маркс говорил о том же: «Созданная в одном пункте *прибавочная стоимость* требует, чтобы в *другом* пункте была создана другая прибавочная стоимость, на которую могла бы быть обменена первая…» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 46-1. С. 384).

[3] Вернее, часть продукта обменивается, а часть идёт на расширенное воспроизводство в «своём» подразделении.

нет прибавочного продукта, который мог бы быть использован, хотя бы и непроизводительно).

Так что же исследовал Маркс под видом простого воспроизводства? Как объяснить наличие прибавочной стоимости в отсутствие прибавочного продукта?

Маркс волевым образом просто разделил продукт переменного капитала на две части – заработную плату рабочих и доход капиталиста. Второе и выступает как прибавочная стоимость. Но фактически эта прибавочная стоимость расходуется только на личное потребление капиталиста. Здесь Маркс, собственно, сугубо формальным способом свёл проблему расширенного воспроизводства к частному случаю, когда вся прибавочная стоимость потребляется непроизводительно.

Следует ли из этого, что схемы воспроизводства, рассмотренные Марксом, неверны. Нет, не следует: в своём сущностном основании, а именно, – производственная структура общества рассматривается как состоящая из двух подразделений (производство средств производства и производство предметов потребления), обменивающихся своими продуктами по стоимостным эквивалентам, а общество состоящим из двух классов (пролетариев и капиталистов), – марксов анализ верен, поскольку учитывает фундаментальные факторы. С учётом сказанного выше будут уточнены только некоторые пропорции обмена между отраслями, но это не повлияет на главное – на определение сущности капиталистического производства как направленного на извлечение прибавочной стоимости.

20.9. Выводы из анализа продукта труда и прибавочного продукта

Продукт труда должен получить «признание» в общественных отношениях, т.е. найти спрос, иначе усилия по его производству пропадут втуне, даже несмотря на *фактическое* наличие прибавочного продукта.

Анализ выявил в продукте труда (а значит и в прибавочном продукте) его двойственную, диалектическую суть – с одной стороны продукт труда есть следствие вполне *объективных* производственных процессов по изменению *материальной* формы предметов труда (и потому прибавочный продукт со своей материальной стороны может быть в принципе определён количественно).

Но, с другой стороны, использование обществом продукта труда зависит также от факторов в определённой мере субъективных – от признания *полезности* продукта и возникновения потребности в нём. Причём *бóльшая потребность* (полезность) приведёт к повышенному спросу на продукт и, как следствие, признанию *большей меновой стоимости* его в обмене независимо от *фактической* (созданной в производстве) стоимости – т.е. *меновая* стоимость будет выше стоимости, фактически созданной в производстве. В результате прибавочная стоимость, представленная в *меновой* стоимости, будет выше прибавочной стоимости, *реально созданной* в производственном процессе и соответствующей прибавочному

продукту.

Подобные соображения следует применить и к случаю, когда общественная потребность в продукте невысокая – в этом случае меновая стоимость будет ниже стоимости, фактически созданной в производстве.

По указанным причинам в подобных случаях фактическое количество прибавочного продукта и «величина» соответствующей ему прибавочной стоимости, представленной в меновой стоимости, не совпадают.

В общественных отношения обмена (т.е. во внутренне противоречивом процессе взаимодействия общественных потребностей и общественных возможностей) возникает своеобразный феномен: материальное – продукт труда (а также прибавочный продукт) и соответствующее ему идеальное – стоимость (и прибавочная стоимость) как бы разделяются, обособляются, тем самым нарушатся их субстанциональное единство. И это есть следствие диалектичности продукта труда, его внутренней противоречивости как тождества материального и идеального.

Разделение материальной формы продукта труда (и прибавочного продукта) и его стоимости (и прибавочной стоимости) есть также следствие возникновения разрыва в процессе движения продукта труда – процесс производства, в котором *создаётся* продукт труда и его стоимость, сменяется процессом *потребления* произведённого продукта и оба эти процесса, в свою очередь, опосредствуются процессом *обмена*, в котором *определяется* общественная значимость продукта труда, его соответствие общественным потребностям.[1] Как следствие, *продукт труда предстаёт в своих превращённых формах – вещественная форма продукта труда предстаёт в форме потребительной стоимости, а стоимость в форме меновой стоимости*, которая может быть выше или ниже стоимости, созданной в процессе производства, и совпадает с ней только случайно.

В результате в обмене одному и тому же материальному (продукту труда) в зависимости от соотношения общественных потребностей и возможностей (спроса и предложения) будет соответствовать разная «величина» идеального (стоимости), которая теперь предстаёт в своей превращённой форме – как меновая стоимость. Другими словами, если материальное не признаётся полезным, то тем самым исчезает, элиминируется и его ценность и, как следствие, идеальное, стоимость.

Отмеченная диалектическая двойственность продукта труда в общественных отношениях имеет следствием и другие общественные феномены, возникающие на границе переплетения отношений производства, об-

[1] Следует отметить, что феномен обособления, разделения материального (прибавочного продукта) и идеального (прибавочной стоимости) продукта труда возможен исключительно как следствие наличия у человека самосознания, которое единственно способно отчуждать идеальное от материального и действовать с ним совершенно самостоятельно. Рассматриваемый феномен доказывает, с другой стороны, тождественность, неразрывность общественного сознания и индивидуального сознания (самосознания). Индивидуальное сознание, действуя самостоятельно со своим идеальным, создаёт представления, которые реализуются (рефлексируются) в общественных отношениях, становясь общественным феноменом

мена и потребления.

Речь идёт, например, о случаях, когда некий продукт, признававшийся полезным и потому приносивший прибавочную стоимость, переставал по причине изменения соотношения потребности и возможности (спроса и предложения) признаваться полезным, терял спрос и, как следствие, переставал приносить прибыль, т.е. терял прибавочную стоимость. При этом вещественная масса производимого продукта и, значит, количество прибавочного продукта оставались прежними. Поскольку любому материальному соответствует его собственное идеальное, то и *фактическая* прибавочная стоимость, созданная в производстве и представленная в прибавочном продукте, не изменялась. Однако в отношениях обмена, определяемых соотношением потребностей и возможностей, стоимость, представленная уже в форме *меновой* стоимости, не содержит прибавочной стоимости, поскольку полезность продукта труда и, соответственно, прибавочного продукта не признаётся. В итоге создаётся *видимость* отсутствия и прибавочного продукта, и прибавочной стоимости, хотя в действительности они и произведены.

Отмеченный выше феномен разделения, обособления материального и идеального в реальных общественных отношениях имеет следствием игнорирование (элиминирование) одной стороны из субстанционального единства материального и идеального в продукте труда – а именно идеальной стороны, стоимости. Возникает парадокс – фактическая стоимость (и прибавочная стоимость), созданная в производстве, существует, поскольку реально существует продукт труда (и прибавочный продукт), но в общественных отношениях эта стоимость не представлена, она *не наличествует*. В «ненужном» продукте стоимость остаётся в-себе, она не становится для-себя, поскольку не рефлексируется в общественных отношениях, не снимается в новом качестве в *меновой* стоимости, не осуществляется акт её одействительствования в наличном бытии.

Указанный общественный феномен находится в основании одной из причин кризисов т.н. перепроизводства, когда материальный продукт (товар), не находя потребности в нём, теряет свою стоимость и, в итоге, не приносит прибыли, вызывая лавину неплатежей.

Выше упоминалась категория «общественная потребность», но в условиях капиталистически совершающегося продуктообмена это потребность общества не как совокупная потребность людей, его составляющих, а как потребность сторон обмена в продуктах обмена – товарах. Подобная общественная потребность игнорирует нужды людей как таковых, её интерес заключается исключительно в выгодном обмене и применении продуктов обмена. По этой причине материальная масса продуктов труда, содержащая в том числе прибавочный продукт, не поступает в распоряжение людей и, не находя спроса в продуктообмене, уничтожается. Материальное изобилие оборачивается для масс людей обнищанием.

Однако, нельзя не упомянуть и о другой стороне данного феномена. В отношениях обмена спрос теряют, прежде всего, продукты, эффективность которых с точки зрения возможной прибыли ничтожна. Т.о. неэффективные продукты труда вынужденно, даже насильственно заменяются

более эффективными, новыми продуктами, старые производства закрываются и происходит обновление производства. Новое вырастает за счёт уничтожения старого, попутно вызывая бедствия людей. Но это тоже диалектика, показывающая реальность с иной стороны.

Наряду с рассмотренным возможны и противоположные случаи, когда с увеличением спроса растёт и *меновая* стоимость продукта, при этом *стоимость, создаваемая в производстве,* не изменяется. Более того, продукт *фактически* может не содержать и прибавочного продукта и, следовательно, прибавочной стоимости. Но в отношениях обмена, где меновая стоимость определяется соотношением общественных потребностей и возможностей (спроса и предложения), она приносит прибавочную стоимость даже тогда, когда последняя фактически не создаётся в процессе производства.

Именно данным феноменом, в частности, определяется высокая прибыльность продуктов, не имеющих материальной ценности – книг, картин, кинопродукции, видео- и аудиопродукции и т.п. Сюда же следует отнести и интеллектуальные продукты, в которых воплощено знание – научные разработки, технологии и т.д. Повышенный спрос определяет высокую *меновую* стоимость материальных носителей этой продукции, что и позволяет её производителям извлекать огромную прибавочную стоимость, тогда как, и это совершенно очевидно, её материальное воплощение отсутствует и материальные носители не содержат и в принципе не могут содержать никакого прибавочного продукта в материальной форме.

За счёт чего возникает эта повышенная прибавочная стоимость?

В случае с новыми продуктами, имеющими аналоги среди ранее производимых (мы говорим о материальном производстве), за счёт «перетекания» прибавочной стоимости от продуктов, спрос на которые упал. Это форма выравнивания нормы прибыли указывалась ещё Марксом.

Продукция же, не имеющая аналогов и создающая *новые* потребности (например, персональные компьютеры, когда они появились и т.п.) создаёт и новые рынки. Поэтому её стоимость и, соответственно, прибавочная стоимость будут определяться соотношением спроса и предложения. При этом издержки производства будут обозначать нижнюю границу цены и последняя, как показывает практика, вначале значительно превышает издержки производства, принося сверхприбыль. По мере насыщения спроса норма прибыли будет стремиться к выравниванию в среднюю для отрасли и, далее, в среднюю для производства в целом.

Если же говорить о *прибавочном продукте* в нематериальных ценностях в вещественном выражении, то в них принципиально не может быть его, поскольку материальные носители нематериальных продуктов сами по себе не представляют общественного интереса, который направлен только на их *идеальное* содержание.

Однако, такой продукт, как новое знание является исключением из других упомянутых идеальных продуктов, поскольку его можно оценить хотя бы апостериори, после того как это знание, будучи воплощено, например, в машинах, значительно повысит производительность, эффек-

тивность и качество труда и т.о. даст ощутимый прирост продукта труда, а, следовательно, и прибавочного продукта. Здесь материальный эффект в форме прибавочного продукта может быть хотя бы впоследствии, апостериори, оценён количественно.

Но этого нельзя сказать о таких продуктах как книги, картины, кинопродукция, видео- и аудиопродукция и того, что можно к ним отнести, т.е. все продукты так называемого свободного творчества. В эту категорию следует также отнести практически все продукты финансового сектора, имеющие хождение на рынке как товары. Прибавочный продукт в материальной форме здесь невозможен принципиально. По этой причине для этих продуктов *вся прибавочная стоимость является фиктивной*, не имеющей и, главное, в принципе не способной иметь *материального соответствия* себе, т.е. материального основания, в котором она была бы воплощена. Т.о. можно сказать, что вся такая продукция *переоценена*, а значит её стоимость, представленная в экономике, *фиктивна почти полностью* («почти» потому, что материальные носители этой продукции всё же имеют свою стоимость, определяемую затратами на их изготовление). Но под эту стоимость выпущены деньги и эти деньги не имеют материального обеспечения, т.е. являются тем, что в современном мире получило название «пузырей» или «финансовых пузырей».

А это уже столь огромные суммы, что т.н. «реальная» экономика боязливо уходит в тень. Возник своеобразный общественный парадокс – фиктивная стоимость, «пузыри», видимость, стали более реальными, чем действительное производство. Владельцами мира всё более становятся обладатели фиктивных стоимостей, в первую очередь и главным образом финансовых. Но эти фиктивные стоимости, лишённые материального основания, рано или поздно лопнут, потянув за собой всю экономику.

В качестве краткого итога можно сказать следующее. Капитализм не способен самостоятельно выбраться из собственных противоречий. Создавая переоценённые нематериальные ценности он будет плодить их более и более, раздувая принципиально неразрешимую им проблему. Истинно же творческие ценности капитал полностью подчиняет наживе, стараясь количественно, в деньгах оценить то, что принципиально не поддаётся количественной оценке. Т.о. совершенно назрела необходимость перехода к новым общественных отношениям, в которых не будет места переоценке того, что не имеет материальной ценности, и напротив, не будет в деньгах оцениваться то, что невозможно оценить количественно – человеческие творческие способности, т.е. сам человек. Капитализм полностью выполнил свою историческую миссию и должен быть убран с дороги человечества.

Возвратимся к собственно материальному производству. При неизменных объективных *материальных условиях* производства его *материальные результаты* оцениваются на основании внешних производству факторов – соотношения общественных потребностей и возможностей, игры спроса и предложения.

Здесь заключается противоречие между деятельностью капиталиста и интересами обществом в целом (либо какой-то его части). Это необходи-

мое следствие анархичности производства, ведущегося частными собственниками, полезность деятельности которых признаётся *апостериори*, по её завершении – только посредством акта обмена.

Диалектичность продукта труда (и прибавочного продукта) заключается в том, что он неразрывно соединяет, отождествляет в себе и своё материальное воплощение в конкретной форме продукта труда (в потребительной стоимости), и производственную деятельность человека по его изготовлению (в стоимости), и потребности общества (которые реализуются в обмене), что только в сумме делает вещество природы в форме продукта труда полезным человеку.

Отсюда видно, что в зависимости от этапа движения продукта труда и соотношения общественных потребностей и возможностей стоимостная форма продукта труда и его материальная форма (потребительная стоимость, полезность) могут «количественно» не совпадать. Вернее, могут совпадать в исключительных случаях.

Интерес капиталистического производителя сосредоточен на стоимостной форме продукта труда, отрицающей его потребительную стоимость, т.е. материальную форму. Интерес потребителей и общества в целом заключается, прежде всего, в полезности продукта труда, в его потребительной стоимости и только затем вступают в дело стоимостные критерии, которые, в свою очередь, определяют, какую массу продуктов труда позволяют приобрести наличные возможности.

Отсюда и возникает отмеченное выше противоречие между частным производством и общественным потреблением, и это противоречие может быть снято, разрешено только переходом на планомерно ведущуюся производительную деятельность, *априори* учитывающую общественные интересы и *императивно* влияющую на собственно производство, что невозможно при сохранении частной собственности на средства производства. В этом случае общественная полезность продукта труда будет заложена в нём до его производства на основании общественных потребностей, рассматриваемых уже не как потребности сторон обмена, а как потребности самих людей, следовательно и прибавочный продукт априори будет являться полностью востребованным.

Частным производителем эффективность производства рассматривается со стороны максимально возможного извлечения прибыли. Для общества же в целом эффективность производства состоит в максимальном обеспечении материальных и идеальных потребностей людей. Т.о. общественный интерес наиболее эффективным способом может быть удовлетворён только в том случае, если производство *априори* учитывает общественные потребности, т.е. ведётся планомерно.

20.10. Продукт труда и прибавочный продукт в социалистическом обществе

Выше прибавочный продукт рассмотрен с точки зрения капиталистически ведущегося производства. Но что же он собой представляет с точки

зрения обобществлённого, социалистического планово ведущегося производства?

Формально то же самое – превышение над необходимым продуктом. Но поскольку теперь весь продукт труда, в т.ч. и прибавочный, производится планомерно, то в этом случае возникают некоторые вопросы, на которые необходимо получить ответ исходя из сущностного, теоретического рассмотрения проблемы.

При капиталистическом производстве механизм спроса и предложения отсекает на стадии обмена слишком затратные, малоэффективные, трудоёмкие продукты труда и заставляет выбирать, при прочих равных условиях, наиболее производительные средства производства и наиболее полезные предметы потребления, т.е., в конечном итоге, выступает средством повышения эффективности общественного производства. Погоня капиталиста за прибавочной стоимостью своим внешним эпифеноменом имеет именно этот практический, полезный для общества, результат. Пусть этот процесс происходит беспорядочно, безжалостно, с определёнными потерями, но эту его прогрессивную роль не отметить нельзя (и это диалектический момент).

При социалистическом планомерно ведущемся производстве продукты труда не вступают в обмен, а поступают потребителю в плановом же порядке (будем говорить только о средствах производства), следовательно, механизмы конкуренции и спроса-предложения отключены, они не действуют. Но тем самым не действует и прежний механизм отбора более прогрессивных продуктов труда. Возникает опасность того, что производство будет изготавливать предметы потребления, не находящие спроса и средства производства, не отвечающие изменившимся условиям, недостаточно эффективные. Практика подтвердила, что это не досужие опасения, а вполне реальная возможность.

Выявленная проблема заключается в том, чтобы для планомерно ведущегося производства найти не просто равноценную, а даже более эффективную замену механизмам конкуренции, игры спроса и предложения – только такой вариант потенциально содержит возможность создания более эффективной и производительной экономики, нежели основанной на капиталистических принципах.

Следовательно, вопрос стоит так, что надо не только сменить цель – *вместо стоимости (и прибавочной стоимости)* это должен быть *непосредственно продукт труда (и прибавочный продукт)* в вещественной, материальной форме, но и найти механизм, позволяющий постоянно повышать эффективность производства, т.е. заменить механизмы конкуренции, игры спроса-предложения иными общественными отношениями.

Вопрос о смене цели (продукт и прибавочный продукт вместо стоимости и прибавочной стоимости) решается обобществлением средств производства и, т.о. ликвидацией частных производителей, что, в свою очередь отменяет необходимость рыночного обмена продуктами труда, теперь это обмен внутри «одной фабрики». Но тем самым устранены и законы конкуренции и игры спроса-предложения, а, значит, и механизм влияния на повышение эффективности производства.

Проблема замены механизмов конкуренции и игры спроса-предложения далеко не проста. Смена формы собственности с частной на общественную влечёт за собой необходимость смены интереса извлечения прибавочной стоимости частным собственником на заинтересованность всех трудящихся в максимальной эффективности всего общественного производства. Другими словами – *частный интерес собственника* средств производства в получении *прибавочной стоимости* должен быть заменён *интересом общества в целом и личным интересом каждого работника* в производстве *прибавочного продукта*, причём так, чтобы этот интерес заставлял постоянно повышать эффективность и производства, и продуктов труда, предназначенных как для производства, так и для потребления, т.е. *личный интерес должен быть одновременно и общественным*.[1]

Речь идёт о том, чтобы разобщённые интересы частного производителя и общества в целом заменить общественным интересом, который одновременно другой своей стороной представляет индивидуальные интересы людей. Надо сделать так, чтобы индивидуальные интересы были тождественны общественному интересу, т.е. чтобы частное стало тождественным общему.

Как видим, частная, казалось бы, проблема прибавочного продукта совершенно логично выводит на сцену проблему общества как целого, особенное перерастает во всеобщее. Остановиться в этом пункте рассуждений, значит оставить неразрешённым и частное, и общее. Поэтому продолжим.

20.10.1. Социализм и человек

Но как, говоря языком философских категорий, соединить, отождествить частное (личный интерес) и общее (интересы общества)? Как соединить не только и в общественном, и в индивидуальном сознании, но, главное, в практике это понимание не просто тождественности единичного и всеобщего, а их полной взаимозависимости, в которой даже единичное (индивид) существенно? Очевидно, только посредством материального – *непосредственным*, живым участием людей в осуществлении своей жизнедеятельности.[2] *Каждый* человек должен быть *не пассивным объектом* жизненного процесса, выполняющим узкие функции (где он частичный человек по Марксу), *а активным субъектом* своего развития, целе-

[1] А это значит, что индивид социалистического общества *сущностно* отличается от индивидов всех предшествующих обществ. Это *общественный индивид*, он уже не противопоставляет себя другим индивидам, а *сознательно* взаимодействует с ними на основании общих интересов, которые в процессе совместной *общественной деятельности* всё более сближаются с индивидуальными интересами.

[2] Мы уже говорили об этом: «В этом соотношении индивидуального и общественного *единичное* (индивид) тождественно *общему* (обществу) посредством *особенного* – возникающих *новых* форм общественно-индивидуальной деятельности». См. главу «17.1. Отношения собственности как диалектика материального и идеального…»

направленно влияющим на условия жизни и в своём непосредственном окружении, и в обществе в целом.[1] Такой человек полностью субстанционален, он преодолевает отчуждение своих человеческих качеств и способен совершить движение к состоянию, когда свободное развитие каждого становится неотделимым от свободного развития всех.

Человек должен стать активным участником процесса собственной жизнедеятельности, а не быть пассивным дополнением, используемым другими. Стать субъектом, а не быть объектом. *Общественная форма собственности (а тем более отсутствие всех форм собственности) императивно предполагает участие всех членов общества в общественном производстве, понимаемом в самом широком смысле – как производство жизнедеятельности в целом.*

Сама логика развития человеческой жизнедеятельности от капиталистического способа производства к социалистическому убедительно показывает, что *в новом способе производства необходимо должен вырасти новый человек, кардинально отличный от человека капиталистического.* Либо новый строй и новый человек растут одновременно, взаимно дополняя друг друга, либо их несоответствие приводит к постепенному разрушению социалистических общественных основ (что, в конце концов, и произошло в СССР).

Необходимость возникновения нового человека есть вполне объективное и даже императивное условие исторического развития. Каждый новый способ производства требует и с вступлением на историческую сцену необходимо создаёт нового человека, приспособленного именно к этому способу производства.[2] Это всеобщее условие, особенными являются только формы обществ и людей, приспособившихся к ним. Социалистический способ производства и следующий за ним коммунистический исключением не являются. Более того, именно в них как нигде важно появление (даже точнее – активное создание, и ещё точнее – самосоздание) нового человека, поскольку *массовый* человек из *объекта* общественного процесса должен стать его *субъектом*, самостоятельно определяющим свою судьбу и судьбу всего общества.

Но человек, соответствующий новым общественным отношениям, не возникнет сам собой. В досоциалистических общественных формациях, в

[1] «…Распределение, поскольку оно управляется чисто экономическими соображениями, будет регулироваться интересами производства, развитие же производства больше всего стимулируется таким способом распределения, который позволяет *всем* членам общества как можно более всесторонне развивать, поддерживать и проявлять свои способности» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 20. С.206).

[2] Рабовладельцы и рабы, феодалы и крепостные, капиталисты и формально свободные рабочие могут существовать только в *своём* общественно-экономическом способе производства, который возникает исторически. Столь же исторически возникают и типы людей, *приспособленных* для данного исторически возникшего общества. Развитие общества и возникновение типа человека, приспособленного к данному обществу, идут рука об руку – это следствие субстанциональности и общества, и человека.

которых жизнедеятельность людей была всецело детерминирована экономическими (а также внеэкономическими, насильственными) отношениями и которые, в свою очередь, определяли надстроечные институты, человек вынужденно, императивно приспосабливался к внешним ему условиям и в этом процессе приспособления он был пассивен, поскольку не мог влиять на внешние ему условия его жизни. Только временами революционные вспышки пробуждали в нём активность, угасавшую по мере частичного реформирования существующих общественных отношений.

В новом обществе, уходящем от господства отношений частной собственности, отношений эксплуатации, детерминированности общественных отношений преимущественно экономическими отношениями, последние начинают терять свою определяющую роль, и *экономика из цели, вокруг которой формируются общественные отношения, на определённом этапе становится уже средством для создания новых общественных отношений, в которых формируется и новый человек*.

С ликвидацией отношений частной собственности исчезает отчуждение работников от средств производства и, следовательно, от самой своей деятельности. Возникает потенциальная (но только потенциальная) возможность полного присвоения деятельности и её результатов. Но вначале это ещё *формальная* ликвидация частной собственности и *формальное* снятие отчуждения. *Действительное* же снятие отчуждения необходимо требует от человека непосредственного и активного участия во всех процессах своей жизнедеятельности, без чего не может быть действительного присвоения деятельности и её результатов.

Без активного влияния человека как члена общества на формирование новых общественных отношений последние будут стагнировать, сохраняя и консервируя в себе остаточные явления прежних отношений, что имманентно содержит потенциал и возможность их реставрации. Роль идеального (общественного и индивидуального сознания) существенно повышается и в ходе развития новых общественных отношений становится определяющей – происходит постепенный переход к целенаправленному *управлению* общественным развитием. Но такие общественные отношения предполагают постепенное вовлечение *всех* людей в активное участие во *всех* общественных процессах – это вытекает из возрастающего значения идеального, которое становится детерминирующим фактором.

Возникает качественно новое общество – общество с целенаправленно управляемым развитием, которое без научного осмысления невозможно по определению. Причём управляемым не извне, а *само*управляемым. Создать из внешне управляемой массы людей-объектов *саморазвивающийся* ансамбль человеков-субъектов – таков путь общественного развития. Либо Человек достигнет такого состояния, либо постепенно деградирует и исчезнет с исторической сцены. Tertium non datur.

20.11. Производительность труда и эффективность производства

Данная глава имеет проблематичный характер, т.к. скорее ставит вопросы, чем отвечает на них.

Обратимся к вопросу об эффективности производства и неразрывно связанному с ним вопросу производительности труда.

Прежде всего, очевидно, следует определить, что такое *производительный* труд. Поскольку вопрос о том, какой труд считать производительным, довольно подробно исследован классиками политэкономии и критически проанализирован Марксом в «Капитале», то его выводами мы и воспользуемся.

«Производительным трудом, в смысле капиталистического производства, является тот наёмный труд, который, будучи обменён на переменную часть капитала (на часть капитала, затрачиваемую на заработную плату), не только воспроизводит эту часть капитала (т. е. стоимость своей собственной рабочей силы), но, кроме того, производит прибавочную стоимость для капиталиста. Только благодаря этому товары или деньги превращаются в капитал, производятся в качестве капитала. Производительным является только тот наёмный труд, который производит капитал».[1]

«*Производительным* является лишь такой труд, *который прямо превращается в капитал*, т. е. только такой труд, который делает переменный капитал переменной величиной, а весь капитал K делает равным $K + \Delta$».[2]

«Итак, *производительный труд* в системе капиталистического производства — это такой труд, который производит для того, кто его применяет, *прибавочную стоимость*, или, иначе, это — труд, превращающий объективные условия труда в капитал, а их владельца — в капиталиста; это, стало быть, труд, создающий свой собственный продукт в качестве капитала.

Поэтому, когда мы говорим о *производительном труде*, то мы говорим об *общественно-определённом* труде, о труде, который включает совершенно определённое отношение между покупателем труда и его продавцом».[3]

Итак, *производительный* труд – это такой труд, который действует как *капитал* («прямо превращается в капитал») и потому производит *прибавочную стоимость*. В этой трактовке производительности труда речь всецело идёт об *идеальной* стороне труда – о *прибавочной стоимости* и ещё нет речи о *материальной* форме, о *потребительной стоимости*. Здесь акцент всецело сделан *на труде как капитале*, т.е. на процессе производства *прибавочной* стоимости. Но ещё ни слова не говорится о стороне труда, результатом действия которой является создание *веществен-*

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 26, Ч. 1. С. 133.
[2] Там же. С. 400.
[3] Там же. С. 404.

ного продукта, *потребительной* стоимости.

В дальнейшем анализе Маркс учитывает и эту сторону труда.

«Для того чтобы производить *товар,* труд должен быть полезным трудом, должен производить какую-нибудь *потребительную стоимость,* выражать себя в какой-нибудь *потребительной стоимости.* И только труд, выражающий себя в *товаре,* следовательно – в потребительных стоимостях, является поэтому таким трудом, который обменивается на капитал».[1]

При допущении, «что весь мир товаров, все сферы материального производства – производства материального богатства – подчинены (формально или реально) капиталистическому способу производства… можно признать характерным для *производительных рабочих,* т. е. для рабочих, производящих капитал, то обстоятельство, что их труд овеществляется в *товарах,* в материальном богатстве. И таким образом *производительный труд,* – кроме своей, имеющей решающее значение, характерной черты, которая относится совершенно безразлично к *содержанию труда* и которая от этого содержания не зависит, – кроме этой черты, производительный труд приобретает отличающуюся от неё вторую, дополнительную характеристику».[2]

«…Производительным является лишь тот труд, который сохраняет и увеличивает стоимость *овеществлённого* труда, противостоящего рабочей силе как обособившийся от неё».[3]

Теперь к первому определению добавлена другая сторона труда – производящая *потребительную* стоимость, вещественный продукт, *материальное*.

Т.о. речь идёт также и о *прибавочном продукте* – труд не только «сохраняет» стоимость овеществлённого труда (т.е. возмещает затраты), но и «увеличивает» её, создаёт тем самым *прибавочный продукт в вещественной форме*. И это есть та самая «дополнительная характеристика», о которой говорит Маркс.

Следовательно, при определении сущности производительности труда необходимо также учитывать и наличие *прибавочного продукта*, представленного в *вещественной* форме, которому и соответствует *прибавочная стоимость*.

Теперь труд, учитываемый Марксом с обеих своих сторон – и как создающий *стоимость* (идеальное), и как создающий *вещественное* богатство, *потребительную* стоимость (материальное) – получает своё полное определение: *производительный труд есть диалектически двойственный труд – это труд, который действует и как капитал, и эта сторона труда является источником стоимости (и прибавочной стоимости), и как полезный труд, и эта сторона труда является источником потребительной стоимости (и прибавочного продукта, общественного богатства).*

---

[1] Там же. С. 409.
[2] Там же. С. 419-420.
[3] Там же. С. 404.

Труд сущностно субстанционален и как таковой он представляет собой тождество своих *материальной* и *идеальной* сторон и это есть следствие субстанциональности и его источника – человека (а также используемых человеком средств труда), и его среды – общества. Рассматривая труд со стороны всеобщности и особенности нетрудно увидеть, что производство *прибавочного продукта* есть отношение *всеобщее* для *всех способов производства*, тогда как производство *прибавочной стоимости* есть *особенное* отношение, характерное только для *капиталистического способа производства*.

Именно производство прибавочного продукта превращает *простое* воспроизводство в *расширенное* воспроизводство и даёт возможность постоянного увеличения материальных возможностей общества и его развитие во всех сферах жизнедеятельности.

Поскольку, как было отмечено, *производительным трудом является только труд, создающий общественное богатство, представляющее собой прибавочный продукт*, то и производительность труда следует определять исходя из этого условия. Поэтому *производительность труда должна оцениваться, в том числе, как отношение прибавочного продукта к затратам на его производство, т.е. как превышение издержек производства и создание прибавочного продукта.*

Однако, в материальной форме (другими словами, в единицах продукта) непосредственно определить прибавочный продукт проблематично. Поэтому пока не остаётся ничего иного, как производить расчёты, принимая за основание *стоимостную* форму, которая предстаёт в форме цены и выражена в деньгах. Т.о. производительность труда определяется как отношение прибыли к издержкам производства.

Но это есть не что иное, как норма прибыли, которая внешне не имеет никакого отношения к натуральной форме продукта труда. В качестве паллиативного решения может быть принят вариант, при котором весь продукт в натуральной форме делится на части, пропорциональные прибыли и издержкам производства и на этом основании рассчитывается производительность труда.

При этом следует учитывать, что в реальности всегда существуют обстоятельства, отмеченные выше при определении сущности прибавочного продукта – а именно, несовпадение прибавочного продукта и прибавочной стоимости (т.е. прибыли), что будет иметь следствием искажённое представление о фактической производительности труда. Здесь есть место для дополнительного анализа. Тем не менее, *расчёт производительности труда по величине прибавочного продукта* (представляющего собой приращение общественного богатства) по отношению к издержкам производства *полностью соответствует сущности понятия производительности труда*. Никакие паллиативные решения в этом отношении не дадут истинного представления о производительности труда.

В экономической литературе распространено понимание производительности труда, при котором производительность труда измеряется количеством продукции, произведённой работником в сфере материального производства в единицу рабочего времени (час, смену, месяц, год), или

количеством времени, которое затрачено на производство единицы продукции. При этом в расчёт берётся вся продукция, без выделения той части, которая и является собственно *приращением* продукции (*прибавочным* продуктом), т.е. вновь созданным общественным богатством и величина которой и определяется производительным трудом.

Однако такая методика даст одинаковые показатели производительности труда для разных производств при равных объёмах производства – и для тех, которые производят прибавочный продукт, и для тех, которые только возмещают издержки производства, т.е. с точки зрения общества неэффективны.

Другими словами – если само производство не является производительным в смысле производства *прибавочного* продукта, то труд, применяемый в таком производстве, должен считаться условно-производительным, поскольку он воспроизводит только условия *простого* воспроизводства и не обеспечивает возможности *расширенного* воспроизводства. Это, образно говоря, механизм, работающий на холостом ходу, он не производит полезной работы, не создаёт общественного богатства. Тем не менее, следует отметить, что даже такой труд можно оценить количественно по его результатам в целом, т.е. определить его производительную силу.

Теперь можно подвести итог – сущность производительности труда имеет двойственный характер. Это: 1. сторона труда, производительность которой определяется по отношению к затратной части, воспроизводит её (можно сказать, что это базисная производительность), и 2. сторона труда, производительность которой создаёт общественное богатство и которая определяется посредством соотношения *прибавочного* продукта и издержек производства (условно можно назвать её креативной (от лат. creare – создавать) производительностью).

Эта двойственность есть следствие диалектической двойственности самого труда как одновременного соединения в одном производственном процессе и *расходования* факторов производства (материальные затраты на производство), и *создания* нового продукта труда (производство прибавочного продукта).

***

Для удобства понимания сказанное можно проиллюстрировать небольшим примером.

Допустим, что имеются два производства, идентичные по всем параметрам за исключением издержек производства. Примем дневной выпуск равным 10 единицам продукции и количество рабочих равным 100 человекам.

Допустим, что первое производство не создаёт прибавочного продукта, следовательно, прибавочной стоимости, следовательно, прибыли. Т.е. оно работает в режиме простого воспроизводства и вся продукция обеспечивает только возмещение издержек.

Допустим, что второе производство при тех же условиях создаёт прибавочный продукт в размере 2 единицы в день: итого 8 ед. необходимый продукт и 2 ед. прибавочный продукт.

При этих условиях производительность труда (Пт) на обоих предприятиях будет формально одинаковой и равна:

Пт = 10ед. : (100раб. х 1 день) = 0,1 ед./раб. х в день

Но ведь совершенно ясно, что, производительность труда, рассчитанная без учёта прибавочного продукта, не даёт реального представления о действительном соотношении производительности труда на этих предприятиях.

Очевидно, следует привести условия производства к одному основанию. Таким основанием могут быть издержки производства, ибо только после их возмещения начинается выпуск прибавочного продукта.

Следовательно, если второе производство будет продолжать работу до величины издержек, как и у первого производства, т.е. до 10 ед., то его общий выпуск будет равен 12,5 ед.: 10 ед. необходимый продукт и (2 ед.+0,5 ед.) прибавочный продукт. (Здесь величина 0,5 ед. есть приращение продукции за счёт дополнительного времени работы (2х2/8), ведь оно также используется).

Т.о. общий выпуск составит 12,5 ед., а производительность труда будет:

Пт = 12,5 / 100 = 0,125 ед./раб. х в день, т.е. на 25% выше.

Можно учесть производительность труда по отношению к прибавочному продукту и иным способом, как отношение прибавочного продукта к издержкам производства.

В первом случае:

Ппр = 0/10 = 0 ед./раб. х в день (Ппр – производительность труда по прибавочному продукту).

Во втором случае:

Ппр = 2/8 = 0,25 ед./раб. х в день.

Результат тот же, что и при расчёте при приведении к одному основанию.

Как видим, даже очень простой пример подтверждает, что сущность производительности труда имеет двойственный характер. Т.о. определение производительности труда без учёта креативной составляющей, представляющей производство *прибавочного* продукта, не даёт истинного представления о производительности труда в целом.

Возможно, в экономической теории и производственной практике такой подход не будет восприниматься, но от ответа на поднятый вопрос, относящийся к *сущностным* основам производственных отношений, отмахнуться невозможно. Если экономика как наука игнорирует вопросы, ставящиеся политэкономией, то такая наука рано или поздно потерпит фиаско, но это полбеды, гораздо хуже, что она даёт неверные ориентиры реальному производству, практике.

***

В завершение темы производительности труда рассмотрим труд, даже шире – производственную деятельность как таковую – с точки зрения внутренней диалектичности.

Труд (понимаемый и как труд человека, и как деятельность машин), рассматриваемый со стороны производства, т.е. получения прибавочного

продукта, расширяющего возможности общества – необходим, это *положительная* сторона труда. Отсюда тенденция к росту производительности труда.

Тот же труд, рассматриваемый со стороны издержек производства – излишен. Отсюда *отрицание* труда – тенденция к постоянному снижению издержек производства.

Т.о. труд внутренне двойствен, диалектически противоречив – труд и необходим, и излишен одновременно внутри одного и того же общественного отношения (производства).

Вторая сторона противоречия (отрицающая) – есть его активная сторона, детерминирующая движение противоречия в сторону разрешения. Противоречие разрешается снятием в новом качестве – элиминируется сторона производства, являющаяся ограничителем роста его производительности, это человек, и всемерно развивается сторона, интенционально способная к экспоненциальному росту производительности – орудия труда, создаваемые на базе научных достижений.

Человек как фактор, ограничивающий производство, как его *объект*, являющийся частью машины и её слабым звеном, полностью вытесняется из производства.

Орудия труда развиваются в форме полной автоматизации производства, в котором человек является уже творческим фактором, *субъектом* производства. На этом основании становится возможным за счёт научных достижений обеспечить *опережающий* рост производительности труда над издержками производства.

20.12. Рента с точки зрения принципа субстанционального монизма

Логика исследования стоимости, с чего мы начали практическую часть книги, естественным образом привела к анализу прибавочной стоимости, прибавочного продукта и связанным с ними категориям. Но тем самым мы несколько отдалились от весьма важной и интересной темы, а именно, формы стоимости – ренты. Восполним эту лакуну.

Вопрос о сущности ренты есть принципиальный вопрос и субстанциональный подход позволяет по-иному трактовать сущность ренты по сравнению с определением её в классической политэкономии, в т.ч. Марксом. Начнём с общего определения ренты, данного Марксом.[1]

«В определённые сроки… капиталист-фермер уплачивает землевладельцу, собственнику эксплуатируемой им земли, установленную договором сумму денег (совершенно так же, как заёмщик денежного капитала – определённый процент) за разрешение применить свой капитал в этой особой области производства. Эта денежная сумма называется земельной рентой… Она уплачивается за все время, на которое земельный собственник по договору ссудил, сдал землю арендатору. Следовательно, земель-

[1] Мы говорим только о Марксе, поскольку в его работах критически рассмотрены и т.о. представлены все ранее выдвинутые теории ренты.

ная рента здесь есть та форма, в которой земельная собственность экономически реализуется, приносит доход…».[1]

Земельная рента в самом общем виде здесь определяется как доход, получаемый собственником земли за использование её другим лицом. Но эта форма получения дохода ничем не отличается от сдачи в аренду любой иной собственности, не земельной. Тем не менее, Маркс и другие исследователи отдельно выделяют ренту в особый вид дохода и привязывают этот доход ко времени аренды, оставляя, до поры, в стороне экономические и производственные факторы, которые одни только и способны влиять на сам доход. Однако, время аренды как таковое не может служить основанием для количественного определения суммы арендной платы, оно может быть не более, чем неким коэффициентом, влияющим на величину этой платы. *Источник же ренты следует искать в собственно производительном, материальном процессе.* Впрочем, мы к этому ещё вернёмся, пока же рассмотрим утверждение, что земля не имеет стоимости.

«В другом месте я назвал капитал, вложенный таким образом в землю, la terre-capital (земля-капитал). Он относится к категории основного капитала».[2]

«…Земля не есть продукт труда, следовательно, не имеет стоимости».[3]

Маркс относит землю к категории капитала на том основании, что капитал вкладывается в землю как в средство производства, и в качестве средства производства земля является основным капиталом. Но, с одной стороны, признавая землю средством производства и основным капиталом, Маркс, с другой стороны, отказывает ей в праве на обладание стоимостью на том основании, что она не является продуктом труда. В рамках трудовой теории стоимости эту антиномию не разрешить.

Поскольку земля относится к основному капиталу не только формально, а по самой своей сущности, как средство производства, то, как вполне вещественный (материальный) фактор, участвующий в капиталистическом производстве, она имеет стоимость, но понять сущность её стоимости можно только с точки зрения субстанционального подхода.

Любому материальному объекту соответствует его идеальное как представление, снятие процесса его возникновения и изменения. Не составляет исключения и земля. Её экономическим качеством, вовлекающим землю в процесс производства и, тем самым, в общественные отношения, является способность либо *непосредственно* производить потребительные стоимости, что используется в сельскохозяйственном производстве, либо предоставлять *условия* для производства потребительных стоимостей, что используется в промышленности, строительстве и т.д.

Эта способность земли, всецело определяемая её природными свойствами, появилась в результате геологических и биологических процессов, которые в её наличном состоянии представлены в снятом виде, идеально. Именно эта сторона, представляющая *производительную силу зем-*

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 25. Ч. 2. С. 167.
[2] Там же. С. 168.
[3] Там же. С. 172.

ли, и рассматривается как стоимость в капиталистических отношениях. И это вполне реальный экономический факт. Да, земля не есть продукт труда, деятельности человека, *особенного*, но она есть продукт деятельности природы, и *всеобщая* деятельность природы, создавая материальное, тем самым создаёт и соответствующее материальному идеальное как снятие этого процесса. Применительно к земле её идеальное в общественных капиталистических отношениях предстаёт в *особенной* форме – как стоимость.

Идеальное земли, представляющее[1] её производительную силу, в экономических капиталистических отношениях предстаёт именно как стоимость, т.е. как капитал, способный производить новую стоимость или создавать условия её производства. Этот капитал может действовать в двух формах, о которых говорилось ранее – как активный капитал, создающий новую стоимость (сельскохозяйственное производство), и как пассивный капитал, только предоставляющий условия создания новой стоимости, (промышленность, строительство и т.п.). Но поскольку стоимость земли не создаётся деятельностью человека, то она и не имеет собственной цены как отражения издержек производства и её цена определяется всецело только характером производительной силы земли, т.е. способностью создавать (или способствовать созданию) новую стоимость.

То, что человек в своей практической деятельности, даже совершенно не сознавая этого, активно использует идеальное, им не понимаемое, косвенно свидетельствует о внутренней диалектичности мышления, что, в свою очередь, есть необходимое следствие внутренней диалектичности всей природы.

Сказанное о земле верно в отношении *всех* природных объектов, вовлечённых в человеческую деятельность.

Теперь мы можем сказать, что земельная рента – это плата за способность земли как основного капитала создавать стоимость в форме сельскохозяйственного продукта (активный капитал), или за предоставление условий для создания стоимости (пассивный капитал). Источником ренты, т.о., является доход, образующийся за счёт использования производительной силы земли. Т.е. *сущностно рента ничем не отличается от любого иного дохода, образующегося в производительной сфере*.

Однако, обосновывая своеобразие земельной ренты как дохода, определяемого временем аренды, Маркс расширяет понимание этого своеобразия вплоть до *внеэкономических* (sic!) отношений.

«…Своеобразие земельной ренты заключается не в том, что земледельческие продукты развиваются в стоимости и как стоимости, то есть не в том, что они как товары противостоят другим товарам и неземледельческие продукты противостоят им как товары, или что они развиваются как особые выражения общественного труда. Своеобразие заключается в том, что вместе с условиями, при которых земледельческие про-

[1] Напомним суть термина «представлять» – это означает демонстрировать, показывать, опосредствовать нечто, но не являться непосредственно самим этим нечто.

дукты развиваются в стоимости (товары) и вместе с условиями реализации их стоимостей развивается и *сила земельной собственности присваивать себе* (выделено нами. – А.П.) все растущую долю этих создаваемых без её содействия стоимостей, все растущая доля прибавочной стоимости превращается в земельную ренту».[1]

Т.е. главным условием извлечения земельной ренты является некая «сила», которой обладает собственник земли и не обладают лица, владеющие иной собственностью, отличной от земельной. Другими словами, земельная собственность есть собственность, чем-то отличная от других форм собственности и вследствие этого отличия по какой-то непонятной причине обладающая особой «силой», позволяющей ей увеличивать долю присваиваемой стоимости по мере развития стоимостных, т.е. капиталистических, отношений. Поскольку источник этой силы не объясняется, то не остаётся ничего иного как сделать тавтологичное предположение, что имеется в виду, что источник «силы» земельной собственности заключается в самой собственности как таковой. Вряд ли фетишизация некой «силы» способна прояснить что-то в понимании сущности земельной ренты, более того, здесь можно усмотреть даже некое сомнение в материалистической идее.

Со всех точек зрения отношения собственности есть общественные отношения, дающие обладателю собственности, т.е. некоего материального блага, право получать продукт (или долю продукта) труда, произведённого с помощью этой собственности, даже если продукт произведён другими лицами, только использующими собственность. Фактически существующее отношение может быть узаконено юридически, но это сущности отношений собственности не меняет. При этом материальная форма собственности не влияет на *характер* присвоения, которое по форме является *отчуждением* продукта, капиталистическая форма которого представляет собой часть прибыли лица, использующего собственность в целях капиталистического производства.

Т.о. собственник на основании права собственности присваивает часть продукта, произведённого с помощью собственности как материального объекта другим лицом. Конкретная величина присваиваемого продукта определяется сложившимися рыночными отношениями, на которые влияют количество и качество произведённого, и рыночной конъюнктурой, но отнюдь не материальной *формой* собственности (в нашем случае землёй). И потому «вместе с условиями реализации стоимостей развивается» «сила» *любой* собственности, а не только земельной, «присваивать себе все растущую долю этих создаваемых без её содействия стоимостей», т.е. способность присваивать определённую долю продукта (прибыли) в зависимости от условий, указанных выше.

Далее, земельная собственность как таковая, будучи вовлечённой в капиталистические отношения, *экономически* ничем не отличается от любой другой собственности и с этой точки зрения обладает одинаковой с ними «силой» присваивать часть продукта. В этом отношении земельный соб-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 25. Ч. 2. С. 189.

ственник ничем не отличается от собственника, например, мельницы, судна, транспортного средства, предприятия и т.д., сдаваемого в аренду, поэтому доля его участия в получении части прибыли такая же, как и любого иного собственника, участвующего в капиталистическом распределении – доля, пропорциональная величине капитала, в его случае цене земли.

И хотя, по сути, эта доля земельного собственника есть не что иное, как процент на капитал, тем не менее, Маркс разделяет эти категории, процент и ренту, как несовместимые, поскольку они имеют разные источники. Рента образуется как плата за использование земли, процент как доход от вложенного в землю капитала.

В качестве примера им рассматривается земля, сдаваемая в аренду для строительства домов. Т.о. земля приносит доход её собственнику как арендная плата и арендатору как процент на вложенный в строительство капитал.

«Этот пример собственности на строения важен, 1) потому что он ясно показывает различие между собственно земельной рентой и процентом на вложенный в землю основной капитал, – процентом, который может составлять придаток к земельной ренте. Пока продолжается срок арендного договора, процент на строение, как и на капитал, вкладываемый при обработке земли арендатором в землю, достаётся промышленному капиталисту – строительному спекулянту или фермеру – и сам по себе не имеет ничего общего с земельной рентой, которая должна уплачиваться ежегодно, в определённые сроки, за пользование землёй; 2) потому что он показывает, как вместе с землёй, в конце концов, достаётся земельному собственнику и вложенный в неё чужой капитал, и вследствие этого его рента возрастает на величину процента.

…Авторы нового времени, совершенно оставляя в стороне тот факт, что земельная рента может существовать и существует в чистом виде, без всякой примеси процента на вложенный в землю капитал, забывают, что земельный собственник получает таким образом не только процент на чужой капитал, который ему ничего не стоил, но сверх того получает ещё даром и чужой капитал в придачу».[1]

Но в рассмотренных случаях нет никакой разницы между *сущностью* ренты и процента на капитал. Ссылка Маркса на то, что процент на вложенный капитал достаётся промышленнику, а рента собственнику земли, есть всего лишь указание на *внешние* обстоятельства *формы отчуждения* ренты и процента, не имеющие никакого отношения к собственно их *возникновению.*

И в том, и в другом случае величина дохода зависит от величины соответствующего капитала. В случае собственника земли это капитал, определяемый производительной силой земли и соответствующий её цене. Во втором случае это капитал, вкладываемый капиталистом в производство. Эти две составляющие совокупного капитала и определяют стоимость и прибавочную стоимость производимого продукта. А уж разделить приба-

[1] Там же. С. 171.

вочную стоимость на части, пропорциональные указанным капиталам, не составляет труда.

Различие между земельной рентой и процентом с капитала только в *формах отчуждения* дохода, а не в источниках и формах его *возникновения*, а также в том, что арендная плата может выплачиваться априори, до получения прибыли, а процент на вложенный капитал как часть прибыли возникает апостериори, после получения прибыли. Но обе формы дохода зависят от величины капитала и полученного на него дохода, т.е. сущностно одинаковы.

Форма получения ренты – за *время* пользования землёй, отличается от формы процента – пропорционально *величине* капитала, но и источник ренты, и источник процента один – прибавочная стоимость, зависящая от величины совокупного капитала (в случае ренты – цены земли-капитала и капитала, вкладываемого в землю капиталистом и т.о. присоединяющегося к земле-капиталу). Косвенно это подтверждается тем, что капитал, вложенный в землю и увеличивший её производительную силу, по окончании срока аренды присоединяется к стоимости земли и новая аренда рассчитывается исходя из увеличенной стоимости земли.[1]

Причины того, почему рента отчуждается в форме платы за время пользования землёй, а не зависит непосредственно от прибыльности земли как основного капитала, хотя, тем не менее, высчитывается исходя из стоимости земли, представлением которой выступает цена земли, определяются следующими обстоятельствами.

Во-первых, исторически сложилось, что рента уплачивалась за время пользования землёй, а, как известно, что написано пером (в данном случае пером истории), не вырубить топором. Другими словами то, что вошло в обычай (в данном случае земельные арендные отношения), обладает большой прочностью и изменение устоявшихся отношений требует значительных усилий, но, в первую очередь, новых общественных условий, которые должны ещё сложиться. Во-вторых, собственник земли не желает нести ответственность за успешность или неуспешность деятельности капиталиста, арендующего землю. Сельскохозяйственное производство зависит от климатических и погодных условий и потому подвержено значительным колебаниям. По этой причине выгоднее получать гарантированный доход, не зависящий от случайных причин. В отношении других земель, где доход более стабилен, к указанным причинам присоединяется также нежелание капиталиста-производственника делиться с собственником земли дополнительной прибылью в случае её возникнове-

[1] «…Произведённые в земле улучшения достаются собственнику земли в качестве его собственности, как акциденции, неотделимые от субстанции, от земли» (Там же. Т. 25, Ч. 2. С. 169).

«Земельная рента может быть смешана с процентом еще в одной форме, и в силу этого её специфический характер может остаться непонятым. Земельная рента находит выражение в определённой сумме денег, которую земельный собственник ежегодно извлекает из сдачи в аренду известного участка земли» (Там же. С. 171).

ния.

Мы рассмотрели общие положения относительно ренты, источников её получения и соотношения ренты и процента на капитал. Обратимся к формам ренты. Классическая политэкономия традиционно разделяет ренту на две формы – дифференциальную и абсолютную.

Дифференциальная рента образуется за счёт «добавочной прибыли, которая сводится… к превышению индивидуальной прибыли над средней прибылью».[1]

«Если обычный спрос удовлетворяется предложением товаров по средней стоимости, т. е. по средней стоимости той массы, которая лежит между обеими крайностями, то товары, индивидуальная стоимость которых ниже рыночной, реализуют добавочную прибавочную стоимость, или добавочную прибыль, тогда как товары, индивидуальная стоимость которых выше рыночной, не могут реализовать части заключающейся в них прибавочной стоимости».[2]

Ещё раз подчеркнём, что, как следует из приведённой цитаты, рента есть часть прибыли, т.е. пропорциональна вложенному капиталу, и в этой форме она не может быть ничем иным, как процентом на капитал.

Попутно отметим ещё один момент: «…эта рента всегда является дифференциальной рентой, потому что она не принимает участия в образовании общей цены производства товара, но предполагает её. Она всегда возникает из разности между индивидуальной ценой производства, получающейся для отдельного капитала, который располагает монополизированной естественной силой, и общей ценой производства для капитала, вообще вложенного в соответственную сферу производства».[3]

На это следует заметить, что общая цена производства формируется *всеми* товарами, представленными на рынке, т.е. *всеми* производствами. И в этой общей цене посредством механизма конкуренции учтены индивидуальные особенности производств и, соответственно, индивидуальные цены производств. Существующая же разница между общей ценой производства и индивидуальными ценами производств позволяет извлекать дополнительную к средней прибыль, либо наоборот, терять часть прибавочной стоимости и, как следствие, прибыли. Рынок сельскохозяйственных продуктов исключения не составляет, поскольку полностью включён в капиталистические отношения. Поэтому и дифференциальная рента «возникает из разности между индивидуальной ценой и общей ценой производства» точно так же, как и дополнительная прибыль в промышленности.

В сельскохозяйственном производстве индивидуальный капитал пользуется своим особым положением, заключающимся в меньшей цене собственного продукта, для изъятия части общей прибыли в качестве своей доли, которая предстаёт в форме дифференциальной ренты. Но то же самое наблюдается и в промышленности.

---

[1] Там же. С. 194.
[2] Там же. Т. 25. Ч. 1. С. 195.
[3] Там же. Т. 25. Ч. 2. С. 196.

Меньшая же цена собственного продукта некоего индивидуального капитала по сравнению с общей ценой производства есть следствие меньших издержек производства индивидуального капитала. Но почему такое возможно? Главная причина здесь – бóльшая производительность индивидуального капитала по сравнению с другими капиталами той же сферы.

«Повышенная производительная сила применяемого им труда вытекает не из самого капитала и труда… Она возникает из большей естественной производительной силы труда в связи с использованием естественной силы, …такой естественной силы, которую можно монополизировать».[1]

«Не от капитала зависит вызвать к жизни это естественное условие повышенной производительной силы труда, подобно тому как каждый капитал может воду превратить в пар. Это естественное условие встречается в природе лишь местами, и там, где его нет, его невозможно создать при помощи определённой затраты капитала. Оно связано не с продуктами, создаваемыми трудом, как машины, уголь и т. д., а с определёнными природными условиями определённой части земли… Владение этой естественной силой составляет монополию в руках её владельца, то есть такое условие высокой производительной силы вложенного капитала, которое не может быть создано производственным процессом самого капитала; эта естественная сила, которая может быть таким образом монополизирована, всегда связана с землёй. Такая естественная сила не относится ни к числу общих условий соответственной сферы производства, ни к числу таких её условий, которые могут быть созданы как общие условия…

При таких обстоятельствах добавочная прибыль превращается в земельную ренту, то есть она достаётся собственнику…

…И именно потому, что этот избыток происходит не от его капитала как такового, а от пользования естественной силой, отделимой от его капитала, могущей быть монополизированной, ограниченной в своих размерах, именно потому этот избыток превращается в земельную ренту».[2]

Другими словами, Маркс говорит: условием повышенной производительности капитала является фактическое использование им производительной силы земли и владение этой силой составляет монополию капитала.

Но с точки зрения отношений собственности владение этой силой как таковое ничем не отличается от владения рукотворной силой, орудиями труда. Отличие только в том, что природная сила – даровая, но в капиталистических экономических отношениях она также оплачивается. *Эта плата и есть рента*. И никакой особой «силы» от монопольного владения не появляется – есть только присвоение результатов работы природы. И возможно такое присвоение только при наличии отношений собственности. По этой причине, как следствие таких отношений, а не от наличия некой мифической «силы» земельной собственности, и появляется рента как форма добавочной прибыли.

[1] Там же. С. 195.
[2] Там же. С. 196.

Т.о. налицо включение в экономические отношения кроме производительных сил человека также и *производительных сил природы*, причём в явном виде. Идеальное природы как снятие процесса возникновения и развития некоего конкретного материального объекта (в данном случае земли), отражающее его способность быть производительной силой, и выступает в капиталистических отношениях как стоимость, т.е. как отражение реального производительного процесса. В данном случае этот процесс есть деятельность природы по созданию земли, пригодной для использования человеком.

В своих общественных отношениях человек, даже не осознавая сущности идеального, тем не менее активно использует это идеальное в своей практической деятельности. Именно эту сторону реальных экономических отношений описал Маркс в приведённых цитатах.

Но в итоге он делает заявление, полностью перечёркивающее предыдущие выводы: «…сила природы – не источник добавочной прибыли, а лишь её естественный базис, которым она служит будучи естественным базисом исключительно высокой производительной силы труда».[1]

В этой фразе заключено несколько противоречивых утверждений. Так, Маркс говорит об «исключительно высокой» производительности труда на естественном, т.е. природном, базисе. Напомним, что здесь говорится о базисе как земле для сельскохозяйственного производства. Но в целом ряде других мест Маркс совершенно справедливо указывает на гораздо более низкую, по сравнению с промышленным производством, производительность труда в сельскохозяйственной сфере. Если же речь идёт о сравнении только земельных производителей, то уместнее говорить не об «исключительно высокой», а об *относительно* высокой производительности труда – ведь именно относительная производительность лежит в основании дифференциальной ренты.

Но главное противоречие в другом. По Марксу базис, в данном случае производительная сила природы, оказывает какое-то волшебной действие на рабочую силу, отчего её производительность вдруг резко возрастает, но никаких оснований этому не приводится и анализ этого, явно неординарного (более того, уникального), явления отсутствует. Назвать производительную силу природы базисом чрезвычайно мало для объяснения сущности отмеченного явления. Остановиться на фиксации некоего феномена и назвать его по-иному, считая это объяснением, есть странное для материалиста, тем более диалектика, утверждение.

Рассмотрим другую форму ренты – абсолютную ренту.

При анализе сущности абсолютной ренты Маркс выдвигает много предположений и допущений.

Предполагается, что существует превышение рыночной цены над ценой производства на худших землях, определяющих пресловутую цену производства. Тем самым превышение составляет ренту.

Это предположение объясняется уже другим предположением, тем, что «как только возникнет дополнительное предложение, то изменится

[1] Там же.

явно и соотношение спроса и предложения. Прежде предложение было недостаточно, теперь оно достаточно. Следовательно, цена должна понизиться. Но чтобы она могла понизиться, для этого требуется, чтобы она раньше стояла на более высоком уровне, чем цена производства на земле *A*».[1] Это предположение влечёт следующее – «Но более низкое плодородие вновь обрабатываемой земли *A* приводит к тому, что цена не упадёт снова до такого низкого уровня, как в то время, когда рынок регулировала цена производства продукта земли категории *B*. …Напротив, если вновь возделываемая земля плодороднее, чем земля *A*, которая была до того времени регулирующей, и, однако, её достаточно лишь для покрытия дополнительного спроса, то рыночная цена остаётся без изменений».[2]

Если выделить то общее, что объединяет все приведённые предположения в логическую цепочку, то на первый план выйдет конкретное условие возникновения ренты на худших землях, а именно, повышенная цена вследствие повышенного спроса, и, т.о., возникает необходимость выявления причин высокого спроса, т.е. соотношения общественных потребностей и возможностей. Но вместо того, чтобы исследовать эти причины, Маркс делает ещё одно предположение.

Для того чтобы возникла рента как избыток над ценой производства «возможны только два случая. Или рыночная цена должна стоять на таком уровне, чтобы даже последние дополнительные затраты капитала на старых арендах приносили добавочную прибыль, все равно будет ли последняя присвоена арендатором или земельным собственником. Это повышение цены и эта добавочная прибыль от последней дополнительной затраты капитала были бы следствием того, что земля *A* не может быть возделана, если она не даст ренты. …Или же последние затраты капитала на старых арендах не приносят ренты, но тем не менее рыночная цена поднялась достаточно высоко для того, чтобы земля *A* начала возделываться и приносить ренту. В этом случае дополнительная затрата капитала, не приносящая ренты, возможна лишь потому, что земля *A* не может возделываться, пока рыночная цена не позволит ей приносить ренту».[3]

Другими словами, после повышения цены на продукт земли:

- или дополнительные затраты капитала на старых землях станут давать ренту и, т.о., новые земля не будут обрабатываться, если они не дадут ренты;

- или дополнительные затраты на старых землях не дают ренты, и тогда новые земли начнут возделываться в случае, если они станут приносить ренту.

Но эти случаи не принципиальны – для возникновения ренты как таковой совершенно неважно, на каких землях она станет возможна, на старых, в случае вложения нового капитала, или на новых землях, если капитал вкладывать в них, а не в старые земли, это обстоятельство внешнего, по отношению к сущности ренты, характера. Принципиальным же в во-

[1] Там же. С. 308.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 313.

просе о ренте является то повышение цены, которое даёт возможность получения ренты, а такое повышение будет следствием повышения спроса, т.е. следствием изменения соотношения общественных потребностей и возможностей.

Однако, Маркс делает довольно неожиданный вывод: «В обоих случаях рента с земли *A* была бы не простым следствием повышения цены хлеба, а наоборот: то обстоятельство, что наихудшая земля *должна* (выделено нами. – А.П.) приносить ренту для того, чтобы её вообще возделывали, было бы причиной повышения цены хлеба…».[1]

Утверждение, что потребность собственника земли в ренте ведёт к повышению цены хлеба, а не наоборот, повышение цены хлеба даёт возможность (которой до сих пор не было) получения ренты, представляет собой довольно странный вывод. Из него следует, что реальность, внутри которой объективно происходит формирование цены производства (т.е. отношения рынка) и образование дополнительной прибыли как разницы между ценой производства и индивидуальной ценой и, тем самым, ренты как части дополнительной прибыли, подчиняется не законам рынка, не законам функционирования капитала, а тому совершенно постороннему для рынка субъективному обстоятельству, что земельный собственник желает получать ренту («земля *должна* приносить ренту»). Получается, что первичны и главенствуют не *объективные* условия функционирования капитала, а *субъективные* желания собственника земли, который, к тому же, не является участником отношений производства и обмена, и уже поэтому никак не может повлиять на них непосредственно. Если же он попытается воздействовать на них косвенно тем, что увеличит арендную плату (или введёт таковую для участков, с которых она прежде не уплачивалась), то тем самым поставит на грань разорения капиталиста, арендующего землю, но никак не повлияет на изменение рыночных цен.

Не субъективное желание собственника земли, что «наихудшая земля должна приносить ренту», является причиной повышения цены продукта земледелия, а наоборот, повышение рыночной цены по отношению к цене производства, как следствие вполне объективных рыночных отношений, является причиной возникновения дополнительной прибыли и, следовательно, ренты.

Маркс объясняет своё утверждение следующими соображениями.

«Дифференциальная рента имеет ту особенность, что земельная собственность здесь лишь просто улавливает ту добавочную прибыль, которую иначе захватил бы и, при известных обстоятельствах, пока не истечёт срок его арендного договора, действительно захватывает арендатор. Земельная собственность является здесь лишь причиной перенесения возникшей без содействия этой собственности (а скорее вследствие того, что цена производства, регулирующая рыночную цену, определяется конкуренцией) известной части цены товара, которая сводится к добавочной прибыли, – причиной перенесения этой части цены от одною лица к другому, от капиталиста к земельному собственнику. Но земельная собствен-

[1] Там же. С. 314.

ность здесь не причина, которой *создаётся* эта составная часть цены…».[1]

Здесь Маркс описывает *реальный* процесс возникновения добавочной прибыли, превращающейся в ренту. Действительно, причина, находящаяся в основе возникновения земельной ренты, отнюдь не собственность на землю как таковая. Но затем он тут же делает противоположный вывод: «…если наихудшая земля категории *A* не может возделываться, – хотя возделывание её принесло бы цену производства, – пока она не приносит известного избытка над этой ценой производства, известной ренты, то земельная собственность является причиной, создающей *это* повышение цены. *Собственность на землю сама создала ренту*».[2]

Здесь, очевидно, имеет место попытка перехода от дифференциальной ренты к той форме ренты, которая будет позже названа абсолютной рентой, т.е. рентой, получаемой собственником даже на худших землях безотносительно к другим землям.

Противоречивость этого утверждения не только и не столько формальная, – в первом случае «земельная собственность… не причина, которой создаётся» рента, а во втором «собственность на землю сама создала ренту», – а глубоко сущностная.

В свете принципа субстанционального монизма рента, рассматриваемая со стороны стоимости, есть часть прибавочной стоимости, т.е. идеального. Но стоимость как идеальное есть представление некоего материального процесса, снятие процесса изменения материального объекта, в данном случае производства сельскохозяйственного продукта, и потому отношения собственности к конкретному производительному материальному процессу никакого отношения не имеют (прошу извинить за тавтологию). Идеальное как форма общественного отношения не может создать другое идеальное, это возможно исключительно в мышлении, свободно обращающемся со своими идеальными предметами. В сфере материального (здесь мы рассматриваем материальное производство) идеальное есть представление результата некоего материального процесса. А потому рента как часть прибавочной стоимости есть результат действий арендатора земли, производительного капиталиста, а не собственника земли, никакого отношения к производительному процессу не имеющего. Отношения собственности создают не самое ренту, а только *условия* её присвоения, а это совершенно иной вывод.

Впрочем, Маркс прекрасно видел противоречивость своего утверждения, иначе он не сказал бы далее, что «одна лишь юридическая собственность на землю не создаёт земельной ренты для собственника. Но зато она наделяет его властью воздерживаться от эксплуатации своей земли до тех пор, пока экономические отношения не сделают возможным такое использование её, которое принесёт ему известный избыток».[3] Эти выводы полностью совпадают с нашими: собственность на землю не создаёт ренты; собственность на землю создаёт только условия получения ренты

[1] Там же. С. 314.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 316.

(«она наделяет властью воздерживаться от эксплуатации своей земли»); рента есть результат исключительно экономических отношений в производительной сфере («экономические отношения» дают возможность получить «известный избыток»). Другими словами, пока не возникнет возможность получения дополнительной прибыли как результата вполне рыночных, чисто экономических отношений, собственность на землю как таковая ренты не принесёт. Но если обработка земли, находящейся в собственности, позволит получать дополнительную прибыль, то собственник земли волен сдавать её в аренду и получать арендную плату, ренту.

В целях выяснения, что же является основанием абсолютной земельной ренты и какие причины приводят к её появлению, Маркс ведёт дальнейший анализ к тому выводу, что абсолютная рента есть дополнительная прибыль, которая происходит из превышения стоимости над ценой производства и что это превышение возможно потому, что земельные собственники препятствуют участию стоимости, создаваемой в сфере применения их собственности, и которая выше средней стоимости, в выравнивании и перераспределении стоимости между сферами экономической деятельности. Тем самым это превышение стоимости составляет абсолютную земельную ренту. На этом пути Маркс делает ряд спорных, мягко говоря, предположений и утверждений. Рассмотрим некоторые из них.

Так, он задаётся вопросом – «входит ли рента, уплачиваемая с наихудшей земли, в цену её продукта, которая, согласно предположению, регулирует общую рыночную цену – входит ли она таким же образом, как налог в цену товара, который обложен этим налогом, то есть как элемент, не зависимый от стоимости этого товара».[1]

Т.е. рента есть часть стоимости или это волюнтаристское добавление в цену по требованию собственника, а не результат производственного процесса? Вводя условие независимости ренты от стоимости товара, Маркс, по сути, дезавуирует императивное условие, введённое им в начале исследования капиталистических отношений – что товары обмениваются по стоимостям. Если появляется некий налог, не входящий в стоимость, то весь предыдущий анализ экономических отношений капитала следует осуществить заново с учётом этого нового условия, легализующего *неэквивалентный* обмен, поскольку на введённое условие его выводы распространены быть не могут. Ведь, согласно Марксу же, стоимость не может быть получена из ничего, она может быть перераспределена, но прежде должна быть произведена. Введение такого понятия как налог, получаемый не из стоимости, есть попытка из ничего получить что-то. Даже если рента в таком виде и не произведена, то в обмене она должна быть эквивалентна стоимости, произведённой в других сферах и эта стоимость должна быть изъята в форме ренты – но это равносильно уже делавшемуся Марксом предположению о завышении цены одной из сторон обмена, что будет тут же адекватно компенсировано реакцией других сторон обмена. В итоге одностороннего выигрыша не будет.

Далее следует утверждение, что «…отношение цены производства из-

[1] Так же. С. 317.

вестного товара к его стоимости определяется исключительно тем отношением, в котором переменная часть капитала, произведшего товар, находится к его постоянной части, или органическим строением капитала, которым произведён товар».[1] Здесь отношение цены производства к стоимости ставится в однозначное соответствие отношению переменного капитала к постоянному. Или в алгебраическом виде:

$$\frac{\text{Цена производства}}{\text{Стоимость}} = \frac{v}{c}$$

Но затем говорится несколько иное – «цена производства товара равняется… издержкам его производства плюс присоединённая к ним прибыль, исчисленная соответственно общей норме прибыли, другими словами: цена производства товара равна его издержкам производства плюс средняя прибыль».[2]

$$\frac{\text{Цена производства}}{\text{Стоимость}} = \frac{(c + v) + m_{ср}}{(c + v) + m}$$

Как видим, второе отношение определяется тем, насколько отличаются прибыль, исчисленная в соответствии с общей нормой прибыли, и стоимость, т.е. конкретными условиями сферы обмена и конкуренцией. Первое же отношение определяется стоимостным строением капитала, никакого отношения к сфере обмена и конкуренции не имеющим. Т.о. об однозначном соответствии речи быть не может.

Изменение органического строения, т.е. отношения v/c, одинаково изменит части (c + v) числителя и знаменателя, и по-разному среднюю прибыль и прибавочную стоимость. Если, в соответствии с трудовой теорией стоимости, прибавочная стоимость m возрастёт (или уменьшится) пропорционально увеличению (уменьшению) переменного капитала, то средняя прибыль $m_{ср,}$ определяемая конкретными условиями обмена, может вовсе не измениться. Т.е. и с этой стороны однозначного соответствия между органическим строением капитала и отношением цены производства к стоимости не наблюдается.

Утверждение, ставящее цену производства в зависимость от органического строения капитала, введено Марксом для того, чтобы сделать следующий вывод: «Если строение капитала в известной сфере производства ниже, чем строение среднего общественного капитала… то стоимость его продукта должна стоять выше его цены производства».[3] Если в отношении стоимости это утверждение справедливо, то в отношении цены производства подобный вывод совершенно неправомерен и вопрос о соотношении цены производства и стоимости должен решаться с учётом не только органического строения капитала, но и конкретных условий обмена и конкуренции, влияющих на формирование общей нормы прибыли и, как следствие, цены производства.

Поэтому вывод, что «теоретически установлено, что только при этом предположении стоимость земледельческих продуктов может быть выше

[1] Там же. С. 318.
[2] Там же. Т. 25. Ч. 1. С. 171-172.
[3] Там же. Т. 25. Ч. 2. С. 318.

их цены производства»[1], представляется, мягко говоря, недостаточно обоснованным.

Разумеется, что, *с точки зрения трудовой теории стоимости*, в сферах с низким органическим строением капитала создаётся больше прибавочной стоимости, чем в сферах с боле высоким органическим строением, но прибыль, хотя и имеет основанием прибавочную стоимость, зависит не только от органического строения капитала, но также и от иных факторов, в значительной мере определяемых отношениями обмена.

Главный вывод, который делает Маркс исходя из приведённых выше рассуждений, таков – исследуемая форма ренты возможна только потому, что «стоимость земледельческих продуктов может быть выше их цены производства». Там же, где это условие «отпадает, там отпадает и соответствующая ему форма ренты».[2]

«Однако один простой факт, что стоимость земледельческих продуктов выше их цены производства, сам по себе ни в какой мере недостаточен для того, чтобы объяснить существование земельной ренты, …такой ренты, которая и в сущности отлична от дифференциальной ренты и которую мы можем назвать поэтому *абсолютной рентой*. Целый ряд промышленных продуктов обладает тем свойством, что их стоимость выше их цены производства, и несмотря на это они не приносят такого избытка над средней прибылью или такой добавочной прибыли, которая могла бы превратиться в ренту».[3]

В этой фразе обращает на себя внимание факт обращения к промышленному производству, в котором экономические отношения, аналогичные таким же отношениям в сельскохозяйственном производстве, не приносят, тем не менее, ренты. Поэтому для объяснения феномена ренты Маркс обращается к отношениям земельной собственности, в которых он видит причину появления ренты.

К этому заключению он приходит через понятие цен производства, которые выравнивают товарные стоимости и т.о. перераспределяют прибавочные стоимости пропорционально величине капиталов.[4] «Постоянная тенденция капиталов – производить посредством конкуренции это выравнивание в распределении прибавочной стоимости, созданной всем капиталом, и преодолевать все помехи этому выравниванию…»[5] – «…это предположение основывается на постоянном изменении пропорций распределения всего общественного капитала между различными сферами производства, ...на свободе передвижения их между этими различными

[1] Там же. С. 319.

[2] Там же. С. 320.

[3] Там же.

[4] «Цены производства возникают из выравнивания товарных стоимостей, которое по возмещении соответственных капитальных стоимостей, потреблённых в различных сферах производства, распределяет всю прибавочную стоимость пропорционально не тому, сколько её произведено в отдельных сферах производства и сколько её поэтому заключается в их продуктах, а пропорционально величине авансированных капиталов» (Там же).

[5] Там же.

сферами производства… При этом предполагается, что никакие барьеры, за исключением случайных или временных, не мешают конкуренции капиталов сводить стоимость к цене производства в такой, например, сфере производства, в которой стоимость товаров выше их цены производства».[1]

Т.е. отсутствие помех («барьеров») в распределении прибавочной стоимости имеет следствием возникновение цены производства, которая, напомним, представляет собой издержки производства плюс средняя прибыль (прибыль, рассчитываемая исходя из общей нормы прибыли).

«Но если встречается обратное, если капитал наталкивается на чуждую силу, которую он может преодолеть лишь отчасти или совсем не может преодолеть и которая ограничивает его приложение в особых сферах производства, допускает его лишь на условиях, вполне или отчасти исключающих упомянутое общее выравнивание прибавочной стоимости в среднюю прибыль, то, очевидно, в таких сферах производства благодаря превышению товарной стоимостью цены производства товаров возникает добавочная прибыль, которая может превратиться в ренту и как таковая обособиться от прибыли. И вот в качестве такой чуждой силы и преграды капиталу при его приложении к земле противостоит земельная собственность или капиталисту – земельный собственник».[2]

Поэтому «вследствие границы, которая ставится земельной собственностью, рыночная цена должна повыситься до такого пункта, когда земля может приносить избыток над ценой производства, то есть ренту. Но так как, согласно предположению, стоимость товаров, производимых земледельческим капиталом, выше их цены производства, то эта рента …образует избыток стоимости над ценой производства или часть этого избытка».[3]

«Итак, существо абсолютной ренты заключается в следующем: равновеликие капиталы в различных сферах производства, при равной норме прибавочной стоимости, или одинаковой эксплуатации труда, производят, в зависимости от различий среднего строения, различные массы прибавочной стоимости. В промышленности эти различные массы прибавочной стоимости выравниваются в среднюю прибыль и равномерно распределяются между отдельными капиталами как соответственными частями общественного капитала. Земельная собственность, поскольку для производства – земледелия или добычи сырья – требуется земля, тормозит это выравнивание для капиталов, вложенных в землю, и улавливает известную часть прибавочной стоимости, которая иначе приняла бы участие в процессе выравнивания в общую норму прибыли. В таких случаях рента составляет часть стоимости, точнее, прибавочной стоимости товаров, но часть эта достаётся не классу капиталистов, который выжал её из рабочих, а земельным собственникам, которые отбирают её у капиталистов».[4]

---

[1] Там же. С. 321.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 322.
[4] Там же. С. 332.

Как видим, по Марксу рента образуется за счёт того, что земельный собственник препятствует распределению прибавочной стоимости тем, что ограничивает использование земли, если не получит части прибавочной стоимости в виде ренты. Земельная собственность т.о. «тормозит» выравнивание прибавочной стоимости в среднюю прибыль и «улавливает» часть прибавочной стоимости.

Рассмотрим более подробно факторы, способствующие возникновению ренты, указанные Марксом. Начнём с перераспределения прибавочной стоимости.

Говоря о ренте, Маркс утверждает, что «барьер», поставленный собственником земли, повышает цену продукта земли и т.о. помогает реализовать дополнительную часть прибавочной стоимости. Но в условиях рынка никакие барьеры сами по себе не в состоянии повлиять на условия конкуренции и рыночной конъюнктуры, рыночные цены всецело определяются соотношением спроса и предложения и об этом обстоятельстве сам Маркс неоднократно упоминал, в том числе и в разделе о ренте – «…хотя земельная собственность может взвинтить цену земледельческих продуктов выше их цены производства, однако не от неё, а *от общего состояния рынка* (выделено нами. – А.П.) зависит, насколько рыночная цена, поднявшись над ценой производства, приближается к стоимости и, следовательно, в какой мере прибавочная стоимость, произведённая в земледелии сверх данной средней прибыли, либо превратится в ренту, либо же примет участие в общем выравнивании прибавочной стоимости в среднюю прибыль. Во всяком случае эта абсолютная, возникающая из избытка стоимости над ценой производства рента есть просто часть земледельческой прибавочной стоимости, превращение этой прибавочной стоимости в ренту…».[1] Вот взгляд реалиста, материалиста.

Далее, по поводу выравнивания прибавочных стоимостей. В главе о выравнивании общей нормы прибыли Маркс говорит (эта цитата уже приводилась выше): «Если обычный спрос удовлетворяется предложением товаров по средней стоимости, т. е. по средней стоимости той массы, которая лежит между обеими крайностями, то товары, индивидуальная стоимость которых ниже рыночной, реализуют добавочную прибавочную стоимость, или добавочную прибыль, тогда как товары, индивидуальная стоимость которых выше рыночной, не могут реализовать части заключающейся в них прибавочной стоимости».[2]

Т.е. избыточная прибавочная стоимость (стоимость, превышающая среднюю) не может превратиться в дополнительную прибыль, в рассматриваемом случае в ренту, она пропадает втуне – при превышении стоимости над ценой производства не может возникнуть добавочная прибыль. Маркс сам себе противоречит.

Что же изменилось в экономических условиях капиталистического производства, что заставило Маркса изменить свой вывод? Только то, что возник некий барьер? Но рынок этот барьер проигнорирует, потому что,

[1] Там же. С. 324.
[2] Там же. Т. 25. Ч. 1. С. 195.

во-первых, этот барьер существует вне пространства рынка, т.е. вне капиталистических отношений производства и обмена и, во-вторых, рынок имеет дело только с реальными объектами, капиталами, товарами, а не желаниями неких собственников земли. Указанное противоречие Марксом проигнорировано и не объяснено.

С другой стороны, стоимость (и прибавочная стоимость как её часть) идеальна. Напомним, «в стоимость не входит ни одного атома вещества природы». И как идеальное стоимость не может быть распределена самостоятельно, но только вместе с материальным, которому она «принадлежит» – продуктом труда, товаром. Поэтому прежде следует рассмотреть движение товара и затем говорить о движении стоимости.

Не находя рационального объяснения феномену ренты Маркс пытается объяснить ренту наличием непреодолимой силы, которой якобы обладает земельный собственник, как препятствия для конкуренции и выравнивания прибыли. Маркс придаёт собственности на землю некое мистическое свойство, которое позволяет обладать собственнику земли некой «естественной силой», дающей ему возможность получать ренту. Но такое предположение не помогает разрешить возникшие противоречия, а напротив, усугубляет их элементами фетишизации и мистификации, что в случае дальнейшего следования такой трактовке повлечёт отход от материалистических позиций.

Утверждения Маркса о наличии неких «сил», «барьеров» и т.п. волюнтаристских препятствий находятся в резком противоречии с его же реалистическим, материалистическим выводом: «Для землевладельца *земля имеет значение только земельной ренты*, он сдаёт в аренду свои участки и получает арендную плату; это свойство земля может потерять, не потеряв ни одного из внутренне присущих ей свойств, не лишившись, например, какой-либо доли своего плодородия; *мера и даже самое существование этого свойства зависит от общественных отношений, которые создаются и уничтожаются без содействия отдельных землевладельцев* (везде выделено нами. – А.П.)».[1]

Здесь сам Маркс признаёт, что рента зависит от общественных отношений, а не от желания землевладельца «ограничить» использование земли, чтобы добиться для себя ренты, как он пишет в соответствующей главе «Капитала».

Ни в одном из разделов «Капитала» Маркс так не многословен, некорректен и противоречив, как в разделе о ренте. Ни в одном из разделов он не прибегает к помощи неких, так и оставшихся необъяснёнными, «сил», «барьеров» и т.п. для выявления сущности рассматриваемых категорий. Как ни странно, но именно недостаточное исследование категории идеального имело следствием невольное скрытое сомнение в материальности происходящих процессов. Формально-логический анализ в ущерб диалектическому рассмотрению проблемы не позволил выявить глубинной сути ренты и рентных отношений.

Совсем по-иному проблема ренты предстаёт с точки зрения принципа

[1] Там же. Т. 3. С. 218.

субстанционального монизма.

Маркс, признавая наличие «производительной силы» земли, тем не менее, отказывает ей в способности создавать стоимость, основываясь на ошибочном предположении, что последняя может быть следствием только живого труда, т.е. исключительно деятельности человека. Но принцип субстанционального монизма, обосновывая субстанциональное единство материального и идеального, следствием из этого единства имеет тот вывод, что *любой* материальный процесс своей идеальной стороной имеет идеальное представление, снятие этого процесса. Поэтому и действие производительной силы земли представлено в результате этого действия, в продукте земли, как его идеальное. Даже совершенно не осознавая сущности отмеченного феномена человек непосредственным образом использует его в своей деятельности тем, что учитывает производительную силу природы в общественных отношениях, в частности в отношениях обмена, присваивая эту силу и выдавая за свою собственную. В этих отношениях человек выступает как стихийный материалист и диалектик, скрупулёзно подсчитывающий все материальные действия природы и обращающий их в свою пользу. Но поступать так человек может только потому, что он имеет для этого материальное основание – деятельность природы, и идеальное основание – диалектическое в своей сути мышление.

В отношениях производства и обмена производительная деятельность природы, в частности производительная сила земли, предстаёт в идеальном виде как стоимость, созданная этой производительной силой. Эта стоимость и является основанием природной ренты (в земледелии – земельной ренты), получаемой собственником земли. Основание для извлечения природной (земельной) ренты наличествует во всех случаях, когда человек использует результат деятельности природы, неважно, предстаёт ли этот результат в форме природных ископаемых, в форме сельскохозяйственных продуктов, либо в иной форме природных объектов. Это и есть форма ренты, называемая абсолютной рентой.

Пресловутый монополизм земельных собственников заключается не в мифической «силе» земельной собственности как таковой, не в её способности «захватывать» ренту, а в том общем капиталистическом отношении собственности, которое позволяет частному собственнику присваивать результат общественной деятельности, а в случае земельных собственников – и деятельности природы. Та неведомая сила земельной собственности, посредством которой Маркс пытается оставить часть прибавочной стоимости в форме ренты в руках собственника земли, есть не что иное, как вполне реальная производительная сила земли, создающая упомянутую стоимость, часть которой попадает в руки собственника земли как результат отношений собственности – наличия земельной собственности.

Отличие капитала, применяемого в сфере земельной собственности, в том, что его обладатель (и, следовательно, капитал) присваивает производительную силу земли, достающуюся ему даром, и получает ренту за счёт дополнительной прибыли от этой даровой силы. Строго говоря, практически все капиталы прямо или косвенно используют производительную си-

лу природы. Но только в случае земельной собственности эта сила персонифицируется в земельном собственнике. Объясняется этот феномен тем, что производительные силы природы, используемые в промышленном производстве, применяются одинаково всеми капиталами и потому имеют общественный характер, они не привязаны к отдельному капиталу и их деятельность и результаты «растворены» в результатах общей деятельности. В случае же земельной собственности эти производительные силы принадлежат конкретному участку земли (и, тем самым, его собственнику) и проявляются в концентрированном виде как результат именно их собственного действия.

Выше мы говорили, что рента, по сути, есть тот же процент на капитал – это так и не так. С одной стороны, сущностно источником процента и ренты является стоимость, представляющая собой следствие вполне материальных производительных процессов. С другой стороны, в случае процента (т.е. промышленного капитала) эта часть стоимости происходит из *общих* всем капиталам процессов, в случае же ренты часть стоимости, являющаяся её источником, происходит из *особенностей* конкретного земельного участка. Процент и рента также формально отличаются тем, что в отношении промышленного капитала последний *определяет* процент, а в случае ренты цена земли, т.е. основной капитал, *определяется* величиной ренты. Формальное отличие также и в том, что рента исчисляется из времени пользования землёй, процент же исчисляется из величины используемого капитала. Отмеченные различия и выделяют ренту в особую категорию. У процента и ренты общее – это сущность, особенное же – форма.

21. О некоторых вопросах общественного развития

Ранее мы установили, что «сущность человека как субстанции… состоит в целостности его жизнедеятельности как постоянно возобновляющегося циклического процесса отражения, – идеализации материального и материализации идеального, – которая предстаёт как единство (тождество) взаимодействующих обоюдонаправленных процессов, – единства познания (идеализация материального) и практики (материализация идеального), – имеющих итогом приспособление внешнего мира к человеку. Результатом является создание искусственной среды обитания, искусственной природы, посредством которой человек формирует условия своего дальнейшего саморазвития.

При этом субстанциональность человека проявляется и в индивидуальной форме, и в форме сообщества (другими словами, субстанционален и отдельный человек, индивид, и его группы, и общество в целом). Однако, и индивид, и группы (сообщества) индивидов могут обрести именно человеческую субстанциональность как способность создания искусственного мира только в обществе как целом. В этой противоречивой тождественности общество – всеобщее, группы индивидов (сообщества, классы и т.п.) – особенное, индивиды – единичное. Каждое общественное

образование несёт на себе печать (родовые качества, если угодно) именно своего общества как целого, всеобщего, а индивиды также и особенного – своего социального слоя».[1]

Но из противоречия, выраженного в такой предельно абстрактной форме, как противоречие между материальным и идеальным, невозможно непосредственно вывести всё многообразие форм человеческих сообществ и их историческое движение, тем более выявить те связи, которые соединяют людей в сообщества и силы, которые изменяют сообщества. Следовательно, надо выводить из этого основного противоречия его производные, конкретизировать его формы, постоянно сверяясь с действительностью и её историческими предпосылками.

Рассмотрение человека как субстанции, как субъекта своего саморазвития, показывает, что это саморазвитие происходит посредством создания искусственной среды обитания и, тем самым, внутренним движущим противоречием субстанции «человек» является противоречие между искусственной природой (материальное) и потребностями развития человека, которые предстают в сознании (т.е. идеально) как соотнесение отражения наличного бытия и необходимости его изменения, приспособления внешних условий к возникающим потребностям.

Ранее мы уже конкретизировали движущее общественное противоречие как «противоречие между общественными возможностями, представляющими материальную сторону противоречия, и общественными потребностями, представляющими идеальную сторону противоречия».[2]

При этом взаимодействие с внешней средой, природой как таковой, становится уже внешним фактором, внешним противоречием, оказывающим то или иное деформирующее воздействие на процесс создания искусственной природы, но не определяющим его.[3]

Поскольку общественное развитие представляет собой «единый диалектический общественный процесс, предстающий и в диалектике объективного (реальности), и, соответственно, в диалектике субъективного (мышлении) с разных своих сторон – тождественности (объединения частей в целое, становления общего) и отрицательности (дифференциации, внутреннего усложнения)»,[4] то этот процесс императивно влияет на возникновение и развитие отношений между людьми в их совместной деятельности.

По этой причине в деятельности по созданию искусственной природы люди необходимо вступают в определённые отношения, которые, тем самым, предстают, с одной стороны, как фактор отделяющий людей друг от друга, индивидуализирующий их (отношения, связи могут возникнуть только между разделёнными сторонами), но, с другой стороны, как фактор создающий и впоследствии усиливающий их взаимные связи, инте-

[1] См. главу «15.1 Сущность человека».
[2] См. главу «15.4. Конкретизация движущего общественного противоречия».
[3] Вопрос о влиянии внешних противоречий кратко рассмотрен в главе «11. Противоречия».
[4] См. главу «15.3. Сущность и формы общественного генезиса».

грирующий индивидов – единичное – в особенное (группы) и целое (общество).

Возникает сообщество, состоящее не из безличных особей, не гомогенизированное, а напротив, интегрированное сообщество дифференцированных (индивидуализированных) индивидов, по этой причине несущее интенцию возникновения всё новых внутренних противоречий по мере роста и усложнения сообщества.

Ранее мы рассмотрели вопрос о том, что отношениями, создающими и скрепляющими связи между людьми, являются отношения производства (и материального, и идеального), отчуждения и присвоения.[1] Следует, очевидно, повторить, что феномены отчуждения и присвоения в данном случае рассматриваются в самом общем, абстрактном виде как феномены присвоения себя как личности и своей деятельности и отчуждения её результатов в общую пользу. И только затем присвоение предстаёт своей другой стороной как присвоение вещей, продуктов труда.

Именно отмеченные отношения находятся в основании процесса возникновения *человеческих* сообществ и именно с их возникновением человеческое стадо начинает превращаться в первобытное общество. Одновременно отношения отчуждения и присвоения создают новый феномен, который оформляется как новые общественные отношения – отношения собственности – которые, в свою очередь, становятся источником и основанием новых внутренних противоречий, оказывающих огромное влияние на развитие человеческого общества.

Далее, развитие материальных возможностей общества имеет необходимым следствием изменение общественных отношений, приспособление их к новым возможностям. В свою очередь общественные отношения, обладающие относительной самостоятельностью, могут опережать в своём развитии материальные возможности общества, представленные производительными силами, тем самым влияя на их развитие.

21.1. Общественные отношения

Вначале обратимся к трактовке общественных отношений в марксизме:

«Производство жизни… выступает сразу же в качестве двоякого отношения: с одной стороны, в качестве естественного, а с другой – в качестве общественного отношения, общественного в том смысле, что здесь имеется в виду совместная деятельность многих индивидов...

…Уже с самого начала обнаруживается материалистическая связь людей между собой, связь, которая обусловлена потребностями и способом производства».[2]

«Их материальные отношения образуют основу всех их отношений. Эти материальные отношения суть лишь необходимые формы, в которых

[1] См. главу «17. Феномены отчуждения, присвоения и овещнения».
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 3. С. 28.

осуществляется их материальная и индивидуальная деятельность».[1]

Из цитированного следует, что отношения между людьми при осуществлении ими совместной деятельности имеют вполне материальный характер («обнаруживается материалистическая связь», «материальные отношения образуют основу всех их отношений»).

«Под экономическими отношениями, которые мы считаем определяющим базисом истории общества, мы понимаем тот способ, каким люди определённого общества производят средства к жизни и обменивают между собой продукты (поскольку существует разделение труда). Таким образом, сюда входит *вся техника* производства и транспорта. …В понятие экономических отношений включается далее и *географическая основа*, на которой эти отношения развиваются, и фактически перешедшие от прошлого остатки прежних ступеней экономического развития».[2]

Здесь в отношения «производства жизни» кроме отношений собственно в производственной сфере входят «вся техника» и «географическая основа, на которой эти отношения развиваются», а также «фактически перешедшие от прошлого остатки прежних ступеней экономического развития» (последнее и есть, собственно, «вся техника» с сопутствующими производственными отношениями, т.е. результат *исторического* развития). Другими словами, в общественные отношения включены исторически развившиеся производительные силы и часть природы, вовлечённая в деятельность человека.

«В общественном производстве своей жизни люди вступают в определённые, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определённой ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определённые формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание».[3]

Согласно данному определению экономической структурой, реальным базисом общества являются производственные отношения[4] и здесь в них не только не включены производительные силы, последние, более того, противопоставлены производственным отношениям и между ними только предельно абстрактно определена связь – некое соответствие друг другу. Однако, механизм этой связи (установление собственно соответствия) не раскрывается.

---

[1] Там же. Т. 27. С. 403.

[2] Там же. Т. 39. С. 174.

[3] Там же. Т. 13. С. 6-7.

[4] Следует ещё раз подчеркнуть, что здесь производственные отношения это не отношения в сфере собственно производства, а отношения производства жизнедеятельности в целом, во всех её сферах.

Т.о. налицо несогласованность, как минимум, определений. В одном случае производственные отношения обнаруживают «материалистическую связь» людей и в них включены производительные силы и даже часть природы. В другом случае производительные силы и природа (т.е. собственно материальные факторы) исключаются из сферы действия производственных отношений и они остаются в неопределённости.

Однако, даже несмотря на указанные разночтения в трактовке производственных отношений, исходя из материалистического основания марксизма можно вполне уверенно утверждать, что производственные отношения выражают материальную связь людей и с этой стороны они вполне материальны.

Одновременно «способ производства материальной жизни», неотъемлемой частью которого являются производственные отношения, определяет формирование и содержание сознания (идеальное). При этом исключается обратное воздействие сознания на бытие («не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот»).

Но последнее положение противоречит утверждению Маркса же, что «самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил её в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально».[1]

Уж если даже плохой архитектор действует в соответствии с идеальным содержанием своего индивидуального сознания, то тем более общество не может себе позволить осуществлять материальную деятельность (бытие) без предварительного осмысления её в своём (общественном) сознании. Как видим, взаимоотношения бытия и мышления не столь однозначны, как это представлено в приведённой выше цитате, и Маркс это прекрасно понимает. Фраза же об определяющей роли бытия есть следствие несколько прямолинейного представления о приоритете материального над идеальным.

Тем более, что из утверждения – «если… теория, теология, философия, мораль и т. д. вступают в противоречие с существующими отношениями, то это может происходить лишь благодаря тому, что существующие общественные отношения вступили в противоречие с существующей производительной силой. …Три указанных момента – производительная сила, общественное состояние и сознание – могут и должны вступить в противоречие друг с другом»[2] – естественно следует вывод об определённой *равнозначности*, соответствии друг другу материальных (производительные силы, общественные отношения) и идеальных (сознание) сторон человеческой деятельности, иначе они не могут вступить в противоречие как адекватные друг другу стороны.

Из рассмотренного можно сделать вывод, что производственные отношения, отражённые в сознании (общественном и индивидуальном),

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 23. С. 189.
[2] Там же. Т. 3. С. 30.

предстают своей идеальной стороной.

В результате, несмотря на наличие определённых противоречий в трактовке производственных отношений и их соотношения (связи) с производительными силами и влияния на формирование сознания можно сделать общий вывод о месте производственных отношений в общественном развитии.

Т.н. «реальный базис» – это вся материальная сфера, созданная человеком в своём историческом развитии (производительные силы) и часть природы, вовлечённая в деятельность человека во взаимодействии и взаимовлиянии с производственными отношениями.

На этом базисе «возвышается юридическая и политическая надстройка». Характер надстройки уточняет Ф. Энгельс – «Экономическое положение – это базис, но на ход исторической борьбы также оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно *форму* её различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и её результаты – государственный строй, установленный победившим классом после выигранного сражения, и т. п., правовые формы и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм. Существует взаимодействие всех этих моментов…».[1]

Т.о., если говорить о сущности надстройки, то это структуры и институты общества, непосредственно не входящие в материальный базис общества, т.е. в производительные силы и производственные (в узком смысле) отношения, но совершенно необходимые для воспроизводства жизнедеятельности общества. Названные структуры и институты воплощены во вполне конкретных формах – государственных, частных и общественных организациях, осуществляющих функции формирования и поддержания в деятельном состоянии общественных отношений с целью их воспроизводства. Такую надстройку, представленную вполне реальными структурами и организациями, скорее также следует отнести к материальной стороне общественных отношений.

По Марксу надстройке «соответствуют определённые формы общественного сознания», но не входят в неё, не составляют её сути. Тем не менее, Энгельс включает в надстройку в качестве её «моментов» «политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения», т.е. формы общественного сознания, что представляет собой явное гипостазирование – идеальное может соответствовать материальному, но не может быть самим материальным.

Учитывая рассмотренные выше коллизии и исходя из принципа субстанционального монизма можно конкретизировать сущность общественных отношений. Общественные отношения в жизнедеятельности людей диалектически предстают как противоречивое взаимодействие материальной и идеальной сторон синкретичной, в целом, жизнедеятельности:

- материальная сторона общественных отношений – совместная дея-

[1] Там же. Т. 37. С. 394.

тельность людей, основанная на материальном основании общества (вся материальная сфера, созданная человеком и часть природы, вовлечённая в деятельность человека);

- идеальная сторона общественных отношений – формы общественного и индивидуального сознания (отражение в идеальных формах всех сторон жизнедеятельности людей).

Материальная и идеальная стороны жизнедеятельности общества взаимодействуют между собой и влияют друг на друга посредством *особенной общественной формы* – структур общества, которые выполняют функцию опосредствования между идеальным (общественным сознанием) и материальным (экономическим базисом) – государственные и общественные институты и реализующие их организации государства и общества. Эти структуры в марксизме предстают как надстройка. Т.о. надстроечные структуры, будучи, в свою очередь, вполне материально оформленными, выполняют функцию отражения процессов, происходящих в производственной сфере (идеализация материального), и последующего корректирования производственных отношений (материализация идеального) в соответствии с изменениями в производительных силах.

Продолжим рассмотрение общественных отношений с точки зрения субстанционального монизма как тождества (единства в различии) материальной и идеальной сторон субстанции человек.

С этой точки зрения *все* отношения между людьми, имеющие целью, способом и результатом изменение их материального положения и материальных возможностей, относятся к сфере материального. Отражение этих отношений в сознании людей, как индивидуальном, так и общественном, относится к сфере идеального. Сфере материальной деятельности людей, таким образом, *всегда* сопутствует соответствующая ей сфера идеального, которая, в свою очередь, посредством практики оказывает обратное воздействие на сферу материального.

В этом взаимном влиянии и перетекании друг в друга материальной и идеальной сторон субстанции человек и состоит *сущность материально-идеальных* (субстанциональных) отношений людей, выступающих в форме *общественных отношений*. При этом *материальная сторона* в обобщённой форме предстаёт как совместная деятельность людей, имеющая следствием изменение материальной основы их жизни (как производительных сил, так и самой структуры общества), а *идеальная сторона* как представление (отражение) этой деятельности в индивидуальном и общественном (классовом, групповом) сознании.

С *материальной* стороны в самом общем виде это будут отношения, имеющие целью и следствием как создание и изменение материальной основы общества, искусственной природы (или, более узко, средств для обеспечения жизнедеятельности, производительных сил), так и собственно самого человеческого общества, его структуры и общественных институтов. При дальнейшей детализации они предстают как отношения во всех сферах жизнедеятельности общества – производительной (производство, распределение и обмен), культурной, политической, научной, религиозной и т.д.

Соответственно, идеальное представление отношений людей в ходе их совместной деятельности, их отражение в индивидуальном и общественном сознании, рассматривается как *идеальная* сторона жизнедеятельности общества.

Насколько базисные отношения определяют надстроечные, настолько же и надстроечные отношения влияют на базисные – это естественный вывод из *субстанционального* характера всех общественных отношений как отношений материально-идеальных.

Выделение надстроечных отношений в отдельную сферу целесообразно, разве что, с точки зрения стратификации структур общества по выполняемым ими функциям в интересах детального анализа.

Ещё раз повторим вывод, сделанный ранее о сущности человеческих отношений – материальная и идеальная стороны общественных отношений не существуют одна без другой и взаимно определяют друг друга. В этом единстве в различии они тождественны.

Мы уже говорили при рассмотрении форм субстанционального движения, что в живых формах субстанций внешнее материальное отражается в идеальной форме (т.е. превращённой форме) и уже в таком виде проявляется как побуждение к действию, как реакция на внешние условия. В субстанции человек идеальное отражение внешнего мира подвергается обработке сознанием и в итоге предстаёт уже в очеловеченной форме, как знание, что побуждает человека не приспосабливаться к внешнему миру, а приспосабливать мир к себе. Идеальное человека, вырастая из материального, активно и как таковое посредством практической деятельности начинает уже само определять материальное – то новое материальное, которое необходимо человеку для дальнейшего развития. Т.о. в субстанции человек материальное и идеальное постоянно перетекают друг в друга, меняются местами, попеременно выступая ведущей стороной постоянно воспроизводящегося противоречия между материальным и идеальным, что отчётливо проявляется в общественных отношениях.

***

Общественные отношения как таковые, сами по себе, не производят *непосредственных* материальных действий. Общественные отношения могут произвести такие действия только *посредством* особых структур, создаваемых обществом. В сфере производства это экономические институты, действующие через производственные и иные организации. В политической, культурной, научной и других сферах это государственные и общественные институты, действующие посредством государственных и общественных организаций.

Т.о. отношения людей в процессе их жизнедеятельности, рассматриваемые со стороны создания и изменения материальной основы жизни общества, а также управления самим обществом, предстают как разные формы общественных отношений (производственные, политические, культурные и т.д.).

С идеальной стороны общественные отношения предстают как их отражение в сознании, как разные формы индивидуального и общественного (классовые, групповые и т.п.) сознания.

С точки зрения субстанционального монизма субстанциональность общества выражается в неразрывной связи, тождественности материальной и идеальной сторон, вследствие чего общественным отношениям, реализуемым в практических действиях, соответствуют идеальные формы отражения реальности в общественном и индивидуальном сознании. В жизни общества связи материальной и идеальной сторон настолько многогранны, глубоки, сложны, что однозначно утверждать о первичности одной из сторон и детерминированию ею другой невозможно. Можно только сказать, что эта первичность ситуативна, актуальна, конкретна и определяется не только всем комплексом действующих факторов, но и предшествующим историческим развитием, приведшим к наличному состоянию. Последнее обстоятельство, *историчность* развития, чрезвычайно важно и в огромной мере определяет последующий ход общественного движения.

Насколько справедливо утверждение, что материальная, производственная сторона определяет идеальную, настолько же справедливо и обратное утверждение, что без предварительной переработки в сознании, без идеального, невозможны никакие практические действия. Материальное и идеальное в своём субстанциональном единстве, тождестве, постоянно меняются местами как ведущая сторона противоречия и первичность той или иной стороны определяется как таковая в сугубо конкретной ситуации.

Так, постепенные количественно-качественные изменения в практической сфере необходимо имеют следствием соответствующие изменения в идеальной сфере, сфере общественного сознания, и т.о. в этом процессе первенствуют. Идеальная сторона здесь является ведомой, определяемой, детерминируемой материальной стороной жизни и вследствие своей вторичности отстаёт в развитии от возникающих материальных условий. Но на определённом этапе развитие материальной стороны приходит к такому пределу, когда ей перестаёт соответствовать общественное сознание, противоречие требует разрешения.

С другой стороны, сфера идеального, как имеющая относительную самостоятельность от материальной, может опережать в своём развитии материальную сторону и, оказывая влияние через соответствующие общественные отношения на практику, приводить её в соответствие с собой, вести за собой. Именно это и происходит в момент предельного напряжения противоречия – оно разрешается, возникает качественно новое состояние общества и новые условия его развития. Без этой постоянной смены ведущей стороны противоречия невозможно движение, развитие общества как субстанции.[1] По этой причине нельзя утверждать однозначную детерминированность идеального материальным, это процесс обоюдонаправленный, взаимоопределяемый, исторически детерминируемый.

По сути, об этом же говорит и Маркс: «способ производства матери-

[1] В общественном развитии, рассматриваемом с точки зрения субстанциональности, материальное и идеальное есть, образно говоря, две ноги, попеременно опережающие друг друга в движении.

альной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями… Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке».[1]

Повторим Маркса – «на известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями… наступает эпоха социальной революции». Другими словами, производственные отношения перестают соответствовать производительным силам и потому должны быть изменены. Но ведь изменяются они не сами по себе, а исключительно под влиянием другой своей стороны – тех элементов общественного сознания, которые, опережая действительность, определяют новое направление её развития. Хотя Маркс отдаёт предпочтение бытию перед сознанием, но совершенно ясно, что если в общественном сознании не выработаны новые формы представления действительности, то отмеченное противоречие стагнирует, не развивается, не идёт к своему разрешению. Но как только появляются новые формы сознания, адекватно отражающие материальную сторону общественных отношений, то соответственно изменяются и экономические, и политические отношения, «догоняя» общественное сознание.

21.2. Субстанциональный взгляд на соотношение базиса и надстройки

Последовательно проводимый взгляд на общественное развитие как имеющее субстанциональный характер позволяет по-иному увидеть соотношение сфер общественных отношений, подразделяемых Марксом на базис и надстройку.

Ещё раз процитируем Маркса: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определённые, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определённой ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определённые формы общественного сознания».[2]

Итак, базис – это экономические, производственные отношения, т.е. отношения вполне материальные. Их результатом являются изменения как в производительных силах, так и в структуре той части общества, ко-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 13. С. 6-7.
[2] Там же.

торая включена в собственно производственные отношения.

Надстройка – отношения в сфере политики и права. Совершенно очевидно, что это отношения, влияющие на *все* сферы жизни общества. И это такие отношения, результатом которых являются также вполне явные, материальные изменения в структуре всего общества, вплоть до экономических структур.

По Марксу всё отличие между этими двумя формами материальных отношений в том, что производственные, экономические отношения как создающие материальную основу жизни общества, определяют, детерминируют надстроечные отношения – отношения управления обществом, отношения власти. Тем самым подразумевается, что властные, политические отношения как бы выводятся из сферы собственно материальных отношений и потому имеют подчинённый характер.

Несколько по-иному предстаёт соотношение производственных и надстроечных отношений с точки зрения субстанциональности как единства материального и идеального. С этой точки зрения идеальное, определяемое материальным, одновременно влияет на материальное, которое вынуждено приспосабливаться к условиям среды, представляемым в отражённом виде идеальным. Или другими словами – орган отражения субстанции в идеальной форме представляет условия внешней среды и состояние самой субстанции, вызывая действия по приспособлению либо субстанции к новым условиям, либо среды к потребностям субстанции. В единстве, целостности этого субстанционального движения влияние органа отражения имеет очень большое, часто решающее значение.

Поскольку человеческому обществу имманентен такой феномен как общественное сознание, которое, подобно индивидуальному сознанию, может обращаться со своим идеальным относительно свободно, независимо от материального, и что представителем этого сознания от имени общества выступает власть, политическая структура (надстройка по Марксу), то становится очевидным, что следует говорить не о детерминированности производственными отношениями (базисом) политических отношений (надстройки), а об их обоюдной относительной самостоятельности и одновременно неразрывности. Единственно бесспорным утверждением будет то, что *и производственные отношения (базис), и политические (и иные) отношения (надстройка) составляют диалектическое единство и развиваются во взаимовлиянии*, причём в человеческом обществе *ни то, ни другое нельзя рассматривать в отрыве от их идеального представления в общественном (и индивидуальном) сознании.*

В соответствии с принципом субстанциональности, по отношению ко всему обществу т.н. надстройка, т.е. власть как орган отражения-управления играет огромную роль. Но действия власти одновременно и ограничены условиями жизнедеятельности общества, которые являются основанием для формирования идеального, представленного в групповом сознании властной сферы.

В свою очередь, производственные отношения формируют сферу экономики, в которой на основании отношений собственности возникает свой орган отражения-управления, представленный собственниками. Т.о.

сфера экономики *при наличии отношений частной собственности* относительно обособлена от общества как целого и обладает определённой самостоятельностью. Как таковая она необходимо будет стремиться к устранению влияния на неё со стороны власти и общества. Если сложится такое положение, что сила сферы экономики превысит силу власти, то первая будет стремиться полностью подчинить себе вторую. Соответственно всё общество в целом будет находиться под угрозой подчинения частным собственникам со всеми вытекающими из этого положения последствиями. В этих отношениях надстройка будет представлять только частных собственников (капитал) и действовать только в их интересах. В современных условиях, когда сила финансового капитала неимоверно выросла, всё более нарастает опасность его полного доминирования во всех сферах жизни общества.

Необходимо отметить следующий принципиальный момент – при наличии социалистических отношений собственности, когда собственность принадлежит всему обществу, сфера экономики не отделена от общества, а напротив, встроена в него, она является органической частью общества. Такая форма отношений собственности необходимо диктует императивное требование максимально возможного участия самих трудящихся в управлении собственностью и распределением продукта. В противном случае те группы, которые от имени общества имеют право управления собственностью и распределением, самим своим положением будут нацелены к изменению формы собственности с общественной на частную, и это есть условие совершенно объективное, которое может быть нейтрализовано либо тотальным контролем со стороны трудящихся (и в этом случае возникает антагонистическое противоречие между управляющими и контролирующими), либо всё более широким и глубоким *непосредственным* участием их в управлении (в этом случае особый, отдельный слой управляющих постепенно исчезает, а вместе с ним и объективные условия для изменения формы собственности). Не подлежит сомнению, что выполнение обоих условий будет в максимально возможной степени ограничиваться слоем, осуществляющим от имени общества управление общенародной собственностью (советская действительность это убедительно подтвердила). И столь же ясно, что только выполнение второго условия гарантирует невозможность изменения формы собственности и создаёт интенцию её полного упразднения при определённом уровне развития производительных сил.

21.3. Общественное развитие как диалектика внутренних и внешних противоречий

Образующиеся в становящемся человеческом обществе отношения отчуждения и присвоения, развивающиеся отношения собственности, возникающее производство и соответствующие ему отношения, являются источником группы противоречий, которые определяют развитие общества. В рамках отношений собственности, производства, распределения,

обмена и потребления возникают свои специфические противоречия.

Т.о. формирование сообществ людей как коллективов, объединённых общей жизнедеятельностью, есть следствие, в первую очередь, движения внутренних противоречий, развитие и разрешение которых ведёт к усложнению сообществ и увеличению их материальных возможностей. Именно возникающие внутренние связи и их дальнейшее развитие, усложнение, с одной стороны дифференцируют как индивидов, так и их группы по видам деятельности, но, с другой стороны, сплачивают сообщества людей в единый организм, постоянно воспроизводящий свою жизнедеятельность. Внешнее воздействие, как со стороны природы, так и со стороны других сообществ, имеет характер внешних противоречий, на которые сообщество реагирует рефлексией внутренних противоречий на деформирующее влияние внешних противоречий. Внешнее противоречие может быть и инициатором конкретного (особенного) внутреннего противоречия, но не более того, развитие сообщества будет определяться, в конечном итоге, внутренними противоречиями.

Т.о. существующие общества есть результат исторического взаимодействия и взаимовлияния двух видов противоречий, действующих и сейчас – движущих внутренних и деформирующих внешних.

Внутренние противоречия, являющиеся производными (особенными, частными) противоречиями от субстанционального противоречия между материальным и идеальным, во всех обществах одинаковы *сущностно*, как противоречия между материальным и идеальным (это общее), но отличаются по своему *содержанию*, определяемому сторонами противоречия и *формой* проявления (это особенное и единичное).

По этому критерию (содержанию) в самом общем виде можно указать на некоторые виды внутренних, движущих противоречий. Всеобщее, абстрактное, определяющее противоречие между материальным и идеальным в процессе исторической жизни общества конкретизируется в форме нижеследующих противоречий:

- между общественными потребностями и общественными возможностями – жизнедеятельностное противоречие;
- между материальной стороной общественных отношений (производительными силами, отношениями собственности и т.п.) и идеальной стороной общественных отношений (общественным сознанием) – противоречия в экономической, политической, культурной и других сферах жизни;
- между группами людей хотя и одной субстанциональной общности, но, тем не менее, сознающими себя отдельным целым – классом, слоем, сословием и т.п. Это социальные противоречия, они есть следствие разного положения групп людей в структуре общества по занимаемому ими месту в отношениях собственности, производства, распределения, обмена и т.д. По своему содержанию это противоречие между фактическим общественным положением (материальным) и осознанием этого положения (идеальным);
- между материальным бытия (как природы, так и искусственной природы) и идеальным в форме знания – противоречия сферы познания.

Здесь приведены, разумеется, далеко не все формы внутренних движущих общественных противоречий, для этого необходимо глубокое и тщательное исследование общества, что, по понятным причинам, не может быть сделано в кратком обзоре.

Внешние противоречия, напротив, для каждого сообщества изначально особенны, поскольку определяются конкретными природными климатически-географическими факторами, различающимся в разных регионах, и конкретным окружением других сообществ. Внешние противоречия оказывают деформирующее влияние на внутренние противоречия и поскольку внешние противоречия для каждого общества отличаются, то даже *одинаковые по содержанию* внутренние противоречия в разных обществах возникают, развиваются и разрешаются в *разных формах*. Под влиянием внешних противоречий характер возникновения, развития и разрешения внутренних противоречий принимает особенные и единичные формы в каждом конкретном случае, что имеет следствием возникновение разных форм обществ. По указанной причине сущностно и содержательно одинаковые внутренние общественные противоречия в каждом обществе развиваются и разрешаются в своих особенных и единичных формах.

Подчеркнём ещё раз необходимость различения 1. *всеобщего*, которое детерминирует все внутренние противоречия, – их материально-идеальную сущность, определяющую общность внутренних общественных противоречий, – и 2. *особенного* и *единичного*, – влияния внешних противоречий, которые в каждом конкретном случае имеет особенный и даже единичный характер и тем самым деформируют внутренние противоречия, которые поэтому развиваются и разрешаются в своих особенных и единичных формах, что имеет следствием наблюдаемое многообразие обществ.

Ранее мы отметили, что процессы этногенеза являются следствием перехода человека в новую субстанциональную форму и знаменуют выход человеческих сообществ из гомеостаза с природой и постепенное создание искусственной среды обитания (искусственной природы). В этой деятельности по созданию искусственной среды обитания увеличивались не только материальные возможности сообществ, но и сами они росли количественно, одновременно распространяясь территориально.

Развивавшиеся и усиливавшиеся этносы стремились включить в свой состав (либо в сферу влияния) другие этнические сообщества, их окружавшие. Формы этого взаимодействия имели самый разный характер, от дружественных до антагонистичных. Возникли сообщества, имеющие в своём составе разные этносы, что внесло во внутреннюю противоречивость обществ дополнительные факторы, весьма усложнившие характер возникновения, развития и разрешения внутренних противоречий.

С развитием отмеченного процесса возник новый общественный (даже более того – географический и геополитический) феномен – нациегенезис – появились нации, общественные объединения, включающие разные этносы. Здесь нет возможности углубляться в эту тему, достаточно отметить, основываясь на сказанном выше, что этнические общности, доми-

нирующие в современных нациях, по отношению к другим включённым этносам, выступают как фундаментальный фактор, поскольку они как нациеобразующие развились исторически ранее и гораздо более устойчивы вследствие своей исторически же сложившейся приспособленности их членов к совместной жизнедеятельности в конкретных географо-климатических и окружающих межэтнических условиях, что прочно закреплено в их этническом (вернее, уже национальном) сознании.

Этнические качества есть следствие снятия процесса длительного исторического развития конкретного человеческого сообщества в представлениях этого сообщества о своей истории и самом себе в его этническом сознании как одной из глубинных, фундаментальных форм общественного сознания.

Т.о. *национальным* самосознанием, т.е. самосознанием, отражающим весь комплекс межэтнических связей, в полной мере обладает только доминирующий, нациеобразующий этнос. Все же прочие этносы, входящие теперь уже в нацию, в значительной степени сохраняют своё индивидуальное исторически сформировавшееся этническое самосознание.[1]

Это глубоко историческое этническое в реальной жизни, в которой соседствуют представители разных этносов, соотносится с актуальным социальным и далеко не всегда наличное, актуальное социальное является определяющим моментом в противостоянии с историческим этническим. Поэтому в совместной жизни разных этносов в составе одной нации между ними периодически возникают, более того, неизбежны эксцессы, имеющие глубинным основанием особенности этнического самосознания, несущего в себе память обо всех исторических коллизиях.

В этом случае имеет место сложнейшее переплетение противоречий – на фоне внутренних противоречий, определяющих развитие общества в целом и в которых представители разных этносов предстают как социальные группы и индивиды вне зависимости от этнической принадлежности, действуют также внешние межэтнические противоречия, определяемые принадлежностью тех же групп и индивидов к разным этносам. И как будет развиваться и разрешаться внутреннее противоречие под давлением внешних предсказать весьма трудно. Отсюда видно, какое огромное значение должен иметь национальный вопрос в деятельности политической партии, представляющей интересы трудящихся.

(Из сказанного выше следует, что известное утверждение Маркса, что «рабочие не имеют отечества», по сути неверно. Как и все люди, рабочие принадлежат к какому-либо этносу (нации) и в этом качестве обладают вполне конкретным исторически сформированным этническим (национальным) сознанием. Их же классовое, социальное сознание есть преимущественно то усреднённое сознание, которое формируется актуальными, наличными условиями жизни, а значит, во многом, правящим клас-

[1] Преодоление такого этнического самосознания возможно только в ходе длительного исторического процесса совместной деятельности с другими этносами, прежде всего нациеобразующим, при детерминирующем влиянии всеобщего, каковым может быть общая цель.

сом. Чтобы обрести сознание, соответствующее его классовым интересам (сознание для-себя), рабочий класс (и даже шире – пролетариат, понимаемый как массовый социальный слой, не имеющий собственности на средства производства) должен преодолеть своё ограниченное сознание, детерминированное его актуальным социальным положением, особенным, и стать на точку зрения общего, т.е. интересов человека как субстанции и необходимости полного освобождения человека от всех форм ограничения его саморазвития, т.е. с позиции единичного и особенного, и потому ограниченного, перейти на позицию всеобщего).

Что касается перспектив этногенеза, нациестрительства и глобализации, то исходя из субстанциональной сущности этносов и наций, можно сделать вывод, что этносы уйдут с исторической сцены (растворятся в нациях, а последние в глобальном человечестве) не ранее, чем *особенное* (конкретные условия жизни этносов и наций) уступит место *общему* и сложатся одинаковые для всех сообществ условия жизнедеятельности, а также исчезнет разделение труда, прикрепляющее людей к одному виду деятельности и одному месту жительства (что окончательно возможно только с выходом человека из процесса производства). Но это только необходимое условие. Достаточным же условием будет постепенное исчезание форм общественного сознания, идентифицируемых с определёнными этносами, нациями и социальными группами – речь идёт об особенных чертах этнического, национального и социального сознания и, далеко не в последнюю очередь, о религиозном сознании, а это гораздо более длительный и сложный процесс, чем создание общих условий жизнедеятельности в материальной сфере.

21.3.1. Общественное сознание, его формы

Ранее (в главе «15.3. Сущность и формы общественного генезиса») было логически выведено, что общественное развитие протекает как диалектическое взаимодействие процессов отождествления, становления целого и отрицания, дифференциации целого.

В реальности эти феномены представлены соответственно процессами этногенеза (впоследствии нациестроительства и глобализации) и социогенеза (дифференциации, стратификации общества, возникновения классов, социальных групп, сословий, каст и т.п.).

Соответственно этим вполне материальным процессам возникает и их идеальное в форме отражения этих процессов в сознании людей. Как следствие, применительно к обществу возникает феномен общественного сознания как сознания, представляющего в целой, обобщённой форме видение людьми их общей жизнедеятельности.

Процесс этногенеза есть форма разрешения субстанционального внутреннего противоречия и внешне реализуется в создании человеком искусственной природы и одновременного приспособления человека к ней. Как таковой он выступает как общее, отождествляющее и объединяет в целое людей, занятых общей жизнедеятельностью. Идеальной стороной этого процесса предстаёт общественное сознание в форме этнического сознания как отражения общей жизнедеятельности.

Приходящий на смену процессу этногенеза процесс нациестроительства имеет эпифеноменом возникновение национального сознания с тем отличием от этнического, что т.н. национальное сознание является характерным признаком этноса, являющегося доминирующим при объединении нескольких этносов под его эгидой. Доминирующий этнос распространяет свою деятельность на всю территорию своего размещения, что и отражается в его этническом сознании, которое теперь становится национальным сознанием. Этносы же, находящиеся в подчинённом положении, сохраняют, в основном, своё этническое сознание. При этом этнические сознания разных этносов по отношению к национальному сознанию доминирующего этноса и друг к другу выступают в форме внешнего противоречия, оказывающего деформирующее влияние на движение и разрешение внутренних противоречий.[1] В случае комплиментарности этносов внешнее противоречие не имеет антагонистического характера, но в случае неприятия этносами друг друга их совместное бытие в одном государстве чревато возникновением весьма острых межэтнических конфликтов.[2]

Процессы же социогенеза, дифференцирующие (но одновременно и объединяющие) людей по их месту в производстве жизнедеятельности, имеют следствием возникновение групп людей, объединённых общей деятельностью и местом в структуре общества. Необходимо возникают и соответствующие групповые формы сознания (сословное, классовое, групповое, кастовое, профессиональное и т.п.).

Все формы сознания между собой соотносятся так же, как соотносятся материальные процессы, ставшие основанием их возникновения. Процессы отождествления (и формы сознания им соответствующие) выступают как общее по отношению к процессам отрицания, дифференциации (и соответствующим формам сознания).

Т.о. этническое (и национальное) сознание соотносится с формами социально обусловленного сознания – группового (классового и т.д.) сознания как общее по отношению к особенному. В свою очередь, анализируя процесс социогенеза (дифференциации) можно выделить в нём собственные процессы отождествления (объединения) и отрицания (дифференциации). Соответственно им, как общее и особенное, соотносятся и выделяемые анализом формы социального сознания.

Причём, и это понятно, ни одна форма сознания (как общего, так и особенного, как общественного, так и индивидуального) не существует в чистом виде, поскольку все они возникают в переплетённых между собой процессах общественной жизнедеятельности. В связи же с тем, что сознание обладает относительной самостоятельностью, то, как в общественном, так и в индивидуальном сознании могут преобладать формы созна-

[1] Поскольку каждый этнос в своём развитии является субстанцией, то межэтнические противоречия есть межсубстанциональные противоречия и как таковые это внешние противоречия.

[2] Российская империя, СССР, да и современная Россия дают тому много примеров.

ния соответствующие не доминирующей деятельности сообщества (группы, класса и т.д.) либо индивида, а возникающие под воздействием сторонних факторов (самый яркий пример – религиозное сознание). По этой причине всегда (или почти всегда) существует аберрация группового и индивидуального сознания, проявляющаяся в том, что преобладающие формы сознания не соответствуют доминирующей форме деятельности сообщества или индивида и их социальному положению (например, класс пролетариев несёт в своём сознании черты буржуазного сознания, навязываемые правящим классом).

По указанной выше причине политическая партия, ставящая своей целью полное освобождение человека, необходимо должна учитывать названные факторы, влияющие на особенности классового и индивидуального сознания, что возможно только при рассмотрении конкретных условий жизнедеятельности конкретных социальных групп в их историческом окружении и развитии.

21.3.2. Детерминированность форм сознания способом отражения действительности

Все формы общественных противоречий неизбежно отражаются в сознании людей, порождая не только индивидуальное идеальное, но также в масштабах общества формируя феномен т.н. общественного сознания, которое по отношению к индивидуальному сознанию является вполне объективных фактором, способным в значительной мере, можно сказать решающей, его определять. Общественное сознание не есть нечто однородное, оно столь же многогранно, как и образующие общество группы людей, занимающих определённое положение в его материальной и идеальной деятельности. Оно принимает групповые, классовые формы сознания, отражающие *особенное* положение людей в процессе *общей* жизнедеятельности. Но общественное сознание как целое, занимающее *доминирующее* положение в обществе и способное т.о. выполнять объединительные, отождествляющие функции в идеальной сфере, имеет возможность формировать только та группа людей, которая занимает положение, соответствующее органу отражения-управления всем обществом, т.е. властвующая группа – и это есть следствие субстанциональности общества.

С точки зрения гносеологического рассмотрения в человеческих сообществах как субстанциональных саморазвивающихся сущностях необходимо присутствует особый орган, который, существуя в форме обособленной структуры общества, выполняет функции органа отражения-управления в отношении сообщества в целом.

В реальности этот орган отражения-управления существует в форме органа власти, усложняясь и развиваясь вместе с усложнением и развитием общества.

(Особо отметим, что наличие подобного органа управления-власти противоречит ранее выявленной субстанциональной сущности человека как необходимости его *свободного* развития (глава 15.1). По этой причине во всех существовавших и существующих до сих пор обществах имма-

нентно присутствует *перманентное противоречие между классом управления и подчинёнными классами*, которое является хотя и скрытым, но постоянно действующим источником общественного напряжения, что является дополнительным потенциалом, влияющим на возникновение и развитие революционных ситуаций).

Именно орган власти, управления и формирует в своей основе общественное сознание, представляющее объективное сознание всего общества, которое, т.о., не может быть иным, как отражением исторически возникшего наличного состояния общества и выражающим видение мира и интересы, прежде всего, органа власти и тех групп общества, на которые власть опирается.

Мы неоднократно отмечали ту значительную роль органа отражения, которую он играет в процессе субстанционального развития. Применительно к человеческому сообществу этот орган, являясь субстанциональным органом отражения, в определяющей степени формирует идеальное в форме общественного сознания.

Частным выводом из этого императивного условия является тот вывод, что выработать классовое сознание, истинно отражающее положение и интересы класса, в состоянии только *обособленный* орган отражения класса, адекватно понимающий и представляющий интересы класса. Если говорить о классе, названном Марксом пролетариатом, то эти интересы должны быть интересами общества в целом, т.е. выражать интересы человека как субстанции, которые заключаются в необходимости полного освобождения человека от всех видов ограничения его саморазвития. Иначе такое классовое сознание будет замкнуто в своей узкоклассовой скорлупе и не станет силой, побуждающей к изменению общества в интересах большинства его членов. Ко всему прочему такое классовое сознание, как адекватно отражающее действительность, должно быть научно обоснованным.

Надо ли говорить, что сознание класса при отсутствии его собственного, обладающего непререкаемым авторитетом, органа отражения (либо при наличии многих органов отражения, претендующих на представление интересов класса в целом – разные партии, профсоюзы, общественные организации) будет неоформленным, раздробленным, аморфным, инертным, неистинным? Именно эту субстанциональную особенность классового общества использует в своих интересах правящий класс, всемерно подавляя явно и косвенно возможность появления органа отражения класса в форме его политической партии, адекватно понимающей и представляющей его интересы. И уж совершенно бесподобному шельмованию и гонению подвергается теория, научно обосновывающая возможность и необходимость революционного изменения общества в пользу тех, кто своим трудом создаёт все общественные богатства. Власть имущий класс будет делать всё возможное и невозможное, чтобы сохранить существующие отношения собственности и эксплуатации посредством этой собственности, будет правдами и, более всего, неправдами насаждать свою форму общественного сознания в виде господствующей идеологии и пресекать возможность возникновения адекватного классового сознания у

подавляемых классов.

Отсюда естественный вывод, что в основании становления адекватного, истинного классового сознания и, как следствие, возможности победы эксплуатируемых классов находятся два фактора: 1. наличие теории, научно обосновывающей сущность общественного развития, его формы и пути движения, и 2. наличие и активное действование политической партии, руководствующейся этой теорией и формирующей у класса истинное классовое сознание и организующей его действия по защите своих интересов, которые в своей основе являются общечеловеческими интересами.

21.3.3. Классы как парасубстанциональные сущности

Как мы отмечали выше, социогенез общества обусловлен феноменом отрицания, разделения целого на части, дифференциации целого. На практике отмеченная дифференциация осуществляется в процессе появления разных видов деятельности и, соответственно, разных групп людей, объединяемых общей деятельностью и, соответственно положением в сообществе. Поскольку роль органа отражения субстанции чрезвычайно велика, то в первую очередь в социальных общностях исторически формируется орган отражения-управления – орган власти (хотя бы в лице одного главы рода). Очевидно, это субстанционально обусловленная исторически первая форма разделения труда – отделение умственной (управленческой) деятельности от физической (пусть даже и в неполном виде), приведшая к возникновению иерархических отношений (отношений господства и подчинения).

С появлением новых видов деятельности и их усложнением возникали новые и всё более усложнялись существующие отношения между людьми – общественные отношения. К иерархическим отношениям (в чью функцию вначале входили также отношения распределения) добавились отношения владения, а затем и собственности. Последние, будучи вначале тесно связанными с иерархическими отношениями, постепенно становились всё более самостоятельными, и в итоге в значительной степени сами стали определять отношения иерархии и полностью отношения распределения и обмена.

Дифференциация и усложнение деятельности необходимым следствием имели стратификацию общества и усложнение общественных отношений – стали возникать и всё более чётко оформляться группы (сообщества) людей, объединённых общей деятельностью и положением в социальной структуре.

Поскольку принцип субстанционального монизма императивно требует тождественного рассмотрения материального и идеального, то нельзя пренебречь анализом идеального, существующего в форме отражения материального в групповом и индивидуальном сознании, и выяснением его соотношения с материальным. По этой причине снова обратимся к формам общественного сознания.

Положение общественных групп в производственной деятельности и социальной структуре формирует их сознание, которое, будучи относительно самостоятельным от материального, вырабатывает собственное

понимание внешних ему процессов, что впоследствии реализуется в соответствующем реагировании на них.

Если социальная группа (класс) исторически сформировала свой орган отражения, то именно он выражает интересы группы (класса) в концентрированном виде в форме группового (классового) сознания (идеологические формы сознания[1]). Адекватное внешним условиям поведение группы (класса) в собственных (и даже шире – общечеловеческих) интересах свидетельствует о том, что группа (класс) обладает адекватным групповым (классовым) сознанием и как таковая является группой (классом) для себя.

В случае отсутствия ясно выраженного органа отражения групповое сознание не может быть выражено в концентрированном виде, оно остаётся размытым, нечётким, постоянно изменяющемся под влиянием внешних условий. Такая группа либо не способна к целенаправленным действиям, либо действия её направлены на достижение частных, сиюминутных интересов, не изменяющих положения группы в целом в общественном положении и общественных отношениях. Такая группа только потенциально способна обрести адекватное групповое сознание после формирования своего собственного органа отражения, до тех пор это группа в себе.

В отношении класса собственников таким органом отражения является сам класс собственников, поскольку он в целом есть не что иное, как орган управления своей собственностью, т.е. производственной структурой, экономикой. Выработке этим классом своего сознания способствуют также следующие обстоятельства. Во-первых, этот класс относительно немногочислен. Во-вторых, достаточно образован, чтобы понять суть экономических и социальных процессов и ясно сформулировать свои цели. Ко всему прочему для обоснования и оформления концентрированного выражения своего сознания в идеологической форме он в состоянии нанять профессионально подготовленных специалистов. В сфере идеологии эти нанятые специалисты действуют в виде политической партии правящего класса.

Класс же, находящийся в экономическом подчинении класса собственников, не имеет своего чётко выраженного органа отражения, который бы оформил его сознание как целостное сознание, выражающее все стороны его бытия. Существующие органы отражения в форме разного

[1] К слову, мы не можем согласиться с теми авторами, которые относят идеологические формы сознания к неистинным и даже извращённым. Здесь не место обширным доводам, но не так уж сложно показать, что идеология есть сторона мировоззрения, определяемая *классовым* сознанием. Т.о. эта *форма* самосознания, *объективно* отражая классовое положение его носителей, будет объективным, истинным, т.е. *выражающим интересы класса*, самосознанием. Другое дело, что представители того или иного класса разделяют идеологические воззрения, пропагандируемые другими классами и противоречащие их интересам. Г. Лукач показал («История и классовое сознание»), что в отношении пролетариата истинным, адекватным сознанием может быть только «вменённое» сознание, т.е. сознание, выработанное и внесённое в массы партией.

рода профессиональных организаций (профсоюзов и т.п.) имеют ограниченные задачи представления исключительно узко-, даже местнически-профессиональных интересов. По этой причине, а более потому, что эти организации в значительной мере находятся под влиянием класса собственников, они не в состоянии выработать адекватного классового сознания этого класса, в котором были бы представлены все стороны его жизнедеятельности, не только профессиональные, но и, главное, политические, общедемократические и общечеловеческие (т.е. по сути – субстанциональные).

Классовое сознание наёмных работников как целое, общее может выразить только такой орган отражения, который представляет субстанциональные интересы этого класса, а это в основе своей не что иное, как интересы человека как субстанции – интересы свободного развития каждого человека и общества в целом, которые могут осуществиться только с ликвидацией особых классов, групп, стоящих над обществом (и соответствующих общественных отношений), и установлением возможности свободного развития всех. Это классовое сознание должно утверждать такое общественное устройство, при котором возможны только добровольное отчуждение продукта труда и полное присвоение человеком своей деятельности (последнее имманентно предполагает, что иной стороной полного присвоения индивидом своей деятельности является осуществление этой деятельности в интересах всего общества, поскольку только в таком единстве возможно свободное гармоничное развитие обеих субстанциональных форм – человека и общества).

Такое классовое (а по сути – общечеловеческое) сознание может выработать только политическая партия, действующая исключительно в интересах класса наёмных работников. При этом в своих принципиальных положениях такое классовое сознание не должно допускать никаких компромиссов с воззрениями других классов и групп относительно *цели*, поскольку оно представляет общечеловеческие интересы, т.е. интересы человека, рассматриваемого с субстанциональной точки зрения, человека, представляющего особую форму субстанционального движения. Но, в отличие от идеальной (идеологической) составляющей, в практических действиях такая партия должна проявлять максимальную гибкость применительно к конкретным ситуациям.

Отсюда следует огромная роль политической партии, истинно, адекватно (т.о. научно обоснованно) представляющей интересы трудящихся. Без такой партии как органа отражения класса его становление как субстанции, *класса для себя*, невозможно. Класс, не выработавший собственного адекватного классового сознания, обречён на подчинение господствующему общественному сознанию, которое всегда есть сознание господствующего класса (классов).

Теперь можно сформулировать понятие класса.

Классы – это большие, исторически относительно устойчивые группы людей являющиеся, либо потенциально способные стать, ***субъектами*** *исторического общественного процесса, что определяется их материальными и идеальными возможностями, а именно – отношением к произ-*

водству, присвоению и распределению общественного продукта, а также наличием ***адекватного*** *классового сознания – вследствие чего они получают возможность оказывать на другие классы воздействие, как материальное (в том числе и насилие), так и идеальное (политическое, идеологическое, культурное и т.п.) с целью подчинения этих классов своему влиянию и, тем самым, защиты своих интересов.*

Класс (классы), имеющий посредством собственности на средства производства возможность присвоения и распределения общественного продукта, обладает решающим преимуществом перед другими классами в оказании доминирующего влияния на них и, как следствие, на общественные процессы.

Класс (классы), отчуждённый от собственности на средства производства, предельно ограничен в возможностях оказания влияния на общественные процессы и будет находиться в подчинённом положении до тех пор, пока не вступит в борьбу за изменение отношений собственности (как минимум) и власти.

Класс, обладающий классовым сознанием, адекватно выражающим его объективное положение в общественной структуре и сущностные интересы, уже по этой причине является активным ***субъектом*** *общественного развития и способен стать доминирующим общественным классом. Это класс для-себя.*

Класс, не выработавший адекватного классового сознания, обречён на подчинённое положение пассивного субъекта, но потенциально способен стать активным общественным субъектом в случае обретения адекватного классового сознания и вступления в борьбу за свои сущностные классовые интересы. До тех пор это ***объект*** *воздействия класса-субъекта, класс в-себе.*

Субстанциональность общества императивно диктует необходимость наличия особого общественного класса – класса управления, независимо от наличия любых других классов.

Классы (и вообще все отдельные общественные группы) по своей сути не являются субстанциональными сущностями в данном ранее толковании, поскольку они не могут существовать и развиваться *самостоятельно*, по *своим* внутренним противоречиям (что характеризует субстанции), но только во взаимодействии с себе подобными. Тем не менее, классы как общественные группы представлены и материально – «телом» класса, людьми, его составляющими, и идеально – их сознанием, индивидуальным и групповым, классовым. По этой причине классы (и другие подобные общественные группы, например, профессиональные) следует признать *парасубстанциональными* образованиями, имеющими *внешние* признаки субстанций (они материально-идеальны), но не являющимися ими *сущностно* (не обладающими *собственным внутренним* движущим противоречием).[1]

[1] С точки зрения такого методологического подхода предметом исследования могут стать любые общественные группы, преследующие собственные интересы и структурированные в какой-либо организационной форме (как реальной, так и

Класс, обладающий классовым сознанием (класс для себя), активно влияет на общественные процессы, руководствуясь этим сознанием и используя свои материальные возможности. Класс, не обладающий развитым и чётко оформленным классовым сознанием (класс в себе), потенциально способен *изменить* общественные отношения в своих интересах, если выработает собственное адекватное классовое сознание и воспользуется своим положением в производительных силах общества с целью воздействия как на всё общество, так и на органы управления обществом, чтобы в результате создать собственные органы управления обществом и изменить существующие общественные отношения.

Известное ленинское определение[1] при всей его точности в отношении материальных факторов, не учитывает огромной роли идеального в человеческих отношениях (того, что выступает в формах общественного и индивидуального сознания), т.е. не учитывает субстанциональности человека и, как следствие, упускает из виду не только возможность, но и императивность изменений при определённых общественных условиях, т.е. не учитывает *активности, деятельностности* человека как саморазвивающейся субстанции и присущего ему субстанционального качества – имманентной телеологичности, пусть даже ясно и не осознаваемой.

Следует, к слову, отметить, что то, что принято называть «массой», есть группа, часть класса (возможно даже класс в целом), находящаяся в межеумочном состоянии, не идентифицирующая себя с какой-либо формой общественного сознания, либо колеблющаяся между разными его формами, выработанными другими классами. Масса в силу своей постоянной текучести, изменчивости, структурной неоформленности, не способна выработать собственного группового сознания, поскольку не в состоянии создать орган отражения, выражающий её интересы.

Сказанное выше о сущности класса не только не отменяет необходимости исследования общественных отношений с точки зрения других факторов жизнедеятельности человека, но напротив, предполагает такие исследования, поскольку данное общее понятие должно быть раскрыто в своих особенных и единичных проявлениях.

Необходимо также отметить следующее немаловажное обстоятельство – основные качества каждого конкретного общества, сформировавшиеся за сотни и даже тысячи лет его развития (то, что считается т.н. этническим или национальным характером), по отношению к внутренней социальной структуре общества (классам, слоям, группам) играют роль обще-

---

виртуальной – например, интернет-сообщества), которые можно представить в форме парасубстанциональных образований.

[1] «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определённой системе общественного производства, по их отношению (большей частью закреплённому и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определённом укладе общественного хозяйства» (*Ленин В.И.* ПСС. - Т. 39. С. 15).

го. С этой точки зрения общество как целое в определённой степени детерминирует свои части (классы, слои, группы), что проявляется как в структуре общества, так и в формах взаимодействия частей общества. В свою очередь части общества (классы и т.п.) оказывают определённое влияние на целое, постепенно (а в период революций резко, стремительно) изменяя его сущностные характеристики. Конкретное же соотношение целого и частей и их взаимовлияние может быть выявлено только при анализе конкретного общества. Не вызывает сомнений, что такой анализ позволит выявить наличие как общих всем человеческим сообществам классовых форм и отношений, так и особенных, индивидуальных для каждого сообщества, но это естественное следствие субстанциональной конкретности каждой человеческой общности.

21.3.4. Классы, классовое сознание, партия[1]

Учитывая вышеизложенное, рассмотрим, в самом общем, относительно абстрактном, виде классовую структуру общества.

Напомним, что с точки зрения субстанционального монизма положение и роль в общественном процессе больших групп людей (классов) рассматриваются с учётом противоречивого тождества материальной и идеальной сторон саморазвивающейся субстанции.

Общество в целом и является такой саморазвивающейся субстанцией и, следовательно, субъектом развития самого себя. При этом материальной стороной внутреннего общественного противоречия является не что иное, как вся материальная жизнь общества. Идеальная сторона противоречия представлена общественным сознанием (разумеется, идеальное общества этим не ограничивается, но для наших целей данной констатации вполне достаточно).

Стороны внутреннего общественного противоречия в своём взаимодействии оказывают друг на друга взаимное влияние. И хотя в основании общественного развития находятся, прежде всего, материальные возможности общества, ведущей, активной стороной противоречия может выступать любая из сторон в зависимости от конкретных исторических условий.

Другими словами, и изменение материальных условий жизнедеятельности вызывает рефлексию сознания и его изменение, и активность сознания посредством практических действий влияет на изменение материальных условий жизни.

С учётом сказанного положение классов в обществе, возможность присвоения общественного продукта, степень влияния на общественные процессы, классовая активность детерминируются и материальной, и идеальной сторонами их общественного положения и жизнедеятельности. А потому при определении класса следует исходить из *субстанциональной сущности общества (и класса) как тождественной материально-*

[1] Нижеследующее изложение имеет характер конспективного (пропедевтического), а не детального анализа и не претендует на окончательный и обобщающий статус.

идеальной жизнедеятельности, а не исключительно из эпифеноменов его общественного положения и деятельности.

Поскольку «всеобщим движущим внутренним противоречием является противоречие между материальным и идеальным»[1] и, в свою очередь, «абстрактно представленное противоречие между материальным и идеальным применительно к общественному развитию конкретизируется в форме противоречия между общественными возможностями и потребностями»,[2] то *объективным основанием для дифференциации общества на большие социальные группы (классы), способные оказывать влияние на развитие общественного процесса, является возможность производства и присвоения ими материальных и не-материальных средств, достаточных не только для обеспечения своей жизнедеятельности, но и для воздействия на другие классы с целью защиты своих интересов и подчинения других групп (классов) своему влиянию* – т.е. отношение этих групп к *производству, присвоению и распределению* общественного продукта[3] (продукта, главным образом в материальной форме, поскольку он является материальным основанием жизнедеятельности общества, но всё более значимым становится и продукт в идеальной форме – прежде всего в форме знания).

Но только *материальными* возможностями класса дело не ограничивается. Другой, *идеальной*, стороной внутреннего противоречия общества как субстанции является общественное (применительно к классам – классовое) сознание. Другими словами, материальное положение класса и его материальные возможности рефлексируются сознанием как индивидов, составляющих класс, так и класса в целом. *Классовое сознание, выраженное в идеологии класса, представляет собой инструмент мировоззренческого уровня*, посредством которого класс оказывает воздействие на другие общественные классы, стремясь подчинить их своему идеологическому, политическому, культурному и моральному влиянию. Класс, сумевший выполнить эти задачи, становится *гегемоном*[4] общественного разви-

---

[1] См. главу «15.4. Конкретизация движущего общественного противоречия».

[2] Там же.

[3] «…Все общество неизбежно распадается на два класса — *собственников* и лишённых собственности *рабочих*». (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. В 50 т. Т. 42, с. 86). Данное утверждение верно, но неполно (об этом далее) – из принципа субстанционального монизма императивно следует необходимость существования класса управления.

[4] Здесь не место для подробного рассмотрения феномена общественной гегемонии класса, но нельзя не сказать, что значительный вклад в разработку этой, без сомнения, весьма значимой для революционной практики идеи, внесли В.И. Ленин («Что делать» и др. работы) и А. Грамши (*Грамши А.* Тюремные тетради // Избранные произведения. В 3 т. Т. 3. М., 1959), даже при всём различии, которое они вкладывали в содержание этого общественного феномена. В современных условиях проблема классовой гегемонии не просто актуальна – она жизненно важна – и эта весьма серьёзная и перспективная тема классовых исследований должна быть поставлена в центр внимания партии, ставящей своей целью освобождение человека труда.

тия, именно такой класс оказывает решающее влияние на развитие общественных процессов.

Т.о. *материальные* возможности класса необходимо дополняются его *идеальными* возможностями – только в их диалектическом, *субстанциональном* единстве залог успешных действий класса в завоевании общественной гегемонии и становлении лидером общественного развития.

Принцип субстанционального монизма подразумевает ещё одно *императивное* требование к формированию общества – а именно, необходимость существования особой общественной структуры – органа управления (т.е. управляющего класса).[1]

Т.о. в самом общем (абстрактном) виде в обществе, основанном на *частном присвоении общественного продукта*, необходимо существуют *три фундаментальных класса*, различающиеся своим положением в материально-идеальной жизнедеятельности общества и, соответственно, возможностями воздействия на общественное развитие: *1. управляющий класс; 2. класс, производящий общественный продукт, но отчуждённый от его присвоения и распределения; 3. класс, присваивающий и распределяющий общественный продукт на основании права собственности на средства производства.*

Материальные возможности класса (материальное) рефлексируются классовым сознанием и т.о. положение и возможности класса в материальной сфере необходимо находят отражение в сфере идеального – в классовом сознании – что внешне выражается в форме классовой идеологии (не будем забывать, что субстанциональное развитие самой своей сутью предполагает тождественную связь между материальным и идеальным).

В свою очередь, классовое сознание (идеальное), *адекватно* (это принципиально важно) выражающее объективное положение класса в обществе и его возможности, способно стать основанием классовой идеологии и выразить интересы класса в конкретной форме в виде политических, экономических, культурных и т.п. требований.

Сущность адекватного классового сознания очень хорошо определил Г. Лукач: это сознание, которое «*имели бы люди* в определённой жизненной ситуации, если бы *они были способны полностью понять* эту ситуацию».[2] И далее - «…классовое сознание является… осознанным смыслом исторического положения класса».[3]

Однако, на наш взгляд, позиция Лукача требует уточнения. Историче-

---

1 «…В человеческих сообществах как субстанциональных саморазвивающихся сущностях необходимо присутствует особый орган, который, существуя в форме обособленной структуры общества, выполняет функции органа отражения-управления в отношении сообщества в целом. В реальности этот орган отражения-управления существует в форме органа власти, усложняясь и развиваясь вместе с усложнением и развитием общества» (см. главу 21.3.2. Детерминированность форм сознания способом отражения действительности).

[2] *Лукач Г.* История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. М: «Логос-Альтера», 2003. С. 150.

[3] Там же. С. 170.

ское положение класса и, тем более, его жизненная ситуация преходящи и потому единичны и особенны. В отношении отчуждённого класса такое сознание будет сознанием, ограниченным его наличным положением и потому неполным, неистинным. Сознание, ограниченное актуальностью, далее непосредственных жизненных интересов заглянуть не может и будет ограничиваться только экономическими, в лучшем случае, требованиями. *Адекватное* сознание отчуждённого класса должно исходить из *сущностных* интересов человека – из общего. Только в этом случае отчуждённый класс обретёт истинное адекватное классовое сознание.

Класс, осознавший свои классовые интересы и выработавший *адекватную своему общественному положению* классовую идеологию, способен активно воздействовать на общественные процессы, поворачивая их в свою пользу. Если при этом он обладает необходимыми материальными возможностями (не только экономическими, но и иными – политическими, военными, культурными), то именно этот класс будет доминировать в защите своих интересов и навязывании всему обществу своего классового мировоззрения – т.е. быть *гегемоном* общественных процессов.

Класс, не сформировавший своего ясно выраженного в классовой идеологии классового сознания и не актуализировавший свою идеологию в виде чёткой политической платформы и экономической программы (а также культурных и иных общественно важных идей) не способен на целенаправленные организованные действия и потому не может стать гегемоном общественного развития. Класс, не способный по указанной выше причине отстаивать свои классовые интересы в, прежде всего, политической и экономической сферах, обречён на покорное следование политике доминирующего класса (классов), причём, как правило, вопреки собственным интересам.

Как видим, для того чтобы стать *субъектом* общественного развития, класс, кроме наличия *материальных* возможностей, должен сформировать и *идеальную* составляющую своей жизнедеятельности, формами которой являются – классовое сознание, классовая идеология, политико-экономическая (прежде всего) программа класса, а также видение классом общественного развития в других сферах (культуре, науке и т.д.).

Но сказанное ещё не исчерпывает классовой проблемы. Согласно принципу субстанционального монизма в любой саморазвивающейся субстанции (а общество является именно такой субстанцией) необходимо существует орган отражения-управления субстанции. Следовательно, класс, чтобы стать субъектом общественного развития, должен иметь свой орган управления. Историческое развитие выработало форму такого классового органа управления – *политическая партия.*

Именно *партия конкретизирует классовое сознание в идеологических формах*, вырабатывает практические (политические, экономические и т.д.) программы и является организатором массовых действий класса.

***

Обращаясь к определённым выше трём фундаментальным общественным классам нетрудно увидеть, что они имеют далеко неравные возможности по выработке собственного классового сознания и созданию поли-

тической партии, тем более продвижению и защите своих классовых интересов.

1. *Управляющий класс и класс, присваивающий общественный продукт* (класс собственников, буржуазия), самим характером своей деятельности поставлены в положение органов управления – первый в сфере политики и государственного управления, второй – в сфере экономики, производства. Это обстоятельство самым решающим образом способствует *самостоятельной* выработке ими классового сознания, соответствующего их общественному положению. Тем более, что материальные возможности позволяют этим классам нанимать специалистов-интеллектуалов для выражения классового сознания в идеологических, политических, экономических, культурных и т.п. формах.[1]

Что касается политической партии, то управленческий класс не создаёт своей отдельной политической партии по той простой причине, что он защищает интересы и реализует потребности доминирующего класса, каковым в обществе частного присвоения общественного продукта является класс собственников – буржуазия. Политическая партия (партии) этого класса является также партией и управленческого класса.

Сознанием, адекватным социальному положению упомянутых классов, будет сознание своего классового превосходства, командного положения, тотального доминирования во всех сферах жизнедеятельности общества.[2] Как следствие, отношение этих классов к подчинённым классам будет собственническим, пренебрежительным, презрительным, что будет находить выражение не столько в личном общении, сколько во всех (по крайней мере, основополагающих) государственных, политических и экономических действиях. Эти классы будут всеми доступными им средствами стараться укрепить своё доминирующее положение, используя все формы воздействия на рецессивные классы, прежде всего, в сфере идеального (мировоззрение, идеология, культура и т.д.), с целью достижения «добровольного» согласия вторых на господствующее положение первых и укрепление своей классовой гегемонии. Они будут готовы пойти на неко-

[1] «Класс, имеющий в своем распоряжении средства материального производства, располагает вместе с тем и средствами духовного производства, и в силу этого мысли тех, у кого нет средств для духовного производства, оказываются в общем подчиненными господствующему классу». (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. В 50 т. Т. 3. С. 46).

[2] Мы не можем согласиться с Г. Лукачем, который отказывает классовому сознанию буржуазии в адекватности: «…ограниченность, которая делает классовое сознание буржуазии “ложным сознанием”, является объективной: это - само классовое положение. Она является объективным следствием экономической структуры общества…» (*Лукач Г.* История и классовое сознание. - С. 152). Ведь и сам Лукач писал (мы уже отмечали это выше), что классовое сознание является «осознанным смыслом исторического положения класса», а историческое положение класса буржуазии ограничено историческими же рамками и потому преходяще. Именно упомянутая Лукачем ограниченность и составляет суть адекватности буржуазного сознания, состоящей в актуальном (наличном) выражении этой исторической ограниченности.

торые компромиссы, не угрожающие их господству, только находясь под постоянным давлением подчинённых классов, но при появлении реальной угрозы для своего господствующего положения они не остановятся перед прямым насилием, что неоднократно продемонстрировано историей.

2. *Класс, производящий общественный продукт*, но не имеющий доступа к его присвоению и распределению, не может *самостоятельно* выработать адекватного классового сознания, поскольку характер деятельности подавляющего большинства его представителей таков, что они поставлены в положение *частичного, отчуждённого* человека, не имеющего широкого кругозора и основательного образования, ограниченного узкоспециальной деятельностью и повседневной заботой о выживании и потому неспособного заглянуть за недалёкий горизонт своего существования. Наличное, актуальное сознание представителей этого класса и класса в целом ограничено повседневной жизнедеятельностью и потому не выходит за рамки этой деятельности, т.е. за узкопрофессиональные, в лучшем случае локальные экономические интересы.

Адекватным сознанием (т.е. сознанием, соответствующим *объективному* положению) этого класса – *отчуждённого класса* – может быть только *сознание освобождения* – освобождения, прежде всего, от влияния идеологии господствующих классов, без чего невозможно восприятие собственной адекватной классовой идеологии. Только на таком идеальном основании возможна дальнейшая практическая (материальная) деятельность – освобождение уже от политической и экономической зависимости от господствующих классов. В противном случае движение освобождения выродится в беспорядочные действия класса, не имеющие чётко заявленной цели и организующих ориентиров, что многократно свидетельствует история. В этом пункте – выработке классового сознания, движение, как видим, идёт от идеального – классового сознания, к материальному – практическим действиям в материальной сфере.[1]

Поскольку адекватным сознанием отчуждённого класса может быть только сознание *освобождения от всех форм отчуждения*, то это сознание не может не быть сознанием общечеловеческим, соответствующим субстанциональным интересам человека как формы субстанции.[2]

Такое адекватное сознание отчуждённого класса может быть выработано

---

[1] «…Материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой; но и теория становится материальной силой, как только она овладевает массами. Теория способна овладеть массами, когда она доказывает ad hominem (доказательство применительно к данному лицу – ред.), а доказывает она ad hominem, когда становится радикальной. Быть радикальным — значит понять вещь в её корне» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 1. С. 422).

[2] «…Сама субстанциональная сущность человека необходимо диктует ему условия его развития – полное освобождение человека (и в форме индивида, и в форме сообщества) от всех моментов, связывающих и ограничивающих его самодеятельность, отчуждающих его от свободной творческой деятельности. Полностью свободная деятельность – вот субстанциональная сущность человека (и индивида, и общества в целом). Цель этой деятельности – познание и изменение внешнего мира в интересах человека» (см. главу «15.1. Сущность человека»).

тано только внешним по отношению к классу образом – обладателями мировоззрения, поставившего в центр мира человека, его сугубо человеческие интересы, интересы *свободного общества и личности, свободно осуществляющей свою деятельность* – т.е. людьми, занятыми интеллектуальной и организующей деятельностью. А это означает, что *создание политической партии отчуждённого класса является императивным условием его освобождения.*[1]

Именно партия, обладающая таким мировоззрением и соответствующей ему идеологией, и способна добиться адекватного осознания классом своего общественного положения и исторического призвания. Сознание, вносимое в класс партией и адекватное общественному положению и исторической роли класса, Г. Лукач очень точно назвал *вменённым* сознанием.[2]

Именно партия является «формообразованием пролетарского сознания»[3] и «носительницей классового сознания пролетариата».[4] Классовое же сознание, по Лукачу – «это “этика” пролетариата, единство его теории и его практики».[5]

(Попутно отметим один частный вывод Лукача, за которым стоит *объективность* субстанциональности как единства материального и идеального: «Наиболее разительным и тяжёлым по своим последствиям является тот раскол пролетарского сознания, который обнаруживается при разделении экономической борьбы с политической».[6]

Упомянутый раскол сознания есть следствие субстанциональности как единства материального и идеального. Актуальное сознание детерминируется фактическим положением пролетария в общественном производ-

---

[1] «Классовое политическое сознание может быть принесено рабочему *только извне*, то есть извне экономической борьбы… Область, из которой только и можно почерпнуть это знание, есть область отношений *всех* классов и слоев к государству и правительству, область взаимоотношений между *всеми* классами… Чтобы принести *рабочим* политическое знание, социал-демократы должны *идти во все классы населения…*» (*Ленин В.И.* ПСС, 5-е изд. Т. 6. С. 79).

[2] «…Рационально адекватная реакция, которая… *вменяется*… определённой типичной ситуации в производственном процессе, и есть классовое сознание» (*Лукач Г.* История и классовое сознание. – С. 150).

«…Проблема классового сознания была определена как проблема вменения классовых интересов…» (Там же. С. 159).

Лукача дополняет в своей весьма интересной и глубокой книге, причём независимо от него и в близкое ему время, советский философ К.Р. Мегрелидзе: «Классовый интерес… есть не что иное, как основные задачи данного класса, вытекающие из положения этого класса в данной системе общественных отношений необходимо, объективно и однозначно. Классовый интерес представляет, таким образом, вполне объективное и реальное нечто, а не субъективное определение». (*Мегрелидзе К.Р.* Основные проблемы социологии мышления. – Тбилиси: Мецниереба, 1973. С. 390).

[3] *Лукач Г.* История и классовое сознание. – С. 140.

[4] Там же. С. 141.

[5] Там же.

[6] Там же. С. 167.

стве (материальным) и ограничено, как следствие, наличными непосредственными отношениями в этом производстве и потому не выходит за пределы узко понимаемых непосредственных же экономических интересов и ограничивается требованиями *экономической* борьбы

Однако, истинной целью пролетариата является его полное освобождение от отчуждения, что может быть достигнуто только в *политической* борьбе, но сознание, которое может осознать эту цель, не имеет ещё основания в реальности, в наличных общественных отношениях и потому такое сознание не может быть *непосредственно* детерминировано наличной жизнедеятельностью пролетария (актуальным материальным), оно должно быть инициировано извне, партией, и должно ещё *стать* (вспомним гегелевское *становление*) в предстоящем материальном – в *действительной* борьбе за своё освобождение (адекватное классовое сознание (идеальное) и реальная борьба за освобождение (материальное) диалектически дополняют и формируют друг друга). Поэтому эта сторона сознания пролетариата некоторое время *объективно* будет иллюзорной, неявной, не детерминированной актуальным материальным – а потому неустойчивой, подверженной колебаниям, отступлениям и искажениям. Вторая сторона сознания должна постоянно формироваться и внедряться политической партией и окончательно сформируется только в реальной борьбе за свои *истинные* интересы, т.е. в *политической* борьбе).

Из необходимости завоевания лидирующего положения в общественном процессе следует и ещё одно условие успешности действий класса – *общественная активность* (политическая – прежде всего и главным образом, а также экономическая, культурная и т.п.) и партии, и класса. Партия обязана быть предельно активной *всегда*, постоянно, ни на минуту не забывая о своей не только классовой, но и всеобщественной (более того, всечеловеческой) миссии. Активность партии – перманентное требование, необходимое условие успешности действий класса.

Однако, в свою очередь, активность класса не детерминируется активностью партии напрямую, она определяется рядом конкретно-исторических условий и является функцией не только внутриобщественных, но и международных отношений и это должно быть предметом постоянного внимания и анализа со стороны партии. Не учитывая уровня активности класса, его способности к действиям, не влияя на них, партия будет совершать ошибки тактического плана, что неизбежно повлияет и на достижение стратегических целей.

Было бы неверным думать на основании сказанного о роли партии, что партия стоит вне и над классом. Движение партии к классу и класса к партии есть одно и то же диалектическое движение, рассматриваемое с разных сторон – со стороны партии как становление (внесение (вменение) адекватного сознания в класс) и со стороны класса как прехождение (преодоление ограниченного узкоклассового сознания). Итогом, результатом этого обоюдного движения является его снятие в соотношении партии и класса как их единства, в котором партия – это авангард класса, а класс – движущая сила партии. *Партия без класса бессильна, класс без партии – бессознателен.*

Только теперь, обладая *адекватным* классовым сознанием, *вменённым* классу партией и будучи возглавляем партией, вооружённой теорией создания нового общества, класс, бывший до того классом в-себе, *потенциально* (но только потенциально) становится классом для-себя.

Однако *действительное*, актуальное становление класса классом для-себя происходит *только* тогда, когда идеальное переходит в материальное, т.е. когда класс начинает *действовать* в своих и, значит, общечеловеческих интересах в соответствии с вменённым адекватным классовым сознанием – т.е. когда *теория переходит в практику революционной деятельности*, «становится материальной силой».

В этом диалектическом взаимодействии революционной деятельности (материального) и её отражения в самосознании, идеологии класса (идеальном) и их постоянном влияния друг на друга класс обретает качество субстанциональности и становится *субъектом* исторического общественного процесса. Только теперь класс становится классом для-себя и *гегемоном* общественного развития, способным произвести революционное преобразование общественных отношений в интересах всех людей.

Следует отметить ещё один очень важный момент, касающийся определения самими членами общества своей классовой принадлежности и, что не менее (а, возможно, и более) важно, своих *классовых предпочтений*. Это *диалектическая двойственность классовой принадлежности*: индивид *объективно* занимает определённое место в структуре общественной жизнедеятельности (в материальном), что императивно диктует ему соответствующее этому месту сознание, и одновременно он же относительно свободен, *субъективен* в выборе своих мировоззренческих и идеологических предпочтений (в идеальном).[1] Следствием этого противоречия является положение, когда представители отчуждённого класса «заражаются» буржуазной идеологией и не воспринимают доводы о необходимости борьбы в защиту своих истинных классовых (т.е. общечеловеческих) интересов.

Чтобы быть воспринятым (вменённым) в адекватном виде классовое сознание должно найти соответствующее *основание* в индивидуальном сознании. Таковым основанием может быть только определённый уровень знаний и культуры, позволяющий *осознанно* (т.е. критически) воспринять идеологию, отвечающую истинным интересам человека, стремящегося к освобождению от всех форм отчуждения. Как следствие, даже среди носителей адекватной классовой идеологии будет значительна масса людей, не обладающих достаточно основательными знаниями и куль-

[1] «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 13. С. 7). Это только часть истины, диалектическим дополнением которой является неоспоримый факт *относительной свободы* сознания. Разрешением, снятием противоречивости бытия и сознания и является *тождественная* материально-идеальная жизнедеятельность человека, в которой бытие рефлексируется сознанием и сознание, относительно свободное в своих действиях, в свою очередь, реализуется в практических действиях, изменяя бытие.

турно образованных, а потому весьма поверхностно её воспринявших и, как результат этого, неустойчивых, колеблющихся, с которыми будет необходимо вести постоянную работу. И второе следствие – поверхностно воспринятая адекватная классовая идеология будет неизбежно воплощаться (и это постоянно доказывает революционная практика) в грубых, несоответствующих сущностным интересам коммунистического движения, формах действий, о чём предостерегал ещё Маркс.[1] Это очень серьёзная опасность для революционной практики, что должно быть предметом постоянного внимания политической партии класса.[2]

Отмеченная выше диалектическая противоречивость (объективного положения и субъективного сознания) и создаёт «поле боя» между идеологией, адекватной сущностным интересам человека (и класса), и идеологией, активно (и даже агрессивно) навязываемой обществу господствующими классами. Именно в этом пункте – в сознании, в идеальном – находится точка приложения усилий противодействующих сторон – господствующих классов, на стороне которых вся сила государства, и партии отчуждённого класса и самого класса, на стороне которых истина теории и сила правды. Казалось бы немного, но для победы вполне достаточно – дело за активным *революционным* действием. Вспомним, как В.И. Ленин решительно и уверенно говорил о значении «социалистического сознания рабочих масс – этого единственного базиса, который может обеспечить нам победу».[3] Практика революции доказала его правоту, нам есть с кого и чего брать пример.

21.3.5. Краткие выводы

Согласно принципу субстанционального монизма общество представляет собой саморазвивающуюся субстанцию – т.е. тождество своих материальной и идеальной сторон – и является субъектом собственного развития. Материальная сторона общества как субстанции представлена всеми материальными возможностями общества. Идеальная сторона представлена индивидуальным и общественным (классовым, групповым и т.п.)

---

[1] Там же. Т. 42. С. 114-115.

[2] Культура отчуждённого класса, это, прежде всего, отрицающая культура – т.е. культура, отвергающая *торгашескую сущность* культуры буржуазной и потому критически относящаяся к существующей в капиталистическом обществе культуре, т.е. культуре, навязываемой обществу господствующими классами. Только основываясь на этом отрицательном действии пролетарская культура может диалектически прийти к себе самой как положительной культуре – культуре, *снимающей* в себе гуманистические принципы, выработанные человечеством – и как таковая пролетарская культура есть уже культура общечеловеческая.

Отсюда понятно, что в период смены общественной капиталистической формации на формацию социалистическую, весьма вероятны (а практика показала, что и неизбежны) эксцессы грубого отрицания культуры бывших господствующих классов, даже в её лучших, гуманистических формах. Только с укреплением власти отчуждённого класса приходит понимание необходимости сохранения лучших достижений прошлой культуры.

[3] *Ленин В.И.* ПСС. - Т. 6. С. 8.

сознанием.

Материальная и идеальная стороны взаимно влияют друг на друга – материальные изменения рефлексируются (отражаются) сознанием, сознание воплощается в практике, в материальных действиях. Эта диалектическая двойственность субстанции «общество» и находится в основании общественного развития и определяет его направление и формы.

Общество структурируется на фундаментальные общественные группы (классы) соответственно их материально-идеальным возможностям, а именно: класс управления; класс производящий общественный продукт, но отчуждённый от его присвоения; класс, присваивающий и распределяющий общественный продукт.

Классы, управляющие обществом и распоряжающиеся практически всеми материальными возможностями общества, являются господствующими классами, навязывающими всему обществу свою идеологию. Их классовое сознание является узкоклассовым, направленным исключительно на защиту своих классовых интересов.

Классы, отчуждённые не только от присвоения и распределения общественного продукта, но и от воздействия на, практически, все (политические, экономические, культурные) сферы жизни общества, находятся в подчинённом положении. Адекватным классовым сознанием этих классов может быть только сознание освобождения от всех форм отчуждения и эксплуатации, т.е. это, по сути, общечеловеческое сознание. Но такое сознание отчуждённый класс не способен выработать самостоятельно – это может сделать только политическая партия класса, которая и вносит (вменяет) в класс адекватное его объективному положению сознание.

В интересах своего (и, тем самым, всего общества) освобождения от всех форм отчуждения отчуждённый класс и его политическая партия должны действовать максимально активно и это действие не может не быть действием революционным, поскольку освобождение приведёт к коренным, революционным преобразованиям всего общества.

Поскольку диалектичность реальности состоит в том, что материальное и идеальное взаимовлияют друг на друга, и идеальное в форме общественного (классового) сознания воздействует на материальное посредством общественной (классовой) практики, то *основным объектом воздействия политической партии отчуждённого класса является сознание этого класса*. Успешная политическая деятельность партии по защите классовых (и, следовательно, общечеловеческих) интересов возможна только при массовой поддержке со стороны класса, т.е. при осознании им своих истинных человеческих интересов.

Межклассовая борьба *всегда налична и актуальна* в обществе, в котором постоянно воспроизводится потенциал классового противостояния, вызванный разным общественным положением классов и их возможностями в присвоении производимого общественного продукта и степени воздействия на общество в целом.

***

В заключение невозможно не сказать о знаменитом тезисе усиления классовой борьбы при социализме.

Полагаем, что это не очень сложный вопрос. Если при социализме прямая межклассовая борьба и не ведётся вследствие отсутствия *антагонистических* классов, то сохраняется необходимость мировоззренческой борьбы с буржуазной идеологией, пропагандирующей отчуждение, основанием чего является частная собственность, в качестве фундаментальной основы жизнедеятельности общества. Эта необходимость есть следствие как исторической инерции и сохранения некоторых форм жизнедеятельности, характерных для частнособственнического общества, так и наличия внешнего капиталистического окружения. Но формами этой борьбы должны быть не репрессии, для которых при социализме нет классового субъекта, а, прежде всего и главным образом, реальное изменение условий жизни (материальное), а также неуклонное повышение возможности *действительного* влияния каждого человека на личную и общественную жизнь – что непременно будет положительно рефлексировано идеальным – индивидуальным и общественным сознанием с соответствующим выражением в практике.

21.3.6. Классовая структура общества

Потребности практической работы политической партии по вменению адекватного классового сознания отчуждённому классу и организации его действий настоятельно диктуют необходимость дальнейшей конкретизации классовой структуры общества.

Рассмотрение можно начать, собственно, с любого из определённых ранее трёх фундаментальных классов, но с точки зрения общества как субстанции, являющейся субъектом собственного развития, целесообразно начать с классов, занимающих в обществе доминирующее положение – класса управления и класса собственников.

Поскольку все классы, во-первых, выполняют в обществе не одну, а множество общественно необходимых функций, и, во-вторых, материальные (и идеальные) возможности распределены внутри классов неравномерно, то из этого следует, что каждый класс неоднороден, стратифицирован, разделён на слои и группы.

1. Исходя из функции *класса управления* как функции обеспечения общегосударственной деятельности, в нем необходимо существует слой, принимающий решения, и слои (рабочие органы), обеспечивающие выполнение этих решений.

Принимаемые решения могут касаться разных уровней государственного управления (общегосударственный, региональный, местный), но все они характеризуются тем, что имеют обязательный к исполнению статус. Именно слой класса управления, от имени, якобы, всего общества принимающий императивные решения и определяющий приоритеты общества и правила его жизнедеятельности, обладает, тем самым, властью в отношении всего общества и может быть назван *потенциатом* (от лат. *potestas* – власть, могущество). При этом высший уровень этого слоя (государственный) обладает практически *абсолютной* властью.

(Что касается соблюдения т.н. принципа демократии, т.е. участия в принятии решений выборных парламентских органов, то внутри этих ор-

ганов осуществляется такая же градация принимающих решения лиц – есть высший слой, и есть более низкие уровни).

Классовое сознание потенциата есть именно то сознание абсолютного превосходства, о котором мы говорили выше, рассматривая управляющий класс.

К средним и низшим слоям класса управления следует отнести тех, кто обеспечивает деятельность слоя, принимающего решения, и выполнение последних. Этот слой – рабочие органы – можно назвать *администриатом*.[1]

К исполнительным органам класса управления следует отнести также все структуры, специализированные к определённым функциям государственного управления, главным образом в правоохранительной сфере и сфере безопасности – *сервоцивиат* (от лат. *servio* – служить, *civitas* – государство).

Классовое сознание этих слоёв имеет двойственный характер и потому имманентно неустойчиво, что выступает явно в периоды общественных кризисов. С одной стороны, упомянутые структуры предназначены для выполнения общегосударственных задач, т.е. обязаны действовать в общих интересах, интересах общества в целом, а не отдельных его частей (классов, слоёв). Т.е. их сущность – в защите *общего* (общества как целого) и именно это обстоятельство в довольно значительной степени определяет доминанту классового сознания сервоцивиата. Однако, по своей функции сервоцивиат обязан выполнять решения потенциата, по *форме* принимаемые от имени государства, но, с другой стороны, эти решения по своей *сути* могут быть направлены против общего (интересов социума) в защиту частного (интересов правящего класса) и потому вызвать противодействие общества.

Т.о. самим своим положением в обществе сервоцивиат поставлен в противоречивое положение – будучи *формально* обязан действовать в интересах общества как целого, *фактически* решением потенциата (и/или администриата) он в ряде случаев вынуждается действовать против интересов общества, в интересах его небольшой части. Глубинная двойственность сознания, вызванная данным обстоятельством, и есть основание скрытой неустойчивости сознания сервоцивиата, что во время общественных кризисов и революций проявляется в его неуверенных действиях и заканчивается разложением, размежеванием на группы, примыкающие к другим классам и слоям. Данный феномен может и должен быть использован партией отчуждённого класса в его и, следовательно, всеобщих интересах.

---

[1] Но и здесь картина далеко не простая. Администриат потенциата высшего (государственного) слоя управления, не обладая для того необходимыми правами, тем не менее, обладает возможностями, значительно превышающими возможности потенциата регионального и, тем более, местного уровня. Соответственные отношения существуют и между региональным и местным уровнями. В свою очередь, в каждом слое администриата существует собственная градация на тех, кто принимает решения и тех, кто обеспечивает деятельность.

Завершая краткий анализ класса управления невозможно не отметить, что, несмотря на своё, по видимости, главенствующее положение этот класс далеко не во всех формах обществ является самостоятельным классом. Чем бóльшие материальные и идеальные возможности наращивает класс собственников, чем выше его возможности по установлению гегемонии над другими классами, тем активнее он начинает вторгаться в сферу общественного управления, формируя потенциат из своей креатуры. Интересы всего общества заменяются интересами класса собственников, который для их реализации использует всю силу государства. В наше время мощь капитала, прежде всего финансового, такова, что государство подчинено ему практически полностью и т.н. демократические процедуры играют роль декоративного оформления диктаторского, по сути, содержания.

2. Перейдём к этому классу. *Класс, присваивающий общественный продукт* (по сложившейся традиции будем называть его классом капиталистов), также далеко неоднороден и структурируется по размеру капитала и, соответственно, экспроприируемому продукту, что, в свою очередь, даёт возможность влияния на общественные процессы, прежде всего посредством решений, принимаемых потенциатом, а также через негосударственные структуры (СМИ, фонды, общественные организации и т.п.).

Наибольшими (ограничиваемыми, в конечном итоге, только общим потенциалом государства) возможностями обладает *олигархат* – высший слой представителей финансового, в основном, капитала международного уровня.

Классовое сознание этого слоя представляет наиболее радикальную, бескомпромиссную форму капиталистического сознания, вследствие чего олигархат способен идти на уступки в ущерб собственным интересам только в исключительных для него обстоятельствах и будет защищать свои интересы всеми, доступными этому слою, способами, используя, прежде всего, возможности государства через аффилированный с ним (олигархатом) потенциат.

Ниже олигархата располагается, с ощутимо меньшими возможностями, слой представителей *крупного капитала*. Это, преимущественно, представители производственного и торгового капитала. Выделение в качестве самостоятельного капитала этих форм капитала достаточно условно, поскольку они фактически полностью подконтрольны финансовому капиталу. Но т.к. производственная деятельность осуществляется в материальной сфере и совершенно чётко отделена самим своим характером от любой иной деятельности, то это обстоятельство оказывает существенное влияние на формирование соответствующего этой деятельности сознания.

Классовое сознание представителей этого слоя имеет более практичный характер в силу специфики их деятельности и потому они более склонны к рациональным (и даже компромиссным) решениям, нежели олигархат.

Нижний уровень класса капиталистов представляют владельцы *среднего и малого капиталов*. Несмотря на их значительное численное преобладание над двумя верхними слоями они не оказывают сколько-нибудь

существенного влияния на решения потенциата высшего, государственного уровня и довольствуются региональным и местным уровнями.

Но именно в силу своей многочисленности (относительной, конечно) этот слой является в обществе опорой капиталистического, буржуазного сознания и основным носителем и проводником буржуазной идеологии. Но одновременно, находясь под постоянным давлением финансового и крупного промышленного капитала, слой средних и мелких капиталистов именно в силу данного обстоятельства противопоставлен им в сфере экономики. Соответственно, сознание этого слоя имеет противоречивый характер – оно и привержено капиталистическим принципам, и одновременно отвергает их, когда они применяются к нему самому. По этой причине в периоды общественных кризисов рассматриваемый слой потенциально способен и на *политические* действия по защите своих интересов, входящие в противоречие с интересами олигархата и крупного капитала. Как следствие, слой представителей среднего и, главным образом, малого капитала может *ситуативно* действовать совместно с отчуждённым классом против высших слоёв буржуазного класса и связанного с ним потенциата, что непременно следует использовать в своей борьбе партии отчуждённого класса.[1]

К классу капиталистов следует отнести и слой управленцев, нанимаемых капиталистами для управления своей собственностью. В отношении этой категории необходимо сказать следующее. В многочисленных публикациях всё чаще и настойчивее высказывается мысль, что данный слой управленцев, называемый *менеджариатом*, фактически заменил собой слой самих собственников, капиталистов и выполняет их функции по управлению капиталом и потому, дескать, капиталисты как таковые в современном мире не играют почти никакой роли.

Подобные псевдотеоретические экскурсы предпринимаются исключительно для того, чтобы показать, что класс капиталистов стал фикцией, от которой ничего не зависит и потому противодействие этому классу также становится фикцией. Идеологические мотивы этой затеи видны невооружённым глазом.

То, что миф о «революции менеджеров» никакого отношения к реальности не имеет, вряд ли надо особо доказывать. Достаточно указать на то, что *принципиальные* решения относительно основных направлений деятельности принимают исключительно собственники капиталов посредством разных форм т.н. участия в капитале. На долю же менеджариата, даже самого высокого уровня, остаётся обеспечение выполнения принятых принципиальных решений. Ссылка апологетов теории менеджариата на то обстоятельство, что ключевые решения принимают только те, кто

[1] Следует прямо сказать, что заигрывание с этим слоем класса собственников, например, наподобие выдвижения лозунгов «за поддержку отечественного производителя», не только ничуть не способствует вменению адекватного сознания отчуждённому классу (и в первую очередь пролетариату) и ни на шаг не приближает к его освобождению, но и оказывает отрицательное действие определённым пренебрежением истинными интересами отчуждённого класса.

держат контрольный пакет акций, а ими, дескать, часто оказываются высшие менеджеры (пусть даже и по доверенности), доказывает обратное их утверждению – пакет акций есть свидетельство собственности на капитал и т.о. менеджеры и есть капиталисты, управляющие подконтрольным капиталом. (В действительности акционерная форма участия в капитале весьма усложнена (и соответственно усложнились формы собственности), но *суть* её не изменилась со времени появления – полной властью над капиталом обладают только собственники капитала независимо от внешней формы этой собственности, либо те, кто управляет капиталом от имени собственников и в интересах последних).

Но, главное в том, что отношения менеджариата и собственников капитала это *форма*, внешнее (единичное и частное, даже случайное) по отношению к *сущности*, общему (закономерному), детерминирующему всю деятельность и собственников капитала, и менеджариата – к капиталистическим общественным отношениям, т.е. отношениям, определяемым необходимостью производства и присвоения прибавочной стоимости.

Капитал императивен – т.е. он самой своей *сущностью* детерминирует поведение своих агентов (собственников, менеджеров, акционеров), заставляя их действовать только в одном направлении – стремлении к его непрерывному увеличению. Именно эта функция капитала определяет суть капиталистических общественных отношений.

Отношения собственности хотя и были необходимым фактором появления на свет капитала как общественного феномена, создавшего новые общественные отношения, – т.е. отношения, подчинённые сущности капитала как необходимости его постоянного возрастания, – по мере развития капиталистических отношений и завоевания ими полного господства над обществом *превратились из демиурга капитала в его вассала*.

В современных условиях не имеет значения, кто управляет капиталом (т.е. реализует право собственности на капитал) – собственник (в лице индивида или группы акционеров) или его наёмный работник (менеджер). *Капитал диктует правила поведения* не только своим агентам, но, посредством влияния на материальную (а в наше время и на идеальную) жизнь общества, и всему обществу, не делая исключений ни для одного из его классов (групп, слоёв, страт). В наше время капитал полностью стал над собственностью – *не собственник* (или его наёмный менеджер) *владеет капиталом, а капитал владеет собственником*.[1]

По мере роста капитала, его концентрации и централизации, он обретает всё большую силу над подвластными ему процессами, в которых он начинает играть главенствующую, детерминирующую роль. Собственник

[1] Именно это отношение создаёт иллюзию полного, якобы, отрыва капитала от собственности, следствием которой стало возможным возникновение псевдотеорий, объединяемых общим названием «революция менеджеров». Хотя на самом деле и изменилось соотношение капитала и собственности на него – теперь примат за капиталом – но никак не их неразрывная взаимосвязь и главный детерминант капитала – необходимость его постоянного самовозрастания.

крупного капитала уже не волен диктовать ему свою волю – напротив, капитал определяет действия собственника.

Капитал, отделяясь от собственника, избавляясь от его посредства между собой и производством, тем самым уже непосредственно реализует закон своего существования и движения и менеджериат с железной необходимостью будет вынуждаться потребностью капитала в самовозрастании к действиям, *совершенно адекватным* этой потребности.

Сама сущность капиталистических общественных отношений диктует следующий императив – совершенно неважно является ли некое лицо (лица) *собственником* (собственниками) капитала или оно (они) только *управляет* им по поручению собственника (собственников). В своей *общественной* функции менеджериат обречён действовать также, как и собственники капитала, т.е. как *агент капитала* и исключительно в *интересах капитала* и в этой функции ничем не отличается от собственников – все действия менеджериата осуществляются в интересах капитала и за счёт других субъектов общественных отношений, в том числе и государства.

Сознание этого слоя идентично сознанию их нанимателей и даже более агрессивно, поскольку его представители стремятся перейти рангом выше – из нанимаемых стать нанимателями.

Наш анализ подводит к выводу, что если собственник капитала с психологической точки зрения является его квази-партнёром, то наёмный менеджер – рабом капитала, причём рабом бесконечно преданным.

3. Перейдём, наконец, к третьему фундаментальному классу – *классу, производящему общественный продукт*,[1] но не имеющему отношения к его присвоению и распределению – *отчуждённому классу*.

До сих пор этот класс нередко рассматривают как класс наёмных, по преимуществу промышленных, рабочих, занятых, в основном, физическим трудом и по традиции называют *пролетариатом* (от лат. *proletarius* — неимущие). И хотя Маркс совершенно недвусмысленно указал всего два определяющих признака пролетария – характеризуемого 1. наёмным трудом, который 2. производит и увеличивает капитал[2] – что существенно расширяет понятие пролетариата (переводит его в общую форму), представление пролетария как наёмного рабочего в сфере материального производства (т.е. частное определение) закрепилось прочно и стало привычным, спорить с этим не будем.

Однако потребности практической деятельности отчуждённого класса и его партии настоятельно требуют конкретизировать содержание поня-

[1] Выше мы отмечали, что под общественным продуктом понимается не только продукт в материальной форме, но и идеальный продукт – знание.

[2] «Под “пролетарием” в экономическом смысле следует понимать исключительно наёмного рабочего, который производит и увеличивает “капитал”» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 23. С. 628). Более частное определение дано Энгельсом: «Пролетариатом называется тот общественный класс, который добывает средства к жизни исключительно путём продажи своего труда, а не живёт за счёт прибыли с какого-нибудь капитала...» (Там же. Т. 4. С. 322).

тия отчуждённого класса и его структуру.

Поскольку в основании жизнедеятельности общества находится *материальное производство*, особенность которого заключается в специфичности его вещественных форм, а также в концентрации и централизации, то часть отчуждённого класса, занятая в материальном производстве (как в промышленном, так и в сельскохозяйственном), относительно обособлена самим характером своей деятельности от других слоёв отчуждённого класса. Очевидно, именно за этим слоем следует сохранить наименование *пролетариата*.

Поскольку жизнедеятельность общества только производством материального общественного продукта не ограничивается, то необходимо существуют и другие слои отчуждённого класса, выполняющие функции по обеспечению других потребностей общества, кроме чисто производственных, и также отстранённые от участия в присвоении и распределении общественного продукта.

Эти слои не участвуют, по видимости, в производстве общественного продукта в материальной форме, но их деятельность общественно не менее значима, чем материальное производство.

В особенную форму общественного производства необходимо выделить, прежде всего, диалектическое дополнение сферы материального производства – *производство (и использование) идеального продукта – знания*. Без постоянного воспроизводства идеального продукта в форме знания жизнь общества в принципе невозможна. Слой людей, занятых в научном производстве принято называть *когнитариатом* (от лат. *cogito* – думать, мыслить).[1] Поскольку в сфере научного производства создаётся *идеальное основание жизнедеятельности общества* как целого и, в частности, идеальное основание материального производства, то значение науки и, соответственно, деятельности когнитариата, уже сейчас критически важно для общества и будет только возрастать.

Очевидно, что к когнитариату следует отнести и работников производственной сферы, осуществляющих инженерно-техническую деятельность (использующих полученное знание, опосредствующих тем самым идеальное и материальное).

Другой особенной формой общественного воспроизводства является *воспроизводство самого человека*. Эту функцию выполняют сферы образования, здравоохранения и культуры – а потому люди, в них занятые, в своей совокупности составляют слой *гуманитариата* (от лат. *humanitas* – гуманность, образование, человеческая природа).

И, наконец, в общественных интересах в рамках разделения труда обособились функции по *созданию условий*, облегчающих жизнедеятельность людей – *сфера обслуживания* с весьма многочисленными функциями по обеспечению разных сторон жизни в сфере *потребления*. Слой людей, в ней занятых, назовём *сервиатом* (от лат. *servio* – служить, обслу-

[1] Хотя по смыслу деятельности целесообразно называть этот слой сциентиатом (от лат. *scientia* – наука) – мыслят все (впрочем, здесь уместно сомнение), а научным трудом заняты немногие, но не будем спорить.

живать).

Очевидно, для завершения полноты картины следует упомянуть и слой людей, издавна называемых *люмпенами* (от нем. *lumpen* — лохмотья), т.е. деклассированных, выпавших из всех упомянутых общественных групп. Пожалуй, достаточно только упоминания об этом слое, поскольку он не оказывает значимого влияния на общественные процессы.

Общественное окружение, соответствующее сфере занятости человека, и условия им диктуемые, необходимо будут оказывать существенное влияние на формирование его сознания (но не будем забывать, что сознание относительно самостоятельно в своих выводах и предпочтениях).

На сознание *пролетариата* весьма существенное влияние оказывает факт его (и пролетариата, и сознания) полной подчинённости нуждам производственного процесса, в котором человек является частью технологического процесса, дополнением вещественных факторов производства и занимает зависимое от них положение. В этом положении пролетарий есть пресловутый «частичный» человек, что отмечали ещё классики, деятельность которого и её результаты принадлежат не ему, отчуждены от него. Эта сторона деятельности отражается в сознании чувством собственной неполноты, недовольством своим состоянием, желанием его изменения – и это есть *отрицающий* момент сознания как *потенция к возможному действию*.[1]

Но одновременно сам характер строго регламентированной производственной деятельности, осуществляемой коллективно, дисциплинирует сознание (хотя и насильственным в отношении личности образом), формирует коллективистские черты сознания, понимание силы совместных действий и осознание необходимости их организации – и это есть *положительный* (утверждающий) момент сознания как возможность реализации потенции к действию.

В своём диалектическом тождестве (единстве в различии) отрицающий и положительный моменты сознания составляют внутреннюю противоречивость сознания.

Разрешением внутренней диалектической противоречивости сознания, снятием в единстве его отрицательной и положительной сторон, является обретение адекватного классового сознания и последующая реализация этого идеального момента в практических действиях класса и, тем самым, становление им классом для-себя. Но обрести адекватное классовое сознание самостоятельно пролетариат не может (о причинах этого сказано выше) и первой (но далеко не единственной) задачей политической партии отчуждённого класса является вменение (внесение) такого сознания пролетариату.

Совершенно в других общественных и производственных условиях осуществляет свою деятельность *когнитариат*. Во-первых, следует учи-

[1] В диалектическом противоречии, т.е. противоречии, стороны которого одновременно и раздельны, и неотделимы друг от друга, именно отрицательная (отрицающая) сторона детерминирует потенцию движения противоречия к его разрешению.

тывать высокий уровень образования этого слоя. Во-вторых, в своей деятельности когнитарий не является полностью «частичным» человеком, даже несмотря на очень высокий уровень научной специализации. Напротив, когнитарий находит удовлетворение в своей работе. В-третьих, результат деятельности когнитария отчуждён от него не полностью – если собственность на использование открытия (изобретения) и отчуждается, то авторский приоритет нередко сохранятся. В-четвёртых, в силу названных и некоторых других условий когнитариат формирует стиль жизни, культурный уровень которого значительно выше, чем у пролетариата.

Названные факторы являются основанием для формирования сознания, в котором доминирует культурная, в самом широком смысле, составляющая, что позволяет самостоятельно выработать адекватное понимание своих (и не только своих) классовых интересов.

Однако, те же факторы способствуют появлению той стороны сознания, которая выступает как склонность к компромиссам, соглашательству, сглаживанию острых сторон общественных коллизий, следствием чего является робость и непоследовательность действий в общественных конфликтах. И для преодоления данного недуга нужна внешняя организующая сила – политическая партия отчуждённого класса, чьей обязанностью, даже экзистенциальным императивом является налаживание совместных действий когнитариата, пролетариата и гуманитариата.

В отношении когнитариата следует сказать и о следующем обстоятельстве. Поскольку когнитариат производит и использует идеальный продукт (знание) который по своей сути не может быть частной собственностью и действен только как общее достояние, то эта противоречивость его профессиональной деятельности – всеобщая, с одной стороны, деятельность по производству знания и частное, с другой стороны, присвоение её результатов собственниками капитала – в сознании выступает в форме противоречия между осознанием всеобщности своей деятельности и противостоящего ей частного характера её использования. Т.о. когнитариат самим своим положением в общественном воспроизводстве формируется как носитель принципа всеобщности человеческой деятельности, неотчуждаемой от личности, и, казалось бы, по своей сути в соответствующих условиях потенциально способен выступить гегемоном общественного развития, демонстрирующим самой своей деятельностью направление развития. Однако, отмеченные выше негативные стороны сознания когнитариата не способствуют достижению этого положения. Тем не менее, когнитариат способен быть носителем и проводником общечеловеческой идеологии и оказать политической партии отчуждённого класса незаменимую помощь в деле выработки и вменения другим общественным слоям адекватного классового сознания.

Если говорить о *гуманитариате*, то характер его деятельности по своей сути во многом соответствует деятельности когнитариата и потому совпадают соответствующие стороны классового сознания. Отличие в том, что гуманитариат подвергается более активному и сильному административному и идеологическому давлению со стороны класса управления (в отношении государственных организаций и заведений) и класса соб-

ственников (в отношении частных организаций и заведений), что деструктивно влияет и на выработку адекватного классового сознания, и на практические действия гуманитариата. И в этом случае роль политической партии отчуждённого класса как общественного организатора незаменима.

Что касается *сервиата*, то условия его деятельности – небольшие группы, постоянный контроль со стороны собственников, полная зависимость от них, частая смена мест и рода занятий, необходимость угождения клиентам и т.п. – формируют черты сознания, которые способствуют определённой самоизоляции этого слоя, его низкой активности, неустойчивости, соглашательству, что существенно затрудняет возможность обретения адекватного классового сознания и вовлечение этого слоя в активную практическую деятельность освобождения.

Заканчивая анализ классовой структуры общества, следует заметить, что стратификацию классовой структуры общества можно (а в практических целях и необходимо) продолжать и далее, поскольку все перечисленные слои внутри себя различаются по доходам, образованию, уровню культуры, возрасту, полу, жизненной активности, наконец. Последний фактор, в свою очередь, определяет весьма важный общественный феномен – в соответствии с ним выделяются лидеры, основная масса и аутсайдеры – и это также следует учитывать в классовом анализе и, тем более, практической работе политической партии отчуждённого класса.

***

Отдельно необходимо сказать о теоретико-методологической тенденции, выражающейся в стремлении размыть понятие класса как *конкретного общественного субъекта, способного на активное революционное действие* по ликвидации своего отчуждения и изменению общественного устройства, изъять из общественного сознания саму возможность анализа такого поворота событий. Отмеченная тенденция проявляется в форме гиперболизации, т.е. в форме придания некоторым *частным* признакам классовой принадлежности статуса *всеобщности*.

Об одной из таких попыток – об элиминировании понятия класса капиталистов и абсолютизации роли менеджариата – было сказано выше. Но данный метод применяется и в отношении отчуждённого класса, понятие которого путём вербальных манипуляций стараются распространить буквально на все слои общества и, тем самым, показать ненужность и невозможность, якобы, становления им класса для-себя и превращения в общественного *субъекта*, творца собственной истории.

Для этого изобретаются новые понятия, такие как, например, «салариат», «прекариат», «средний класс» и т.п. Первое означает «получающие регулярную зарплату», второе – «не имеющие постоянной работы», третье – «имеющие достаточный уровень дохода».

Как нетрудно видеть понятие *салариата* выражает не сущность класса, не его положение в производстве, присвоении и распределении общественного продукта, а исключительно *форму участия в личном потреблении*. В соответствии с данным определением к этому «классу» относятся и властный слой, выполняющий волю господствующих классов, и те, кого

власть подавляет, пресекая попытки защиты своих интересов – не класс, а пресловутая вдова, постоянно секущая саму себя.

Понятие *прекариата* частично выражает форму участия в производстве, но это именно всего лишь форма, не выражающая всей сущности классовой принадлежности. Здесь взят за основание всего один признак, частное (неполное участие в производстве) по отношению к общему (непосредственному участию в производстве, присвоении и распределении произведённого общественного продукта). По этой причине понятие прекариата есть абстракция, не выражающая сущности класса.

Понятие *среднего класса* есть, по сути, понятие салариата, которому вменён определённый уровень дохода, и потому кроме некоторой части отчуждённого класса к среднему классу на этом основании могут быть отнесены и представители малого бизнеса, т.е. класса собственников, и значительная часть класса управления (из сферы администриата). Не класс, а сборная солянка… Надо ли говорить о полной несостоятельности такой трактовки?

Нет сомнения, что господствующие классы будут и в дальнейшем всячески инициировать и поддерживать подобные «научные» изыскания.

21.3.7. Политическая партия отчуждённого класса

Поскольку, как мы логически вывели ранее, императивная необходимость создания политической партии отчуждённого класса диктуется логикой саморазвития (в свою очередь детерминируемой принципом субстанционального монизма), то следует выяснить, выразителем какого мировоззрения она будет, какие цели должна ставить перед собой и обществом, на какие общественные классы (слои) будет ориентироваться и опираться, какими путями будет идти к поставленной цели.

Самой насущной задачей современности является необходимость освобождения человека от отчуждения его сущности от него самого и, прежде всего, освобождение от отчуждения его деятельности, осуществляемой насильственным, по сути, способом – посредством частной собственности на средства производства.

Именно реализация этой двуединой задачи и должна быть главной целью политической партии отчуждённого класса и поставлена в центр её практики – *практики освобождения*.

При этом практика освобождения партии должна включать в себя, во-первых, *теоретическое* осмысление проблемы освобождения (ликвидации отчуждения), во-вторых, *практическую* работу по вменению отчуждённому классу адекватного классового сознания и, в-третьих, *организацию* его практических действий по изменению условий общественного развития. Практика освобождения возможна только как процесс, соединяющий, снимающий в диалектическом единстве теорию и практику, одно без другого недейственно и потому ничтожно. *Теория без практики вырождается в схоластику, практика без теории вырождается в хаос.*

Но какие же мировоззренческие императивы должны быть положены в основание теории освобождения партии отчуждённого класса? История уже выработала теоретические основы практики освобождения, в фунда-

мент которых положен подход, известный как диалектический метод. Принципиальные положения, выдвинутые и обоснованные Марксом, использовавшим диалектическую методологию, о необходимости и неизбежности освобождения человека от отчуждения его сущностных атрибутов, имеют непреходящее значение, которое будет актуальным до преодоления «предыстории». Разумеется, то, что сделано Марксом и его последователями ещё не составляет целостной теории освобождения, которая должна учитывать историческое движение общества, но дальнейшая разработка теории освобождения возможна только на мощном фундаменте истинного марксизма.

Поскольку принципиальные выводы теории освобождения недвусмысленно свидетельствуют, что процесс освобождения человека от отчуждения по своей сути есть революционный процесс, т.е. процесс коренного преобразования общества, то и практика освобождения, понимаемая как социальное действие масс, неизбежно будет *революционной практикой*.

Острый вопрос о том, будет ли такое революционное действие насильственным или мирным это вопрос не принципа, а конкретной исторической ситуации. Принципиальным является понимание необходимости революционного преобразования общества, а именно, его изменения на совершенно иных, общечеловеческих, основаниях. Вопрос же способа осуществления этих преобразований – мирным или насильственным образом – есть вопрос тактический, зависящий от ситуативного соотношения сил борющихся сторон. Причём насильственный характер революционных действий будет определяться не стремлением революционной стороны к разрушению, о чём непрестанно толкуют адепты отчуждения, а исключительно нежеланием реакционной стороны отказаться от своих привилегий по присвоению общественного продукта и возможности тотального доминирования над отчуждённым классом.

Перейдём к важнейшему практическому вопросу – какие же социальные слои могут составить действующую силу общественных преобразований.

Исходя из *объективного* положения классов и социальных слоёв в общественном воспроизводстве, их классовых интересов, способности и возможности к активному общественному действию, можно вывести, что наиболее последовательными и активными (разумеется, при соответствующей организации) могут быть два социальных слоя отчуждённого класса – *пролетариат* и *когнитариат*.

Первый *сущностно* заинтересован в освобождении от сковывающих его деятельность оков частной собственности на средства производства.

Второй не менее, если не более, заинтересован в том, чтобы результаты его творчества принадлежали всему обществу непосредственно, а не опосредствуясь отношениями частной собственности и увеличивая, тем самым, капитал, принадлежащий немногим, а значит и увеличивая силу собственников, а не общества в целом.

А потому главная организационная задача политической партии отчуждённого класса состоит в том, чтобы соединить в *едином практическом движении освобождения* два производящих слоя – пролетариат,

действующий в сфере материального производства, и когнитариат, действующий в сфере производства идеального, знания. При этом максимально вовлечь в процесс практики освобождения когнитариат – инициировать и всячески поддерживать процесс выработки им общечеловеческого мировоззрения (т.е. мировоззрения, ставящего в центр мира интересы свободной личности, действующей в свободном обществе), что неизбежно повлечёт за собой преодоление когнитариатом своего узкопрофессионального видения мира, выход его сознания за границы профессиональных интересов в сферу интересов человека как свободно развивающейся личности, а это и будет конкретным выражением сущностных интересов отчуждённого класса.

Что касается пролетариата, то вовлечение его в процесс собственного освобождения возможно только, и это было обосновано выше, посредством вменения партией пролетариату адекватного классового сознания. А это достижимо исключительно активнейшей политической и идеологической работой непосредственно *в массе* пролетариата. Пролетариат самими условиями своей деятельности формируется как коллективистский субъект, способный действовать сплочённо и, следовательно, организаторская работа партии должна быть направлена на то, чтобы в необходимый момент пролетариат выступил как организованная *политическая* сила, как авангард (совместно с когнитариатом) социального движения освобождения.

Следует особо подчеркнуть, что вменение пролетариату адекватного классового сознания и организация его практических действий по защите своих интересов – это единая деятельность, в которой одна сторона неотделима от другой. И человек, и общество в целом субстанциональны – т.е. представляют собой диалектическое тождество своих материальной и идеальной сторон. В их жизнедеятельности материальное и идеальное неотделимы и взаимозависимы – всякое изменение условий жизни (материального) рефлексируется (отражается) идеальным, сознанием и, в свою очередь, выводы сознания претворяются в материальной практике. Следовательно, только *в практике борьбы* за свои сущностные и, значит, общечеловеческие интересы пролетариат обретёт адекватное классовое сознание в наиболее истинной и прочной форме. Задача партии – способствовать вовлечению пролетариата в эту борьбу, постоянно выступать просвещающим и организующим началом.

Если говорить о других слоях отчуждённого класса, кроме упомянутых, то наибольшее внимание в деле вовлечения в практику освобождения следует уделить *гуманитариату*, поскольку именно этот слой уже сегодня формирует будущие поколения, во многом влияя на их видение мира, которое проявится завтра.

Перейдём к отношению партии к господствующим классам.

Ясно, что *потенциат* всех уровней будет всеми своими возможностями противодействовать деятельности партии отчуждённого класса, прежде всего в сфере мировоззрения, идеологии, чтобы заразить сознание отчуждённого класса вирусами буржуазности, оппортунизма, равнодушия, соглашательства, поставить его под своё влияние и, тем самым, властво-

вать и в сфере идеального.

Именно сфера идеального – сфера классового сознания – является основным полем битвы с господствующими классами. И в этой мировоззренческой борьбе *никакие компромиссы недопустимы*, более того, они гибельны для самой партии отчуждённого класса и практики освобождения – судьба КПСС и советского строя убедительно свидетельствует это. Никакой двойственности, половинчатости, уступок идеологии классов, паразитирующих на отчуждении и потому пропагандирующих и насаждающих отчуждение, быть не должно.

Следует отметить, однако, что *администриат* далеко не так активен в идеологической сфере, будучи озабочен текущими практическими вопросами. Тем более, что его представители (особенно администриат местного уровня) живут обыденной жизнью и не оторваны от проблем повседневности, подобно руководящим слоям. Это обстоятельство непременно следует использовать в практической работе.

Ранее мы отметили, что неоднородность класса собственников и разность интересов его слоёв предоставляют возможность использовать этот факт в определённых ситуациях. Речь идёт о возможности, а в некоторых случаях и необходимости, *временных* совместных действий с представителями среднего и малого бизнеса в противостоянии с господствующими классами. Такие ситуации обязательно возникают в периоды общественных кризисов и обострения межклассовых противоречий. Но в таких случаях со стороны партии отчуждённого класса речь может идти только о *тактических* действиях, не затрагивающих принципиальные мировоззренческие и идеологические вопросы.

Наконец, особо следует сказать о практике воздействия на слой *сервоцивиата*, прежде всего на силовые подразделения правоохранительной сферы и службу безопасности – эти главные силовые опоры режима. Центром усилий здесь следует сделать ту самую двойственность сознания этих слоёв, о которой было сказано ранее. Возрастание внутренней противоречивости сознания посредством усиления его поляризации – вот главный вектор воздействия на сервоцивиат. В этом отношении следует недвусмысленно и предельно чётко акцентировать, с одной стороны, предназначение сервоцивиата как *общегосударственной* структуры, предназначенной для защиты *общих*, а не групповых интересов, а, с другой стороны, на примере конкретных реальных действий разъяснять, что представители правоохранителей были использованы не в общих, а в частногрупповых и частнособственнических интересах господствующих классов в противовес интересам всего общества, в том числе и их собственных.

В заключение отметим, что, разумеется, изложенное не охватывает все аспекты, относящиеся к проблеме классов, классового сознания и, тем более, практики освобождения, но, как представляется, принцип субстанциональности, согласно которому именно диалектическое тождество (единство в различии) материального и идеального, являющееся одновременно внутренним общественным субстанциональным противоречием, предоставляет возможность глубокого и всестороннего анализа отме-

ченных проблем (и не только их).

21.3.8. Классовая борьба как внешнее межклассовое противоречие

В большинстве стран существующие отношения воспроизводства общественной жизнедеятельности характеризуются капиталистической формой производства и распределения общественного продукта, в основании которой находится частная собственность на средства производства. Частная – не значит, что это собственность одного или нескольких лиц. В ходе исторического развития частная собственность прошла ряд форм – от индивидуальной до корпоративной – и соответственно это отражалось на формах производственной деятельности.

Капиталистическая форма собственности (и, соответственно, капиталистических производственных отношений) есть особенная историческая форма собственности (и отношений), которая характеризуется *полным* отрывом её от *действительных интересов человека*, каковыми могут быть только *сущностные* интересы человека, а именно – всестороннее развитие личности. Капиталистическая форма собственности и, соответственно, капиталистические общественные отношения имеют своей *единственной целью постоянное воспроизводство капитала как такового с целью извлечения прибыли безотносительно к интересам общества*.

Именно по этой линии проходит главный разлом общества – и пока он существует, консолидация общества для решения общечеловеческих задач *невозможна*.

Исследование классовой проблемы, сделанное выше в общей теоретической форме, неопровержимо свидетельствует о наличии *постоянного потенциала классового противостояния*, вызванного разным общественным положением классов и их возможностями в присвоении производимого общественного продукта и степени воздействия на общество в целом. До тех пор, пока существует этот потенциал, необходимо будет воспроизводиться межклассовая борьба – борьба между господствующими классами, присваивающими всё и деформирующими общество в своих классовых интересах, и между подчинёнными классами, отчуждёнными от выбора собственной судьбы, от свободы и развития. И никакие идеологические поползновения, предпринимаемые нанятыми правящими классами деятелями от философии, социологии и т.д., не смогут изменить этого фундаментального факта общественного развития. *Межклассовая борьба – имманентный и совершенно естественный и потому неизбежный общественный феномен в обществе* ***частного*** *присвоения общественного продукта, которое (общество) по своей сути не может быть неклассовым*.

Но какое место занимает межклассовая борьба в историческом процессе?

«История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов».[1]

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 4. С. 424.

Можно согласиться с этим эмпирическим наблюдением только отчасти. Да, история на всём своём протяжении демонстрирует периодические вспышки классовых войн, в которых проявляется постоянно действующее подспудное противостояние классов. Но борьба классов это далеко не вся история общества, которая неизмеримо богаче, шире и глубже борьбы классов. История общества включает многие иные сферы (стороны, моменты) – развитие техники, науки, культуры, общественных институтов, наконец, собственно человека.

Принцип субстанционального монизма, в соответствии с которым субстанциональным движущим внутренним противоречием является противоречие между материальным и идеальным, в общественном развитии принимающее форму противоречия между общественными потребностями и возможностями, совершенно недвусмысленно свидетельствует, что особенное – внутренняя дифференциация общества на классы – не может быть не только единственным, но и главным детерминирующим фактором в отношении общего – жизнедеятельности общества в целом.

Но не вызывает сомнения и тот факт, что противоречия между классами как парасубстанциональными общественными группами не могут не влиять на общественное развитие, причём в тем большей степени, чем большее влияние на общество в целом эти классы имеют. Так в какой же форме проявляется классовое противодействие?

Как логически установлено ранее, движущим внутренним общественным противоречием является *противоречие между потребностями и возможностями*. Если потребности это ещё несуществующее материальное, которое наличествует *идеально*, и которое только предстоит произвести, то возможности представляют собой наличное материальное (т.е. все ресурсы общества), и распоряжение и обладание этими ресурсами даёт в руки распорядителей огромную власть над всем обществом.

Но в общественных процессах, тем более в межклассовом противостоянии, огромное (а в периоды резкого обострения межклассовой борьбы и решающее) значение имеет *идеальное в иной форме*, нежели общественные потребности – это *общественное (классовое, групповое) сознание*, речь о котором шла выше.

В своём противостоянии классы противостоят друг другу не только в материальной сфере (т.е. в их отношении к производству, присвоению и распределению произведённого общественного продукта), но и в идеальной сфере – в форме борьбы классовых идеологий, классовой морали и классовой культуры. Борьба между ними происходит в этих сферах как борьба, в первую очередь, за обладание и распоряжение общественным продуктом (прежде всего прибавочным продуктом, позволяющим расширить прежние возможности), а также как борьба за политическое, идеологическое, культурное и т.п. подчинение других классов (групп) своему влиянию с целью завоевания полного доминирования – т.е. борьба за общественную гегемонию, по определению Грамши.

По этой причине *классовая (вернее, межклассовая) борьба, внешне выступая в многообразных формах, в своей сущности есть борьба, во-первых, за общественную гегемонию, прежде всего за политическую*

власть и идеологическое влияние, и, во-вторых (как результат), за овладение общественным продуктом посредством утверждения соответствующей доминирующей формы собственности.

На практике именно взятие политической власти как революционное действие позволяет изменить и отношения собственности и дать, т.о., в руки победившего класса материальные ресурсы общества.

Победивший класс (классы) приобретает возможность формирования органов власти и право на присвоение и распределение производимого общественного продукта.

Но это право доминирующий класс (классы) должен постоянно утверждать посредством непреходящего воздействия на подчинённые классы в сфере идеального – в политике, идеологии, культуре и т.п. Только в этом случае – распространяя на всё общество своё мировоззрение – господствующий класс способен сохранить положение гегемона.

Разумеется, что материальные возможности, предоставляемые присваиваемым общественным продуктом, позволяют господствующему классу применять весьма широкий спектр мер воздействия, в том числе, далеко не в последнюю очередь, насилие. Однако, исключительно возможностями материального воздействия власть надолго удержать невозможно – необходимо и ментальное согласие подчинённых классов. По этой причине сфера идеального, в первую очередь мировоззренческие и идеологические установки, и является приоритетной сферой воздействия на подчинённые классы со стороны правящего класса.

Но *как только подчинённый класс выдвигает идеи, осуществление которых может дать обществу в целом возможность свободного развития, то легитимность господствующего класса уже самим этим фактом ставится под сомнение.* Тем более, если эти идеи имеют научное обоснование и отвечают интересам и общественного, и индивидуального развития.

И как только развитие материальной сферы приостанавливается (или хотя бы замедляется) и положение людей ухудшается, то возникает возможность распространения влияния новых идей на всё бóльшие слои общества и привлечения их на сторону передового класса, который имеет возможность стать новым гегемоном общественного развития.

Возникает классическое положение «несоответствия производительных сил производственным отношениям» и ситуация, когда «верхи не могут, а низы не хотят». В этом пункте передовой класс, ведомый своей политической партией, *может и обязан* стать силой революционного преобразования общества.

В классовой борьбе межклассовые противоречия есть внешние противоречия в отношении борющихся классов и как таковые это антагонистические противоречия, т.е. такие противоречия, которые не могут разрешиться их диалектическим снятием в новом качестве, но только поражением (или деградацией) одной или обеих сторон.

В противоречии буржуазия-пролетариат, победа пролетариата будет означать не только поражение буржуазии, но и исчезновение её с исторической сцены как класса-антагониста.

Как следует из проведённого анализа, при капитализме (как, впрочем, и в других антагонистических общественных формах) на разрешение движущего внутреннего общественного противоречия между материальным и идеальным, возможностями и потребностями, оказывает сильнейшее *опосредствующее* деформирующее влияние межклассовое противостояние, межклассовая борьба, не только ускоряя, либо замедляя развитие и разрешение внутреннего общественного противоречия, но и делая возможными совершенно неожиданные исторические коллизии. Поскольку каждое общество (страна) имеет свои индивидуальные, исторически установившиеся, особенности, то развитие классовых конфликтов в каждой стране будет идти своим особенным путём.

Выше мы говорили, что современные философы, социологи и политологи интенсивно ищут замену понятия «класс», предлагая термины «когнитариат», «салариат», «прекариат», «средний класс» и т.п., беря за основание определения класса то или иное частное обстоятельство в жизни того социального слоя, о котором идёт речь в конкретном случае. В чём не приходится сомневаться, в большинстве случаев делается это в интересах класса, именуемого в марксизме классом капиталистов с тем, чтобы скрыть непримиримое противоречие интересов этого класса и классов ему противостоящих и тем самым обеспечить ему возможность ещё некоторого продления жизни.

Но при всём старании они не могут отменить факта существования в антагонистическом обществе непреодолимых разделительных межклассовых границ, воздвигаемых:

- в сфере материального – возможностью присвоения общественного продукта, определяемой отношениями частной собственности, чем и детерминируются межклассовые противоречия;

- в сфере идеального – разными формами классового сознания: с одной стороны частнособственнического сознания, не признающего приоритета общего над частным, т.е. интересов человека как общественного существа над интересами разделённых индивидов, сосредоточенных на своём частном интересе; и, с другой стороны, сознания отрицающего (на первых порах грубо) приоритет частного над общим, но сознания, потенциально способного представлять интересы человека как свободно развивающегося субстанционального существа.

Исходя из проделанного анализа нетрудно сделать вывод об условиях, способствующих ликвидации классов и, следовательно, межклассовых противоречий. Напомним, что принцип субстанциональности детерминирует существование трёх фундаментальных общественных классов – класса управления, класса собственников и класса, не имеющего собственности. Следовательно, императивными условиями ликвидации классов являются 1. ликвидация (изживание) отношений собственности (причём *всех* форм этих отношений) как революционным, так и эволюционным путём и 2. ликвидация класса управления как особого общественно-профессионального слоя, что возможно только тотальной демократизацией общественных отношений, переходом к полному самоуправлению обществом своей жизнедеятельностью и, как следствие, «растворением»

государства в обществе.

21.3.9. Проблема классов при социализме

Проведём краткий анализ классовой структуры общества в переходный от капитализма к коммунизму период. В качестве исследуемого объекта будем рассматривать реальный социализм советского периода.

Вместе с поражением буржуазии и взятием власти отчуждённым классом класс собственников (капиталистов) уходит с исторической сцены, но сами отношения собственности не исчезают, ведь своим основанием они имеют самое деятельность человека, которая не может быть элиминирована. Отношения *частной* собственности в снятом виде предстают в форме отношений *общественной* (в форме государственной) собственности и уже эти отношения в *действительном* историческом (т.е. весьма длительном) коммунистическом движении должны «исчезнуть» по мере освобождения человека от отчуждения его деятельности.[1]

Из определённых ранее трёх классов остаются два: класс управления и класс, ранее называвшийся отчуждённым классом.

Класс управления остаётся не по причине исторической инерции, но исключительно потому, что сам принцип субстанционального монизма предполагает наличие в субстанции (т.е. в обществе) такого класса (соответственно, сохраняются и слои, обеспечивающие выполнение классом управления своих функций – администриат и сервоцивиат). Данное обстоятельство усугубляется (именно усугубляется, как увидим в дальнейшем) тем фактом, что к этому классу переходят функции управления общенародной собственностью, которая принимает форму *государственной* собственности, и которые (функции) ранее исполнялись классом собственников.

Одновременно бывший отчуждённый класс существенно меняет свой статус – из ранее подчинённого и подавляемого он становится доминирующим (для удобства дальнейшего изложения будем называть бывший отчуждённый класс классом *трудящихся*). Это доминирующее положение класса трудящихся в послереволюционном периоде обеспечивается политическими и идеологическими установками политической партии, руководившей революционным переворотом, и политическими институтами, возникшими в революционном периоде – Советами депутатов.

Роль Советов на начальном этапе государственных преобразования была весьма велика и партия не подменяла их, а использовала как эффективный (даже единственно возможный в тех условиях) инструмент государственного строительства.

Однако, в дальнейшем роль Советов, и, тем самым, класса трудящихся, становится всё более *формальной*, а роль партии всё более *авторитарной*. Мы не будем вдаваться в условия и причины этого процесса, ограничимся констатацией исторического факта.

В результате класс управления сосредоточил в своих руках не только

[1] См. главу «17.1. Отношения собственности как диалектика материального и идеального…».

функции государственного управления, но и функции управления государственной (а формально общенародной) собственностью – т.е. присвоения, распределения и, в значительной мере, использования общественного продукта. Класс же трудящихся потерял статус доминирующего класса.

«Ведущей и направляющей силой» класса управления стала партия, организовавшая и возглавившая революционные преобразования общества. Довольно быстро партия стала фактически частью государственного аппарата управления, причём его директивной частью.

Несмотря на то, что функции партии и государственного аппарата формально разграничивались, фактически оба эти института играли роль класса управления и в дальнейшем мы не будем делать различия между ними и для краткости изложения будем употреблять термин «партия», тем более, что именно партия определяла направление развития общества.

Поскольку, что уже отмечалось, политическими и идеологическими установками партии предусматривалось освобождение трудящихся от всех форм эксплуатации, то действия партии как класса управления на протяжении довольно длительного времени определялись именно интересами класса трудящихся – правда, теми интересами, какими они виделись партии. А такие интересы не могли не учитывать интересов самой партии, вернее, её руководящих органов, по сохранению своего влияния. Отсюда и пресловутый императив «возрастающей роли партии» со всё нарастающей настойчивостью проводимый в её политике.

Однако, сам диалектический характер субстанциональной деятельности человека как материально-идеальной деятельности по освобождению человека от всех форм отчуждения требует *непосредственного участия* самого человека в этом процессе как *активного субъекта*, а не его пассивного присутствия как некоего «руководимого» объекта.

Плюс к этому и *общественная* собственность на средства производства самой своей сущностью подразумевает необходимость *непосредственного* участия «собственников», т.е. самих трудящихся, в управлении ею. В каких формах, это отдельный вопрос, но данный принцип необходимо должен быть соблюдён, если речь идёт об освобождении человека от отчуждения его деятельности от него самого.

Но правящий класс в лице партии целенаправленно и настойчиво отодвигал класс трудящихся от участия в управлении своей жизнедеятельностью, одновременно всемерно укрепляя своё доминирующее положение – вспомним тезис о пресловутом «усилении роли партии по мере строительства социализма», усиленно продвигавшийся партией.

Т.о. постепенно возникло противоречие между интересами класса управления, олицетворяемого партией, и интересами класса трудящихся в форме противоречия между сосредоточением властных полномочий на одном общественном полюсе (у класса управления, партии) и фактически отстранением от активной общественной деятельности класса, который по своей субстанциональной сущности должен быть *активным субъектом* общественных отношений, иначе невозможно достижение его пол-

ного освобождения.

С течением времени это противоречие нашло отражение и закрепилось в общественном и индивидуальном сознании, что привело к отчётливому отчуждению класса трудящихся от класса управления (партии) – противоречие выступило в явной субстанциональной форме. Напряжённость его возрастала и оно должно было разрешиться в пользу одной из сторон.

При решении этого вопроса следует учесть, что условия жизнедеятельности (материальное) взаимодействующих классов находили соответствующее отражение в их сознании (в идеальном), по этой причине сознание класса управления в конце срока существования Советского Союза коренным образом отличалось от сознания революционеров, взявших власть в октябре 1917 года.

Высший слой класса управления уже тяготился своей ролью управленца при государственной собственности и свой классовый интерес осознавал как необходимость приватизации государственной собственности.

В то же время класс трудящихся за десятилетия «опеки» со стороны класса управления (партии) привык к подчинённому положению и пассивному поведению, утратил способность к *самоорганизации* и потому стал довольно лёгкой добычей агентов высшего слоя класса управления, призывавших к отстранению партии от власти. Партии – но не тех слоёв класса управления, которые инициировали этот процесс и, в конце концов, получили гешефт в виде приватизации государственной собственности.

Так руками класса трудящихся же класс управления ликвидировал все завоевания революции и вернул класс трудящихся в состояние отчуждённого класса.

Класс управления, приватизировав государственную собственность, сформировал из своего состава и близких слоёв класс собственников и ныне всей силой государственного аппарата подавляет отчуждённый класс, стараясь не допустить обретение им адекватного классового сознания и становление активным субъектом общественного процесса.

Как видим, *на социалистическом этапе общественного развития межклассовая борьба не прекращается, а продолжается в новых формах* – из открытого противостояния она переходит в скрытую, имплицитную. форму и её главный фронт перемещается в сферу идеального – в идеологию и политику. Именно посредством идеологического и политического воздействия класс управления обеспечивает своё доминирующее положение гегемона. Противостоять этому подчинённый класс, класс трудящихся, может только всемерным развитием своей *общественной, гражданской* активности, созданием *собственных* общественных институтов, как в идеологических, так и в организационных формах и, главное, постоянным активным противодействием всем попыткам класса управления по усилению авторитарных тенденций.

Перед отчуждённым классом вновь стоят задачи октября 1917 года.

Но возможно ли хотя бы теоретическое разрешение рассматриваемого противоречия в интересах класса трудящихся? Получение ответа на этот принципиальный вопрос исключительно важно именно с точки зрения

практики.

Речь идёт о том, как совместить совершенно объективную необходимость наличия класса управления с его функциями и не менее объективную необходимость участия класса трудящихся в *реальном*, а не формальном, управлении обществом. Или, другими словами, как от актуального, наличного отчуждения класса трудящихся от власти, лишь слегка прикрываемого декларативными лозунгами об их, якобы, всевластии, перейти к реальной ликвидации этого отчуждения.

Теоретически возможен только один путь. Диалектическое противоречие, на одном полюсе которого обладающий властью класс управления (партия), а на другом отчуждённый от власти класс трудящихся может быть разрешено в пользу класса трудящихся только опосредствованием этих полюсов особым субстанциональным институтом (органом), который, будучи сформирован и полностью зависим от класса трудящихся, не только определяет цели деятельности класса управления, но и контролирует его и даже определяет его структуру и состав. Только в этом случае класс управления будет действовать в интересах класса трудящихся.

Разрешением этого диалектического противоречия, его снятием будет становление общества, в котором оба полюса внешне отсутствуют, но внутренне, в себе, наличествуют – общество в целом (и каждый человек как член общества) является органом управления самого себя, это самоуправляемое общество.

Практика уже давно, ещё в 1905 году, выработала форму опосредствующего органа, о котором идёт речь – Советы трудящихся. Но в силу множества объективных и, во многом, субъективных причин развить Советы в полноценный институт представительства (более того – власти) трудящихся не получилось.

Как ни парадоксально, но, учитывая всё, что сказано ранее о роли партии отчуждённого класса, единственно которая может вменить отчуждённому классу адекватное классовое сознание, организовать и подвигнуть его на революционное действие, именно партия и должна после взятия власти отчуждённым классом вести политику всемерного вовлечения отчуждённого класса в управление общественной жизнедеятельностью и, тем самым, постепенное нивелирование своей роли как органа управления обществом. Если партия не выполнит своей главной исторической задачи – превращение класса трудящихся в *активного сознательного субъекта общественного развития*, то ни о какой ликвидации отчуждения человека не может быть речи. Неимоверно трудно, но необходимо, иного пути нет.

21.3.10. Община как особенная субстанциональная форма

Рассмотрим ещё одну проблему, на первый взгляд выпадающую из классового дискурса, но весьма тесно с ним связанную.

При анализе сущности субстанции (глава «13.2. Субстанция (дополнение)») была отмечена теоретическая возможность существования субстанциональных сообществ *без наличия структурно оформленного органа отражения-управления* – а это чрезвычайно важно с практической

стороны с точки зрения возможности построения полностью самоуправляемого общества без наличия особого класса управления.

Реальность предоставляет нам форму сообщества, которое вырабатывает групповое сознание, не имея особого, отдельно оформленного, группового органа отражения. Речь идёт, например, о крестьянской общине, в частности о русской крестьянской общине, все вопросы жизнедеятельности которой решались не обособленным органом управления, а общим собранием, сходом, на котором были представлены интересы всех членов общины.[1] Даже в тех случаях, когда компетенция схода была ограничена узким кругом вопросов, преимущественно хозяйственных и узкогрупповых, игнорировать эту форму сообщества и особенностей его самоуправления невозможно по простой причине – именно эта форма в течение очень большого периода времени определяла жизнь подавляющей массы населения России и оказывала всегда существенное, а иногда и решающее влияние на развитие страны в целом. Именно крестьянская община, эта *особенная* субстанциональная общественная форма[2], похоронила реформы Столыпина, именно община всей своей всероссийской массой сделала возможными революции 1917 года (особенно октябрьскую) и поддержала большевиков в гражданской войне, во многом именно община в новой, изменённой коллективизацией форме, вынесла на своих плечах индустриализацию, войну и послевоенное восстановление хозяйства страны.

Причины этих и многих других общественных феноменов следует искать в диалектике этой особенной субстанциональной формы, в которой интересы общего – общины – реализуются через интересы особенного и единичного – её членов. Здесь альтруизм (ради интересов общего надо поступиться в чём-то личными интересами) становится действительным через эгоизм (первенствуют личные интересы, но они могут реализоваться только посредством соблюдения общего интереса). Общее становится (имеется ввиду гегелевское *становление*) посредством особенного и единичного, одновременно особенное и единичное детерминируются общим. Вот уж действительно – единство и борьба противоположностей в чистом виде. Значительное влияние идеального (общинного сознания) на матери-

[1] Что касается сельского старосты, то он исполнял, в основном, административные функции, главным образом обеспечивая посредничество между общиной и властью, а также помещиком, и не мог единолично решать вопросы, находившиеся в ведении общины в целом.

[2] Община представляет собой субстанцию, а не парасубстанциональное образование, поскольку в своей социальной и хозяйственной жизни она полностью *само*-деятельна. Община способна существовать вполне самостоятельно – это небольшое общество в-себе («…сельская община обладала феноменальной приспосабливаемостью к различным социальным условиям…». *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. – М.: РОССПЭН, 1998. С. 420.)

И хотя община в общественной структуре представлена *крестьянством*, не следует идентифицировать эти совершенно разные общественные феномены – общину как *субстанциональную* форму и крестьянство как общественный *класс*.

альное (формы её жизнедеятельности) несомненно (как, впрочем, и обратное воздействие) и подлежит глубокому исследованию.[1]

Каков же внутренний механизм, определяющий жизнь такой особенной субстанциональной общественной формы, как община?

Ввиду невозможности (либо значительной ограниченности) использования внешних для общины ресурсов, общее (община в целом) будет в максимальной степени консолидировать внутренние возможности и ресурсы за счёт жёсткой детерминации единичного (членов общины) и особенного (семей, дворов)[2]. Ради обеспечения выживания себя как целого община необходимо будет подавлять всё, что не соответствует этой задаче. По этой причине целое (община) будет максимально ограничивать свободу действий своих частей (дворов, индивидуумов). Одновременно и части, ввиду невозможности самостоятельного выживания, будут вынужденно действовать в интересах целого. Не найти диктатора более последовательного и неумолимого в достижении цели, чем община, но именно эта диктатура целого позволяет выживать единичному – индивидууму. Как видим, всю жизнедеятельность общины пронизывает необходимость, действующая за счёт подавления свободы, что неизбежно сказывается на формировании сознания, как общинного, так и индивидуального.

Но человек сам по себе, как индивид, также представляет собой вполне самостоятельную субстанцию (это уже было выведено ранее). По этой причине интенцией его саморазвития является стремление к максимально возможному освобождению от внешнего воздействия, с тем, чтобы освободить свои внутренние потенции развития. А это значит, что внутри общины постоянно существует потенциал её разрушения, и, как только этот потенциал достигает критической величины, община распадается. Следовательно, для стабильного существования общины необходимо соблюдение относительного равновесия между интересами общины в целом и интересами её членов. Здесь следует также добавить, что значительную роль в обеспечении стабильности общины играет и материальная сторона общинных отношений, а именно материальные возможности как общины в целом, так и её членов – чем значительнее материальные возможности

[1] Не случайно Марксу понадобился дополнительный анализ при подготовке ответа В.И. Засулич на вопрос о жизнеспособности русской общины. В результате он пришёл к выводу, что «община является точкой опоры социального возрождения России» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. – Т. 19. С. 251), «…благодаря исключительному стечению обстоятельств, сельская община, ещё существующая в национальном масштабе, может постепенно освободиться от своих первобытных черт и развиваться непосредственно как элемент коллективного производства в национальном масштабе» (Там же. С. 401). Попытка чего и была предпринята в советское время, к сожалению, прерванная.

[2] «Крестьянская община на протяжении тысячи лет российской государственности являлась важнейшим средством защиты крестьянского хозяйства от множества житейских неожиданностей, ведущих крестьянскую семью к разорению, нищете и смерти». (*Милов Л.В.* Великорусский пахарь… – М.: РОССПЭН, 1998. С. 566).

членов общины, тем выше их потенциал освобождения от влияния общины. Критической точкой является соотношение материального и идеального, т.е. не только материальные возможности членов общины, но и соотношение общинного и индивидуального сознания. Как только материальный (материальные возможности) и идеальный (сознание) моменты субстанций «члены общины» достигают уровня готовности перехода к независимости от общины, то они стремятся освободиться от диктата общины. Это прямое следствие внутренней диалектичности субстанций, – субстанции общественной (общины) и субстанции индивидуальной (человека), – и их диалектического взаимодействия.

Реальность в лице общины даёт *практический* пример возможности существования и долгого исторического движения субстанционального сообщества без наличия отдельного органа власти, довлеющего надо всем обществом. Но представлять общину идеалом общественного устройства, значит мифологизировать это конкретно-историческое субстанциональное образование, не видеть в ней негативных моментов. В условиях недостаточного уровня материального производства цель общины состоит в обеспечении выживания её членов, именно в этом её функциональное предназначение.

Однако сила общины не безгранична, внутри неё всегда существует и отрицающий момент, как это установлено выше. Если община не выполняет своих функций, не обеспечивает выживания своих членов, то она неизбежно распадётся. К такому же исходу приведёт и противоположный случай, когда личное благосостояние членов общины позволит им существовать самостоятельно. (Субстанциональные аналоги общины можно найти и в форме союзов разных сообществ, например, княжеств Древней Руси[1], правда, диктат целого здесь не так ощутим, как в общине. Вряд ли лишено оснований предположение, высказываемое некоторыми историками, что причина распада Древней Руси во многом определяется тем, что удельные княжества стали слишком сильными, чтобы зависеть от целого, и перешли к другой форме развития, в которой стали субстанционально независимы).

Очевидно, на основании сделанных выше теоретических обобщений и эмпирических данных можно сформулировать общий вывод – субстанциональные сообщества, не имеющие особо оформленного органа отражения-управления, стабильны только в случае соблюдения равновесия между интересами целого и интересами своих частей. Или, другими словами, когда *целое и части имеют общую цель*. В случае необеспечения интересов частей либо такого усиления частей, когда они могут существовать самостоятельно, сообщество распадается. К этому же результату приведёт и расхождение целей целого и его частей. Этот вывод действителен для конкретных исторических форм, возникавших в прошлом и существовавших в условиях недостаточного развития материальных возможностей сообществ отмеченного типа и их довольно низкого культурного уровня. Что касается возможности возникновения и *стабильного* существования

[1] Подобные формы существовали также в других регионах мира.

подобных субстанциональных форм в будущем, то это будет определяться как материальными возможностями общества, так и уровнем развития его идеального, прежде всего знания и общей культуры.

Вернёмся к общинному сознанию. Что касается сообществ, принадлежащих к третьей форме субстанционального движения, антропной, и не имеющих оформленного органа отражения-управления (в рассматриваемом случае это крестьянская община), то управление их жизнедеятельностью осуществляется сообществом в целом, коллективно принимаемыми решениями, при выработке которых учитываются интересы большинства, если не всех, членов сообщества.

Здесь каждый член общины, участвующий в выработке и принятии решения, представлен во всей своей *универсальности, целостности, всесторонности* общинных отношений. Каждый член общины в своей индивидуальности, единичности, одновременно и всеобщен – представляя свои собственные интересы он одновременно императивно учитывает и общие интересы – иначе общего согласия не достичь.[1] И всё это диалектически действует даже в условиях почти тотального доминирования необходимости, характерного для данной конкретно-исторической общности.

Вряд ли подлежит сомнению, что возникновение и существование таких форм сообществ возможно только за счёт особенности третьей формы субстанционального движения: наличия относительно самостоятельного

---

[1] «…Проблема выживания крестьянского индивидуального хозяйства была актуальна и для общины, основное предназначение которой в этом и заключалось. Именно в силу этой причины и усиливались демократизм общины…». (*Милов Л.В.* Великорусский пахарь… – М.: РОССПЭН, 1998. С. 521).

Вот описание принятия общего решения крестьянским сходом человеком, много лет жившего рядом с крестьянами: «…раздел (земли) произведён математически точно — и мера, и качество почвы, и уклон поля, и расстояние от усадьбы, все принято в расчёт, что счёт, сведён верно и, главное, каждый из присутствующих, заинтересованных в деле людей, убеждён в верности раздела или счета. Крик, шум, галдение не прекращаются до тех пор, пока есть *хоть один* сомневающийся.

То же самое и при обсуждении миром какого-нибудь вопроса. Нет ни речей, ни дебатов, ни подачи голосов. Кричат, шумят, ругаются — вот подерутся, кажется, галдят самым, по-видимому, бестолковейшим образом. Другой молчит, молчит, а там вдруг ввернёт слово — одно только слово, восклицание, — и этим словом, этим восклицанием перевернёт все вверх дном. В конце концов, смотришь, постановлено превосходнейшее решение, и опять-таки, главное, решение единогласное» (Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем. 1872—1887 С-Пб., «Наука». 1999. С. 209).

Весьма интересна следующая психологическая зарисовка А.Н. Энгельгардта: «Каждая отдельная личность как будто совершенно равнодушна, как будто совершенно безучастна, не имеет никакого представления о деле…» (С. 210); «Но масса в общей сложности имеет совершенно определенные убеждения» (С. 211). Здесь показательно выражение «как будто», которым А.Н. Энгельгардт подчёркивает совершенно противоположные качества русского общинного крестьянина – сообразительность, сметку, знание дела и активность в обсуждении.

идеального – диалектического в своей сути мышления, пусть даже явно не осознаваемого, которое опосредствует единичное (члена общины) и общее (общину в целом).[1] Отношения внутри сообщества, опосредствованные общинным и индивидуальным сознанием, способны изменяться, приспосабливаться даже к очень резким изменениям условий жизнедеятельности сообществ, что доказано многовековой жизнеспособностью русской (и не только русской) крестьянской общины.

С точки зрения субстанциональности общественного развития важно отметить принципиальный момент – *возможны такие субстанциональные (т.е. саморазвивающиеся) формы сообществ, которые могут развиваться без обособленного органа отражения-управления*.

Именно в таких сообществах людей принципиально, сущностно возможно осуществление во всей полноте известного принципа – свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех. В этих новых формах необходимость (так характерная для крестьянской общины) уступает место свободе и тем самым реализуется знаменитый тезис – свобода есть познанная (т.е. осознанная и учитываемая в деятельности) необходимость. Но в этом случае цель сообщества и его членов должна быть принципиально иной, чем в крестьянской общине – не обеспечение выживания своих членов, а стремление к их всестороннему развитию, что возможно только при определённом уровне развития материального (производительных сил) и идеального (знания, культуры, общественного сознания). Исследование этих форм – отдельный вопрос.

Можно также отметить следующую весьма важную особенность такой субстанциональной формы, как крестьянская община. Трудовая деятельность членов общины *принципиально* отличается от аналогичной деятельности наёмных рабочих. Если последние выполняют узкоспециализированные операции, превращаясь в «частичных людей», то земледелец выполняет весь цикл работ полностью, от первого до последнего движения, т.о., хотя бы формально, в своей трудовой деятельности он полный человек.

К тому же после реформы 1861 года кардинально изменился и характер такого феномена, как отчуждение собственно *деятельности* крестьянина. Если ранее его деятельность подвергалась насильственному отчуждению (барщина, оброк), то после реформы такое отчуждение стало невозможным.[2] Теперь и сама деятельность оказалась присвоенной, что недостижимо для наёмного рабочего. Более того, отчуждение продукта труда в значительной мере приобрело добровольный характер (даже несмотря на определённую условность добровольности, поскольку «добровольность» эта жёстко направлялась жизненной необходимостью).

Как видим, формы отчуждения, лежащего в основании формирования

[1] Сознание, как индивидуальное, так и общественное (общинное), являлось здесь тем особенным, которое опосредствовало, соединяло единичное и общее, что в явном виде проявлялось на общинных сходах.

[2] В действительности некоторые формы барщины были оставлены реформой ещё на двенадцать лет с постепенной их ликвидацией.

человеческих сообществ, о чём мы уже говорили ранее, в крестьянской общине столь особенны по сравнению с остальным обществом, что они не могли не оказать значительного влияния на формирование отношений внутри общины (и её отношений с внешним окружением) и на сознание, как общинное, так и её членов (очевидно, что эти моменты, наряду с другими, дали основание Марксу видеть в русской крестьянской общине прообраз будущего общества).[1] И этого нельзя не учитывать при анализе влияния русской крестьянской общины на развитие общественных процессов в обществе в целом – ведь община это свыше восьмидесяти процентов населения России в предреволюционные годы. Как нетрудно убедиться, общинные отношения и капиталистические общественные отношения субстанционально антагонистичны, отношения отчуждения и присвоения в них совершенно несовместимы. В том числе и по этой причине русская крестьянская община не могла вписаться в капитализм, она было обречена, а вместе с нею и десятки миллионов крестьян. Но они инстинктивно (вернее, диалектически) это почувствовали и в итоге сделали свой весьма непростой выбор.

21.4. Несколько замечаний о глобализации, сущности капитала и его пределе

Маркс исследовал высшую, каноническую, совершенную форму современного ему капитализма – капитализм частной свободной конкуренции. Но он уже отмечал дальнейшую трансформацию этой формы и зарождение новой формы капитализма – акционерного капитализма.

Акционерный капитализм достиг своего расцвета в конце 19-начале 20 века и совершенно неизбежно, в соответствии с диалектикой развития, конкретизированной в форме законов конкуренции и концентрации производства, перерос в новую форму, которую Ленин определил как государственно-монополистический капитализм, империализм – высшая стадия капитализма.

Государственно-монополистический капитализм достиг своего предела во второй половине 20 века и начался процесс перехода его в новую форму – *надгосударственный* транснациональный капитализм, что не совсем верно называют *глобализацией*.

Следуя принципу субстанционального монизма нетрудно увидеть, что *истинная* глобализация есть особенное, которое характерно для человеческого сообщества, по отношению к всеобщему – принципу субстанционального саморазвития, объемлющему всё сущее. С этой точки зрения *глобализация есть объективный субстанциональный процесс, заключающийся в становлении единого человечества*. Возникновение же новых

[1] Не подлежит также сомнению, что отмеченные особенности формы деятельности как общины в целом, так и её членов оказали самое существенное влияние на формирование т.н. «русского характера» – и это есть императивное следствие диалектичности субстанционального развития, в котором материальное (формы жизнедеятельности) и идеальное (сознание) взаимно определяют друг друга.

форм надгосударственного, транснационального капитала есть форма глобализации *собственно капитала, а не человечества* в целом. Но глобализация капитала оказывает сильнейшее воздействие на процесс глобализации человечества и это очень тревожный признак.

Принцип субстанциональности, проявляющийся в саморазвитии, осуществляемом через снятие предыдущего противоречивого состояния и возникновении качественно нового, также противоречивого состояния, имманентно предполагает действие законов концентрации и централизации в разных их формах (каждое снятие сохраняет в новой форме качественные и количественные стороны снимаемого и этот процесс продолжается далее), что необходимо имеет следствием соответствующие процессы в реальности.

Внутренние противоречия необходимо направляют развитие в сторону возрастания материальных и идеальных потенций сообществ – сообщества растут количественно и развивают свои материальные и идеальные (познавательные, культурные, нравственные и т.д.) возможности.

Внешние противоречия, к которым относятся также противоречия между разными странами, имеют своим следствием подчинение слабых сообществ более сильным, вхождение в сферу их влияния, либо уход таких сообществ с исторической сцены. В результате возникают региональные, а затем и глобальные сферы влияния наиболее сильных государств (либо их объединений, в которых обязательно есть всеми признаваемый лидер, главенство которого определяется как экономическими факторами (материальное), так и способностью навязать своё видение мира (идеальное) другим субъектам геополитики).

Но с возникновением сфер влияния процесс глобализации не заканчивается, он исторически неизбежно ведёт далее – к объединению человечества в единое сообщество. И определяться этот процесс будет тем союзом государств, который будет иметь бóльшую силу, как материальную, так и идеальную (знание – как понимание происходящих процессов, и идеологию – как использование этого знания в своих интересах). Причём роль идеального (и в форме знания, и в форме идеологии), как мы ранее говорили, в дальнейшем будет только возрастать.

Сейчас материальная сила пока на стороне Запада и глобализация имеет форму, соответствующую господствующим на Западе общественным капиталистическим отношениям, которые детерминируются, в свою очередь, надгосударственным финансовым капиталом. Но форма глобализации может быть и другой, гуманистической, в интересах не исключительно финансового капитала, а всех людей, что зависит от того, какая доминирующая сила в дальнейшем будет определять направление и содержание процесса глобализации.

Западный финансовый капитал ещё не подчинил себе полностью все страны мира, хотя и обладает огромным влиянием на мировые процессы. Сопротивление ему нарастает, и это гуманистическое действие даёт оптимистическое основание надеяться, что ещё далеко не «конец истории». Тем более, что на наших глазах вырастает новый мировой лидер, Китай, который фактически уже на равных ведёт разговор с западным центром

силы, более того, перехватывает инициативу в постановке повестки дня будущего, и к которому склоняется всё больше стран мира[1].

Главные события, которые определят судьбу человечества, впереди, а потому будем завидовать нашим потомкам и напутствуем их словами Ф.И. Тютчева – «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые! Его призвали всеблагие как собеседника на пир». Как со-беседника, как равного в деяниях, как *активного субъекта*, постараемся же оправдать надежды всеблагих…

21.4.1. О сущностной основе и диалектике капиталистического общественного отношения

Кратко рассмотрим суть капиталистического общественного отношения и перспективу его снятия (преодоления) с субстанциональной точки зрения. Умные предшественники оставили нам результаты своих исследований, согласно которым вся жизнь капитала вращается вокруг стоимости, с неё и начнём.

Возраст у феномена стоимости весьма почтенный. Именно в соответствии со стоимостями товары обменивались и тысячи лет назад. Новое при капиталистических общественных отношениях не сам феномен стоимости (хотя и проявляющийся в новой форме), а содержание и сущность собственно того явления, которое получило название капитала.

Капитал интересует не вещественная форма товара, не потребительная стоимость, что было характерно для предыдущих способов производства, в которых прибыль выступала эпифеноменом экономических отношений, а не их единственной целью.

Особенность *докапиталистических* (и шире, *не*-капиталистических) общественных отношений, понимаемых в узко-производственном смысле, состоит в том, что их сущностью является производство продуктов труда как *потребительных стоимостей*. Частные производители действуют хотя и в собственных интересах, но в соответствии с потребностями общества в конкретных продуктах. Недостаточно развитое разделение труда ограничивает рынок, целью производства является товар как материальный продукт, способный удовлетворить потребности потребителя. Способность товара приносить прибыль как форму заключённой в нём прибавочной стоимости ещё не становится моментом, определяющим отношения производства и обмена. Определяющим моментом является удовлетворение потребности в потребительных стоимостях (ценностях).

И детерминируется это общественными отношениями, в которых гос-

[1] Надо отметить, однако, что противостояние Китая с Западом и стремление его к мировому доминированию не следует воспринимать с чрезмерным оптимизмом, поскольку декларируемый китайским руководством т.н. «социализм с китайской спецификой» слишком густо замешан на китайском этническом самосознании, высокомерно относящимся ко всему не-ханьскому. Афишируемые китайцами общечеловеческие интересы есть не более, чем средство достижения собственных целей, по крайней мере в ближайшей перспективе. Впрочем, не будем забегать впереди лошади истории.

подство одних, опосредствуемое *насилием*, и *личная* зависимость других создают условия, при которых властвующий класс заинтересован в получении возможно большего количества *материального* продукта, потребительной стоимости, для удовлетворения своих потребностей (как личных, так и общественных, государственных). Деньги рассматриваются, в основном, только как богатство, как посредник в приобретении материальных продуктов, они (деньги) ещё не стали самоцелью, вынуждающей ради их возрастания вкладывать их в новое производство.

Феодальное производство – это всё ещё производство продуктов потребления как потребительных стоимостей (материального), а не стоимостей (идеального). Его целью является производство продукта труда, потребительной стоимости, материального, которое по своей сути ограничено, конечно. Граница ставится производством в самом себе как самоограничение развития материальных факторов производства (его производительной силы) характером производимого продукта. Продукт (материальное) диктует условия и размеры производства.

Ограничению производственной деятельности способствует и сословное общественное устройство. Жёсткая регламентация внутри- и межсословных отношений сдерживает развитие производства. Сама суть общественных отношений, основанных на непосредственном отчуждении личности в форме рабства или сословных институтов, имела необходимым следствием производство материальных ценностей, вещей, товаров, а не исключительно прибыли. Потребительная стоимость в общественных отношениях обмена если и не доминировала над прибылью, то была равнозначна с ней и связь их была неразрывна.

Но диалектика идеального (потребностей) и материального (возможностей) необходимо вела к тому, что их противоречие разрешалось таким образом, что общественные отношения посредством стремления к цели – удовлетворению потребностей – создавали интенцию и возможность развития производительных сил.

Тем самым потребность в материальном продукте необходимо привела к такому развитию производительных сил, которые потребовали привлечения большого количества рабочих рук, что имело следствием возникновение потребности производства в лично свободных работниках, которые могли «свободно» распоряжаться своей рабочей силой.

Теперь диалектическое противоречие материального (возможностей выросших производительных сил) и идеального (потребностей производства) разрешилось таким образом, что с императивной необходимостью в соответствии с этими *общественными* потребностями изменились общественные отношения – *личная* зависимость сменилась зависимостью *экономической* – возник новый тип общественных отношений – место *личной* зависимости и *физического* насилия заняли *экономическая* зависимость и *экономическое* принуждение.

Соответственно этому возникли и новые экономические феномены: необходимость в постоянном расширении производства привела к потребности в средствах для этого и, в конечном итоге – к потребности в деньгах. Последнее вызвало к жизни необходимость постоянного нара-

щивания прибыли, т.е. – опосредствованно – прибавочной стоимости. Цель собственно производства исторически очень быстро изменилась – в новых общественно-экономических условиях ею стала прибыль, превращённая форма прибавочной стоимости.

Т.о. в отличие от докапиталистических форм *капиталистическое производство приобрело совершенно иную сущность. Целью капитала является прибыль*, материальное, имеющее основание в *прибавочной стоимости*, в идеальном.

Капитал, сделав своей целью прибыль и поставив её в доминирующее положение, в её лице ставит тем самым своей целью максимально возможное извлечение прибавочной стоимости, чьей превращённой формой является прибыль. Т.о. причина производства (продукт труда, потребительная стоимость) и его следствие (стоимость и прибавочная стоимость), что было характерно для предыдущего способа производства, меняются местами.

Но стоимость – это *снятая* производственная деятельность (процесс труда, *представленный* в товаре в форме стоимости). Фактически тем самым через опосредствование прибылью и стоимостью *целью капитала является непрерывное наращивание производственной деятельности как таковой*, постоянно снимаемой в стоимости и, соответственно, в прибавочной стоимости, которая, в конечном итоге, реализуется в прибыли.

Отныне *прибавочная стоимость определяет возможности применения капитала, а не производство собственно продуктов труда, потребительной стоимости*. Этим действием капитал *инвертирует* субстанциональную связь материального, вещественной формы (потребительной стоимости) и идеального (собственно стоимости), в котором представлен (снят) процесс производства. Вследствие этого превращения уже *не материальное* (производство потребительной стоимости) *определяет идеальное* (стоимость), а наоборот, *идеальное* (прибавочная стоимость) начинает *детерминировать материальное* (продукт труда, потребительную стоимость).

Почему происходит это превращение? *По вполне материальной причине* – как ответ на возрастающие общественные потребности и необходимость увеличения производства продуктов труда во всех их формах. Производство должно сбросить с себя все ограничивающие его путы (монархические, феодальные, сословные, цеховые и т.п.) и это становится возможным только со сменой *цели* производственной деятельности – конечное и ограниченное материальное (вещественная форма продукта труда, потребительная стоимость) уступает место неограниченному идеальному, собственно *деятельности как таковой*, снимаемой в продукте труда. В материальных, экономических отношениях это реализуется в той форме, что *демиургом производства становится капитал, а его имманентной целью становится стоимость, вернее, прибавочная стоимость*, представленная своей превращённой формой, прибылью.

Капитал уже не связывает производственную деятельность с её вещественными результатами с точки зрения их формы (с потребительной стоимостью), он нацелен только на увеличение самого производства

(именно этого момента не поняла Р. Люксембург, попытавшись «опровергнуть» Маркса). Возникают новые общественные отношения и соответствующие им их носители – капиталисты и пролетариат.

Повторим ещё раз, материальный интерес, прибыль, вызывает к жизни капиталистическое общественное отношение, которое посредством производства прибавочной стоимости, идеального, всемерно расширяет объём производственной деятельности безразлично к материальной форме её продукта. Цель – прибыль (материальное), посредством свой идеальной формы – прибавочной стоимости – вызывает безудержный рост *производства как деятельности* независимо от характера и самой деятельности, и производимого продукта. Производственная деятельность снимается в прибавочной стоимости, завершающей своё движение в своей превращённой материальной форме, прибыли.

Прибыль, замыкая в себе цель и результат, ради своего возрастания заставляет постоянно увеличивать количество деятельности как таковой, безразлично к её конкретной форме, которая (деятельность) снимается в прибавочной стоимости, превращённой формой которой, в свою очередь, становится прибыль. Круг замыкается.

Такова диалектика капиталистического общественного отношения.

Капитал, т.о., это, прежде всего, общественное отношение, сутью которого является расширенное воспроизводство прибыли как превращённой формы прибавочной стоимости за счёт непрерывного наращивания производственной деятельности. И только затем уже к капиталу следует относить материальные формы (средства труда, рабочую силу), посредством которых это отношение реализуется.[1]

В итоге капиталистическое общественное отношение не просто освобождает производство как таковое от всякого ограничения, более того, его цель заставляет всемерно развивать производство, ничем его не ограничивая. Вследствие смены цели производственной деятельности чрезвычайно развиваются производительные силы общества и в этом состоит прогрессивная роль капитала и возникающих капиталистических общественных отношений.

Внутренней границы производства для капитала нет, граница для производства только внешняя – возможность реализации прибавочной

[1] Мы отнесли к материальным формам капитала средства производства и рабочую силу и не упомянули деньги, которые всеми авторами, пишущими о капитале, также относятся к форме капитала. Но, строго говоря, собственно капиталом являются только факторы производства – средства труда и рабочая сила, поскольку именно они *непосредственно создают* стоимость и, соответственно, прибавочную стоимость. Деньги являются вспомогательным, *опосредствующим* фактором, позволяющим осуществлять процесс не только производства, но и реализации стоимости как *непрерывный* процесс. Т.е. деньги, не принимая *непосредственного* участия в производстве стоимости, создают *условия* реализации капиталистического общественного отношения и беспрепятственного функционирования материальных форм капитала. По этой причине будет правильным отнести их к *фиктивной* форме капитала, в отличие от *реальных* материальных форм, непосредственно создающих стоимость.

стоимости, но и она постоянно преодолевается современными способами воздействия на потребление и, далеко не в последнюю очередь, экспансией локального капитала на внешние ему рынки (также капиталистические), что ведёт к усилению конкуренции. Но даже в случае исчерпания экспансионистских возможностей развитие капитала не остановится, вопреки надеждам некоторых исследователей. Капитал сосредоточит свои усилия на внутренних потребительных потенциях общества, хотя в этом случае развитие материальных факторов капитала замедлится.[1]

Неудивительно, что, имея целью принципиально внутренне не ограничиваемое постоянное увеличение производства как такового, капитал сумел исторически быстро убрать с экономической и политической сцены предшествующий способ производства.

В первой фазе своей деятельности капитал, завоёвывая экономическое и политическое пространство, направлял все усилия на подчинение рынков, всемерно развивая *товарную* форму продуктов труда.

Как отметил Э.В. Ильенков, «*…товарная форма*, или *стоимостная форма продукта* оказывается также и самой всеобщей, самой абстрактной формой продукта *капиталистического* производства. Поэтому капитализм и квалифицируется Марксом как наиболее развитое *товарное производство*, как естественный предел и максимум развития товарного производства *вообще*».[2]

Но наибольшее развитие *товарного производства* это ещё не предел развития *капиталистического общественного отношения* как такового.

Капитал, в отличие от всех предшествующих отношений собственности, отрицает материальную форму продукта труда, потребительную стоимость. Ему не нужен и прибавочный продукт в материальной форме, он заинтересован только в прибыли и, как следствие, в прибавочной стоимости, т.е. в идеальном, в снятии, в представлении в продукте труда процесса его создания,

Почему в идеальном (стоимости)? Потому что идеальное (стоимость) представляет конкретные материальные (производственные) процессы создания продукта труда в чистом виде, очищенном от всех конкретных проявлений, конкретных форм существования, от вещественности. Посредством этого идеального любые конкретные производственные процессы и, как следствие, их результаты представляются как нечто в своей невещественности одинаковое, сравнимое и потому *непосредственно* обмениваемое – стоимость на стоимость.

Капитал как стоимость, в-себе, имеет дело не с вещами – машинами, сырьём, рабочей силой и производственными процессами их использования, потребления (мы говорим о производительном капитале) – *а только с самим собой, существующим в разных формах, (постоянный, переменный, товарный, денежный и т.д.) и процессами их (форм) взаимодей-*

[1] Особо подчеркнём, что в данном случае речь идёт, главным образом, о *производственном* капитале.

[2] *Ильенков Э.В.* Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М.: РОССПЭН, 1997. С. 420.

ствия и метаморфоза.

В материальном (производственном) процессе потребления вещественных форм капитала происходит приращение деятельности, которая в итоге овеществляется в продукте труда в форме прибавочного продукта. Но если рассматривать капитал односторонне как стоимость в чистом виде, то происходит его возрастание на величину прибавочной стоимости, т.е. «возрастание» идеального. Внешне это выглядит как *само*возрастание стоимости.

Продукт труда (материальное) интересует капитал не как таковой, а только как посредник в извлечении добавленной деятельности, представленной в продукте труда в форме прибавочной стоимости (идеального). Капитал сам по себе заинтересован не в продукте труда, а в безудержном наращивании деятельности по его производству и, следовательно, в возрастании прибавочной стоимости.

Поэтому *капитал имманентно отрицает материальные формы* и стремится избавиться от этих посредников в стремлении непосредственного извлечения выгоды из сугубо идеальных форм, т.е. форм, не имеющих материального основания. Такие идеальные формы капитала, возникнув вначале в форме фиктивного капитала, в конечном итоге развились в форму финансового капитала, значительная часть которого в настоящее время существует в виде т.н. «финансовых пузырей», не имеющих материального обеспечения.

В товарном производстве стоимость ещё находится в тождественном единстве со своей материальной формой, хотя и выступает как доминирующая форма продукта труда, товара.

Однако, будучи снятой в своей всеобщей абстрактной форме, *в форме денег, стоимость полностью отрывается от своего материального основания*, товара и начинает вести совершенно *самостоятельное* существование в форме *финансового капитала*. И это уже *предел развития стоимостной формы* и, следовательно, *предел капитала как такового.*

Т.о., *финансовый капитал, полностью оторвавшись от материального основания в виде производственного капитала, достиг предела развития капитала как такового вообще. Финансовый капитал есть высшая форма капитала, его завершение, его понятие, его истина. Это последняя форма капитала и, следовательно, капиталистического общественного отношения.*

Реальное богатство общества, представляющее собой прибавочный продукт, создаётся исключительно в сфере материального производства. Однако доход, получаемый финансовым капиталом, проистекает из двух источников. Первый из них представляет собой дань, собираемую им с производственного капитала, который полностью подчинён финансовому капиталу и не может противостоять ему (эта часть финансового капитала, как понятно, имеет материальное обеспечение). Второй формируется за счёт огромной переоценки фиктивного капитала, т.н. нематериальных активов всех форм и видов (т.е., по сути, того же идеального) и выпуска денег под эти переоценённые активы, что и составляет основу финансовых «пузырей». Причём второй источник, судя по размеру финансового

капитала, не обеспеченного материальными активами, является основным в его формировании. Огромное количество денег, в первую очередь безналичных, означает: 1. определённую недооценку материальных ценностей и, 2. огромную переоценку нематериальных ценностей (т.н. финансовых инструментов, прежде всего, но не только).

Но что такое деньги сами по себе в условиях общества, всецело живущего по экономическим законам, где главные отношения это отношения купли-продажи, как не возможность подчинить все эти отношения и, соответственно их участников, деньгам, сиречь их владельцам. Потому в своём общественном, социальном обличье финансовый капитал олицетворяет абсолютную власть независимо от того, какие политические силы формально находятся у власти. Количество – деньги, переходит в качество – власть. При этом не лишне ещё раз отметить, что деньги представляют идеальное – стоимость, но за этим идеальным стоят: 1. огромная по величине и потенциалу созидательная материальная сила – производительные силы общества и 2. огромная по величине и потенциалу властная сила – финансовый капитал (по сути, финансовая пирамида).

В своё время в знаменитой работе «История и классовое сознание» Г. Лукач сказал, что «капитал является не личной, а общественной силой. Но такой общественной силой, движения которой направляются частными интересами собственников капитала, *не видящих* общественной функции своей деятельности и неизбежно *безразличных* к ней; таким образом, общественный принцип, общественная функция капитала могут реализоваться лишь *поверх их голов, помимо их воли, неосознанно для них самих* (выше выделено нами. – А.П.)».[1]

В наше время невозможно согласиться с квалификацией капитала (и капиталистов) как слепо действующей силы. Финансовый капитал, в силу небывалой концентрации и монополизации напротив, заставляет капиталистов отчётливо осознавать «общественную функцию своей деятельности» и далеко не безразличен ей. Он заставляет их стремиться к *непосредственному* воплощению своей общественной функции в силу своей объективной общественной значимости, которую отрицать невозможно – к абсолютной власти, тенденция чего весьма ясно проступает во всех действиях современного финансового капитала.

Финансовый капитал, *полностью* подчинив себе все другие формы и виды капитала – промышленный, торговый, мелкий, средний, крупный – на этом не останавливается и стремится подчинить себе *всё* общество, практически *все* отношения людей, вплоть до личных отношений. И делает он это массой специфических приёмов и методов – от примитивной покупки (гонорары, например, и есть форма такой покупки), до навязывания обществу, посредством средств массовой информации и т.н. «кумиров», форм общения, разрушающих общество как таковое (т.н. масскультура, безудержное потребление, сексуальная распущенность вплоть до гомосексуализма, создание религиозных сект, разрушение этнических

[1] *Лукач Г.* История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. М: Логос-Альтера, 2003. С. 160.

стереотипов, выработанных веками, и т.д. и т.п.) и, как итог, его экспансия завершается вторжением в сферу идеального – созданием не просто идеологического симулякра, а философских направлений, оправдывающих и обосновывающих притязание капитала на абсолютную власть – постмодернизма[1] и т.п. – что больше походит на полное разрушение сферы идеального.

Итак, *капитал*, пройдя в своём саморазвитии ряд форм (каждая из которых *снимает* в себе предыдущую) – частный, акционерный, монополистический – достиг, в полном соответствии со своей *внутренней* логикой, *завершающей формы – финансового капитала*. На этом пути капитал всё более подчинял себе своих владельцев, вынуждая их действовать по логике (в интересах) капитала, формируя тем самым капиталистические общественные отношения. *Логика финансового капитала уже абсолютно довлеет над его формальными собственниками (или управителями), делая их своими послушными агентами.* Ныне вопрос поставлен прямо и просто – либо финансовый капитал в лице своих агентов полностью подчинит общество, либо общество найдёт в себе силы для освобождения от власти капитала.

21.4.2. Кризисы капитала

Возможность кризисов, как убедительно показал Маркс, имманентно присуща обществу, в котором господствуют капиталистические общественные отношения, поскольку она заложена в самом метаморфозе товара и наличии денежного обращения.

«Общая, абстрактная возможность кризиса означает не что иное, как *наиболее абстрактную форму* кризиса, без содержания, без содержательной побудительной причины кризиса. Продажа и покупка могут оторваться друг от друга. Они, следовательно, суть *кризис* potentia (в возможности), и их совпадение всегда остаётся критическим моментом для товара. Но они могут и плавно переходить одна в другую. Стало быть, остаётся в силе, что *наиболее абстрактной формой кризиса* (и потому формальной возможностью кризиса) является сам *метаморфоз товара*, в котором, как развёрнутое движение, содержится лишь заключённое в единстве товара противоречие меновой и потребительной стоимости, далее – денег и товара.[2] Но то, благодаря чему эта возможность кризиса становится кризисом, не содержится в самой этой форме; в ней содержит-

[1] При этом не имеет никакого значения, что многие из представителей этого течения именуются «левыми». Истина в том, что постмодернизм, стремящийся разрушить («деконструировать») все реальные связи между людьми и, тем самым, общество, объективно действует в интересах тех, кто стремится захватить полную власть над обществом.

[2] Можно отметить, что в метаморфозе товара возникает вполне определённое *двустороннее* общественное отношение - отношение покупателя и продавца – следовательно, возникает противоречие, стороны которого представлены товаром и деньгами, спросом и предложением, потребностью и возможностью, т.е. отмеченное Марксом «противоречие меновой и потребительной стоимости».

ся лишь то, что *форма* для кризисов налицо».[1]

«Итак, можно сказать: кризис в его первой форме есть сам метаморфоз товара, отделение друг от друга покупки и продажи».[2]

Пока отметим, что кризис *проявляется* как разрыв между покупкой и продажей, но сам по себе этот разрыв есть следствие процессов, происходящих за границей узкого отношения между покупателями и продавцами, он не «не содержится в самой этой форме».

«Кризис в его второй форме связан с функцией денег как средства платежа. Здесь деньги в два различных, отделённых друг от друга момента времени фигурируют в двух различных функциях. Обе эти формы ещё совершенно абстрактны, хотя вторая и конкретнее первой».[3]

Но кризис как противоречие покупки и продажи, и противоречивость денег как средства платежа «это всё же лишь *формы*, общие возможности кризисов, а потому и формы, абстрактные формы действительного кризиса. Бытие кризиса выступает в них как в своих простейших формах, а также в своём простейшем содержании, поскольку сама эта форма есть его простейшее содержание. Но это ещё не есть *обоснованное* содержание… одними этими формами нельзя объяснить, почему они оборачиваются своей критической стороной, почему содержащееся в них potentia (в возможности) противоречие проявляется actu (реально, на деле) как таковое».[4]

Эта абстрактная возможность кризисов становится реальностью, основанием под воздействием других условий, а именно, «реальный кризис может быть выведен лишь из реального движения капиталистического производства, конкуренции и кредита,.. поскольку он проистекает из тех определений формы капитала, которые *присущи* капиталу как капиталу и не заключены просто в его бытии как товара и денег».[5]

Итак, кризис может быть выведен только из движения материальных факторов, находящихся в основании процесса капиталистического производства, из движения капитала, начинающегося в производстве и переходящего в другие формы в процессе движения.

«Сам по себе один лишь (непосредственный) *процесс производства* капитала не может прибавить здесь ничего нового».[6]

Разумеется, потому что движение капитала производством не заканчивается, оно продолжается в обращении, но в новых формах – в реальной форме (товара) и фиктивной форме (денег), и уже в обращении товара и денег возможность кризиса, заложенная в производстве, превращается в реальность.

«Совокупный процесс обращения или совокупный процесс воспроизводства капитала есть единство его фазы производства и его фазы обра-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 26, Ч. 2. С. 566.
[2] Там же. С. 567.
[3] Там же.
[4] Там же. С. 569.
[5] Там же. С. 570.
[6] Там же.

щения, т. е. такой процесс, который проходит через оба указанные процесса как через свои фазы. Здесь заложена получившая дальнейшее развитие возможность кризиса, или его получившая дальнейшее развитие абстрактная форма».[1]

«*Общие условия* кризисов… надлежит выводить из общих условий капиталистического производства».[2]

Однако, общие условия кризиса складываются из условий, определяющих движение капитала в тех или иных его фазах.

Кризис – это не только *нарушение* процесса нормального обращения капитала, но одновременно и процесс *восстановления*, возобновления нормального воспроизводства капитала – вот какую диалектическую сторону ни в коем случае нельзя упускать из виду при анализе сущности кризиса. Как сам процесс воспроизводства капитала имеет свои фазы, так и кризис имеет фазы – своё основание, проявление и завершение.

И в этом целостном движении кризиса кризис метаморфоза, кризис в отношении обмена товара, покупки и продажи, есть индикатор процессов, происходящих в фазе производства. Именно в производстве закладываются основы кризиса, выступающие на поверхность, становящиеся явными в фазе обмена.

Основание кризиса находится в собственно производстве, именно здесь возникают те диспропорции, которые становятся сокрушительной явью в метаморфозе товара. Кризис метаморфоза *являет* внешне некие изменения в *содержании* производства. И содержанием этих изменений не может быть ничто иное, как изменение самого способа производства, его совершенствование. В производстве «происходит накопление улучшений, накопляющееся развитие производительных сил, – что это непрерывно расширяющееся производство нуждается в непрерывно расширяющемся рынке и что производство расширяется быстрее, чем рынок, то этим будет лишь иначе выражено то явление, которое подлежит объяснению: оно будет выражено не в своей абстрактной, а в своей реальной форме. Рынок расширяется медленнее, чем производство…».[3] «…Наступает такой момент, когда рынок оказывается слишком узким для произведённой продукции. Это имеет место в конце цикла. Но это означает лишь то, что рынок переполнен. Перепроизводство теперь – очевидный факт».[4]

«Безудержное развитие производительных сил и проистекающее отсюда массовое производство, происходящее в тех условиях, что, с одной стороны, у массы производителей потребление ограничено кругом предметов необходимости, а с другой стороны, пределом для производства служит прибыль капиталистов, – вот что составляет основу современного перепроизводства».[5]

---

[1] Там же. С. 571.
[2] Там же. С. 573.
[3] Там же. С. 582.
[4] Там же. С. 583.
[5] Там же. С. 587.

Здесь необходимо отметить главное – в основании кризиса находится «безудержное развитие производительных сил» и следующее отсюда массовое производство. То же, что из этого развития в итоге происходит далее в сфере обмена, относится уже к последствиям изменений в производстве и самостоятельно, в отрыве от производства, не возникает.

Т.о. метаморфоз товара – раздельность покупки и продажи и противоречивость функции денег создают только *возможность* кризисов. Но их *действительность* зависит от реального производства, от развития производительных сил и полностью определяется производством. Обращение же – фактор вторичный, хотя и необходимый для движения кризиса – в нём кризис выходит на поверхность.

Каким же образом условия производства влияют на условия обращения капитала и возникновение кризисов?

«…Частичные кризисы могут проистекать из *диспропорциональности производства* (пропорциональность же производства является всегда лишь результатом диспропорциональности производства на основе конкуренции) и что одной из общих форм этой диспропорциональности производства может быть перепроизводство основного или, с другой стороны, перепроизводство оборотного капитала…».[1] Т.е. капитал становится излишним и как производящая сила, и как результат её действия. Другими словами, он излишен в обеих своих частях – либо как само производство (и как следствие – рабочая сила), либо как его продукт – товар.

Итак, кризис проистекает из диспропорциональности производства, вызванной развитием производительных сил. Если мы теперь обратимся к собственно производству, то увидим, что т.н. кризис перепроизводства это кризис не только перепроизводства в целом, а, прежде всего, кризис той части производства, которая не может далее существовать, поскольку вследствие своего технического отставания не может получать прибавочную стоимость в достаточном объёме для своего возобновления в расширенном масштабе, т.к. её издержки производства превышают средние по отрасли. Возникают разрывы в осуществлении платежей, и уже как следствие возникновения этих разрывов кризис распространяется на отрасль в целом.

Рассмотрим более подробно этапы движения кризиса в процессе производства.

Начнём с этапа, когда предыдущий кризис завершился и утвердились новые формы и способы производства. В начале этапа отмечается рост конкуренции, как следствие происходит снижение общей нормы прибыли. Пониженная норма прибыли вызывает стремление к повышению массы прибыли, что осуществляется за счёт модернизации производства и увеличения выпуска продукции. В начале периода имеется избыточное количество денег[2], которые направляются на создание новых методов

[1] Там же. С. 579.

[2] «В начале процветания господствует низкий, лишь медленно и постепенно повышающийся уровень процента. Ссудный капитал имеется в изобилии. …Возрастает масса кредитных денег...» (*Гильфердинг Р.* Финансовый капитал.

производства, что позволяет их обладателям выпускать продукцию по пониженной стоимости и извлекать дополнительную прибыль. Развитие новых методов производства имеет естественным следствием увеличенный выпуск товаров, что, в конце концов, приводит к возникновению кризиса перепроизводства.

Но перепроизводство наступает в конце этапа. Перепроизводство как таковое характеризует кризис с количественной стороны, и с этой стороны он определяется соотношением потребностей общества в конкретных товарах (или капиталах) и возможностями их приобретения.

На этом этапе одновременно сосуществуют два процесса. Один из них характеризуется распространением новых технологий и появлением сверхприбыли в новых производствах (рост нормы прибыли), происходит увеличение числа новых производств. Другой процесс имеет своим содержанием ликвидацию старых производств вследствие падения у них нормы прибыли, либо даже отсутствия прибыли, и как следствие эти предприятия закрываются.

Любой масштабный кризис имеет две стороны:

- по *форме* это кризис *количественный*, кризис перепроизводства капиталов и товаров, наступающий вследствие стремления капиталистов к получению дополнительной прибыли и вызванный увеличенным производством товаров;

- по *существу* это кризис *качественный*, имеющий содержанием, во-первых, создание новых технологий и использующих их производств, и, во-вторых, ликвидацию устаревших производств. В этих кризисах проявляется отсутствие общественная потребностей в устаревших производствах, их ненужность.

Кризис перепроизводства, количественный, может повторяться неоднократно до полного обновления отрасли. По этой причине его можно назвать внутриотраслевым, поскольку меняются предприятия, но не отрасль в целом.

Ограниченный кризис перепроизводства может наступить даже тогда, когда собственно перепроизводства нет. Отсталые производства не находят сбыта товаров либо (что чаще) не имеют прибыли вследствие низкой номы прибыли и не могут платить по долгам, цепочка неплатежей увеличивается, их объём растёт, втягиваются и относительно благополучные производства, наступает кризис.

Перепроизводство капитала в период кризисов вызывает его перемещение в новые отрасли и производства, туда, где появляется возможность получить дополнительную прибыль за счёт новых видов продукции и новых способов производства. С этой стороны кризисы оказывают положительное влияние на развитие производства.

В конце концов, возникает необходимость полной смены типа производства в отрасли, её реформирования, либо создание новой отрасли. Возникает *структурный* кризис, в ходе которого возникают качественно новые производства и отрасли.

М., 1924. С. 311).

Кризисы количественные, перепроизводства, есть кризисы *капиталистического* способа производства, следствие его сущности – извлечения прибыли – патология капитализма, его родовая болезнь, форма разрешения противоречия между потребностями капиталиста в получении прибавочной стоимости и возможностями общества по приобретению продуктов производства. Эти кризисы могут быть ликвидированы вместе с ликвидацией капиталистического способа производства.

Кризисы качественные, технологические, структурные, это кризисы *общественные*, они представляют собой следствие развития знания, техники и роста потребностей общества в более эффективном производстве, – и это болезнь развития, роста. Эти кризисы есть не что иное, как форма разрешения внутреннего противоречия субстанции человек между материальным и идеальным, между потребностями развития и возможностями его удовлетворения. Эти кризисы необходимы, более того, чем более часто они происходят, тем менее они болезненны.

Разумеется, что вышеприведённое понимание кризисов далеко не описывает их во всей полноте и глубине и необходимо исследование кризисов также со стороны влияния субъектов экономики на кризис и кризиса на субъекты экономики – частные капиталы, акционерные, монопольные, государственно-монопольные и надгосударственные капиталы. Тем более что в каждом кризисе действуют свои внутренние факторы – особенные и единичные.

Описанные выше формы кризисов (количественные – перепроизводства, и качественные – структурные) характерны для производительного капитала, имеют основание в нём и имманентны ему. Но возникновение более развитой и высокой формы капитала, финансового капитала, являющегося пределом развития капитала как такового, имеет следствием, в конце концов, становление и разрастание перманентного кризиса капиталистического общественного отношения в целом. Рассмотрим эту форму более подробно.

21.4.3. Предел капиталистического способа производства

«…Буржуазный способ производства включает в себя границу для свободного развития производительных сил, границу, которая обнаруживается в кризисах и – среди всего прочего – в перепроизводстве, этом основном явлении кризисов».[1]

Да, перепроизводство есть проявление кризиса, но кризис это одновременно и восстановление нормального производства (более того, улучшенного производства) и этот диалектический момент ни в коем случае нельзя упускать из виду. Поэтому перепроизводство представляет собой *временную* границу, на которой происходит «насильственное восстановление единства моментов»[2] воспроизводства капитала и по преодолении которой капитал получает дополнительный толчок к развитию в форме новой техники и новых технологий.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 26. Ч. 2. С. 586.
[2] Там же. С. 571.

Кризисы перепроизводства в своём предельном развитии перерастают в структурные кризисы, которые результатом имеют преодоление границы, устанавливаемой кризисом перепроизводства, и за ними следует не только восстановление процесса воспроизводства капитала, но воспроизводства его на *качественно новой* производственной основе. Структурные кризисы, вырастающие из кризисов перепроизводства, обновляют капитал, делают его гораздо более деятельным и дееспособным, и они принципиально не могут привести к его саморазрушению, поскольку сущностью этих кризисов является замена непроизводительных и неэффективных капиталов более производительными и эффективными. Кризисы перепроизводства устраняют с экономической сцены неэффективные (с точки зрения капитала) производства. Структурные кризисы есть кризисы *обновления* капитала, но не его уничтожения как такового, предела для капитала в целом они не представляют. Действуя совместно эти кризисы развивают производственный капитал и повышают его эффективность.

Маркс усматривает предел капитала также в существовании т.н. тенденции нормы прибыли к понижению.

«Предел капиталистического способа производства обнаруживается:

В том, что порождаемое развитием производительной силы труда понижение нормы прибыли представляет собой закон, который в известный момент самым резким образом приходит в столкновение с развитием производительной силы труда и потому постоянно должен преодолеваться посредством кризисов.

В том, что расширение или сокращение производства определяется не отношением производства к общественным потребностям, к потребностям общественно развитых людей, а присвоением неоплаченного труда…, следовательно известной высотой нормы прибыли. Поэтому пределы капиталистического производства выступают уже при такой степени расширения, которая при других предпосылках оказалась бы, наоборот, далеко недостаточной. Оно приостанавливается не тогда, когда этого требует удовлетворение потребностей, а тогда, когда этой остановки требует производство и реализация прибыли».[1]

Но наш анализ (глава «20.5. Прибыль, норма прибыли») и реальность доказывают, что постоянной тенденции нормы прибыли к понижению нет, это циклический процесс, следовательно, с этой стороны нет и предела капиталистическому способу производства. Кроме того, кризисы перепроизводства и структурные кризисы, обновляя капитал, дают ему возможность снова увеличить норму прибыли и она впоследствии снижается в ходе конкурентной борьбы вплоть до следующего кризиса и повторения цикла. По сути, Маркс говорит здесь о *техническом пределе* наличных форм капиталистического производства, понимаемого в узком смысле как только производство товаров, а не о *способности к существованию* капиталистических общественных отношений вообще.

Что касается второго условия, противоречия между потребностями общества в целом и потребностями капитала, то оно может разрешиться

[1] Там же. Т. 25. Ч. 1. С. 283-284.

только тогда, когда достигнет максимальной остроты, т.е. когда дальнейшее сосуществование его сторон станет невозможным. До этого момента капитал будет развиваться, проходя через периодические кризисы. Данное противоречие есть потенциал ликвидации капиталистического общественного отношения, но для его реализации должны сложиться необходимые условия.[1]

До тех пор гораздо более существенным фактором в развитии капитала, оказывающем решающее влияние на его судьбу, является возникновение самостоятельного денежного капитала – *финансового* капитала.

Поскольку общая норма прибыли не имеет тенденции к постоянному понижению, а представляет собой циклический процесс, определяемый ростом органического строения капитала и периодическими кризисами перепроизводства и структурными кризисами, то последствия этого циклического процесса обязательно должны проявиться как значительный рост накопления капитала, причём не только в производительной сфере, которая имеет свои ограничения, но, прежде и наиболее всего в денежной форме, в форме банковского, финансового капитала.

«…По мере развития капиталистического производства расширяются масштабы каждого индивидуального процесса производства, а вместе с тем возрастает и минимальная величина авансируемого капитала, то это обстоятельство присоединяется к ряду других, в силу которых функция промышленного капиталиста все более и более становится монополией крупных денежных капиталистов, отдельных или ассоциированных».[2]

Это предвидение Маркса через несколько десятилетий стало фактом, что отметил Р. Гильфердинг: «Итак, господство банков над промышленностью, важнейшее явление новейшего времени, предсказано здесь в эпоху, когда едва намечались лишь зародыши этого процесса».[3]

Банковский капитал, вырастая из ростовщического и становясь, в конце концов, финансовым, в соответствии с целью своего существования – извлечением процента, – подчиняет себе производственный капитал как источник процента. Но этого мало, он начинает извлекать процент из необходимого продукта частных потребителей, навязывая кредит. Предоставляя кредит государству он также извлекает в форме процента и часть дохода нации.

Соответственно новым формам капитала меняются и его цели. От извлечения прибавочной стоимости и накопления богатства вначале – к

---

[1] «...Частная собственность есть форма общения, необходимая на известной ступени развития производительных сил; что эта форма общения до тех пор не может быть уничтожена, до тех пор является необходимым условием для производства непосредственной материальной жизни,— пока не созданы производительные силы, для которых частная собственность становится стесняющими оковам» (Там же. Т. 3. С. 351). Добавим – а также пока не возникнут и не станут определяющим общественным фактором новые формы общественного сознания, отражающего гибельность дальнейшего существования капиталистических отношений.

[2] Там же. Т. 24. С. 123.

[3] *Гильфердинг Р.* Финансовый капитал. - С. 72.

власти над обществом в масштабах отрасли (части общества), государства (всего общества, нации), группы государств (группы наций), планеты (человечества).

Богатство из цели становится средством – средством управления и подавления. Как ранее производственный капитал подчинил себе труд, так теперь финансовый капитал подчиняет себе производственный капитал и, затем, в итоге, всё общество.

Наличие отношений частной собственности и развитие капиталистических отношений естественным образом приводит к тому, что производство продукта оттесняется на второй план, а на первый выходит производство квинтэссенции капиталистического общественного отношения – денег, – которое (производство денег) находится всецело в руках финансового капитала, становящимся полностью *самостоятельным субъектом* в системе капиталистических отношений. Из вспомогательного субъекта финансы в форме финансового капитала становятся главным действующим лицом. Финансовый капитал уже не удовлетворяется ролью только кредитора, он стремится с помощью финансовых механизмов подчинить себе всё общество, соответственно главной его целью становится власть, никому не подконтрольная, в т.ч. государству.[1]

Тенденция развития финансового капитала просматривается совершенно ясно – финансовый капитал будет стремиться полностью стать над обществом и с этой целью будет создавать надгосударственные институты управления, далее последует введение валюты полностью неподконтрольной государствам, затем подчинение государственных аппаратов и ликвидация государств современной формы. Поскольку производство в современном масштабе и, следовательно, население такому капитализму не нужны, то постепенно (а может и не совсем постепенно) будут ликвидированы все «лишние» люди, останется только определённое количество для создания правящей финансовой клике комфортных условий (и главное условие такой ликвидации уже формируется – это автоматизация производства, создающая возможность полного избавления от рабочих). Исторически это не столь уж отдалённая перспектива.

В форме финансового капитала капитал из отношения, момента, становится квази-субстанцией, саморазвивающейся на паразитической основе в условиях тотальной власти над обществом, а *человек, общество, по мере достижения финансовым капиталом власти над ними, из субстанции становятся моментом, стороной финансового капитала*. Капитал как субстанция подчиняет всё вещным отношениям (где деньги выступают как вещь), от которых не свободны также управляющие капита-

[1] Эту характерную особенность владельцев денег отмечал и Маркс: «На примере ростовщика — этой хотя и старомодной, но постоянно возрождающейся формы капиталиста Лютер очень хорошо и наглядно показывает, что жажда власти есть один из элементов страсти к обогащению» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 26. Ч. 2. С. 606, примечание). Ныне желание совпадает с возможностью.

С Марксом полностью солидарен и Р. Гильфердинг: «Финансовый капитал хочет не свободы, а господства» (*Гильфердинг Р.* Финансовый капитал. - С. 398).

лом (они несвободны более всего, т.к. не могут сделать ничего, что бы противоречило интересам капитала).

Банковский капитал времён Маркса, бывший подмастерьем промышленного капитала, превратился ныне в форме финансового капитала в хозяина мира, диктующего свои условия во всех сферах деятельности человека. Но этого ему явно недостаточно, он жаждет полной, абсолютной власти над обществом и промышленный капитал, сам того не желая, предоставляет ему нет, не инструмент, а смертоносное оружие для достижения своей цели.

Таким оружием и является полностью автоматизированное производство, возможность создания которого уже не за горами. Это самое эффективное и «чистое» оружие в руках капитала, какое только было создано человеком. С его помощью можно создать некое подобие общества, в котором будут две касты – научно-инженерные кадры, обслуживающие автоматизированное производство, и надзирающие за ними структуры – и высший олигархический слой (несколько сотен, может быть тысяч человек), вокруг которых будет клубиться мошкара богемы.

В условиях резкого снижения запасов природных ресурсов глобальный капитал непременно пойдёт на резкое сокращение потребления – иными словами на уничтожение большей части человечества. Господство «железной пяты» обеспечит ей внеэкономическое присвоение богатства, т.н. прибавочная стоимость более не будет экономическим фактором и исчезнет как экономическая категория. Экономика больше не будет уже собственно экономикой, это будет производство в соответствии с потребностями «железной пяты».

Финансовый капитал, ставший господствующей формой капитала, заинтересован в максимальной прибыли и потому не заинтересован в какой бы то ни было форме конкурентной борьбы между капиталами (промышленным и торговым). Поэтому именно *финансовый капитал является силой, стремящейся монополизировать всё и вся – отсюда его стремление к абсолютной власти – и это совершенно объективное обстоятельство, являющееся следствием развития капиталистического общественного отношения до его высшей формы*.[1]

Теперь финансовый капитал определяет размер и, соответственно, норму прибыли, получаемой каждым подразделением капитала. Т.о. норма прибыли постепенно становится фиктивной величиной, не отражающей действительного положения в отраслях общественного производства.

Но монополизируя все стороны общественного производства, понимаемого как обеспечение жизнедеятельности общества, капитал тем самым объективно подготавливает собственное уничтожение. Фактическое обобществление производительных сил практически завершено и только существующие общественные отношения позволяют капиталу, прежде

[1] «Финансовый капитал в его завершении, это – высшая ступень полноты экономической и политической власти, сосредоточенной в руках капиталистической олигархии. Он завершает диктатуру магнатов капитала» (*Гильфердинг Р.* Финансовый капитал. - С. 446).

всего финансовому, подавлять общество в своих собственных интересах.

Но долго такое положение продлиться не может – дальнейшее развитие производительных сил и их несоответствие производственным отношениям приведёт либо к революционной смене последних, либо к решительным действиям капитала по упрочению своего господства. Последнее возможно только путём резкого сокращения населения и упрощения социальной стратификации общества до нескольких социальных групп, отличающихся друг от друга наподобие сословий. Причём сокращение населения может быть достигнуто без насильственных действия, это произойдёт, так сказать, естественно, поскольку экономической базой такого ограниченного общества будет служить почти полностью автоматизированное производство, не требующее большого числа работников, ненужные попросту вымрут.

«В результате этого процесса должен был бы получиться всеобщий картель. Здесь все капиталистическое производство сознательно регулировалось бы из одной инстанции, которая, определяет размер производства во всех его сферах. Тогда установление цен становится чисто номинальным и фактически равносильно уже просто распределению всего продукта, с одной стороны, между картельными магнатами, а с другой стороны – между другими членами общества. Цена является тогда не результатом вещных отношений, которые устанавливаются между людьми, а просто своего рода расчётным вспомогательным приёмом при передаче вещей от одних лиц к другим. Деньги не играют никакой роли. Они могут совершенно исчезнуть, потому что дело сводится ведь к передаче вещей, а не к передаче стоимостей. Вместе с анархией производства исчезает вещная видимость, исчезает товар в качестве овеществлённой стоимости, исчезают, следовательно, деньги. Картель распределяет продукт. Материальные элементы производства воспроизводятся и входят в новый процесс производства. Из нового продукта известная часть достаётся рабочему классу и интеллигентам, другая остаётся у картеля, и он может употреблять её на что угодно. Это – сознательно регулируемое общество в антагонистической форме. Но этот антагонизм есть антагонизм распределения. Самое распределение здесь сознательно урегулировано, и потому необходимость денег миновала. Финансовый капитал в своём завершении оказался оторванным от той питательной почвы, на которой он возник. Обращение денег перестало быть необходимым, неустанный кругооборот денег нашёл свой конец в урегулированном обществе, и perpetuum mobile обращения достигло покоя».[1]

Но покой – это смерть.

Т.о. исчезает смысл, сущность капиталистического производства – оно отрицает самое себя. Возникает *метакапитализм*, – власть денег трансформируется во власть в чистом виде, во власть немногих над всеми, – экономическим основанием которого является автоматизированное производство и социальным основанием – «добровольное» согласие со стороны одних слоёв общества (контролирующих и подавляющих) и вынуж-

[1] Там же. С. 276.

денное согласие со стороны других слоёв (контролируемых и подавляемых) под тоталитарным контролем со стороны правящей олигархии.[1] Причём экономическая база сможет обеспечить такой уровень жизни подавляемых, что большинство их будут вполне довольны своим положением. Казалось бы – веками ожидаемая гармония достигнута. Но при этом окажется совершенно извращена сущность человека как субстанции и его субстанциональное бытие придёт к концу, человек станет механической частью созданного им искусственного мира, совершенно неспособным к дальнейшему развитию.

Капитал в своей высшей точке развития способен привести человечество к гибели, либо полной стагнации, и причина лежит в его неспособности преодолеть противоречие капиталистического отношения на собственной основе.

Но отмеченная неспособность отнюдь не ограничивает финансовый капитал в попытках закрепить свою власть не только территориально, но и темпорально.

Реальность убедительно свидетельствует, что финансовый капитал широко развернул действия по установлению и закреплению своей глобальной власти, нагляднейшим индикатором чего является политика «хаотизации».

Внешне выглядит так, что насаждение посредством т.н. «цветных революций» хаоса в той или иной стране делается для приведения к власти в них режимов, подконтрольных Западу (сиречь капиталу). Но нельзя исключить, что такой вариант всего лишь промежуточный результат, сопутствующий главной цели – созданию хаоса как такового. Хаоса не просто длительного, но постоянного. Хаоса, который в итоге должен привести к самоуничтожению населения. Поэтому все теории т.н. «управляемого хаоса» есть не что иное, как дымовая информационная завеса, призванная отвлечь внимание от истинных целей хаотизаторов. Хаос не может быть управляемым по своей сути, он может быть только искусственно создаваемым и поддерживаемым.

Менее жёстким результатом общественного взрыва может быть выход из хаоса с распадом страны на этнически ориентированные осколки, либо, в более мягком варианте, федерализация или автономизация. Но главный итог один – резкое ослабление страны и народа как единого целого.

В этом же ключе следует рассматривать и разрушение нравственной сферы общества (идеального) – гомосексуализацию, дебилизацию населения, педофилию, легализацию наркотиков и т.п., – население является в значительной части лишним для финансового капитала и управлять таким развращённым охлосом гораздо легче.

Поэтому структурирование в любой форме внутренней жизни страны и поддержание в ней хоть какого-то порядка является дополнительным препятствием для финансового капитала и действующих в его интересах властных элит. Отсюда и двойственная роль всяких «властных вертика-

[1] Подчеркнём – финансовой олигархии. Именно олигархизм будет внешней формой и политическим содержанием метакапитализма.

лей» стран капиталистической периферии – с одной стороны они являются опорой режимов, действующих в интересах «своих» капиталистов, но, с другой стороны, они *вынужденно* сохраняют относительную стабильность в своих странах, которая есть одно из условий сохранения целостности общества. Но консервирование общественных отношений не может поддерживаться длительное время и либо «вертикаль» сдастся финансовому капиталу, либо общество заменит её демократическими институтами революционным путём, либо общество хаотизируется с печальными для себя последствиями.

21.4.4. Об императивной необходимости преодоления капиталистического общественного отношения

В основании капиталистического общественного отношения находятся отношения собственности и отношения отчуждения в форме тотального отчуждения – отчуждения и продукта труда человека, и самой деятельности человека – в итоге человека как такового. Причём это отчуждение существует в самой его извращённой форме – как отчуждение продукта труда и собственно трудовой деятельности всего общества в пользу весьма незначительной части общества. И вся античеловечность, гнусность и подлость капиталистической формы отчуждения зиждется на извращённых представлениях, что отчуждение продукта происходит на, якобы, естественной основе права собственности, а отчуждение деятельности, труда человека есть следствие его добровольного выбора – дескать, капитал не ограничивает человека в свободе выбирать, кому он желает продать свою рабочую силу. Сначала исторически развившимся капиталистическим отношением создано общественное устройство, в котором само существование человека зависит от того, продаст ли он свой труд (и тем самым получит в своё распоряжение жизненные средства), а затем фарисейски объявляется, что он имеет свободу выбора – продавать или не продавать. Циничность и бесчеловечность капиталистического общественного отношения безграничны.

Но если доведённое до высшей его точки капиталистическое отношение изнутри самой формы отчуждения преодолено быть не может, то сопутствующая сторона этого отношения – наличие полярных антагонистических классов – представляет потенциальную возможность ликвидации отчуждения.

И эта возможность достигла степени *императивной необходимости*.

Во-первых, со стороны *производственного* капитала достигнут такой уровень развития его производительной силы, что отпадает необходимость в наличии переменного капитала в форме рабочей силы (т.е. собственно человека): «…автоматическая система машин (система машин, являющаяся автоматической, есть лишь наиболее завершенная, наиболее адекватная форма системы машин, и только она превращает машины в систему), приводимая в движение автоматом, такой движущей силой, которая сама себя приводит в движение. Эта автоматическая фабрика состоит из множества механических и интеллектуальных органов, так что сами рабочие определяются только как сознательные ее члены. В машине,

а еще больше – в совокупности машин, выступающей как автоматическая система, средство труда по своей потребительной стоимости, т. е. по своему вещественному бытию, переходит в существование, *адекватное основному капиталу и капиталу вообще* (здесь и далее выделено нами. – А.П.), а та форма, в которой *средство труда* (в т.ч. и человек. Прим. наше. – А.П.) в качестве непосредственного средства труда было включено в процесс производства капитала, *уничтожается, превращаясь в форму, положенную самим капиталом и соответствующую ему*»[1].

Т.о. автоматизация производства есть не что иное, как развитие капиталистического производства на *собственной* основе, это форма производства, положенная *самим* капиталом. А это весьма важный вывод – ведь смысл резюме Маркса, что капиталистическое производство начинает развиваться *на собственной основе* («адекватное… капиталу вообще») означает, говоря словами Гегеля, что производственный капитал (и капитализм) подошёл к соответствию своему понятию, своей истине – следовательно, это капитал, *вплотную подошедший к завершению капиталистического общественного отношения как такового.*

Во-вторых, капитал в форме *финансового* капитала есть предельная, высшая форма развития капитала как общественного феномена – это квинтэссенция капитала как воплощения стоимости, причём стоимости в чистом виде, не обременённом вещественным обличьем. Дальнейшее развитие капитала как снятие его в новых формах уже невозможно – *финансовый капитал есть предел развития капитала как такового и, соответственно, капиталистического общественного отношения.*

Отсюда следует естественный вывод: *основные, сущностные условия ликвидации капиталистического общественного отношения можно считать вполне сложившимися.*

Учитывая высочайшую напряжённость существующего общественного противоречия, потенциал предельного недовольства своим положением на одном из его полюсов и предельного презрения к людям на другом, можно сделать предположение, что разрешение противоречия не за горами, будет весьма бурным и примет форму насильственного изменения существующих порядков.

21.4.5. Итоговые выводы.

Пройдя ряд метаморфоз от первоначального капитала массового предпринимательства и всеобщей конкуренции, через акционерные, монополистические, государственно-монополистические (империалистические) формы, форму финансово-промышленных групп, капитал достиг высшей формы, – финансового капитала (над- и межнационального, надгосударственного), – в которой капиталистическое общественное отношение достигло предела, поскольку в ней (форме) осуществлены почти полная концентрация и централизация капитала в масштабах не только отдельной нации, но возник и межнациональный капитал, а в ближайшей перспективе этот процесс охватит всё человечество.

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 46. Ч. 2. С. 203.

Но теперь дальнейшее развитие капитала как такового и, соответственно, капиталистического общественного отношения, т.е. снятие его в новых формах, уже невозможно, поскольку его сущность воплощена во всей своей завершённости – капитал в форме финансового капитала полностью подчинил себе не только производство товаров и, следовательно, производство прибавочной стоимости, но и всё общество, от последнего отчуждены все факторы его жизнедеятельности. В форме финансового капитала капитал как таковой становится тождественным самому себе, он достигает истины, своего понятия, своей родовой сущности и, тем самым, своего предела. Дальше – либо преодоление капиталистического общественного отношения, либо его окостеневание и остановка общественного развития, что равнозначно гибели человека как саморазвивающейся субстанции.

Но по-настоящему капитал подходит к своему пределу только с таким развитием науки и техники, которое позволяет вывести из процесса производства человека как объект производства, как часть технологического процесса, дополнение к машине. Лишая таким образом огромное количество людей средств к существованию капитал тем самым резко ограничивает ту сферу своего жизненного цикла, в которой реализуется стоимость и извлекается прибавочная стоимость – сферу обмена. Капитал упирается в стену, воздвигаемую им самим.

Капитал, эта «железная пята», с одной стороны, жизненно заинтересован в ликвидации живого труда как источника конфликтов. Но эта пята одновременно и ахиллесова пята, поскольку единственное, что удерживает капитал от этого шага, это внутреннее противоречие, делающее невозможным его самого – без потребителей, которые и есть в большинстве наёмные работники, невозможно получение прибыли. Капитал начинает искусственно сдерживать автоматизацию производства и возможность полного выведения человека из производственного процесса как объекта, как приложения к машине, возможность ликвидации отчуждения человеческой деятельности и, тем самым, полного освобождения человека. Это противоречие – с одной стороны стремление к автоматизации производства и, с другой стороны, его сдерживание, ограничение общественного развития и есть не что иное, как одно из проявлений пресловутого загнивания, о котором говорили классики марксизма.[1]

Величайшее благо для человечества – возможность вывода человека из производства как его объекта, как дополнения к технологическому про-

[1] Указанные тенденции – стремление к автоматизации производства и, одновременно, к его сдерживанию – находят отражение в СМИ. Одни из них говорят о «революционных изменениях», связанных с автоматизацией (http://www.computerra.ru/86002/nastuplenie-umnyih-mashin-gartner-prognoziruet-revolyutsionnyie-izmeneniya-ryinka-truda/), другие, напротив, приводят факты свёртывания автоматизированных производств и замены роботов людьми (http://hi-news.ru/robots/mercedes-otkazyvaetsya-ot-ispolzovaniya-robotov-pri-sborke-avtomobilej.html; http://autonews.autoua.net/novosti/7154-toyota-zamenit-robotov-lyudmi.html).

цессу и одновременно безмерного развития производительности полностью автоматизированного производства, оборачивается смертельно опасной стороной – человек капиталистического общества навсегда лишившись работы, тем самым практически лишается жизни.

Общественное капиталистическое отношение, пройдя ряд этапов и сменив несколько форм, пришло к вполне естественному завершению в полном соответствии с принципом субстанциональности развития и, таким образом, к пределу капиталистического отношения.

Этот предел характеризуется следующими моментами:

- развитием капитала в свою истинную, полную, завершённую форму финансового капитала и потому невозможностью дальнейшего его снятия в новых формах;
- стремлением финансового капитала к полному подчинению всех сторон жизнедеятельности общества, что в значительной мере уже достигнуто;
- развитием производительных сил (прежде всего науки) до такой степени, когда в недалёком будущем станет возможным практически полное высвобождение человека из собственно процесса производства как его объекта;
- в условиях господства капиталистических общественных отношений это будет иметь следствием резкое сокращение не только производительного населения, но и вообще всего населения, его вымирание;
- в случае полной победы финансового капитала человечество как саморазвивающаяся субстанция перестанет существовать;
- два последних фактора диктуют настоятельную необходимость в интересах сохранения человека как высшей ценности ликвидацию отношений частной собственности и, как следствие, капиталистических общественных отношений, что соответствует жизненным интересам человечества.

Отмеченное выше противоречие между новыми потенциально безграничными производительными силами и существующими капиталистическими отношениями в границах последних неразрешимо. Капитал в своём развитии сам поставил себе предел. И этот предел стал источником *новой формы кризиса*, причём кризиса не только и даже не столько капитала, сколько всего человечества в целом.

Кризис, в который вступило человечество, это не только кризис капитала и не только структурный кризис, преодоление которых прежде выводило капитал на новый уровень.

Это кризис экзистенциальный, кризис общественного развития как такового, в основании которого находится достигнутый предел противоречия между возможностями производительных сил и ограничивающими их капиталистическими общественными отношениями, это переломный момент в развитии человека – граница между предысторией и историей.

Перейдём ли мы её, зависит только от нас самих, от того, насколько мы хотим быть людьми.

***

В качестве краткой ремарки к теме капиталистических общественных отношений следует упомянуть и о свободе человека, на тему которой широковещательно и громкоголосо упражняются апологеты капитализма.

Несмотря на безапелляционные голословные декларации личной свободы у пролетария (понимаемого в самом широком смысле – как не-собственника) фактически нет, поскольку в ходе исторического развития произошла смена формы принуждения. Место явного, насильственного (внеэкономического) отчуждения личности заняло неявное, императивное отчуждение посредством экономических институтов, иногда неверно называемое «самоотчуждением».

Учитывая ранее выведенное определение свободы: «свобода есть процесс движения необходимости и случайности к их тождественности, в котором (процессе) необходимость и случайность опосредствованы закономерностью»[1] можно утверждать, что ни о какой свободе действий внутри капиталистических общественных отношений для пролетариев нет, поскольку 1. случайность, выступающая в обличье вынужденности, ограниченности не имеет альтернатив и потому предстаёт как тоталитарность, а также потому, что 2. закономерность, опосредствующая необходимость и случайность, в данном случае есть закономерность, возводящая случайность как вынужденность (отчуждённость) в статус феномена, определяющего всю жизнедеятельность индивида и не имеющего альтернатив и потому это закономерность, императивно навязывающая несвободу.

Выход из этой капиталистической «свободной» несвободы только один – ликвидация действующей закономерности и актуализация иной закономерности, такой, которая освобождает индивида от давления факторов, способствующих воспроизводству отчуждённости. Последнее же перманентно осуществляется отношениями частной собственности и отношениями, производными от них. Т.о. первым шагом к свободе является ликвидация отношений частной собственности на средства производства, но только первым, за ним обязательно должны последовать и другие.

22. О сущности действительного социализма и коммунизма

Общеизвестный т.н. «основной закон развития социалистического общества» был сформулирован ещё И.В. Сталиным и, несмотря на развенчание Сталина его политическими преемниками, трактовка этого закона почти без изменений перешла в программные документы партии и работы советских «политэкономистов» и «философов».

Суть сталинского определения, данная им в работе «Экономические проблемы социализма в СССР», такова: «Существенные черты и требования основного экономического закона социализма можно было бы сфор-

[1] См. главу «13.3.4. Свобода».

мулировать примерно таким образом: обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путём непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники»[1].

Если выделить суть т.н. «закона», то она будет заключаться только в необходимости удовлетворения материальных и идеальных потребностей общества, в основе чего должно находиться развитие общественного производства.

Но в таком «законе» нет ничего, что имеет отношение исключительно к социализму, отмеченное условие (или, если угодно, закономерность) имеет всеобщий характер и действует на всех этапах исторического развития и во всех формах обществ. Мы об этом уже говорили, рассматривая противоречие между общественными потребностями и возможностями как основное движущее противоречие общественного развития.

Главное отличие социалистического этапа движения, по данному определению, заключается в том, что должны обеспечиваться потребности *всего* общества, а не преимущественно собственников. Но этого уточнения явно недостаточно для выделения социалистического этапа движения в особенную общественную форму, *качественно* отличающуюся от предыдущих.

В сталинском определении, а также в последующих официальных партийных формулировках не отражена особенность именно *социалистического* способа жизнедеятельности. Данное определение есть результат не логического анализа сущности социалистических отношений, а описание эмпирически данных фактов, не исследование внутреннего, а фиксация внешнего.

Обратимся за помощью к Марксу.

«…Социализм, как социализм, начинается с *теоретически и практически чувственного сознания* человека и природы как *сущности*. Социализм есть *положительное*, уже не опосредствуемое отрицанием религии *самосознание* человека, подобно тому как *действительная жизнь* есть положительная действительность человека, уже не опосредствуемая отрицанием частной собственности, *коммунизмом*».[2]

Прервём цитирование и вглядимся пристальнее в формулировку Маркса. Итак, социализм – это положительное самосознание, которое Маркс отличает от действительной жизни – положительной действительности. При этом действительная жизнь, т.е. реальность, *уже* не коммунизм, который здесь понимается только как отрицание частной собственности. Действительная жизнь становится (вспомним гегелевскую категорию становления) *после* коммунизма, после этапа отрицания частной собственности.

Далее, социализм «начинается с сознания человека и природы как сущности» и это есть «положительное самосознание», т.е. самосознание,

---

[1] *Сталин И.В.* Экономические проблемы социализма в СССР. – М.: Госполитиздат, 1952. С. 40.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 42. С. 127.

основанное на самом себе, прошедшее этап отрицания религии, этап преодоления отчуждения самосознания человека от него самого.

Только теперь, с преодолением отчуждения самосознания и обретением положительного самосознания, а также с преодолением частной собственности начинается действительная жизнь. И это тождество действительной жизни и положительного самосознания есть социализм. Коммунизм же предшествует социализму как действие, отрицающее частную собственность и отчуждение самосознания человека в форме религии[1] и тем самым создающее предпосылку для развития действительной жизни уже на *собственном* основании.

Это подтверждается тем, что (продолжим цитирование) «коммунизм есть позиция как отрицание отрицания, поэтому он является *действительным*, для ближайшего этапа исторического развития необходимым моментом эмансипации и обратного отвоевания человека. *Коммунизм* есть необходимая форма и энергический принцип ближайшего будущего, но как таковой коммунизм не есть цель человеческого развития, форма человеческого общества».[2]

Приведём ещё одну цитату.

«Если мы даже *коммунизм* называем – так как он является отрицанием отрицания – присвоением человеческой сущности, которое опосредствует себя с собою через отрицание частной собственности, а посему ещё не *истинным*, начинающим с самого себя положением, а только таким, которое начинает с частной собственности,… [В рукописи здесь оборван левый нижний угол страницы, в результате чего пострадали последние шесть строк текста; восстановить их содержание не представляется возможным. Ред.]. Действительное отчуждение человеческой жизни остаётся в силе и даже оказывается тем большим отчуждением, чем больше его сознают как отчуждение... Для уничтожения *идеи* частной собственности вполне достаточно *идеи* коммунизма. Для уничтожения же частной собственности в реальной действительности требуется *действительное* коммунистическое действие».[3]

Даже несмотря на лакуну в тексте Маркса, изъявшую весьма ценную мысль, можно утверждать, что коммунизм, как о нём говорится в приведённых отрывках, это промежуточная форма общественного движения и общества, создающая *предпосылки* для полного освобождения человека от отчуждения[4] – и в сфере материального, и в сфере идеального. Эта,

---

[1] На наш взгляд, говоря об отчуждении самосознания, следует ставить вопрос более широко – не только об отчуждении его в религиозной форме, но также и о *самоотчуждении* индивидуального сознания от общественного сознания, что внешне проявляется в пассивной жизненной позиции человека, самоустранении его от активного участия во всех жизненных процессах.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 42. С. 127.

[3] Там же. С. 135.

[4] Здесь и далее под освобождением от отчуждения понимается ликвидация отчуждения сущности человека, его деятельности и творческих сил от него самого. Напомним, что отчуждение *результатов* деятельности человека в пользу всего общества является необходимым условием существования общества.

следующая за коммунизмом, форма общества и была названа Марксом социализмом.

В подтверждение данного вывода можно сослаться и на следующие высказывания Маркса:

«Коммунизм для нас не *состояние,* которое должно быть установлено, не *идеал, с* которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом *действительное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние».[1]

«Уничтожение частной собственности даже является самым кратким и наиболее обобщающим выражением того преобразования всего общественного строя, которое стало необходимым вследствие развития промышленности. Поэтому коммунисты вполне правильно выдвигают главным своим требованием уничтожение частной собственности».[2]

Т.е. коммунизм есть требование уничтожения частной собственности и одновременно движение к этому состоянию. Но уничтожение частной собственности есть лишь первый шаг на пути снятия отчуждения человека и обретения им и *положительного самосознания,* и *положительной действительности*. Только в этом пункте заканчивается предыстория и начинается подлинная, *истинная* История Человека.

Отметим также, что в приведённых цитатах бросается в глаза несоответствие привычного нам сочетания терминов «социализм» и «коммунизм» и употребления их Марксом, они инвертированы. Но не будем делать проблемы из отмеченного терминологического несоответствия, это не суть важно. Даже если называть первый этап «действительного движения» социализмом, а не коммунизмом, то это не изменит *сущности* этого движения.

Сущность же первого этапа (социализма в современной терминологии) «*действительного* коммунистического» *движения* заключается в *создании условий* для полной *ликвидации отчуждения человека* (но только условий, а не собственно ликвидации отчуждения, которая на этом этапе осуществится лишь частично) и для беспрепятственного *развития сферы материального и сферы идеального,* а именно:

- ликвидация всех форм эксплуатации человека человеком (основной формы отчуждения), что возможно только с ликвидацией *всех форм* частной собственности;

- постепенный переход к *непосредственному участию всех членов общества* в управлении его институтами и, тем самым, инициализация процесса преодоления отчуждения человека от управления своей жизнедеятельностью;

- всемерное развитие производительных сил (развитие сферы материального) и, тем самым, постепенный *вывод человека из производственного процесса как его объекта,* что приведёт к созданию условий для полного преодоления отчуждения (следствием развития производительных сил станет также возможность удовлетворения всех материальных по-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф*. Соч. - Т.. 3. С. 34.
[2] Там же. Т. 4. С. 330.

требностей общества);

- совершение *перманентной* культурной революции[1] (развитие сферы идеального) и, тем самым, создание идеального основания (культуры коммунистического движения) для формирования общественного (и индивидуального) сознания, адекватного новому способу жизнедеятельности (материальным основанием является практика, сама жизнь). Другими словами, речь идёт о формировании *нового мировоззрения*, основанного на активной, *субъектной* деятельности индивидов и общества в целом;

- как итог – речь идёт не только о формировании нового общества, но и о создании *нового* человека, соответствующего новым общественным отношениям и, более того, самому себе.

Эти условия и составляют суть пресловутого основного закона социализма, что в своей основе означает *действительное движение* по созданию нового общества и нового человека.

И только с реализацией перечисленных условий возникнет возможность становления коммунизма уже на *собственном* основании и осуществления перехода к полностью *само*управляемому *само*развитию общества, в котором уже *действительно* преодолено отчуждение человека.

(Необходимо сделать существенное замечание. В литературе часто встречаются попытки дать точное определение социализма, исчерпывающе и окончательно перечисляющее все его признаки, и на этом основании однозначно квалифицировать общественный строй СССР. Нет ничего более неплодотворного и бесперспективного. Этап социализма, по Марксу, есть часть «действительного коммунистического действия», т.е. движения. Именно *движения* и именно *действительного*, а не *состояния* – это различение весьма важно для понимания *сути* процесса исторического развития. Социализм как относительно длительный временной этап *действительного движения* в каждый свой момент разный, имеет свои периоды (этапы), отличающиеся друг от друга *существенными* чертами. Так, социализм времён НЭПа сущностно отличается как от социализма времени «военного коммунизма», так и периода индустриализации. Последний, в свою очередь, если и имеет некоторые общие черты с периодом послевоенного восстановления, то последующий этап стремительного подъёма социалистического общества в 50-60 годы прошлого столетия есть уже принципиально новый период, на смену которому пришёл другой, к сожалению, дегенеративный этап. «Социалистичность» общества определяется не неким набором раз и навсегда установленных определений, а совершенно объективным условием – *осуществляется ли действительное движение к освобождению человека и присвоению им своих сущностных сил* – в этом *суть действительного коммунистического движения*. Пресловутые же «материальные и культурные» показатели представляют, хотя и весьма важное, но всего лишь *внешнее* выражение этого движения, не выявляя его *внутренней* сути. Исходя из этого критерия не так уж трудно определить, какие периоды советского общества были «более» социалистическими, а какие «менее». Однако, есть два им-

[1] Революции по существу, эволюции по форме.

ративных условия без которых ни о каком социалистическом движении не может быть и речи – власть политическая и власть экономическая должны принадлежать народу, что означает 1. полную и ничем не ограничиваемую *народную* демократию и 2. господство в экономике *социализированных* форм собственности (на начальном этапе в форме *государственной* собственности с тенденцией перехода к *общенародной* форме собственности)).

Ранее[1] на основании принципа субстанционального монизма была логически выведена сущность человека и сделано заключение: «Исходя из… сущности человека можно сделать самый общий вывод: полное и свободное развитие человека как субстанции и в форме индивида, и в форме общества возможно только при отсутствии ограничений такому развитию, т.е. при наличии таких условий, которые позволяют раскрыть все потенции человека как саморазвивающейся субстанции – и как личности, и как сообщества личностей, всех без исключения. Т.е. необходимо наличие вполне определённых материальных и идеальных условий, не только не ограничивающих ни с одной из указанных сторон развитие человека, но и способствующих такому развитию».

Как видим «обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих…» не является целью *коммунистического движения* общества (в том числе и его первой фазы), это сопутствующий фактор, *следствие* развития материальных и идеальных возможностей общества, а не причина и, тем более, не цель.

Цель действительного коммунистического движения – полное освобождение человека от отчуждения и ограничения его развития, как личности, так и как общества.

Более того, нет лучшего подарка противникам социалистического движения, чем признание приоритета удовлетворения материальных и культурных потребностей людей (в этой формуле культурные потребности есть понятие более узкое, нежели сфера идеального в целом) основным законом социализма. Это тот козырь, который они всякий раз пускают в ход при дискредитации социализма, неспособного обеспечить более высокого материального уровня жизни, чем капитализм.

Хотя при этом умалчивается, что такой уровень капитализм создаёт отнюдь не для всего общества, всё же по существу, и это следует признать, они правы – при равном научно-техническом и экономическом уровне производительность и социалистического, и капиталистического способов производства будет идентичной. Для того же, чтобы значительно опередить капитализм в этих сферах, социализм должен будет вкладывать в них гораздо больше средств, чем капитализм, что вряд ли возможно, тем более учитывая необходимость сдерживания агрессивности капитализма.

Но вот использование в интересах людей и общества в целом политических инструментов и экономических достижений кардинально различается. В случае капитализма – это приоритет властвующих классов, прио-

[1] См. главу «15. Человек, общество».

ритет частных собственников, приоритет капитала. В случае социализма – приоритет интересов общества и личности. Если же говорить о потенции преодоления отчуждения человека (а без этого ни о каком творческом развитии человека не может быть и речи), то у капитализма она вообще отсутствует по определению. *Главное преимущество социалистического движения – приоритет развития самого человека, его полное освобождение от отчуждения, прежде всего от эксплуатации*. Капитализм в этой сфере вообще не является конкурентом, он к этому имманентно не способен.

Освобождение и развитие самого человека – вот цель действительного коммунистического движения. Пресловутое же удовлетворение потребностей это один из результатов, хотя и очень важный, этого движения. В ходе действительного, а не на уровне деклараций и имитирующих действий, решения первой задачи будет решена и вторая, иного пути нет.

Несогласные скажут, что сам Маркс говорил о богатствах, льющихся полным потоком, т.е. о пресловутом «максимальном удовлетворении» и т.д. Но пусть они вникнут в *смыл* слов Маркса – только «после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы… *лишь тогда* (выделено нами. – А.П.)… общество сможет написать на своём знамени: Каждый по способностям, каждому по потребностям»![1]

По Марксу «по потребностям» это итог движения, его результат («лишь тогда»). Условия же достижения такого результата, они же частные цели самого движения, совершенно иные: 1. ликвидация отчуждения и в форме эксплуатации, и в форме разделения труда (что возможно только с ликвидацией частной собственности, а также с полным выходом человека из процесса производства как его объекта, как дополнения к машинам), 2. превращение самой деятельности в жизненную необходимость (что невозможно без непосредственного участия человека в управлении своей деятельностью), 3. развитие производительных сил (сферы материального) и, наконец, 4. всестороннее развитие индивидов (что невозможно без всестороннего развития сферы идеального, прежде всего общей культуры). В *этом* истинный Маркс.

Следует сказать ещё и о следующем – в советское время с лёгкой руки Ленина утвердилось мнение, что только более высокая производительность труда даст преимущество социализму над капитализмом.[2]

Совершенно очевидно, что речь идёт о производительной эффективно-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 19. С. 20.

[2] «Капитализм может быть окончательно побеждён и будет окончательно побеждён тем, что социализм создаёт новую, гораздо более высокую производительность труда... Коммунизм есть высшая, против капиталистической, производительность труда добровольных, сознательных, объединённых, использующих передовую технику, рабочих» (*Ленин В.И.* ПСС. - Т. 39. С. 21).

сти всего общества, а не об отдельных отраслях и, тем более, предприятиях.

Если рассматривать производительность труда со стороны факторов, влияющих на неё, то можно видеть, что она имеет ограничение и со стороны живого труда (физиологические, психологические и интеллектуальные возможности людей, во-первых, небезграничны и, во-вторых, в сути своей идентичны для всех обществ) и со стороны овеществлённого труда (здесь граница определяется возможностями реализации достигнутого уровня знаний – чем выше этот уровень, тем производительнее орудия труда). Но если возможности *роста* производительности труда за счёт эффективности живого труда имеют естественный предел, то со стороны уровня знаний и, следовательно, уровня технологий и техники, предела в принципе не существует.

Т.о. производительность экономики в целом в конечном итоге определяется производительностью научного знания, динамикой его роста и достигнутым уровнем. Потенции же современного научного знания таковы, что в самом ближайшем будущем встанет вопрос о тотальной автоматизации всех производственных процессов, т.е. материального производства в целом (на уровне отдельных предприятий это процесс уже идёт).

Другими словами, от того, какое общество сумеет обеспечить достижение более высокого уровня знаний, зависит и уровень эффективности этого общества. Чем больше своих ресурсов общество может направить на производство знания, тем более эффективное и производительное производство оно может создать. Но это значит, что разные формы обществ независимо от своей социальной организации могут обладать *одинаковым* научным и производственным потенциалом, и, следовательно, достижение социализмом более высокой производительности труда, мягко говоря, проблематично (выше мы об этом уже говорили).

Так что же, Ленин неправ? Следует признать, что рассматривая производительность труда абстрактно, в отрыве от других общественных отношений – неправ. Только рассмотрение общества как конкретного целого, в совокупности всех его отношений позволить получить ответ на данный вопрос.

В капиталистическом обществе развитие производительных сил (вплоть до полной автоматизации производства в целом) будет иметь следствием тотальную безработицу, что поставит на грань жизни и смерти десятки миллионов людей. Альтернативами этому будут либо социальный взрыв, либо замедление и даже остановка научно-технического прогресса со всеми вытекающими из этого обстоятельства последствиями, либо вынужденное содержание капиталом многомиллионных масс безработных. Первое возможно, но последствия этого взрыва непредсказуемы. Второе невозможно, ибо ни одно общество не станет добровольно удушать себя. Третье же – иждивенчество масс, приведёт к деградации огромной части общества и будет нести в себе к тому же взрывоопасный потенциал, поскольку бездействующий человек это недействительный, асоциальный человек, не обременённый никакими общественно-полезными социальными связями, что незамедлительно превращает его

из субъекта в объект, действующий сообразно случаю, т.е. полностью управляемый внешними обстоятельствами. Есть, впрочем, ещё одна альтернатива – это выход за пределы капиталистических общественных отношений.

Для социализма же тотальная автоматизация производства означает: выход человека из производственного процесса как его объекта, как технологической части производства (что знаменует возможность полного снятия отчуждения); всемерное развитие производительных сил (в том числе производства знания); и, как следствие, возможность удовлетворения всех общественных материальных потребностей. И это (мы об этом говорили) есть необходимые условия коммунистического движения.

Но абстракция автоматизации должна быть конкретизирована соответствующими общественными отношениями. А эта конкретика такова, что она необходимо, императивно требует активного, действующего человека, т.е. *действительного* человека, являющегося *субъектом всех общественных отношений* – именно такой человек является основанием *самоуправляемого* саморазвивающегося общества. Человек бездеятельный, бездействующий, асоциальный, недействительный, для коммунистического общества представляет гораздо бóльшую опасность, чем для капиталистического. Такой человек, выпадая из общественных связей, будет деградировать, создавая зону негативного, разрушительного влияния.

Формирование *действительного* человека задача более чем трудная и решить её должен сам человек в своём саморазвитии и искусственная задержка этого развития (например, посредством законодательного закрепления за каким-нибудь «авангардом» общества всех руководящих функций) представляет очень серьёзную опасность для всего общества, поскольку порождает массовую апатию и низводит сущностно *субъектного* человека (ведь даже отдельный человек субстанционален) на уровень *объекта* воздействия.

Итоговый вывод таков, *действительное* коммунистическое движение на базе научно-технического прогресса и развития производительных сил способно привести к такому росту материальных возможностей общества, которое превысит возможности капитализма. Но только в том случае, если оно одновременно будет сопровождаться постепенным освобождением человека от всех форм ограничения его деятельности и созданием условий для полной ликвидации его отчуждения. И только в *таком* движении, синкретично объединяющем материальные и идеальные процессы, преимущества социализма становятся не просто подавляющими, а абсолютными.

Подчеркнём ещё раз – *новое социалистическое общество необходимо требует и нового человека*. Общество и человек должны *взаимно* соответствовать условиям (закону, если угодно) возникновения и развития этого общества.

Завершая анализ сущности социализма и коммунизма невозможно не сказать и о сущности того общества, которое носило имя СССР. В свете условий коммунистического движения, определённых выше, вывод сделать не так уж и трудно.

1. С ликвидацией форм частной собственности на средства производства была упразднена эксплуатация человека человеком и тем самым формально (но только формально) преодолено отчуждение непосредственных производителей от средств производства.

2. По поводу непосредственного участия людей в самоуправлении собственной жизнедеятельностью следует сказать, что эта задача не только не была решена, но даже не была осмыслена в полной мере.[1] Хуже того, т.н. руководящая роль «авангарда» в лице партии была закреплена конституционно, тем самым поставив *часть* общества над *всем* обществом, а по сути противопоставив обществу «авангард». В результате отчуждение человека от государства преодолено не было и государство, *формально* управляемое гражданами, *фактически* представляло по отношению к гражданам внешнюю силу. Это обстоятельство позволило говорить некоторым авторам, что возникшее общество представляет собой государственный капитализм, что сущностно неверно, поскольку не было класса, присваивающего себе прибавочный продукт (и прибавочную стоимость) – весь продукт труда распределялся через *общественные* фонды.[2] Скорее следует говорить о *государственном социализме*.[3]

Можно выставить возражение, что производственные фонды, находящиеся в руках государства, по форме представляют собой капитал и по этой причине общественный строй следует квалифицировать как государственный капитализм. Но это представление основывается на сугубо внешнем сходстве капитала и производственных фондов как одинаково создающих прибавочный продукт. Сущностное же отличие кардинально – целью социалистического производства является не извлечение прибавочной стоимости, а производство материальной массы в форме потребительной стоимости, предназначенной для производственного и индивидуального потребления, что и было в действительности. Плюс к этому замечание, сделанное выше, об отсутствии класса, присваивающего прибавочную стоимость.

3. О развитии производительных сил (а также производства знания) говорит сама история. В некоторые периоды это развитие было чрезвычайно интенсивным. Что касается пресловутого «застоя» в советское вре-

---

[1] Истины ради следует сказать, что в первые годы советской власти вопрос о контроле со стороны трудящихся над бюрократическим управленческим аппаратом ставился Лениным довольно остро, но так и не был решён.

[2] Наличие т.н. привилегий для партийной и государственной номенклатуры, на обеспечение которых шла ничтожная часть национального продукта, сути дела не меняет.

[3] Определение советского государственного строя как «казарменного социализма» сущностно ничтожно, несёт исключительно идеологическую нагрузку и потому в научном исследовании рассматриваться не может. Нельзя согласиться и с определением «государственный капитализм», поскольку оно обращается к сугубо экономическим критериям (прибыль, цена, рентабельность и т.п.), оставляя в стороне политический (власть, представляющая трудящиеся классы) и социальный (отсутствие собственников, присваивающих произведённый продукт) аспекты.

мя, то на фоне действительности нынешней капиталистической России, в которой даже статистические погрешности в доли процента выдаются за экономический рост, т.н. «застой» предстаёт Гулливером в сравнении с лилипутами.

В целом экономическое развитие страны определялось *объективными* возможностями общества. На объективные же возможности постоянно оказывалось сильнейшее давление извне, вынуждавшее значительную часть усилий направлять на обеспечение безопасности страны в ущерб развитию гражданского сектора экономики. Но даже под таким давлением социалистическая экономика достигла таких результатов, каких капиталистическая Россия не достигнет никогда, это уже совершенно отчётливо видно.

4. В отношении вопроса культурного (мировоззренческого) развития советского общества ввиду его сложности можно только высказать некоторые самые общие соображения. Несмотря на очень значительные усилия государства в этой сфере культурный и интеллектуальный уровень общества в целом вряд ли можно признать соответствующим условиям *действительного коммунистического* движения. И главная причина этого, представляется, в том, что культурная и аксиологическая сферы развиваются не столько под влиянием дидактических сентенций и идей, внедряемых управляющим слоем, сколько в живой жизни, в совместной деятельности людей (помним, что материальное и идеальное нераздельны). Причём чем более активное участие индивиды принимают в управлении своей жизнедеятельностью, в практической деятельности, тем более глубокие и прочные изменения происходят в их мировоззрении. Это следствие того, что субстанциональность бытия, основанная на тождественности материального и идеального, императивна и проявляется во всех процессах реальности. Только практика порождает соответствующее этой практике идеальное, которое в форме мировоззрения становится неотъемлемым от действительного (практического) человека.

В советской же действительности фактическое отчуждение людей от участия в управлении собственной жизнедеятельностью имело следствием определённое отторжение ими (отчуждение от) мировоззренческих принципов (в основе своей бывших вполне социалистическими) декларируемых властью, что на закате советского строя дополнительно усугублялось совершенно несоциалистическими тенденциями в правящем слое. Результат известен.

Отвечая на поставленный выше вопрос о сущности общественного строя СССР с учётом проведённого анализа можно сказать, что это было, безусловно, *социалистическое движение*, особенно на начальном этапе с его решительными целями, которое впоследствии под давлением и внутренних, и внешних противоречий не смогло обеспечить выполнение ряда императивных условий движения к *действительному* коммунизму. Тем не менее, это был *действительный социализм* со всеми его родовыми травмами и впоследствии приобретёнными болезнями, на что оказали существенное влияние исторические генетические особенности именно российского общества, вышедшего из многовекового самодержавия, кре-

стьянской общины и недавно родившегося капитализма.[1] Снова и снова повторим – материальное и идеальное тождественны, исторический процесс формирования общества необходимо запечатлевается в его сознании и это сознание столь же необходимо со своей стороны воздействует на общественную практику. Не учитывать и не исследовать этого феномена, значит обрекать всё дело на волю непознанных общественных сил и тенденций и даже случая.

В реальности создание условий, обеспечивающих преодоление отчуждения человека от его деятельности, не только не было обеспечено, но и, что значительно хуже, это движение было остановлено законодательным закреплением небольшой (и как оказалось впоследствии далеко не лучшей) части общества в качестве некоей общественной руководящей силы, что резко усилило отчуждение людей от непосредственного участия в управлении собственной жизнью.

Последствиями законодательного закрепления отчуждения стали, с одной стороны, апатия людей в общественной жизни (которая своей оборотной стороной имела усиление иждивенческих тенденций) и одновременно нарастание недовольства существующим положением, и, с другой стороны, стремление правящего слоя освободиться от остатков всех форм даже формальной возможности контроля за ним со стороны общества. В этих условиях снижение эффективности экономики[2] (сферы материального) вызвало резкое обострение внутренних противоречий общества (прежде всего в мировоззрении, сфере идеального), что дало возможность правящему слою лицемерно объяснить экономический спад действием социалистических отношений и в течение короткого срока при массовом одобрении одураченного общества заменить их капиталистическими.[3]

Возникает естественный вопрос, была ли возможность перелома ситуации в пользу социалистического движения? Вопрос, на первый взгляд, отнюдь не риторический. Казалось бы, можно дать на него положительный ответ – да, если бы имелась, подобно большевикам 1917 года, обще-

---

[1] Некоторые современные авторы, причисляющие себя к течению т.н. «критического марксизма», в попытке сказать «новое» слово в анализе советского социализма не находят ничего лучшего, как заявить о его некой «мутантности». Мало того, что это естественно-научное понятие сферы биологических наук совершенно не может применяться в адекватном виде в исследовании *общественных* процессов, – в них оно бессодержательно, поскольку не имеет основания (основания в гегелевском понимании), – но и выводы, полученные при его использовании, будут бессодержательными и потому ложными. Подобными позитивистскими наскоками гносеологические проблемы не разрешаются, а только искажаются.

[2] Отметим, что это снижение экономической эффективности было вызвано внутренними проблемами экономики и общества, а отнюдь не падением цен на нефть, как утверждают некоторые «исследователи» (http://tochka-py.ru/index.php/ru/glavnaya/entry/348-00006; http://gazeta-to4ka-ru.livejournal.com/14201.html#cutid1).

[3] Не последнюю роль в таком исходе сыграло отсутствие научного понимания сути общественного развития даже в среде т.н. научного сообщества, не говоря обо всём обществе, весьма далёком в своей массе от этих проблем.

ственная сила, обладавшая авторитетом в массе и готовая (и способная) взять на себя ответственность решительного политического действия. Но реальность, в которой такой силы не только не было, а даже беглый взгляд на предшествующее историческое развитие показывает, что к этому периоду *объективно* и быть не могло, превращает вопрос в риторический.

Интеллектуальная немощь и творческое бессилие партийного руководства привели к тому, что интеллектуальный климат и принимаемые в высшем руководстве решения стали формироваться работниками второго эшелона власти, всевозможными советниками и помощниками руководящего слоя.

Несомненная необходимость в изменении устаревших идеологических клише, принятии новых политических решений и перестройке организационных и экономических отношений были использованы этими «диссидентами в системе», как их называет в своей книге один из них Е.М. Примаков[1], не в общих, а в своих узкогрупповых интересах, полностью совпавших, в итоге, с интересами геополитических противников СССР. Иначе не могло и быть, ведь их идеологическим и политическим кредо был не в поиск новых теоретических и практических решений на пути *действительного коммунистического* движения, а пресловутая конвергенция (об этом недвусмысленно заявляет Примаков), неизбежно вылившаяся в сдачу интеллектуальных, идеологических, политических и, как естественное следствие, экономических позиций прокапиталистическим силам (в геополитическом плане – западному блоку). Приход на высший партийный и государственный пост их единомышленника окончательно склонил чашу весов на сторону противников социализма.

Тем не менее, задавать этот риторический вопрос надо снова и снова, чтобы вновь и вновь анализировать общественные процессы, приведшие к известному результату.

Прямой вывод из сказанного выше таков – *действительное коммунистическое движение невозможно без научной теории*, которая позволяет выявить сущность происходящих общественных процессов, их внутренние движущие противоречия и общественные силы, влияющие на эти процессы, и как итог научного анализа наметить цели и пути движения и способы воздействия на наличные обстоятельства. Самодеятельность, исходящая только из эмпирии, которая во многом случайна, подобна ходьбе по проволоке неподготовленного человека с завязанными глазами.

И второе, роль органа отражения-управления (о нём мы говорили в разделе «Теоретические основы принципа субстанционального монизма и некоторые гносеологические выводы») обществом в лице правящего слоя, осуществляющего властные полномочия, в таком коммунистическом движении чрезвычайно велика (и не только на начальном этапе, но и в течение всего движения, что подтвердила действительность). Именно

[1] *Примаков Е.М.* Годы в большой политике. – М., 1999. В этой книге достаточно ясно показаны процессы, пути и методы прихода к власти диссидентских (и, как оказалось в итоге, по своей сути антироссийских) сил.

этот весьма узкий слой ответствен за научный анализ общественных тенденций и принимаемые решения. Как показала практика его научное невежество в проблемах общественного развития, даже незначительные колебания в мировоззренческих установках и неверные решения приводят к серьёзным потрясениям общества вплоть до ликвидации уже достигнутых результатов коммунистического движения. Путь снижения этой опасности один – контроль (на начальном этапе) за правящим слоем со стороны общества с постепенным переходом к самоуправлению свой жизнедеятельностью, что возможно только на основании постоянного повышения общего культурного уровня общества (культуры именно коммунистического движения) и возрастания активности людей.

***

С учётом всего сказанного ранее можно более точно сформулировать видение процесса *ликвидации капиталистических общественных отношений*.

В саморазвивающемся *диалектическом* процессе стороны противоречия не уничтожаются, а *снимаются* в новом качестве, в котором они представлены уже не явно, а опосредствованно, т.е. как бы растворены. Поэтому снятие капиталистического общественного отношения означает не только его исчезновение, но и сохранение *в новой форме*. Другими словами, цель всемерного увеличения производственной деятельности остаётся, но не ради производства *прибавочной стоимости* (что было характерно для капиталистического производства), а исключительно для производства *прибавочного продукта*. Т.о. новая цель производства – вещественная форма продукта труда – которая при капиталистическом производстве оставалась в-себе, в социалистически ведущемся производстве становится для-себя. Производство теперь развивается не как раньше – без оглядки на то, *что* производится (где главное – прибавочная стоимость), а производится исключительно то, что *научно* определено как общественная потребность. Стоимость из демиурга производства становится одним из его регулирующих факторов, позволяющих установить равновесие производства и потребления.

Т.о. материальное и идеальное приводятся в субстанциональное единство, разрыв между вещественной формой продукта труда и стоимостью, причиной которого (разрыва) был капитал, устраняется, потребительная стоимость и стоимость взаимно начинают определять друг друга. Но это также указывает и на то, что в социалистических общественных отношениях *сохраняется действие закона стоимости* и, следовательно, сопутствующих феноменов. Однако уже *в новой форме* – не стихийно, а под полным контролем общества, причём это должен быть именно научный контроль, т.е. теоретически и институционально оформленный, а не случайный, либо псевдонаучный, на основании только эмпирических данных. Как видим, социалистические отношения – это гораздо более глубокие и сложные общественные отношения, что необходимо должно найти отражение во *всех* общественных институтах.

Общественная собственность на средства производства и *научно* обоснованное *плановое* их использование представляют уже *собственное*

экономическое основание социалистически ведущегося производства и, соответственно, социалистических общественных отношений. Снятие этого, уже социалистического, основания в коммунистическом производстве означает *исчезание экономических отношений* как таковых вследствие исчезания отношений собственности и отношений распределения по труду. Сохраняется производство продуктов в научно определённых пределах и контроль затрат общества на производство, но собственно экономические феномены (стоимость, прибыль, конкуренция, обмен и т.д.) элиминируются. Т.о. человек полностью выходит из производства как его субъект и становится свободным общественным индивидом, только при этих обстоятельствах «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех».

22.1. Социализм, собственность, рынок

Как упоминалось ранее, путь к коммунизму пролегает через ликвидацию эксплуатации человека человеком и главным условием этого выступает ликвидация частной собственности. Но это всего лишь абстрактно-всеобщее условие. Всеобщее, поскольку охватывает собой все условия жизнедеятельности человека и должно быть проведено во всех сферах деятельности; абстрактное, потому что не определяет конкретные условия и формы процесса уничтожения частной собственности – однако, главное, основополагающее звено уже определено.

Причём ликвидация частной собственности на средства производства есть *естественное* не только историческое, но и экономическое движение – *непосредственные* производители получают в свою собственность продукт, произведённый ими же. Из отношений собственности устраняются лица, не имеющие естественного основания для собственности, которым может быть исключительно *непосредственное* участие в производительной деятельности. Т.о. в основание неантагонистических отношений собственности закладывается личное непосредственное участие людей в производительной деятельности – произведённый продукт и условия его производства принадлежат непосредственным производителям.[1] Поскольку производство носит общественный характер, то и владение продуктом труда также является общественным, всеобщим. (Отсюда косвенный вывод: наиболее близко к социалистическим преобразованиям и обобществлению собственности подошли те страны, в которых достигнуты высокая степень концентрации и централизации производства и обобществления труда. Но возможность *перехода* к таким преобразованиям, т.е. возможность социальной революции, определяется другими факторами).

Рассмотрим теперь осуществление производственных отношений в условиях уже достигнутого господства общественной формы собственно-

[1] Это условие подробно рассмотрено в главе «17.1. Отношения собственности как диалектика материального и идеального. Диалектика отчуждения и присвоения».

сти. Эту «первую фазу коммунистического общества» по устоявшейся традиции далее будем называть социализмом.

Здесь ликвидирована *частная* собственность на средства производства, но не отношения собственности как таковые – собственность остаётся уже в форме *государственной* (но не общенародной) собственности. Наличие отношений собственности означает, что есть собственник, которому принадлежат условия производства – орудия производства, труд производителей (трудящихся) и продукт их труда, и этот собственник – государство, которое представляет всё общество. Что касается первого и последнего факторов, орудий производства и продукта труда, то их положение вполне понятно. Не так просто с собственностью производителей на свой труд.

В производственных отношениях труд представлен в двух своих формах, составляющих противоположные стороны их единства – индивидуальный труд и тот же труд как общественный феномен, как совокупное общественное выражение индивидуального труда, общественный труд. Или, другими словами, один и тот же труд выступает как общественный, если его рассматривать со стороны производства, со стороны процесса и результата, и одновременно как личный, индивидуальный, если его рассматривать со стороны субъекта труда, работника.

Как нетрудно заметить со своей объективной стороны, со стороны производства труд имеет характер производительного труда, создающего новый продукт (и тем самым новую стоимость), а со своей субъективной стороны, со стороны работника труд имеет затратный характер. Объективная, общественная сторона труда предполагает передачу в общее достояние его результатов; субъективная, индивидуальная сторона труда предполагает получение вознаграждения за него, т.е. определённую долю из общего продукта.

И первый, и второй аспекты труда представлены в своём результате – в продукте труда, который т.о. представляют обе стороны труда и потому также имеет двойственный характер – общественный, как принадлежащий всему обществу и индивидуальный, как предназначенный в определённой части для личного потребления. Эта двойственность резко усиливается существованием разделения труда, поскольку разные работники производят разные продукты труда и тем самым необходимо существует потребность в обмене этими продуктами. Но в социалистических общественных отношениях этот обмен осуществляется не между частными собственниками и работниками, а между общим фондом продуктов труда в лице государства (которое от имени собственника, общества, осуществляет полномочия собственности) и работниками.

Как видим, при социализме работники всё ещё отчуждены от *непосредственного* участия в управлении общественной собственностью – от имени общества это делает государство в лице органов политической и экономической власти. Но это уже не полное, абсолютное отчуждение и деятельности, и её результатов, как это имело место в отношениях частной собственности, а отчуждение опосредствованное, относительное, в котором опосредствующим органом выступает государство, обязанное

действовать в интересах всех работников.

Отсюда следует, что влияние государства на общественные процессы в ходе *действительного* коммунистического движения не только не ослабевает, но даже усиливается, и это определяется *внутренними* условиями движения, его *сущностью*, переходом от одних общественных отношений, отношений эксплуатации, к другим – отношениям самоуправления.

Последнее означает, что общество должно *овладеть* государством. Данное действие представляет собой постепенную замену *опосредствующих* (т.е. представляющих общество, действующих от его имени) институтов государственного управления такими органами общественного *само*управления, которые дадут возможность реализовывать волю людей *непосредственно*, а не через стоящие над ними государственные структуры.

Эти противоречивые моменты – фактическое усиление роли государства, и необходимость преодоления государства – представляют собой диалектическое взаимодействие противоположных тенденций, что должно завершиться снятием государства, передачей его функций непосредственно обществу.

Поскольку *формально* все работники всё же являются собственниками средств производства, то они должны и *фактически* участвовать в управлении производством и распределением (иначе невозможно говорить о социалистических отношениях). Если же этого не происходит, то обобществление средств производства не выходит за границы формальности и отчуждение работников от средств производства только принимает новую форму.

Но даже если отмеченное отчуждение преодолевается вследствие непосредственного участия работников в отношениях управления и распределения, то, тем не менее, суть отношений *обмена* остаётся – это следствие наличия разделения труда, а также существования труда в двух формах (это отмечено выше), что влечёт необходимость эквивалентного обмена затрат труда на вознаграждение.

Однако сами социалистические производственные отношения *существенно* изменяются. Если в условиях капиталистических общественных отношений работник *продаёт свою рабочую силу капиталисту* (т.е. имеют место отношения обмена между капиталом и трудом), то в условиях социалистических общественных отношениях, определяемых общественной собственностью на средства производства и продукты труда, работник *передаёт свой труд обществу* и получает от общества его эквивалент в форме продуктов индивидуального потребления.

Но вначале это ещё *формальная* передача труда обществу, поскольку *фактически* собственником выступает государство и между ним и работниками устанавливаются отношения найма, которые по *форме* выступают как отношения купли-продажи рабочей силы.[1] В сохранении таких отно-

[1] Именно сохранение *видимости* отношений купли-продажи рабочей силы и даёт повод ряду авторов характеризовать отношения собственности при социализме как форму государственного капитализма.

шений на длительный срок таится огромная опасность и действительность подтвердила это. Если работник *фактически* отчуждён от участия в управлении производством и распределением и т.о. отношения производства и распределения не опосредствованы самими производителями, то реализация социалистических общественных отношений недостижима. А эти отношения имманентно предполагают не только участие работника в производстве, но и активное участие в управлении им и в отношениях распределения – *социалистические* общественные отношения иными быть не могут. Разумеется, эти отношения не могут быть введены сразу во всём объёме, но тенденция должна быть именно такой и по мере *действительного* социалистического движения утверждаться всё более отчётливо.

Когда же собственником средств производства от имени общества выступает государство (или, что хуже, действительно является собственником), то именно оно *в лице правящего слоя* будет определять условия производства, а также отношения распределения и потребления. Если такие отношения закрепляются и остаются неизменными длительное время, то в этом случае по отношению к работникам государство начинает выступать как фактический собственник средств производства. Соответственно, работники противостоят государству как собственнику и уже *не передают* свой труд *обществу*, а со своей стороны выступают как собственники своей рабочей силы и *продают* её *государству* в лице его представителей – а это совершенно разные общественные феномены. Отношения отчуждения не только сохраняются, но и становятся тем более нетерпимыми и уродливыми, что политическая власть осуществляется, якобы, от имени и в интересах трудящихся. Идеологические сентенции, что, дескать, собственность является общенародной, а государство только управляет ею от имени народа, сути дела не меняют, а только скрывают её, доводя указанное противоречие до высокой степени напряжённости, что непременно проявится в форме общественных конфликтов. И чем долее противоречие стагнирует, не разрешается, тем более интенсивными и даже разрушительными становятся конфликты, чему примером события, предшествовавшие разрушению СССР.

Индивидуальный труд, осуществляясь в условиях общественного производства, является *основанием*, из которого вырастает общественный труд, овеществляющийся в своих результатах – продуктах труда. Общественный труд, в свою очередь, *предполагает* индивидуальный труд как своё основание, как слияние в производительном процессе индивидуальной деятельности индивидов. Одновременно общественный труд посредством своего результата, продукта труда, делает индивидуальный труд не только необходимым, но и возможным – именно в продукте общественного труда индивидуальный труд находит себе и объект приложения (средства труда), и средство обеспечения жизнедеятельности (предметы потребления). В этом диалектическом тождестве они не только едины, но и различны, противоположны.

Двойственный характер труда как труда одновременно и *индивидуального*, и *общественного* имеет следствием и двойственный характер

естественных, неантагонистических отношений собственности. Собственность также выступает как одновременно и общая, и индивидуальная. Общественный момент труда в отношениях собственности предстаёт как собственность всего общества на совокупный продукт труда. Индивидуальный момент труда предстаёт как право индивидов на часть общественного продукта в соответствии с количеством и качеством индивидуального труда.

Отмеченное противоречие индивидуального и общественного труда, находит отражение во внутренней противоречивости отношений собственности, которые, в свою очередь, имеют также две стороны, общественную и индивидуальную. Оба отмеченных противоречия являются одними из определяющих внутренних диалектических противоречий социалистического способа производства.

Из них следует, что совокупный общественный продукт как результат общественного труда принадлежит всему обществу. Но одновременно индивидуальный труд даёт право индивидам на получение доли общественного продукта в соответствии с количественными и качественными затратами труда. Общественный момент не позволяет отчуждать результат общественного труда в пользу лиц, не имеющих права собственности, т.е. не участвующих в общественном производстве (мы помним, что правом общей собственности обладают только участники общего труда). Этот же момент предполагает, что индивиды могут реализовать своё право на получение своей трудовой доли только *совместно* участвуя в производстве и распределении продукта труда.

(Здесь уместно вспомнить трактовку распределения продуктов труда в первой фазе коммунистического общества Марксом: «…Мы имеем здесь дело не с таким коммунистическим обществом, которое *развилось* на своей собственной основе, а, напротив, с таким, которое только что *выходит* как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет ещё родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло. Соответственно этому каждый отдельный производитель получает обратно от общества за всеми вычетами ровно столько, сколько сам даёт ему. То, что он дал обществу, составляет его индивидуальный трудовой пай. …То же самое количество труда, которое он дал обществу в одной форме, он получает обратно в другой форме.

Здесь, очевидно, *господствует тот же принцип, который регулирует обмен товаров, поскольку последний есть обмен равных стоимостей* (выделено нами. – А.П.). Содержание и форма здесь изменились, потому что при изменившихся обстоятельствах никто не может дать ничего, кроме своего труда, и потому что, с другой стороны, в собственность отдельных лиц не может перейти ничто, кроме индивидуальных предметов потребления. Но что касается распределения последних между отдельными производителями то здесь господствует тот же принцип, что и при обмене товарными эквивалентами: известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой…

Право производителей пропорционально доставляемому ими труду;

равенство состоит в том, что измерение производится равной мерой – трудом…

Но эти недостатки неизбежны в первой фазе коммунистического общества»).[1]

Распределение продукта труда неотделимо от отношений собственности на него и осуществляется в полном соответствии с ними. Но поскольку распределению подлежат не только продукты личного потребления, но, прежде всего и главным образом, средства общественного производства и, следовательно, вместе с ними и условия производства, то становится совершенно ясно, что в условиях господства общественной собственности все индивиды, принимающие участие в общем производстве, *не только имеют право*, но и *должны*, даже обязаны принимать участие в распределении как условий производства (т.е. в управлении собственно производственной деятельностью), так и продуктов труда. Причём всех без исключения условий и продуктов т.к. все они являются и предпосылкой, и результатом социалистического общественного производства. *Это императивное условие социалистического способа производства.* В высшем своём проявлении участие трудящихся в управлении общей собственностью должно распространяться на все без исключения сферы жизнедеятельности людей. Игнорирование этого условия, императивного отношениям общественной собственности, имманентно содержит в себе возможность не только деформации отношений собственности, но и полной ликвидации общественной формы собственности, что и имело место в советской действительности.

Ранее (в главе «17.1. Отношения собственности как диалектика материального и идеального. Диалектика отчуждения и присвоения») мы выяснили, что в условиях общественных отношений собственности, при социализме, двойствен сам человек – он и отчуждён от средств производства (поскольку форма собственности государственная), и одновременно неотчуждён (поскольку произведённый продукт распределяется в общих интересах). По этой причине общественные отношения в социалистическом обществе значительно усложняются.

Здесь мы подошли к следующему чрезвычайно важному моменту. Участие в управлении общественным производством и распределением имманентно предполагает высокую компетентность субъектов этих действий, т.е. не только некий минимально необходимый образовательный уровень, но и определённые моральные критерии, ничего общего не имеющие с «фуриями частного интереса». Всё вместе предполагает весьма высокий общий культурный и нравственный уровень трудящихся. И тот чрезвычайно важный момент, о котором сказано выше, диктует ещё одно *императивное условие социалистического строительства – необходимость перманентной культурной революции* (революции по сущности, но по форме – эволюции), т.е. всемерное и нарастающее развитие сферы идеального, только при котором и возможно *реальное*, а не декларативное участие трудящихся в управлении производством, распределением и ши-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 19. С. 18-19.

ре – всей своей жизнедеятельностью.

При социалистическом способе производства работник как личность должен быть гораздо более универсален, чем работник капиталистического производства, поскольку кроме чисто производственной деятельности, в которой он ещё частичный человек и в таком качестве подобен капиталистическому работнику, ему предстоит выполнять и функции управления собственным трудом как общественным трудом (ведь он часть общества, которому принадлежат средства производства), а этого нет и не может быть в капиталистическом производстве. Ещё не вполне свободный, частично отчуждённый в своей собственно производительной деятельности человек социалистического общества постепенно избавляется от этой отчуждённости по мере участия в общественной деятельности по управлению жизнью общества.[1]

Такой работник уже не будет удовлетворяться той частичной функцией, которую он выполняет в наличном разделении труда. Он будет активно стремиться к полноценной комплексной деятельности, к полному присвоению своей деятельности, к преодолению отчуждения этой деятельности от самого себя. Т.о. отношения общественной, социалистической собственности являются основанием процесса снятия отчуждения человека от собственной деятельности и её результата и без чего невозможно полное освобождение человека.

Но это же стремление к полному освобождению от отчуждения своей деятельности другой своей стороной необходимо должно иметь нарастание негативного потенциала в форме недовольства работников своим актуальным состоянием. И либо общество сумеет положительно использовать этот момент в интересах своего развития, либо этот отрицательный потенциал ослабит само общество. В СССР произошло второе.

Теперь, основываясь на диалектическом логическом анализе, мы можем вполне обоснованно утверждать, что социалистическое общество (способ производства) внутренне неизмеримо сложнее капиталистического, поскольку в нём необходимо воспроизводить не только условия жизнедеятельности людей, материальные и идеальные, но и целенаправленно «выращивать» человека, соответствующего этому способу производства, создавая адекватные условия его личностного развития и направляя это развитие. И сделано это должно быть не внешними силами, а самими участниками общественного процесса над самими собой, что ещё более усложняет задачу.

Однако, вернёмся к собственно экономической стороне социалистического способа производства.

Господство общей собственности на средства производства исключает возможность обмена продуктами труда как *товарами*, поскольку нет частных собственников, а есть только один производитель и он же собственник – общество. Т.о. *в сфере общественной собственности* нет и не

[1] К сожалению, именно эта сторона социалистического способа производства и не была реализована в полной мере в советском обществе, что и явилось одной из причин его саморазрушения.

может быть обмена продуктами труда *как товарами*, т.е. с целью получения прибыли, следовательно, не может быть и рынка, функционирующего с этой целью. Но, отметим это ещё раз, только в сфере общественной собственности. Однако и в этой сфере сохраняется необходимость поддержания соответствия между производством и потреблением и, следовательно, действие закона стоимости со всеми его атрибутами – издержки производства должны покрываться ценой, иначе неизбежно нарушение равновесия экономики, чреватое тяжёлыми последствиями.

Продукты труда здесь обмениваются между отраслями и предприятиями не как стоимости, а как потребительные стоимости, в натуральной форме. Но поскольку необходимо вести также учёт трудозатрат, то остаётся и прежняя форма учёта – в денежном выражении. Эту исторически возникшую форму учёта количества и качества труда приходится оставить, т.к. пока нет адекватной ей формы непосредственного точного учёта количества и качества труда.

По-иному обстоит дело при обмене *индивидуального* труда на предметы потребления людей. Поскольку общественному труду, как мы выяснили, противостоит индивидуальный труд, то при реализации личных потребностей людей общественному труду, овеществлённому в общественном продукте и предназначенному на личное потребление, противостоит индивидуальный труд, но уже в форме собственного труда индивида, затраченного в общественном производстве. (Как видим, принцип «от каждого по возможностям, каждому по труду» не пропагандистская выдумка марксистов, а совершенно естественное следствие из двойственного характера труда и общественной собственности при социализме. Но этот принцип ещё отягощён буржуазным правом фактического неравенства[1], при социализме условия для преодоления этого неравенства ещё не сложились, поскольку не преодолены отношения собственности).

Это противоречие общественного и индивидуального труда разрешается в форме сравнения соответствия затрат индивидуального труда работника, количеству общественного труда, содержащемуся в предметах потребления (т.е. по стоимостям). Поскольку иных форм учёта стоимости с количественной и качественной стороны, кроме денежной формы, нет, то именно в этой форме осуществляется его адекватное представление в актах обмена индивидуального труда на общественный. В этих актах первый представлен деньгами (заработная плата), второй – ценами продуктов потребления (потребительных стоимостей). При этом сфера *обмена* предстаёт как рынок (обмен *эквивалентов*), поскольку обе стороны обмена (индивидуумы и общество) выступают как *обособленные* собственники

---

[1] «…*Равное право* здесь по принципу все ещё является *правом буржуазным*, хотя принцип и практика здесь уже не противоречат друг другу…

…Это *равное право* в одном отношении все ещё ограничено буржуазными рамками. Право производителей *пропорционально* доставляемому ими труду; равенство состоит в том, что измерение производится *равной мерой* – трудом.

… Это *равное* право есть неравное право для неравного труда» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 19. С. 18).

своего труда, воплощённого в деньгах (индивидуальный труд) и ценах (общественный труд). Пройдя отношения рыночного обмена предметы потребления переходят в личную собственность индивидов как следствие отчуждения своей доли индивидуального труда из совокупного общественного труда (ещё раз процитируем Маркса: «Здесь… господствует тот же принцип, который регулирует обмен товаров, поскольку последний есть обмен равных стоимостей»).

Т.о. существование рыночных отношений при социалистическом способе производства является совершенно необходимым следствием не только наличия отношений собственности и разделения труда, но, главным образом, двойственности труда, его существования в разных формах – общественной и индивидуальной. Отсюда следует вывод, что рынок предметов потребления будет существовать в продолжение существования отношений собственности (хотя бы даже только общественной) и двойственности труда как индивидуального и общественного, поскольку в этих условиях общественному труду необходимо будет противостоять индивидуальный труд. Следовательно, сфера производства предметов потребления (даже находясь в общественной собственности) обречена реализовывать свой продукт по законам рынка и, как следствие, рыночные законы будут распространять своё действие и на их производство.

Т.о. хотя и в ограниченной сфере, но в социалистических общественных отношениях сохраняется действие закона стоимости и, следовательно, сопутствующих феноменов (прибыли, конкуренции, распределения «по труду», т.е. обмена и т.п.). Однако уже в новой форме – не стихийно, а под полным контролем общества, причём это должен быть именно научный контроль, т.е. теоретически и институционально оформленный, а не случайный, либо псевдонаучный, на основании только эмпирических данных. Как видим, социалистические отношения – это гораздо более глубокие и сложные общественные отношения, что необходимо должно найти отражение во *всех* общественных институтах. Если не учитывать этого обстоятельства, то негативные процессы в сфере обмена предметов потребления неизбежны, а это, в свою очередь, отразится на сфере их производства и, как следствие, на всём обществе.

Главным образом по этой причине, а также при недостаточно развитых производительных силах, рынок предметов потребления будет подвержен практически всем коллизиям капиталистического рынка, которые, правда, могут быть значительно смягчены, но не устранены полностью, регулирующим вмешательством государства.

Кроме общественной формы собственности при социализме существует коллективная форма собственности (колхозная, кооперативная), а также некоторые формы частной собственности (индивидуальная, групповая). Разумеется, что предприятия этих форм собственности обменивают свои продукты как между собой, так и с предприятиями общественной формы собственности посредством рыночных отношений, поскольку они представляют *разных* собственников. Здесь действуют законы рынка, регулируемого при социализме государством. И не учитывать этот рынок (либо подавлять его), значит создавать помехи движению товаров и реа-

лизации потребностей людей.

Наш анализ даёт возможность сделать также следующий вывод. Поскольку сфера производства предметов потребления огромную часть своего продукта обменивает на рынке, противостоя индивидуальному труду как совокупной заработной плате индивидов, то целесообразно в интересах обеспечения максимальной гибкости этой отрасли передать её в коллективную и частную собственность (в основном те предприятия, которые выпускают продукцию преимущественно индивидуального потребления).

Тем самым все риски рыночных отношений лягут на этих собственников, а не на предприятия общественной формы собственности. Да и регулирование объёмов производства и цен будет определяться реальными материальными факторами – соотношением потребностей индивидов и их возможностей, представленных заработной платой, а также соотношением совокупной заработной платы и суммы потребительских цен. Такое саморегулирование позволит избежать как всеобщего дефицита, так и выпуска продукции, не находящей спроса. Государственное регулирование здесь должно быть направлено на поощрение производства принципиально новых продуктов, снижения затрат и недопущения сверхприбыли.

К тому же, частные собственники, действуя в своих частных интересах, гибко реагируя на изменяющуюся конъюнктуру рынка, будут привлекать временно свободную рабочую силу и неиспользуемые материальные ресурсы, что в итоге скажется на повышении экономической эффективности всего общества.

Предприятия общественной формы собственности в той части, где они выпускают предметы потребления, также должны быть включены в рыночные отношения и в этой части действовать по законам рынка. А именно – не только получать прибыль, но и нести убытки в случае, если их продукция не имеет спроса. Общество в лице государства не должно покрывать их убытки от рыночной деятельности, но одновременно должно и разрешить свободно действовать в части рыночных отношений.

Следует сказать и ещё об одном чрезвычайно важном обстоятельстве – речь идёт о возможности реализации творческой активности людей в форме их *само*деятельности. В планируемые процессы производства такую самодеятельность включить весьма проблематично, поэтому следует разрешить её реализацию в форме частной (и смешанной, частно-государственной) инициативы, предпринимательства. Не секрет, что для истинно творческих людей меркантильная сторона дела стоит не на первом месте, уступая возможности реализации своего творческого потенциала и это стремление следует всячески поддерживать.

Как видим, социалистический способ производства двойствен по своей сути – он допускает (более того, это необходимое его условие) и товарное (обособленных производителей), и нетоварное (непосредственно-общественное) производство при доминирующей и всё возрастающей роли последнего. Без господства же общенародной собственности на средства производства (которой от имени народа управляет государство – и это ещё один источник противоречий социализма) невозможен социализм

как таковой. В части товарного производства и обмена неизбежно действие, пусть и ослабленное влиянием социалистического государства, законов товарного производства – это необходимое следствие двойственного характера труда и наличия отношений собственности.

Поэтому следует постоянно помнить, что двойственность труда и наличие отношений коллективной и частной собственности неизбежно будут постоянно воспроизводить соответствующие формы сознания, как индивидуального, так и группового, классового – сознания в основе своей несоциалистического, частнособственнического. Будучи объективной реальностью, такое сознание непременно станет оказывать влияние на социалистические формы общественного и индивидуального сознания и полностью нейтрализовать его воздействие не удастся до изживания всех форм отношений собственности.

Частный, казалось бы, вопрос о возможности и целесообразности рыночных отношений при социализме высветил проблемы общего характера, имеющие отношение и к материальному, и к идеальному моментам социалистического способа производства.

Движение к коммунизму следует рассматривать не в аспекте возможности и допустимости рыночных отношений в его первой фазе, это частный и преходящий момент, а в аспекте *целенаправленного* создания нового общества и нового человека (но не внешним к нему способом, а самим же человеком в его развитии), причём в неразрывном взаимодействии с созданием новых материальных и идеальных условий его жизнедеятельности – это взаимозависимые и взаимоопределяющие моменты.

Недостаточный уровень общей культуры, отсутствие привычки к самоуправлению или, другими словами, неразвитость адекватных социалистическому способу жизни форм индивидуального и общественного сознания, на выработку которых потребуется определённое историческое время, ещё долгое время после взятия власти трудящимися будет определять формы общественных институтов.

По этой причине в первой фазе переходного процесса неизбежна значительная роль государства, как силы, организующей движение общества и, как следствие этого, необходимость наличия социального слоя, действующего на основании научно познаваемой действительности – *доминирующей* политической партии (органа отражения-управления, мы неоднократно об этом говорили).

По мере развития социалистических отношений самоуправление должно стать формой жизнедеятельности общества, как минимум равноправной с государственными органами при сохранении государства и его функций. Постепенно потребность в партии как носителе нового сознания снижается, поскольку культурный уровень людей и новые формы общественного сознания позволяют осуществлять самоуправление в самых широких пределах. Но остаётся необходимость в научно-философском осмыслении процессов жизнедеятельности общества как процессов диалектического развития, поэтому сохраняется необходимость существования авангардного слоя, в какой форме – покажет действительность.

Динамика форм координации жизнедеятельности общества в течение

переходного периода от капитализма к коммунизму должна будет пройти ряд фаз: доминирование государственных форм – равнозначность государственных и общественных форм – доминирование общественных форм.

И только при полном доминировании общественного самоуправления над государственными формами можно будет говорить о возможности становления коммунистических общественных отношений – в этом случае решающими факторами становятся развитие производительных сил (материальное) и общий культурный уровень общества (идеальное). Причём именно идеальное во всей своей гносеологически-аксиологической совокупности будет определять развитие материального.

22.1.1. Обмен, рынок, собственность.

В свете проведённого анализа совершенно ясно высветилась необходимость более детального исследования взаимосвязи отношений обмена, рыночных отношений и отношений собственности.

Обмен как устойчивое *общественное отношение* возникает на определённой стадии развития общества, а именно, с появлением прибавочного продукта, представляет собой процесс взаимодействия людей (индивидов и их сообществ) в целях поддержания жизнедеятельности, есть одна из форм кооперации[1] и состоит в обмене деятельностью и её результатами. Обмен есть форма общественных отношений, *отождествляющая* (объединяющая) части общественного организма в целое, в систему связей, скрепляющих общество, и потому данный феномен играет чрезвычайно важную роль в историческом процессе становления человеческих сообществ. Но одновременно обмен как общественное отношение свидетельствует о наличии *разных* частей общественного организма, которые он связывает в целое, и это есть отрицающий момент в диалектике общественных отношений.

Т.о. обмен есть диалектическое общественное отношение, отождествляющее взаимоотрицающие стороны общественного организма в целостную систему связей. Обмен есть процесс снятия противоречия, которое представлено сторонами обмена, в новом положительном их состоянии, уравнивающем стороны путём снятия их взаимоотрицания, т.е. путём их взаимного удовлетворения.

Основанием обмена является наличие прибавочного продукта, но это пассивный момент данного общественного отношения. Активным процессом обмен делает только наличие сторон обмена, представленных в лице индивидов или их групп.[2]

Поскольку интерес для сторон обмена представляют продукты труда, которыми они не обладают, т.е. которые ими не производятся, то обмен, возникнув вначале как спорадическое отношение, стимулирует появление

[1] Формы кооперации: *обмен* деятельностью и её результатами; *совместная* деятельность и использование её результатов.

[2] Императивно предполагается наличие у сторон обмена соответствующих потребностей и возможностей обмена.

и бурное развитие нового общественного отношения – разделения труда – которое, в свою очередь, значительно расширяет и активизирует сферу обмена.

Резюмируем:

- обмен как общественное отношение исторически вызывается к жизни наличием прибавочного продукта;
- обмен есть диалектический процесс, отождествляющий взаимоотрицающие стороны (стороны обмена) в целостную систему связей, соединяющих стороны обмена;
- обмен, возникнув спорадически, необходимо влечёт за собой появление и развитие разделения труда;
- развитие разделения труда резко расширяет сферу обмена и тем самым начинает детерминировать обмен.

Как видим, в число основных факторов, непосредственно определяющих отношения обмена, входят только факторы, детерминируемые самыми общими условиями жизнедеятельности – наличием потребностей в продуктах труда, наличием прибавочного продукта (т.е. возможностей обмена) и наличием разных производителей и потребителей продуктов труда (сторон обмена).

Возникнув как спорадическое действие, обмен, как и всякое исторически возникшее общественное отношение, усложняется и развивается, приобретая в ходе развития определённые формы, которые детерминируются условиями, в которых существует это общественное отношение.

Для отношений обмена, рассматриваемых в узком смысле, т.е. только как сам процесс движения вещей безотносительно к историческим факторам его возникновения, такими фундаментальными условиями являются:

- взаимная потребность сторон в продуктах – главное условие, без которого обмен невозможен;
- определённые критерии обмена, уравнивающие стороны обмена в некотором отношении, признаваемым обеими сторонами – дополнительное условие, актуализирующее обмен.

Эти условия в историческом движении создали тот общественный феномен, который существует в форме *рынка*, современной формы обмена.

Т.о. *рынок* – это общественный феномен, проявляющийся в форме обмена деятельностью и/или продуктами труда и реализующийся на основании 1. *потребности* сторон обмена в деятельности и/или продуктах, 2. *эквивалентности* продуктов (деятельности) по некоему критерию, 3. посредством *согласования* этих условий *субъектами* рынка.

Это *сущностное* определение рынка, его *понятие*. Из этого понятия нетрудно вывести, что рынок это:

- форма осуществления жизнедеятельности;
- одна из сторон многообразных общественных отношений (рыночные отношения);
- механизм, реализующий обмен предметов рынка (рыночный механизм).

На рынок, как видим, не оказывают *непосредственного* влияния и, следовательно, находятся за его пределами такие общественные феноме-

ны как *производственные отношения* (понимаемые здесь в узком смысле – как отношения только производства) и *отношения собственности*.

Эти общественные феномены только *подготавливают* факторы рынка к вступлению во взаимодействие, создают *условия* возникновения рыночный отношений, т.е. действуют как *внешние* по отношению к рынку общественные отношения, но непосредственного участия в рыночных отношениях не принимают.

Производственные отношения, прежде всего разделение труда, создают (посредством производительных сил) продукты труда, подлежащие обмену, и формируют их критерий обмена, каковым исторически стала стоимость.

Отношения собственности, существуя уже на стадии производства, влияют на *распределение и присвоение* произведённых продуктов труда и создают, тем самым, *субъектов* отношений рыночного обмена. Отношения собственности только *персонифицируют* стороны обмена и в этом качестве эксплицируют и конкретизируют связи между людьми и вещами, выводят эти связи в общественное пространство, усложняя общество и общественные отношения, но на сам обмен, как движение вещей, прямого влияния не оказывают.

По указанным выше соображениям при анализе отношений обмена и рынка от влияния на них отношений собственности и производственных (в узком смысле) отношений можно абстрагироваться.

Основные функции рынка – связывание субъектов рынка в единую систему хозяйственных связей и установление критериев обмена. Современный рынок – это инструмент для *распределения* экономических ресурсов – деятельности (рабочей силы), капитала и продуктов труда. Отождествляя общественные потребности (сторона спроса) и общественные возможности (сторона предложения) рынок выполняет функцию *регулирования* экономической деятельности и тем самым способствует поддержанию *равновесия* (и пропорциональности) хозяйственной жизни, этого важнейшего фактора общественной жизнедеятельности.

Рынок в чистом, абстрактном виде предполагает равноправность *всех* сторон обмена. Равноправность не только между производителями и покупателями, но и равноправность *внутри* обеих сфер – и в производственной (между производителями) и в потребительской (между покупателями). Первое имеет следствием наличие конкуренции между производителями, второе – конкуренцию между покупателями.

На таком рынке стороны стремятся к установлению равновесия интересов сторон обмена (производства и потребления), отсюда возникает общественный феномен, который получил название «общественно необходимых затрат» – в итоге полезными признаются только те затраты, которые удовлетворяют стороны обмена. Динамика потребностей и возможностей (отношений спроса и предложения) имеет следствием постоянное нарушение равновесия сторон и влечёт необходимость изменения критериев обмена. Как следствие, стоимость предметов рыночного обращения, реализующаяся на рынке, не соответствует стоимости, созданной в процессе производства (неважно, в какую сторону). Эквивалентность

рыночного обмена существует не как эквивалентность произведённых стоимостей, а как эквивалентность стоимостей, деформированных рынком – меновых стоимостей. Именно рыночная (меновая) стоимость и представляет упомянутые общественно необходимые затраты.

(Важное замечание. Глубинной основой обмена в отношении приведения стоимости к общественно необходимой является сторона производства, представляющая *объективность* процессов производства как материальных действий по изменению формы материальных тел. Данное приведение представляет собой не просто арифметическое усреднение стоимости (выступающей в обмене в *превращённой форме* меновой стоимости) как выведение средней стоимости от всех представленных на рынке, а есть следствие вполне объективных процессов совершенствования способов изготовления продуктов труда, приведение их (способов) к минимально возможным со стороны затратной части и максимально эффективным со стороны производительной и отсечение от рынка, в итоге, неэффективных производителей.

В процессе обмена и образования *меновой стоимости как стоимости, представляющей общественно необходимые затраты труда*, что реализуется посредством механизмов конкуренции и образования средней нормы прибыли, *особенное* – меновая стоимость (превращённая форма стоимости) имеет аттрактором *общее* – стоимость.

Колебания меновой стоимости вокруг центра притяжения – стоимости – происходят под воздействием отношений спроса-предложения, т.е. отношений конкуренции как производителей, так и потребителей, что имеет результатом стремление производителей к максимально возможному снижению стоимости и повышению т.о. эффективности производства как производства прибавочной стоимости.

Обмен как опосредствование производителей, как видим, имеет кроме явной стороны – развития разделения труда, ещё и скрытую сторону – совершенствование процессов производства. От этой очень важной функции *свободного* (не монополизированного) обмена продуктами труда нельзя отмахнуться при исследовании экономических способов производства. Монополизация производства и обмена в условиях рыночных отношений неизбежно ведёт к застойным явлениям в производстве, сдерживая развитие производительных сил).

В реальности чистого рынка нет, поскольку на современном рынке монополии ликвидируют равноправность сторон обмена, прежде всего в сфере производства, и, как следствие, рынок в рассмотренной форме, и модифицируют его в *особенную* форму рыночных отношений, в которых правила устанавливает преимущественно одна сторона обмена – монополии и олигополии – концентрирующие в своих руках производительную силу общества. Неэквивалентность обмена на таком рынке становится перманентным фактором, действующим в пользу монопольного предложения.

Что касается социалистической формы экономики, то существование отношений обмена в ней детерминируется рассмотренными выше фундаментальными факторами – потребностью в продуктах труда и наличием

разделения труда, которые характерны для *всех* общественных форм. Следует подчеркнуть, что это должны быть именно *рыночные* отношения, т.е. отношения *эквивалентного* обмена по *стоимости*, поскольку только эквивалентность обмена способна поддерживать *равновесие* (и пропорциональность) всей хозяйственной деятельности общества. Одновременно *условие эквивалентности при согласовании спроса и предложения будет тем критерием, который формирует величину общественно необходимых затрат*.

Плановый же характер социалистической экономики является тем регулирующим и направляющим фактором, который 1. позволяет избежать кризисных колебаний экономической жизни и одновременно 2. поддержать тенденции движения в направлении повышения эффективности общественного производства. Другими словами, поддержание *равновесия* общественных потребностей и возможностей, столь важного для жизнедеятельности общества, должно осуществляться в плановом порядке в масштабе всего общества, но с обязательным учётом связей производства и потребления посредством рыночного механизма, состоящего в согласовании спроса и предложения, и эквивалентности обмена, что означает обязательное возмещение производственных затрат, но только как *общественно необходимых затрат*. Такой планово-рыночный механизм будет плодотворно воздействовать на экономику, элиминируя неэффективные предприятия и стимулируя инновационные производства. Поскольку эквивалентность обмена подразумевает действие механизма согласования спроса и предложения, то в планово-рыночной экономике сохраняется действие такого рыночного механизма, как конкуренция. В этом отношении принцип плановости позволит относительно мягко ликвидировать или перепрофилировать неэффективные производства и избежать социальных конфликтов.

Наличие разных форм собственности в социалистической экономике должно быть предметом повышенного внимания социалистического государства. Очевидно, что его политика должна быть направлена на развитие и совершенствование социализированных форм собственности (государственной, общенародной, коллективной, ассоциативной и т.п.) *с тенденцией движения от частного к общему*, но с обязательным учётом необходимости поддержания равновесия экономики в условиях регулируемого рынка.

Отдельного внимания заслуживает вопрос об исторической перспективе рыночных отношений. Если обмен как общественное отношение присущ всем типам обществ, что мы отмечали выше, то обмен в *рыночной* форме исторически обусловлен необходимостью поддержания его эквивалентности в интересах сохранения равновесия хозяйства.[1] Из этого сле-

[1] Отметим, что господствующие общественные отношения детерминируют *сущность* рыночных отношений:

- при капитализме сущность проявляется в максимизации *прибавочной* стоимости;

- при социализме – в максимальном удовлетворении потребностей в *потре-*

дует, что преодоление *рыночной* формы обмена возможно только с: 1. изживанием всех форм собственности (устранение персонифицированных сторон обмена), 2. становлением полной плановости (устранение императивности эквивалентного обмена) и 3. наличием производственных возможностей, способных полностью удовлетворить общественные потребности (устранение отношений спроса-предложения). При этом собственно отношения обмена принимают форму сотрудничества (кооперации) в масштабах всего общества.[1]

22.2. Об одной незамеченной идее

С учётом принципиальных положений, исследованных выше, проанализируем одну очень неординарную и весьма глубокую идею, имеющую, можно уверенно сказать, мировоззренческое значение.

В далёком 1928 году в Москве была издана монография «Денежная политика Советской власти (1917–1927)» автором которой являлся Леонид Наумович Юровский, в то время занимавший пост руководителя Валютного управления наркомата финансов. Несмотря на наличие в заглавии слов «денежная политика» в круг вопросов, рассмотренных Л.Н. Юровским, вошли также проблемы экономики в целом, понимаемой как система более высокого уровня, объединяющая и финансовую систему, и производство. Широта охвата автором многочисленных проблем экономики в целом, и её финансовой составляющей в частности, не только не отразилась на глубине посылок и выводов, но напротив, способствовала появлению таких обобщений, которые могли бы стать основой не только новых политэкономических теоретических разработок, но и найти широкое применение в практике социалистической экономики. Могли, но, увы, не стали и не нашли… Об одной такой идее и пойдёт речь далее.

Но прежде обозначим и кратко осветим нашу тему.

В широком смысле это 1. тема перехода от капитализма к коммунизму, в более конкретном, узком смысле – 2. сущность собственно переходного периода и даже более конкретно – 3. экономическое содержание этого периода и его политэкономическое обоснование.

Соответственно упомянутым слоям темы можно указать следующие проблемы – проблема ликвидации частной собственности на средства производства, проблема преодоления товарного характера экономики и, наконец, проблема существования (несуществования) рынка при социализме.

Если по первой проблеме в марксистской среде принципиальных разногласий нет, то две другие до сих пор являются камнем преткновения и ареной столкновения полярных позиций. На них и остановимся.

Вначале вспомним видение движения от капитализма к коммунизму

бительной стоимости и прибавочном продукте.

[1] Это соответствует сотрудничеству ассоциаций свободных производителей, о которых, как о некой абстракции, говорил Маркс.

классиками.

«В обществе, основанном… на общем владении средствами производства, производители не обменивают своих продуктов; столь же мало труд, затраченный на производство продуктов, проявляется здесь *как стоимость* этих продуктов[1], …теперь, в противоположность капиталистическому обществу, индивидуальный труд уже не окольным путем, а непосредственно существует как составная часть совокупного труда. Выражение «трудовой доход», …теряет таким образом всякий смысл».[2]

Итак, по Марксу, в условиях общественной собственности на средства производства стоимость как общественный феномен отсутствует и, как следствие, элиминируются отношения обмена, а индивидуальный труд «существует как составная часть совокупного труда». Суть последнего утверждения Марксом не объясняется и его можно понимать и таким образом, что коль скоро производство ведётся на общественных началах, то и потребление осуществляется общественно же, т.е. под контролем со стороны общества.

И Маркс это подтверждает: «каждый отдельный производитель получает обратно от общества за всеми вычетами ровно столько, сколько сам даст ему. То, что он дал обществу, составляет его индивидуальный трудовой пай».[3]

Каким же образом реализуется этот трудовой пай? Казалось бы, просто – работник «получает от общества квитанцию в том, что им доставлено такое-то количество труда, …и по этой квитанции он получает из общественных запасов такое количество предметов потребления, на которое затрачено столько же труда. То же самое количество труда, которое он дал обществу в одной форме, он получает обратно в другой форме».[4]

По этому поводу Маркс резюмирует – «Здесь, очевидно, господствует тот же принцип, который регулирует обмен товаров, поскольку последний есть обмен равных стоимостей».[5]

Но чем это отличается от заработной платы капиталистического производства и его пресловутого обмена по стоимостям?

Маркс отвечает – «*содержание и форма* здесь изменились, потому что при изменившихся обстоятельствах никто не может дать ничего, кроме

---

[1] Однако, нельзя не отметить, что Маркс противоречит сам себе, заявляя в другом месте, что «по уничтожении капиталистического способа производства, но *при сохранении общественного производства определение стоимости остается господствующим* в том смысле, что регулирование рабочего времени и распределение общественного труда между различными группами производства, наконец, охватывающая все это бухгалтерия становятся *важнее, чем когда бы то ни было* (везде выделено нами. – А.П.)» (*Маркс К., Энгельс Ф.* 2-е изд. Соч. В 50 т. М., 1955. Т.25. Ч. 2. С. 421). Другими словами, фактор стоимости (и, соответственно, необходимость его учёта) выходит на *новый уровень*, соответствующий уже *общественно* ведущемуся производству.

[2] Там же. Т. 19. С. 18.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Там же.

своего труда, и потому что, с другой стороны, в собственность отдельных лиц не может перейти ничто, кроме индивидуальных предметов потребления. Но *что касается распределения последних между отдельными производителями, то здесь господствует тот же принцип, что и при обмене товарными эквивалентами: известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой* (везде выделено нами. – А.П.)».[1]

Но и в капиталистически ведущемся производстве точно так же, как и в условиях общественного производства, «никто не может дать ничего, кроме своего труда» и «в собственность отдельных лиц не может перейти ничто, кроме индивидуальных предметов потребления», если речь идёт о работниках.

Да, *форма* отношений распределения и потребления изменилась – ранее они определялись частными собственниками средств производства, теперь эта функция осуществляется обществом. Но их *содержание* осталось прежним – это *эквивалентность* количества труда и последующих распределения и потребления. Если ранее произведённый продукт поступал в собственность капиталиста, то теперь он поступает в распоряжение общества – «если… вещественные условия производства будут составлять коллективную собственность самих рабочих, то в результате получится также и распределение предметов потребления, отличное от современного».[2]

Но это отличие только внешнее, по форме. Фактически же, повторим, их *содержание* осталось прежним – это *эквивалентность* количества труда и распределения и потребления. Однако, что это, как не отношения, определяемые *стоимостью*? Хотя Маркс отрицает существование стоимости в общественно ведущемся производстве и заменяет эту категорию категорией количества труда (очевидно, что учёту подлежит и качество труда), но по *существу* это одно и то же – «как стоимости, товары суть простые сгустки человеческого труда».[3] Т.е., по сути, отношения распределения сохранились фактически в прежней форме – по количеству труда, по стоимости, а именно – в соответствии стоимости рабочей силы стоимости продуктов потребления. Только теперь стоимость должна быть представлена рабочим временем, а бывшие деньги – квитанциями. *Форма* изменилась, *сущность* осталась прежняя. С этим согласен и сам Маркс – «господствует тот же принцип, что и при обмене товарными эквивалентами» и потому «*равное право* здесь по принципу все еще является *правом буржуазным*».[4]

Далее Маркс отмечает, что «принцип и практика здесь уже не противоречат друг другу, тогда как при товарообмене обмен эквивалентами существует лишь *в среднем*, а не в каждом отдельном случае».[5] Однако, не-

[1] Там же.
[2] Там же. С. 20.
[3] Там же. Т. 23. С. 60.
[4] Там же. Т. 19. С. 19.
[5] Там же.

понятно, почему «принцип и практика не противоречат друг другу», лишь на том основании, что обмен эквивалентами теперь осуществляется *в каждом* акте обмена, а не в *среднем*, как прежде. Некоторое количественное изменение эквивалентности (раньше иногда – теперь всегда) никак не может повлиять на *принцип* отношений распределения и потребления, как на принцип *эквивалентности*, причём реализуемый посредством отношений *обмена*. Тем более, что и ранее, в капиталистическом производстве, имело место точное соотношение эквивалентов, хотя и случайным образом.

Что касается упомянутой Марксом практики, то эквивалентность должна соблюдаться посредством неких квитанций с указанием количества труда. Оставим в стороне тот факт, что *непосредственное* количественное и качественное определение меры труда до сих пор невозможно, предположим, что это осуществимо. Но даже в этом случае указанные квитанции по своей *сущности* выступают как 1. *мера стоимости* и 2. *средство платежа*, хотя бы только и в отношениях индивид-общество. Нетрудно увидеть, что в обществе, в котором существуют неравенство возможностей[1] и дефицит продуктов потребления, квитанции очень скоро станут выполнять функции средства платежа также и в отношениях между индивидами, как следствие они станут 3. *средством обращения* и 4. *средством накопления* – но что это как не функции *денег*, от которых желали избавиться как от наследия частной собственности на средства производства.

Резюмируем. Итак, по Марксу:

1. Сущность переходного периода состоит в ликвидации частной собственности на средства производства и, как следствие, прекращении отношений обмена.

2. Экономическое содержание переходного периода определяется необходимостью преодоления товарного характера экономики, что диктуется ликвидацией отношений обмена, отсутствием стоимости и связанной с этим ликвидацией денег. Однако, при этом сохраняется эквивалентный обмен в сфере потребления (в *особенной* форме – под полным общественным контролем, поскольку трудовые квитанции выдаются «от общества») и, соответственно, точный учёт меры труда.

Такое решение вызывает ряд вопросов.

Во-первых, почему ликвидация частной собственности на средства производства автоматически (по Марксу) ведёт к прекращению отношений обмена? Ведь *отношения обмена* детерминируются вовсе не отношениями частной собственности, а совсем иными общественными отношениями – общественным *разделением труда*, каковое необходимо сохра-

[1] «Право производителей *пропорционально* доставляемому ими труду; равенство состоит в том, что измерение производится *равной мерой* — трудом. …Это *равное* право есть неравное право для неравного труда. …оно молчаливо признает неравную индивидуальную одаренность, а следовательно, и неравную работоспособность естественными привилегиями. *Поэтому оно по своему содержанию есть право неравенства, как всякое право*). (Там же).

нится и в общественно ведущемся производстве. Отношения собственности определяют отношения производства, присвоения, распределения и последующего обмена только с одной стороны, – они *персонифицируют* последние, создают *субъектов* этих отношений – но самый обмен вызван к жизни разделением труда.

Следовательно, во-вторых, сохранится необходимость обмена и в сфере *производства* и, очевидно, этот обмен может быть *только* эквивалентным, чтобы сохранялась возможность возобновления циклов воспроизводства (с необходимостью сохранения обмена в сфере *потребления* согласен сам Маркс). Т.о. обмен (подчеркнём – *эквивалентный* обмен) сохраняется в переходном периоде и в сфере производства, и в сфере потребления по совершенно *объективным* обстоятельствам, диктуемым наличными *материальными условиями производства и общественными отношениями*.

Однако, в условиях *общественно ведущегося производства* (т.е. при наличии общественной собственности на средства производства) появляется совершенно *новый общественный феномен* – возникает *сущностно новый тип отношений собственности* и, т.о., коренным образом изменяются отношения не только *производства*, но и *присвоения* и *распределения* (причём в сфере присвоения и распределения отношения собственности – с точки зрения их сущности, их внутренней интенциональности – являются главным демиургом, здесь находится основная точка приложения их общественных сил). Соответственно, в отношении сфер производства, присвоения и распределения возникает необходимость в формировании совершенно *новых общественных отношений* (и их институтов) – отношений *общественного производства, присвоения и распределения* (в отличие от существовавших до сих пор отношений *частного* производства, присвоения и распределения). Но об этом сказано вскользь, мимоходом.

В-третьих, эквивалентный обмен императивно требует наличия всеобщего эквивалента обмена, учитывающего трудоёмкость объектов обмена, каковым исторически стала *стоимость*. Следовательно, эта экономическая категория сохранит своё значение и в условиях общественно ведущегося производства.

Итак, всё вместе свидетельствует в пользу того, что отношения *обмена* и сопутствующее им *товарное* производство *объективно* сохранятся и при общественно ведущемся производстве – в условиях *общественной* собственности. По крайней мере, до определённого уровня развития всего комплекса отношений производства, распределения и потребления. Какого уровня – это предмет для анализа.

Концепция Маркса, как видим, содержит внутреннее противоречие, но это не диалектическое, а формальное, причинно-следственное противоречие. По Марксу стоимость в условиях общественного производства исчезает, однако необходимость учёта рабочего времени, которое является «веществом» стоимости, её субстанцией, остаётся. Но и то, и другое есть разная *форма* выражения одной *сути*. Далее, обмен отрицается, но необходимость распределения и потребления в соответствии с неким эквива-

лентом остаётся. Но это также есть разная *форма* выражения одной *сути*. Другими словами, некие общественные отношения по форме признаются, а по существу отрицаются – но это есть антиномия, которая теоретически так и не разрешена.

Теперь обратимся к Ленину и его вкладу в развитие *теории* и *практики* (эта расстановка акцентов очень важна) рассматриваемых проблем.

Маркс не конкретизирует вопрос о *субъекте* прав собственности на средства производства в послекапиталистическом обществе, ограничиваясь указанием на абстракцию общества либо на ещё большую абстракцию «ассоциации индивидов». Как теоретик, действующий практически, Ленин развил абстрактное понятие об обществе как некоем аморфном владельце средств производства до понятия *государства как объективного реального конкретного субъекта прав собственности*, причём обосновывая этот вывод необходимостью выполнения государством и экономических, и правовых функций: «в первой своей фазе, на первой своей ступени коммунизм *не* может ещё быть экономически вполне зрелым, вполне свободным от традиций или следов капитализма. …Буржуазное право по отношению к распределению продуктов *потребления* предполагает, конечно, неизбежно и *буржуазное государство,* ибо право есть ничто без аппарата, способного *принуждать к* соблюдению норм права. Выходит, что не только при коммунизме остаётся в течение известного времени буржуазное право, но даже и буржуазное государство — без буржуазии»;[1] поскольку «других норм, кроме “буржуазного права”, нет», то «постольку остаётся ещё необходимость в государстве, которое бы, охраняя общую собственность на средства производства, охраняло равенство труда и равенство дележа продукта».[2]

Т.е. государство как *субъект* права собственности на средства производства обязано 1. активно осуществлять это право и, следовательно, реализовывать необходимые меры в отношении 2. организации производства и 3. распределения его продуктов. В этом пункте Ленин пошёл дальше Маркса – инициатором формирования новых общественных отношений производства, распределения и нормирования потребления становится *конкретный субъект* – государство и, соответственно, его институты. Т.о. в переходном периоде от капитализма к коммунизму *значение государства как активно действующего субъекта существенно возрастает по совершенно объективным причинам* и это есть потенциально опасный источник «огосударствления» общества, подчинения общества бюрократическим государственным институтам (что, кстати, и произошло в СССР).

Но теперь возникают вопросы – «как практически осуществить переход от старого, привычного и всем знакомого капитализма к новому, ещё не родившемуся, не имеющему устойчивой базы, социализму — вот самая трудная задача. Этот переход займёт много лет в лучшем случае. Внутри этого периода наша политика распадается на ряд ещё более мел-

[1] *Ленин В.И.* ПСС. 5-е изд. – М.: Политиздат, 1967. Т. 33. С. 99.
[2] Там же. С. 95.

ких переходов. И вся трудность задачи, которая ложится на нас, вся трудность политики и все искусство политики состоит в том, чтобы учесть своеобразные задачи каждого такого перехода».[1]

В этой фразе Ленина важны все учтённые им моменты – необходимость реализации *теоретических* выводов в *практических* мероприятиях; *длительность* переходного периода; и потому *поэтапное* проведение перехода; учёт своеобразия *каждого* этапа. В этих выводах нет ничего экстраординарного, но как же трудно оказалось им следовать.

Практические меры, предлагаемые Лениным и *следовавшие из теоретических постулатов* марксизма, предусматривали на начальном этапе переходного периода жёсткий контроль со стороны и государства, и общества (вернее, его трудящейся части) и над трудом, и над распределением и потреблением: «социалисты требуют *строжайшего* контроля со стороны общества *и со стороны государства* над мерой труда и мерой потребления»[2]; «общественный труд при строжайшем учете, контроле и надзоре со стороны организованного авангарда, передовой части трудящихся; причём должны определяться и мера труда и его вознаграждение»[3]; «учёт и контроль — вот *главное*, что требуется для “налажения”, для правильного функционирования *первой фазы* коммунистического общества. *Все* граждане превращаются здесь в служащих по найму у государства, каковым являются вооружённые рабочие. *Все* граждане становятся служащими и рабочими *одного* всенародного, государственного “синдиката”»[4]; «если действительно *все* участвуют в управлении государством, тут уже капитализму не удержаться»[5].

Как видим, Ленин, определив государство как субъекта прав собственности на средства производства, не считает его *исключительным* институтом осуществления этих прав. Понимая опасность подчинения («поглощения») государством общества, он не столько дополняет, сколько *противопоставляет государству* (а по сути, административному, бюрократическому слою управления) *общественный институт* в форме организованных трудящихся как *императивное* условие переходного периода. Другими словами – органы государственного управления должны находиться под постоянным контролем со стороны общества, жёсткая иерархическая структура государства должна контролироваться демократическим обществом (более того, в ленинских предложениях можно усмотреть намёк на инициирование процесса *вытеснения* государства и постепенного *срастания* государства и общества и последующую замену государства общественными институтами).

Но, т.о., возникают два *несовместимых* субъекта прав собственности, присвоения и распределения – вне- и над-общественный (административный, бюрократический) и общественный (гражданский) – и тем самым

[1] Там же, Т. 40. С. 104.
[2] Там же. Т. 33. С. 97.
[3] Там же. Т. 40. С. 34.
[4] Там же. Т. 33. С. 101.
[5] Там же. С. 100.

создаётся конфликтная ситуация, которая может разрешиться двояко: либо общество постепенно поглотит («растворит») государство – именно так и предполагали теоретические выводы марксизма; либо государство полностью подчинит общество – что и произошло на практике. Несмотря на всю свою важность, в теоретических положениях марксизма (тем более на практике) проблема общественного самоуправления (т.е., по сути, проблема формирования *нового субъекта новых отношений собственности – общественных отношений*) так и не была разрешена в течение всего периода существования советского общества, хуже того, после Ленина в качестве *необходимого практического действия* всерьёз и не ставилась.

(Тем не менее, следует особо подчеркнуть стремление Ленина привлечь к участию в контроле за государственным аппаратом общество в лице передового слоя трудящихся. Собственно, это и было попыткой создания *новых общественных отношений, нового общественного субъекта* и *новых общественных институтов* в сфере осуществления прав собственности, производства, присвоения и распределения общественного продукта, что не только *возможно*, но и *необходимо* в новых общественных условиях перехода к *новой общественной формации*. Это стало бы *действительным коммунистическим* действием. И это положение есть второе дополнение Ленина к теоретическим выводам Маркса).

В итоге, по мнению Ленина, «все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы».[1]

Многие приверженцы марксизма приводят эту фразу как доказательство того, что в экономическом плане социалистическое хозяйство в целом (общее) должно функционировать как отдельное производство (единичное) – т.е. без внутренних отношений товарно-стоимостного обмена. Нет ничего более неверного. Диалектическое саморазвитие реальности предполагает, что более высокий уровень развития *снимает* в себе предшествующий уровень, т.е. одновременно и отменяет его, и сохраняет. Сказанное означает, что на более высоком уровне сущностные черты предшествующего уровня сохраняются, но в новой, отличной от прежней, форме – если вспомнить Гегеля, то сохраняются как «видимость», а не реальность. Тем самым более высокий уровень обретает *новые* качества, не имевшиеся в исходном уровне, наполняется *новым* содержанием и обретает *новые* сущностные характеристики.

Применительно к экономике это означает, что на уровне экономики как *общего* возникают такие условия и формы взаимодействия её объектов и субъектов, которых нет на более низком уровне – уровне *особенного* и *единичного*, уровне отраслей и предприятий.[2] А потому «всё общество» никак не может стать «одной фабрикой», состоящей из множества отдельных «фабрик». Но этого диалектического момента никак не учиты-

[1] Там же. С. 101.

[2] В современной науке этот феномен называется эмерджентностью – наличием у системы свойств, отсутствующих у составляющих её элементов и не выводимых из свойств этих элементов (мы об этом уже говорили в гл. «13.2. Субстанция (дополнение)»).

вают те «марксисты», которые бездумно цитируют Ленина и до сих пор полагают, что такая сложнейшая система как экономика в целом может действовать по принципам и правилам отдельного предприятия.

В отличие от подобных «марксистов» сам Ленин недвусмысленно заявляет - «эта “фабричная” дисциплина, …никоим образом не является ни идеалом нашим, ни нашей конечной целью, а только *ступенькой*»[1] – т.е. преходящим этапом, моментом движения в целом, что необходимо предполагает его последующее *снятие*. Фраза Ленина об «одной фабрике» означает, и это следует из контекста, что речь идёт о повсеместном учёте и контроле за производством и распределением со стороны трудящихся, но никак не о распространении методов ведения хозяйства на отдельном предприятии на экономику в целом.

Подведём промежуточный итог *теоретическим* выводам Ленина (о его *практических* действиях речь пойдёт позже).

Начальный этап переходного периода от экономики частной собственности на средства производства к экономике, ведущейся на основе общественной собственности им видится как 1. этап жёсткого контроля за производством, распределением и потреблением. И контроль этот должен осуществляться одновременно и 2. государственными, и 3. общественными институтами. Т.о. существо переходного периода состоит в применении не-экономических и вне-экономических, т.е. волевых, административных, а не экономических мер. Использование собственно *экономических* институтов и инструментов не предусматривалось.

Однако, и это следует особо подчеркнуть, взгляды Ленина, представленные выше, были характерны *до* периода взятия власти большевиками (и ещё некоторое время после взятия), т.е. *до* момента, когда им пришлось *непосредственно* столкнуться с экономической реальностью, с практикой, которая опровергла многие умозрительные представления и заставила считаться с законами собственно экономики.

И началась эта практика немедленно со взятием власти большевиками, которые и попытались реализовать теоретические положения, о которых речь шла выше, в практических действиях в течение периода, получившего название «военного коммунизма» (1917-1920 гг.).

Исследуя этот период, разные авторы по-разному расставляют акценты, говоря об истоках и причинах названного исторического явления – одни ставят акцент на исторически сложившиеся *объективные* обстоятельства, другие на идеологические, *субъективные* установки большевиков. В действительности же имело место теснейшее переплетение и *кумулятивное* влияние друг на друга и объективных, и субъективных факторов. Послушаем, что говорит человек, видевший и исследовавший эти процессы изнутри, и делающий свои выводы не только с точки зрения потребностей момента, но понимавший и политэкономическую составляющую, и историческую (более того – философскую) сущность происходящих процессов.

«Было бы заблуждением видеть в этой системе только пролетарский

[1] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 33. С. 101.

аспект военно-государственной организации хозяйства… Так называемый "военный коммунизм" имел и иные, очень глубокие истоки. Существеннейшие нити идеологических влияний тянутся, как известно, на Запад. Другие нити тянутся в глубь нашей собственной истории, и им несомненно принадлежало очень важное значение».[1]

«Стремление этой фазы революции национализировать все предприятия, уничтожить всякую частную собственность на орудия производства и даже на предметы потребления, некоторые ее тенденции в области политики распределения и т. д. не могут быть поняты без учёта того обстоятельства, что *усилившаяся во время мировой войны напряжённость классовых противоречий дошла во время гражданской войны до величайшего ожесточения*.

При наличии таких предпосылок нельзя было ожидать, что новая революционно-социалистическая власть захочет и сможет поставить только вопрос о мерах к постепенной социализации. *Все толкало на путь радикальных решений и вело к коренному социальному переустройству* (везде выделено нами. – А.П.)».[2]

Л.Н. Юровский не углублялся в историческую ретроспективу и межклассовые отношения, поскольку это не входило в задачи его исследования. Не будем делать этого и мы, достаточно указания на историческую подоплёку, глубину и неоднозначность процессов, приведших к политике «военного коммунизма», перейдём к сути интересующих нас вопросов.

Как отмечает Л.Н. Юровский, «к осени 1917 г. в народном хозяйстве России имелось уже множество элементов, разрушавших систему товарно-денежного хозяйства и тем самым побуждавших строить и усложнять систему государственного регулирования… *То, что происходило в годы войны и в месяцы Временного правительства в области регулирования народного хозяйства, …составляло первые звенья закономерного ряда*. И этот ряд не был пересечён в эпоху военного коммунизма никакой другой линией, ибо хозяйственная и политическая обстановка укрепляла значение мероприятий по переустройству всей экономической системы. *…Товарный рынок, денежный рынок и денежная система были глубоко деформированы к концу 1917 г.* (выше выделено нами. – А.П.), …события 1917 — 1918 гг. продолжали разрушать их и …в таких условиях трудно было проводить план строительства социализма на основе *товарного производства и денежного обмена*».[3]

Другими словами, вся предшествовавшая взятию власти большевиками историческая обстановка *императивно* заставляла продолжать ранее начатое движение – *усиление государственного контроля за всеми аспектами экономики* – на которое наложилось стремление (поистине большевистское) новой власти воплотить свои теоретические установки.

А потому «при деформации рынка, при разложении предприятий, при

---

[1] *Юровский Л.Н.* Денежная политика советской власти (1917- 1927). — М.: Начала-Пресс, 1996. С. 64.

[2] Там же. С. 66.

[3] Там же.

быстром обесценении денег… линия на систему военного коммунизма представлялась даже линией наименьшего сопротивления. И наконец гражданская война… делала движение в сторону военного коммунизма все более неизбежным, а движение в иную сторону… все менее возможным. …*Все вместе взятое* создало ту хозяйственную систему, которая существовала в течение 1918 — 1920 гг. Эта система не была продуктом одних военных условий и иных стихийно действовавших сил. Она была также продуктом определенной идеологии, реализацией социально-политического замысла, построившего хозяйственную жизнь страны на совершенно новых началах».[1]

Казалось бы, сама жизнь шла навстречу настроениям большевиков в их стремлении воплотить на практике теоретические положения, согласно которым можно от капиталистических отношений *непосредственно* перейти к отношениям, полностью определяемым государственной (но под контролем общества) формой собственности, отношениям бестоварным и безденежным.

В результате деятельности новой власти сформировалась политико-хозяйственная система, называемая «военным коммунизмом», основные принципы которой формулируются Л.Н. Юровским (кстати, задолго до последующих систематизаций другими исследователями) следующим образом:

- принадлежность всех средств производства государству;
- овладение всей рабочей силой посредством привлечения населения к трудовой повинности;
- производство всего необходимого государству на своих предприятиях;
- централизованное управление всем хозяйством по единому плану;
- государственное распределение всего произведённого – и средств производства, и предметов потребления;
- осуществление распределения в форме т.н. «пайка» - не столько необходимого, сколько возможного по тем обстоятельствам количества жизненных средств.

Не все из перечисленных принципов были, по мнению Л.Н. Юровского, проведены полностью и до конца. Так, огосударствление средств производства и овладение рабочей силой проводились наиболее энергично и решительно. Что касается централизованного управления по единому плану, то хотя сама централизация осуществлялась гораздо более решительно, чем ранее, но полная, а, главное, соответствующая реальности плановость так и не была достигнута.

Но действительность весьма жёстко расставила всё по своим местам.

Несмотря на решительность проводимых мер «за пределами государственного хозяйства сохранялся разорванный на мельчайшие части и дезорганизованный нелегальный рынок, с которым соприкасались и государственные предприятия. Этот рынок играл еще крупную роль для населе-

[1] Там же. С. 67.

ния».[1]

В государственном же секторе «реализация на деньги продуктов производства государственных предприятий и их услуг и …сырья … постепенно теряла всякий смысл.[2] Она противоречила основным принципам нового хозяйственного строя и утрачивала свое практическое значение».[3] Но чем больше государственные органы «проникались идеей о необходимости построения и проведения единого хозяйственного плана и создания системы полного учета всех запасов и всех вновь производившихся благ, тем больше практические затруднения, стоявшие на пути к осуществлению этой идеи, оказывались непреодолимыми».[4]

Л.Н. Юровский выделяет три проблемы, возникшие в связи с попыткой упразднения денег и переходом к прямому продуктообмену, вследствие чего распределение регулировалось бы не спросом и предложением, а плановым порядком.

Первая проблема касалась *метода распределения* и она была решена так, что распределение осуществлялось по нормам («пайкам»), которые определялись не потребностями потребителей (предприятий и населения), а возможностями плановых органов, т.е. фактическим наличием ресурсов.

Вторая проблема заключалась в поиске *метода учёта* наличных ресурсов. Предполагалось решить эту задачу переходом к натуральному учёту.

Третья проблема состояла в необходимости найти замену *стоимостного измерения* результатов производственной деятельности другим принципом, который позволил бы адекватно оценивать хозяйственную деятельность предприятий.

Нетрудно видеть, что вторая и третья проблемы тесно соприкасаются, взаимозависимы и что они обе определяют, по сути, решение первой проблемы.

По свидетельству Л.Н. Юровского в академических и ведомственных кругах весьма активно шёл поиск методов хозяйствования в условиях ликвидации рынка и денежного обращения. И хотя было выдвинуто несколько концепций разного уровня соответствия реальности, приемлемого для практики решения найдено не было. Стало ясно, что «самая структура военно-коммунистической системы хозяйства задерживает восстановление производительных сил, и вопрос об изменении всей хозяйственной организации не мог не быть поставлен вслед за окончанием гражданской войны».[5]

---

[1] Там же. С. 77.

[2] Это подчёркивается и другими исследователями: «Упало значение денег как орудия учета и контроля; резко сузилась сфера использования денег как средства обращения и платежного средства; деньги почти полностью утратили свое значение как форма накоплений и сбережений. В результате резко сократилась сфера функционирования финансов» (*Дьяченко В.П.* История финансов СССР (1917-1950 гг.). — М.: Наука, 1978. С. 70).

[3] *Юровский Л.Н.* Денежная политика советской власти (1917- 1927). С. 78.

[4] Там же. С. 80.

[5] Там же. С. 131.

В огосударствлении экономики и попытке замены экономических методов ведения хозяйства прямым продуктообменом, тотальными плановостью и контролем, как признал Ленин, «мы зашли дальше, чем это теоретически и практически было необходимо».[1] В этой фразе знаменательно косвенное указание на теоретическую непрояснённость рассматриваемых проблем, что незамедлительно оказало влияние на практику. Необходимость изменения хозяйственной практики стала несомненной – был совершён переход к новому этапу, известному как «новая экономическая политика».

Основные принципы НЭПа сформировались не сразу. Ещё весной 1921 г. предполагалось, что только часть продукта крестьянских хозяйств государство будет изымать в форме налога, а оставшийся продукт будет обмениваться на продукты промышленности: «минимально необходимое (для армии и для рабочих) количество хлеба берём как налог, а остальное будем обменивать на продукты промышленности»[2]; «продналог есть переход от военного коммунизма к правильному социалистическому продуктообмену».[3] Т.о. имелось ввиду организовать *непосредственный товарообмен* между городом и деревней.

Однако, отсутствие *эквивалентных* количеств продуктов города и деревни и несоответствие *спроса* и *предложения* между ними внесли существеннейшие коррективы в принципы хозяйственной политики.

Реальность показала, что «товарообмен мог быть лишь переходной мерой к купле-продаже. Уже на первых этапах проведения товарообмена обнаружилось, что он сильно стесняет развёртывание государственного и кооперативного товарооборота… Разрешение свободного обмена привело к развитию частной торговли… Организованный через кооперацию товарообмен вступил в борьбу с частным рынком, с куплей-продажей. В этой борьбе преимущества оказались на стороне купли-продажи».[4]

Практика опровергла теорию и уже через полгода – осенью 1921 г. – Ленин поставил вопрос совсем по-другому: «Два периода… выделяются совершенно явственно. С одной стороны, период приблизительно с начала 1918 г. до весны 1921 г. и с другой — тот период, в котором мы находимся с весны 1921 года»[5]; «верно ли, что мы весной 1921 г. говорили о товарообмене? Конечно, верно… Верно ли, что товарообмен, как система, оказался несоответствующим действительности, которая преподнесла нам вместо товарообмена денежное обращение, куплю-продажу за деньги? Это тоже несомненно…».[6]

А потому «мы от государственного капитализма переходим к государственному регулированию купли-продажи и денежного обращения»[7],

---

[1] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 43. С. 64.
[2] Там же. С. 220.
[3] Там же. С. 243.
[4] *Дьяченко В.П.* История финансов СССР (1917-1950 гг.). С. 76.
[5] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 44. С. 197.
[6] Там же. С. 214.
[7] Там же. С. 207.

«нам нужно встать на почву наличных капиталистических отношений»[1], «мы видим, что стало на очередь регулирование торговли и денежного обращения».[2]

Жёсткая императивность реальности заставила вернуться к *экономическим* методам хозяйствования и переходу от так и не состоявшегося *непосредственного* товарообмена к *эквивалентному* товарообмену, основанному на мере *стоимости* и посредством *товарно-денежных* отношений, детерминируемых отношениями *спроса* и *предложения*.

Эти *практические* выводы есть результат осмысления действительности и последующие решения, несомненно, можно считать *теоретическим* вкладом Ленина в развитие концепции переходного периода, даже если это и не оформлено отдельными статьями.

В результате, по свидетельству Л.Н. Юровского, «в течение сравнительно короткого промежутка времени *в области государственного хозяйственного строительства совершился глубочайший перелом* (выделено нами. – А.П.)… Признание рынка изменило всю структуру государственного хозяйства. Продукты стали вновь товарами, независимо от того, кто их производил. Производство и распределение товаров стало вновь подчиняться законам обмена. Категория цены, которую в предшествующий период стремились заменить какой-либо иной категорией, опять вступила в свои права. Товарный оборот по мере его развития должен был снова сопровождаться денежным оборотом, или, другими словами, денежный оборот должен был снова сделаться коррелатом товарного оборота. Товарное хозяйство становилось денежным хозяйством»[3], «вопрос о переходе не только к товарному, но к товарно-денежному[4] хозяйству был, таким образом, решён. Денежный расчёт победил по всей линии хозяйственных отношений»[5], «период идеологии безденежного хозяйства был закончен, и с этого момента во всех резолюциях и актах как партийных, так и высших советских органов проводится все более определенно и настойчиво мысль о необходимости упорядочить систему денежного обращения. …Распространить принцип платности продуктов и услуг на все государственное хозяйство»[6].

Подведём промежуточный итог.

Попытка, основанная на абстрактных теоретических установках, перейти в условиях гражданской войны и всеобщего упадка хозяйства от капиталистических общественных отношений к социалистическим *непосредственно* – т.е. минуя ряд переходных промежуточных этапов, в ходе которых буржуазные экономические институты, основанные на частной

---

[1] Там же. С. 210.
[2] Там же. С. 212.
[3] *Юровский Л.Н.* Денежная политика советской власти (1917- 1927). С. 132.
[4] Следует иметь ввиду, что выражение «товарно-денежные отношения» у Л.Н.Юровского по существу тождественно выражению «товарно-стоимостные отношения».
[5] Там же. С. 138.
[6] Там же. С. 140.

собственности на средства производства, постепенно заменялись бы институтами социалистическими, основанными на государственной собственности – не удалась по совершенно *объективным* причинам, зависящим от законов общественного развития, в первую очередь *экономических* законов. Более того, анализ реальности показывает, что подобный непосредственный переход не удался бы и в гораздо более благоприятных условиях общественного спокойствия и целостности хозяйства, разве что период волевых решений вопреки законам экономики затянулся бы на большее время, но с тем же результатом.

В этом вопросе – вопросе *перехода* от капиталистических общественных отношений к коммунистическим – теоретическое решение, сформулированное марксизмом в самом общем, абстрактном виде, оказалось опровергнуто суровой практикой. Этот весьма убедительный критерий не подтвердил истинности положений о необходимости в переходном периоде ликвидации феномена стоимости, товарно-денежных отношений и обмена на основании спроса и предложения.

Следовательно, проблема осталась и её необходимо решать. Попробуем ответить на заданный вопрос, основываясь на выводах Л.Н. Юровского, сделанных им на основе анализа чрезвычайно противоречивых, буквально кипящих, процессов переплетения капиталистических и социалистических отношений и методов ведения хозяйства. При этом будем помнить, что Л.Н. Юровский действовал как учёный, полностью погружённый в практику – он делал свои теоретические выводы, анализируя *реальные* процессы, находясь внутри них и имея в руках богатейший статистический материал.

Основополагающим принципом, детерминирующим всю *экономическую* реальность, Л.Н. Юровский полагает принцип *равновесия*, и с этим трудно спорить. В самом широком смысле речь идёт о равновесии производства и потребления, т.е. о равновесии материальной жизни общества в целом, что позволяет достичь наибольшего эффекта в удовлетворении потребностей общества; в узком смысле – о равновесии спроса и предложения.[1]

К своим заключениям Л.Н. Юровский приходит на основании 1. непосредственного анализа тенденций советской хозяйственной системы и 2. сравнительного анализа принципов социалистического и капиталистического хозяйства. Причём каждый его вывод обосновывается обращением к реальным хозяйственным процессам и потому доказателен и убедителен.

[1] «Стремление к равновесию образует принцип всякой организации хозяйства. Это утверждение есть результат наблюдения над многообразными сменяющими друг друга хозяйственными формами… С этой точки зрения мы и подходим к описанию советской хозяйственной системы». (Там же. С. 327). При этом равновесие следует понимать не как некое статическое состояние, а как динамический процесс постоянного его нарушения и установления нового уровня (прехождение и становление – Гегель). Иная, диалектическая, сторона равновесия – пропорциональность.

Чтобы избежать пространного цитирования изложим выводы Л.Н. Юровского, некоторые из которых даны им в форме гипотез, в концентрированном виде:

- товарно-денежное хозяйство может существовать в различных видах;
- социалистическое хозяйство также может существовать в различных видах;
- товарно-капиталистическое хозяйство *не является последней формой товарного хозяйства*, за ней следует поставить ***товарно-социалистическую*** *форму хозяйства*;[1]
- товарно-социалистическое хозяйство есть *особенная форма товарно-денежного хозяйства*, поскольку равновесие в нём достигается как равновесие товарно-денежного хозяйства, но *в условиях государственной собственности на средства производства и при политической власти, действующей в интересах трудящихся классов*;
- товарно-социалистическое хозяйство есть система *планового хозяйства*, основанного на *стоимостном принципе*;
- стоимостный принцип *не вытесняется*, но его действие проявляется в *особенной форме* в условиях товарно-социалистического хозяйства; критерием хозяйственной целесообразности выступает закон стоимости и соответствующее ему ценообразование;
- для товарно-социалистической системы остаётся обязательным:
  1. равновесие между спросом и предложением на рынке и соответствующее образование или установление цен;
  2. соответствие цен издержкам производства;
- средства производства и предметы потребления распределяются посредством *рынка* и *механизма цен*;
- в советском хозяйстве огромную роль играют монополии и квазимонополии, которые действуют по плановым заданиям государства, но метод реализации плана есть метод товарно-денежного хозяйства, действующего посредством *рынка*. (В этом пункте, – столкновении плана и рынка, – просматривается неустранимое, казалось бы, противоречие – план предполагает отсутствие игры спроса-предложения, а рынок основан на ней. Из контекста работы Л.Н. Юровского следует, что социалистические товарно-денежные отношения реализуются в *особенной* форме – необходимость эквивалентного обмена (по стоимости) и учёта издержек производства и прибыли сохраняются, но при *государственном регулировании* этих отношений, устраняющем случайные рыночные силы).[2]

---

[1] О товарно-социалистическом типе хозяйства говорили и другие учёные того времени (например: *Преображенский Е.А*. Новая экономика (теория и практика): 1922-1928 гг. - М.: Издательство Главархива Москвы, 2008), но в негативном контексте – как противостоянии социалистического и частного сектора, как необходимости подавления действия закона стоимости плановыми инструментами.

[2] «Советское государство в качестве монополиста *может*… вести политику высоких цен… То же относится *к возможной*… политике низких цен… Одного только оно не может: уйти из сферы действия "закона ценности"». (*Юровский Л.Н*. Денежная политика советской власти (1917- 1927). С.381).

- в советской хозяйственной системе решающую роль имеет *регулирование хозяйственной жизни* – государство регламентирует всю хозяйственную жизнь, но все *планы реализуются в обстановке товарно-денежного хозяйства*;[1] однако, регулирование осуществляется, в отличие от капиталистического хозяйства, не посредством *манипулирования прибылью* (*sic*!), а предписанием предприятиям (отраслям) осуществить те хозяйственные действия, которые предусмотрены планом и признаны государством целесообразными;

- существенной особенностью товарно-социалистической формы хозяйства является *новая властная и классовая структура государства*, политика которого осуществляется *в интересах трудящихся классов*, *небывалая концентрация средств производства и вытекающая из этого плановое управление хозяйством* – и это принципиальнейшие отличия от капиталистической системы хозяйства.

Имеет смысл сделать ещё небольшую ремарку по поводу одной фразы Л.Н. Юровского, а именно, следующей – «концентрация средств производства в руках одного распределителя заставляет или позволяет проводить в качестве *внутри хозяйственных* такие операции, которые иначе проходили бы в качестве *межхозяйственных*, т. е. рыночных…».[2]

На первый взгляд данное, по сути совершенно верное, заявление свидетельствует в пользу того, что Л.Н. Юровский, отстаивающий точку зрения на социалистическое хозяйство как на *особенную* форму товарно-денежного хозяйства, тем не менее, солидарен с возможностью превращения всего хозяйственного организма страны в «одну фабрику», о чём уже упоминалось выше.

Однако, по нашему мнению, для такого поверхностного вывода нет оснований. Сам Л.Н. Юровский недвусмысленно говорит – «образуя по своей социальной структуре систему совершенно новую, советская организация хозяйства как система товарно-денежная сохраняет закономерности ценообразования в качестве основного регулирующего фактора в хозяйстве. …Ей необходимо соблюдение соответствия между денежными

---

[1] Вывод Л.Н. Юровского о решающей роли государства в регулировании экономической жизни весьма тесно коррелирует с мнением русского экономиста С.Ф. Шарапова, высказанного им за три десятка лет до этого. По мнению последнего государство "…вступает благожелательным посредником между трудом, знанием и капиталом, обеспечивает полную свободу каждому из них, *но оставляет за собою власть удерживать эти экономические элементы в надлежащей гармонии, не давать несправедливого преобладания какому-либо из них*. Одновременно с этим государственная экономическая политика имеет целью, помогая наилучшей постановке и производительности труда, сбережению и накоплению частных капиталов, *увеличивать всеми мерами достояние собственно государственное*". (*Шарапов С.Ф.* Бумажный рубль (его теория и практика). - М.: Товарищество "Общественная польза", 1895. С. 84). Интересно, что при категорическом неприятии С.Ф. Шараповым социалистических идей, его книга представляет собой одно из самых социалистических (в духе К.И. Родбертуса) исследований в финансовой сфере.

[2] Там же. С. 332.

издержками производства и ценами, а также между денежным предложением и денежным спросом. То обстоятельство, что она есть хозяйственная система пролетарского государства, заставляет ее, а то обстоятельство, что в распоряжении государства сосредоточены основные производительные силы страны, позволяет ей ставить такие задачи, которые чужды капиталистическому обществу, и разрешать их при помощи регламентирования хозяйственной жизни гораздо более частого и глубокого, нежели происходящее где-либо в другом месте. …Но во всяком случае регламентирование это совершается в условиях товарно-денежного хозяйства и состоит из мероприятий по регулированию товарно-денежного хозяйства, а не из действий, направленных к его преодолению».[1]

Т.е. «внутрихозяйственность» состоит в том, что государство имеет возможность влиять на *все* хозяйственные отношения посредством планирования и использования в рамках плана *регулируемых товарно-денежных отношений*, а не в том, что хозяйствующие субъекты действуют как подразделения одной фабрики в условиях отсутствия товарно-денежных отношений. Тем более, что «рынок… сохраняется в качестве критерия и регулятора, пока на нем реализуются *все* предметы потребления, ибо всякий продукт в конце концов переходит в предметы потребления и ради этого производится. Не говоря уже о том, что рынок сохраняется… еще и потому, что за пределами государственного сектора остаются миллионы хозяйств и что даже устранение рыночных связей государственных предприятий *между собой* едва ли может пойти далеко в рамках товарно-социалистического хозяйства».[2]

В свете аналитических выводов Л.Н. Юровского и современного видения процессов того времени совсем по-иному предстаёт «новая экономическая политика» – НЭП представлял собой не только переход от «штурма» к «осаде», не просто «отступление», а, по сути, гораздо более глубокое не только политэкономическое, но и философское деяние – это учёт познанной (пусть даже не полностью и не до конца, поверхностно) необходимости.

Здесь не обойтись без краткой ремарки. Речь идёт о т.н. «сталинской» индустриализации, при которой «новая экономическая политика» была свёрнута, что очень часто представляют как необоснованный волюнтаризм. Критики делают вид, что не замечают разности *целей* НЭПа и периода индустриализации. Первая цель заключалась в необходимости преодолеть разруху и восстановить полноценную хозяйственную деятельность, что и было сделано путём допущения в экономику капиталистических элементов и методов. Вторая цель состояла в необходимости за кратчайший исторический срок создать *любой ценой* современную индустриальную экономику. В этом периоде были сформированы и опробованы на практике, причём весьма успешно, новые, *социалистические* методы ведения *экономической* деятельности[3], при которых *частное подчине-*

[1] Там же. С. 335.
[2] Там же. С. 385.
[3] Подчеркнём – именно *экономической* деятельности, т.е. учитывающей то-

но целому – план и государственное регулирование. Это и есть тот подход, который Ленин обозначил как *поэтапное* движение и учёт *своеобразия* каждого этапа. Другое дело, что и мобилизационную экономику первоначального этапа построения социалистического общества должны были сменить новые экономические подходы, соответствующие новым этапам общественного развития.

***

Основываясь на анализе Л.Н. Юровского сделаем генерализованное обобщение:

1. Следующая за товарно-капиталистической системой хозяйства есть *товарно-социалистическая* система.

2. В процессе её развития собственно экономические отношения – товарно-денежные отношения, основанные на законе стоимости – *не преодолеваются* (не вытесняются), а *развиваются в новой форме* – форме регулирования товарно-денежных отношений посредством и плана, и рынка, регулируемого социалистическим (это императив!) государством.

Эта гипотеза Л.Н. Юровского, основанная на эмпирическом наблюдении, есть *обобщение не только политэкономического, но и мировоззренческого уровня*.

Согласно ей в сфере экономики сущность переходного периода – от капитализма к коммунизму – состоит в предварительном *переходе от товарно-капиталистического хозяйства к товарно-социалистическому хозяйству*.

Но далее этого вывода Л.Н. Юровский не идёт. Он не исследует процесса функционирования товарно-социалистического хозяйства и не ставит вопроса о *пределе* его развития, при котором товарно-стоимостные отношения доводятся до своего *естественного завершения* – т.е. о возможности и форме снятия товарно-денежных отношений в новых, уже собственно коммунистических, общественных отношениях – бестоварных и безденежных.

Поскольку одной догадки, основанной на эмпирическом наблюдении, явно недостаточно, то необходимо вывести следствия, исходя из *сущности* переходных процессов, их *внутренней* закономерности. Следует определить условия *снятия*, «исчезания», отношений собственности, феномена стоимости, товара, рынка.

Прежде, чем идти дальше, напомним о сущности и пределе капиталистического общественного отношения.

Капитал, пройдя в своём саморазвитии ряд форм (каждая из которых *снимает* в себе предыдущую) – частный, акционерный, монополистический – достиг, в полном соответствии со своей *внутренней* логикой, завершающей формы – финансового капитала: «…будучи снятой в своей всеобщей абстрактной форме, *в форме денег, стоимость полностью отрывается от своего материального основания*, товара и начинает вести

варно-денежные отношения. С этой стороны убедительным свидетельством служит монография: *Дьяченко В.П.* История финансов СССР (1917-1950 гг.). — М.: Наука, 1978.

совершенно *самостоятельное* существование в форме *финансового капитала*. И это уже *предел развития стоимостной формы* и, следовательно, *предел капитала как такового*.

Т.о., *финансовый капитал, полностью оторвавшись от материального основания в виде производственного капитала, достиг предела развития капитала как такового вообще. Финансовый капитал есть высшая форма капитала, его завершение, его понятие, его истина. Это последняя форма капитала и, следовательно, капиталистического*[1] *общественного отношения*».[2]

Поскольку феномен стоимости и стоимостные отношения (а тем самым и отношения обмена) достигли своего предела, постольку они вплотную подошли к необходимости их преодоления, снятия и, очевидно, что новый этап общественного развития – *товарно-социалистические отношения – есть этап полной подготовки этого действия*.

Т.о., *содержанием социалистического этапа действительного коммунистического движения является подготовка к полному снятию капиталистических общественных отношений путём развития их в новых, социалистических формах*.

Некоторые из этих форм указаны Л.Н. Юровским – 1. власть, действующая в интересах трудящихся классов, государственная собственность, 2. высочайшая концентрация средств производства в руках государства, 3. планирование, приспособление (а также использование!) товарно-денежных отношений к социалистическому типу хозяйства и – это уже наш вывод – 4. доведение их до своего *предела*. Добавим к этому собственно социалистическую составляющую, на которой делал акцент Ленин – 5. участие трудящихся в контроле за производством и распределением, а в перспективе и 6. движение к полному общественному самоуправлению (снятию государства). Последнее означает, что на этапе социалистического строительства формируются *не только новые общественные отношения, но и новый человек*, без чего невозможно, собственно, движение к новому обществу.

Рассмотрим последовательно ход *развития капиталистических элементов в социалистических формах*.

Если говорить об *отношениях собственности*, то они не могут исчезнуть в одночасье с отменой *частной* собственности – отношения собственности необходимо будут сохраняться в течение довольно длительного времени в новой форме – как *государственной* собственности. Собственник должен быть конкретизирован (персонализирован) и никакого иного агента, выполняющего функцию собственника от имени *всего* общества, кроме государства поначалу быть не может.[3]

---

[1] Напомним: сущность капиталистического общественного отношения – производство и присвоение прибавочной стоимости.

[2] Глава 21.4.1. «О сущностной основе и диалектике капиталистического общественного отношения».

[3] Мы не упоминаем частной и групповой (коллективной) форм собственности, поскольку в исследуемом периоде они будут играть подчинённую государствен-

Т.о. *сущность* отношений собственности как отношений, определяющих отношения производства, присвоения и распределения не изменяется. Но существенно меняется *модус* этих отношений – государство, действуя от имени всего общества, действует в интересах общества в целом. Только на этом основании появляется возможность следовать необходимости – овладению отношениями собственности всем обществом. И это возможно только на пути истинной, а не показной, демократизации всех общественных отношений, причём демократизации по существу – сначала участия самих трудящихся в *контроле*, а затем и прямом *управлении* всеми аспектами своей жизнедеятельности.

Это положение следует пояснить более подробно.

На социалистическом этапе общественного развития *противоречие* между собственником средств производства (государством) и непосредственными производителями (трудящимися) сохраняется. Но оно меняет не только *форму* – вместо собственников капитала выступает государство, но и *сущность* – социалистическое государство действует (по крайней мере, должно действовать) в интересах трудящихся, а не класса собственников.[1]

Разрешение (снятие) противоречия возможно в момент наивысшего напряжения между его сторонами. Поскольку в нашем случае это государство и общество, то сказанное означает, что конфронтация между ними достигает высшей точки. Но такая конфронтация возможна только в том случае, если собственник (государство) пренебрегает интересами другой стороны, а это значит, что государство не контролируется обществом. При неразвитости общественных институтов, что и имело место в СССР, класс управления имеет существенное преимущество в разрешении общественного конфликта в свою пользу, что и не преминет сделать. Следовательно, этот путь развития и разрешения противоречия, определяемого отношениями собственности, чреват общественными потрясениями и не может быть признан соответствующим социалистическому пути движения общества.

Остаётся другой путь – путь *сближения* сторон противоречия вплоть до их исчезания, «растворения» друг в друге. И это возможно *единственным* способом – постановкой, вначале, класса управления под контроль со стороны трудящихся и затем, в ходе социалистического движения, всесторонним развитием общественных институтов, постепенным «врастанием» их в аппарат государственного управления и, наконец, переходом к полному общественному самоуправлению. В этом случае на завершающем этапе стороны отношений собственности (т.е. стороны противоре-

---

ной собственности роль.

[1] Отметим, что, поскольку в этих условиях от имени государства права собственности осуществляет особый слой государственного управления – можно даже сказать, что это класс управления – то на протяжении всего периода нахождения этого особого класса у власти, тем более его бесконтрольности со стороны народа, сохраняется возможность возврата к предшествующим отношениям собственности, что, к сожалению, и произошло в СССР.

чия) представляют, с одной стороны, трудящихся в лице общественных институтов самоуправления, осуществляющих права собственности (субъект отношений собственности), и, с другой стороны, трудящихся же как непосредственных производителей (объект отношений собственности[1]) – т.е., по сути, стороны противоречия являются одним и тем же – противоречие и, как следствие, отношения собственности, исчезают. Это и будет пределом их развития.

Как видим, на завершающем этапе демократизации общества и снятия («растворения») государства в общественных институтах отношения государственной формы собственности снимаются и предстают в новой форме – как отношения *действительно* общественной собственности[2], отождествляющие в этом отношении всех членов общества.[3] По сути это отношения, в которых сливаются общее, особенное и единичное – собственниками являются и общество в целом, и каждый коллектив, и каждый индивид. Т.о. отношения собственности превращаются в «видимость» (Гегель), это уже не правовые, а сугубо технические отношения. Но окончательное «исчезание» отношений собственности возможно только с полным выходом человека из собственно производства – только тогда будет отсутствовать даже формальное основание для их возникновения.

Вместе с отношениями собственности будут эволюционировать и *отношения распределения* (следовательно, и потребления). Декларируемое марксизмом распределение «по труду» это не благое пожелание его приверженцев, а необходимое следствие из сущности отношений собственности – продукт принадлежит собственнику средств производства. Собственник – государство, действующее от имени всего общества (или общество) – должно и распределять в соответствии с трудовым участием каждого члена общества.[4] Вместе с «исчезанием» отношений собственности «исчезнут» и отношения распределения «по труду», они будут сняты в новой форме – в распределении по потребности.[5]

Рассмотрим последнее положение более подробно. В сфере индивиду-

---

[1] Объект, поскольку собственник определяет порядок использования рабочей силы.

[2] Развитие общественных форм самоуправления и снятие государства есть совершенно *необходимый* процесс переходного периода, поскольку государство как *собственник во всеобщей форме* в полном соответствии с сохраняющимися от капитализма отношениями товарно-стоимостного обмена *объективно* будет вынуждаться ими действовать как *всеобщий капиталист*, даже несмотря на декларирование своей всенародной сути. К каким последствиям это может привести можно видеть на примере СССР.

[3] По этому же пути следует направить и другие формы собственности – частно-групповую и частно-индивидуальную.

[4] В этом распределении все равны как участники трудового процесса, но не равны по получаемому продукту – социалистическое распределение есть ещё *неравномерное* распределение - по затратам труда, а не по потребностям.

[5] При этом императивным условием является соответствие возможностей потребностям, но это другая тема.

ального распределения и потребления действуют два разнородных принципа. Первый принцип социалистический – распределение «по труду», а не по размеру собственности. Второй принцип капиталистический – распределение по эквивалентам стоимости (стоимость рабочей силы на стоимость предметов потребления). Оба принципа совместно и определяют в переходном периоде характер отношений обмена между собственником средств производства, государством (или обществом при «исчезании» государства) и собственниками рабочей силы.

Следовательно, речь идёт о доведении до предела указанного противоречия. Это может быть достигнуто двумя путями. Во-первых, собственник в лице государства (или общества) может до такой степени развить производительные силы в форме полной автоматизации производства, что вытеснит людей из сферы производства и, как следствие, из сферы их взаимного обмена, что *элиминирует саму возможность* отношений распределения (но не отношений потребления!).

С другой стороны, увеличившиеся производительные силы смогут произвести такое количество продуктов потребления, что полное обеспечение жизнедеятельности людей будет возможно *без эквивалентного обмена*, т.е. по потребностям. Оба пути предполагают выход человека из производства как его объекта, как технологического дополнения к орудиям труда.[1]

Для выполнения обоих условий необходимо не только высочайшее развитие науки, техники и технологий, но, главным образом, формирование в переходном периоде нового человека – активного человека высокой культуры, не потребителя, а созидателя, способного к творческой жизни в *новых* общественных условиях. Поскольку с полной автоматизацией производства человек выходит из него как предмет, как объект производства, как технологически необходимый элемент, то возникает возможность преодоления отчуждения человека от своей деятельности и полного её присвоения в форме свободного творческого осуществления деятельности.

Проследим эволюцию *товарно-стоимостных* (*товарно-денежных*) *отношений*. В условиях капиталистических общественных отношений производство ведётся ради цели собственно капитала – производства и присвоения прибавочной стоимости, прибыли.

Но прибыль не может быть целью социалистического способа производства. Цель социалистического этапа – преобразование капиталистических отношений в новые, социалистические и подготовка к возможности достижения цели всего коммунистического движения – полного освобождения человека от всех форм отчуждения.

Следовательно, на этом этапе осуществляется изменение наследуемых

[1] Это и есть, по сути, «уничтожение труда», о котором упоминал Маркс. Однако, только сейчас стали просматриваться контуры тех производительных сил в виде полной автоматизации производства, которые позволят человеку полностью преодолеть отчуждение от своей сущности и перейти к свободному саморазвитию и творческой деятельности во всех сферах жизни.

капиталистических форм ведения хозяйства в социалистические формы (поскольку нас интересует экономическая составляющая способа производства, то от всех иных форм общественных отношений мы абстрагируемся). Т.к. в центр всей деятельности и государства, и общества ставится человек, то прибыль как превращённая форма стоимости, доминирующая в капиталистическом способе хозяйства, не может быть определяющим фактором социалистического производства. На первый план выходит иная сторона продукта производства – *потребительная стоимость*, т.е. продукт в материальной форме. Следовательно, весь хозяйственный организм социалистического производства должен быть настроен на производство *прибавочного продукта*, а не прибавочной стоимости в её превращённой форме – прибыли. Как следствие, производительная деятельность должна быть направлена *не на увеличение прибыли* (по сути, стоимости), а *на снижение затрат* (т.е. снижение, экономию стоимости) и *увеличение производительности труда*.

Т.о. товарно-денежные отношения, сохраняющиеся в товарно-социалистическом хозяйстве, должны осуществляться в новых формах, соответствующих новым общественным отношениям (план, регулирование, производство прибавочного продукта, а не прибавочной стоимости) и развиться до своего предела, с достижением которого произойдёт их снятие, «исчезание».

В каких же формах товарно-социалистическое хозяйство должно развиваться и каков предел товарно-денежным отношениям?

Как уже говорилось, для государственной формы собственности характерны высокая монополизация и концентрация производства, что уже имманентно предполагает плановость хозяйства, но с одним существенным ограничением (мы о нём уже упоминали) – «советское государство в качестве монополиста *может*… вести политику высоких цен… То же относится *к возможной*… политике низких цен… Одного только оно не может: уйти из сферы действия "закона ценности"».

Т.о. внутри государственного сектора действуют *монополистические принципы установления равновесия хозяйства, но это монополизм государства, действующего в интересах всего общества*. С одной стороны, обмен внутри государственного сектора осуществляется в силу разделения труда как плановый обмен (по сути, это непосредственное распределение), т.е. имеет не рыночный, не обусловленный соотношением спроса и предложения характер. Но, с другой стороны, этот плановый обмен производится с учётом произведённой стоимости, что осуществляется в товарно-денежной форме и учётом соотношения спроса-предложения – а это уже рыночный принцип. Эти противоречивые условия есть условия императивные, диктуемые необходимостью возобновления воспроизводства и установления равновесия хозяйства, что невозможно без компенсации издержек производства и фиксирования *прибыли, соответствующей произведённому прибавочному продукту*, и что должно осуществляться по какому-то единому критерию, т.е. по стоимости. Противоречие между принципом плановости и принципом спроса-предложения разрешается монополистом-государством посредством *регулирования* цен таким обра-

зом, чтобы поддерживалось *равновесие* между производством и потреблением, спросом и предложением.

Анализ показал, что внутри социалистического государственного сектора одновременно сосуществуют два антагонистичных типа хозяйства: нерыночное социалистическое плановое производство и распределение, и рыночный (по стоимости) товарно-денежный обмен и ценообразование. Но это не товарно-денежный обмен капиталистического типа, целью которого является максимизация прибыли, а товарообмен, в котором деньги являются своеобразной формой учёта производственных затрат, без чего (учёта) невозможно соблюдение равновесия экономики. Целью собственно производства является производство продукта в материальной форме (потребительной стоимости), приоритет отдаётся *прибавочному продукту*, а не прибавочной стоимости, прибыли. Тем самым *товарно-социалистическое хозяйство образует особенную товарно-денежную форму экономики переходного типа.*

Как видим, *при наличии государственной власти, действующей в интересах всего общества (это критически важно), государственная собственность на средства производства и плановый характер установления равновесия хозяйства с учётом фактора стоимости и регулируемого ценообразования, ориентирующегося на соотношение спроса-предложения, представляют форму товарно-социалистического хозяйства переходного типа*.

Предел этой формы достигается при: 1. снятии («исчезании») отношений собственности как таковых; 2. демократизации общества, приближении к полному общественному *самоуправлению*; 3. установлении *полной* плановости хозяйства; 4. переходе от товарно-денежного обмена к *прямому обмену* между предприятиями, что предполагает и другую форму учёта издержек производства, например, затраченным временем на производство продукции; 5. увеличении производительности и, как следствие 6. переходе от распределения «по труду» (в сфере индивидуального потребления) к распределению *по потребностям*; 7. формировании *нового человека*, соответствующего новым общественным отношениям.

***

Подведём итоги.

Итак, наличие *товарно-стоимостных* отношений при социализме детерминируется:

- разделением труда и потому относительной обособленностью отраслей и предприятий;
- как следствие, необходимостью обмена между ними;
- необходимостью поддержания равновесия между потребностями и возможностями, или, что то же, между производством и потреблением, спросом и предложением;[1]

[1] В свете *диалектики необходимости и случайности* два типа хозяйства предстают в следующем виде: *плановое* хозяйство устанавливает равновесие общего (экономики) посредством *необходимости* (плана), *рыночное* хозяйство устанавливает равновесие общего посредством *случайности* (игры спроса-предложения).

- а потому необходимостью эквивалентного возмещения затрат с целью возобновления воспроизводства, что предполагает необходимость учёта издержек производства и, следовательно, обмен и ценообразование с учётом стоимости;

- необходимостью возмещения по стоимости рабочей силы;

- недостатком ресурсов в сфере потребления (как производственного, так и индивидуального).

Как видим, наличие разных форм собственности (государственная, коллективная, частная и т.д.) не является главной причиной сохранения товарно-стоимостных отношений в переходном периоде, это сопутствующий фактор. Даже при наличии исключительно государственной формы собственности товарно-стоимостные отношения сохраняются на весь переходный период.

Социалистический способ производства переходного периода имеет *особенные* формы:

- *в политической сфере* – власть действует от имени и в интересах всего общества (это императивное условие);

- *в социальной сфере* – осуществляется подготовка к ликвидации отношений собственности посредством постепенной полной демократизации институтов государственного управления и доведения этого процесса до возможности снятия государства и перехода к полному общественному самоуправлению;

- *в экономической сфере*:

  - сохраняются товарно-стоимостные отношения в *особенной форме товарно-социалистического способа производства*, при котором:

  - закон стоимости действует в *относительной чистоте* на основе точного учёта затрат;

  - ценообразование осуществляется по *стоимости*, но *регулируется* государством с учётом спроса-предложения;

  - производство, распределение и обмен осуществляются в *плановом* порядке (разумеется, преимущественно в плановом секторе).[1]

Сделаем обобщающее заключение.

Целью социалистического этапа действительного коммунистического движения является *создание предпосылок для возможности последующего освобождения человека от всех форм отчуждения* и, прежде всего, от отчуждения его сущности как свободно действующей личности.

Сущностью переходного периода (от капиталистических к коммуни-

---

[1] Однако, следует иметь ввиду, что вследствие отсутствия внешнего давления (конкуренции) на производство в государственном секторе ослаблены стимулы:

- по снижению себестоимости;
- по повышению производительности труда;
- по повышению качества продукции;
- по внедрению инновационных продуктов;
- по созданию технически новых производств.

Эти негативные факторы должны быть преодолены социальными и экономическими методами, говорить о которых здесь не место.

стическим общественным отношениям) является *подготовка к полному снятию капиталистических экономических и иных общественных отношений* путём развития их в новых, социалистических формах.

Экономическое содержание переходного периода заключается в *развитии и доведении до своего предела товарно-стоимостных отношений* с целью их последующего снятия в бестоварных и безденежных отношениях.

Социально-политическое содержание переходного периода состоит в неуклонном развитии общественных институтов и постепенном *переходе от государственной формы управления к общественной форме самоуправления* и *формировании человека*, соответствующего новым общественным отношениям.

Т.о. товарно-социалистический способ производства жизнедеятельности есть *последний экономический*, т.е. товарно-стоимостный (товарно-денежный) способ производства, который подготавливает полное снятие («исчезание») отношений собственности и товарно-стоимостных отношений путём их развития в *социалистических* формах и доведения до своего предела – экономизм подводится к завершению экономическими же методами, действующими в новых формах.[1]

Можно сказать, вопреки тому, что ранее мы согласились с Л.Н. Юровским в том, что в товарно-социалистическом способе производства товарно-стоимостные отношения не преодолеваются, а развиваются в новых, социалистических формах, что они всё-таки, в конце концов, *преодолеваются, но особенным образом* – путём доведения их до завершения, до предела, за которым неизбежно их снятие, преодоление. А потому товарно-социалистический способ производства есть принципиально новый вид жизнедеятельности – не только *направляемый* к определённой цели, но и *управляемый*, проводимый по определённому плану и поэтапно.

***

В советское время взгляды Л.Н. Юровского в той или иной мере разделялись и поддерживались многими учёными, работавшими над политэкономическими проблемами, хотя, что удивительно, и без упоминания его имени. Весьма интересны, например, дискуссии, развернувшиеся в ходе научного совещания по вопросу о законе стоимости и его использовании в народном хозяйстве СССР, проведённого в мае 1957 г. Институтом экономики АН СССР.[2]

Однако, что характерно, несмотря на то, что большинство выступавших соглашались с тем, что товарно-стоимостные отношения сохраняют-

---

[1] «…Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые, более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества». (*Маркс К., Энгельс Ф.* 2-е изд. Соч. Т. 13. С. 7).

[2] Закон стоимости и его использование в народном хозяйстве СССР. Под ред. Я.А. Кронрода. – М., 1959.

ся на социалистическом этапе движения, никто из них не поставил вопроса о необходимости выделения этого этапа как *особенного* этапа действительного коммунистического движения, в котором указанные отношения должны быть *сознательно доведены до естественного предела* и, соответственно, последующего преодоления. Не ставился так вопрос и впоследствии – дело ограничивалось только констатацией наличия товарно-стоимостных отношений и необходимости их использования, но не более того.

Можно, впрочем, указать на одно исключение (речь идёт о материалах совещания). Так, Я.А. Кронрод полагал, что поскольку «товарное производство *имманентно* (выделено нами. – А.П.) социалистическим производственным отношениям»[1], то «о нём и следует говорить не просто как об исторически особенном типе товарного производства, но и как товарном производстве *особого рода*».[2]

Однако, особенность товарно-социалистического производства, по Кронроду, состояла только в том, что «оно базируется на общественной социалистической собственности» [3], а не в том, что этот этап общественного развития есть этап использования капиталистических методов в социалистических формах с целью доведения товарно-стоимостных отношений до их естественного предела. Да и пресловутая товарная «имманентность», которую увидел Кронрод, социалистическому этапу как раз не имманентна, а, напротив, есть отношение, унаследованное от капитализма и развиваемое на социалистическом этапе до предела и преодолеваемое именно таким образом.

Кстати, Кронрод также говорит и о возможности ликвидации товарных отношений – «поскольку в процессе социалистического воспроизводства складываются предпосылки для перехода от первой — низшей фазы коммунизма ко второй — высшей его фазе, постольку и товарное производство, как элемент социалистического воспроизводства, содействует этому процессу. Таким образом, функционируя и развиваясь в условиях социализма, товарное производство подготавливает условия для своей собственной ликвидации».[4] Но почему и каким образом товарное производство содействует социалистическому развитию, что за предпосылки создаются, как и из чего они возникают и, главное, каким образом и на каком основании товарное производство подготавливает условия своей ликвидации не сказано ни слова – вместо логического анализа голословное заявление, сделанное, скорее всего, из сугубо идеологических соображений.

К необходимости использования товарно-стоимостных отношений на социалистическом этапе движения склонялся даже такой противник капиталистических форм, как Э.В. Ильенков. В письмах к Ю.А. Жданову[5] он,

---

[1] Там же. С. 142.
[2] Там же. С. 148.
[3] Там же.
[4] Там же. С. 158.
[5] *Жданов Ю.А.* Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. – Ростов-на-Дону:

не углубляясь в анализ соотношения социалистических и рыночных отношений, писал: «…во всем этом движении (имеются ввиду дискуссии по поводу обобществления. Прим. наше. – А.П.) мало ясного теоретического понимания и слишком много фразы, много демагогии…

…Иного противовеса формализму, возомнившему себя раньше времени “реальностью”, кроме открытого признания прав товарно-денежных отношений, нет»; «…труд стал “всеобщим” лишь “отчасти”, лишь частью. В какой реальной мере и степени? Тут-то и весь вопрос. Эту меру и надо определить, чтобы не превышать, чтобы ни пытаться командовать тем, что этому командованию не поддаётся по сути дела, чтобы ясно очертить правомочия. А с тем, что лежит за пределами этой “меры” — играть честно, по строго установленным правилам, не меняя их к своей выгоде, как заблагорассудится.

…Вот в этих-то и этих-то пределах, чётко очерченных, “частичный труд” - полный хозяин… И в этих пределах, — то есть на рынке, — пусть господствуют законы рынка. Со всеми их минусами. Ибо без этих минусов не будет и плюсов».

Нет, Э.В. Ильенков не был сторонником капиталистических, рыночных методов, но он прекрасно видел, что волюнтаристским наскоком к бестоварному хозяйству непосредственно не перейти и прежде необходимо достичь «теоретического понимания» социалистической практики – только в их тождестве залог успеха.

***

С учётом вышеизложенного сравним два периода советской экономики – т.н. «сталинский» период и период реформ 1965-1969 гг.[1] Нас интересуют не конкретные цифры, а политэкономические факторы, фундаментальные основания, влияющие и на развитие производительных сил, и на формирование производственных отношений.

Все исследования касаются, главным образом, конкретных отраслей и содержат много цифровых данных, информационных самих по себе, но малопригодных для наших целей.[2] Тем не менее, на основании разрозненных и нередко компилятивных источников можно сделать обобщающие выводы.

Экономика сталинского периода – это экономика, нацеленная на производство продукта в *натуральной* форме, т.е. потребительной стоимости. И не просто на производство, а на постоянное увеличение *прибавочного*

Феникс, 2004. С. 390-391.

[1] Т.н. «косыгинских» реформ – по имени тогдашнего Председателя Совета министров СССР А.Н. Косыгина.

[2] Можно, пожалуй, назвать издание «Упущенный шанс или последний клапан? (к 50-летию косыгинских реформ 1965 г.). — Москва : КНОРУС, 2017». Но, написанная многими авторами, имеющими иногда значительно различающиеся взгляды на содержание и результаты реформы 1965-1969 гг., она несёт на себе печать внутренних противоречий и нестыковок выводов. Последнее положительно как показатель разных научных подходов для объяснения сложных неоднозначных экономических процессов, но, по этой же причине, не позволяет принять выводы за истину в последней инстанции.

продукта. В экономике этого типа прибыль рассматривалась как дополнительный фактор роста производства, а не в качестве главного показателя экономической деятельности. Увеличение производства прибавочного продукта происходило, главным образом, за счёт снижения себестоимости продукции и роста производительности труда – именно за счёт этих факторов осуществлялось материальное стимулирование.[1] Постоянно усиливалось значение и другого, уже сугубо *социалистического* принципа – рост *личного* потребления за счёт *общественных фондов* потребления.

Самое интересное, что при почти полном отсутствии на начальном этапе социалистических преобразований теоретических политэкономических обоснований[2], и даже вопреки отвлечённым идеологическим установкам, собственно *экономические, товарно-денежные методы ведения хозяйства* под давлением эмпирии применялись весьма широко и довольно успешно.[3] Однако, следует отметить следующее – несмотря на то, что некоторые учёные-политэкономы заявляли, что социалистическое хозяйство характеризуется *органическим* сочетанием планомерности и товарно-денежных отношений, ничего органического в этом сожительстве не было, а было вызванное совершенно *объективными* условиями развития социалистической экономики, наследовавшей некоторые капиталистиче-

---

1 Экономика сталинского периода характеризовалась следующими подходами (*Катасонов В.Ю.* Экономика Сталина. — М.: Институт русской цивилизации, 2014): « - ориентация в первую очередь на натуральные (физические) показатели (стоимостные играют вспомогательную роль); - ограниченный характер товарно-денежных отношений» (С. 26); «прибыль была не самым главным показателем. Главным критерием эффективности было не увеличение денежной прибыли, а снижение себестоимости продукции» (С. 28); «из стоимостных показателей плана и отчетности на первом месте находился показатель снижения себестоимости (издержек производства). В сталинскую экономику был заложен противозатратный механизм» (С. 347).

2 За исключением недолгого периода конца 20-х годов прошлого века с весьма противоречивыми, но активными и плодотворными дискуссиями в печати и на конференциях (*Маневич В.Е.* Экономические дискуссии 20-х годов. – М.: Экономика, 1989). Далее последовала обширная лакуна, в которой едва ли не единственное исключение представляет весьма неоднородная и во многом ошибочная работа И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Была, впрочем, и попытка ренессанса политэкономических исследований в конце 40-х, начале 50-х годов прошлого века в форме составления проекта программы ВКП(б) и дискуссий по макету учебника политической экономии, не получивших отражения в публичной печати и не воплощённых в экономической практике (Сталинское экономическое наследство: планы и дискуссии. 1947-1953 гг. Документы и материалы. - М.: Политическая энциклопедия, 2017).

3 Мы уже упоминали книгу Дьяченко В.П. «История финансов СССР (1917-1950 гг.)». Так, едва ли не самым употребительным термином в ней является «хозрасчёт». Весьма показательно и следующее утверждение: «важная роль принадлежала таким экономическим рычагам, как деньги, цена, хозрасчет, прибыль, премия, кредит, финансы» (С. 423). Причём всем перечисленным экономическим инструментам в книге уделено большое внимание как инструментам, способствовавшим всестороннему развитию социалистической экономики.

ские формы, *антагонистическое* противоречивое сочетание плана и отношений спроса-предложения, регулирования и рынка, общественного и частного интересов – и эти отношения должны были быть доведены до предела и возможности их снятия.

Почему же послесталинское руководство решило изменить точку приложения основных усилий и от производства *натурального* продукта перейти к производству *стоимости* (прибыли)? Главная причина – определённое падение темпов роста производства. И заключалась она, главным образом, как на основании тщательных статистических исследований установил экономист Г.И. Ханин[1], в старении и выбытии основных фондов – этого ведущего производительного фактора. Разумеется, что в новых условиях необходимо было использовать также и новые экономические и социальные подходы, что и должно было стать предметом глубокого теоретического анализа и только затем практических действий.

Однако, вместо того, чтобы подвергнуть проблемы тщательному исследованию и понять причины, находящиеся в основании негативных процессов, партийно-государственное руководство пошло по пути наименьшего сопротивления – на основании поверхностных рассуждений некоторых экономистов[2], даже близко не подошедших к анализу *сущности* социалистического типа хозяйства как *особенного* исторического типа, было принято решение о переходе к показателям экономической деятельности, в основе которых находилась прибыль, сиречь стоимость. При этом инициаторы реформы пытались усидеть на двух стульях – частично сохранялись, хотя и в сильно урезанном виде, прежние натуральные показатели и параллельно им вводились новые, стоимостные, не всегда стыковавшиеся со старыми, что создало ряд так и не решённых проблем.

Как следствие, «реформа 1965-1969 гг. превратила уже социалистические предприятия в обособленных товаропроизводителей, ориентированных на прибыль (главный плановый показатель), а не на внесение своего вклада в создание единого народнохозяйственного результата»[3]; «указанная реформа окончательно сделала разворот в сторону стоимостных показателей»[4]; «от общественных форм распределения дохода (общественные фонды потребления, снижение цен в розничной торговле) начался переход к частно-групповым формам»[5]; «при социализме единственным принципом распределения является *распределение по труду*. А в реальной жизни получалось *распределение по прибыли*. А эти два принципа не

[1] *Ханин Г.И.* Экономическая история России в новейшее время. – Новосибирск, 2008; *Ханин Г.И.* Динамика экономического развития СССР. – Новосибирск, 1991; *Ханин Г.И.* Советское экономическое чудо 40-50-х годов: миф или реальность? (http://khanin.socionet.ru/DOCS/CHUDO.doc); *Ханин Г.И.* 50-е годы - десятилетие триумфа советской экономики. (http://khanin.socionet.ru/DOCS/KONF.doc) и другие работы.

[2] Наибольшую известность получила статья Е.Г. Либермана «План, прибыль, премия» (Правда, 9.09.1962).

[3] *Катасонов В.Ю.* Экономика Сталина. С. 39.

[4] Там же. С. 102.

[5] Там же. С. 103.

только не совпадали, но порой взаимно исключали друг друга».[1]

В итоге «сложившийся хозяйственный механизм… соединил все худшие стороны и командной, и рыночной экономики»[2], и посему «мнимые успехи экономической реформы 1965 г. являются либо статистической иллюзией (…расчёты говорят о падении темпов основных экономических показателей в этот период), либо связаны с благоприятным стечением обстоятельств, например, погоды в сельском хозяйстве».[3]

Обобщим вышесказанное.

В экономике сталинского периода интересы общего (общества в целом) ставились выше интересов частного (отдельных групп и слоёв общества, отраслей, коллективов и т.п.), но не за счёт подавления последних, а путём планирования и регулирования их соотношения. Целью сталинской экономики был человек (пусть даже понимаемый абстрактно, как «винтик») и потому сущность сталинской экономики состояла в производстве продукта (прежде всего, прибавочного продукта) в материальной, натуральной форме, а не стоимости и прибыли как фиктивных продуктов (мы не упоминаем сферу идеального, культуры, как тему, стоящую в стороне от нашего исследования). *Прибавочный продукт есть основание, причина, следствием которой выступает прибавочная стоимость* – именно он первичен и именно на него было нацелено материальное производство. Основными механизмами социалистической экономики были планирование и регулирование, пусть даже несовершенные. Рост личного потребления осуществлялся в значительной мере за счёт общественных фондов (жильё, образование, медицина, культура, спорт), что усиливало коллективистские тенденции в противовес атомизации общества. Другими словами, *общее как объединяющее начало*, было не просто идеологическим постулатом, а *постепенно обретало тенденцию реального доминирования над особенным и частным*. В обществе того времени сложнейшее переплетение, сочетание социалистических и капиталистических общественных отношений и экономических элементов было настолько тесным, что немудрено, что это с трудом осознавалось научным сообществом и так и не нашло соответствующего теоретического осмысления и обоснования.

Переход в период косыгинских реформ от материальных, натуральных показателей к стоимостным (прибыль) означал не просто изменение показателей экономической деятельности, а был *изменением сущности* общественного (пока ещё) производства. Это был переход от социалистически ведущегося производства к производству преимущественно капиталистическому, поскольку *замена в качестве цели производства прибавочного продукта прибылью* и означает постепенный, но *неуклонный переход от социалистического хозяйства к капиталистическому. Следствие было поставлено впереди причины.*

---

[1] Там же. С. 107.

[2] *Ханин Г.И.* Экономическая история России в новейшее время. В 2 т. – Новосибирск, 2008. – Т. 1. С. 314.

[3] *Ханин Г.И.* Советское экономическое чудо 40-50-х годов: миф или реальность? (http://khanin.socionet.ru/DOCS/CHUDO.doc).

Вместо поиска путей и методов движения экономики в *диалектическом* противоречии план-рынок в направлении его развития и последующего снятия, была сделана попытка, половинчатая и непоследовательная, сменить былое принижение одной стороны противоречия (рынка, прибыли) на пренебрежение другой (плана, продукта).

По сути, это была борьба капитализма с социализмом. Косыгинская реформа, вводя *принципиальное сущностное* различие (вместо прибавочного *продукта* – прибавочную *стоимость*), в любом случае должна была привести в тупик именно социалистическую – плановую, направляемую, регулируемую, гуманную – экономику. Паллиатив в виде попытки совместить несовместимое – сохранить часть прежних социалистических методов в исключающих их условиях капиталистических приоритетов – только усугубил положение. После 1991 года разрушение социалистических принципов жизнедеятельности привело к неизбежной деградации сложной системы социалистического образа жизни – как государственных и общественных институтов (даже при всём несовершенстве последних), так и экономики. Современное общество и нынешняя экономика – эти два разбитых корыта – есть закономерное следствие сначала бездумных, а, впоследствии и преступных действий класса управления, с одной стороны, и, с другой стороны, бездействия народа. Восстанавливать утраченное будет много труднее, чем после Октября 1917 года – накопленный опыт высветил всю глубину и сложность стоящих задач. Но возрождать необходимо – и эта необходимость есть *императивное требование логики общественного развития*, её (логики) имманентность и интенциональность!

22.3. О возможности действительного коммунистического движения в отдельной стране

Нельзя обойти молчанием и такой вопрос, как возможность построения социализма и коммунизма в стране, находящейся в капиталистическом окружении.[1]

Ранее, рассматривая вопрос о взаимодействии внутренних и внешних противоречий мы выяснили, что противоречие между разными субстанциями (а каждое самостоятельное общество субстанционально) есть внешнее противоречие, оказывающее деформирующее влияние на развитие и разрешение внутренних движущих противоречий. Следствием этого вывода является то, что принципиальных возражений против возможности строительства социалистических общественных отношений в стране, находящейся в капиталистическом окружении, не существует, поскольку

[1] Эта проблема в существующей литературе формулируется как вопрос о возможности построения социализма в отдельной стране, что принципиально неверно. Социализм *не состояние,* а *период* общего коммунистического *движения,* – этап этого движения как постоянное снятие существующих и возникновение новых внутренних противоречий, – и потому социализм не может быть построен раз и навсегда, он должен рассматриваться только как постоянно изменяющееся общество. Именно в таком контексте идёт речь о социализме в данной главе.

развитие общества осуществляется в соответствии с *внутренними* движущими противоречиями.

В отношении рассматриваемой возможности это означает, что для организации противодействия внешнему давлению государственные формы управления обществом будут сохранять свою необходимость в течение всего периода существования капиталистического окружения (и даже шире – пока существуют другие государства, независимо от их общественной формы). Как следствие, значительная часть материальных ресурсов общества будет направляться на обеспечение его безопасности, плюс к этому формы общественного самоуправления вынуждены будут приспосабливаться к такой ситуации, т.е. развиваться с определённой задержкой, неполнотой и, скорее всего, в формах, не всегда адекватных «чистому» социализму. Тем не менее, внешнее противодействие не является препятствием для совершенствования социалистических общественных отношений. Даже в этих обстоятельствах искусственно тормозить и, тем более, останавливать их развитие будет смерти подобно, что было убедительно доказано судьбой советского проекта. Либо неуклонное, пусть и медленное, непостоянное, извилистое движение вперёд, либо остановка и неизбежная гибель социалистического способа жизнедеятельности.

Ещё одним выводом, естественно следующим из факта наличия внешних противоречий, является необходимость максимально возможного уменьшения их воздействия, что имеет следствием проведение политики определённой автаркии[1] в отношении капиталистического окружения (имеется ввиду «старый», западный капитализм) и одновременно предельную активность внешней политики, направленной на формирование зон влияния, а затем и блока дружественных государств, относящихся к периферии капитализма, и создание в них своим примером и действием условий для перехода к социалистическому пути развития.

Что касается возможности становления коммунистических общественных отношений в отдельной стране, то совершенно ясно, что при описанных условиях «отмирание» государства и переход к исключительно общественному самоуправлению невозможны. Но отсюда и ещё один вывод – необходимым условием *существования и развития* социалистического государства и общества является их высокая международная активность в создании условий перехода к социалистическим общественным отношениям в других странах, а именно – политика автаркии по отношению к странам капиталистического «центра» (с одновременным противодействием их агрессивности) и политика сближения и, в перспективе, интеграции по отношению к странам капиталистической периферии. Условия интеграции должны определяться, разумеется, социалистическими тен-

[1] Разумная автаркия в экономической и политической сферах позволит максимально уменьшить негативное влияние стран капиталистического «центра» на внутренние процессы в социалистическом государстве (другими словами, максимально ослабить деформирующее воздействие *внешних* противоречий на развитие и разрешение противоречий *внутренних*).

денциями, которые следует активно формировать во внешней социалистическому государству среде. При этом следует внимательно анализировать все тенденции внутреннего развития стран капиталистического центра (они непременно будут меняться по мере усиления социалистического государства) с тем, чтобы использовать их при проведении своей внешней политики.

В заключение особо подчеркнём, что, говоря о социализме и коммунизме, акцент следует делать не на противопоставлении их друг другу как неких резко отличных отдельных общественных форм, а на том, что это *тождественные этапы единого*, цельного движения, *коммунистического движения*. Здесь главное, *общее* – это их тождественность как единое движение к снятию отчуждения человека и его полному освобождению. Пресловутое же сущностное различие, как граница, их определяющая и т.о. ставящая во взаимное отрицание – это *особенное*, причём именно то особенное, посредством которого они детерминируются общим.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведём итог, во-первых, исследованию, проведённому в теоретической части данной работы в отношении диалектичности развития как 1. объективной реальности, понимаемой как субстанциональное тождество материальной и идеальной сторон действительности, так и 2. мышления, представляющего отражение реальности в идеальной форме, а также, во-вторых, анализу некоторых проблем политэкономии и общественного развития, проделанному во второй части работы с применением выводов, полученных в теоретической части.

Принцип субстанционального монизма, выдвинутый Спинозой и интерпретированный с точки зрения диалектики Гегеля, позволил увидеть бытие, понимаемое в самом широком смысле, как саморазвитие субстанции, представляющей собой тождество материальной и идеальной её сторон, которые представляют собой стороны (моменты) *внутреннего* движущего противоречия. (Тождественность понимается в трактовке Гегеля и Ильенкова утверждающей, что тождество в диалектике это всегда тождество различного, тождество противоположностей). Субстанция при этом понимается не как нечто третье по отношению к материальному и идеальному моментам, а есть они сами в неразрывном единстве – нет материального без идеального и наоборот.

Такая трактовка субстанции позволила увидеть всё многообразие мира как движение бесчисленных субстанциональных образований (сущностей), саморазвитие которых происходит за счёт возникновения, развития и разрешения *внутренних* движущих противоречий, сторонами которых являются тождественные материальный и идеальный моменты субстанции, при этом взаимодействие субстанций между собой предстаёт как *внешние* межсубстанциональные противоречия, которые оказывают на внутренние противоречия деформирующее действие.

Единство мира обеспечивается всеобщей связью вещей, которая представлена тождественностью принципа детерминации частей целым и принципа движения от частного к целому. В этой тождественности принцип детерминации частного целым имеет определяющее значение и всеобщее развитие замыкается в круг – наличное целое детерминирует развитие частного, частное необходимо приходит к целому.

Многообразие мира объясняется наличием бесчисленного количества саморазвивающихся субстанциональных объектов (сущностей) в мире, который как целое также субстанционален.

Объяснение субстанционального движения развитием внутреннего субстанционального противоречия между материальной и идеальной сторонами субстанции позволило увидеть формы субстанционального движения как разные формы взаимодействия материальной и идеальной сторон субстанции. Это взаимодействие может осуществляться как в непосредственной форме (материальное и идеальное нераздельны), так и в

опосредствованной форме (материальное и идеальное раздельны, тождественность сторон при этом не нарушается).

В таком диалектическом мире человек является результатом саморазвития предыдущих субстанциональных форм и его самосознание (и мышление) по своей сути необходимо диалектично как следствие субстанциональности самого человека и как таковое способно к саморазвитию.

Феномен отчуждения человека понят как диалектическое общественное отношение, имеющее не только негативную, отрицающую, но и положительную, утверждающую сторону – отчуждение как общественный феномен не только разобщает общество, но есть одновременно и необходимый момент создающий общество.

Применение полученных теоретических выводов к анализу некоторых проблем политэкономии и общественного развития с целью критериальной оценки потенциальных возможностей принципа субстанционального монизма позволило, с одной стороны, устранить некоторые существующие неясности и, с другой стороны, по-новому взглянуть на общественные процессы как процессы, определяемые субстанциональной сущностью общества.

В практической части работы в свете принципа субстанционального монизма логически выведено следующее:

- *общество предстаёт как субстанция*, материальная жизнь которой необходимо отражается (представлена) в её (общества) идеальном (общественном и индивидуальном сознании); они тождественны и идеальное (сознание) в их тожественном саморазвитии является активной стороной, влияющей на материальные факторы, которые, в свою очередь, отражаясь в сознании, изменяют т.о. идеальное (сознание);

- труд предстал не как исключительно живой труд, а как *совместная деятельность всех факторов производства* (из которого, кстати, живой труд постепенно вытесняется вплоть до полного его исчезновения), что дало возможность объяснить источник стоимости даже при полном отсутствии живого труда, а также уточнить сущность нормы прибыли и ренты;

- определена сущность капиталистического общественного отношения как отношения, высвобождающего производственную деятельность от ограничения её внутренними факторами самого производства, что имеет следствием чрезвычайное развитие производства; логически выведено, что *пределом развития капиталистического общественного отношения* является: 1. развитие *производственного* капитала на *собственной* основе, следствием чего становится возможность создания полностью автоматизированного производства и вытеснения из него человека как объекта производственного процесса (т.е. технологического дополнения к орудиям труда); 2. возникновение формы капитала, в которой капитал достигает своей истины – *финансового* капитала. Далее либо преодоление капиталистического отношения, либо деградация общества и человека как такового;

- сущность коммунистического общественного отношения определена как *императивность, необходимость (понимаемая как неизбежность)*

движения к полной ликвидации отчуждения человека от своей жизнедеятельности и, т.о. полного его освобождения (что полностью согласуется с выводом Маркса).

На основании изложенного можно уверенно утверждать, что гносеологические возможности внутренне диалектического метода субстанционального монизма, основанные на идеях Спинозы и диалектике Гегеля, позволяют выявить сущность процессов действительности и, прежде всего, сущность общественных процессов и перспективу их развития, что, в свою очередь, даёт исследователям прогностический инструментарий.

Главный же вывод состоит в том, что принцип субстанционального монизма, утверждающий субстанциональность человека как тождественность и противоречивость его материальной и идеальной сторон, позволяет увидеть человека не только как субстанциональную сущность, саморазвивающуюся вследствие своей имманентной противоречивости, но как такую самостоятельную форму субстанционального движения, которая для своего беспрепятственного движения в соответствии со своей сущностью императивно требует полного освобождения человека от всех форм ограничения его саморазвития (таких как формы отчуждения, эксплуатации, угнетения и любые другие подобные им).

В качестве обобщающего вывода, в концентрированном виде выражающего действие принципа субстанционального монизма как саморазвития посредством противоречивого тождества материальной и идеальной сторон субстанции, можно указать на следующий, совершенно ясно фиксируемый феномен.

Человек (и как общество, и как индивид) в своём диалектическом саморазвитии проходит ряд исторических форм, демонстрирующих, пусть и с рядом возвратных, регрессных форм, неравномерную, прерывистую, но *постоянную тенденцию к становлению единого человечества (глобализацию) и эмансипации человека*.

Глобализацию – как движение от родовых кланов к этническим сообществам, затем к нациям (государствам) и супернациям (объединениям государств) и, далее, к объединённому человечеству.

Эмансипацию – как неуклонное освобождение человека вначале от зависимости от природы а затем и постепенное освобождение от отчуждения человека от его сущности и как итог – становление полностью свободного человека во всех его общественных формах.

Этот исторический процесс очеловечивания человека может быть прерван искусственно, самим человеком, его самоуничтожением в ядерной войне, но если такой жребий не выпадет, то саморазвивающаяся субстанция «человек» преодолеет и нынешний исторический этап достигшего своего предела капитализма и необходимо перейдёт к очередному историческому периоду формирования свободного общества свободных личностей.

Но произойдёт это не само собой, а только в результате развития и разрешения внутреннего общественного противоречия как противоречия между материальным и идеальным, конкретизированного в форме противоречия между общественными возможностями и общественными по-

требностями – т.е. в результате *борьбы самого человека за своё полное освобождение и ликвидацию отчуждения от своей субстанциональной сущности*.

Принцип субстанционального монизма позволяет вести исследования и далее общих выводов, дифференцируя и конкретизируя их в соответствии с дифференциацией общества и деятельности человека. Науками, представляющими и исследующими *материальный* аспект жизнедеятельности общества, являются, в первую очередь, политэкономия и экономика (макро- и микроэкономика). Исследования *идеальной* стороны жизнедеятельности следует вести с учётом достижений антропологии, этнологии, социологии, культурологии, политологии, психологии (социальной и индивидуальной) с точки зрения влияния сторон жизнедеятельности общества, анализируемых указанными науками, на формирование общественного (в т.ч. группового и индивидуального) сознания и на развитие общественных отношений.

При этом принцип субстанционального монизма настоятельно диктует необходимость проведения не раздельных исследований по этим наукам, а осуществления синкретичного анализа в единстве материальной и идеальной сторон, т.е. во взаимодействии наук, исследующих материальный и идеальный аспекты жизнедеятельности общества и самого человека как субстанциональных сущностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большая Советская энциклопедия (электронный ресурс). Статья «Информация» // URL: www.bse.sci-lib.com/article056177.html?, 15.05.2020.
2. Босенко В.А. Всеобщая теория развития. – Киев, 2001.
3. Вяккерев Ф.Ф. Место и значение категории самодвижения в материалистической диалектике / Проблемы диалектики. Вып. 1. – Л., 1972.
4. Вяккерев Ф.Ф. Противоречие как источник развития / Материалистическая диалектика. – М.: Мысль, 1981.
5. Вяккерев Ф.Ф., Ляхова Л.Н., Кайдалов В.А. Развитие как самодвижение и саморазвитие // Материалистическая диалектика. – М.: Мысль, 1981.
6. Гегель Г. Наука логики. В 3 т. - М.: Мысль, 1970.
7. Гегель Г. Соч. В 14 т. – М.: Партиздат, 1932.
8. Гегель Г. Феноменология духа. - М.: Наука, 2000.
9. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. В 3 т. М.: Мысль, 1974.
10. Гильфердинг Р. Финансовый капитал. – М., 1924.
11. Грамши А. Тюремные тетради // Избранные произведения. В 3 т. – М.: Изд-во ИЛ, 1957.
12. Диалектика отрицания отрицания. – М.: Политиздат, 1983.
13. Диалектическое противоречие. – М.: Политиздат, 1979.
14. Дьяченко В.П. История финансов СССР (1917-1950 гг.). – М.: Наука, 1978.
15. Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2004.
16. Закон стоимости и его использование в народном хозяйстве СССР. Под ред. Я.А. Кронрода. – М., 1959.
17. Злотина М.Л. Диалектика. – Киев: ПАРАПАН, 2008.
18. Ильенков Э.В. Вопрос о тождестве мышления и бытия в домарксистской философии // Диалектика – теория познания. Историко-философские очерки. – М., 1964.
19. Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. – М.: РОССПЭН, 1997.
20. Ильенков Э.В. Драма советской философии. (Книга - диалог) // Ильенков Э.В. К докладу о Спинозе ("История диалектики"). – М., 1997.
21. Ильенков Э.В. Космология духа // Философия и культура. – М.: Политиздат, 1991.
22. Ильенков Э.В. Ленинская диалектика и метафизика позитивизма. – М.: Политиздат, 1980.

23. Ильенков Э.В. Проблема идеального // Логос, № 1. – М., 2009.
24. Ильенков Э.В. Субстанция // Философская Энциклопедия. В 5-х т. – М.: Изд-во БСЭ, 1960-1970.
25. Ильенков Э.В. Искусство и коммунистический идеал. Избранные статьи по философии и эстетике. – М.: Искусство, 1984.
26. Катасонов В.Ю. Экономика Сталина. – М.: Институт русской цивилизации, 2014.
27. Ленин В.И. ПСС. 5-е изд. – М.: Политиздат, 1967.
28. Либерман Е.Г. «План, прибыль, премия» (Правда, 9.09.1962).
29. Лифшиц М.А. Диалог с Эвальдом Ильенковым. (Проблема идеального). – М.: Прогресс-Традиция, 2003.
30. Лосев А.Ф. Античный космос и современная наука // Соч. В 9 т. Т. 1. – М., 1993.
31. Лосев А.Ф. Дерзание духа. – М.: Политиздат, 1989.
32. Лосев А.Ф. Типы отрицания // Диалектика отрицания отрицания. – М.: Политиздат, 1983.
33. Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А. Платон. Аристотель. – М.: Молодая гвардия, 2005.
34. Лукач Г. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. – М: Логос-Альтера, 2003.
35. Маневич В.Е. Экономические дискуссии 20-х годов. – М.: Экономика, 1989.
36. Маркс К., Энгельс Ф. 2-е изд. Соч. В 50 т. – М.: Госполитиздат, 1955.
37. Мегрелидзе К.Р. Основные проблемы социологии мышления. – Тбилиси: Мецниереба, 1973.
38. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. – М.: РОССПЭН, 1998.
39. Моисеев Н.Н. Универсум. Информация. Общество. – М.: Устойчивый мир, 2001.
40. Новая философская энциклопедия. В 4 т., – М.: Мысль, 2010.
41. Новейший философский словарь. – М., 2009.
42. Платон. Соч. В 4 т. – Изд-во С.-Пб. ун-та, 2006.
43. Плутарх. Избранные жизнеописания. – М.: Правда, 1987.
44. Преображенский Е.А. Новая экономика (теория и практика): 1922-1928 гг. - М.: Издательство Главархива Москвы, 2008.
45. Пригожин И.Р., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. – М.: Прогресс, 1986.
46. Примаков Е.М. Годы в большой политике. – М., 1999.
47. Розенталь М.М. Диалектика «Капитала» К. Маркса. – М.: Мысль, 1967.
48. Спиноза Б. Избранные произведения. В 2 т. - М., 1957.
49. Сраффа П. Производство товаров посредством товаров // URL: http://ek-lit.narod.ru/srafsod.htm, 15.05.2020.
50. Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. – М.: Госполитиздат, 1952.
51. Сталинское экономическое наследство: планы и дискуссии. 1947-1953 гг. Документы и материалы. - М.: Политическая энциклопедия, 2017.
52. Философская Энциклопедия. В 5 т. – М.: Изд-во БСЭ, 1960-1970.

53. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983.
54. Ханин Г.И. Советское экономическое чудо 40-50-х годов: миф или реальность? (http://khanin.socionet.ru/DOCS/CHUDO.doc, 15.05.2020).
55. Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время. В 2 т. – Новосибирск, 2008.
56. Шарапов С.Ф. Бумажный рубль (его теория и практика). – М.: Товарищество "Общественная польза", 1895.
57. Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем. 1872—1887. – С-Пб.: «Наука», 1999.
58. Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти (1917- 1927). – М.: Начала-Пресс, 1996.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 4

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРИНЦИПА СУБСТАНЦИОНАЛЬНОГО МОНИЗМА И НЕКОТОРЫЕ ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ

1. Диалектичность как саморазвитие 8
 1.1. О сути дела «Науки логики» 21
 1.2. Об отрицании 26
2. Объективная реальность как субъект саморазвития 29
3. Идеальное 38
4. Субстанция 48
 4.1. Логическое обобщение 52
 4.2. Субстанциональные формы движения 56
  4.2.1. Первая форма субстанционального движения. Материальное и идеальное нераздельны и непосредственны (неопосредствованны) 56
  4.2.2. Вторая форма субстанционального движения. Материальное и идеальное разделены и опосредствованы (начало) 59
5. Идеальное (продолжение) 59
6. Субстанция (продолжение) 60
 6.1. Вторая форма субстанционального движения. Материальное и идеальное разделены и опосредствованы (продолжение) 60
7. Отражение 63
8. Сознание, мышление 66
9. Идеальное (окончание) 78
10. Субстанция (окончание) 81
 10.1. Третья форма субстанционального движения 81
 10.2. Четвёртая форма субстанционального движения 83
11. Противоречия 85
 11.1. Формы противоречий – внутренние и внешние 85
 11.2. Противоречия субстанциональных форм движения 92
  11.2.1. Противоречие первой формы субстанционального движения 92
  11.2.2. Противоречие второй формы субстанционального движения 93
  11.2.3. Противоречие третьей формы субстанционального движения 95
  11.2.4. Противоречие четвёртой формы субстанционального движения 97
 11.3. О соотношении сторон противоречия 98

12.Краткие выводы 99
13.О некоторых диалектических категориях 102
13.1. Всеобщее, особенное, единичное 102
13.1.1. Абстрактное и конкретное, единичное и общее в реальности и в познании 107
13.2. Субстанция (дополнение) 110
13.2.1. О возможности существования субстанций без особого органа отражения-управления 111
13.3. Необходимость, закономерность, случайность, свобода 113
13.3.1. Необходимость 113
13.3.2. Закономерность 116
13.3.3. Случайность 117
13.3.4. Свобода 120
13.4. Телеологичность 124
13.5. Абсолютное и относительное 127
13.6. Конечное и бесконечное 132
13.7. Дискретность и непрерывность 134
13.8. Причина и действие 135
14.Субстанциональный монизм и принципы диалектики 138
14.1. Принципы диалектики 140
15.Человек, общество 142
15.1. Сущность человека 142
15.1.1. Взаимная императивность мышления и деятельности человека 145
15.2. Развитие человека как следствие его субстанциональности 147
15.3. Сущность и формы общественного генезиса 149
15.3.1. Объективная и субъективная стороны человеческого идеального 157
15.3.2. Императивность соответствия человека создаваемой им искусственной природе 158
15.4. Конкретизация движущего общественного противоречия 159
15.5. Государство как форма общества 162
15.5.1. Общество 162
15.5.2. Государство 163
15.5.3. Диалектика отношений государства и общества 166
16.Сознание, мышление (дополнение) 169
17.Феномены отчуждения, присвоения и овещнения 170
17.1. Отношения собственности как диалектика материального и идеального. Диалектика отчуждения и присвоения 183
18.Пространство, время, etc… 203
19.Информация 209

ПРИМЕНЕНИЕ ПРИНЦИПА СУБСТАНЦИОНАЛЬНОГО МОНИЗМА В АНАЛИЗЕ НЕКОТОРЫХ ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОБЛЕМ

20.О некоторых проблемных вопросах политэкономии 218

20.1. Стоимость 218
20.1.1. Факторы производственного процесса, влияющие на стоимость 230
20.2. Меновая стоимость, цена 235
20.3. Диалектика форм стоимости в обмене 251
20.4. Прибавочная стоимость 253
20.5. Прибыль, норма прибыли 261
20.6. Продукт труда и прибавочный продукт – субстанциональный взгляд 272
20.6.1. Прибавочный продукт 272
20.6.2. Источник и форма прибавочного продукта 274
20.6.3. Сущность прибавочного продукта 275
20.6.4. Общественные формы прибавочного продукта 277
20.6.5. Прибавочный продукт и прибавочная стоимость 279
20.6.6. Важная ремарка 281
20.7. Диалектика производства и потребления как фактор, детерминирующий общественные отношения 282
20.8. Некоторые замечания к марксовым схемам воспроизводства 286
20.9. Выводы из анализа продукта труда и прибавочного продукта 288
20.10. Продукт труда и прибавочный продукт в социалистическом обществе 293
20.10.1. Социализм и человек 295
20.11. Производительность труда и эффективность производства 298
20.12. Рента с точки зрения принципа субстанционального монизма 303
21. О некоторых вопросах общественного развития 322
21.1. Общественные отношения 324
21.2. Субстанциональный взгляд на соотношение базиса и надстройки 331
21.3. Общественное развитие как диалектика внутренних и внешних противоречий 333
21.3.1. Общественное сознание, его формы 337
21.3.2. Детерминированность форм сознания способом отражения действительности 339
21.3.3. Классы как парасубстанциональные сущности 341
21.3.4. Классы, классовое сознание, партия 346
21.3.5. Краткие выводы 355
21.3.6. Классовая структура общества 357
21.3.7. Политическая партия отчуждённого класса 367
21.3.8. Классовая борьба как внешнее межклассовое противоречие 371
21.3.9. Проблема классов при социализме 375
21.3.10. Община как особенная субстанциональная форма 378
21.4. Несколько замечаний о глобализации, сущности капитала и его пределе 384
21.4.1. О сущностной основе и диалектике капиталистического общественного отношения 386
21.4.2. Кризисы капитала 393

21.4.3. Предел капиталистического способа производства 398
21.4.4. Об императивной необходимости преодоления капиталистического общественного отношения 405
21.4.5. Итоговые выводы. 406
22.О сущности действительного социализма и коммунизма 409
22.1. Социализм, собственность, рынок 423
22.1.1. Обмен, рынок, собственность. 434
22.2. Об одной незамеченной идее 439
22.3. О возможности действительного коммунистического движения в отдельной стране 471
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 474
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 478
ОГЛАВЛЕНИЕ 481

Научное издание

Петров Александр Павлович

Субстанциональный монизм как диалектика материального и идеального и основополагающий принцип саморазвития реальности

Издание 2-е, уточнённое и дополненное

(Сайт: http://up-stream.moy.su
Эл. почта: pochta-123@mail.ru)

Издание выполнено в авторской редакции

Подписано в печать 11.11.20. Формат 70x90 1/16.
Усл. печ. л. 35,53. Тираж 20 экз.
Заказ № G01_1213_005

Издательство «ОнтоПринт»
105187, Москва, Окружной проезд, д.16
Тел.: (495) 665-28-54, сайт: https://ontoprint.ru

Отпечатано на полиграфической базе
ИП Мархотина П. Ю.
СПб, Лермонтовский пр., д.27

В своих основных положениях мировоззренческие аспекты диалектики в данном исследовании основываются на идеях, высказанных ещё древними греками. Но краеугольными камнями являются идея Спинозы о субстанциональном единстве (тождестве) бытия и мышления (материального и идеального) и идея Гегеля о субъектности субстанции, т.е. о её самодвижении посредством возникновения, развития и разрешения внутренних противоречий, являющихся причиной и механизмом саморазвития субстанции.

Следует особо подчеркнуть, что весьма значительную роль в понимании сущности идеального сыграла работа Э.В. Ильенкова «Проблема идеального». Саморазвивающаяся действительность рассматривается как субстанция, – саморазвивающаяся сущность, представляющая тождество материальной и идеальной её сторон, – движение которой осуществляется посредством возникновения, развития и разрешения внутренних противоречий. Логическим путём выявлена сущность идеального и характер противоречивого взаимодействия материального и идеального как сторон субстанции, тождество которых обосновывает принцип субстанционального монизма.